

DOI: 10.21202/2782-2923

Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя
Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Со главный редактор:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе
Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Заместители главного редактора:

Андошин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова,
куратор направления юридических наук (г. Казань, Россия)

Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного
университета имени В. Г. Тимирязова, куратор направления экономических наук (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития
Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Антонова И. И., доктор экономических наук, доцент, проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета
имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской
академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)

Бегишев И. Р., доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса
Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Вольчик В. В., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Голиченко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук
(г. Москва, Россия)

Головчин М. А., кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук
(г. Вологда, Россия)

Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (г. Оренбург, Россия)

Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук
(г. Москва, Россия)

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Кудрявцева О. В., доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Лазарев В. В., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института
законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации
(г. Москва, Россия)

Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных
исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Левин С. Н., доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Макарова О. А., доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права юридического факультета Санкт-Петербургского
государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Маликина М. Ю., доктор экономических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
(г. Нижний Новгород, Россия)

Петрянин А. В., доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ
(г. Нижний Новгород, Россия)

Подольный Н. А., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции (г. Казань, Россия)

Тарасенко Н. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина
(г. Москва, Россия)

Хисамова З. И., кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского
отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, президент
Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического
университета (г. Казань, Россия)

Щепельков В. Ф., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета
(г. Санкт-Петербург, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Апосталис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческого средиземноморского университета (г. Ираклион, Греция)

Шаббар Дж., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)

Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, научный консультант кафедры Белорусского
государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Кури Х., доктор философии в области психологии, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Мешко Г., доктор философии в области права, профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в Университете Марибора;
президент Европейского криминологического общества (ЕСО) (г. Марибор, Словения)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования
(г. Мадрид, Испания)

Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, член научно-консультативного совета при Конституционном Суде Республики Казахстан
(г. Астана, Республика Казахстан)

Фидрих Д., доктор экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Учредитель:

ЧОУ ВО «Казанский
инновационный
университет имени
В. Г. Тимирязова»

Издатель:

ООО «ТЦО «Таглитат»

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,
Факс: 292-61-59
E-mail: rusjel@ieml.ru
Сайт: rusjel.ru

Журнал включен
в Перечень ВАК
по специальностям:
5.2.1. Экономическая
теория;
5.2.3. Региональная
и отраслевая экономика;
5.1.4. Уголовно-правовые
науки

Индексируется в HeinOnline,
CyberLeninka, RePEc, DOAJ,
ProQuest

Подписка на журнал
по Объединенному
каталогу «Пресса России»
Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:
Г. Я. Дарчинова

Редактор:

Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:

С. А. Каримова

Дизайн обложки:

Г. И. Загреддинова

Дизайн логотипа:

В. А. Крайков

Переводчик:

канд. пед. наук,
член Гильдии
переводчиков
Республики Татарстан
Е. Н. Беляева

Аудиоконтент сайта:

ООО «Голос Науки»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер и дата принятия
решения о регистрации:

ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:

Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 36,25. Тираж 1000 экз. Подписано в печать 03.09.2024. Заказ № 80.

Дата выхода в свет 27.09.2024. Цена свободная.

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирязова», ООО «ТЦО «Таглитат», 2024.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»: 420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое. При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

DOI: 10.21202/2782-2923

Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

G. B. Kleyner, Dr. Sci. (Economics), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Co-Editor-in-Chief:

I. I. Bikeev, Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work (Kazan, Russia)

Deputies of the Editor-in-Chief:

S. A. Andryushin, Dr. Sci. (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

P. A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminology of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, supervisor of Law section (Kazan, Russia)

T. V. Kramin, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, supervisor of Economic section (Kazan, Russia)

Executive secretary:

R. A. Grigoryev, PhD (Economics), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

I. I. Antonova, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Vice Rector on innovative and project activity of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

V. M. Baranov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)

I. R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

V. V. Volchik, Dr. Sci. (Economics), Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Ya. I. Gilinskiy, Dr. Sci. (Law), Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint Petersburg, Russia)

O. G. Golichenko, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

M. A. Golovchin, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia)

T. V. Efimtseva, Dr. Sci. (Law), Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (Orenburg, Russia)

R. M. Kachalov, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

M. A. Korytcev, Dr. Sci. (Economics), Professor in Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

O. V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

V. V. Lazarev, Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Professor (Moscow, Russia)

Yu. V. Latov, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

S. N. Levin, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Economics of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

S. V. Lipen, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

O. A. Makarova, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Civil and Corporate Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

M. Yu. Malkina, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

A. V. Petryanin, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Nizhny Novgorod branch of Saint Petersburg Academy of Investigative Committee of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

N. A. Podolny, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminology of Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

O. A. Tarasenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

Z. I. Khisamova, Cand. Sci. (Economics), Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)

V. M. Shafirov, Dr. Sci. (Law), Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

D. A. Shestakov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

A. I. Shinkevich, Dr. Sci. (Economics), Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

V. F. Shchepelkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

A. Apostolakis, PhD (Economics), Assistant Hellenic Mediterranean University (Iraklion, Greece)

J. Shabbar, PhD (Economics), Professor of University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)

V. S. Kamenkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Scientific Consultant of the Department of Belorussian State University (Minsk, Belarus Republic)

H. Kury, Dr. Sci. (Psychology), Professor of Universität Freiburg (Freiburg, Germany)

G. Meško, Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)

A. Serrano-Maillo, Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology of Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

N. N. Turetskiy, Dr. Sci. (Law), Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Ja. Fidrmut, Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration number and date of decision on registration:
ПН № 077-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60x84/8. Printing sheets: 36,25. Circulation 1000 copies. Signed for printing 03.09.2024. Order № 80.

Date of publishing 27.09.2024. Free price.

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov", Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2024.

Printed at printing house "Vestfalika" LLC: 420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

The founder:

Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher:

Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd

Editors Office's address:

420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: rusjel@ieml.ru

Site: rusjel.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties:
Economic Theory;
Regional and Branch Economics;
Criminal-legal sciences

The Journal is indexed in HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal through the United Catalogue "Press of Russia"
Our index – 86303

Responsible for issue:

G. Ya. Darchinova

Editor:

G. A. Tarasova

Computer lead out:

S. A. Karimova

Cover design:

G. I. Zagretdinova

Logo design:

V. A. Kraikov

Translator:

Cand. Sci. (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

Website audio content:

"Golos Nauki" LLC

559

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Волкова М. Д., Круглова М. С.** От демографического дивиденда к устойчивому развитию КНР в условиях стареющего населения: взгляд китайских экспертов 559
- Вольчик В. В., Ширяев И. М.** Идеологические нарративы либерализма и социализма в экономической науке 577
- Насырова С. И.** Новый подход к исследованию уровня развития креатосферы человеко-ориентированной экономики в России 593

619

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Антонова И. И., Смирнов В. А., Ефимов М. Г.** Интеграция искусственного интеллекта в ERP-системы: достоинства, недостатки и перспективы 619
- Варламова Ю. А., Корнейченко Е. Н.** Искусственный интеллект в российских регионах 641
- Капогузов Е. А., Гордеев В. А., Пахалов А. М.** Субсидирование как инструмент обеспечения экономического суверенитета: количественный анализ 663
- Кириллова А. Д., Попов А. В.** Государственная политика России по содействию занятости молодежи в условиях вызовов современности 686
- Потапцева Е. В., Брянцева О. С., Преснякова Е. В.** От согласования к реализации: трансформация промышленной политики Союзного государства России и Беларуси 699
- Шмарков М. С., Шмаркова Л. И.** Оценка и сравнение туристского потенциала и общественных рейтингов регионов в задаче развития регионального рынка туристских услуг (на примере Орловской области) 729

759

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Сверчков В. В.** Малозначительность предусмотренного уголовным законом деяния: praxis legis, guae debet esse 759

559

ECONOMIC THEORY

- M. S. Kruglova, M. D. Volkova.** From a demographic dividend to sustainable development of PRC with ageing population: view of Chinese experts 559
- V. V. Volchik, I. M. Shiriaev.** Ideological narratives of liberalism and socialism in Economics 577
- S. I. Nasyrova.** New approach to researching the development level of the creatosphere in human-centered economy in Russia 593

619

REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

- I. I. Antonova, V. A. Smirnov, M. G. Efimov.** Integrating artificial intelligence into ERP systems: advantages, disadvantages and prospects 619
- J. A. Varlamova, E. N. Korneychenko.** Artificial intelligence in the Russian regions 641
- E. A. Kapoguzov, V. A. Gordeev, A. M. Pakhalov.** Subsidizing as a tool to ensure economic sovereignty: a quantitative analysis 663
- A. D. Kirillova, A. V. Popov.** State policy of Russia to promote youth employment under the modern challenges 686
- E. V. Potaptseva, O. S. Bryantseva, E. V. Presniakova.** From coordination to implementation: transformation of the industrial policy of the Union State of Russia and Belarus 699
- M. S. Shmarkov, L. I. Shmarkova.** Assessment and comparison of tourist potential and public ratings of regions for the regional tourist market development (by the example of Orel region) 729

759

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- V. V. Sverchkov.** Minority of a deed provided for by the criminal law: praxis legis, guae debet esse 759

770

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

Эпстейн Н. Неопределенная величина: участие пострадавшего и «черный ящик» при произвольном условно-досрочном освобождении..... 770

804

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТАТЬИ

Даниелян А. С. Юридическое образование и искусственный интеллект: векторы взаимодействия 804

Филипова И. А., Стешина О. М. Введение безусловного базового дохода как вероятное следствие интеллектуальной автоматизации сферы труда 824

842

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

844

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК

770

TRANSLATED ARTICLES

N. Epstein. An uncertain participant: victim input and the black box of discretionary parole release 770

804

INTERDISCIPLINARY ARTICLES

A. S. Danielyan. Legal education and artificial intelligence: vectors of interaction 804

I. A. Filipova, O. M. Steshina. Introduction of a guaranteed basic income as a probable consequence of intellectual automation of labor 824

842

INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

844

INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.559-576>

УДК 314:338.2(510)

JEL: J08, J11, J24

М. Д. Волкова¹,

М. С. Круглова²

¹ Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

² Институт экономики РАН, г. Москва, Россия

От демографического дивиденда к устойчивому развитию КНР в условиях стареющего населения: взгляд китайских экспертов

Волкова Марина Дмитриевна, независимый исследователь, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: marina.volkova.0606@mail.ru

Контактное лицо:

Круглова Мария Семеновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук

E-mail: kruglova_ms@inecon.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8731-7702>

Web of Science Researcher ID: T-8171-2017

Scopus ID 57207204902

eLIBRARY SPIN-код: 6126-0035

Аннотация

Цель: выявление основных тенденций изучения демографических проблем КНР китайскими исследователями, определение основных направлений разработок в рамках концепции демографического дивиденда с точки зрения их основных проблем и перспектив дальнейших корректировок в соответствии с постоянно меняющейся государственной демографической политикой и реализации целей устойчивого развития.

Методы: качественные методы (сравнительный анализ, обобщение) систематического обзора эмпирических исследований.

Результаты: выделены основные тенденции и направления современных китайских демографических исследований, одной из которых является изучение демографических процессов как важного фактора в разработке дальнейшей траектории устойчивого развития Китайской Народной Республики. Делается вывод о том, что китайские авторы часто говорят о старении населения как о конкурентном преимуществе Китая, объясняя это тем, что при грамотной экономико-демографической политике «серебряное поколение» станет активным участником экономико-производственной деятельности страны, внося заметный вклад в ВВП.

Научная новизна: в статье рассматриваются работы китайских исследователей, посвященные проблемам демографического дивиденда, с выявлением основных проблем и фокусов.

Практическая значимость: основные выводы статьи могут быть использованы в научно-педагогической деятельности при изучении экономической и демографической политики Китая. Результаты исследования также могут быть изучены при уточнении демографической политики в РФ.

Ключевые слова:

экономическая теория, демографический дивиденд, устойчивое развитие, Китай, старение населения, экономическая политика, «серебряная экономика», демографическая политика Китая

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Волкова, М. Д., Круглова, М. С. (2024). От демографического дивиденда к устойчивому развитию КНР в условиях стареющего населения: взгляд китайских экспертов. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 559–576. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.559-576>

Scientific article

M. S. Kruglova¹,

M. D. Volkova²

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

² Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

From a demographic dividend to sustainable development of PRC with ageing population: view of Chinese experts

Marina D. Volkova, independent researcher, Russian State University for the Humanities
E-mail: marina.volkova.0606@mail.ru

Contact:

Maria S. Kruglova, Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

E-mail: kruglova_ms@inecon.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8731-7702>

Web of Science Researcher ID: T-8171-2017

Scopus ID 57207204902

eLIBRARY SPIN-code: 6126-0035

Abstract

Objective: to identify the main trends in the studies of the PRC demographic problems by Chinese researchers; to determine the main directions of developments within the concept of demographic dividend in terms of their main problems and prospects for further adjustments in accordance with the ever-changing state demographic policy and the goals of sustainable development.

Methods: qualitative methods (comparative analysis, generalization) of a systematic review of empirical studies.

Results: the main trends and directions of modern Chinese demographic research are highlighted, one of which is the study of demographic processes as an important factor in the development of further trajectory of the PRC sustainable development. It is concluded that Chinese authors often write about the aging population as a competitive advantage of China. They explain that with a competent economic and demographic policy, the “silver generation” will become an active participant in the economic and production activities of the country, making a noticeable contribution to GDP. We also analyze alternative approaches to the concept of demographic dividend, in which the main factor of China’s economic growth is determined not as the quantity but as the quality of labor force.

Scientific novelty: the article systematizes the works by Chinese researchers in the context of the demographic dividend and identifies their main problems and focuses.

Practical significance: the main conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activities in the study of economic and demographic policy of China. The research results can also be studied to clarify the demographic policy of the Russian Federation.

Keywords:

economic theory, demographic dividend, sustainable development, China, population aging, economic policy, “silver economy”, China’s demographic policy

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kruglova, M. S., & Volkova, M. D. (2024). From a demographic dividend to sustainable development of PRC with ageing population: view of Chinese experts. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 559–576. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.559-576>

Введение

С 1970-х гг. в Китае проводилась политика контроля роста рождаемости «позже, реже и меньше», которая предполагала увеличение брачного возраста, установление временного интервала между родами. В результате принятых мер, как провозглашало правительство КНР, резко снизились общий прирост населения и рождаемость. Политика «одна семья – один ребенок» была гибкой и не имела четких границ, поэтому уровень рождаемости был разным в сельских и городских районах. Существовали организации, которые предоставляли однопутным семьям особые льготы: оплату обучения в школе, детском саду, премии и дополнительные отпуска родителям. Семьям из сел выделяли по участку. Таким образом, общественные организации и органы управления создавали атмосферу одобрения однопутных семей и осуждения многодетных. В октябре 2015 г. 5-й пленум ЦК КПК 18-го созыва отменил политику «одна семья – один ребенок». Всем семьям разрешили иметь до двух детей. Данное решение принято с целью решить проблему демографического старения, которая возникла в связи с ограничением рождаемости и экономическим ростом Китая, люди стали предпочитать иметь меньше детей, при этом обеспечивая им лучшие условия жизни и образование. Помимо обеспечения ребенка, люди содержат еще и своих родителей, достигших пенсионного возраста, оказываясь при этом зажатые обязательствами с двух сторон. Итоги первых лет после отмены ограничений не оправдали ожидания правительства, хотя темпы роста воспроизводства населения выросли. В 2021 г. политика снова была скорректирована, и теперь гражданам Китая разрешается иметь до трех детей в одной семье. К 2025 г. правительство намерено создать полноценную систему социальной политики по стимулированию рождаемости.

В 2022 г. численность населения Китая начала уменьшаться впервые с 1960-х гг. Количество жителей Китая трудоспособного возраста сокращается вот уже почти десятилетие. Растет беспокойство тем, что страна «состарилась, прежде чем разбогатела».

Демографический фактор играет одну из важнейших ролей в развитии экономики. Демографические факторы, такие как рождаемость, смертность, миграция и возрастная структура населения, оказывают значительное влияние на экономику и социальную сферу. Например, рост численности населения может привести к увеличению потребительского спроса и развитию рынка, но в то же время повлечь за собой рост безработицы и проблемы с жилищным и транспортным строительством. При этом в КНР потребительское доверие низкое, а безработица среди молодежи высокая. Вдобавок Китай сообщил о рекордно низком уровне рождаемости в 2023 г., поскольку его население сокращается второй год подряд. Эта тенденция ознаменовала углубление демографической проблемы, которая в будущем будет иметь серьезные последствия для Китая.

Национальное бюро статистики Китая (далее – НБС) опубликовало данные, где указывается, что в стране зарегистрировано 6,39 рождения на 1000 человек по сравнению с 6,77 годом ранее. Уровень рождаемости является самым низким с момента основания КНР в 1949 г.¹ В 2023 г. родилось около 9,02 млн детей по сравнению с 9,56 млн в 2022 г. Общая численность населения сократилась в 2023 г. до 1,409 млрд, что на 2,08 млн человек меньше, чем в предыдущем году². Демографический сдвиг в стране происходит в то время, когда ее экономический рост замедляется. НБС подтвердило, что в 2023 г. экономика Китая выросла на 5,2 % по сравнению с целевым показателем правительства на уровне около 5 %.

Падение рождаемости совпадает с сокращением рабочей силы и быстрым старением населения: это двойная задача для правительства Китая, которое пытается финансировать здравоохранение и пенсии, одновременно стремясь поддерживать рост экономики, в которой работает все меньше людей трудоспособного возраста³.

При этом за последние четыре десятилетия население трудоспособного возраста Китая росло гораздо быстрее, чем число молодых и пожилых иждивенцев. Теоретически это увеличило вклад среднего гражданина в ВВП. Такое явление часто называют демографическим дивидендом страны⁴.

С конца XX в. демографический дивиденд всегда был ключевой темой исследований в экономике и демографии. С продвижением демографического перехода и трансформацией системы производства фактическое состояние населения и экономическая ситуация в Китае претерпели глубокие изменения. Между тем основные вопросы исследований демографического дивиденда Китая на современном этапе сводятся к следующему: определение первого демографического дивиденда, механизма второго демографического дивиденда и эффекта его замещения, определение роли других видов демографического дивиденда (Lu & Gu, 2023). В китайских академических кругах начались дискуссии о выборе необходимого вектора дальнейшей демографической политики и корректировки методологии изучения демографической ситуации в стране с целью выхода на путь устойчивого развития (Cai, 2004. Рр. 4–5).

Цель данной работы – выявление основных тенденций изучения демографических проблем КНР китайскими исследователями, определение основных направлений разработок в рамках концепции «демографического дивиденда» с точки зрения их основных проблем и перспектив дальнейших корректировок в соответствии с постоянно меняющейся государственной демографической политикой и реализации целей устойчивого развития.

В мировой экономической науке все чаще встречаются работы, в которых демография и качественное развитие населения КНР становятся основополагающими категориями для выбора траектории устойчивого развития экономики этой страны (Lu & Gu, 2023; Барсуков, 2019; Meng, 2023; Калабихина, Казбекова, 2022; Song et al., 2007; Kuhn, 2016; Marinova, 2007; Баженова, 2010, 2018a, 2018b), однако мы остановимся в основном на работах китайских исследователей. Несомненно, китайская демографическая политика является предметом спора как среди представителей власти, так и среди китайских исследователей, которые также имеют влияние на принятие государственных решений.

Интерес к разностороннему исследованию китайской демографической ситуации среди российских исследователей довольно высок. Особенно объем исследователей увеличился после отмены политики «одна семья – один ребенок» в 2015 г. (Гулева, 2016; Куприянова, Янишевская, 2017; Селиверстова, 2020; Баженова, 2019; Бабаев, 2023; Мэн и др., 2023). Селиверстова исследует старение населения с позиции дефицита китайской пенсионной системы и нагрузки на систему здравоохранения (Селиверстова, 2020). Также, говоря о старении населения, Антипова и Чэнь показывают, что для Китая характерен устойчивый рост демографической нагрузки, обусловленной долей пожилых людей. Эта нагрузка за последние 20 лет возросла в два раза и наложит в будущем дополнительную нагрузку на китайскую молодежь (Антипова, Чэнь, 2023).

¹ Безусловно, резкое снижение в 2023 г. должно быть отчасти связано с пандемией, и, скорее всего, в 2024 г. число новых рождений восстановится, хотя структурный тренд на снижение остается неизменным.

² China's "demographic dividend" appears to be a myth (2023, September 19). The Economist. 2023. <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/09/19/chinas-demographic-dividend-appears-to-be-a-myth>

³ He, L., & McCarthy, S. (2024, January 17). China's population declines for second straight year as economy stumbles. CNN Business. <https://edition.cnn.com/2024/01/17/economy/china-population-gdp-decline-2023/index.html>

⁴ China's "demographic dividend" appears to be a myth (2023, September 19). The Economist. <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/09/19/chinas-demographic-dividend-appears-to-be-a-myth>

Ц. Чэнь также показывает, что процесс старения населения в КНР приносит второй демографический дивиденд. Однако, по его мнению, увеличение продолжительности жизни не является основным фактором формирования второго демографического дивиденда, а увеличение демографической нагрузки доли пожилого населения пока не оказывает существенного влияния на нормы и структуру сбережений жителей (Антипова, Чэнь, 2023. С. 382).

Мозиас и Мазерская, исследуя особенности демографического перехода в России и Китае, приходят к выводу о том, что на сегодняшний день в КНР на первом месте стоит уже не проблема избыточного населения, а возможный недостаток трудовых ресурсов и старение населения. Авторы пишут, что политика планового деторождения имела краткосрочный положительный эффект в том числе в вопросе увеличения демографического дивиденда, а также что на демографический переход в КНР повлияли особенности командно-административной системы государственного управления и социалистической индустриализации (Мозиас, Мазерская, 2023. С. 18).

Зарубежные авторы (кроме китайских) также касались проблемы китайского демографического дивиденда, однако интерес проявляют скорее исследователи тех стран, которые сталкиваются со схожими с КНР демографическими проблемами. Индийские ученые часто обращаются к проблеме демографического дивиденда⁵. Китайские молодые исследователи также уделяют внимание современным мерам по демографическому регулированию КНР, делая попытку оценить политику страны по стимулированию рождения троих детей, которая вводилась в период пандемийных ограничений (Ван, 2023. С. 39).

Результаты исследования

Устойчивое развитие и «серебряная экономика»

На появление и исчезновение демографического дивиденда влияет множество факторов. Можно предположить, что в условиях КНР на данный момент именно старение населения приводит к постепенному исчезновению дивиденда. Старение⁶ населения и структурные изменения являются одними из наиболее важных долгосрочных переменных, влияющих на социальную и экономическую деятельность человека, воздействуя на важные макроэкономические факторы, включая модели потребления, инвестиции и сбережения, долгосрочную инфляцию и инновационную деятельность. Китайские эксперты считают, что новая норма численности населения приведет к изменению экономики Китая; так считает Фан Цай, председатель академического комитета China Finance Forty Forum и главный эксперт национального аналитического центра Китайской академии социальных наук. С одной стороны, население трудоспособного возраста в Китае сокращается с 2011 г. С другой – доля населения старше 65 лет в 2021 г. превысила 14 %, достигнув отметки стареющего населения. Одновременное возникновение этих двух явлений показывает, что китайское население вошло в «новую нормальность». Фан Цай отметил, что первая «новая норма» экономики заключается в том, что страдает сторона предложения. Из-за увеличивающейся доли пенсионеров снижается спрос на некоторые группы товаров, а на некоторые (например, медикаменты), наоборот увеличивается, и в дальнейшем произойдет серьезная реструктуризация всего предложения. Потенциальные темпы роста и реальный рост замедляются. Старение населения создает новые ограничения со стороны спроса. После того как пожилое население составит 14 %, доля потребления в ВВП снизится. В то же время норма сбережений будет увеличиваться⁷.

Население трудоспособного возраста сокращается быстрее, чем в прошлом, а нехватка рабочей силы оказывает давление на предложение. Замедление развития человеческого капитала и ограниченность возможностей городов для поглощения сельской рабочей силы будут сдерживать потенциальные темпы роста. Движущей силой китайской экономики выступает потребление домохозяйств, и вклад потребления в рост ВВП превысил инвестиции и экспорт. В 2018 г. темпы роста ВВП Китая составили 6,6 %, из которых потреб-

⁵ Kumar, A. (2023, July 25). China's Declining Demographic Dividend. Indian Council of World Affairs. https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=1&ls_id=9788&lid=6265

⁶ 李若菡. 人口结构变化影响经济增长? 专家建议这样应对. 国际金融报网 [Ли Жохань. (2023, 24 сентября). Влияют ли демографические изменения на экономический рост? Эксперты рекомендуют такой подход. Международная сеть финансовых новостей]. <https://www.ifnews.com/news.html?aid=537378&cid=49>

⁷ Там же.

ление домохозяйств способствовало экономическому росту около 3 процентных пунктов. Фан Цай считает, что в настоящее время в Китае существуют три демографических фактора, которые сдерживают рост потребления жителей: во-первых, «эффект рубца» эпидемии. Доходы домохозяйств значительно замедлились по сравнению с прошлым, став прямым препятствием для восстановления экономики. Во-вторых, это эффекты дохода и распределения. Более медленный рост занятости приведет к более медленному росту доходов, чем в прошлом, что будет способствовать замедлению экономического роста. Кроме того, разрыв в доходах Китая по-прежнему велик: коэффициент Джини достигает 0,466. Неравенство доходов препятствует полному высвобождению потребительского спроса среди групп с низкими доходами. В-третьих, это «парадокс оплаты по мере использования» в условиях старения. В рамках нынешней распределительной системы социального обеспечения старение еще больше усилит мотивацию общества к осторожным сбережениям. Мало того, что пожилые люди снижают потребление из-за опасений за будущее, население трудоспособного возраста столкнется с тремя ограничениями. Во-первых, поскольку население трудоспособного возраста является вкладчиком в накопительную пенсионную систему, соответствующие расходы вытеснят часть потребления. Во-вторых, охват нынешней пенсионной системы по-прежнему ограничен. В-третьих, принимая во внимание изменения в коэффициенте иждивенцев, население трудоспособного возраста не может рассчитывать на то, что будущие молодые люди будут поддерживать их в старости, поэтому появится стимул для профилактической экономии⁸.

По итогам переписи 2020 г. население Китая составляет 1,411 млрд человек, что на 5,38 % больше результатов переписи 2010 г. Ежегодный темп прироста населения составил 0,53 %⁹.

За последние 10 лет в стране значительно увеличился уровень образования: по итогам переписи в Китае зарегистрировано 218,36 млн человек с высшим образованием. Уровень необразованности населения упал с 4,08 до 2,67 %¹⁰. Показатели рождаемости и смертности снизились, что привело к большой проблеме гендерного дисбаланса и старения населения.

Демографическое старение¹¹ является одним из ключевых факторов, влияющих на выработку стратегии устойчивого развития (Bloom et al., 2003. Р. 8). По результатам исследования канцелярии Всекитайского комитета по работе с пожилыми людьми Госсовета КНР, в 2000–2006 гг. численность пожилых людей старше 60 лет увеличилась на 23 млн человек. К концу 2008 г. она достигла 159 млн человек. В сравнении с другими группами населения численность пожилых людей растет в пять раз быстрее, что и представляет собой процесс постепенного старения нации. В 2012 г. число пожилых людей старше 60 лет составляло 193,9 млн человек, 14,3 % от общей численности населения. Стремительное старение населения и замедление темпов его прироста могут стать причиной дефицита дешевой рабочей силы в стране (Баженова, 2014). Численность трудоспособного населения Китая, классифицируемого как лица в возрасте от 16 до 59 лет, в 2023 г. сократилась на 10,75 млн человек, что усугубило продолжающееся сокращение. Тем временем численность населения старше 60 лет продолжала увеличиваться. Более одной пятой населения, или почти 297 млн человек, сейчас находятся в этой возрастной группе.

В связи с процессом старения нации может возникнуть множество проблем, например, очень остро стоит вопрос пенсионного обеспечения. Среди пожилых людей возраста 65 лет 24,5 % назвали пенсию главным источником средств. Согласно мнению китайских экспертов, в 2050 г. численность жителей Китая старше 65 лет может превысить 400 млн чел., в результате чего они составят почти треть населения страны¹². Из-за сокращения трудоспособного населения снижается производительность труда, замедляются темпы развития науки и технологий, что негативно влияет на темпы роста экономического развития Китая.

Эксперты в области демографии и экономики рассматривают различные подходы к решению проблемы старения населения. Они рекомендуют национальным департаментам и агентствам тщательно отслеживать

⁸ Подробнее о проблемах старения населения КНР см. (Mao et al., 2020; Hofman et al., 2021).

⁹ Main Data of the Seventh National Population Census News Release. Official website of China's National Bureau of Statistics. http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817185.html

¹⁰ Данные 2020 г.: 7-я Всекитайская перепись населения.

¹¹ Демографическое старение – это увеличение доли пожилых граждан относительно общей численности населения, когда количество граждан старше 60–65 лет преимущественно больше количества трудоспособного населения.

¹² Xiaoyan, Lei, & Chen, Bai. (2020, January 8). Meeting the challenge of China's changing population. East Asia Forum. <https://www.eastasiaforum.org/2020/01/08/meeting-the-challenge-of-chinas-changing-population/>

тенденции старения населения и, основываясь на полученных результатах, принимать соответствующие меры по противодействию этому процессу с учетом региональных особенностей. Эксперты обращают внимание на то, что изменения в структуре населения и недоступность услуг здравоохранения могут создать ряд проблем для системы социальной защиты пожилого населения Китая (Кызлаков, 2023. С. 307).

Государственный совет КНР недавно выпустил руководящие принципы по укреплению «серебряной экономики» в рамках нисходящих усилий по решению проблем ухода за растущим числом пожилых людей. Руководящие принципы призывают компании из разных секторов, включая здравоохранение и финансы, адаптировать услуги и продукты для пожилых людей. Призыв к развитию «серебряной экономики» последовал за протестами, прошедшими как минимум в четырех городах в 2023 г., когда тысячи пожилых людей вышли на улицы, протестуя против сокращения ежемесячных медицинских пособий¹⁵.

В августе НБС приостановило публикацию данных о безработице среди молодежи после того, как этот показатель достиг рекордного уровня около 21 % на фоне более широкого экономического спада. Власти сослались на то, что методы подсчета необходимо усовершенствовать. После проведенных пересчетов в декабре 2023 г. уровень безработицы среди молодежи в возрасте от 16 до 24 лет составил 14,9 %. В этот показатель не включены около 62 млн студентов, основной задачей которых является учеба, и, по мнению НБС, включать их в показатель безработицы не следует. НБС добавило новую категорию безработицы для людей в возрастной группе от 25 до 29 лет, уровень которой в декабре достиг 6,1 %.

Демографический дивиденд и как его видят китайские исследователи

Чтобы объяснить чудо экономического роста, достигнутое странами Восточной Азии во второй половине XX в., западные ученые впервые предложили концепцию демографического дивиденда (*Demographic Dividend*) с точки зрения взаимосвязи возрастной структуры населения и экономического роста и таким образом охарактеризовали благоприятные демографические условия, экономический вклад.

Демографический дивиденд характеризует последствия демографических изменений в стране, когда доля трудоспособного населения в общей численности значительно выше, чем доля нетрудоспособного (стариков, детей и др.). Подобное соотношение трудоспособного и нетрудоспособного населения создает благоприятную ситуацию для экономического роста страны. Существуют первый и второй дивиденды. Первым дивидендом принято называть явление, когда на первых стадиях демографического перехода замедляется темп роста воспроизводства населения, а рабочая сила и доходы на душу населения в свою очередь увеличиваются. Замедленный темп роста рождаемости приводит к уменьшению количества рабочей силы среди населения, а увеличение продолжительности жизни приводит к старению населения в целом.

С 1982 по 2000 г. демографическая ситуация в КНР была благоприятной, так как коэффициент поддержки (количество трудоспособного населения, приходящееся на одного пожилого человека пенсионного возраста) за данный период увеличился на 28 %, что оказало сильное положительное влияние на производственную отдачу одного работника.

Под вторым дивидендом принято понимать то, что происходит после первого дивиденда, его последствия, когда трудоспособное население, приближающееся к пенсионному возрасту, начинает накапливать активы и откладывать деньги, отчего растет общий национальный доход. Повышается производительность, ускоряется темп роста экономики, повышается уровень жизни граждан.

Воздействие возрастной структуры на благосостояние в Китае в течение жизненного цикла весьма заметно. В 1982 г. уровень материальной помощи работающего населения их детям резко сократился, а общее состояние в течение жизненного цикла более чем в девять раз превысило общий трудовой доход и стало отрицательным. По мере старения населения помощь детям сокращается и уступает место потокам помощи пожилым людям. Старение населения Китая должно привести к быстрому росту основного капитала. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что первый дивиденд приносит временную выгоду, а второй – преобразует эту выгоду в больший объем активов и ведет к устойчивому развитию.

В числе главных социальных факторов, способствующих расширению производства и экономическому росту, выделяют увеличение доходов и улучшение условий труда для рабочего населения (Ящук, 2016).

¹⁵ He, L., & McCarthy, S. (2024, January 17). China's population declines for second straight year as economy stumbles. CNN Business. <https://edition.cnn.com/2024/01/17/economy/china-population-gdp-decline-2023/index.html>

После того как парадигма исследования демографических дивидендов вошла в китайские академические круги, она постепенно стала ключевой темой в экономических и демографических исследованиях из-за ее сильной объяснительной силы быстрого экономического роста за период реформ и открытости. Однако с быстрым продвижением процесса демографического перехода в Китае в последние годы демографическая ситуация и экономические условия претерпели глубокие изменения.

По мнению Лу Цзехуа и Гу Юйчэня, обсуждение демографических дивидендов в китайских академических кругах в разной степени страдает от концептуального непонимания и злоупотреблений, в результате чего существующие в исследованиях определения и суждения о благоприятных демографических условиях являются относительными. Отобранные показатели, характеризующие возможности населения, в основном заимствованы из соответствующих западных исследований, и их достоверность и точность в китайском контексте еще не до конца проверена (Lu & Gu, 2023. Р. 1).

Кроме того, Лу Цзехуа и Гу Юйчэнь пишут, что демографический дивиденд – это, по сути, дополнительные факторы производства, получаемые в течение конкретного периода демографического перехода (Lu & Gu, 2023. Р. 4; Yang et al., 2017. Р. 83). Это окно возможностей ограничено во времени (Ross, 2004), и в итоге оно повернет в направлении, не способствующем экономическому росту. Тем не менее исследование локализации демографического дивиденда Китая имеет когнитивную тенденцию к тому, чтобы сделать эффект демографического дивиденда вечным. В значительной степени измерение дивидендов также приводит к тому, что масштабы демографического дивиденда постепенно отклоняются от первоначальной категории и определения «демографического перехода».

С точки зрения объектов исследования и теоретического построения китайские и западные академические исследования демографических дивидендов прошли четыре основных эволюционных этапа. Под влиянием ранней концепции демографического перехода начали появляться исследования конкретных демографических структурных условий и их экономических выгод.

В XX в. демографический дивиденд стал определяться как экономическая концепция. Процесс демографического перехода в позднеразвивающихся странах выдвинул изучение демографического дивиденда на расширенную стадию, и академическое сообщество стало обращать внимание на новые проявления демографического дивиденда при современном типе воспроизводства населения, включая эффект предупредительных сбережений и качество рабочей силы. На этом этапе исследовательский аспект демографического дивиденда расширяется и становится диверсифицированным и многоуровневым.

До XXI в. вокруг демографического дивиденда еще не сформировались четкая теоретическая концепция и поле исследований, но теория демографического перехода стала важным краеугольным камнем демографических исследований.

Теория демографического перехода во многом показывает внутреннюю связь между воспроизводством населения и социально-экономической модернизацией. Однако исследования демографического дивиденда на данном этапе все еще находятся в зачаточном состоянии. В академических кругах для описания изменений в структуре населения обычно используют термин «демографический переход», а его четкое определение еще не сформировалось.

В 1998 г. Дэвид Блум и Джеффри Уильямсон использовали термин «демографический дар» при изучении «азиатского экономического чуда». В том же году Фонд народонаселения Организации Объединенных Наций использовал термин «демографический бонус» в докладе «Состояние мирового населения» для обозначения определенного этапа возрастной структуры населения, где число людей трудоспособного возраста велико, их доля высока, а общий коэффициент социальной зависимости низок (Nafis, 1998. Р. 14). Заявлялось, что после стимулирования хорошей экономической и социальной политикой особые демографические условия могут стать важной движущей силой экономического роста, что в определенной степени уточняет концепцию демографического дивиденда. После 2002 г. академические круги начали использовать термин «демографический дивиденд» для обозначения демографического бонуса, и это продолжается по сей день (Bloom et al., 2003). Поскольку переходный этап народонаселения Китая отстает от Японии, Южной Кореи и других развитых стран Азии, внутренние исследования возрастной структуры населения и ее экономических выгод начались относительно поздно. В 2003 г. некоторые ученые охарактеризовали особый этап низкого общего коэффициента иждивенчества и высокого экономического вклада в процесс демографического перехода как «демографическое окно возможностей» (Yu, 2003. Рр. 11–16). В следующем году китайские исследователи

представили концепцию демографического дивиденда, впервые проанализировав производственные выгоды и экономический рост, обусловленные возрастной структурой населения (Cai, 2004. Р. 9; Wang et al., 2004. Р. 11).

Как экономическая концепция, основанная на демографии, демографический дивиденд охватывает возможности населения внести вклад в экономическое развитие. С экономической точки зрения, дивиденды представляют собой чистую прибыль после получения дохода за вычетом производственных затрат (Yang & Lu, 2021. Р. 58). Когда в стране или регионе высока доля населения продуктивного возраста, это означает, что она имеет обильные трудовые ресурсы и преимущество в стоимости рабочей силы, что в свою очередь способствует быстрому развитию трудоемких отраслей. В то же время общее бремя социальной поддержки является низким, а трудоспособное население может уделять больше энергии производственной деятельности, увеличивая общее предложение рабочей силы в обществе. При этом условии, даже если производительность труда останется неизменной, общий выпуск труда и предельная норма доходности капитала будут увеличиваться (Zhou, 2021), эффективно стимулируя краткосрочную динамику экономического роста. Однако когда академическое сообщество предложило концепцию демографического дивиденда, оно осознало, что благоприятные демографические условия не превратятся автоматически в реальные экономические дивиденды, а будут зависеть от полного соответствия экономической и социальной политики и ресурсов населения. Только когда работающее население будет полностью занято и будет эффективно участвовать в производственном процессе, оно может стать источником экономического роста. Таким образом, в дополнение к изучению возможностей населения экономическая политика, которая способствует участию рабочей силы и уровням занятости, также начала привлекать внимание китайских исследователей (Cai, 2004). Основными темами в этот период являются: гибкие рынки труда и системы, которые обеспечивают свободный поток рабочей силы (Wang et al., 2004. Р. 7), высокий уровень урбанизации и открытость внешнему миру (Mao & Peng, 2012. Р. 32), полное пенсионное и социальное обеспечение (Wang, 2008. Р. 34), позитивная инвестиционная среда и рынок капитала (Mason & Lee, 2006), политика планового планирования семьи (Chen, 2005).

Поскольку модель воспроизводства населения позднеразвивающихся стран вступает в стадию модернизации «низкий уровень рождаемости – низкий уровень смертности – низкий естественный прирост», постепенно началось старение населения, вызванное завершением демографического перехода. В 2006 г., столкнувшись с вялым темпом развития населения и экономического роста, некоторые ученые предложили «второй демографический дивиденд», основанный на теории жизненного цикла и начинающийся с потребительского и сберегательного поведения микроиндивидов (Mason & Lee, 2006; Lee & Mason, 2006. Р. 17).

Соответствующей теоретической основой является то, что в 1950-х гг. американские экономисты Франко Модильяни, Ричард Брумберг и Альберт Андо совместно выдвинули гипотезу жизненного цикла в теории функции потребления, которая полагает, что уровень потребления отдельных людей на каждом этапе зависит от общего объема потребления и дохода на протяжении всей жизни. Рациональные субъекты будут прогнозировать средний уровень дохода в течение жизни на основе текущего дохода, предполагать и планировать доходы на протяжении всего жизненного цикла. Оптимальное распределение внутреннего потребления, следовательно, индивидуальное поведение в области потребления и сбережений зависит от той стадии жизненного цикла, на которой находится рациональный субъект. Согласно этой теории, высокий коэффициент зависимости и увеличенная продолжительность жизни на поздней стадии демографического перехода изменили пенсионные ожидания людей, качество их пенсионной жизни и схему распределения доходов. Когда мотивация осторожничать превышает текущий потребительский спрос (Li & Luo, 2018. Р. 110), из-за необходимости подготовить достаточное количество имущества для людей пенсионного возраста возрастают мотивация сбережений и тенденция к ним (будущее потребление) (Yang et al., 2017), тем самым увеличивая общий уровень сбережений и предложение капитала общества, формируя второй демографический дивиденд, который в свою очередь способствует экономическому росту (Lee & Mason, 2006). Исследования доказали, что высокая норма сбережений в Китае во многом обусловлена индивидуальным рациональным выбором в условиях стареющей возрастной структуры населения (Yuan & Song, 2000. Р. 25).

Некоторые ученые полагают, что если второй демографический дивиденд определять только исходя из измерений страховых сбережений и сбережений всего жизненного цикла, то его вклад в экономический рост будет трудно сравнивать с первым демографическим дивидендом (дивидендом населения в традиционном смысле) (Zhan & Wang, 2020). Отдельные исследования начали уделять внимание производительному потенциалу населения трудоспособного возраста и показали, что качество населения играет важную роль во

втором демографическом дивиденде. Китайские ученые применяли экономическую концепцию «человеческого капитала» в исследованиях качества жизни населения. Позже эти результаты легли в основу демографических исследований, таким образом сформировав концепции «дивидендов качества населения» и «качественных демографических дивидендов» (Chen, 2015. P. 91; Li & Liang, 2016). Эти концепции вместе с эффектом предупредительных сбережений становятся проявлением второго демографического дивиденда. В отличие от первого демографического дивиденда, который подчеркивал естественные атрибуты рабочей силы, дивиденд качества населения фокусируется на социальных атрибутах рабочей силы, т. е. на качестве рабочей силы, сформированной после инвестиций в здравоохранение, образование и профессиональную подготовку.

Некоторые исследователи демографического дивиденда считают, что он зависит не от численности самого населения, а от численности рабочей силы. Согласно эмпирическим результатам, хотя увеличение численности рабочей силы приводит к экономическому росту, влияние численности населения на экономический рост в КНР было отрицательным. Исследователи показывают, что в развивающихся странах численность населения не обязательно приводит к экономическому росту. По их мнению, образование может увеличить демографический дивиденд, что является доказательством существования образовательного дивиденда. Повышение уровня образования может напрямую смягчить негативное влияние снижения доли населения трудоспособного возраста на экономический рост или косвенно смягчить негативное влияние снижения доли населения трудоспособного возраста на экономический рост через уровень экономической активности и уровень занятости на рынке труда (Zhou et al., 2023).

Здоровье, по мнению некоторых китайских исследователей, является основой для участия рабочей силы в экономической и социальной деятельности (Yu & Miao, 2019. P. 164), а повышение уровня образования может эффективно улучшить трудовые ресурсы, уровень участия работников в трудовой деятельности и эффективность производства (Zhan & Wang, 2020; Yuan & Jin, 2021. P. 39; Yang et al., 2006. P. 17). Исследования показали, что предельная эффективность качества труда выше, чем количество работников, поэтому дивиденд качества населения окажет эффект замещения первого демографического дивиденда (Yang & Yang, 2017. P. 34), тем самым формируя экономические результаты, выходящие за рамки устойчивого роста (Yuan & Liu, 2019).

Концепция демографического дивиденда имеет тенденцию уточняться и дифференцироваться. В последние годы, когда все больше стран вступили в стадию «постдемографического перехода», взаимодействие между демографическими факторами и экономической средой становится все более сложным. В условиях низкого уровня рождаемости и старения населения возникли различные структурные противоречия. В результате ученые постепенно предлагали и расширяли концепции демографических дивидендов, вводились такие понятия, как распределение демографического дивиденда, гендерный дивиденд, дивиденд долголетия и теневой дивиденд пожилого населения (Lu & Gu, 2023).

Академическое сообщество в основном принимает гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в качестве отправной точки и исследует взаимодействие между женским населением и экономическим ростом, социальной жизнью, политикой социального обеспечения, государственным управлением и другими множественными определяющими факторами, таких как семья, рынок, общество и правительства, уделяя особое внимание роли женского населения в человеческом капитале, а также наличию и доступности талантливых ресурсов (Zhu & Lu, 2021. P. 49). Структура анализа гендерных дивидендов в основном строится на трех уровнях: личностное развитие, развитие семьи и экономическое развитие (Shi & Zhang, 2020. P. 69; Yang et al., 2019). На индивидуальном уровне улучшение образования, здоровья и экономических возможностей женщин может фундаментально повысить их осуществимость и социальный статус, тем самым увеличивая производительность труда женщин и доходность, что способствует получению большего количества социальных ресурсов и осознанию собственной ценности. На уровне семьи улучшение положения женщин способствует улучшению благосостояния детей, улучшению здоровья членов семьи, устранению передачи бедности из поколения в поколение, тем самым улучшая возможности развития семьи. На экономическом уровне гендерно равные возможности трудоустройства и льготы по работе помогают женщинам более полно и равноправно участвовать в общественном труде, повышая эффективность социальной деятельности и уровень экономического развития (Yang & Lu, 2021).

Таким образом, на новом этапе развития народонаселения новой темой в рамках исследования демографического дивиденда стало создание благоприятной для женщин социальной среды, поддержка участия женщин в трудовой деятельности и социальной активности, а также достижение новых экономических выгод посредством многоуровневого гендерного равенства (Lu & Wang, 2020. P. 70). Дивиденд долголетия формируется за

счет сочетания здорового старения и продуктивного старения и относится к экономическому и социальному вкладу, вносимому увеличением продолжительности жизни населения (Olshansky et al., 2006. P. 35). Улучшение медицинских условий и уровня питания значительно увеличило продолжительность жизни и уровень здоровья населения (Olshansky, 2018). Это этап жизненного цикла, на котором человек обладает наибольшим объемом знаний, навыков, опыта и других компетенций, а молодые и пожилые люди часто проявляют более высокую готовность участвовать в жизни общества. Таким образом, повторное трудоустройство пожилых людей может эффективно увеличить продуктивное время общества, а неформальная работа, такая как благотворительная и волонтерская деятельность и волонтерские услуги, может помочь раскрыть ценность человеческих ресурсов пожилых людей (Yuan & Wang, 2022. P. 63). Таким образом, эпоха долголетия содержит огромный потребительский спрос на «серебряную экономику» и ресоциализацию пожилых людей. В некоторых исследованиях уже изучались модели «серебряной экономики», приводился анализ эффектов экономического роста и социального развития (Lu & Lin, 2022. P. 25). Теневой дивиденд пожилого населения фокусируется на производственных выгодах и экономическом вкладе, косвенно создаваемом пожилыми людьми.

Китайскими исследователями также исследуется поддержка снижения тенденции выхода населения трудоспособного возраста с рынка труда из-за ухода за детьми и работы по дому (Yang & Sun, 2020). Региональное распределение демографического дивиденда также волнует китайских исследователей. По их мнению, переток из регионов в районы с высокой эффективностью производства и из аграрного сектора в несельскохозяйственный сектор продолжает способствовать полному высвобождению распределительных демографических дивидендов (Cai, 2010. Pp. 11–12).

В настоящее время в Китае при изучении локализации демографического дивиденда до сих пор существуют разные взгляды на период получения первого демографического дивиденда. Основываясь на изменениях темпов роста рабочей силы, некоторые ученые считают, что Китай вступил в демографическое окно возможностей с 1960-х гг. (Wang et al., 2004). К 2010 г. демографические условия, способствующие экономическому росту, начали меняться (Guo & Ren, 2014 P. 13), и дивиденд продлился до 2013–2015 гг. (Wang et al., 2004; Cai, 2010. Pp. 11–12). Некоторые исследования указывают на то, что темпы роста населения трудоспособного возраста не равны абсолютному числу (Yu, 2003; Yang & Yang, 2017; Zhong & Li, 2010. Pp. 19–21), и дивиденд в итоге продлится до конца 2020-х и начала 2030-х гг. (Yu, 2003; Guo & Ren, 2014) или даже до второй половины 2030-х гг. (Zhong & Li, 2010. P. 21). Кроме того, разработка концепции второго демографического дивиденда инициировала попытки классифицировать демографические дивиденды.

В китайском академическом сообществе существуют некоторые разногласия относительно того, можно ли его назвать независимой демографической концепцией. Когда предлагалась концепция второго демографического дивиденда, основное внимание уделялось изменению сберегательного поведения жителей и эффекту углубления капитала, вызванному старением возрастной структуры населения (Meng & Li, 2013. P. 155). Численность пожилого населения привела к появлению второго демографического дивиденда (Mason & Lee, 2006; Lee & Mason, 2006). Поэтому некоторые исследования относят второй демографический дивиденд к первому.

Некоторые китайские исследования уделяют внимание роли пенсионных планов и рынков капитала в углублении второго демографического дивиденда, включая полную систему частных пенсионных накоплений, специализированным проектам защиты пенсионных накоплений, бесперебойным каналам частных инвестиций и т. д. (Wang, 2020. P. 93). Вместе с тем исследования второго демографического дивиденда фокусируются на эффективности производства, обусловленной качеством рабочей силы.

При расчете экономического импульса, вызванного повышением уровня образования, китайские исследователи отметили, что с 2016 г. улучшение качества рабочей силы в Китае привело к темпам экономического роста примерно 2 % в год (Li & Liang, 2016. P. 121).

Преимущество возрастной структуры населения, вызванное демографическим переходом, носит циклический характер и зависит от времени, поэтому демографический дивиденд не является устойчивым фактором. Предельные выгоды от получения демографического дивиденда уменьшаются, но численность населения Китая все еще огромна, и предложение рабочей силы по-прежнему в изобилии. В то же время увеличение продолжительности жизни и продолжительности здоровья населения Китая означает, что участие пожилых людей в общественной жизни и время трудовой деятельности, вероятно, еще больше возрастут. Кроме того, общий уровень образования жителей пока продолжает улучшаться (Huang & Duan, 2022. P. 125). По мнению Лу Цзехуа и Гу Юйчэня, активация продуктивных характеристик пожилого населения, содействие экономи-

ческому и социальному участию пожилых людей, а также развитие человеческих ресурсов и человеческий капитал пожилых людей станут важной отправной точкой для увеличения количественного демографического дивиденда (Lu & Gu, 2023).

А может, «китайского» дивиденда никогда и не существовало?

Исследование Мэн Синя (Meng, 2023) из Австралийского национального университета в какой-то степени опровергает это широко распространенное объяснение экономического успеха Китая. По его мнению, хотя доля населения страны трудоспособного возраста за этот период увеличилась, доля людей, готовых работать, не выросла¹⁴. Мэн собрал данные из десятилетних переписей населения Китая и межпереписных обследований в период 1982–2015 гг. Эти данные содержат информацию о возрасте, статусе работы, образовании и хукоу (регистрации домохозяйства). Анализ показал, что в период с 1982 по 2015 г. население трудоспособного возраста Китая, определяемое как люди в возрасте от 16 до 65 лет, выросло с 600 млн до 1 млрд человек. Как доля населения, она выросла с 60 до 73 %. Однако за тот же период доля рабочей силы упала с 85 до чуть более 70 %. Большая часть снижения пришлась на тех, у кого был городской хукоу. В отличие от владельцев сельских хукоу, горожане подлежали обязательному выходу на пенсию в возрасте 55 лет для женщин и 65 лет для мужчин. Обязательное образование и более высокий спрос на университетское образование не позволяли людям моложе 25 лет выходить на рынок труда. Участие в рабочей силе женщин детородного возраста также снизилось. В результате доля рабочей силы Китая в общей численности населения оставалась примерно одинаковой, колеблясь на уровне около 50 % с 1982 по 2015 г. Демографического дивиденда, утверждает Мэн, возможно, никогда не существовало. Однако Мэн не одинок в своих предположениях, некоторые китайские авторы также приходят к выводу, что демографический дивиденд зависит не от численности самого населения, а от численности рабочей силы (Zhou et al., 2023. Р. 14).

По мнению Мэна, качество, а не количество рабочей силы лучше объясняет необычайный рост ВВП на душу населения в стране. С 1982 по 2010 г. доля людей, поступающих в университеты, увеличилась в десять раз и составила 38 % среди тех, кто имеет городское хукоу. В сельской местности доля лиц, получивших базовое образование, увеличилась более чем вдвое и составила почти 60 %. Урбанизация, вероятно, помогла переместить сельских рабочих на более производительные рабочие места в городах.

Но если демографические изменения не были решающим фактором роста ВВП на душу населения в прошлом, они, возможно, не будут оказывать катастрофического эффекта в будущем. Эти результаты показывают, что у страны есть другие рычаги, которые можно использовать, чтобы компенсировать сокращение рабочей силы. Можно повысить пенсионный возраст. Уровень урбанизации в стране, составляющий 64 %, все еще ниже, чем в странах с развитой экономикой, и ему есть куда расти. Иммиграция, если Китай когда-либо задумается об этом, также может способствовать увеличению рабочей силы. Остается открытым вопрос, будет ли всего этого достаточно, чтобы спасти страну от экономического спада¹⁵.

Сегодня со слов экспертов можно сказать, что старение населения становится одной из главных проблем для социально-экономического развития Китая. К 2035 г. доля населения старше 65 лет достигнет 30 %; такой прогноз представил глава департамента старения населения Государственного комитета по вопросам гигиены и здравоохранения КНР Ван Хайдун на пресс-конференции Национальной комиссии здравоохранения 20 сентября 2022 г.¹⁶ Подобная тенденция может привести к увеличению социальных расходов на здравоохранение, пенсионную систему, уход за пожилыми и другие социальные программы¹⁷.

¹⁴ China's "demographic dividend" appears to be a myth. (2023, September 19). The Economist. <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/09/19/chinas-demographic-dividend-appears-to-be-a-myth>

¹⁵ Ibid.

¹⁶ 国家卫生健康委员会2022年9月20日新闻发布会介绍党的十八大以来老龄工作进展与成效. 中华人民共和国国家卫生健康委员会. 新华网, [Пресс-конференция Национальной комиссии здравоохранения 20 сентября 2022 г. представила ход и результаты работы по проблемам старения со времени 18-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Национальная комиссия здравоохранения Китайской Народной Республики. Синьхуанет] 20 сентября 2022 г. <http://www.nhc.gov.cn/xwzb/webcontroller.do?titleSeq=11480&gectype=1>

¹⁷ 中共中央国务院印发. 扩大内需战略规划纲要 (2022 – 2035年). 新华网, [ЦК КПК и Госсовет опубликовали проект Стратегического плана расширения внутреннего спроса (2022–2035 годы). Синьхуанет] 14 декабря 2022 г. http://www.news.cn/politics/2022-12/14/c_1129209201.htm

Заключение

Развитие демографических процессов занимает особое место в истории КНР. Проведенная в 2020 г. Всеки-тайская перепись населения показала, что демографические процессы создают прямую угрозу для будущего развития страны и экономики, так как Китай уже сейчас столкнулся с проблемами, возникшими в результате проводимой в 1980-х гг. демографической политики «Одна семья – один ребенок», – падением рождаемости и старением населения. Взаимосвязь между численностью работоспособного населения и экономическим ростом является одной из причин потенциальной уязвимости Китая.

Ограниченное внимание к взаимосвязи между демографическими изменениями и устойчивым развитием в развивающихся странах может усилить социальную и экономическую неустойчивость и привести к социальному неравенству, экономической стагнации и росту бедности в обществах, которые противоречат принципу устойчивого развития «Никого не оставить позади».

У китайских экспертов сложилось свое понимание демографического дивиденда и вклада его в устойчивое развитие: демографический дивиденд – это комплексное понятие, которое объединяет теоретические перспективы и методы исследования из демографии, экономики, геронтологии, женских исследований и других дисциплин. Однако с академической точки зрения по-прежнему отсутствует конструктивный диалог между исследовательскими парадигмами демографии и экономики. Исследования демографических дивидендов страдают от концептуальных недопониманий и односторонних расчетов, неопределенности локализации первого демографического дивиденда. Существуют разногласия по поводу продолжительности действия демографического дивиденда и определения второго демографического дивиденда. Однако китайские демографы приходят к общему выводу о том, что экономический потенциал населения в новую эпоху все больше зависит от сберегательного поведения, качества человеческого капитала и роли женщин в экономике, укрепления здоровья, полной занятости, образования и других многочисленных факторов. Старение населения, уровень жизни, увеличение численности качественной рабочей силы являются основными темами, которые раскрывают китайские исследователи в своих работах.

При этом значительная часть работ китайских авторов имеет тенденцию превращать явление старения населения из негативного фактора в конкурентное преимущество своей страны, объясняя это тем, что при грамотной демографической политике станет возможным более полно включать «серебряное поколение» в экономико-производственную деятельность страны, тем самым внося заметный вклад в ВВП, и Китай, наконец, полноценно встанет на путь устойчивого развития. Как отмечает Исследовательская группа Института экономики Китайской академии общественных наук, к концу 2010-х гг. в Китае было 500–700 млн человек, которых можно отнести к группам с доходами среднего и выше среднего уровня, и именно эти демографические страты могут стать ключевым локомотивом экономического роста КНР в качестве потребителей в эпоху 14-й пятилетки¹⁸.

Список литературы

- Антипова, Е. А., Чэнь, Л. (2023). Территориальная дифференциация демографического старения населения Китая в XXI в. *Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология*, 1, 3–18.
- Бабаев, К. В. (2023). Демографическая ситуация в КНР и ее потенциальное влияние на экономику Китая. *Народонаселение*, 26(3), 55–65. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.5>
- Баженова, Е. С. (2010). *1300000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики*. Москва: Форум.
- Баженова, Е. С. (2018a). Социально-демографическое развитие КНР. В кн. С. Г. Лузянин (ред.), *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017–2018*, 109–119. Москва: Форум.
- Баженова, Е. С. (2018b). Китайская семья в условиях новой демографической политики. В кн. А. В. Островский (ред.), *13-я пятилетка (2016–2020 гг.) – важнейший этап построения в Китае Общества малого благоденствия «Сяокан»* (с. 97–109). Москва: ИДВ РАН.

¹⁸ 国民经济和社会发展第十四个五年规划的指导思想 (2020, 8 мая). Руководящая идеология 14-й пятилетки национального экономического и социального развития. Официальный портал Государственного научно-исследовательского института информационных технологий Чжунхун. <http://www.china-cer.com.cn/shisiwuguihua/202005084756.html>

- Баженова, Е. С. (2019). Население Китая: новые тенденции в эпоху модернизации и экономических реформ. *Проблемы Дальнего Востока*, 1, 101–111. <https://doi.org/10.31857/s013128120007131-5>
- Баженова, Е. С. (2014). *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР*. Москва: ИД «Форум».
- Барсуков, В. Н. (2019). От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 12(4), 167–182. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.4.64.11>
- Ван, Е. (2023). Новая демографическая политика трехдетности в Китае. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 3(3), 26–42. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.2>
- Гулева, М. А. (2016). Отмена политики «одна семья – один ребенок» в Китае. *Азия и Африка сегодня*, 6, 36–41.
- Калабихина, И. Е., Казбекова, З. Г. (2022). Влияние первого демографического дивиденда на экономический рост с учетом человеческого капитала. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3, 81–100. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-5>
- Куприянова, Ю., Янишевская, А. (2017). Новая демографическая политика в Китае: «Одна семья – два ребенка». *Демографическое обозрение*, 4(2), 53–64. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i2.7103>
- Кызлаков, К. А. (2023). Пути решения проблемы демографического старения населения КНР. В сб. А. А. Сукиасян (ред.), *Интеграция, эволюция, модернизация: Пути развития науки и образования: сборник статей Международной научно-практической конференции* (с. 305–307). Уфа: Аэтерна.
- Мозиас, П. М., Мазерская, Э. А. (2023). Особенности демографического перехода в России и Китае. *Россия и современный мир*, 120(3), 7–20. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.03.01>
- Мэн, В., Су, Ц., Мишук, С. Н. (2023). Современная демографическая ситуация в Китае. *Демис. Демографические исследования*, 3(1), 37–51.
- Селиверстова, Ю. А. (2020). Демографическое будущее Китая. *Демографическое обозрение*, 7(4), 149–165. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12047>
- Яшук, А. И. (2016). *Демографический фактор социально-экономического развития*. Минск: ГИУСТ БГУ.
- Bloom, D., Canning, D., & Sevilla, J. (2003). *The demographic dividend: a new perspective on the economic consequences of population change*. California: Rand Corporation.
- 蔡昉 (2010). 人口转变、人口红利与刘易斯转折点. *经济研究*, 4, 4–13. Cai, F. (2010). Demographic transition, demographic dividend and the Lewis turning point. *Economic Research*, 4, 4–13. (In Chin.).
- 蔡昉 (2004). 人口转变、人口红利与经济增长可持续性——兼论充分就业如何促进经济增长. *人口研究*, 2, 2–9. Cai, F. (2004). Demographic transition, demographic dividend, and sustainability of economic growth – how full employment contributes to economic growth. *Population Studies*, 2, 2–9. (In Chin.).
- 陈对 (2015). 我国人口质量红利影响因素研究. *统计与决策*, 10, 88–91. Chen, D. (2015). Study of factors influencing the quality dividend of the population of my country. *Statistics and decision making*, 10, 88–91. (In Chin.).
- 陈友华 (2005). 人口红利与人口负债: 数量界定、经验观察与理论思考. *人口研究*, 6, 23–29. Chen, Y. (2005). Demographic dividend and demographic debt: quantification, empirical observations, and theoretical reflections. *Population Research*, 6, 23–29. (In Chin.).
- 郭晗, 任保平 (2014). 人口红利变化与中国经济发展方式转变. *当代财经*, 3, 5–13. Guo, H., & Ren, B. (2014). Changing the demographic dividend and transforming the economic development regime of China. *Modern finance and economics*, 3, 5–13. (In Chin.).
- Guo, X., & Marinova, D. (2007). Economic Development, Population Ageing and Sustainability in China. *MODSIM07 – Land, Water and Environmental Management: Integrated Systems for Sustainability, Proceedings* (pp. 1973–1979).
- Hofman, B., Tong, S. Y., & Zhao, L. (2021). The Economic and Social Impacts of Population Ageing: China in a Global Perspective. *China: An International Journal*, 19(3), 3–7. <https://doi.org/10.1353/chn.2021.0024>
- 黄凡, 段成荣 (2022). 从人口红利到人口质量红利——基于第七次全国人口普查数据的分析. *人口与发展*, 1, 117–126. Huang, F., & Duan, Ch. (2022). From the demographic dividend to the population quality dividend – analysis based on data from the seventh national population census. *Population and Development*, 1, 117–126. (In Chin.).
- Kuhn, B. (2016). Sustainable Development Discourses in China. *Journal of Sustainable Development*, 6, 158–167. <https://doi.org/10.5539/jsd.v9n6p158>
- Lee, R., & Mason, A. (2006). What is the demographic dividend? *Finance & Development*, 3, 16–17.
- 李超, 罗润东 (2018). 老龄化、预防动机与家庭储蓄率——对中国第二次人口红利的实证研究. *人口与经济*, 2, 104–113. Li, C., & Luo, R. (2018). Aging, preventive motivation and household savings rate - an empirical study of China's second demographic dividend. *Population and Economics*, 2, 104–113. (In Chin.).
- 李钢, 梁泳梅, 沈可挺 (2016). 质量型人口红利对中国未来经济影响评. *China Economist*, 1, 112–125. Li, G., & Liang, Y. (2016). Shen Qing. Commentary on the impact of high-quality demographic dividends on the future economy of China. *Chinese Economist*, 1, 112–125. (In Chin.).
- 陆杰华, 谷俞辰 (2023). 中国人口红利本土化研究的反思与展望——兼论人口红利研究的核心议题. *北京行政学院学报*, 4, 1–13. Lu, J., & Gu, Y. (2023). Reflections and prospects of research on the localization of China's demographic dividend – The main issues of research on the demographic dividend are also discussed. *Journal of Beijing Institute of Management*, 4, 1–13. (In Chin.).

- 陆杰华, 林嘉琪 (2022). 长寿红利时代积极应对老龄化的战略视野及其行动框架. 行政管理改革, 1, 20–25. Lu, J., & Lin, J. (2022). Strategic vision and action framework for a proactive response to aging in the era of longevity dividends. *Administrative Management Reform*, 1, 20–25. (In Chin.).
- 陆杰华, 汪斌 (2020). 中国性别红利的发展潜力、制约因素及其战略构想——基于性别平等视角. 中国特色社会主义研究, 3, 63–71. Lu, J., & Wang, B. (2020). Development potential, limitations and strategic concept of China's gender dividend – based on the perspective of gender equality. *Studies of socialism with Chinese characteristics*, 3, 63–71. (In Chin.).
- Mao, G., Lu, F., Fan, X., & Wu, D. (2020). China's Ageing Population: The Present Situation and Prospects. In J. Poot, & M. Roskrug (Eds.), *Population Change and Impacts in Asia and the Pacific. New Frontiers in Regional Science: Asian Perspectives* (Vol. 30). Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-10-0230-4_12
- 毛新雅, 彭希哲 (2012). 城市化、对外开放与人口红利——中国1997–2010年经济增长的实证. 南京社会科学, 4, 31–38. Mao, X., & Peng, X. (2012). Urbanization, openness, and demographic dividend – empirical evidence of China's economic growth from 1997 to 2010. *Social Sciences of Nanjing*, 4, 31–38. (In Chin.).
- Mason, A., & Lee, R. (2006). Reform and support systems for the elderly in developing countries: capturing the second demographic dividend. *Genus*, 1, 11–35.
- Meng, X. (2023). The People's Republic of China's 40-year demographic dividend and labor supply: The quantity myth. *Asian development review*, 40(2), 111–144. <https://doi.org/10.1142/s0116110523400048>
- 孟令国, 李超令 (2013). 我国二次人口红利的困境摆脱与现实愿景. 改革, 1, 149–157. Meng, L., & Li, C. (2013). Escape from the dilemma of my country's second demographic dividend and a realistic vision. *Reforms*, 1, 149–157. (In Chin.).
- Nafis, S. (1998). *The state of world population*. New York: UNFPA.
- Olshansky, S., Perry, D., Miller, R. et al. (2006). In pursuit of the longevity dividend: what should we be doing to prepare for the unprecedented aging of humanity? *The Scientist*, 3, 28–37.
- Olshansky, S. (2018). From lifespan to healthspan. *Jama*, 320(13), 1323–1324. <https://doi.org/10.1001/jama.2018.12621>
- Ross, J. (2004). *Understanding the demographic dividend. Policy project note*. Washington DC.
- 石智雷, 张婷皮美 (2020). 性别红利: 理解社会经济新发展的新视角. 中南财经政法大学学报, 3, 61–70. Shi, Z., & Zhang, T. (2020). Gender dividend: a new perspective on understanding socio-economic development. *Journal of Zhongnan University of Economics and Law*, 3, 61–70. (In Chin.).
- Song, X., Wennersten, R., & Mulder, K. (2007). Challenges of Sustainable Development in China. *SDPROMO (Promoting European Education in Sustainable Development) project within the Erasmus Mundus Action 3 program*.
- 王德文, 蔡昉, 张学辉 (2004). 人口转变的储蓄效应和增长效应——论中国增长可持续性的人口因素. 人口研究, 5, 2–11. Wang, D., Cai, F., & Zhang, X. (2004). The savings effect and the growth effect of the demographic transition – on the demographic factors of China's sustainable growth. *Population Studies*, 5, 2–11. (In Chin.).
- 王树 (2020). 老龄化、二次人口红利与家庭储蓄率. 当代经济科学, 6, 88–95. Wang, Sh. (2020). Aging, secondary demographic dividend, and household savings rate. *Modern economic science*, 6, 88–95. (In Chin.).
- 王红梅 (2008). 充分兑现人口红利 实现经济持续增长. 西北人口, 1, 30–34. Wang, H. (2008). Full implementation of the demographic dividend and achieving sustainable economic growth. *Population of the North-West*, 1, 30–34. (In Chin.).
- 杨成钢, 闫东东 (2017). 质量、数量双重视角下的中国人口红利经济效应变化趋势分析. 人口学刊, 5, 25–35. Yang, Ch., & Yang, D. (2017). Analysis of the trend of changes in the economic effects of China's demographic dividend from the dual perspective of quality and quantity. *Demographic Journal*, 5, 25–35. (In Chin.).
- 杨成钢, 孙晓海 (2020). 老年人口影子红利与中国经济增长. 人口学刊, 4, 30–41. Yang, C., & Sun, X. (2020). Shadow dividends of the elderly population and economic growth of China. *Demographic Journal*, 4, 30–41. (In Chin.).
- 杨帆, 黄少安, Picault J. (2017). 中国人口红利结束了吗? 山东社会科学, 4, 82–89. Yang, F., Huang, Sh., & Picault, J. (2017). Is China's demographic dividend over? *Social Sciences of Shandong*, 4, 82–89. (In Chin.).
- 杨菊华, 卢瑞鹏 (2021). 性别红利: 理论意涵、基本特征与社会效应. 山东社会科学, 3, 51–59. Yang, J., & Lu, R. (2021). Gender dividend: theoretical implications, main characteristics, and social effects. *Social Sciences of Shandong*, 3, 51–59. (In Chin.).
- 杨建芳, 龚六堂, 张庆华 (2006). 人力资本形成及其对经济增长的影响——一个包含教育和健康投入的内生增长模型及其检验. 管理世界, 5, 10–18. Yang, J., Gong, L., & Zhang, Q. (2006). Formation of human capital and its impact on economic growth – an endogenous growth model, including investments in education and healthcare and its verification. *World of Management*, 5, 10–18. (In Chin.).
- 杨云彦, 石智雷, 张婷皮美 (2019). 从人口红利到性别红利. 人口与健康, 1, 7–8. Yang, Y., Shi, Zh., & Zhang, T. (2019). From demographic dividend to gender dividend. *Population and health*, 1, 7–8. (In Chin.).
- 余静文, 苗艳青 (2019). 健康人力资本与中国区域经济增长. 武汉大学学报 (哲学社会科学版), 5, 161–175. Yu, J., & Miao, Y. (2019). Healthy human capital and regional economic growth of China. *Journal of Wuhan University (Philosophy and Social Sciences Publication)*, 5, 161–175. (In Chin.).
- 于学军 (2003). 中国人口转变与“战略机遇期”. 中国人口科学, 1, 9–16. Yu, X. (2003). China's demographic transition and the “period of strategic opportunities”. *Chinese population science*, 1, 9–16. (In Chin.).
- 原新, 金牛 (2021). 中国人口红利的动态转变——基于人力资源和人力资本视角的解读. 南开学报 (哲学社会科学版), 2, 31–40. Yuan, X., & Jin, N. (2021). Dynamic transformation of China's demographic dividend – an interpretation based on the perspective of human resources and human capital. *Journal of Nankai University (philosophy and social science series)*, 2, 31–40. (In Chin.).

原新, 王丽晶 (2022). 中国长寿红利: 人口机会、政策环境与开发方向. 中国特色社会主义研究, 2, 57–63. Yuan, X., & Wang, L. (2022). China's longevity dividend: demographic opportunities, political environment and direction of development. *Studies of socialism with Chinese characteristics*, 2, 57–63. (In Chin.).

原新, 刘绘如 (2019). 中国人口红利研究的发展——基于文献综述视角. 西北人口, 5, 60–68. Yuan, X., & Liu, H. (2019). Development of research on China's demographic dividends – based on a literature review. *Population of the North-West*, 5, 60–68. (In Chin.).

袁志刚, 宋铮 (2000). 人口年龄结构、养老保险制度与最优储蓄率 // 经济研究. № 11: 24–32. Yuan, Z., Song, Z. (2000). Age structure of the population, pension insurance system and optimal savings rate. *Economic studies*, 11, 24–32. (In Chin.).

詹韵秋, 王军 (2020). 人口质量红利: 研究述评与未来展望. 重庆社会科学, 2, 21–32. Zhan, Y., & Wang, J. (2020). The population quality dividend: a review of research and prospects. *Social Sciences of Chongqing*, 2, 21–32. (In Chin.).

钟水映, 李魁 (2010). 人口红利、空间外溢与省域经济增长. 管理世界, 4, 14–23. Zhong, Sh., & Li, K. (2010). Demographic dividend, spatial spillover, and economic growth of the province. *World of Management*, 4, 14–23. (In Chin.).

Zhou, J., Deng, J., Li, L., & Wang, S. (2023). The Demographic Dividend or the Education Dividend? Evidence from China's Economic Growth. *Sustainability*, 15(9), 7309. <https://doi.org/10.3390/su15097309>

周健 (2021). 刘易斯转折区间日本人口发展战略的经验教训及其对中国的启示. 改革与战略, 10, 86–95. Zhou, J. (2021). Lessons from Japan's population development strategy during the Lewis Turn and its consequences for China. *Reform and Strategy*, 10, 86–95. (In Chin.).

朱荟, 陆杰华 (2021). 从人口红利到性别红利——性别平等视角下广义社会经济效应的理论思考. 南开学报 (哲学社会科学版), 2, 41–50. Zhu, H., & Lu, J. (2021). From the demographic dividend to the gender dividend – Theoretical reflections on generalized socio-economic effects from the point of view of gender equality. *Journal of Nankai University (philosophy and social science series)*, 2, 41–50. (In Chin.).

References

Antipova, E. A., & Chen, L. (2023). Territorial differentiation of China's demographic ageing in the 21st century. *Journal of the Belarusian State University. Geography and Geology*, 1, 3–18. (In Russ.).

Babaev, K. V. (2023). Demographic situation in China and its potential influence on the Chinese economy. *Population*, 26(3), 55–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.5>

Barsukov, V. N. (2019). From the demographic dividend to population ageing: world trends in the systemwide transition. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(4), 167–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2019.4.64.11>

Bazhenova, E. S. (2014). *People's Republic of China: politics, economy, culture. To the 65th anniversary of the PRC*. Moscow: Forum. (In Russ.).

Bazhenova, E. S. (2018a). Social-demographic development of PRC. In S. G. Luzyanin (Ed.), *People's Republic of China: politics, economy, culture. 2017–2018* (pp. 109–119). Moscow: Forum. (In Russ.).

Bazhenova, E. S. (2010). *1300000. Population of China: strategy for development and demographic policy*. Moscow: Forum. (In Russ.).

Bazhenova, E. S. (2018b). Chinese family under new demographic policy. In A. V. Ostrovsky (Ed.), *13th 5-year plan (2016–2020) – the critical stage of building the Xiaokang Society of Moderate Prosperity in China* (pp. 97–109). Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

Bazhenova, E. S. (2019). China's population: New trends in the Era of modernization and economic reforms. *Far Eastern Studies*, 1, 101–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013128120007131-5>

Bloom, D., Canning, D., Sevilla, J. (2003). *The demographic dividend: a new perspective on the economic consequences of population change*. California: Rand Corporation.

Cai, F. (2004). Demographic transition, demographic dividend, and sustainability of economic growth – how full employment contributes to economic growth. *Population Studies*, 2, 2–9. (In Chin.).

Cai, F. (2010). Demographic transition, demographic dividend and the Lewis turning point. *Economic Research*, 4, 4–13. (In Chin.).

Chen, D. (2015). Study of factors influencing the quality dividend of the population of my country. *Statistics and decision making*, 10, 88–91. (In Chin.).

Chen, Y. (2005). Demographic dividend and demographic debt: quantification, empirical observations, and theoretical reflections. *Population Research*, 6, 23–29. (In Chin.).

Guleva, M. A. (2016). Abolition of the “one family – one child” policy in China. *Asia and Africa today*, 6, 36–41. (In Russ.).

Guo, H., & Ren, B. (2014). Changing the demographic dividend and transforming the economic development regime of China. *Modern finance and economics*, 3, 5–13. (In Chin.).

Guo, X., & Marinova, D. (2007). Economic Development, Population Ageing and Sustainability in China. *MODSIM07 – Land, Water and Environmental Management: Integrated Systems for Sustainability, Proceedings* (pp. 1973–1979).

- Hofman, B., Tong, S. Y., & Zhao, L. (2021). The Economic and Social Impacts of Population Ageing: China in a Global Perspective. *China: An International Journal*, 19(3), 3–7. <https://doi.org/10.1353/chn.2021.0024>
- Huang, F., & Duan, Ch. (2022). From the demographic dividend to the population quality dividend – analysis based on data from the seventh national population census. *Population and Development*, 1, 117–126. (In Chin.).
- Kalabikhina, I. E., & Kazbekova, Z. G. (2022). The impact of the first demographic dividend on economic growth considering human capital. *Journal of the New Economic Association*, 3, 81–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-5>
- Kuhn, B. (2016). Sustainable Development Discourses in China. *Journal of Sustainable Development*, 6, 158–167. <https://doi.org/10.5539/jsd.v9n6p158>
- Kupriyanova, Y., & Yanishevskaya, A. (2017). New demographic policy in China: “One family – two children”. *Demographic Review*, 4(2), 53–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i2.7103>
- Kyzlakov, K. A. (2023). Ways of solving the problem of demographic aging of the population of PRC. In A. A. Sukiasyan (Ed.), *Integration, evolution, modernization: Ways to develop science and education: collection of works of the International scientific-practical conference* (pp. 305–307). Ufa: Aeterna. (In Russ.).
- Lee, R., & Mason, A. (2006). What is the demographic dividend? *Finance & Development*, 3, 16–17.
- Li, C., & Luo, R. (2018). Aging, preventive motivation and household savings rate – an empirical study of China's second demographic dividend. *Population and Economics*, 2, 104–113. (In Chin.).
- Li, G., & Liang, Y. (2016). Shen Qing. Commentary on the impact of high-quality demographic dividends on the future economy of China. *Chinese Economist*, 1, 112–125. (In Chin.).
- Lu, J., & Gu, Y. (2023). Reflections and prospects of research on the localization of China's demographic dividend – The main issues of research on the demographic dividend are also discussed. *Journal of Beijing Institute of Management*, 4, 1–13. (In Chin.).
- Lu, J., & Lin, J. (2022). Strategic vision and action framework for a proactive response to aging in the era of longevity dividends. *Administrative Management Reform*, 1, 20–25. (In Chin.).
- Lu, J., & Wang, B. (2020). Development potential, limitations and strategic concept of China's gender dividend – based on the perspective of gender equality. *Studies of Socialism with Chinese Characteristics*, 3, 63–71. (In Chin.).
- Mao, G., Lu, F., Fan, X., & Wu, D. (2020). China's Ageing Population: The Present Situation and Prospects. In J. Poot, & M. Roskrige (Eds.), *Population Change and Impacts in Asia and the Pacific. New Frontiers in Regional Science: Asian Perspectives* (Vol. 30). Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-10-0230-4_12
- Mao, X., & Peng, X. (2012). Urbanization, openness, and demographic dividend – empirical evidence of China's economic growth from 1997 to 2010. *Social Sciences of Nanjing*, 4, 31–38. (In Chin.).
- Mason, A., & Lee, R. (2006). Reform and support systems for the elderly in developing countries: capturing the second demographic dividend. *Genus*, 1, 11–35.
- Meng, L., & Li, C. (2013). Escape from the dilemma of my country's second demographic dividend and a realistic vision. *Reforms*, 1, 149–157. (In Chin.).
- Meng, W., Su, Z., & Mishchuk, S. N. (2023). Contemporary demographic situation in China. *Demis. Demographic Research*, 3(1), 37–51. (In Russ.).
- Meng, X. (2023). The People's Republic of China's 40-year demographic dividend and labor supply: The quantity myth. *Asian development review: studies of Asian and pacific economic issues*, 40(2), 111–144.
- Mozias, P. M., & Mazerskaya, E. A. (2023). Peculiarities of the demographic transition in Russia and China. *Russia and the contemporary world*, 120(3), 7–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.03.01>
- Nafis, S. (1998). *The state of world population*. New York: UNFPA.
- Olshansky, S. (2018). From lifespan to healthspan. *Jama*, 13, 1323–1324.
- Olshansky, S., Perry, D., Miller, R. et al. (2006). In pursuit of the longevity dividend: what should we be doing to prepare for the unprecedented aging of humanity? *The Scientist*, 3, 28–37.
- Ross, J. (2004). *Understanding the demographic dividend. Policy project note*. Washington DC.
- Seliverstova, Yu. A. (2020). The demographic future of China. *Demographic Review*, 7(4), 149–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12047>
- Shi, Z., & Zhang, T. (2020). Gender dividend: a new perspective on understanding socio-economic development. *Journal of Zhongnan University of Economics and Law*, 3, 61–70. (In Chin.).
- Song, X., Wennersten, R., & Mulder, K. (2007). Challenges of Sustainable Development in China. *SDPROMO (Promoting European Education in Sustainable Development) project within the Erasmus Mundus Action 3 program*.
- Wang, D., Cai, F., & Zhang, X. (2004). The savings effect and the growth effect of the demographic transition – on the demographic factors of China's sustainable growth. *Population Studies*, 5, 2–11. (In Chin.).
- Wang, Y. (2023). New Demographic Three-Child Policy in China. *DEMIS. Demographic Research*, 3(3), 26–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.2>
- Wang, H. (2008). Full implementation of the demographic dividend and achieving sustainable economic growth. *Population of the North-West*, 1, 30–34. (In Chin.).
- Wang, Sh. (2020). Aging, secondary demographic dividend, and household savings rate. *Modern economic science*, 6, 88–95. (In Chin.).

- Yang, C., & Sun, X. (2020). Shadow dividends of the elderly population and economic growth of China. *Demographic Journal*, 4, 30–41. (In Chin.).
- Yang, Ch., & Yang, D. (2017). Analysis of the trend of changes in the economic effects of China's demographic dividend from the dual perspective of quality and quantity. *Demographic Journal*, 5, 25–35. (In Chin.).
- Yang, F., Huang, Sh., & Picault, J. (2017). Is China's demographic dividend over? *Social Sciences of Shandong*, 4, 82–89. (In Chin.).
- Yang, J., Gong, L., & Zhang, Q. (2006). Formation of human capital and its impact on economic growth – an endogenous growth model, including investments in education and healthcare and its verification. *World of Management*, 5, 10–18. (In Chin.).
- Yang, J., & Lu, R. (2021). Gender dividend: theoretical implications, main characteristics, and social effects. *Social Sciences of Shandong*, 3, 51–59. (In Chin.).
- Yang, Y., Shi, Zh., & Zhang, T. (2019). From demographic dividend to gender dividend. *Population and health*, 1, 7–8. (In Chin.).
- Yashchuk, A. I. (2016). *Demographic factor of social-economic development*. Minsk: BSU. (In Russ.). (In Russ.).
- Yu, J., & Miao, Y. (2019). Healthy human capital and regional economic growth of China. *Journal of Wuhan University (Philosophy and Social Sciences Publication)*, 5, 161–175. (In Chin.).
- Yu, X. (2003). China's demographic transition and the “period of strategic opportunities”. *Chinese population science*, 1, 9–16. (In Chin.).
- Yuan, X., & Jin, N. (2021). Dynamic transformation of China's demographic dividend - an interpretation based on the perspective of human resources and human capital. *Journal of Nankai University (philosophy and social science series)*, 2, 31–40. (In Chin.).
- Yuan, X., & Liu, H. (2019). Development of research on China's demographic dividends – based on a literature review. *Population of the North-West*, 5, 60–68. (In Chin.).
- Yuan, X., & Wang, L. (2022). China's longevity dividend: demographic opportunities, political environment and direction of development. *Studies of socialism with Chinese characteristics*, 2, 57–63. (In Chin.).
- Yuan, Z., & Song, Z. (2000). Age structure of the population, pension insurance system and optimal savings rate. *Economic studies*, 11, 24–32. (In Chin.).
- Zhan, Y., & Wang, J. (2020). The population quality dividend: a review of research and future prospects. *Social Sciences of Chongqing*, 2, 21–32. (In Chin.).
- Zhong, Sh., & Li, K. (2010). Demographic dividend, spatial spillover, and economic growth of the province. *World of Management*, 4, 14–23. (In Chin.).
- Zhou, J. (2021). Lessons from Japan's population development strategy during the Lewis Turn and its consequences for China. *Reform and Strategy*, 10, 86–95. (In Chin.).
- Zhou, J. et al. (2023). The Demographic Dividend or the Education Dividend? Evidence from China's Economic Growth. *Sustainability*, 15, 1–17. <https://doi.org/10.3390/su15097309>
- Zhu, H., & Lu, J. (2021). From the demographic dividend to the gender dividend - Theoretical reflections on generalized socio-economic effects from the point of view of gender equality. *Journal of Nankai University (philosophy and social science series)*, 2, 41–50. (In Chin.).

Вклад авторов

Волкова Марина Дмитриевна: постановка проблемы, написание раздела «Устойчивое развитие и “серебряная экономика”», обзор исследовательской литературы по проблеме, написание введения.

Круглова Мария Семеновна: написание разделов «Демографический дивиденд и как его видят китайские исследователи» и «А может, “китайского” дивиденда никогда и не существовало?».

The author's contributions

Volkova Marina Dmitrievna stated the theme, wrote the section “Sustainable development and ‘silver economy’”, reviewed research literature on the topic, and wrote the Introduction.

Kruglova Maria Semenovna wrote the sections “Demographic dividend and how Chinese researchers see it” and “Could the ‘Chinese’ dividend never exist?”.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 28.05.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 15.08.2024

Дата принятия в печать / Accepted 15.08.2024

Научная статья
УДК 330.1:330.8
JEL: B2, D6, P5

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.577-592>

В. В. Вольчик¹,
И. М. Ширяев¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Идеологические нарративы либерализма и социализма в экономической науке

Контактное лицо:

Вольчик Вячеслав Витальевич, доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета, Южный
федеральный университет

E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science Researcher ID: K-7832-2012

eLIBRARY SPIN-код: 2539-2890

Ширяев Игорь Михайлович, кандидат экономических наук, доцент экономического
факультета, Южный федеральный университет

E-mail: shiriaev@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Web of Science Researcher ID: J-6072-2013

eLIBRARY SPIN-код: 8573-2555

Аннотация

Цель: сравнение идеологии либерализма и социализма в экономической науке в контексте современного этапа их эволюции. Для этого в работе выявляются цели данных идеологий на основе анализа научных нарративов экономистов. Задачей исследования также является выявление сходств и различий между идеологиями либерализма и социализма.

Методы: качественные методы, нарративный анализ, обзор научной литературы.

Результаты: сравнение распространенных трактовок понятия идеологии в различных направлениях экономической науки и в других общественных науках показывает наличие различий в терминологии. Проведенное сравнение идеологий либерализма и социализма в экономической науке показывает различие провозглашенных целей либералов и социалистов. Целью в идеологии либерализма является свобода человека, а в идеологии социализма – распределительное равенство. Рассмотренные идеологии внутренне неоднородны и со временем эволюционируют. В настоящее время дело либерализма продолжает неолиберализм, который нацелен скорее на рост богатства населения, чем на свободу как самоцель. Существуют негалитарные трактовки сущности социализма, сводящие его к огосударствлению экономики. Но также в социализме ведутся дискуссии о преимуществах рынка перед централизованным планированием. Крайние проявления идеологий либерализма и социализма четко различаются между собой, но на практике многие исследования занимают некоторую промежуточную позицию. Общей чертой либерализма и социализма является их модернистский характер, критика архаичных экономических институтов, предназначенных для перераспределения богатства от бедных к богатым.

Научная новизна: заключается в выявлении экономических целей, провозглашенных идеологиями либерализма и социализма, на основе анализа теоретических нарративов по данной тематике в научных исследованиях.

Практическая значимость: определяется необходимостью понимания факторов, влияющих на мировоззрение экономистов. Изучение идеологий либерализма и социализма полезно для понимания замысла авторов рекомендаций по совершенствованию институтов современного российского хозяйственного порядка.

Ключевые слова:

экономическая теория, идеология, либерализм, социализм, неолиберализм, научные нарративы, свобода, благосостояние, равенство

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, <https://rscf.ru/project/24-18-00665/> «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Вольчик, В. В., Ширяев, И. М. (2024). Идеологические нарративы либерализма и социализма в экономической науке. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 577–592. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.577-592>

Scientific article

V. V. Volchik¹,

I. M. Shiriaev¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Ideological narratives of liberalism and socialism in Economics

Contact:

Vyacheslav V. Volchik, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University

E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science Researcher ID: K-7832-2012

eLIBRARY SPIN-код: 2539-2890

Igor M. Shiriaev, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Faculty of Economics, Southern Federal University

E-mail: shiriaev@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Web of Science Researcher ID: J-6072-2013

eLIBRARY SPIN-код: 8573-2555

Abstract

Objective: to compare the ideologies of liberalism and socialism in economic science in the context of the current stage of their evolution. For this purpose, the paper identifies the goals of these ideologies by analyzing the scientific narratives of economists. The study is also aimed at identifying similarities and differences between the ideologies of liberalism and socialism.

Methods: qualitative methods, narrative analysis, review of scientific literature.

Results: the comparison of common interpretations of the “ideology” concept in various branches of economics and in other social sciences shows differences in terminology. The comparison of the liberalism and socialism ideologies in economics shows the difference between the declared goals of liberals and socialists. The goal of liberalism ideology is human freedom, and of socialism ideology – distribution equality. The ideologies considered are internally heterogeneous and have evolved over time. At present, liberalism is continued in neoliberalism, which aims at increasing the population wealth rather than freedom as an end in itself. There are non-egalitarian interpretations of the essence of socialism, which reduce it to the economy governmentalization. There are also debates about the advantages of the market over centralized planning in socialism. The extremes of the ideologies of liberalism and socialism can be clearly distinguished, but in practice, many studies take an intermediate position. A common feature of liberalism and socialism is their modernist character and criticism of archaic economic institutions designed to redistribute wealth from the poor to the rich.

Scientific novelty: it consists in identifying the economic goals proclaimed by the ideologies of liberalism and socialism, based on the analysis of the relevant theoretical narratives in scientific literature.

Practical significance: it is determined by the need to understand the factors influencing the economists’ worldview.

Studying the ideologies of liberalism and socialism is useful for understanding the intent of the authors of recommendations for improving the institutions of the modern Russian economic order.

Keywords:

economic theory, ideology, liberalism, socialism, neoliberalism, scientific narratives, freedom, welfare, equality

Financial Support

The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 24-18-00665, <https://rscf.ru/project/24-18-00665/> “Ideological landscape of the Russian economic science” at Southern Federal University.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Volchik, V. V., & Shiriaev, I. M. (2024). Ideological narratives of liberalism and socialism in Economics. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 577–592. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.577-592>

Введение

Идеология имеет значение. Но само это значение в общественных науках оценивается по-разному. Наш подход к исследованию идеологий базируется на понимании идеологии Д. Нортон (North, 1994). Распространение и использование идеологии в экономической науке связано с тремя моментами. Во-первых, группы ученых организованы в научные школы и направления (иногда в явной, а иногда в неявной форме), во-вторых, они используют специфические ментальные модели, в-третьих, эти ментальные модели позволяют давать позитивное описание экономических феноменов, а также получать нормативные суждения для разработки и проведения экономической политики. Поэтому идеология затрагивает как экономическую теорию, так и экономическую политику. Однако исследование роли идеологии в экономической науке сопряжено с учетом (преодолением) зависимости от предшествующей траектории развития в эволюции понимания места и значения идеологии.

В данной статье рассматриваются две влиятельные идеологии социализма и либерализма. Анализ генезиса и эволюции идеологических составляющих экономических научных школ открывает возможности для открытых и плодотворных дискуссий о влиянии ментальных моделей и идей ученых на восприятие реальных процессов, происходящих в российской экономике.

Результаты исследования

Идеология в научных исследованиях

Понятие идеологии имеет различные трактовки в научных исследованиях. Кратко рассмотрим отдельные трактовки представителей различных направлений экономической и политической мысли.

Распространенная трактовка идеологии как «ложного сознания» восходит к взглядам Ф. Энгельса. «Идеология – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления – или из своего собственного, или из мышления своих предшественников. Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и вообще не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления не зависимого источника. Такой подход к делу кажется ему само собой разумеющимся, так как для него всякое действие кажется основанным в последнем счете на мышлении, потому что совершается при посредстве мышления» (Энгельс, 1966. С. 83). В трактовке Ф. Эн-

гельса идеология сближается со схоластическим подходом к исследованиям. Данный подход оказал большое влияние в явной и неявной форме на последующее отношение к идеологии в рамках экономической науки.

Критики марксизма так характеризуют природу и основные постулаты марксистской идеологии: «Суть марксистской идеологии в следующем: мы правы, потому что говорим от имени восходящего класса пролетариев. Дискурсивное рассуждение не может опровергнуть наши теории, ибо они вдохновлены высшей силой, определяющей судьбы человечества. Наши предшественники ошибались, потому что им не хватало интуиции, которая направляет наш разум. Конечно, не их вина, что из-за своей классовой принадлежности они были лишены подлинно пролетарской логики и ослеплены идеологией. Избавившие нас неизъяснимые декреты истории вынесли им приговор. Будущее за нами» (Мизес, 2023. С. 80). Л. фон Мизес в данном отрывке реконструирует марксистский социализм как одну из идеологий.

В работах Л. Мизеса предлагается трактовка идеологии как совокупности теорий о поведении индивида и функционировании общества. «Идеология – это совокупность наших теорий и основанных на них технологий, в той мере, в какой они касаются вопросов общества» (Mises, 1940. S. 147). Фактически определение идеологии Л. Мизеса затрагивает очень широкие аспекты объяснений человеческого поведения. Поэтому он дает уточнения относительно соотношения идеологии и мировоззрения: «Понятие идеологии уже понятия мировоззрения. Говоря об идеологии, мы имеем в виду только человеческую деятельность и общественное сотрудничество и пренебрегаем проблемами метафизики, религиозными догматами, естественными науками и выводимыми из них технологиями. Идеология – это совокупность наших теорий относительно индивидуального поведения и общественных отношений» (Мизес, 2023. С. 169).

В рамках институциональной экономики наибольший интерес к проблематике идеологии можно найти в работах Д. Норта, который использует несколько ее определений. Так, в наиболее общем виде Д. Норт трактует идеологию как убеждения и взгляды индивидов, используемые ими для объяснения окружающего мира. «Под идеологией я понимаю субъективное восприятие (модели, теории), которым располагают все люди для того, чтобы объяснять окружающий мир» (Норт, 1997. С. 41). Трактовка Д. Норта в приведенном определении еще более широкая, чем у Л. Мизеса, здесь идеология схожа с тем, что Л. Мизес называл мировоззрением. Но Д. Норт приводит и более операциональное определение идеологии: «Идеологии – это имеющиеся у групп индивидов общие рамки ментальных моделей, которые обеспечивают как интерпретацию окружающей среды, так и предписания относительно того, как эта среда должна быть упорядочена» (North, 1994. P. 363). И данное определение можно считать наиболее полезным для исследования распространения идеологии в экономической науке.

Наиболее часто идеологию в экономической науке рассматривают в контексте нормативных суждений о лучшей организации хозяйственных процессов (Badiei, 2024). Например, Т. Пикетти рассматривает идеологию как набор идей о желательном устройстве общества. «Я использую „идеологию“ в позитивном и конструктивном смысле, чтобы обозначить набор априорно правдоподобных идей и дискурсов, описывающих, как должно быть устроено общество. Идеология имеет социальные, экономические и политические аспекты. Она представляет собой попытку ответить на широкий круг вопросов, касающихся желательной или идеальной организации общества» (Piketty, 2020. P. 3).

Известный экономический историк Дж. Мокир рассматривает идеологию с функциональной точки зрения, как один из инструментов для трансляции убеждений и социальных ценностей или как механизм преодоления проблемы «безбилетника» (Мокир, 2012; Мокур, 2016). «Идеология – это механизм, с помощью которого общество преодолевает проблему „безбилетника“» (Мокур, 2016. P. 121).

Примечательно также политологическое определение идеологии, предложенное известным российским политологом В. П. Макаренко. «Под идеологией имеется в виду система идей о политике, обществе, поведении класса (группы), которая (система идей) оправдывает определенные действия» (Макаренко, 2013. С. 120).

В СМИ и обыденном восприятии идеология иногда отождествляется с государственной идеологией. Примером является распространенный нарратив «отсутствия идеологии»¹ (имеется в виду конституционно

¹ Абдуллин, Р. (2021, 16 мая). Глава РАН: качество высшего образования падает из-за проблем в школах – в них отсутствует идеология. Афиша Daily. <https://daily.afisha.ru/news/50482-glava-ran-kachestvo-vysshego-obrazovaniya-padaet-iz-za-problem-v-shkolah-v-nih-otsutstvuet-ideologiya/>

установленный запрет на государственную или обязательную идеологию²). При этом в ст. 13 Конституции Российской Федерации «признается идеологическое многообразие». Очевидно, что многообразие идеологий не означает отсутствия идеологии.

Согласно В. Л. Макарову и Д. С. Львову, в России к началу 1990-х гг. старая (советская) идеология была разрушена, и нужно создать новую. Авторы утверждают, что «отрицание всякой идеологии есть также идеология. Нормальное стабильное общество должно, по определению, иметь ясную, подкрепленную соответствующими институтами, идеологию» (Макаров, Львов, 1996. С. 14). Исследователи приводят пример научной статьи, являющейся образчиком «идеологии в чистом виде». То есть идеология ими наблюдается, но их не устраивает то, что она формируется «стихийно, случайно, неосознанно», «нет доминирующей, нет официальной или государственной идеологии» (Макаров, Львов, 1996. С. 14–15).

Одним из источников путаницы при изучении идеологий является неизбежное использование одинаковых терминов для обозначения идеологий и общественных систем. Дж. Ходжсон отмечает, что «важно различать доктрины (включая идеологии) и системы (действительные или предлагаемые) в реальном мире. Хотя они могут взаимодействовать друг с другом, доктрины и системы реального мира различны» (Hodgson, 2019. Р. 12). Например, социализм как идеология и социализм как реальная общественная система отличаются как различные предметы исследования.

В рамках данной статьи мы используем как базовое определение идеологии нобелевского лауреата Д. Норта: «Идеологии – это имеющиеся у групп индивидов общие рамки ментальных моделей, которые обеспечивают как интерпретацию окружающей среды, так и предписания относительно того, как эта среда должна быть упорядочена» (North, 1994. Р. 363). Ментальные модели тесно связаны с институтами: «Между ментальными моделями и институтами существует тесная взаимосвязь. Ментальные модели – это внутренние представления, которые индивидуальные когнитивные системы создают для интерпретации окружающей среды; институты – это внешние (по отношению к разуму) механизмы, которые создают люди для структурирования и упорядочения окружающей среды» (North, 1994. Р. 363). Институты можно изучать через различные способы их распространения в обществе, например, через нарративы, нормативные акты, этические правила, религиозные нормы. Ментальные модели также можно изучать через выявление идей, которые используются индивидами. Во взаимодействии людей ментальные модели посредством языка транслируются как идеи: «Слова, используемые для передачи идей ментальной модели, используются многократно, поскольку сторонники обсуждают свои идеи между собой, как устно, так и письменно. В результате ментальные модели двух людей должны стать более похожими... Ментальные модели передаются посредством коммуникации, а коммуникация позволяет создавать идеологии и институты в процессе совместной эволюции» (Denzau, North, 1994. Р. 20).

Исходя из нортвской трактовки ментальных моделей, идей и институтов, можно рассматривать идеологию как широко распространенную в обществе систему идей о различных по предпочтительности способах общественного устройства и принципах институционального регулирования человеческой деятельности.

Концепты и идеологические основания социализма

В настоящей работе рассматриваются тексты, которые могут быть интерпретированы как образцовые примеры изложения идеологий социализма и либерализма. В первую очередь образцом могут считаться манифесты идеологий и тексты авторов, которые провозглашают свою приверженность соответствующей идеологии. Во-вторых, рассматриваются тексты, соответствие которых изучаемой идеологии устанавливается в ходе проведенного исследования; при этом выбираются тексты, связи которых с некоторой идеологией не вызывают существенных сомнений и возражений. Выбор образцовых примеров воплощения идеологии важен для решения задач дальнейшей идентификации текстов как имеющих связь с изучаемой идеологией. Представляется важным достижение достаточного разнообразия образцовых текстов, с тем чтобы они в основном покрывали вариативность изложения идеологических вопросов в рамках каждой идеологии.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

В настоящей работе идеологии классифицируются в зависимости от важнейшей цели, к достижению которой они призывают. В каждой идеологии есть некоторая центральная идея относительно конечной цели функционирования экономики (благополучие населения, справедливое распределение богатства, экономическая свобода и др.). Ценность этой конечной цели является наивысшей в соответствующей идеологии. Например, наивысшей ценностью в идеологии социализма обладает распределительное равенство. В идеологии либерализма – свобода. В идеологии особого пути наивысшей ценностью обладают общественные интересы некоторого сообщества, содержание которых определяется государством.

Предлагается следующая реконструкция основного содержания идеологий социализма и либерализма.

Социализм основан на приоритете распределительного равенства. Поддерживаются идеи построения справедливого общества из равных людей (эгалитаризм). Справедливость понимается как распределительная справедливость. В данном контексте идеология социализма придерживается коллективизма. Общая цель состоит в равенстве, она преобладает над индивидуальными целями. Данная общая цель может быть достигнута путем масштабного перераспределения ресурсов государством (посредством налогообложения и социальных программ) от богатых к бедным. Как правило, социализм придает большое значение роли государства в экономике (этатизм). Если в полной мере возлагать на государство ответственность за экономические решения не планируется, то сохраняется рынок, искаженный государственным вмешательством, сохраняется частная собственность, в существенной мере ограниченная государственными полномочиями. Если же на государство возлагается ответственность за экономические решения, то в качестве механизма координации в экономике отдается предпочтение централизованному планированию, при этом частная собственность отменяется, может допускаться некоторая личная собственность, но в основном собственность должна принадлежать государству. Обычный социализм имеет интернациональный характер, так как равенство должно быть достоянием всего человечества. Поэтому национальные интересы отступают перед интернациональными программами, реализуемыми государством. В отличие от неолиберализма, отчасти также признающего ограниченное государственное вмешательство, в данном случае не ставится цели достижения максимальной эффективности экономической системы. Стремление к равенству ведет к утрате стимулов для накопления богатства. Тем не менее предполагается, что экономика будет развиваться и обеспечит изобилие благ в будущем. При этом в реальности высокий уровень жизни может и не достигаться. В сохранении девственной природы не видится особой ценности, а освоение природных ресурсов является важным фактором обеспечения развития экономики и повышения уровня жизни.

Имеются иные интерпретации социализма. Понятие социализма может трактоваться двояко: как социалистическая идеология (система идей, сформулированная учеными-социалистами) и как социалистический порядок в обществе. В настоящей работе изучается социалистическая идеология, не рассматривается ни проблема практической реализуемости социализма, ни воплощение социализма на практике.

В известной работе Й. Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» социализм преимущественно рассматривается как тип общественного устройства, а не как идеология. Согласно Й. Шумпетеру, социалистическое государство имеет преимущество перед капиталистом – собственником предприятия благодаря наличию более широких возможностей контроля рабочих и предотвращения забастовок. При социализме «забастовка будет равнозначна бунту» и будет подавлена государством. «Попытки парализовать хозяйственную деятельность, настроить людей против работы расценивались бы как посягательство на правительство» (Шумпетер, 1995). Очевидно, что такое реалистическое понимание социализма отличается от идеологии диктатуры пролетариата в марксистском социализме.

Л. фон Мизес и Й. Шумпетер определяли социализм как обобществление средств производства. «Цель социализма – передать средства производства из частной собственности в собственность организованного общества, государства» (Мизес, 1994). «Социалистическим обществом мы будем именовать институциональную систему, при которой контроль над средствами производства и самим производством находится в руках центральной власти или, иначе говоря, где принадлежность экономики к общественной сфере, а не частной сфере – дело принципа» (Шумпетер, 1995).

Теоретик и практик социализма И. В. Сталин дал следующее определение: «Осуществление социализма – это уничтожение товарного производства, упразднение денежного хозяйства, разрушение капитализма до основания и обобществление всех средств производства» (Сталин, 1946а. С. 92). Данное определение схоже по смыслу с определениями Л. фон Мизеса и Й. Шумпетера.

Современный представитель австрийской школы Х. Уэрта де Сото предложил более общее (чем у Л. Мизеса) определение социализма как любой системы «институциональной агрессии против свободного проявления предпринимательства» (Уэрта де Сото, 2008. С. 101). Социализм в этом определении также характеризуется как тип общественного устройства, а не как идеология. В теории Х. Уэрта де Сото наглядно проявляется либеральная идеологическая составляющая: социализм в самом своем определении получает негативную характеристику.

Это определение контрастирует с определением из советского учебника политэкономии, в котором идеологическая составляющая придавала положительные характеристики социализму. «Социализм есть строй, основанный на общественной собственности на средства производства в двух ее формах – государственной (общенародной) и кооперативно-колхозной, строй, при котором нет эксплуатации человека человеком, народное хозяйство развивается планомерно, в целях наиболее полного удовлетворения растущих потребностей трудящихся путем непрерывного подъема производства и осуществляется принцип распределения по труду» (Островитянов и др., 1954. С. 366).

Согласно Й. Шумпетеру, социализм может быть как эгалитарным, так и не эгалитарным. В России наиболее распространен эгалитарный социализм марксистского толка. Менее распространенный христианский социализм допускает неравенство (см. например, аристократический социализм Н. А. Бердяева (Бердяев, 2012; Макарова, 2021)).

Дж. Ходжсон разграничивает «большой социализм» и «малый социализм». «Большой социализм» предполагает систему «общенациональной общественной собственности». Ему свойственна агорафобия (боязнь рынков). По мнению Дж. Ходжсона, эти особенности подразумевают значительную роль государства, централизованное планирование, что позволяет охарактеризовать «большой социализм» как государственный социализм (при этом им сделана оговорка, что не все исследователи разделяют взгляд на неизбежность значительной роли государства при социализме в масштабах общества). «Малый социализм» предполагает общую собственность и равенство в относительно меньших группах (в коммунах, кооперативах, кибуцах), которые могут взаимодействовать между собой или другими внешними субъектами посредством рынков. В интерпретации Дж. Ходжсона понятие социализма имеет более широкий смысл, чем установление общественной собственности на средства производства. Согласно Дж. Ходжсону, «социалисты предлагают рациональное устройство общества, основанное на человеческой солидарности и сотрудничестве, а не на эгоистичном индивидуализме» (Hodgson, 2019. Р. 6).

Примеры идеологии социализма

Государственный и рыночный социализм имеют родственное происхождение. В России они связаны в наибольшей мере с марксизмом. Немарксистские формы социализма в России менее распространены, чем марксистские. Представляется возможным для государственного и рыночного социализма использовать один общий манифест – Манифест Коммунистической партии (Маркс, Энгельс, 2020).

Специфические для идеологии государственного социализма источники характеризуют принципы плановой экономики: (Сталин, 1946b; Островитянов и др., 1954; Гончаренко и др., 1962; Катасонов, 2014). Например, признавая отсутствие надобности в государстве и в политической власти при социализме, И. В. Сталин при этом в соответствии с диалектической логикой пишет о необходимости существования при социализме бюро. «...для ведения общих дел, наряду с местными бюро, в которых будут сосредоточиваться различные сведения, социалистическому обществу необходимо будет центральное статистическое бюро, которое должно собирать сведения о потребностях всего общества и затем соответственно распределять различную работу между трудящимися» (Сталин, 1946b. С. 336).

Для представления рыночного социализма могут быть использованы программа Рыжкова – Абалкина, работы о титоизме (Новосельцев, 2017), реформах Дэна Сяопина (Портяков, 1998) и построении социалистической рыночной экономики в Китае (в контексте применения аналогичных мер в России), а также работы зарубежных авторов, поддерживающих социализм, но не стремящихся к замене рыночного механизма централизованным планированием (Piketty, 2020). Например, Н. И. Рыжков в своих мемуарах сформулировал следующие императивы формирования «современной рыночной экономики»: «...экономика СССР должна была:

- соответствовать достигнутому человеческой цивилизацией уровню развития и требованиям XXI века;
- создать равные условия различным формам собственности: государственной, кооперативной, смешанной, частной и т. д.;
- обеспечить свободу действий товаропроизводителям, конкуренцию между ними, глубокую экономическую демократию как основу ее в политической и социальной сферах;
- иметь социально ориентированный рынок со значительной регулирующей ролью государства, использующего на каждом этапе развития различные сочетания экономических и административных методов» (Рыжков, 1995. С. 419).

Примеры изложения социалистической идеологии также представлены в работах таких российских авторов, как А. В. Бузгалин, М. И. Воейков, Р. С. Дзарасов, В. Н. Елисеев, А. И. Колганов (Бузгалин, Колганов, 2004; Воейков, 2022; Дзарасов, 2015; Елисеев, 2017; Колганов, 2012).

Помимо секулярных версий социализма, в России представлен также христианский (православный) социализм. Современные работы в данном русле в значительной степени представляют обсуждение и анализ работ российских авторов конца XIX – начала XX в. (С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и др.) (Ипполитов, 2021; Сизова, 2015; Макарова, 2021). Однако специфика данных идеологических вариантов не позволяет однозначно отнести их к идеологии социализма. Подобные публикации в русле православного социализма лучше соотносятся с идеологией «особого пути».

Принятая в настоящей работе трактовка социализма согласуется с его определением через нацеленность на равенство, а не определением через предлагаемые средства достижения этой цели (обобществление средств производства, централизованное планирование). Определение через нацеленность на равенство представлено в современном российском марксизме. «Социализм – совокупность различных концепций, исходящих из необходимости замены существующего общества другим, основанным на социальном равенстве, т. е. на предоставлении каждому человеку равных возможностей во всех сферах жизни общества – экономической, политической и т. д.» (Колганов, 2012. С. 15).

Либерализм и неолиберальная идеология

Либерализм основан на приоритете принципа свободы. Справедливость понимается как соблюдение прав и свобод человека. Идеология либерализма придерживается индивидуализма. Масштабное перераспределение ресурсов государством не одобряется. Либерализм поддерживает ограничение роли государства в экономике. Масштабы этой роли и пределы ее ограничения являются предметом дискуссий между разными версиями либерализма. В любом случае не предполагается возлагать на государство ответственность за важнейшие экономические решения. Подчеркивается важная роль рынков и частной собственности. В некоторых вариантах либерализма признается существование провалов рынка, что является основанием для государственного регулирования. Некоторые ограничения частной собственности также допускаются менее последовательными сторонниками либерализма. Относительно проблемы государственного вмешательства в экономику классический либерализм рекомендует минимизировать это вмешательство, в то время как неолиберализм стремится интегрировать квазирыночные механизмы в сферу государственного управления и общественного сектора. Либерализм придерживается глобалистских взглядов и поддерживает свободу международной торговли, протекционизм критикуется. Либерализм положительно относится к росту богатства населения, увеличению доходов и потребления. Развитие экономики трактуется как положительный результат эффективных институтов и благотворной политики в духе либерализма, вмешиваться в процесс экономического роста для его ускорения не требуется. Не стоит пытаться тянуть ростки, чтобы помочь им расти.

Согласно М. Фридману, «сердцевиной философии либерализма является вера в достоинство человека, в его свободу максимально развивать свои способности и использовать свои возможности по собственному разумению с единственным условием, что он не будет препятствовать другим людям поступать подобным же образом. Из этого вытекает вера в равенство людей в одном смысле и в их неравенство в другом» (Фридман, 2006. С. 270). По мнению М. Фридмана, «сторонник либерализма проводит резкое различие между равенством прав и равенством возможностей, с одной стороны, и материальным равенством, или равенством последствий, с другой» (Фридман, 2006. С. 271). Либерализм признает равенство людей в их правах на свободу. Но либерализм отвергает использование принуждения для эгалитаристского перераспределения (равного распределения богатства).

В настоящее время идеология классического либерализма в некоторой мере утратила популярность. Его идейным наследником выступает неолиберализм.

Неолиберализм нацелен на рост богатства населения, для чего необходимы эффективные институты и государственная политика. Неолиберализм признает ограниченную роль государства в экономике (производство общественных благ, регулирование естественных монополий и в целом проведение антимонопольной политики). При этом государство должно проводить политику, нацеленную на поощрение конкуренции в рыночной экономике, и, более того, внедрять квазирыночные механизмы в общественном секторе экономики. Власть имеет значение, так как «сила создает права». Права и свободы индивидов являются важным фактором привлекательного инвестиционного климата и должны защищаться государством (утилитаристский подход к свободе). Рынки должны развиваться, государство должно поддерживать конкуренцию. Частная собственность имеет преимущества перед другими формами собственности благодаря созданию стимулов к более эффективному использованию ресурсов. Международная торговля должна быть освобождена от барьеров, иметь такой же рыночный характер, как и внутренняя (фритредерство). Если в результате развития экономики возникает загрязнение окружающей среды, то решение этой проблемы заключается в определении прав собственности на загрязнение и использовании рыночных механизмов для передачи этих прав тому, кто ценит их больше всего.

Происхождение неолиберализма, наряду с анархо-капитализмом, восходит к классическому либерализму, который представлен, в частности, Дж. Локком (Локк, 1988). Дж. Локк подвергает критике доктрину патернализма, рабство и деспотическую власть, развивает трудовую теорию собственности. «Таким образом, несмотря на всевозможные лжетолкования, целью закона является не уничтожение и не ограничение, а сохранение и расширение свободы. <...> Свобода <...> представляет собою свободу человека располагать и распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется, и, таким образом, не подвергаться деспотической воле другого, а свободно следовать своей воле» (Локк, 1988. С. 292–293).

Многие исходные публикации, послужившие основой неолиберализма, не представлены на русском языке (Simons, 1948; Friedman, 1951). В основном это исследования представителей Чикагской экономической школы, в особенности М. Фридмана. Но другие работы М. Фридмана переведены на русский язык (Фридман, 1989; Фридман, 2006; М. Фридман, Р. Фридман, 2007). Также есть ряд иных трудов (Олсон, 2013; Аджемоглу, Робинсон, 2016; Аджемоглу, Робинсон, 2021). В России к сторонникам неолиберализма могут быть отнесены, в частности, Е. Т. Гайдар, Р. И. Капелюшников, А. Л. Кудрин, В. А. Мау, А. В. Улюкаев, П. В. Усанов, А. Б. Чубайс, Е. Г. Ясин (Гайдар, Чубайс, 2011; Гайдар, Мау, 2004а, 2004б; Капелюшников, 2022; Кудрин, 2011; Улюкаев, 1995; Усанов, 2021; Ясин, 2002).

Спецификой постсоветского неолиберализма в России стало встречающееся в ряде работ, на первый взгляд, парадоксальное сочетание неолиберальной идеологии с марксистской методологией и терминологией (Мамедов, 2013). Неолиберальные авторы без каких-либо внутренних противоречий могут разделять марксистскую точку зрения, например, относительно того, что в основе общественной системы лежат используемые производственные технологии (концепция базиса и надстройки), марксистский тезис о прогрессивности глобализации, в целом марксистскую философию истории с ее законами исторического развития (Гайдар, Мау, 2004а). Например, Е. Т. Гайдар и В. А. Мау трактуют либеральную концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы как основанную на марксистской традиции (Гайдар, Мау, 2004б). Согласно Е. Т. Гайдару и В. А. Мау, углубление исследовательской традиции либерального марксизма является естественным и даже необходимым.

Понятие либерализма оказалось размыто в результате проникновения социалистических идей в работы авторов, которых многие продолжали идентифицировать как либералов. В особенности это коснулось англо-американского либерализма. Например, Дж. Ходжсон выделяет «радикальный либерализм», который стремится к большему экономическому равенству и сильному государству всеобщего благосостояния. В его интерпретации такими либералами были «Джон Аткинсон Гобсон, Дэвид Ллойд Джордж, Джон Дьюи, Джон Мейнард Кейнс, Уильям Беверидж и Майкл Поланьи» (Hodgson, 2019. Р. 44). Подобная интерпретация не является общепринятой. Например, Дж. А. Гобсона относят к сторонникам гильдейского социализма (Мизес, 1994). Относительно взглядов Дж. М. Кейнса существует дискуссия, в ходе которой некоторые авторы доказывают его приверженность «либеральному социализму» (Crotty, 2019).

Трансформация либерализма в социалистическом направлении рассматривалась М. Фридманом как искажение исходного смысла понятия либерализма. «Развившееся в конце XVIII – начале XIX в. интеллекту-

альное движение, носившее имя либерализма, делало упор на свободу как на конечную цель и на индивида как на конечную единицу общества. <...> Начиная с конца XIX в. и особенно после 1930-х гг. в США термин либерализм стал отождествляться с совершенно иным упором, и прежде всего в сфере экономической политики. Он стал отождествляться со стремлением полагаться для достижения искомым целей не на добровольные частные методы, а на государство. Лозунгами его стали благосостояние и равенство, а не свобода» (Фридман, 2006. С. 20).

Исследования Дж. С. Милля дают ранний пример соединения либеральных и социалистических идей. По мнению Дж. С. Милля, частная собственность может быть оправдана только тем, что «означает гарантию, предоставляемую людям на обладание плодами их собственного труда и бережливости» (Милль, 1980. С. 350). Обсуждая идеи утопических социалистов (Р. Оуэна, А. Сен-Симона, Ш. Фурье), Дж. С. Милль стремился защитить их от критики, указывая на потенциал дальнейшего развития социализма, с оптимизмом смотрел на социалистические эксперименты. В русле идей либерализма он признавал ценность свободы, однако при этом свобода оказалась на втором месте в иерархии целей. «После обеспечения средствами к существованию наиболее сильной из личных потребностей людей является свобода <...>. Идеалом и общественного устройства, и практической морали было бы обеспечение для всех людей полной независимости и свободы действий, без каких-либо ограничений, кроме запрета на причинение вреда другим людям...» (Милль, 1980. С. 351). При этом Дж. С. Милль считал преувеличением, что социализм может препятствовать свободе людей. Обобщая взгляды Дж. С. Милля на возможность и предпочтительность социализма (по сравнению с системой частной собственности), можно констатировать, что он признавал отсутствие во время написания работы (1848–1871 гг.) достаточных знаний о преимуществах и недостатках социализма (как и о пределах совершенствования системы частной собственности). В условиях недостатка знаний остается желать, чтобы разновидности социализма «получили возможность пройти испытания на практике. <...> Все они могут быть испытаны в умеренном масштабе без всякого личного или материального риска для кого бы то ни было, кроме участвующих в эксперименте» (Милль, 1980. С. 360).

Исследование Дж. С. Милля примечательно также формулировкой соотношения между социализмом и коммунизмом. «Слово „социализм“, которое возникло среди английских коммунистов и принято ими как название, характеризующее их собственную доктрину, теперь [в 1849 г.] употребляется на континенте в более широком смысле, как термин, необязательно предполагающий коммунизм или полное уничтожение частной собственности, но применяемый по отношению к любой системе, требующей, чтобы земля и орудия производства были собственностью не отдельных лиц, а сообществ или ассоциаций, или же правительства» (Милль, 1980. С. 343).

Еще один источник различий в интерпретациях – это совмещение экономических и политических аспектов идеологий. Такие идеологии, как либерализм и социализм, кроме экономического содержания, имеют и признанное политическое содержание. Это дает возможность интерпретации в качестве либералов тех авторов, которые придерживаются либеральных взглядов в области политики, но имеют социалистические взгляды в области экономики. Но в настоящей работе применяется иной подход, так как изучается идеология в экономической науке, и, соответственно, политические аспекты идеологий подробно не анализируются. Многие экономисты как либерального, так и социалистического толка (в частности, Ф. А. фон Хайек, А. Э. Ф. Шеффле, М. Фридман, Дж. М. Ходжсон), обсуждали вопрос несовместимости централизованного планирования в экономике при плановом социализме с демократией в политике (Hodgson, 2019) и признавали ценность демократии. Другие экономисты, в частности Й. Шумпетер, считали, что социализм совместим с демократией (Шумпетер, 1995). Наконец, анархо-капиталисты, в частности, Г.-Г. Хоппе, по экономическим взглядам близки к классическому либерализму, но настроены антидемократически (Hорре, 2001). В нашем подходе различные взгляды на демократию не являются критерием демаркации видов экономической идеологии.

Социализм и либерализм: общее и особенное

Социализм и классический либерализм воспринимаются большинством экономистов как идеологические противоположности. Примером такого противопоставления является исследование идеологий нобелевских лауреатов. В ходе исследования идеологической миграции ведущих мировых экономистов, проведенно-

го Д. Б. Клейном с соавторами, были изучены идеологические воззрения 71 лауреата премии Шведского государственного банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля (Klein et al., 2013). Различия в идеологиях были представлены как большая, меньшая приверженность или враждебность классическому либерализму. Соответственно, идеологическая миграция предстает как изменение взглядов в сторону классического либерализма или в противоположном направлении. В данном случае использован одномерный подход к идеологии; выделена одна ось, по которой смещаются идеологические воззрения изучаемых авторов. Это также означает, что автор, который более привержен социализму, является менее приверженным классическому либерализму. Многие известные экономисты, например, Г. Беккер, Дж. Бьюкенен, Ф. А. фон Хайек, имели в молодости более социалистические взгляды, от которых в дальнейшем отказались. Другие экономисты, напротив, стали мигрировать в сторону социализма. Например, Р. Фриш стал поклонником советской системы экономического планирования и пропагандистом преимуществ плановой экономики. Б. Олин под влиянием идей Дж. М. Кейнса стал нападать на либерализм и экономику свободного рынка Э. Хекшера, признал преимущество «плановой организации» (Klein et al., 2013). Д. Б. Клейн систематизировал информацию об идеологической миграции ряда нобелевских лауреатов в зависимости от направления и значительности изменения их идеологических воззрений (табл.).

Идеологические миграции нобелевских лауреатов по экономике
Ideological migrations of Nobel laureates in Economics

Изменение идеологии / Change of ideology	Степень изменения / Degree of change	Лауреаты Нобелевской премии по экономике / Nobel laureates in Economics
Стал более классическим либералом / Became a more classical liberal	Гораздо больше / Much more	Джеймс Бьюкенен, Рональд Коуз, Роберт Фогель, Фридрих Хайек, Франко Модильяни, Дуглас Норт, Вернон Смит / James Buchanan, Ronald Harry Coase, Robert William Fogel, Friedrich August von Hayek, Franco Modigliani, Douglass Cecil North, Vernon Lomax Smith
	Больше, но не намного / Not much more	Кеннет Эрроу, Джеймс Миррлис, Теодор Шульц, Амартия Сен / Kenneth Joseph Arrow, James Alexander Mirrlees, Theodore William Schultz, Amartya Kumar Sen
	Немного больше / A little more	Милтон Фридман, Эрик Маскин, Эдмунд Фелпс, Томас Сарджент, Джордж Стиглер / Milton Friedman, Eric S. Maskin, Edmund S. Phelps, Thomas John Sargent, George Joseph Stigler
Стал менее классическим либералом / Became a less classical liberal	Намного меньше / Much less	Рagnar Фриш, Бертиль Олин / Ragnar Anton Kittil Frisch, Bertil Gotthard Ohlin
	Меньше, но не намного / Not much less	Питер Даймонд / Peter A. Diamond
	Немного меньше / A little less	Джон Хикс, Пол Кругман / John Richard Hicks, Paul Robin Krugman

Источник: (Klein, 2013. P. 219).

Source: (Klein, 2013. P. 219).

Идеологии социализма и либерализма предстают на практике как континуум взглядов между яркими четко различающимися противоположными позициями; но промежуточные позиции может быть нелегко отнести к одной из этих противоположностей.

Несмотря на то, что между социализмом и либерализмом в экономической науке обычно идут наиболее ожесточенные споры, они имеют родственное происхождение, им свойственна нацеленность на модернизацию и социально-экономические преобразования, а не на традиционализм. Различия между социализмом и либерализмом состоят в направлениях предлагаемых преобразований и в средствах их осуществления. Социализм ставит задачу повышения благосостояния бедных для достижения распределительного равенства. И ради этой цели социализм готов отказаться от индивидуальных свобод (многих или всех свобод, в зависимости от радикализма сторонников данной идеологии). Напротив, либерализм ставит цель расширения свобод индивидов. Если в результате свободного взаимодействия индивидов возникает неравенство распределения

экономических благ и бедняки страдают от нищеты, то в идеологии либерализма эта ситуация не является основанием для принудительного перераспределения благ в их пользу.

Для архаичных социально-экономических систем характерна ограниченность индивидуальных свобод, в них перераспределение благ происходит в направлении от бедных к богатым, что является объектом критики с обеих сторон – и со стороны социализма, и со стороны либерализма.

Безусловно, современные либерализм и социализм имеют множество разновидностей, которые продвигаются научными школами. Но в рамках данной статьи реализована задача изучения эволюции концептов социализма и либерализма в контексте идеологических течений в экономической науке. В настоящее время наиболее влиятельной и распространенной в экономической науке является неолиберальная идеология, которая комплементарна положениям мейнстрима и в явной и неявной формах присутствует в большинстве западных и отечественных университетских учебников.

Заключение

Исследование идеологий в экономической науке приобретает особую важность в условиях значительных институциональных изменений и проведения реформ. По меткому выражению академика В. М. Полтеровича, «Идеология скрепляет “научно установленные” факты, организуя их в единое целое, представляющее собой философское осмысление рассматриваемых проблем. Чем большее число таких фактов удастся объединить в рамках той или иной идеологической установки, тем большее доверие вызывают предположения, фактически лежащие в ее основе» (Полтерович, 2017. С. 57). Поэтому идеологическое влияние всегда значимо при проведении социально-экономических преобразований, даже если ученые и политики декларируют отказ от идеологии как таковой (Макаров и др., 2019).

Если идеологию рассматривать через призму распространения в сообществе экономистов определенных ментальных моделей и идей, с помощью которых они объясняют экономические явления и предлагают пути преобразований, то идентификация конкретной идеологической окрашенности позитивных и нормативных суждений позволяет акцентировать внимание на взаимосвязи между идеологией и стратегией реформ.

Сравнение идеологий либерализма и социализма на современном этапе их эволюции показывает различие поставленных ими целей. Классический либерализм ставил своей целью обеспечение свободы человека, а преобладающий в настоящее время неолиберализм нацелен на рост богатства населения. Социализм обыкновенно ставит своей целью обеспечение распределительного равенства людей. Но существуют и неэгалитарные версии социализма, которые ставят цель огосударствления экономики. Несмотря на кардинальное различие провозглашаемых целей, у либерализма и социализма есть и общие черты. И некоторые экономисты, например, Дж. С. Милль, предпринимали попытки соединения либеральных и социалистических идей. Со временем идеологические взгляды экономистов могут трансформироваться. Все это делает более расплывчатой картину идеологического противостояния либералов и социалистов в экономической науке.

Социалистические и неолиберальные идеологические установки в настоящее время являются важными факторами, определяющими мировоззрение экономистов. Определение и выявление в явной форме генезиса и эволюции этих идеологий полезно для понимания возможных рекомендаций по совершенствованию различных институтов современного российского хозяйственного порядка.

Список литературы

- Аджемоглу, Д., Робинсон, Дж. А. (2016). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. Москва: АСТ.
- Аджемоглу, Д., Робинсон, Дж. А. (2021). *Узкий коридор*. Москва: АСТ.
- Бердяев, Н. А. (2012). *Философия неравенства*. Москва: Институт русской цивилизации.
- Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2004). Нужен ли нам либеральный марксизм? (о статье Е. Гайдара и В. Мау «Марксизм: между научной теорией и „светской религией“»). *Вопросы экономики*, 7, 132–149. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-7-132-149>

- Воейков, М. И. (2022). СССР: народнохозяйственное планирование как форма государственного патернализма. *Вопросы политической экономики*, 32(4), 31–35.
- Гайдар, Е. Т., Мау, В. А. (2004a). Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология). *Вопросы экономики*, 5, 4–27. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-5-4-27>
- Гайдар, Е. Т., Мау, В. А. (2004b). Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология). *Вопросы экономики*, 6, 28–56. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-6-28-56>
- Гайдар, Е. Т., Чубайс, А. Б. (2011). *Развилки новейшей истории России*. Москва: ОГИ.
- Гончаренко, Б. Л., Петрушин, М. И., Самборский, Г. И., Толкачев, А. С. (1962). *Непрерывность в планировании и показатели государственного плана*. Москва: Издательство экономической литературы.
- Дзарасов, Р. С. (2015). Капитализм и социализм на весах политической экономики. *Вопросы политической экономики*, 3, 30–41.
- Елисеев, В. Н. (2017). Современная экономика России: опыт функционирования хозяйственного механизма. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки*, 32(3), 70–75. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2017-32-3-70-75>
- Ипполитов, Л. М. (2021). С. Н. Булгаков об институциональных основах экономической системы (к 150-летию со дня рождения). *Горизонты гуманитарного знания*, 6, 25–33. <http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2021.6.4>
- Капелюшников, Р. И. (2022). Приключения «неолиберализма». *Философско-литературный журнал «Логос»*, 32(4), 1–49. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-4-1-49>
- Катасонов, В. Ю. (2014). *Экономика Сталина*. Москва: Институт русской цивилизации.
- Колганов, А. И. (2012). *Что такое социализм? Марксистская версия*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Кудрин, А. Л. (2011). Пути модернизации российской экономики. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, 4, 4–13.
- Локк, Дж. (1988). Два трактата о правлении. *Сочинения в трех томах* (т. 3, с. 135–406). Москва: Мысль.
- Макаренко, В. П. (2013). *Русская власть и бюрократическое государство, часть 1: монография*. Ростов н/Д: Март.
- Макаров, В. Л., Гребенников, В. Г., Деметьев, В. Е., Устюжанина, Е. В. (2019). Идеология и наука (по материалам обсуждения в ЦЭМИ РАН). *Российский экономический журнал*, 4, 55–69.
- Макаров, В. Л., Львов, Д. С. (1996). Общественная наука в новой России. *Вестник РГНФ*, 4, 12–15.
- Макарова, А. Ф. (2021). Аристократический социализм Николая Бердяева. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 22(2), 208–220.
- Мамедов, О. Ю. (2013). Европейский либерализм и российская экономика – драма безответной любви? *Terra Economicus*, 11(4), 6–11.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. (2020). *Принципы коммунизма. Манифест Коммунистической партии*. Москва: Издательство АСТ.
- Мизес, Л. (1994). *Социализм. Экономический и социологический анализ*. Москва: Catallaxy.
- Мизес, Л. (2023). *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*. Москва; Челябинск: Социум.
- Милль, Дж. С. (1980). *Основы политической экономики*. Москва: Прогресс.
- Мокир, Дж. (2012). *Дары Афины*. Москва: Изд-во Института Гайдара.
- Новосельцев, Б. С. (2017). Два визита Й. Броза Тито в Румынию в 1966 г. *Славянский мир в третьем тысячелетии*, 12, 282–293.
- Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Фонд экономической книги «Начала».
- Олсон, М. (2013). *Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз*. Москва: Новое издательство.
- Островитянов, К. В. и др. (1954). *Политическая экономия: учебник*. Москва: Госполитиздат.
- Полтерович, В. М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология. *Вопросы теоретической экономики*, 1, 55–65.
- Портяков, В. Я. (1998). *Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина*. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Рыжков, Н. И. (1995). *Десять лет великих потрясений*. Москва: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие».
- Сизова, Н. Е. (2015). Концепция «христианского социализма» как модель общественного идеала у С. Н. Булгакова. *Вестник Томского государственного университета*, 400, 100–103. <https://doi.org/10.17223/15617793/400/15>
- Сталин, И. В. (1946a). Аграрный вопрос. *Сочинения* (т. 1, с. 214–229). Москва: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы.
- Сталин, И. В. (1946b). Анархизм или социализм? *Сочинения* (т. 1, с. 294–372). Москва: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы.
- Улюкаев, А. В. (1995). Либерализм и политика переходного периода в современной России. *Мир России*, 2, 3–35.
- Усанов, П. В. (2021). *Экономическая история США: от «ковбойского капитализма» Р. Рейгана до «Леонида Ильича» Байдена (1988–2021)*: Препринт М-83/21. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

- Уэрта де Сото, Х. (2008). *Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция*. Москва, Челябинск: ИРИСЭН, Социум.
- Фридман, М. (1989). Рынок как средство развития общества. *Гуманитарный портал*.
- Фридман, М. (2006). *Капитализм и свобода*. Москва: Новое издательство.
- Фридман, М., Фридман, Р. (2007). *Свобода выбора: наша позиция*. Москва: Новое издательство.
- Шумпетер, Й. А. (1995). *Капитализм, социализм и демократия*. Москва: Экономика.
- Энгельс, Ф. (1966). Францу Мерингу в Берлин, 14 июля 1893 г. В кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения* (т. 39, 2-е изд.). Москва: Издательство политической литературы.
- Ясин, Е. Г. (2002). *Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций*. Москва: ГУ ВШЭ.
- Badiei, S. (2024). *Normative Economics in the History of Economic Thought: Marx, Mises, Friedman and Popper*. London: Routledge, Taylor & Francis.
- Crotty, J. (2019). *Keynes Against Capitalism: his Economic Case for Liberal Socialism*. London; New York: Routledge.
- Denzau, A. T., & North, D. C. (1994). Shared Mental Models: Ideologies and Institutions. *Kyklos*, 47, 3–31.
- Friedman, M. (1951, February 17). Neo-Liberalism and its Prospects. *Farmand*, 89–93.
- Hodgson, G. M. (2019). *Is Socialism Feasible? Towards an Alternative Future*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing.
- Hoppe, H.-H. (2001). *Democracy – the God that Failed: the Economics & Politics of Monarchy, Democracy & Natural Order*. New Brunswick; New Jersey: Transaction Publishers.
- Klein, D. B., Daza, R., Mead, H., Berggren, N., Briggeman, J., Carlson, B., Di Giovino, V., Eriksen, I. E., Hammond, D., Pasour, E. C. Jr., & Sæther, A. (2013). Ideological Profiles of the Economics Laureates. *Econ Journal Watch*, 10(3), 255–682.
- Klein, D. B. (2013). The Ideological Migration of the Economics Laureates: Introduction and Overview. *Econ Journal Watch*, 10(3), 218–239.
- Mises, L. (1940). *Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens*. Genf: Union.
- Mokyr, J. (2016). *A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy*. Princeton: Princeton University Press.
- North, D. C. (1994). Economic Performance through Time. *The American Economic Review*, 84(3), 359–368.
- Piketty, T. (2020). *Capital and Ideology*. Harvard: Harvard University Press.
- Simons, H. C. (1948). *Economic Policy for a Free Society*. Chicago: University of Chicago Press.

References

- Acemoglu, D., & Robinson, J. (2016). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Moscow: AST. (In Russ.).
- Acemoglu, D., & Robinson, J. (2021). *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*. Moscow: AST. (In Russ.).
- Badiei, S. (2024). *Normative Economics in the History of Economic Thought: Marx, Mises, Friedman and Popper*. London: Routledge, Taylor & Francis.
- Berdyaev, N. A. (2012). *Philosophy of inequality*. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russ.).
- Buzgalin A., & Kolganov A. (2004). Do We Need Liberal Marxism? (on the Article by E. Gaidar and V. Mau "Marxism: Between the Scientific Theory and 'Secular Religion'"). *Voprosy Ekonomiki*, 7, 132–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-7-132-149>
- Crotty, J. (2019). *Keynes Against Capitalism: his Economic Case for Liberal Socialism*. London; New York: Routledge.
- Denzau, A. T., North, D. C. (1994). Shared Mental Models: Ideologies and Institutions. *Kyklos*, 47, 3–31.
- Dzharasov, R. S. (2015). Capitalism and socialism on the scales of political economy. *Voprosy politicheskoy ekonomii*, 3, 30–41. (In Russ.).
- Eliseev, V. N. (2017). The modern economy of Russia: the experience of the functioning of the economic mechanism. *Herald of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences*, 32(3), 70–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2017-32-3-70-75>
- Engels, F. (1966). To Franz Mehring in Berlin, July 14, 1893. In K. Marx, & F. Engels, *Works* (Vol. 39, 2d Ed.). Moscow: Political Literature Publishing House. (In Russ.).
- Friedman, M. (1951). Neo-Liberalism and its Prospects. *Farmand*, 17 February 1951, 89–93.
- Friedman, M. (1989). Using the Market for Social Development. *Humanitarian Portal*. (In Russ.).
- Friedman, M. (2006). *Capitalism and Freedom*. Moscow: New Publishing House. (In Russ.).
- Friedman, M., & Friedman, R. (2007). *Free to Choose: A Personal Statement*. Moscow: New Publishing House. (In Russ.).
- Gaidar, E. T., & Chubais, A. B. (2011). *Forks of Russia's modern history*. Moscow: OGI. (In Russ.).
- Gaidar, E., & Mau, V. (2004a). Marxism: Between the Scientific Theory and "Secular Religion" (Liberal Apologia). *Voprosy Ekonomiki*, 5, 4–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-5-4-27>

- Gaidar, E., & Mau, V. (2004b). Marxism: Between the Scientific Theory and "Secular Religion" (Liberal Apologia). *Voprosy Ekonomiki*, 6, 28–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-6-28-56>
- Goncharenko, B. L., Petrushin, M. I., Samborsky, G. I., & Tolkachev, A. S. (1962). *Continuity in planning and indicators of the state plan*. Moscow: Publishing House of Economic Literature. (In Russ.).
- Hodgson, G. M. (2019). *Is Socialism Feasible? Towards an Alternative Future*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing.
- Hoppe, H.-H. (2001). *Democracy - the God that Failed: the Economics & Politics of Monarchy, Democracy & Natural Order*. New Brunswick; New Jersey: Transaction Publishers.
- Huerta de Soto, J. (2008). *Socialism, economic calculation and entrepreneurship*. Moscow, Chelyabinsk: IRISEN, Socium. (In Russ.).
- Ippolitov, L. M. (2021). Sergei N. Bulgakov on the Institutional Foundations of the Economic System (The 150th Anniversary of His Birth). *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, 6, 25–33. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2021.6.4>
- Kapeliushnikov, R. I. (2022). The Adventures of "Neoliberalism". *Logos*, 32(4), 1–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-4-1-49>
- Katasonov, V. Yu. (2014). *Stalin's economy*. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russ.).
- Klein, D. B. (2013). The Ideological Migration of the Economics Laureates: Introduction and Overview. *Econ Journal Watch*, 10(3), 218–239.
- Klein, D. B., Daza, R., Mead, H., Berggren, N., Briggeman, J., Carlson, B., Di Giovinazzo, V., Eriksen, I. E., Hammond, D., Pasour, E. C. Jr., & Sæther, A. (2013). Ideological Profiles of the Economics Laureates. *Econ Journal Watch*, 10(3), 255–682.
- Kolganov, A. I. (2012). *What is socialism? Marxist version*. Moscow: LIBROKOM Book House. (In Russ.).
- Kudrin, A. L. (2011). Ways to modernize the Russian economy. *ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice*, 4, 4–13. (In Russ.).
- Locke, J. (1988). *Two Treatises of Government. Works in 3 volumes* (Vol. 3, pp. 135–406). Moscow: Mysl. (In Russ.).
- Makarenko, V. P. (2013). *Russian power and bureaucratic state, part 1*. Rostov-on-Don: Mart. (In Russ.).
- Makarov, V. L., & Lvov, D. S. (1996). Social science in the new Russia. *Vestnik Rossijskogo Gumanitarnogo Nauchnogo Fonda*, 4, 12–15. (In Russ.).
- Makarov, V. L., Grebennikov, V. G., Dementyev, V. E., & Ustyuzhanina, E. V. (2019). Ideology and Science (Based on the Discussion in CEMI RAS). *Russian Economic Journal*, 4, 55–69. (In Russ.).
- Makarova, A. F. (2021). Aristocratic Socialism of Nikolai Berdyaev. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 22(2), 208–220. (In Russ.).
- Mamedov, O. Yu. (2013). European Liberalism and the Russian Economy – Drama of Unrequited Love? *Terra Economicus*, 11(4), 6–11. (In Russ.).
- Marx, K., & Engels, F. (2020). *Principles of Communism. Communist Manifesto*. Moscow: AST Publishing House. (In Russ.).
- Mill, J. S. (1980). *Principles of Political Economy*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Mises, L. (1940). *Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens*. Genf: Union.
- Mises, L. (1994). *Socialism. Economic and Sociological Analysis*. Moscow: Catallaxy. (In Russ.).
- Mises, L. (2023). *Human Action: A Treatise on Economic Theory*. Moscow; Chelyabinsk: Socium. (In Russ.).
- Mokyr, J. (2012). *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).
- Mokyr, J. (2016). *A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy*. Princeton: Princeton University Press.
- North, D. (1997). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: Fund of Economic Books "Nachala". (In Russ.).
- North, D. C. (1994). Economic Performance through Time. *The American Economic Review*, 84(3), 359–368.
- Novoseltsev, B. S. (2017). Two visits of Josip Broz Tito to Romania in 1966. *Slavyanskij mir v tretem tysyacheletii*, 12, 282–293. (In Russ.).
- Olson, M. (2013). *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation and Social Sclerosis*. Moscow: Novoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Ostrovityanov, K. V. et al. (1954). *Political economy. Textbook*. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.).
- Piketty, T. (2020). *Capital and Ideology*. Harvard: Harvard University Press.
- Polterovich, V. M. (2017). Designing the Strategies for Socio-Economic Development: Science vs. Ideology. *Issues of Economic Theory*, 1, 55–65. (In Russ.).
- Portyakov, V. Ya. (1998). *Economic policy of China under Deng Xiaoping*. Moscow: Publishing Firm "Eastern Literature" of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Ryzhkov, N. I. (1995). *Ten years of great upheaval*. Moscow: Association "Kniga. Prosveshchenie. Miloserdie". (In Russ.).
- Schumpeter, J. A. (1995). *Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: Economica. (In Russ.).
- Simons, H. C. (1948). *Economic Policy for a Free Society*. Chicago: University of Chicago Press.

- Sizova, N. E. (2015). The Concept of Christian Socialism as a Reconstruction of the Social Ideal in the Works of S. N. Bulgakov. *Tomsk State University Journal*, 400, 100–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/400/15>
- Stalin, I. V. (1946a). Agrarian issue. *Works* (Vol. 1, pp. 214–229). Moscow: OGIZ; State Publishing House of Political Literature. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1946b). Anarchism or socialism? *Works* (Vol. 1, pp. 294–372). Moscow: OGIZ; State Publishing House of Political Literature. (In Russ.).
- Ulyukayev, A. V. (1995). Liberalism and the policy of transition period in modern Russia. *Universe of Russia*, 2, 3–35. (In Russ.).
- Usanov, P. V. (2021). *Economic history of the United States: from R. Reagan's "cowboy capitalism" to "Leonid Ilyich" Biden (1988-2021): Preprint M-83/21*. Saint Petersburg: Press of the European University at St. Petersburg. (In Russ.).
- Voeikov, M. I. (2022). The USSR: National Economic Planning As a Form of State Paternalism. *Voprosy Politycheskoy Ekonomiki*, 32(4), 31–35. (In Russ.).
- Yasin, E. G. (2002). *Russian economy. Origins and panorama of market reforms: A course of lectures*. Moscow: HSE. (In Russ.).
-

Вклад авторов

Оба автора внесли равный вклад в написание статьи на всех этапах исследования.

The author's contributions

Both authors contributed equally into writing the paper at all stages of the research.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 01.07.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 20.08.2024

Дата принятия в печать / Accepted 20.08.2024

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.593-618>

УДК 330.1:330.3(470+571)

JEL: O1, O14, O15

С. И. Насырова¹

¹ Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Новый подход к исследованию уровня развития креатосферы человеко-ориентированной экономики в России

Насырова Светлана Ирековна, кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ
ВО «Уфимский университет науки и технологий»

E-mail: svitland1@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4101-755X>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3126-3127, AuthorID: 728324

Аннотация

Цель: развитие концептуальных положений человеко-ориентированной экономики посредством формирования нового подхода к исследованию креатосферы как составного элемента рассматриваемой экономической системы для разработки направлений по управлению ею.

Методы: анализ, синтез, контент-анализ, схема противоречия, метод линейного масштабирования, минимаксная нормализация.

Результаты: раскрыта характеристика креатосферы человеко-ориентированной экономики с точки зрения удовлетворения потребностей индивида в творчестве; проанализировано понимание структуры креатосферы как элемента, охватывающего все сферы рассматриваемой экономической системы; разработана модель гомеостаза человеко-ориентированной экономики на основе идентификации ее элементов-противоположностей (с одной стороны – природная и материальная сферы, сфера услуг, социальная сфера, инфосфера, цифровая и когнитивная сферы, с другой – креатосфера), базового ресурса (поток идей) и регулятора (потребности человека); обозначена предопределяющая роль креатосферы в развитии исследуемой экономической системы; выявлены противоречия на уровне человеко-ориентированной экономики, разрешение которых способствует развитию индивида и экономической системы в целом.

Научная новизна: разработка методики оценки креатосферы и ее апробация на субъектах Российской Федерации, позволяющая, в отличие от имеющихся в литературе, комплексно оценить развитие креатосферы как элемента, оказывающего влияние на человеко-ориентированную экономику в целом; определение вектора в управлении креатосферой на основе сформированного подхода к ее исследованию через масштабирование лучших региональных практик.

Практическая значимость: результаты осмысления креатосферы человеко-ориентированной экономики посредством схемы противоречий служат основой для дальнейших изысканий с целью построения научно обоснованной теории рассматриваемой экономической системы, а также формирования направлений разрешения выявленных противоречий. Результаты исследования являются основой для дальнейшего определения уровня развития российской человекоцентричной экономики с целью разработки мер по ее эффективному управлению.

Ключевые слова:

экономическая теория, человекоцентричная экономика, креатосфера, схема противоречия, идеи, развитие экономики

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Насырова, С. И. (2024). Новый подход к исследованию уровня развития креатосферы человеко-ориентированной экономики в России. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 593–618. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.593-618>

Scientific article

S. I. Nasyrova¹

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

New approach to researching the development level of the creatosphere in human-centered economy in Russia

Svetlana I. Nasyrova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Ufa University of Science and Technology

E-mail: svitland1@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4101-755X>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 3126-3127, AuthorID: 728324

Abstract

Objective: to develop conceptual provisions of human-centered economy by forming a new approach to the study of the creatosphere as a constituent element of the said economic system in order to develop its management.

Methods: analysis, synthesis, content analysis, scheme of contradiction, linear scaling method, minimax normalization.

Results: the characteristic of the creatosphere of the human-centered economy is revealed from the viewpoint of satisfying the individual's needs in creativity; the creatosphere structure is analyzed as an element covering all spheres of the economic system under consideration; the model of homeostasis of the human-centered economy is developed through identifying its elements-opposites (on the one hand – natural and material spheres, services, social sphere, infosphere, digital and cognitive spheres, on the other hand – creatosphere), as well as the model of the basic resource (flow of ideas) and regulator (human needs); the predetermining role of the creatosphere in the development of the said economic system is outlined; the contradictions are revealed at the level of human-centered economy, the resolution of which contributes to the development of an individual and the economic system as a whole.

Scientific novelty: it consists in the development of a methodology for assessing the creatosphere and testing it on the Russian subjects. Unlike those available in the literature, the methodology allows comprehensively assessing the creatosphere development as an element that affects the human-centered economy as a whole. The novelty consists also in defining a vector in the creatosphere management based on the formed approach to its research through the upscaling of best regional practices.

Practical significance: the results of comprehension of the human-centered economy creatosphere through the scheme of contradictions may serve as a basis for further research in order to build a scientifically sound theory of the said economic system and to form directions for resolving the identified contradictions. The study results are the basis to further define the development level of the Russian human-centered economy in order to develop measures for its effective management.

Keywords:

economic theory, human-centered economy, creatosphere, scheme of contradictions, ideas, economic development

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Nasyrova, S. I. (2024). New approach to researching the development level of the creatosphere in human-centered economy in Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 593–618. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.593-618>

Введение

«Творчество становится движущей силой экономического роста и инноваций» (Florida & Tinagli, 2004) – известное выражение, которое современным научным сообществом воспринимается как своеобразный стимул положительных изменений в экономике. В результате поиска новых приоритетов развития креативная сфера выходит на передовые позиции в данном вопросе (Каменских, 2014; Błaszczuk & Krysiński, 2023; Oakley, 2004). Выстраивается тесная взаимосвязь между креативностью и экономическим процветанием (De Beukelaer, 2014; Rozentale, 2014): производство идей (Florida, 2004) становится приоритетнее производства товаров и услуг, поскольку именно идеи как результат деятельности креатосферы (Schlesinger, 2007) оказываются источником инноваций (Hailey et al., 2010; Dubina et al., 2011), а те в свою очередь являются залогом успеха в конкурентной борьбе. Подобный акцент на креатосфере свидетельствует о том, что именно творческий подход человека (Freeman, 2020) способствует нелинейному экономическому развитию (Potts & Cunningham, 2010; Boccella & Salerno, 2016; Пилясов, Колесникова, 2008). При этом отметим, что само понимание экономического развития в настоящее время связано именно с человеком (Holford, 2019), с его определяющей ролью в экономических системах, поскольку происходит изменение фокуса от «человека для экономики» к «экономике для человека». Подобная ориентация актуализируется в свете смещения игры на экономической арене в сторону несырьевых аспектов, создания человекоцентричной экономики (Samans & Davis, 2017; Samans, 2023; Masullo, 2014), направленной на своеобразный симбиоз формирования и развития главных ценностей человека – прогрессивное развитие качеств человека на основе гармоничного развития личности – и обеспечения на их основе прогресса экономической системы. Переориентация на человекоцентричный курс экономики предполагает создание новых критериев успешности экономики, нежели ВВП, формируется установка на нужды и потребности человека, на «хозяина» мира, без которого невозможно существование никакой сферы. В свете высказанного актуализируется вопрос устойчивого развития человеко-ориентированной экономики¹ (Насырова, 2022).

В предыдущих исследованиях автором было выявлено, что базовой характеристикой человекоцентричной экономики выступают объективно необходимые потребности человека, сформированные исходя из его тройственной природы (потребности организма как биологического существа, потребности в материальных товарах, услугах, социальном взаимодействии, информации, цифровых продуктах, творчестве, новых знаниях) (Насырова, 2021). Это позволило идентифицировать структуру данной экономической системы² (природная

¹ В контексте работы «человеко-ориентированная экономика», «человекоцентричная экономика» будут приниматься как синонимы. В авторском понимании краткое определение рассматриваемого феномена сводится к следующему: «человеко-ориентированная экономика – разновидность экономических систем, отличающаяся удовлетворением потребностей и их объективной необходимостью, исходя из природы человека»; при этом определение человекоцентричной экономики через отражение фундаментальных качественных характеристик предполагает, что это экономическая система взаимодействия хозяйствующих субъектов, направленная на удовлетворение потребностей человека, сформировавшихся на основе гармоничного соотношения аспектов его природы (биологической, мыслительной, социальной), благами (товарами, услугами, идеями), созданными на базе ресурсов (человеческих, материальных, информационных)».

² Структура человеко-ориентированной экономики:

- природная сфера направлена на удовлетворение потребностей человека как биологического существа, при этом данный вид потребностей в настоящее время формирует требование не просто пищи, воды, сна и т. п., а необходимость потребления разнообразного, качественного питания, условий для комфортного отдыха, наличие чистого воздуха, свежей воды и т. п.;
- материальная сфера ориентирована на потребности в материальных товарах, а именно на потребность в жилье, автомобиле, предметах длительного пользования и т. п.;
- сфера услуг формирует возможность удовлетворения сервисных потребностей человека и основана на деятельности, которая характеризуется отсутствием материальной осязаемости и непосредственного обладания благом;
- социальная сфера направлена на удовлетворение потребностей в социальном взаимодействии преимущественно посредством получения образования, поддержания здоровья человека, занятий спортом, осуществления трудовой деятельности и т. п.;
- инфосфера отвечает за удовлетворение потребностей в информации благодаря работе библиотек, средств массовой информации, Интернета;
- цифровая сфера ориентирована на удовлетворение потребностей в цифровых продуктах, а также на удовлетворение прочих потребностей с помощью цифровых технологий;
- креатосфера основана на удовлетворении потребностей человека в творчестве через проявление креатива в культурных и инновационных сферах жизнедеятельности человека;
- когнитивная сфера направлена на удовлетворение потребностей в новых знаниях через познавательную деятельность; когнитивная деятельность является ведущей характеристикой человека, связанной с получением высшего образования, ученых степеней и осуществлением научно-исследовательской работы.

сфера, материальная сфера, сфера услуг, социальная сфера, инфосфера, цифровая сфера, креатосфера, когнитивная сфера) (Насырова, 2022), одной из ключевых сфер которой является креатосфера.

Первое упоминание о необходимости развития креативной индустрии было затронуто в рамках девятнадцатой Генеральной конференции ЮНЕСКО в Найроби в 1976 г. В последующем данный вопрос нашел отражение на конференциях в Осло в 1976 г. и в Мехико в 1982 г. (Темербулатова и др., 2020). Однако лишь в 1995 г. в результате работы Всемирной комиссии по культуре и развитию в виде *Our Creative Diversity*³ вопросы креативной экономики были подняты до мирового уровня. Акцентируя актуальность креатосферы, на 74-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 2021 г. был провозглашен Международным годом креативной экономики в интересах устойчивого развития.

Россия тоже поддерживает данный курс. Так, в 2021 г. была основана Федерация креативных индустрий в РФ, а также принята Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г.

Базовыми направлениями для исследований и дискуссий в рамках креатосферы являются следующие: понятия креатосферы (так, А. А. Степанов и М. В. Савина (2013) раскрывают креатосферу через формирование нестандартных идей для решения социально-экономических проблем, О. Н. Мельников (2012) – через творческую составляющую экономического развития, а Е. Д. Щетинина (2019) – через удовлетворение потребностей человека посредством творчества, интеллекта, воображения), креативного класса (так, О. К. Трубицын (2019) определяет креаторов как работников, способных к осуществлению инноваций, В. Н. Махалин (2015) – как людей, готовых принимать и осваивать новации и перемены в соответствии с веяниями эпохи, а К. Zhao с соавторами (2020) – как творческих работников, способствующих экономическому росту), актуальность (так, А. Михайлова и У. Винокурова (Mikhailova & Vinokurova, 2018) определяют важность исследования креатосферы как ответ на угрозы целостности, устойчивости и драйвер развития Арктики, Н. А. Каверина (2017) рассматривает креатосферу как основу совершенствования всех сторон общественного устройства и противостояния угрозам, формируемым за счет высоких технологий и глобализации, R. Levickaitė (2011) раскрывает креатосферу как новое явление в глобальной среде, актуальность которой заключается во взаимодействии креативности и экономики и сферы ее применения), факторы развития креатосферы (так, исследование А. С. Жупаровой с соавторами (2023) акцентирует внимание на взаимосвязи образования и креатосферы) и взаимосвязь с другими видами экономики (так, Т. В. Рудая (2008) прослеживает взаимосвязь креативной экономики, экономики знаний, информационной экономики в поле постиндустриальной экономики, а А. В. Михайлова (2018), Т. Jordan и А. Richterich (2023) акцентируют внимание на взаимосвязи цифровой и креативной экономики и выявлении точек их соприкосновения), кризис креатосферы (так, В. Ш. Сургуладзе (2022) рассматривает влияние кризисных обстоятельств, связанных с ускоренной цифровизацией, на креатосферу, а R. Comunian и L. England (2020) в своем исследовании отражают ненадежный характер творческой деятельности и неизбежность кризиса креатосферы) и др.

Как видно, в настоящее время креатосфера нашла широкое отражение в многочисленных исследованиях (Dharmani et al., 2021; Rodríguez-Insuasti et al., 2022) в силу того, что представители науки видят в данном секторе источник устойчивого развития и экономического роста. Однако, несмотря на столь значительный интерес к данному вопросу, общепризнанной методологии по оценке развития креативных индустрий нет.

Объект исследования – креатосфера человеко-ориентированной экономики; предмет исследования – оценка уровня развития креатосферы человекоцентричной экономики.

Соответственно, цель данной статьи представляется в исследовании креатосферы как составного элемента человеко-ориентированной экономики для разработки направлений по эффективному управлению ею.

Исходя из поставленной цели, предполагается решить следующие задачи:

- проанализировать имеющиеся представления о сущности креатосферы в работах зарубежных и отечественных представителей научного сообщества;
- идентифицировать креатосферу как источник устойчивого развития человеко-ориентированной экономики;

³ UNESCO. (1995). *Our Creative Diversity: Report of the World Commission on Culture and Development*. By World Commission on Culture and Development. Paris.

– разработать методику оценки креатосферы и оценить уровень ее развития в рамках субъектов Российской Федерации.

Дальнейшее изложение представлено в параграфах: 1. Методы; 2. Анализ сущности креатосферы; 3. Креатосфера как источник устойчивого развития человеко-ориентированной экономики; 4. Оценка развития креатосферы в Российской Федерации; 5. Обсуждение; 6. Заключение.

Методы

Автором применены общенаучные (анализ, синтез) и специальные методы исследования, предполагающие системное изучение креатосферы и достижение поставленной цели.

Так, на первоначальном этапе для анализа сущности исследуемого феномена предполагается применение контент-анализа, позволяющего изучить различные точки зрения на структуру креатосферы и сформировать оценочное суждение относительно объема упоминания определенных смысловых единиц в тексте (Богомолова, 1992).

Для идентификации креатосферы как источника устойчивого развития человеко-ориентированной экономики нами предполагается применение схемы противоречия⁴, разработанной профессором В. И. Разумовым (2004), высокая продуктивность которой доказана в различных областях научных знаний (образование, дизайн, сельское хозяйство, менеджмент и др.). Универсальность данного метода на базе применения противоречий, существующих в сложных системах, послужила основанием для осмысления механизмов устойчивости и поддержания последних. В итоге применение данного метода в отношении креатосферы человеко-ориентированной экономики, с одной стороны, дает возможность управления ею через идентификацию механизмов противоречия и воздействия на них в актуальном направлении; с другой – выявляемые противоречия в сложной системе – это своеобразный конфликт интересов, при соответствующем управлении которыми креатосфера способна перейти на более высокий уровень развития. Кроме того, качественное познание через категории противоречий изучаемого феномена открывает возможность перехода к количественным методам оценки исследуемого объекта.

Данный метод предполагает введение следующих базовых категорий: элементы-противоположности (элементы, между которыми имеется противоречие, вызванное борьбой за базовый ресурс), противоречие (отношение между противоположными элементами в результате циклического перераспределения ресурса между ними), базовый ресурс (ресурс, необходимый для функционирования элементов-противоположностей), крайний элемент (неустойчивый элемент, отдельно стоящий в схеме противоречия), центральный (средний) элемент (автономный элемент, имеющий возможность регулировать перераспределение ресурса между противоположными элементами), фазовый сдвиг (противофазные изменения состояний элементов-противоположностей, предполагающие достижение максимума одного антагониста при минимуме другого, связанное с циклическим перетокм ресурса между элементами), переток базового ресурса (перераспределение ресурса между элементами-противоположностями), минимальное (максимальное) значение жизненного параметра (самое низкое (высокое) значение в рамках элемента при сохранении его жизнеспособности; достижение показателя ниже минимального (выше максимального) значения способствует потере устойчивости данного элемента).

Технология применения метода следующая: выявление пары элементов-противоположностей, имеющих между собой противоречие; определение базового ресурса, перераспределяемого между антагонистами; фиксация максимума и минимума каждого элемента; выявление фазового сдвига, связанного с получением базового ресурса; определение центрального элемента в объекте как регулятора процесса циклического перераспределения ресурса между крайними элементами; выявление противоречий между центральным и крайними элементами.

На заключительной стадии исследования для количественной оценки развития креатосферы в Российской Федерации автором сформулирована методика, предполагающая ступенчатую схему ее формирования: част-

⁴ Схема противоречия – метод познания определенного явления или феномена, основанный на выявлении противоречий в рамках сложных систем с множеством элементов.

ные показатели – интегральный индекс. Подобная структура нашла широкое применение в многочисленных методиках, и ее эффективность не вызывает сомнения (Гриценко, Шубина, 2015).

Дальнейшая оценка предполагает применение метода линейного масштабирования (Айвазян, 2003; Ахмадиева, 2010; Спиридонов, 2010), основанного на минимаксной нормализации, – приведение различных показателей к сопоставимым величинам, переход от абсолютных величин к взвешенным (нормированным) значениям. Если связь частного показателя с интегральным индексом положительная, то применяется следующая формула:

$$X_n = \frac{X_N - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}.$$

В случае с отрицательной связью используется формула:

$$X_n = 1 - \frac{X_N - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}},$$

где X_n – относительная величина частного показателя в определенный период времени; X_N – абсолютная величина частного показателя в определенный период времени; $X_{\min}$ и $X_{\max}$ – минимальное и максимальное значения рассматриваемого показателя по всем субъектам Российской Федерации в определенный период времени, соответственно.

На завершающем этапе в рамках авторской методики осуществляется расчет интегрального индекса развития креатосферы (К):

$$K = \frac{\sum X_n}{q},$$

где q – количество оцениваемых показателей.

Результаты исследования

Анализ сущности креатосферы

Ключевым вопросом в рамках креатосферы становится неоднозначное понимание отраслей (Tremblay, 2008), включаемых в данный сектор, отечественными и зарубежными авторами. Однако отметим, что в научной литературе и нормативно-правовой документации либо не встречается идентификация структуры рассматриваемого феномена, либо в качестве структуры определены креативные индустрии или составные элементы креативной экономики, близкие к понятию креатосферы (табл. 1). Отметим, что креативные индустрии представляют собой сферы деятельности, в которых работают творческие профессионалы и которые связаны с культурой и творчеством в прямом понимании. Креативная экономика – это тип экономики, ядром которой являются непосредственно креативные индустрии⁵ (Ferreiro-Seoane et al., 2022; Veselá & Klimová, 2014). С нашей точки зрения, креатосфера объединяет не только сферы культурного назначения, но и прочие сферы деятельности⁶, где задействованы креативные профессионалы с их творческими идеями.

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р (в ред. Распоряжения Правительства Российской Федерации от 26.01.2024 № 145-р). <http://static.government.ru/media/acts/files/1202109270012.pdf>

⁶ Существует точка зрения, что креатосфера представляет собой среду, в которой развивается креативная экономика, является составляющей последней. Причем креатосфера объединяет в себе различные институты, организации, сообщества и людей, которые способствуют развитию и реализации творческого потенциала (Михайлова, Попова, 2023). Либо же креатосфера представляет собой лишь творческую среду для реализации творческого потенциала (Шульженко и др., 2023). Однако данное понимание креатосферы является скорее исключением, чем устоявшейся позицией в современных источниках.

Таблица 1

Структура креатосферы
Table 1. Structure of creatosphere

Автор/источник / Author/source	Год / Year	Отрасли/направления, относимые к креатосфере / Sectors/directions referring to creatosphere
NESTA ⁷	2006	Четыре сквозные, но отдельные группы: поставщики креативных услуг (рекламные, архитектурные, дизайнерские консалтинговые и новые медиаагентства), производители креативного контента (кино, телевидение, модельеры, издатели), поставщики творческого опыта (организаторы театров, опер, танцев, живой музыки), креативные оригинальные продюсеры (ремесленники, дизайнеры и художники-визуалисты) / Four cross-cutting but distinct groups: creative service providers (advertising, architecture, design consulting and new media agencies), creative content producers (cinema, television, fashion designers, publishers), creative experience providers (organizers of theaters, operas, dances, live music), creative original producers (craftspeople, designers and visual artists)
KEA ⁸	2006	Основная область (изобразительное (например, ремесла, картины, скульптуры, фотография)) и исполнительское искусство, в том числе наследие (например, музеи, библиотеки, археологические памятники, архивы)), культурные (ТВ и радио, кино и видео, книгоиздание, издание журналов и прессы, видеоигры, музыка), креативные (дизайн, архитектура и реклама) и смежные отрасли (например, производство MP3 и мобильных устройств) / Major arts (visual (e.g., crafts, paintings, sculptures, photography)) and performing arts, including heritage (e.g., museums, libraries, archaeological sites, archives)), cultural (TV and radio, cinema and video, book publishing, magazine and press publishing, video games, music), creative (design, architecture and advertising) and related industries (e.g., MP3 and mobile device manufacturing)
D. Throsby (2008)	2008	Основные отрасли, связанные с творчеством (например, литературное творчество, исполнительское искусство, музыка, изобразительное искусство), прочие основные отрасли культуры (музеи, кино, галерейная деятельность, библиотеки и т. п.), более широкие отрасли, имеющие отношение к культуре (сохранение культурного наследия, издательское дело и печатные СМИ, звукозапись, ТВ и радио, игры), смежные области (рекламная деятельность, мода, дизайн, архитектура) / Major creative industries (e.g., literary arts, performing arts, music, visual arts), other basic cultural industries (museums, cinema, gallery activities, libraries, etc.), broader cultural industries (preservation of cultural heritage, publishing and print media, sound recording, TV and radio, games), related fields (advertising, fashion, design, architecture)
J. Potts, S. Cunningham, J. Hartley, P. Ormerod (2008)	2008	Понимание креативных индустрий через социальные сети: сектор для их создания и поддержания (например, рекламная деятельность, медиа, архитектура, ПО для ИКТ и т. д.) и сектор для создания ценностей в них через контент (ТВ, кино, музыка, дизайн, мода и т. д.) / Understanding the creative industries through social media: the sector for creating and sustaining them (e.g., advertising, media, architecture, ICT software, etc.) and the sector for creating value in them through content (TV, cinema, music, design, fashion, etc.).
UNCTAD ⁹	2010	Наследие (традиционное – художественные ремесла, фестивали и праздники; культурное – археологические памятники, выставки, музеи, библиотеки), искусство (изобразительное – живопись, скульптура и т. п.; исполнительское – театр, музыка, танцы и т. п.), средства массовой информации (издательское дело и печатные СМИ, а также аудиовизуальные материалы в виде кино, ТВ, радио и т. п.), функциональные творения (дизайн – интерьер, игрушки, мода и т. п.; новые медиа; креативные услуги в виде рекламных, культурных, творческих исследований и разработок и т. п.) / Heritage (traditional – arts and crafts, festivals and holidays; cultural – archaeological sites, exhibitions, museums, libraries), art (visual – painting, sculpture, etc.; performing – theater, music, dance, etc.), media (publishing and print media, audiovisual materials in the form of film, TV, radio, etc.), functional creations (design – interiors, toys, fashion, etc.); new media; creative services in the form of advertising, cultural, creative research and development, etc.).

⁷ NESTA. (2006). Creating Growth-How the UK can develop world class creative business. London: NESTA Research Report. https://media.nesta.org.uk/documents/creating_growth.pdf

⁸ KEA. (2006). The economy of culture in Europe. Brussels: KEA European Affairs. https://ec.europa.eu/assets/eac/culture/library/studies/cultural-economy_en.pdf

⁹ UNCTAD. (2010). The creative economy report. Creative economy, a feasible development option. Geneva/New York: UNCTAD/UNDP. https://unctad.org/system/files/official-document/ditctab20103_en.pdf

Автор/источник / Author/source	Год / Year	Отрасли/направления, относимые к креатосфере / Sectors/directions referring to creatosphere
Дж. Хокинс (2011) / J. Howkins (2011)	2011	Рекламная деятельность, кино, ТВ и радио, изобразительное и исполнительское искусство, музыка, издательское дело, архитектура, различные ремесла, ПО, игры, игрушки, дизайн, мода, научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки / Advertising, cinema, TV and radio, visual and performing arts, music, publishing, architecture, various crafts, software, games, toys, design, fashion, research and development
И. Я. Мацевич (2012) / I. Ya. Maczevich (2012)	2012	Сфера, сформированная в результате взаимодействия и интеграции науки, искусства, бизнеса и промышленности / The sphere formed by the interaction and integration of science, art, business and industry
Д. Хезмондалш (2014) / D. Hesmondhalgh (2014)	2014	Основные отрасли культуры, имеющие непосредственное отношение к производству и передаче текстовых материалов; периферийные отрасли культуры, которые предполагают производство текстовых материалов в основном полупромышленными или даже непромышленными методами; пограничные отрасли культуры – прочие сектора, включающие в себя спорт, ПО, моду и т. п. / Main cultural industries directly related to the production and transmission of textual materials; peripheral cultural industries that involve the production of textual materials using mainly semi-industrial or even non-industrial methods; borderline cultural industries – other sectors including sports, software, fashion, etc.
DCMS ¹⁰	2015	Рекламная деятельность и маркетинг, различные виды дизайна, кино, ТВ, видео, радио, фотография, архитектура, ремесла, ИТ, ПО, компьютерные услуги, музейная и галерейная деятельность, библиотеки, музыка, изобразительное и исполнительское искусство, издательское дело / Advertising and marketing, various types of design, cinema, TV, video, radio, photography, architecture, crafts, IT, software, computer services, museum and gallery activities, libraries, music, visual and performing arts, publishing
S. S. Cruz, A. A. C. Teixeira (2015)	2015	Рекламная деятельность и маркетинг, ремесла, кино, видео, фотография, ТВ, радио, музыка, исполнительское искусство, архитектура, инженерное дело, дизайн, издательское дело, публикация, ПО, компьютерные консультации, исследования и разработки / Advertising and marketing, crafts, cinema, video, photography, TV, radio, music, performing arts, architecture, engineering, design, printing, publishing, software, computer consultancy, research and development
M. Lhermitte, B. Perrin, S. Blanc ¹¹	2015	Изобразительное и исполнительское искусство, музыка, кино, книги, издательское дело и печатные СМИ, ТВ, радио, архитектура, игры, рекламная деятельность / Visual and performing arts, music, cinema, books, publishing and print media, TV, radio, architecture, games, advertising
И. В. Устинович (2019) / I. V. Ustinovich (2019)	2019	Образование, здравоохранение и прочие социальные услуги населению, творческая деятельность, спорт, развлечения и отдых, профессиональная, научная и техническая деятельность / Education, health care and other social services, creative activities, sports, entertainment and recreation, professional, scientific and technical activities
Коллектив Института статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики» (Бредихин и др., 2021) / Team of the Institute of Statistical Research and Knowledge Economy of the National Research University “Higher School of Economics” (Bredikhin et al., 2021)	2021	Арт-индустрия (художественное творчество, антиквариат и т. п.), народные художественные промыслы, музыка (производство и торговля музыкальными инструментами, звукозапись, музыкальные произведения), исполнительское искусство, деятельность учреждений искусства и культуры, кино и анимация (например, кино, видео, телевизионные программы и т. п.), фотография, издательская деятельность в виде полиграфии, издания книг, газет и т. п., телерадиовещание, ИТ и видеоигры, рекламная деятельность, архитектура, дизайн, мода, ювелирное дело, библиотеки, архивы, музеи, культурное наследие, образование в области культуры / Art industry (artistic creativity, antiques, etc.), folk arts and crafts, music (production and trade of musical instruments, sound recording, musical works), performing arts, activities of art and cultural institutions, cinema and animation (e.g. film, video, television programs, etc.), photography, publishing activities in the form of printing, publishing of books, newspapers, etc., broadcasting, IT and video games, advertising, architecture, design, fashion, jewelry, libraries, archives, museums, cultural heritage, cultural education
И. А. Крюков (2023) / I. A. Kryukov (2023)	2023	Кинематография, архитектура, изобразительное искусство, мода, дизайн и реклама / Cinematography, architecture, fine arts, fashion, design and advertising

¹⁰ Department of Culture Media and Sport. (2015). Creative industries: Focus on employment. London: DCMS. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/439714/Annex_C_-_Creative_Industries_Focus_on_Employment_2015.pdf

¹¹ Lhermitte, M., Perrin, B., & Blanc, S. (2015). Cultural Times: The first global map of cultural and creative industries. Cultural times, EY. <http://diversidadaudiovisual.org/wp-content/uploads/2016/04/ey-cultural-times-2015.pdf>

Окончание табл. 1 / End of Table 1

Автор/источник / Author/source	Год / Year	Отрасли/направления, относимые к креатосфере / Sectors/directions referring to creatosphere
Е. Р. Счисляева, И. В. Макиева (2024) / E. R. Schislyaeva, I. V. Makieva (2024)	2024	Полиграфическая деятельность, копирование носителей информации; издательская деятельность; производство кинофильмов, видеофильмов и телевизионных программ, издание звукозаписей и нот, деятельность в области телевизионного и радиовещания; разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги, деятельность в области информационных технологий; деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования, технических испытаний, исследований и анализа; рекламная деятельность и исследование конъюнктуры рынка; творческая деятельность, в области искусства и организации развлечений, библиотек, архивов, музеев и прочих объектов культуры; деятельность в области спорта, отдыха и развлечений / Polygraphy, copying of data carriers; publishing; production of films, video films and television programs, publishing of sound recordings and sheet music, television and radio broadcasting; development of computer software, consulting services in this field and other related services, activity in the field of information technologies; activity in the field of architecture and engineering design, technical testing, research and analysis; advertising activity and market research; creative activities in the field of art and entertainment, libraries, archives, museums, and other cultural objects; activities in the field of sports, recreation and entertainment
Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р (в ред. от 26.01.2024 № 145-р) / Order of the Government of the Russian Federation of 20.09.2021 No. 2613-r (as amended of 26.01.2024 No. 145-r) ¹²	2024	Индустрии, основанные на использовании историко-культурного наследия (народно-художественные промыслы и ремесла, музейная деятельность); индустрии, основанные на искусстве (театр, музыка, кино, анимация, живопись, деятельность галерей и др.); современные медиа и производство цифрового контента (кино-, видео-, аудио-, анимационное производство, обработка данных и разработка программного обеспечения, виртуальная и дополненная реальность, компьютерные и видеоигры, блогерство, печатная индустрия, средства массовой информации, реклама и пр.); прикладные креативные (творческие) индустрии (архитектура, промышленный дизайн, индустрия моды, гастрономическая индустрия и т. п.) / Industries based on the use of historical and cultural heritage (folk arts and crafts, museum activities); art-based industries (theater, music, cinema, animation, painting, gallery activities, etc.); modern media and digital content production (film, video, audio, animation production, data processing and software development, virtual and augmented reality, computer and video games, blogging, print industry, mass media, advertising, etc.); applied creative industries (architecture, industrial design, fashion industry, gastronomy industry, etc.)

Исходя из табл. 1, можно сделать вывод, что, несмотря на различия в структурной наполняемости креатосферы, базовой характеристикой для исследуемого феномена отечественных и зарубежных авторов является культурный аспект, соединяющий в себе культуру и творчество человека в его прямом понимании через выделение секторов, направленных на создание результатов творческого труда. Указанные выше представители современной экономической науки ориентируются, прежде всего, на понимание креатосферы как сектора, основанного на культурной, творческой составляющей человеческой деятельности. Несмотря на то, что основная часть исследователей солидарна с данной точкой зрения, подобная интерпретация креатосферы не позволяет выполнять ей своего истинного предназначения в рамках экономики (формирование базы для привлечения инвестиций, новых источников дохода, удовлетворения разнообразных потребностей человека). Подобное понимание креатосферы в настоящее время не дает серьезного вклада в уровень жизни населения. Так, рекламщик с творческими способностями, несомненно, имеет возможность обеспечить себе нормальную жизнь, в то время как «деревенская художница или провинциальный поэт – вряд ли» (Щетинина, 2019). Наблюдается архаичность взглядов на структуру креатосферы.

Иная точка зрения, предполагающая более широкую интерпретацию творческой деятельности человека, с чем солидарен автор, также встречается в библиографических источниках, но, скорее, как исключение из правил, нежели устоявшаяся позиция.

Идея «широкого» понимания креатосферы предполагает, помимо непосредственно отраслей, индустрий, связанных с творческим процессом, включение прочих сфер деятельности, поскольку внесение нотки креатива даст возможность более полноценного удовлетворения человеческих потребностей (Бузгалин, Колга-

¹² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 г. № 2613-р (в ред. от 26.01.2024 № 145-р). <http://static.government.ru/media/acts/files/1202109270012.pdf>

нов, 2011). Так, А. Фриман (Freeman, 2012), А. В. Бузгалин и А. И. Колганов (2019), Т. Д. Степанова (2022), И. И. Левченко (2014) отмечают, что в любой профессии имеет место творческий труд, будь то педагогический или медицинский работник, инженер, библиотекарь, финансист или юрист, только роль этого труда разнится от одного сектора к другому. В итоге креатосфера представляет собой сферу, формирующую постоянный источник инновационных идей для развития экономики в целом (Müller et al., 2008. Pp. 28–29); креатосфера понимается как сфера коллективных идей, имеющих междисциплинарный и широкий спектр областей применения и нацеленных на полноценное удовлетворение потребностей человека, сформированных исходя из его тройственной природы.

В целом можно отметить, что, исходя из подобного понимания креатосферы, четко прослеживаются два блока, которые в ней объединяются: с одной стороны, это непосредственно отрасли, имеющие в своем основании культурные аспекты, деятельность которых напрямую связана с творческим процессом; с другой – это сферы деятельности, не имеющие прямого отношения к творческому труду, креативный процесс в которых способен вывести данные отрасли на новый уровень развития и обеспечить наиболее полное удовлетворение человеческих потребностей.

Отметим, что сами культурные сферы также относятся к креатосфере человеко-ориентированной экономики. Основное назначение данной экономической системы – удовлетворение объективно необходимых потребностей человека. Соответственно, как уже упоминалось ранее, один из уровней развития человека – это удовлетворение креативных потребностей, что обеспечивается в первую очередь за счет культурных аспектов экономики. Однако данный аспект не выделяется нами в отдельную составляющую, поскольку креативность в виде потока идей, в каком бы направлении их применения она ни проявлялась, является результатом мыслительной природы человека.

Таким образом, авторское понимание креатосферы соотносится не только с культурным аспектом в рамках удовлетворения творческих (креативных) потребностей человека, но и опирается на креативный труд через его применение в различных сферах человеко-ориентированной экономики как возможность удовлетворения разнообразных человеческих потребностей. В конечном счете именно точки соприкосновения (пересечения) креатосферы с прочими сферами человекоцентричной экономической системы дают многие инновационные разработки и практики, которые лежат в основе стремительного развития соответствующего сектора экономики.

Несомненно, данное утверждение дает основания полагать, что креатосферу невозможно вычлени из экономической системы. Однако, с нашей точки зрения, идентифицировать данный сектор возможно по результатам его деятельности (Насырова, 2022), в качестве которых выступают идеи, изобретения, инновации и непосредственно результаты деятельности культурных индустрий. При этом отличительной особенностью благ креатосферы является возможность повторного потребления (Хестанов, 2018. С. 175), когда результат мыслительной творческой деятельности человека может использоваться многократно без «разрушения» блага. Соответственно, распознавание креатосферы обеспечивается за счет креативности человеческой деятельности, наличия результатов креативного труда в производственном процессе.

Креатосфера как источник устойчивого развития человеко-ориентированной экономики

В результате применения схемы противоречия автором была сформирована следующая модель (рис. 1).

Поясним логику формирования данной модели.

Базисом для описания схемы противоречия являются объекты-антагонисты и закон единства и борьбы противоположностей (Разумов, 2004).

Схема противоречия иллюстрирует противоречивую взаимосвязь между двумя элементами-противоположностями. В качестве двух элементов, заданных категориальной парой, выступают, с одной стороны, сферы (элемент 1), удовлетворяющие большинство потребностей человека (природная, материальная сферы, сфера услуг, социальная сфера, инфосфера, цифровая и когнитивная сферы), с другой – креатосфера (элемент 2). Противоположные элементы представляют собой диалектическое единство человекоцентричной экономики, неделимое целое.

Данная схема противоречия наглядно демонстрирует взаимодействие двух элементов по обмену ресурсом, в качестве которого выступает поток идей.

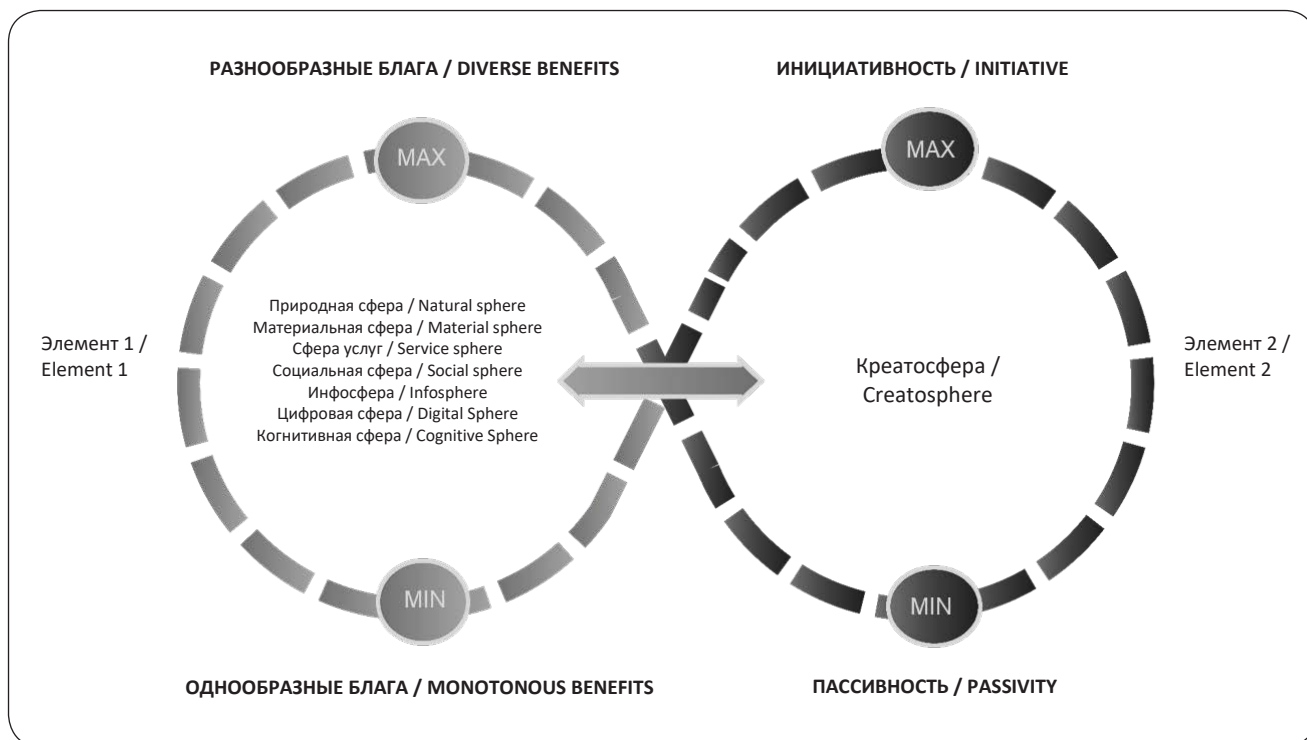

Рис. 1. Схема противоречия в человеко-ориентированной экономике
Fig. 1. Contradiction in human-centered economy

Базовое противоречие между указанными элементами заключается в полярности направлений использования благ, формируемых соответствующим элементом. Так, со стороны сфер, удовлетворяющих большинство потребностей человека (элемент 1), четко определено понятие «благо» – как правило, это товары и услуги, которые направлены на удовлетворение потребностей в рамках одной из сфер экономики, а в отношении креатосферы (элемент 2) продуктом ее жизнедеятельности выступают идеи, которые, помимо своего прямого назначения (удовлетворение креативных потребностей), в большинстве случаев способствуют развитию остальных сфер человеко-ориентированной экономики через производство и потребление модернизированных или новых товаров и услуг.

Фазовый сдвиг в функционировании элементов-противоположностей в рамках человеко-ориентированной экономики предполагает изменения внутри данных элементов с разностью фаз, т. е. максимум одного элемента обязательно сопровождается минимумом другого, и наоборот.

Отметим, что максимальные значения в рамках элемента 1 достигаются за счет разнообразных благ, а минимальные – за счет однообразных товаров и услуг; при этом максимальный предел в креатосфере проявляется в инициативности, а минимальный – в пассивности креаторов.

В итоге в результате фазового сдвига формируется следующая закономерность: достижение максимального разнообразия благ для удовлетворения человеческих потребностей отрицательно сказывается на результативности креатосферы, выражающейся в наивысшей пассивности креаторов. Полярная закономерность тоже имеет силу: однообразные блага, не позволяющие полноценно удовлетворять человеческие потребности, стимулируют инициативность креаторов в разработке новых идей до максимального уровня.

Оба варианта фазового сдвига связаны с циклическим перетоком идей как базового ресурса между крайними антагонистами. Базовый ресурс в виде потока идей в данной закономерности иллюстрируется следующим образом: наличие разнообразных благ ведет к снижению потока идей и пассивности в креатосфере, и наоборот; наличие однообразных благ способствует новому потоку идей и развитию инициативности креаторов, и наоборот.

При этом полученные пары можно охарактеризовать как неустойчивые состояния экономической системы, поскольку обе ситуации демонстрируют «крайние точки» в развитии человека, обеспечивая разбалансировку человеко-ориентированной экономики. Формирование устойчивого равновесия человекоцентричной экономики как системного объекта предполагается за счет неэлементарного противоречия, представленного в виде центрального элемента, уравнивающего взаимодействие двух антагонистов и обладающего большей автономностью по сравнению с последними (рис. 2). Таким образом, представленная модель отображает связь элемента 1 и элемента 2 человекоцентричной экономики через объективно необходимые потребности человека, т. е. средним элементом выступают последовательно формируемые потребности человека, исходя из его тройственной природы. Эволюционная составляющая человеческих потребностей обеспечивает устойчивый характер данной системы. Центральный элемент в виде потребностей человека уравнивает два крайних сектора, позволяя системе развиваться, т. е. элемент «Потребности человека» рассматривается как своеобразный механизм компенсации.

Введение в модель среднего элемента способствует формированию дополнительных противоречий: противоречия 2 (между элементом 1 и центральным элементом) и противоречия 3 (между элементом 2 и центральным элементом).

При этом у среднего элемента также имеются максимальное и минимальное значения: перенасыщение и недопотребление соответственно.

Рассмотрим противоречие между средним элементом и креатосферой. Его можно описать в виде двух пар: «недопотребление – инициативность» – ситуация, когда сильная креатосфера в ответ на имеющиеся проблемы, связанные с недопотреблением определенных товаров и услуг, формирует пул идей для полноценного удовлетворения потребностей человека посредством инициативности креаторов; «перенасыщение – пассивность» – ситуация, которая иллюстрируется тем, что перенасыщение в потреблении благ притупляет инициативность креаторов в формировании новых идей с целью сдерживания неблагоприятного процесса – излишнего консюмеризма.

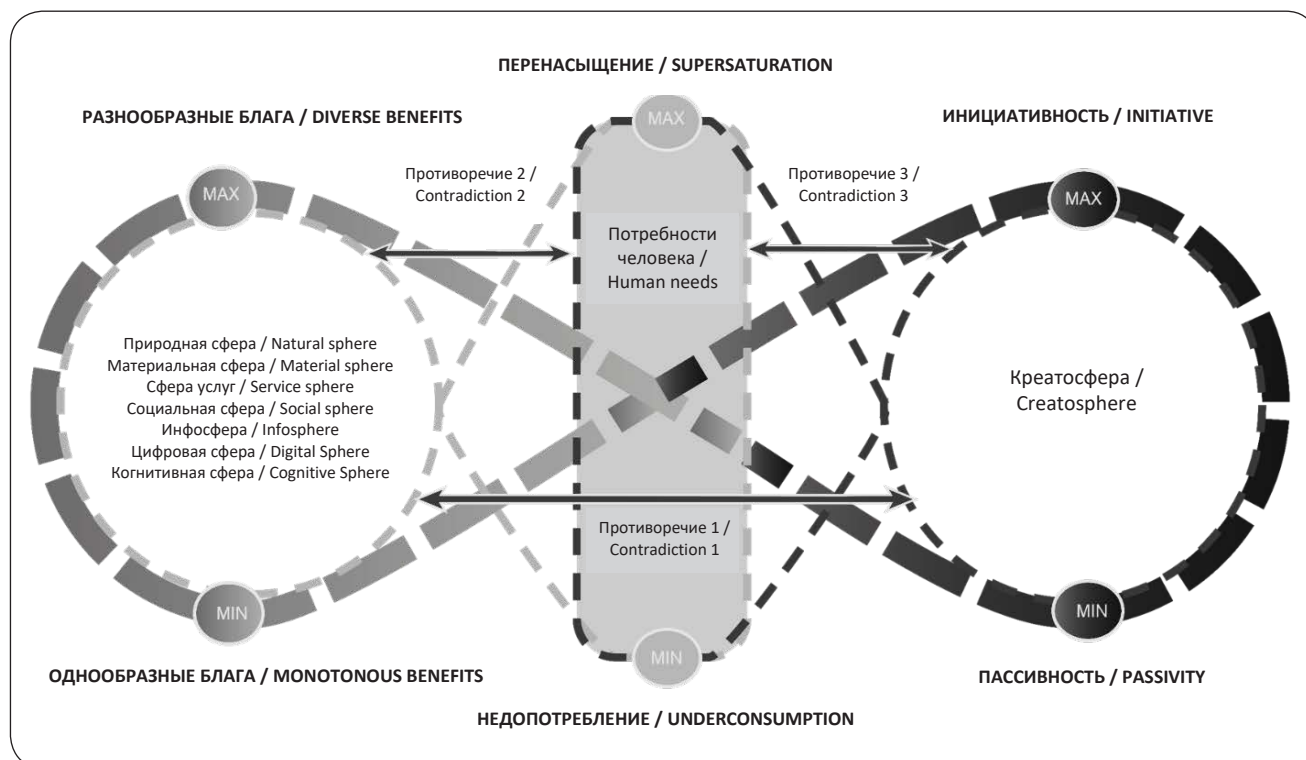

Рис. 2. Схема регулируемого противоречия в человеко-ориентированной экономике

Fig. 2. Regulated contradiction in human-centered economy

Между средним элементом и сектором, объединяющим в себе природную, материальную сферы, сферу услуг, социальную сферу, инфосферу, цифровую и когнитивную сферы, также существуют противоречивые пары: «недопотребление – разнообразные блага» – ситуация, когда разнообразные блага, имеющиеся в доступе потребителя, могут отвлекать от объективно необходимого уровня потребностей, на котором находится человек, отказываясь от полноценного насыщения данного уровня потребностей, тем самым препятствуя переходу на следующий качественный уровень; «перенасыщение – однообразные блага» – ситуация, когда наличие только однообразных благ ведет к перенасыщению данными товарами и услугами и невозможности дальнейшего развития человека, поскольку не соблюдается полноценное удовлетворение потребностей человека.

Как уже было сказано ранее, при достижении максимального значения одного элемента, происходит снижение другого до его минимального порога, и наоборот. Следовательно, одновременное достижение максимальных/минимальных значений в элементах невозможно. При этом борьба данных противоречивых элементов является основой для развития человека и человекоцентричной экономики; посредством противоречия между элементами происходит движение, развитие, а не стагнация системы. В итоге схема противоречия подразумевает устойчивое развитие всей системы при достижении положения «нулевой уровень», обеспечивающего равномерное развитие различных сфер человеко-ориентированной экономики, тем самым способствуя комплексному развитию человека.

Данная схема предполагает гомеостаз человеко-ориентированной экономики в совокупности взаимодействия элементов-противоположностей, поскольку если рассматривать только крайние элементы в отдельности, не пытаясь уравновесить экономическую систему в целом, основанную на объективно необходимых потребностях человека, то о полноценном развитии человека не может быть речи.

Подобное понимание креатосферы позволяет констатировать определяющую роль последней в человеко-ориентированной экономике. Данный научный результат отличается от большинства имеющихся в научной литературе (табл. 1) и в сравнении с аналогами позволяет рассматривать результат функционирования креатосферы в виде идей как беспрецедентный источник развития как отдельных сфер, так и человекоцентричной экономики в целом.

Сформулированные противоречия в разработанной модели служат основанием для дальнейшего изучения с целью эффективного управления креатосферой¹³ и рассматриваемой экономической системой.

В итоге креатосфера становится своеобразным творческим рычагом развития экономики (Клоудова, 2010. С. 110), поскольку представляет собой комплексное явление, которое тесно взаимосвязано со всеми сферами, удовлетворяющими объективно необходимые потребности человека.

Оценка развития креатосферы в Российской Федерации

Все вышесказанное позволяет перейти к следующему этапу исследования – количественной оценке развития креатосферы в России.

Авторское понимание креатосферы позволило сформировать перечень частных показателей, необходимых для расчета интегрального индекса развития креатосферы человеко-ориентированной экономики (табл. 2). При этом отбор показателей производился при соблюдении следующих базовых критериев: соответствие показателя характеристикам креатосферы человекоцентричной экономики (статистические показатели должны иметь культурный или инновационный аспект применительно к человеку и его потребностям); выбранный показатель должен отражать взгляды человека относительно настоящих или будущих потребностей: факт (результат) удовлетворения человеческих потребностей либо условия для их удовлетворения в перспективе; наличие устойчивых статистических рядов выбранных показателей; наличие статистических данных по выбранному показателю по субъектам Российской Федерации.

¹³ Подобная идентификация креатосферы позволяет определить видение ее развития, разработать действенные меры поддержки для ускорения роста креатосферы, решить вопросы относительно формирования кадров для исследуемого сектора экономической системы, выявить запросы представителей креативного класса и определить формат взаимодействия с органами государственной власти в рамках управления данной сферой и т. п.

Показатели, формирующие индекс развития креатосферы человеко-ориентированной экономики¹⁴

Table 2. Indicators forming the index of creatosphere development in human-centered economy

Условия для удовлетворения потребностей / Conditions for meeting needs	Факт (результат) удовлетворения потребностей / Fact (result) of meeting needs
1. Количество театров Минкультуры России, ед., на 1 млн человек. 2. Численность работников в театрах Минкультуры России, чел., на 100 тыс. человек /	1. Численность зрителей театров, чел., на 1 тыс. человек / 1. Number of theater spectators, persons, per 1 thousand of population
1. Number of theaters of the Russian Ministry of Culture, unit, per 1 million people. 2. Number of employees in theaters of the Russian Ministry of Culture, persons, per 100 thousand people	
1. Число музеев Минкультуры России, ед., на 1 млн чел. 2. Численность работников музеев Минкультуры России, чел., на 100 тыс. человек /	1. Число посещений музеев, чел., на 1 тыс. человек / 1. Number of visits to museums, persons, per 1,000 population
1. Number of museums of the Russian Ministry of Culture, unit, per 1 million people. 2. Number of employees in museums of the Russian Ministry of Culture, persons, per 100 thousand people	
1. Уровень инновационной активности организаций, % / 1. Level of innovation activity of organizations, %	1. Подано патентных заявок на изобретения, ед., на 100 тыс. человек. 2. Подано патентных заявок на полезные модели, ед., на 100 тыс. человек. 3. Товарные знаки и знаки обслуживания: распределение поданных российскими заявителями заявок, ед., на 100 тыс. человек. 4. Промышленные образцы: распределение поданных российскими заявителями заявок, ед., на 1 млн человек / 1. Patent applications for inventions, units, per 100 thousand people. 2. Patent applications for utility models, units, per 100 thousand population. 3. Trademarks and service marks: distribution of applications by Russian applicants, units, per 100 thousand people. 4. Industrial designs: distribution of applications by Russian applicants, units, per 1 mln population

Методика оценки развития креатосферы человеко-ориентированной экономики предполагает расчет интегрального (сводного) индекса, объединяющего в себе вышеуказанные 11 частных показателей. Кроме того, последние должны быть нормализованы путем приведения к численности населения с целью обеспечить сопоставимость в рамках субъектов Российской Федерации, устраняя влияние масштабов региональных экономик.

Несмотря на имеющиеся ограничения (креатосфера не является сектором с точки зрения статистической отчетности, поскольку она затрагивает прочие сферы экономической системы и оказывает влияние на экономику в целом; отсутствует полный перечень показателей, которые могли бы использоваться для оценки креатосферы на уровне регионов; сложности статистического учета занятости в рамках креатосферы), авторская методика позволила произвести расчет интегрального индекса развития креатосферы за 2018–2021 гг. (табл. 3).

¹⁴ Источниками информации для исследования стали: АИС «Статистика» Главного информационно-вычислительного центра Минкультуры России; Отчет о деятельности Роспатента; Регионы России. Социально-экономические показатели: статистический сборник. Федеральная служба государственной статистики.

Таблица 3

Значения интегрального индекса развития креатосферы человеко-ориентированной экономики

Table 3. Integral index of creatosphere development in human-centered economy

Субъекты Российской Федерации / Russian subjects	Интегральный индекс / Integral index			
	2018	2019	2020	2021
Российская Федерация / Russian Federation	0,261	0,267	0,259	0,252
Центральный федеральный округ / Central Federal District	0,384	0,377	0,365	0,337
Белгородская область / Belgorod region	0,194	0,219	0,227	0,217
Брянская область / Bryansk region	0,172	0,183	0,187	0,186
Владимирская область / Vladimir region	0,196	0,223	0,214	0,209
Воронежская область / Voronezh region	0,215	0,219	0,209	0,193
Ивановская область / Ivanovo region	0,261	0,224	0,230	0,214
Калужская область / Kaluga region	0,267	0,240	0,226	0,236
Костромская область / Kostroma region	0,243	0,290	0,318	0,318
Курская область / Kursk region	0,218	0,247	0,202	0,162
Липецкая область / Lipetsk region	0,168	0,161	0,141	0,151
Московская область / Moscow region	0,336	0,317	0,308	0,252
Орловская область / Orel region	0,197	0,221	0,205	0,195
Рязанская область / Ryazan region	0,266	0,241	0,234	0,258
Смоленская область / Smolensk region	0,148	0,166	0,200	0,156
Тамбовская область / Tambov region	0,152	0,174	0,173	0,168
Тверская область / Tver region	0,227	0,299	0,245	0,225
Тульская область / Tula region	0,242	0,259	0,282	0,259
Ярославская область / Yaroslavl region	0,271	0,314	0,315	0,306
Москва / Moscow	0,704	0,636	0,610	0,570
Северо-Западный федеральный округ / North-Western Federal District	0,390	0,414	0,398	0,378
Республика Карелия / Republic of Karelia	0,230	0,269	0,293	0,267
Республика Коми / Komi Republic	0,187	0,191	0,202	0,203
Архангельская область / Arkhangelsk region	0,192	0,191	0,195	0,185
Вологодская область / Vologda region	0,221	0,242	0,244	0,218
Калининградская область / Kaliningrad region	0,180	0,183	0,189	0,194
Ленинградская область / Leningrad region	0,154	0,153	0,160	0,145
Мурманская область / Murmansk region	0,118	0,136	0,119	0,142
Новгородская область / Novgorod region	0,222	0,232	0,218	0,201
Псковская область / Pskov region	0,229	0,238	0,274	0,251
Санкт-Петербург / St. Petersburg	0,726	0,768	0,713	0,673
Южный федеральный округ / Southern Federal District	0,167	0,173	0,167	0,179
Республика Адыгея / Republic of Adygea	0,157	0,178	0,160	0,161
Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	0,155	0,134	0,115	0,144
Республика Крым / Republic of Crimea	0,191	0,209	0,209	0,214
Краснодарский край / Krasnodar Territory	0,112	0,111	0,100	0,111
Астраханская область / Astrakhan region	0,180	0,193	0,178	0,176
Волгоградская область / Volgograd region	0,186	0,186	0,201	0,205
Ростовская область / Rostov region	0,196	0,217	0,199	0,231
Севастополь / Sevastopol	0,394	0,357	0,387	0,332
Северо-Кавказский федеральный округ / North-Caucasus Federal District	0,112	0,106	0,103	0,107
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	0,092	0,081	0,080	0,081
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	0,150	0,123	0,116	0,111
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkarian Republic	0,149	0,137	0,129	0,130
Карачаево-Черкесская Республика / Karachay-Cherkess Republic	0,147	0,139	0,162	0,123
Республика Северная Осетия – Алания / Republic of North Ossetia-Alania	0,226	0,215	0,208	0,224
Чеченская Республика / Chechen Republic	0,068	0,073	0,070	0,095
Ставропольский край / Stavropol territory	0,113	0,117	0,106	0,104
Приволжский федеральный округ / Volga Federal District	0,223	0,240	0,240	0,239
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	0,180	0,189	0,229	0,218
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	0,300	0,353	0,309	0,314
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	0,230	0,287	0,270	0,275

Субъекты Российской Федерации / Russian subjects	Интегральный индекс / Integral index			
	2018	2019	2020	2021
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,338	0,355	0,354	0,375
Удмуртская Республика / Udmurt Republic	0,236	0,253	0,262	0,241
Чувашская Республика / Chuvash Republic	0,239	0,221	0,203	0,216
Пермский край / Perm territory	0,218	0,233	0,231	0,251
Кировская область / Kirov region	0,172	0,203	0,191	0,181
Нижегородская область / Nizhny Novgorod region	0,233	0,237	0,215	0,213
Оренбургская область / Orenburg region	0,109	0,113	0,110	0,107
Пензенская область / Penza region	0,193	0,214	0,227	0,187
Самарская область / Samara region	0,236	0,263	0,283	0,246
Саратовская область / Saratov region	0,203	0,187	0,171	0,185
Ульяновская область / Ulyanovsk region	0,231	0,311	0,288	0,290
Уральский федеральный округ / Ural Federal District	0,205	0,206	0,202	0,210
Курганская область / Kurgan region	0,137	0,167	0,157	0,151
Свердловская область / Sverdlovsk region	0,259	0,261	0,254	0,276
Тюменская область / Tyumen region	0,150	0,149	0,163	0,160
Челябинская область / Chelyabinsk region	0,211	0,208	0,223	0,208
Сибирский федеральный округ / Siberian Federal District	0,201	0,207	0,203	0,198
Республика Алтай / Republic of Altai	0,114	0,113	0,095	0,113
Республика Тыва / Republic of Tyva	0,113	0,211	0,214	0,238
Республика Хакасия / Republic of Khakassia	0,200	0,201	0,198	0,202
Алтайский край / Altai territory	0,165	0,177	0,205	0,181
Красноярский край / Krasnoyarsk territory	0,236	0,239	0,214	0,213
Иркутская область / Irkutsk region	0,165	0,155	0,140	0,140
Кемеровская область / Kemerovo region	0,119	0,136	0,129	0,138
Новосибирская область / Novosibirsk region	0,263	0,276	0,268	0,256
Омская область / Omsk region	0,241	0,226	0,228	0,226
Томская область / Tomsk region	0,303	0,298	0,315	0,294
Дальневосточный федеральный округ / Far East Federal District	0,173	0,181	0,173	0,173
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	0,136	0,149	0,134	0,138
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	0,282	0,272	0,289	0,292
Забайкальский край / Transbaikal territory	0,133	0,134	0,117	0,121
Камчатский край / Kamchatka territory	0,184	0,215	0,212	0,185
Приморский край / Primorsky territory	0,168	0,173	0,162	0,163
Хабаровский край / Khabarovsk territory	0,169	0,182	0,165	0,168
Амурская область / Amur region	0,126	0,138	0,121	0,121
Магаданская область / Magadan region	0,317	0,340	0,318	0,294
Сахалинская область / Sakhalin region	0,170	0,181	0,172	0,186
Еврейская автономная область / Jewish autonomous region	0,163	0,189	0,161	0,144
Чукотский автономный округ / Chukotka autonomous okrug	0,210	0,216	0,209	0,218

Источник: составлено автором на основе расчетов¹⁵.

Source: compiled by the author based on calculations¹⁵.

Визуализация приведенных данных по субъектам Российской Федерации приведена на рис. 3.

¹⁵ Отчет о деятельности Роспатента за 2018 г. https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet_2018_ru.pdf; Отчет о деятельности Роспатента за 2019 г. <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2019-ru.pdf>; Отчет о деятельности Роспатента за 2020 г. <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2020-ru.pdf>; Отчет о деятельности Роспатента за 2021 г. <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2021-ru.pdf>; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. (2019). Росстат. Москва; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. (2020). Росстат. Москва; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. (2021). Росстат. Москва; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. (2022). Росстат. Москва; Статистические данные по видам учреждений культуры, искусства и образования. <https://stat.mkrf.ru/indicators/>

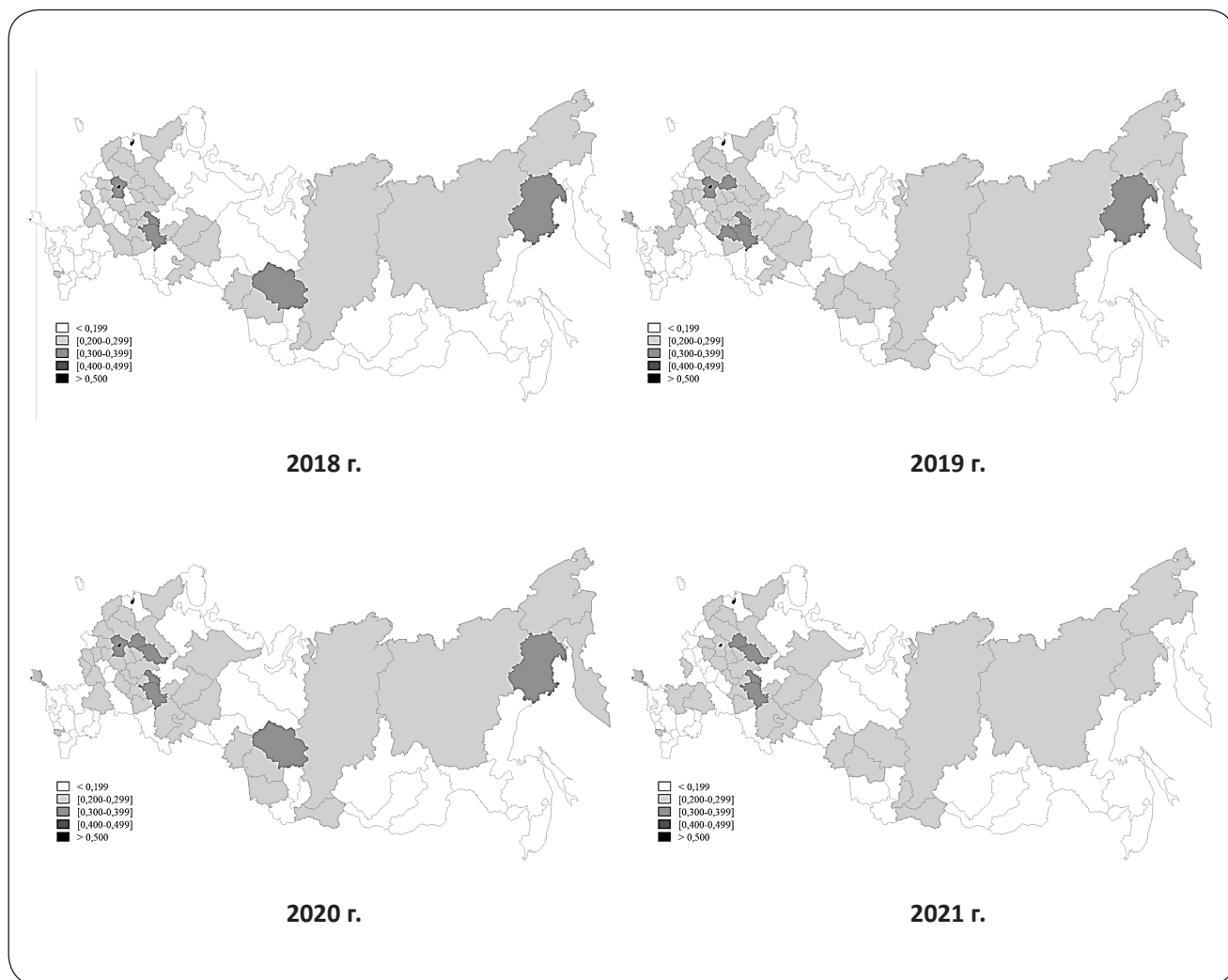

Рис. 3. Уровень развития креатосферы человеко-ориентированной экономики в субъектах РФ
Fig. 3. Level of creatosphere development in human-centered economy in the Russian Federation subjects

Интегральный индекс развития креатосферы человеко-ориентированной экономики находится в пределах от 0 (худшее значение) до 1 (лучшее значение), соответственно, проведенная оценка позволяет констатировать, что развитие данной сферы в Российской Федерации находится на зачаточном уровне, а для ее прогрессивного развития необходим масштабный комплекс управленческих мероприятий, способных в конечном итоге оказать положительное влияние в целом на человекоцентричную экономику.

Обсуждение

Полученные в ходе данного исследования результаты вносят значительный вклад в развитие теории человеко-ориентированной экономики, формируют теоретические и практические основы для изучения креатосферы и существенно отличаются от представленных в библиографических источниках ранее.

Авторская интерпретация креатосферы, в отличие от большинства имеющихся в научной литературе, позволяет идентифицировать данную сферу как источник развития всей экономики, как базу для использования креатива, творчества человека с целью формирования идей, прикладной характер которых дает возможность их применения в различных сферах жизнедеятельности человека. Подобное понимание креатосферы снимает «барьеры» только культурной составляющей данного сектора экономики. Соответственно, креатосфера становится движущей силой человеко-ориентированной экономики в целом.

Подобное понимание креатосферы позволило сформулировать прикладной аспект исследования, оценку развития данной сферы.

Несомненно, встречающиеся в литературе разнообразные отечественные и зарубежные методики оценки креатосферы имеют право на существование, и даже происходит их активное применение. При этом каждый из рейтингов по оценке креатосферы имеет свое обоснование и назначение.

Так, международный рейтинг Creative 100¹⁶ и российский рейтинг 100 Most Creative Russians¹⁷ базируются на оценке креативных индустрий в узком их понимании, предполагающей направленность только на творческую, культурную деятельность. Некоторые авторы акцентируют внимание на инновационном аспекте при оценке креатосферы (Global Innovation Index 2020. Who Will Finance Innovation?¹⁸), отдавая предпочтение формированию богатства инноваций в обществе, отражая более глобальное влияние креатосферы через инновации на общество в целом. Данный подход, несомненно, имеет право на существование, но, на наш взгляд, скорее отражает степень развития инновационной экономики.

Более обобщающим в оценке креатосферы является индекс глобальной креативности (Global Creativity Index 2015¹⁹), основанный на определении опережающего экономического роста и устойчивого процветания на базе совокупности показателей в отношении технологий, таланта и терпимости. Разработчики исследовательского проекта «Атлас креативных индустрий в Российской Федерации» (оценка в региональном разрезе) также закладывают более широкое понимание креатосферы нежели просто культурные сферы, и основываются на индивидуальном творчестве человека для обогащения и создания рабочих мест²⁰.

Несмотря на то, что более близки авторскому подходу два последних показателя при оценке креатосферы, следует отметить кардинальное отличие в структурной составляющей. Например, индекс глобальной креативности, как и показатель оценки доли креативных индустрий в муниципальных образованиях, согласно «Атласу креативных индустрий в Российской Федерации»²¹, включают в себя аспекты, связанные с научными исследованиями и разработками, в то время как предлагаемый автором интегральный индекс развития креатосферы не учитывает данное направление, ориентируясь на то, что научные исследования и разработки, прежде всего, связаны с когнитивной сферой человека. Вышеупомянутые показатели также учитывают сферу образования, в то время как в авторском понимании получение общего образования соотносится с социальной сферой, а высшего – с когнитивной. Кроме того, оценка доли креативных индустрий в муниципальных образованиях учитывает программирование и информационные технологии, которые в рамках человекоцентричной экономики структурно представлены в цифровой сфере, а радио и ТВ в рамках оценки в «Атласе креативных индустрий в Российской Федерации» соотносятся с инфосферой человеко-ориентированной экономической системы. Таким образом, авторское понимание креатосферы «очищено» от сфер, где могут удовлетворяться прочие объективно необходимые потребности человека, отличные от потребностей в творчестве. Несомненно, идеи могут формироваться в рамках НИОКР, образования, теле-, радиовещания и других, но при оценке креатосферы должны учитываться изобретения, патенты, идеи в различных областях, а результаты деятельности в области научных исследований, образования и прочего должны оцениваться в соответствующей сфере экономики (природной, материальной сферах, сфере услуг, социальной сфере, инфосфере, цифровой и когнитивной сферах). Соответственно, два последних индекса близки к авторскому пониманию назначения креатосферы как источника идей для экономической системы в целом. Однако данное исследование акцентирует внимание на креатосфере как структурной составляющей человеко-ориентированной экономики, основное назначение последней состоит в удовлетворении объектив-

¹⁶ Creative 100 2019–2020. Adweek. <https://www.adweek.com/category/the-creative-100/>

¹⁷ 100 Most Creative Russians. <https://100mcr.com/>

¹⁸ Global Innovation Index 2020. Who Will Finance Innovation? (2020). Cornell University, INSEAD, and the World Intellectual Property Organization. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf

¹⁹ The Global Creativity Index 2015. (2015). Martin Prosperity Institute Rotman School of Management University of Toronto. <https://www-2.rotman.utoronto.ca/mpi/wp-content/uploads/2015/07/Global-Creativity-Index-2015.pdf>

²⁰ Атлас креативных индустрий в Российской Федерации. (2021). Центр городских компетенций АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов». Москва.

²¹ Там же.

но необходимых потребностей человека и формировании идей как для культурной деятельности, так и для остальных сфер человекоцентричной экономики.

Отдельно следует обратить внимание на исследования по региональной оценке развития креатосферы в рамках Российской Федерации. В основном данная оценка проводится для креативных индустрий, при этом дискуссии относительно данного вопроса касаются, как правило, показателей, включаемых в данную оценку. Так, представители Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» разработали Российский региональный индекс креативных индустрий (РРИКИ) (Боос и др., 2023), в основе которого четыре составляющие: социально-экономические условия (благополучие и экономика, образование, цифровизация и интеллектуальная собственность), культурная среда, экономика креативных индустрий (активы, кадры и продукция) и поддержка последних (нормативная правовая база, организационное обеспечение, региональные налоговые льготы и участие в федеральных программах). А. В. Васина, Ю. О. Глушкова (2022) разработали комплексную модель оценки стратегии развития креативных индустрий региона на основе похожего подхода: в методике учитываются показатели, отражающие потенциал, условия и поддержку развития креативных индустрий, а также показатели, отражающие эффективность их развития. М. А. Морданов (2022) представил методику оценки креативности применительно к субъектам Российской Федерации на основе показателей, связанных с талантом, технологиями, открытостью, бизнесом и средой. Эксперты Агентства стратегических инициатив определяют уровень развития креативной экономики регионов РФ по ряду следующих показателей: доля в ВРП, размер выручки в креативных индустриях, число занятых в креативных индустриях, число предприятий, работающих в креативных индустриях, отрасли-лидеры по выручке²². Другой взгляд, отличный от предыдущих подходов, встречается у К. Ю. Головиной и Б. С. Жихаревич (2023), включает в себя следующие показатели: разноплановость культурных учреждений, наличие пространств для реализации креативного потенциала, проведение событийных мероприятий, численность компаний в сфере «культура и спорт».

На наш взгляд, последняя указанная методика имеет наименьшую перспективность применения, поскольку отсутствуют четкие критерии понимания «много – мало» применительно к указанным показателям. Кроме того, большинство показателей не входят в состав обязательных статистических данных, вследствие чего данная методика носит ограничительный характер. При этом интересен подход первых двух упомянутых исследований с точки зрения внесения в методику оценки комплексного понимания развития креативных индустрий, начиная от условий для их развития и заканчивая поддержкой на различных уровнях.

Отметим, что лишь некоторые ученые пошли в своих исследованиях дальше и выстроили группировку субъектов РФ в зависимости от полученных значений. Так, представители НИУ «Высшая школа экономики» на основе РРИКИ разбили все субъекты РФ на четыре группы: лидеры, эволюционные, эффективные и догоняющие регионы. Подобное ранжирование позволяет структурировать субъекты РФ по различным направлениям развития креативных индустрий. На основе данных Агентства стратегических инициатив О. Е. Акимов с соавторами (2022) также разработали классификацию регионов по степени креативности для разработки мер их поддержки: наиболее креативные, среднекреативные и слабокреативные регионы.

Отличие авторской методики оценки развития креатосферы от указанных ранее заключается, прежде всего, в формировании интегрального индекса на основе человеческих потребностей в творчестве, который ориентируется на условия и факт их удовлетворения, поскольку исследуемый феномен лежит в рамках человеко-ориентированной экономики, а не только в рамках креативных индустрий. Наряду с этим авторская методика оценки развития креатосферы позволяет оценить развитие отдельных ее направлений, а именно культурного и инновационного назначения, давая возможность в перспективе субъектам управления выстраивать механизмы соответствующего регулирования, разрешая тем самым противоречие распределения ресурсов между культурным и инновационным секторами. При этом внедрение регионального аспекта в данной методике позволяет выявить лучшие практики в области развития креатосферы с целью их масштабирования в пределах Российской Федерации и оказания адресной поддержки.

²² Атлас креативных индустрий в Российской Федерации. (2021). Центр городских компетенций АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов». Москва.

Заключение

В результате проведенного исследования нами были получены следующие результаты. Во-первых, охарактеризовано понимание креатосферы с точки зрения удовлетворения потребностей человека в творчестве; произведено акцентирование внимания на структуре креатосферы как элемента, оказывающего влияние на все сферы человекоцентричной экономики. Во-вторых, разработана модель гомеостаза человеко-ориентированной экономики на основе выявления элементов-противоположностей (с одной стороны – природная, материальная сферы, сфера услуг, социальная сфера, инфосфера, цифровая и когнитивная сферы, с другой – креатосфера), базового ресурса (поток идей) и регулятора (потребности человека); обоснована определяющая роль креатосферы в развитии человекоцентричной экономики. В-третьих, разработана методика оценки креатосферы и произведена ее апробация на субъектах Российской Федерации.

В целом результаты исследования имеют первостепенное значение для человека, поскольку в разработанной модели идентифицируется основное противоречие в рамках человеко-ориентированной экономики: полярность направлений использования благ, формируемых природной, материальной сферами, сферой услуг, социальной, инфосферой, цифровой и когнитивной сферами (в виде товаров и услуг строго определенного назначения), с одной стороны, и креатосферой (в виде идей разнообразного назначения) – с другой. Устойчивый характер при этом всей системы обеспечивается за счет именно потребностей человека, которые выступают в виде своеобразного регулятора, обеспечивая наличие дополнительных механизмов регуляции: недопотребление ведет к инициативности, а перенасыщение – к пассивности креативного сектора, разнообразные блага «отвлекают» от объективно необходимых потребностей, формируя недопотребление благ, а однообразные блага, наоборот, перенасыщение. Соответственно, устойчивое развитие человека и человекоцентричной экономики обеспечивается в результате равномерного развития различных сфер рассматриваемой экономической системы, постоянного их взаимодействия при определяющей роли креатосферы.

Кроме того, результаты исследования имеют значение не только для России в целом, но и для отдельных ее регионов, поскольку дают основания для дальнейших изысканий для разрешения противоречия («оттягивание» ресурсов в сторону культурного или инновационного секторов) в области развития креатосферы, а именно формирования управленческих механизмов для распределения/перераспределения базовых ресурсов между инновационным и культурным секторами на основе предшествующей оценки развития креатосферы в определенном субъекте РФ или в России в целом.

Перспективы дальнейших исследований определяются необходимостью изучения возможных противоречий между отдельными сферами человекоцентричной экономики и креатосферой, идентификации режима их взаимодействия с целью выявления траектории их развития, выявления резервов пробуждения креативности в различных сферах экономики и разработки управленческих механизмов в отношении стимулирования развития креатосферы человеко-ориентированной экономики.

Список литературы

- Айвазян, С. А. (2003). К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения. *Экономика и математические методы*, 39(2), 33–53.
- Акимов, О. Е., Волков, С. К., Симонов, А. Б. (2022). Креативные индустрии в России: тенденции развития и потенциал роста. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, 1, 96–114. <https://doi.org/10.38050/01300105202215>
- Ахмадиева, Г. Г. (2010). Социально-экономическое развитие муниципальных образований Республики Татарстан. *Региональная экономика: теория и практика*, 6, 49–54.
- Богомолова, Н. Н. (1992). *Контент-анализ*. Москва: Изд-во Моск. ун-та.
- Боос, В. О., Гершман, М. А., Гохберг, Л. М., Куценко, Е. С., Остащенко, Т. В., Абанкина, Т. В. (2023). *Рейтинг креативных регионов России: научный дайджест*. Спецвыпуск № 3. НИУ ВШЭ.
- Бредихин, С. В., Власова, В. В., Гаврилова, Н. В., Гершман, М. А., Гохберг, Л. М., Демьянова, А. В., Иванова И. А., Попова Я. А. (2021). Развитие креативных индустрий в России: ключевые индикаторы. *Научный дайджест № 1. НИУ «Высшая школа экономики»*. Москва: Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала».

- Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2011). В поисках будущего России: «экономика для человека», или Десять тезисов к разработке «стратегии опережающего развития III» (неюбилейное приглашение Ю. М. Осипова к новому раунду дискуссии). *Философия хозяйства*, 4(76), 60–65.
- Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2019). Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? *Социологические исследования*, 1, 18–28. <https://doi.org/10.31857/s013216250003744-1>
- Васина, А. В., Глушкова, Ю. О. (2022). Комплексная модель оценки стратегии развития креативных индустрий региона. *Актуальные проблемы экономики и менеджмента*, 2(34), 57–64.
- Головина, К. Ю., Жихаревич, Б. С. (2023). Креативные индустрии в муниципальных и региональных стратегиях Ивановской области и Краснодарского края. *Региональная экономика. Юг России*, 11(4), 190–200. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2023.4.17>
- Гриценко, С. В., Шубина, Е. А. (2015). Статистическое изучение инновационных процессов на региональном уровне. *Вопросы статистики*, 8, 65–72.
- Жупарова, А. С., Асилова, А. С., Исатаева, Г. Б. (2023). Образование как фактор развития креативной экономики: научный синтез оценки исследований. *Central Asian Economic Review*, 2(149), 72–93. <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-72-93>
- Каверина, Н. А. (2017). Ведущая роль культуры в развитии человеческого капитала и новой экономики. *Человеческий капитал и профессиональное образование*, 3(23), 10–16.
- Каменских, М. А. (2014). Исследование понятия креативных индустрий и оценка их влияния на экономическое развитие России. *Экономический анализ: теория и практика*, 8(359), 62–68.
- Клоудова, Й. (2010). Влияние развития креативной экономики на экономически отсталые регионы. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 5(5), 109–124.
- Крюков, И. А. (2023). Развитие креативных индустрий в регионах Северо-Западного федерального округа. *Креативная экономика*, 17(12), 4709–4728. <https://doi.org/10.18334/ce.17.12.119800>
- Левченко, И. И. (2014). Значение «креативной экономики» в современном инновационном развитии: зарубежный опыт. *Креативная экономика*, 12(96), 44–54.
- Махалин, В. Н. (2015). Управление креативным классом: зарубежный и отечественный опыт. *Вестник университета*, 1, 146–150.
- Мацевич, И. Я. (2012). Формирование и развитие концепции креативной индустрии в современной социальной теории. *Социология*, 3, 80–93.
- Мельников, О. Н. (2012). От «материалистичности» к «человечности» экономики. *Российское предпринимательство*, 2(100), 58–63.
- Михайлова, А. В. (2018). Цифровая и креативная экономика в современном пространстве. *Креативная экономика*, 12(1), 29–42. <https://doi.org/10.18334/ce.12.1.38783>
- Михайлова, А. В., Попова, Л. Н. (2023). Креатосфера в современной креативной экономике: теоретические и методологические основы. *Экономика и предпринимательство*, 11(160), 353–360. <https://doi.org/10.34925/eip.2023.160.11.066>
- Морданов, М. А. (2022). Оценка уровня креативности регионов России: применение индекса Флориды в современных реалиях. *Креативная экономика*, 16(6), 2093–2110. <https://doi.org/10.18334/ce.16.6.114829>
- Насырова, С. И. (2021). Эволюционные аспекты экономики, ориентированной на человека, в категориально-системной методологии. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, 6, 202–223. <https://doi.org/10.38050/0130010520216.10>
- Насырова, С. И. (2022). Идеи как фактор развития человеко-ориентированной экономики. *AlterEconomics*, 19(4), 602–619. <https://doi.org/10.31063/altereconomics/2022.19-4.3>
- Насырова, С. И. (2022). Человеко-ориентированная экономика: целевые установки и их противоречия. *п-Economy*, 15(2), 38–58.
- Насырова, С. И. (2022). Экономика, ориентированная на человека: разработка дефиниции. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(2), 258–274. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.258-274>
- Пилясов, А., Колесникова, О. (2008). Оценка творческого потенциала российских региональных сообществ. *Вопросы экономики*, 9, 50–69. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-9-50-69>
- Разумов, В. И. (2004). *Категориально-системная методология в подготовке ученых*. Омск: Омск. гос. ун-т.
- Рудая, Т. В. (2008). Креативная экономика в системе постиндустриального общества. *Креативная экономика*, 8(20), 3–11.
- Спиридонов, С. П. (2010). Индикаторы качества жизни и методологии их формирования. *Вопросы современной науки и практики*, 10-12(31), 208–223.
- Степанов, А. А., Савина, М. В. (2013). Креативная экономика: сущность и проблемы развития. *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*, 12(60), 104.
- Степанова, Т. Д. (2022). Мировой креативный класс: динамика, тенденции, развитие. *Проблемы современной экономики*, 1(81), 41–44.

Сургуладзе, В. Ш. (2022). Кризис креативной экономики в условиях урбанизации и экономического неравенства информационного общества. *США и Канада: экономика, политика, культура*, 10, 80–97. <https://doi.org/10.31857/s2686673022100066>

Счисляева, Е. Р., Макиева, И. В. (2024). Особенности функционирования сети организаций креативных индустрий. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, 1(145), 77–82.

Темербулатова, Ж. С., Жупарова, А. С., Нусюпаева, А. А. (2020). Статистика в области креативных индустрий: обзор методологических основ. *Экономика: стратегия и практика*, 15(4), 139–146. https://doi.org/10.51176/jesp/issue_4_t12

Трубицын, О. К. (2019). Развитие креатосферы в информационном обществе. *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*, 2(24), 29–49.

Устинович, И. В. (2019). Развитие методологических основ оценки количественных и качественных показателей креативной индустрии в контексте новейших мировых тенденций. *Социально-экономическое управление: теория и практика*, 3(38), 36–38.

Хезмондалш, Д. (2014). *Культурные индустрии*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.

Хестанов, Р. (2018). Креативные индустрии – модели развития. *Социологическое обозрение*, 17(3), 173–196. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2018-3-173-196>

Хокинс, Дж. (2011). *Креативная экономика: как превратить идеи в деньги*. Москва: Классика-XXI.

Шульженко, Т. Г., Сущева, Н. В., Царева, Е. С. (2023). *Креатосфера университета в экономике знаний: потенциал развития, концепция, решения*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Щетинина, Е. Д. (2019). *Креативная экономика: менеджмент и маркетинг*. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова.

Własczyk, M., & Krysiński, D. (2023). European Capital of Culture and creative industries: Real impact or unproven belief? The case of Wrocław. *City, Culture and Society*, 100552. <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2023.100552>

Boccella, N., & Salerno, I. (2016). Creative Economy, Cultural Industries and Local Development. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 223, 291–296. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.05.370>

Comunian, R., & England, L. (2020). Creative and cultural work without filters: Covid-19 and exposed precarity in the creative economy. *Cultural Trends*, 29(2), 1–17. <https://doi.org/10.1080/09548963.2020.1770577>

Cruz, S. S., & Teixeira, A. A. C. (2015). The magnitude of creative industries in Portugal: what do the distinct industry-based approaches tell us? *Creative Industries Journal*, 8(1), 85–102. <https://doi.org/10.1080/17510694.2015.1050298>

De Beukelaer, C. (2014). Creative industries in “developing” countries: Questioning country classifications in the UNCTAD creative economy reports. *Cultural Trends*, 23(4), 232–251. <https://doi.org/10.1080/09548963.2014.912043>

Dharmani, P., Das, S., & Prashar, S. (2021). A bibliometric analysis of creative industries: Current trends and future directions. *Journal of Business Research*, 135, 252–267. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.06.037>

Dubina, I. N., Carayannis, E. G., & Campbell, D. F. J. (2011). Creativity Economy and a Crisis of the Economy? Coevolution of Knowledge, Innovation, and Creativity, and of the Knowledge Economy and Knowledge Society. *Journal of the Knowledge Economy*, 3(1), 1–24. <https://doi.org/10.1007/s13132-011-0042-y>

Ferreiro-Seoane, F. J., Llorca-Ponce, A., & Rius-Sorolla, G. (2022). Measuring the Sustainability of the Orange Economy. *Sustainability*, 14(6). <https://doi.org/10.3390/su14063400>

Florida, R. (2004). America’s Looming Creative Crisis. *Harvard Business Review*, 82(10), 122–136.

Florida, R., & Tinagli, I. (2004). *Europe in the creative age*. London; Pittsburgh: Software Industry Centre, Carnegie Mellon.

Freeman, A. (2012). *Is Creation an Industry? A Constructive Critique of the Economics of the Cultural and Creative Industries*. L.: Metropolitan University.

Freeman, A. (2020). Creative Labor, Mental Objects and the Modern Theory of Production. *Science & Society*, 84(4), 458–484. <https://doi.org/10.1521/siso.2020.84.4.458>

Hailey, D., Cox, M., & Loader, E. (2010). Relationship between Innovation and Professional Communication in the “Creative” Economy. *Journal of Technical Writing and Communication*, 40(2), 125–141. <https://doi.org/10.2190/tw.40.2.b>

Holford, W. D. (2019). The future of human creative knowledge work within the digital economy. *Futures*, 105, 143–154. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2018.10.002>

Jordan, T., & Richterich, A. (2023). Researching the digital economy and the creative economy: Free gaming shards and commercialised making at the intersection of digitality and creativity. *European Journal of Cultural Studies*, 26(3), 354–370. <https://doi.org/10.1177/13675494221118390>

Levickaitė, R. (2011). Four approaches to the creative economy: general overview. *Business, Management and Education*, 9(1), 81–92. <https://doi.org/10.3846/bme.2011.06>

Masullo, A. (2014). Human economy and natural economy. *E3S Web of Conferences*, 2, 04002. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20140204002>

Mikhailova, A., & Vinokurova, U. (2018). The relation to calls and threats in the Arctic in the context of creatosphere (kreatosfera). In *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and ARTS SGEM 2018: Conference proceedings, Albena, Bulgaria* (Vol. 5, № 3.3, pp. 953–958). <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2018/3.3/s12.122>

- Müller, K., Rammer, C., & Trüb, J. (2008). The Role of Creative Industries in Industrial Innovation. *ZEW Discussion Paper*, 08-109.
- Oakley, K. (2004). Not so cool Britannia: The role of the creative industries in economic development. *International Journal of Cultural Studies*, 7(1), 67–77. <https://doi.org/10.1177/1367877904040606>
- Potts, J., & Cunningham, S. (2010). Four models of the creative industries. *Revue d'économie politique*, 120(1), 163–180. <https://doi.org/10.3917/redp.201.0163>
- Potts, J., Cunningham, S., Hartley, J., & Ormerod, P. (2008). Social network markets: a new definition of the creative industries. *Journal of Cultural Economics*, 32(3), 167–185. <https://doi.org/10.1007/s10824-008-9066-y>
- Rodríguez-Insuasti, H., Montalván-Burbano, N., Suárez-Rodríguez, O., Yonfá-Medrand, M., & Parrales-Guerrero, K. (2022). Creative Economy: A Worldwide Research in Business, Management and Accounting. *Sustainability*, 14, 16010. <https://doi.org/10.3390/su142316010>
- Rozentale, I. (2014). Creative industries during economic recession: the case of Riga. *Regional Studies, Regional Science*, 1(1), 329–335. <https://doi.org/10.1080/21681376.2014.981578>
- Samans, R. (2023). *Human-centred economics: The living standards of nations*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-37435-7>
- Samans, R., & Davis, N. (2017). Advancing Human-Centred Economic Progress in the Fourth Industrial Revolution. *G20 Policy Brief*. Geneva: World Economic Forum.
- Schlesinger, P. (2007). Creativity: from discourse to doctrine? *Screen*, 48(3), 377–387. <https://doi.org/10.1093/screen/hjm037>
- Throsby, D. (2008). The concentric circles model of the cultural industries. *Cultural Trends*, 17(3), 147–164. <https://doi.org/10.1080/09548960802361951>
- Tremblay, G. (2008). Industries culturelles économie créative et société de l'information. *Global Media Journal – Canadian Edition*, 1(1), 65–88.
- Veselá, D., & Klimová, K. (2014). Knowledge-based Economy vs. Creative Economy. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 141, 413–417. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.05.072>
- Zhao, K., Zhang, Y., Zhao, J., & Li, X. (2020). Understanding Contributions of the Creative Class to Sustainable Economic Growth in China. *Sustainability*, 12(4), 1304. <https://doi.org/10.3390/su12041304>

References

- Ajvazyan, S. A. (2003). On the methodology of measuring synthetic categories of the population's living standards. *Economics and Mathematical Methods*, 39(2), 33–53. (In Russ.).
- Akhmadieva, G. G. (2010). Social-economic development of municipal entities of Tatarstan Republic. *Regional Economics: Theory and Practice*, 6, 49–54. (In Russ.).
- Akimova, O. E., Volkov, S. K., & Simonov, A. B. (2022). Creative industries in Russia: trends in development and growth potential. *Moscow University Economics Bulletin*, 1, 96–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.38050/01300105202215>
- Błaszczak, M., & Krysiński, D. (2023). European Capital of Culture and creative industries: Real impact or unproven belief? The case of Wrocław. *City, Culture and Society*, 100552. <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2023.100552>
- Boccella, N., & Salerno, I. (2016). Creative Economy, Cultural Industries and Local Development. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 223, 291–296. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.05.370>
- Bogomolova, N. N. (1992). *Content analysis*. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.).
- Boos, V. O., Gershman, M. A., Gokhberg, L. M., Kuczenko, E. S., Ostashenko, T. V., & Abankina, T. V. (2023). *Rating of the creative Russian regions: scientific digest*. Special issue No. 3. HSE. (In Russ.).
- Bredikhin, S. V., Vlasova, V. V., Gavrilova, N. V., Gershman, M. A., Gokhberg, L. M., Demyanova, A. V., Ivanova, I. A., & Popova, Ya. A. (2021). *Developing creative industries in Russia: key indicators*. *Scientific digest No. 1*. HSE. Moscow: Human Capital Multidisciplinary Research Center. (In Russ.).
- Buzgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (2011). In search of the future for Russia: “economy for a human”, or Ten theses to elaborating “the advanced development strategy III” (a non-jubilee invitation of Yu. M. Osipov to a new round of discussion). *Filosofiya khozyajstva*, 4(76), 60–65. (In Russ.).
- Buzgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (2019). Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1, 18–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/s013216250003744-1>
- Comunian, R., & England, L. (2020). Creative and cultural work without filters: Covid-19 and exposed precarity in the creative economy. *Cultural Trends*, 29(2), 1–17. <https://doi.org/10.1080/09548963.2020.1770577>

- Cruz, S. S., & Teixeira, A. A. C. (2015). The magnitude of creative industries in Portugal: what do the distinct industry-based approaches tell us? *Creative Industries Journal*, 8(1), 85–102. <https://doi.org/10.1080/17510694.2015.1050298>
- De Beukelaer, C. (2014). Creative industries in “developing” countries: Questioning country classifications in the UNCTAD creative economy reports. *Cultural Trends*, 23(4), 232–251. <https://doi.org/10.1080/09548963.2014.912043>
- Dharmani, P., Das, S., & Prashar, S. (2021). A bibliometric analysis of creative industries: Current trends and future directions. *Journal of Business Research*, 135, 252–267. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.06.037>
- Dubina, I. N., Carayannis, E. G., & Campbell, D. F. J. (2011). Creativity Economy and a Crisis of the Economy? Coevolution of Knowledge, Innovation, and Creativity, and of the Knowledge Economy and Knowledge Society. *Journal of the Knowledge Economy*, 3(1), 1–24. <https://doi.org/10.1007/s13132-011-0042-y>
- Ferreiro-Seoane, F. J., Llorca-Ponce, A., & Rius-Sorolla, G. (2022). Measuring the Sustainability of the Orange Economy. *Sustainability*, 14(6). <https://doi.org/10.3390/su14063400>
- Florida, R. (2004). America’s Looming Creative Crisis. *Harvard Business Review*, 82(10), 122–136.
- Florida, R., & Tinagli, I. (2004). *Europe in the creative age*. London; Pittsburgh: Software Industry Centre, Carnegie Mellon.
- Freeman, A. (2012). *Is Creation an Industry? A Constructive Critique of the Economics of the Cultural and Creative Industries*. L.: Metropolitan University.
- Freeman, A. (2020). Creative Labor, Mental Objects and the Modern Theory of Production. *Science & Society*, 84(4), 458–484. <https://doi.org/10.1521/isis.2020.84.4.458>
- Golovina, K. Yu., & Zhikharevich, B. S. (2023). Creative Industries in Municipal and Regional Strategies in Ivanovo Region and Krasnodar Krai. *Regional Economy. South of Russia*, 11(4), 190–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2023.4.17>
- Gricsenko, S. V., & Shubina, E. A. (2015). Statistical study of innovation processes at the regional level. *Voprosy statistiki*, 8, 65–72. (In Russ.).
- Hailey, D., Cox, M., & Loader, E. (2010). Relationship between Innovation and Professional Communication in the “Creative” Economy. *Journal of Technical Writing and Communication*, 40(2), 125–141. <https://doi.org/10.2190/tw.40.2.b>
- Holford, W. D. (2019). The future of human creative knowledge work within the digital economy. *Futures*, 105, 143–154. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2018.10.002>
- Jordan, T., & Richterich, A. (2023). Researching the digital economy and the creative economy: Free gaming shards and commercialised making at the intersection of digitality and creativity. *European Journal of Cultural Studies*, 26(3), 354–370. <https://doi.org/10.1177/13675494221118390>
- Kamenskikh, M. A. (2014). Research of concept of creative industries and assessment of their influence on economic development of Russia. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 8(359), 62–68. (In Russ.).
- Kaverina, N. A. (2017). Leading role of culture in the development of human capital and new economy. *Chelovecheskij kapital i professionalnoe obrazovanie*, 3(23), 10–16. (In Russ.).
- Khestanov, R. (2018). Creative Industries – Models of Development. *Russian Sociological Review*, 17(3), 173–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2018-3-173-196>
- Hesmondhalgh, D. (2014). *The Cultural Industries*. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.).
- Howkins, J. (2011). *The creative economy: how people make money from ideas*. Moscow: Classica-XXI. (In Russ.).
- Kloudova, J. (2010). Expanse creative economy and its impact on the less developed regions. *The Journal of the New Economic Association*, 5(5), 109–124. (In Russ.).
- Kryukov, I. A. (2023). Development of creative industries in the regions of the North-Western Federal District. *Kreativnaya ekonomika*, 17(12), 4709–4728. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/ce.17.12.119800>
- Levchenko, I. I. (2014). The meaning of the «creative economy» in the contemporary innovative development: foreign practices. *Kreativnaya ekonomika*, 12(96), 44–54. (In Russ.).
- Levickaitė, R. (2011). Four approaches to the creative economy: general overview. *Business, Management and Education*, 9(1), 81–92. <https://doi.org/10.3846/bme.2011.06>
- Maczevich, I. Ya. (2012). Forming and developing the concept of creative industry in the modern social theory. *Socziologiya*, 3, 80–93. (In Russ.).
- Makhalin, V. (2015). Management of the creative class: foreign and domestic experience. *Vestnik universiteta*, 1, 146–150. (In Russ.).
- Masullo, A. (2014). Human economy and natural economy. *E3S Web of Conferences*, 2, 04002. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20140204002>
- Melynikov, O. (2012). From “Materialistic” to the “Human” Economy. *Russian Journal of Entrepreneurship*, 2(100), 58–63. (In Russ.).
- Mikhailova, A., & Vinokurova, U. (2018). The relation to calls and threats in the Arctic in the context of creatosphere (kreatosfera). In *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and ARTS SGEM 2018: Conference proceedings, Albena, Bulgaria* (Vol. 5, № 3.3, pp. 953–958). <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2018/3.3/s12.122>

- Mikhaylova, A. V. (2018). Digital and creative economy in the modern space. *Kreativnaya ekonomika*, 12(1), 29–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/ce.12.1.38783>
- Mikhaylova, A. V., & Popova, L. N. (2023). Creatosphere in modern creative economics: theoretical and methodological foundations. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 11(160), 353–360. (In Russ.). <https://doi.org/10.34925/eip.2023.160.11.066>
- Mordanov, M. A. (2022). Assessing the level of creativity in Russian regions: application of the Florida index to current realities. *Kreativnaya ekonomika*, 16(6), 2093–2110. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/ce.16.6.114829>
- Müller, K., Rammer, C., & Trübey, J. (2008). The Role of Creative Industries in Industrial Innovation. *ZEW Discussion Paper*, 08-109.
- Nasyrova, S. I. (2022). Human-oriented economy: goals and their contradictions. *π-Economy*, 15(2), 38–58. (In Russ.).
- Nasyrova, S. I. (2021). Evolutionary aspects of the human-oriented economy in the categorical-system methodology. *Moscow University Economics Bulletin*, 6, 202–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.38050/0130010520216.10>
- Nasyrova, S. I. (2022). Human-oriented economy: elaborating a definition. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(2), 258–274. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.258-274>
- Nasyrova, S. I. (2022). Ideas as a Factor of Development in a Human-Oriented Economy. *AlterEconomics*, 19(4), 602–619. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/altereconomics/2022.19-4.3>
- Oakley, K. (2004). Not so cool Britannia: The role of the creative industries in economic development. *International Journal of Cultural Studies*, 7(1), 67–77. <https://doi.org/10.1177/1367877904040606>
- Pelyasov, A., & Kolesnikova, O. (2008). Evaluation of Creativity of the Russian Regional Communities. *Voprosy Ekonomiki*, 9, 50–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-9-50-69>
- Potts, J., & Cunningham, S. (2010). Four models of the creative industries. *Revue d'économie politique*, 120(1), 163–180. <https://doi.org/10.3917/redp.201.0163>
- Potts, J., Cunningham, S., Hartley, J., & Ormerod, P. (2008). Social network markets: a new definition of the creative industries. *Journal of Cultural Economics*, 32(3), 167–185. <https://doi.org/10.1007/s10824-008-9066-y>
- Razumov, V. I. (2004). *Categorical-systemic methodology in teaching scientists*. Omsk: Omsk State University. (In Russ.).
- Rodríguez-Insuasti, H., Montalván-Burbano, N., Suárez-Rodríguez, O., Yonfá-Medrandá, M., & Parrales-Guerrero, K. (2022). Creative Economy: A Worldwide Research in Business, Management and Accounting. *Sustainability*, 14, 16010. <https://doi.org/10.3390/su142316010>
- Rozentale, I. (2014). Creative industries during economic recession: the case of Riga. *Regional Studies, Regional Science*, 1(1), 329–335. <https://doi.org/10.1080/21681376.2014.981578>
- Rudaya, T. V. (2008). Creative economy in the system of post-industrial society. *Kreativnaya ekonomika*, 8(20), 3–11. (In Russ.).
- Samans, R. (2023). *Human-centred economics: The living standards of nations*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-37435-7>
- Samans, R., & Davis, N. (2017). Advancing Human-Centred Economic Progress in the Fourth Industrial Revolution. *G20 Policy Brief*. Geneva: World Economic Forum.
- Schislyaeva, E. R., & Makieva, I. V. (2024). Functioning features of the creative industries organizations network. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 1(145), 77–82. (In Russ.).
- Schlesinger, P. (2007). Creativity: from discourse to doctrine? *Screen*, 48(3), 377–387. <https://doi.org/10.1093/screen/hjm037>
- Shhetinina, E. D. (2019). *Creative economy: management and marketing*. Belgorod: Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov. (In Russ.).
- Shulzhenko, T. G., Sushheva, N. V., & Czareva, E. S. (2023). *Creatosphere of a university in the knowledge economy: development potential, concept, solutions*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. (In Russ.).
- Spiridonov, S. P. (2010). Life Quality Indicators and Methodology of their Development. *Problems of Contemporary Science and Practice*, 10-12(31), 208–223. (In Russ.).
- Stepanov, A. A., & Savina, M. V. (2013). Creative economy: essence and development issues. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, 12(60), 104. (In Russ.).
- Stepanova, T. D. (2022). World creative class: dynamics, trends, development. *Problems of Modern Economics*, 1(81), 41–44. (In Russ.).
- Surguladze, V. (2022). Crisis of the Creative Economy: Socio-Political Risks of Urbanization and Economic Inequality of the Information Society. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, 10, 80–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/s2686673022100066>
- Temerbulatova, Z. S., Zhuparova, A. S., & Nussyupayeva, A. A. (2020). Statistics in the field of creative industries: review of methodological basis. *Economy: strategy and practice*, 15(4), 139–146. (In Russ.). https://doi.org/10.51176/jesp/issue_4_t12
- Throsby, D. (2008). The concentric circles model of the cultural industries. *Cultural Trends*, 17(3), 147–164. <https://doi.org/10.1080/09548960802361951>
- Tremblay, G. (2008). Industries culturelles économie créative et société de l'information. *Global Media Journal – Canadian Edition*, 1(1), 65–88.

Trubitsyn, O. K. (2019). Creatosphere development in information society. *Philosophy and Humanities in Information Society*, 2(24), 29–49. (In Russ.).

Ustinovich, I. V. (2019). Methodological foundations' development for the quantitative and qualitative indicators assessment of the creative industry in the context of the latest global trends. *Soczialno-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika*, 3(38), 36–38.

Vasina, A. V., & Glushkova, Yu. O. (2022). Comprehensive model of creative industries development strategy assessment of the region. *Actual Problems of Economics and Management*, 2(34), 57–64. (In Russ.).

Veselá, D., & Klimová, K. (2014). Knowledge-based Economy vs. Creative Economy. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 141, 413–417. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.05.072>

Zhao, K., Zhang, Y., Zhao, J., & Li, X. (2020). Understanding Contributions of the Creative Class to Sustainable Economic Growth in China. *Sustainability*, 12(4), 1304. <https://doi.org/10.3390/su12041304>

Zhuparova, A., Asilova, A., & Isataeva, G. (2023). Education as a factor in the development of a creative economy: a scientific synthesis of research evaluation. *Central Asian Economic Review*, 2(149), 72–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-72-93>

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 14.02.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 20.04.2024

Дата принятия в печать / Accepted 20.04.2024

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

Редактор рубрики *Н. С. Селиверстова* / Rubric editor *N. S. Seliverstova*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.619-640>

УДК 004.8:658

JEL: D2, L2, L23, M11

И. И. Антонова¹,

В. А. Смирнов¹,

М. Г. Ефимов¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

Интеграция искусственного интеллекта в ERP-системы: достоинства, недостатки и перспективы

Антонова Ирина Ильгизовна, доктор экономических наук, профессор, проректор по инновационно-проектной деятельности, заведующий кафедрой цифровой экономики и управления качеством, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

E-mail: antonova@ieml.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6372-1700>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/4905426>

eLIBRARY SPIN-код: 6292-7698

Смирнов Виталий Алексеевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры цифровой экономики и управления качеством, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

E-mail: smirnov@ieml.ru

Контактное лицо:

Ефимов Максим Геннадьевич, старший преподаватель кафедры компьютерного моделирования и техносферной безопасности, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

E-mail: efimovmg@ieml.ru

Web of Science Researcher ID: AAF-3105-2019

eLIBRARY SPIN-код: 9319-2309

Аннотация

Цель: выявление ключевых преимуществ и потенциальных рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта в ERP-системах для улучшения процессов принятия решений, эффективности управления и операционной деятельности различных секторов, включая коммерческие и некоммерческие организации.

Методы: систематический обзор литературы, анализ эмпирических данных, аналитический и экспериментальный методы исследования.

Результаты: отражены ключевые направления внедрения искусственного интеллекта в ERP-системы, обеспечивающие улучшение операционной эффективности, отношений с клиентами, а также оптимизацию бизнес-процессов, управление данными, цепочками поставок, персоналом, автоматизацию операций, связанных с финансами, оптимизацию клиентских отношений; внедрение искусственного интеллекта в ERP-системы сокращает издержки на управление запасами, улучшает точность прогнозирования и оптимизацию запасов, ускоряет финансовый анализ и повышает точность бюджетирования, приводя к сокращению времени на планирование бюджета, увеличивает производительность, оптимизируя необходимые производственные процессы и сокращая время простоя оборудования. Однако также отмечаются риски утечки конфиденциальных данных, несанкционированного доступа к данным; сокращение рабочих мест из-за автоматизации задач; уязвимость для кибератак.

Научная новизна: проанализированы малоизученные направления интеграции искусственного интеллекта в ERP-системах, предложен интегративный подход к применению искусственного интеллекта в ERP-системах, объединяющий методы машинного обучения, обработки естественного языка и прогнозной аналитики и обеспечивающий комплексную оценку комплексного воздействия на операционную эффективность бизнес-процессов.

Практическая значимость: сформулированные направления решения выявленных проблем интеграции искусственного интеллекта в ERP-системы могут быть внедрены в их практику, поскольку позволят лучше учитывать локальные требования и законы.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, искусственный интеллект, ERP-системы, машинное обучение, обработка естественного языка, прогнозная аналитика, автоматизация бизнес-процессов, управление запасами, улучшение принятия решений

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Антонова, И. И., Смирнов, В. А., Ефимов, М. Г. (2024). Интеграция искусственного интеллекта в ERP-системы: достоинства, недостатки и перспективы. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 619–640. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.619-640>

Scientific article

I. I. Antonova¹,
V. A. Smirnov¹,
M. G. Efimov¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Integrating artificial intelligence into ERP systems: advantages, disadvantages and prospects

Irina I. Antonova, Dr. Sci. (Economics), Professor, Vice Rector on innovative and project activity, Head of the Department of Digital Economy and Quality Management, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: antonova@ieml.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6372-1700>
Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/4905426>
eLIBRARY SPIN-code: 6292-7698

Vitaliy A. Smirnov, Dr. Sci. (Economics), Professor of the Department of Digital Economy and Quality Management, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: smirnov@ieml.ru

Contact:

Maksim G. Efimov, Senior Lecturer of the Department of Computer Modeling and Technosphere Safety, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: efimovmg@ieml.ru

Web of Science Researcher ID: AAF-3105-2019

eLIBRARY SPIN-code: 9319-2309

Abstract

Objective: to identify the key benefits and potential risks associated with the use of artificial intelligence in ERP systems to improve decision-making processes, management efficiency and operational performance of various sectors, including commercial and non-profit organizations.

Methods: systematic literature review, empirical data analysis, analytical and experimental research methods.

Results: the key directions of artificial intelligence implementation in ERP-systems are reflected, providing improvement of operational efficiency, customer relations, as well as optimization of business processes, data management, supply chain and personnel management, automation of operations related to finance, optimization of customer relations; implementation of artificial intelligence in ERP-systems reduces inventory management costs, improves the accuracy of forecasting and inventory optimization, accelerates financial analysis and increases the accuracy of budgeting, resulting in reduced budget planning time; it also increases productivity by optimizing necessary production processes and reducing equipment downtime. However, there are also risks of confidential data leakage, unauthorized access to data; job losses due to automation of tasks; and vulnerability to cyberattacks.

Scientific novelty: the little-studied directions of artificial intelligence integration in ERP-systems are analyzed; an integrative approach to the application of artificial intelligence in ERP-systems is proposed, which combines methods of machine learning, natural language processing and predictive analytics and provides a comprehensive assessment of the complex impact on the business processes' efficiency.

Practical significance: the formulated directions for solving the identified problems of artificial intelligence integration in ERP-systems can be implemented in practice, as they will enable to better take into account local requirements and laws.

Keywords:

regional and branch economics, artificial intelligence, ERP-systems, machine learning, natural language processing, predictive analytics, business process automation, inventory management, improved decision-making

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Antonova, I. I., Smirnov, V. A., & Efimov, M. G. (2024). Integrating artificial intelligence into ERP systems: advantages, disadvantages and prospects. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 619–640. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.619-640>

Введение

Для успешного управления бизнесом в условиях глобализации и цифровизации необходимо повышать эффективность управления бизнес-процессами. В этом помогают системы планирования ресурсов предприятия (ERP). Они предлагают комплексные решения для интеграции и автоматизации различных бизнес-функций.

История ERP-систем началась с инвентарных систем (систем учета запасов) 1960-х гг. (Wight, 1984). Со временем они были преобразованы в системы планирования потребностей в материалах – MRP (Orlicky, 1975), а в 1980-х гг. – в системы планирования производственных ресурсов (MRP II) (Алексеева, 1991). С развитием технологий и ростом потребностей бизнеса концепция MRP II¹ переросла в ERP-системы, которые

---

¹ The difference between MRP I and MRP II. (2020, July 1). Software Connect. <https://softwareconnect.com/manufacturing/mrp-i-vs-mrp-ii>

теперь охватывают такие области, как финансы и бухгалтерия, кадровое администрирование, продажи, закупки и управление цепочками поставок.

Несмотря на свои преимущества, *ERP*-системы имеют проблемы: сложность интеграции с существующими системами и приложениями компании (и значительное количество времени и ресурсов на их внедрение); трудности перехода на новую *ERP*-систему со стороны сотрудников, проблемы с совместимостью данных; постоянная необходимость в обеспечении поддержки и регулярных обновлений для поддержания безопасности и функциональности.

В конце 2021 г. наметился тренд на использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) в *ERP*-системах, вызванный желанием коммерческих и некоммерческих организаций эффективно управлять запасами, финансами, производством. В частности, подтверждены следующие результаты (Колесова, Перова, 2024):

1. Компаниям, внедрившим ИИ в *ERP*-системы, удалось автоматизировать рутинные задачи, снизить вероятность ошибок и освободить время сотрудников для более сложных задач.
2. Компании стали получать более глубокие и точные аналитические данные для поддержки решений.
3. Сокращен производственный цикл.
4. Финансовое планирование стало более эффективным.
5. Зафиксировано повышение уровня производительности работы компаний.
6. Улучшилась коммуникация с потребителями, усовершенствованы логистические цепочки.
7. Клиенты стали получать более персонализированные услуги.

На сегодняшний день можно констатировать, что внедрение ИИ в *ERP*-системы приводит к значительным улучшениям в различных аспектах бизнеса, показывая сокращение издержек на управление запасами, ускорение финансового анализа экономики предприятия и повышение точности бюджетирования, сокращение времени на планирование бюджета, рост производительности, оптимизацию производственных процессов и сокращение времени простоя оборудования, улучшение персонализации предложений и сервиса, увеличение удовлетворенности клиентов. Однако этот успех зависит от грамотного подхода к планированию и адаптации технологий под конкретные потребности организации (Антонова, Антонов, 2022).

Целью данной статьи является выявление ключевых преимуществ и потенциальных рисков, связанных с использованием ИИ в *ERP*-системах, для улучшения процессов принятия решений, эффективности управления и операционной деятельности различных секторов, включая коммерческие и некоммерческие организации. Для реализации этой цели в рамках данной статьи проведен обзор существующей литературы и исследований непосредственно в области ИИ в *ERP*-системах; выявлены основные технологии ИИ, которые используются в *ERP*-системах; проведен анализ возможностей и, кроме того, преимуществ применения ИИ в *ERP*-системах; обнаружены вызовы и различные ограничения, связанные непосредственно с интеграцией ИИ в *ERP*-системы, и предложены пути их устранения.

Результаты исследования

1. Искусственный интеллект в современном бизнесе

В настоящее время происходит активная интеграция ИИ для усовершенствования ключевых бизнес-процессов, таких как системы *SAP S/4HANA*², *Oracle ERP Cloud* и *Microsoft Dynamics 365*. ИИ используется для улучшения финансового планирования, управления запасами, производства и подбора персонала. Чат-боты повышают эффективность общения с клиентами, способствуя росту продуктивности. Гибкость бизнес-процессов в ответ на рыночные изменения и операционная эффективность достигаются благодаря анализу данных ИИ³.

В рамках управления предприятиями актуальность приобретают *ERP*-системы с ИИ. Так, *1C:ERP* способствует оптимизации управленческих задач и операционной деятельности, предпроектное обследование позволяет оценить сроки, стоимость проекта, компоненты системы и выявить проблемы, обеспечивая адаптацию к предстоящим изменениям (Tariq et al., 2021).

² Продукт *SAP S/4HANA*. TAdviser.ru. https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:SAP_S/4HANA

³ 2024: Как ИИ меняет бизнес-процессы. (2024, 14 февраля). VC.ru. <https://vc.ru/future/1028553-2024-kak-ii-menyaet-biznes-processy?ysclid=m0dgefey209296155>

Интеграция ИИ в *ERP*-систему подразумевает использование передовых методов ИИ, таких как машинное обучение (*ML*), обработка естественного языка (*NLP*), большие данные и компьютерное зрение.

В контексте машинного обучения применяется метод обучения с учителем, где объекты описываются через атрибуты, формирующие дескрипторы, набор данных, собранный из элементов выборки, создает обучающую выборку, агрегирующую информацию для формирования обучающего датасета⁴. Алгоритмы машинного обучения нацелены на выявление закономерностей, характерных для выборки и применимых к объектам за ее рамками. Целью машинного обучения является определение функциональной связи между атрибутами и решениями. Метод опорных векторов эффективно классифицирует объекты, создавая разделяющую гиперплоскость для классов объектов, что является общепринятой практикой в сфере машинного обучения. В методе обучения с учителем элементам выборки присваиваются классы, алгоритм после обучения определяет классы для новых объектов, не входящих в обучающую выборку (Асанова, 2018). Применение машинного обучения в корпоративном управлении повышает операционную эффективность за счет оптимизации ключевых бизнес-процессов.

Чат-боты и системы персонализированных рекомендаций на базе машинного обучения, активно применяемые в крупных компаниях, обрабатывают клиентские запросы, улучшая опыт взаимодействия и снижая операционные издержки⁵.

Методы машинного обучения предоставляют инструментарий для выявления скрытых закономерностей в разнообразных массивах данных. Так, внедрение алгоритмов кластеризации позволяет осуществлять сегментацию ассортимента с учетом сезонности, возрастных категорий, географического положения и других критериев (Дульнев, 2020).

Алгоритмы кластеризации, представляющие собой методы машинного обучения, которые автоматически разделяют данные на группы, группируют элементы так, чтобы те, что находятся в одной группе (или кластере), были более похожи друг на друга, чем на элементы из других групп⁶. Часто такие группы сложно обнаружить с помощью обычных методов анализа данных.

Что касается проведения кластеризации, отметим, что она разнится от иных алгоритмов. Ключевая особенность – отсутствие заранее известных правильных ответов для обучающей выборки, что позволяет модели самостоятельно находить структуру в данных без внешнего контроля. Упомянутый подход получил название «обучение без учителя».

В сфере бизнес-технологий компании, в том числе и *SAP*, представляющий собой широкий спектр программного обеспечения для управления бизнес-процессами, активно внедряют системы *ERP* (Ptak & Schragenheim, 1999). Продукт *SAP S/4HANA*, использующий машинное обучение для автоматизации управления ресурсами, преобразует корпоративные процессы. Основываясь на платформе *SAP HANA* – лидере среди баз данных, работающих в оперативной памяти, – *SAP S/4HANA* обеспечивает мгновенную обработку данных и упрощает их структуру, что способствует повышению эффективности бизнеса⁷. Кроме того, изучив данные о доходах фирмы за период с 2008 по 2023 г.⁸, можно утверждать об увеличении интереса к таким продуктам в коммерческой сфере.

Эффективность модели *ERP*, интегрированной с машинным обучением, зависит от сбора данных о функциях и участии сотрудников в операциях, характеристики персонала формируются для отражения рабочей нагрузки, с нулевым значением для не участвующих в активности, модель, обученная на основе ролей в проектах, использует метод опорных векторов для бинарного определения необходимости присутствия в офисе,

⁴ Черкасов, Д. Ю., Иванов, В. В. (2018). Машинное обучение. Наука, техника и образование, 5(46), 85–87.

⁵ How AI Will Shape The Future Of Enterprise Mobility? (2020). TNS. <https://thenextscoop.com/how-ai-will-shape-the-future-of-enterprise-mobility/>

⁶ Roman, V. (2019, March 7). Unsupervised Machine Learning: Clustering Analysis. Medium. <https://towardsdatascience.com/unsupervised-machine-learning-clustering-analysis-d40f2b34ae7e>

⁷ Luo, J., Cao, Yu., & Barzilay, R. (2019). Neural Decipherment via Minimum-Cost Flow: from Ugaritic to Linear B. <https://arxiv.org/abs/1906.06718>

⁸ Quarterly revenue of SAP worldwide from 2008 to 2024. (2024). Statista. <https://www.statista.com/statistics/273282/saps-revenue-since-1st-quarter-2008/>

где точность расписания коррелирует с объемом внутренних данных компании; и в качестве базового алгоритма предполагается использование метода опорных векторов, упомянутого ранее.

Методология интеграции машинного обучения в *ERP* требует значительных инвестиций и времени для обработки данных. С нашей точки зрения, решение данной проблемы – это упрощение моделей и использование облачных вычислений для сокращения затрат и времени; адаптация к дистанционной работе делает этот подход актуальным для многих компаний.

Технологии генерации естественного языка, способствующие упрощению взаимодействия между пользователями и *ERP*-системами, находят широкое применение в разработке чат-ботов, автоматизации клиентского обслуживания и совершенствовании пользовательского интерфейса⁹. Задачи, возникающие при реализации обработки естественного языка, решаются посредством усовершенствования алгоритмических подходов и обучения на больших объемах данных для повышения точности и понимания контекста. Обработка естественного языка обычно разбивается на следующие этапы: разбиение текста на предложения и слова; анализ отдельных слов, синтаксический анализ, семантический анализ (Исаева и др., 2023. С. 90).

Технологии обработки естественного языка обеспечивают возможность аналитической обработки и интерпретации обширных массивов текстовых данных. С помощью них обеспечивается оптимизация усилий, а также затрат, традиционно важных для функции обработки текстов.

В области обработки естественного языка проводится морфологический анализ, представляющий собой процесс определения и разделения слов на категории по их грамматическим характеристикам). Так, например, определяются такие свойства слов, как склонение (например, именительный или винительный падеж), число (единственное или множественное), род (мужской, женский или средний), время (прошедшее, настоящее или будущее) и лицо (первое, второе или третье); для этого используются разнообразные подходы, в том числе системы (правил), основанные непосредственно на глубоком понимании грамматических структур языка, и статистические модели, обучаемые на обширных текстовых корпусах (Юргель, 2019). Обработка естественного языка упрощает взаимодействие с *ERP*, позволяя системам интерпретировать и генерировать язык; используется для чат-ботов и автоматизации клиентского сервиса, морфологический анализ происходит с токенизации, переходит к определению грамматических характеристик с помощью морфологических баз данных. Когда неясно, как использовать определенные грамматические формы, контекст помогает уточнить их значение – это важно для тех задач, которые связаны с некоторыми задачами обработки естественного языка: приведение слов к их базовой форме (лемматизация), разбор структуры предложений (синтаксический анализ). Представляется, что для обеспечения лучшего понимания контекста и повышения точности решение проблем обработки естественного языка заключается в увеличении объема обучающих данных.

В процессе проведения синтаксического анализа рассматривается, как именно устроены предложения и как слова связаны друг с другом; упомянутое имеет значение для понимания текста и правильного его перевода (Dou et al., 2020). Анализ основан на грамматических правилах или на статистике и включает разбор слов по частям речи; в итоге получается схема, показывающая связи между словами, которая используется в различных задачах обработки текста.

В рамках семантического анализа, в свою очередь, изучаются смысловые связи между словами и фразами. Он применяется для определения настроения текста и автоматического перевода. Семантический анализ сложен, поскольку требуется учитывать контекст, а также культурные и социальные особенности языка.

Иные процессы проведения анализа тональности, извлечения информации и распознавания речи представлены в табл. 1.

Конечным продуктом процедуры распознавания речи является текст, который находит применение в управлении автоматизированными системами, транскрибировании, машинном переводе и системах обработки запросов.

⁹ Artificial intelligence is transforming ERP solutions. (2016, October 17). CIO. <https://www.cio.com/article/236341/artificial-intelligence-is-transforming-erp-solutions.html>

Таблица 1

Процессы в области обработки естественного языка
Table 1. Processes in the sphere of natural language processing

Процесс / Process	Описание / Description	Методы / Methods	Применение / Application
Анализ тональности / Tone analysis	Определяет эмоциональную окраску текста / Defines the emotional coloring of the text	Лингвистические правила, статистические модели, машинное обучение / Linguistic rules, statistic models, machine learning	Анализ отзывов, мониторинг бренда / Analysis of comments, brand monitoring
Извлечение информации / Information extraction	Находит структурированную информацию в тексте / Finds structured information in the text	Токенизация, морфологический и синтаксический анализ, выделение сущностей / Tokenization, morphological and syntactic analysis, selection of entities	Анализ отношений, мониторинг отраслей / Analysis of attitudes, sector monitoring
Распознавание речи / Speech recognition	Преобразует речь в текст / Transforms speech into text	Преобразование Фурье, скользящее окно, мел-частотный кепстральный анализ, машинное обучение / Fourier transform, sliding window, mel-frequency cepstral analysis, machine learning	Диктовка текста, автоматический перевод / Text dictation, automatic translation

Источник: составлено авторами по материалам (Азимбаев и др., 2019; Дурнев и др., 2019)^{10, 11, 12, 13}.

Source: compiled by the authors with the data of (Azimbaev et al., 2019; Durnev et al., 2019)^{10, 11, 12, 13}.

Современные *ERP*-системы, традиционно ориентированные на структурированные данные, могут расширять свои возможности за счет внедрения обработки естественного языка (Бычков, 2012), автоматизируя и в то же время оптимизируя задачи, связанные непосредственно с обработкой текстовых данных.

Современное улучшение процессов принятия решений, управления знаниями и обслуживания клиентов, а также возможность извлекать ценную информацию из различных текстовых источников: электронной почты, документов и социальных сетей (Шитова, 2021).

Прогнозы указывают на то, что к 2025 г. глобальный рынок обработки естественного языка достигнет объема в 29,5 млрд долларов с ожидаемым ростом на 20,5 % непосредственно за весь период прогноза (Исаева и др., 2023).

В состав современных средств обработки естественного языка входят инструменты и технологии, каждый из которых обладает определенными характеристиками и предназначен для выполнения определенных функций:

1. *NLTK*: *Python*-библиотека для комплексного лингвистического анализа, включая токенизацию и сентимент-анализ.
2. *spaCy*: высокопроизводительная *Python*-библиотека, обеспечивающая токенизацию и синтаксический анализ для обработки естественного языка.
3. *Stanford CoreNLP*: инструмент Стэнфордского университета для глубокого лингвистического анализа текста.
4. *Gensim*: *Python*-библиотека, специализирующаяся на тематическом моделировании и обработке естественного языка.
5. *OpenNLP*: *Java*-библиотека для анализа текста, включая токенизацию и синтаксический анализ.

¹⁰ Баррат, Д. (2019). Последнее изобретение человечества: искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens (пер. с англ. Наталья Лисова, 2-е изд.). Москва: АНФ.

¹¹ Васильева, Д. (2017, 6 февраля). Тенденции в развитии искусственного интеллекта. Robotoved.ru. http://robotoved.ru/iskusstvennii_intellket_development/

¹² Доэрти, П. (2019). Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта (пер. с англ. О. Сивченко, Н. Яцюк). Москва: Манн, Иванов и Фербер.

¹³ Бутрин, Д. (2019, 28 октября). Искусственный интеллект требует естественного. Коммерсантъ, 197.

6. *Apache Lucene*: Java-библиотека для полнотекстового поиска и лингвистической обработки.

7. *Google Cloud Natural Language API*: облачный сервис Google для классификации текста, анализа сентиментов и извлечения именованных сущностей (Докучаева, 2019).

Рассмотренные инструменты и технологии представляют собой лишь часть доступных средств для работы с естественным языком, и выбор конкретного инструмента зависит непосредственно от специфических требований и, кроме того, целей задачи.

Актуальность интеграции больших данных и ERP-систем является на сегодняшний день очень высокой (Чайковская, Езза, 2018). Современные тенденции показывают, что данные технологии продолжают развиваться и взаимодействовать, создавая новые возможности для бизнеса, в частности, инновационные платформы, такие как *SAP HANA*, для обработки больших объемов данных используют технологию *in-memory*, при которой данные хранятся в оперативной памяти сервера, а не на традиционных жестких дисках и которая позволяет повысить производительность ERP-систем. Ожидается, что к 2025 г. рынок больших данных достигнет 90 млрд долларов¹⁴.

Ключевыми атрибутами больших данных являются достоверность, ценность, разновидность (типизация носителей), объем, скорость (частота обновления данных) (Чайковская, Езза, 2018). Относительно объема следует указать на экспоненциальный рост с 5 экзбайт (2011 г.) до 328,77 экзбайт ежедневно в 2024 г. Разнообразие и скорость обновления данных увеличивают сложность их хранения и анализа.

Видится такое решение проблем, связанных с большими данными, как применение распределенных систем хранения (Hadoop или облачных платформ) и технологий параллельной обработки, например, *Apache Spark* – интеграция аналитических инструментов в реальном времени (потокковая обработка данных) – помогает компаниям быстро реагировать на изменения и оптимизировать бизнес-процессы.

Направления, где большие данные могут иметь ценность для компаний¹⁵:

1. Увеличение прозрачности информационных процессов и интенсификация использования данных.
2. Сбор детализированных данных о бизнес-процессах через цифровизацию, обеспечивающий полное понимание всех аспектов деятельности¹⁶.
3. Разделение клиентской базы для точного предложения продуктов, соответствующих специфическим потребностям.
4. Применение аналитических методов для улучшения качества решений.
5. Использование данных в разработке инновационных продуктов и услуг.

С нашей точки зрения, важно: интегрировать аналитические инструменты и бизнес-стратегии; обеспечить адекватную обработку и анализ данных; разработать методы оценки добавленной стоимости данных.

В рамках передовых методик современные системы ERP внедряются с учетом накопленного опыта лидирующих поставщиков программного обеспечения. Примером служат компании *SAP* и *Oracle*, которые интегрировали знания, полученные в ходе предыдущих проектов по внедрению ERP, в стандартизированные «лучшие практики». Так, *SAP*, реализовав ERP-решения для таких автомобильных гигантов, как *Mercedes*, *BMW* и *VW*, смогла трансформировать опыт этих проектов в обобщенные рекомендации для улучшения бизнес-процессов в машиностроении. В результате это ускорило внедрение новых автомобилей. Клиенты теперь используют проверенные методы – внедряют собственные лучшие практики в современные бизнес-процессы.

Следует отметить, что переход к облачным решениям увеличивает гибкость и масштабируемость. Развитие технологий требует адаптации ERP к новым условиям управления большими данными, что подразумевает разработку альтернативных инфраструктур.

¹⁴ Gartner predicts 30 % of generative AI projects will be abandoned after proof of concept by end of 2025. (2024, July 29). Gartner. <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2024-07-29-gartner-predicts-30-percent-of-generative-ai-projects-will-be-abandoned-after-proof-of-concept-by-end-of-2025>

¹⁵ Там же.

¹⁶ Искусственный интеллект (ИИ) как ключевой фактор цифровизации глобальной экономики. (2017, 24 февраля). IT Channel News. <https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=117544>

Организации получают возможность осуществлять рекрутинг через социальные платформы, что потенциально упрощает процедуры найма и оценки кандидатов, несмотря на возможные вызовы, связанные с конфиденциальностью и интеграцией данных, что подчеркивает важность адаптации *ERP*-систем к новым реалиям социальных платформ и больших данных (Elragal & Haddara, 2012).

Жизненный цикл (далее – ЖЦ) (Esteves & Pastor, 1999) систем *ERP* представляет собой многогранную концепцию, включающую различные фазы, от инициации до завершения эксплуатации, и одна из таких моделей описывает шестиступенчатый процесс, охватывающий этапы от принятия решения о внедрении до вывода системы из эксплуатации (Haddara & Elragal, 2013). С учетом интеграции больших данных предполагается трансформация традиционных этапов ЖЦ *ERP*-систем. На стадии реализации, например, анализ альтернативных решений *ERP* может включать обработку полуструктурированных и неструктурированных данных, полученных из социальных платформ, в свою очередь, на заключительной стадии системы *ERP* могут потребовать переосмысления своей роли в контексте изменяющихся паттернов использования социальных медиа непосредственно новыми поколениями пользователей.

Научное сообщество признает необходимость тщательных исследований для разработки методов синергии данных в контексте интеграции *ERP*-систем с большими данными, а именно комплексный подход, включающий оценку влияния больших данных на ИТ-инфраструктуру и *ERP*, изучение методов защиты данных, анализ управления основными данными и последствий для баз данных, разработку моделей для анализа и интеграции неструктурированных данных в *ERP*, превращение *ERP* в информационные центры с помощью больших данных, установление доверия при слиянии данных и изменение функциональности *ERP* в свете новых данных (Wang & Chen, 2021).

Дополнительный импульс развития *ERP*-системы получили в каскаде технологий компьютерного зрения. Интеграция компьютерного зрения с *ERP*-системами является многоэтапным процессом, требующим как технической, так и организационной подготовки (Ли и др., 2020). Существуют следующие градации компьютерного зрения на различные уровни сложности задач (Горячкин, Китов, 2020): распознавание и локализация объектов на изображении; отслеживание движения объектов в видеопотоке; идентификация и классификация объектов на изображении; улучшение качества изображения путем устранения искажений и шумов; создание трехмерных моделей сцен на основе двухмерных изображений.

На предприятии интеграция компьютерного зрения с *ERP*-системами обычно предполагает следующие этапы:

1. Установка аппаратного обеспечения: камер и сканеров для захвата изображений и видео для проверки качества продукции.
2. Обеспечение необходимой инфраструктуры для хранения и обработки изображений, включая серверы и сети с высокой пропускной способностью.
3. Разработка и обучение моделей компьютерного зрения.
4. Сбор фотографии дефектных и качественных продуктов для обучения модели распознавания дефектов.
5. Использование библиотек машинного обучения и компьютерного зрения, таких как *TensorFlow*, *PyTorch*, *OpenCV*, для создания моделей распознавания изображений.
6. Обучение моделей на собранных данных и тестирование их точности и надежности; модели могут быть обучены распознавать текст, объекты, лица и другие визуальные данные.
7. Разработка интерфейсов *API* для взаимодействия между моделями компьютерного зрения и *ERP*-системой позволяет передавать данные из одной системы в другую в реальном времени.
8. Разработка специальных плагинов или модулей для *ERP*-системы, которые используют результаты работы моделей компьютерного зрения; например, модуль для автоматического ввода данных из сканированных документов.
9. Настройка процессов извлечения, трансформации и загрузки данных для интеграции данных из моделей компьютерного зрения в базы данных *ERP*-системы.

Конфигурирование и тестирование системы осуществляется таким образом:

- Настройка *ERP*-системы для работы с новыми данными и функциями, такими как автоматическое обновление инвентаря или обработка счетов.
- Проведение тестов для проверки корректности работы всей системы, включая тесты на производительность и надежность.

– Непрерывное наблюдение за работой системы, сбор данных о производительности и точности моделей; регулярное обновление и дообучение моделей на новых данных для поддержания их точности и эффективности.

Например, сканеры и камеры используются для захвата изображений бумажных счетов, изображения передаются в систему, где модели *OCR* (оптическое распознавание символов) извлекают текстовую информацию, данные автоматически заносятся в *ERP*-систему (например, *SAP* или *Microsoft Dynamics*) через *API*, обновляя информацию о счетах и платежах без участия человека (Sundaram & Zeid, 2023). Для контроля качества на производственной линии¹⁷ – камеры установлены на производственной линии для проверки продукции на наличие дефектов, модели компьютерного зрения анализируют изображения в реальном времени и передают данные в *ERP*-систему, где автоматически создаются отчеты о качестве продукции (Villalba-Diez et al., 2019), если обнаруживается дефект, система может автоматически остановить линию и уведомить оператора (Sundaram & Zeid, 2023).

Внедрение ИИ в *ERP*-системы (Дашков, Нестерова, 2020; Соколова, Вербицкая, 2021) необходимо в том числе для управления человеческими ресурсами, и в частности, отбора кадров. Глобальные корпорации используют ИИ для повышения эффективности найма сотрудников, анализируя резюме и интервью, что сокращает затраты на сотрудников для подбора персонала. Формула эффективности подбора персонала: $\text{Эффективность}_{HR} = \text{Количество отобранных кандидатов} / \text{Общее количество анкет} \times \text{Качество анализа}$, где качество анализа определяется объемом и актуальностью базы данных (Дмитриева и др., 2019).

Таким образом, применение ИИ, в том числе машинного обучения, обработки естественного языка, анализа больших данных и компьютерного зрения, позволяет автоматизировать стандартные задачи и усовершенствовать аналитику для принятия решений (Villalba-Diez et al., 2019). Современные технологии ИИ активно внедряются в *ERP*-системы, такие как *SAP S/4HANA*, *Oracle ERP Cloud* и *Microsoft Dynamics 365*, обеспечивая совершенствование финансовой деятельности, управление персоналом, производственные процессы и взаимоотношения с клиентами (*CRM*). Аналогично российская система *1С:ERP* интегрирует ИИ для повышения уровня эффективности управленческих и операционных функций.

Процесс внедрения ИИ при этом начинается с тщательного анализа проекта, продолжается сбором необходимых данных и разработкой специализированных ИИ-алгоритмов, включая методы машинного обучения и обработки естественного языка; завершающим этапом является детальная настройка и обучение системы ИИ, чтобы она максимально соответствовала уникальным бизнес-процессам каждой компании.

2. Выявление рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта в *ERP*-системах

В процессе анализа механизмов выявления рисков было выявлено, что данный процесс включает в себя определение потенциальных опасностей, которые могут возникнуть в результате интеграции ИИ в *ERP*-системы. К таким потенциальным опасностям относятся риск утечки конфиденциальной информации, возможность неавторизованного доступа, уменьшение числа рабочих мест, а также повышенная уязвимость перед лицом кибернетических атак (Мельников и др., 2021).

Методы оценки рисков подразумевают, в частности, использование алгоритмов машинного обучения (рекуррентные нейронные сети и длинная краткосрочная память) для проведения анализа данных рисков и выявления подозрительной активности (в связи с тем, что ИИ позволяет обрабатывать большие объемы данных быстро и эффективно¹⁸), что приводит к существенному увеличению риска их утечки, а также значительному повышению риска несанкционированного доступа к данным, если не были применены алгоритмы, предупреждающие мошеннические действия, распознающие подозрительные паттерны¹⁹. Существуют также риски нарушения нормативных документов по защите персональных данных, например,

¹⁷ Trajkova, E., Rožanec, J. M., Dam, P., Fortuna, B., & Mladenčić, D. (2021). Active Learning for Automated Visual Inspection of Manufactured Products. arXiv preprint arXiv:2109.02469.

¹⁸ Что такое ИИ? Узнайте об искусственном интеллекте. (2023). Oracle Cloud. <https://www.oracle.com/cis/artificial-intelligence/what-is-ai/>

¹⁹ Искусственный интеллект и риски конфиденциальности: защита ваших данных в автоматизированном мире. Dz Techs. <https://www.dz-techs.com/ru/ai-privacy-risks-safeguarding-data-incogni/>

таких как *GDPR*²⁰ и *CCPA*²¹, Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27 июля 2006 г.²², при использовании ИИ в *ERP*-системах. Кроме того, автоматизированные ИИ-системы могут принимать решения без должного человеческого контроля, что может привести к ошибочному использованию данных, а также внутренние процессы ИИ недоступны для обычного пользователя (т. е. он не может исследовать внутренний код и логику для генерации результатов), из-за чего есть риск затруднения понимания того, как данные используются и обрабатываются.

Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) указывает на возможное сокращение рабочих мест из-за автоматизации, в частности в производстве и администрации²³ (хотя использование ИИ также может создавать новые рабочие места, связанные непосредственно с разработкой, обслуживанием и управлением системами искусственного интеллекта) (Котельников, 2023). Использование ИИ приводит к неравномерному распределению выгод, сосредоточенных в определенных отраслях и регионах, что, конечно, может усилить социально-экономическое неравенство²⁴, и в этой связи ОЭСР подчеркивает острую необходимость в том, чтобы обеспечивать регулирование ИИ для предотвращения разнообразных рисков, связанных непосредственно с автоматизацией и использованием личных данных, и для обеспечения равенства; в целом ИИ в сфере экономики может сократить производственные затраты, повысить качество товаров и услуг, улучшить удовлетворенность клиентов и способствовать росту доходов и, кроме того, предоставляет инструменты для точного анализа потребностей рынка и эффективного управления ресурсами, несмотря на свои потенциальные риски:

- Сокращение рабочих мест из-за автоматизации задач. Однако автоматизация, связанная с внедрением ИИ, может увеличить доходы высококвалифицированных работников, в то время как низкоквалифицированные работники могут столкнуться с уменьшением возможностей и доходов (Тройнов др., 2023).

- Нередко принятие ИИ решений на основе неполных или же предвзятых данных (если он обучается на неполном наборе фактов, который может не включать все возможные сценарии по определенному вопросу, или же обучается на данных, содержащих предвзятые дискриминационные сведения, например, по полу, возрасту и расе), что впоследствии может привести к различным ошибочным и даже незаконным выводам и действиям (Тройнов др., 2023).

- Этические и юридические проблемы в отношении приватности и независимости (необходимо обновление законодательства или разработки новых положений, регулирующих использование ИИ)²⁵.

Рассмотренные риски, с нашей точки зрения, требуют тщательного анализа, и для распознавания подозрительных паттернов представляется целесообразным использовать методы машинного обучения и анализа данных. Так, одним из них является использование рекуррентных нейронных сетей или длинной краткосрочной памяти. Эти модели хорошо справляются с задачами последовательного анализа данных, что делает их подходящими для выявления мошеннических транзакций.

Поэтому можно выделить следующие критерии оценки рисков: использование алгоритмов машинного обучения, таких как рекуррентные нейронные сети и длинная краткосрочная память, для анализа больших

²⁰ GDPR (General Data Protection Regulation) – это регулирование Европейского союза, касающееся конфиденциальности информации в Европейском союзе и Европейской экономической зоне. Оно является важной частью законодательства ЕС о конфиденциальности и правах человека, особенно ст. 8(1) Хартии основных прав Европейского союза. GDPR также регулирует передачу личных данных за пределы ЕС и ЕЭЗ. См.: What is GDPR, the EU's new data protection law? GDPR.eu. <https://gdpr.eu/what-is-gdpr/>

²¹ CCPA (California Consumer Privacy Act) – закон штата Калифорния, предназначенный для усиления прав на конфиденциальность и защиты потребителей для жителей Калифорнии. Закон предоставляет потребителям больше контроля над личной информацией, которую собирают о них бизнесы, и регулирует, как эта информация используется и распространяется. См.: California Consumer Privacy Act (CCPA). State of California. <https://www.oag.ca.gov/privacy/ccpa>

²² О персональных данных. № 152-ФЗ от 27.07.2006. (2006). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

²³ OECD. (2018). Искусственный интеллект: интеллектуальные машины, разумная политика. [one.oecd.org/document/DSTI/CDEP\(2018\)8/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DSTI/CDEP(2018)8/en/pdf).

²⁴ Там же.

²⁵ Скопинцева, Е. (2024, 5 апреля). Популяризация ИИ: как минимизировать риски для бизнеса. Экономика и жизнь. <https://www.eg-online.ru/article/482160/>

данных и выявления подозрительных паттернов поведения в системе помогает своевременно обнаруживать и минимизировать мошеннические действия и другие риски, связанные с безопасностью данных.

Направленность на улучшение операционной деятельности компании подразумевает обеспечение автоматизации рутинных задач (Ли и др., 2020), повышение точности прогнозов спроса и оптимизации производственных процессов; анализ ключевых показателей эффективности, таких как сокращение времени на планирование и согласование бюджета, повышение точности прогнозов спроса на продукцию, снижение затрат на складирование и логистику, а также увеличение производительности за счет оптимизации производственных линий. Для их достижения необходимо систематизировать собранные данные о деятельности компании, и в этом процессе должны быть четко сформулированы систематизирующие признаки, их значимость и методы повышения их значимости (Bonsón et al., 2021). Систематизирующие признаки: определение основных характеристик данных, собранных в *ERP*-системе компании, таких как временные метки транзакций, категории операций (производство, складирование, логистика), действия пользователей и финансовые показатели (затраты, доходы, прибыли). Все это необходимо для проведения соответствующей кластеризации: так, временные метки критичны для анализа сезонных трендов продаж, а категории операций важны для сегментации данных и оптимизации отдельных бизнес-процессов.

Использование алгоритмов для предобработки, нормализации и анализа данных: очистка данных от ошибок и дубликатов, а также заполнение пропусков в данных, использование алгоритмов машинного обучения могут для предсказания пропущенных значений на основе имеющихся данных, обеспечение консистентности и целостности данных путем их интеграции из различных источников (производственные линии, склады, отдел продаж) в единую *ERP*-систему компании, чтобы получить полное представление обо всех аспектах деятельности компании и повысить точность аналитики и прогнозов.

Упомянутый подход обеспечивает не только выявление рисков и повышение эффективности, но и систематизацию собранных данных; это значительно улучшает качество принимаемых управленческих решений и управления бизнесом в компании и соответствует исследованиям (Jawad & Balázs, 2024; Svensson & Thoss, 2021).

Таким образом, минимизация рисков в анализе данных требует использования алгоритмов машинного обучения, таких как рекуррентные нейронные сети и краткая долгосрочная память, для распознавания подозрительных паттернов. Методы эффективны в выявлении мошеннических действий благодаря их способности к последовательному анализу данных. Процесс включает сбор и предобработку данных, обучение и выбор оптимальной модели, оценку ее эффективности и последующее развертывание для реального времени.

3. Интеграция искусственного интеллекта в современные *ERP*-системы

ERP-системы – интегрированные информационные платформы, предназначенные для организации и управления корпоративными ресурсами, производственными мощностями, складскими запасами и клиентскими отношениями; представляют собой универсальные программные комплексы, которые обеспечивают эффективное взаимодействие всех аспектов бизнеса²⁶.

Важные принципы *ERP* (табл. 2) заключаются в оптимизации операционной деятельности и повышении общей производительности предприятия. Упомянутое достигается за счет централизации данных и процессов (Антонова и др., 2020), тем самым улучшая координацию и принятие решений на всех уровнях управления.

ERP-системы обеспечивают комплексные решения для оперативного управления информацией, синхронизации работы подразделений, автоматизации задач и адаптации к изменяющимся масштабам деятельности предприятия. Они являются ключевым инструментом для ускорения роста и повышения конкурентоспособности на рынке (McCarthy & Mathieson, 2000).

В России среди *ERP*-систем продукция *SAP*, представляющая собой широкий спектр программного обеспечения для управления бизнес-процессами, занимает ведущие позиции (рис. ниже).

Исходя из рисунка, отметим следующее:

– 1С значительно увеличила свою долю с 32,9 до 55 %. Этот рост обусловлен усилением политики импортозамещения и повышенным спросом на локализованные решения.

²⁶ Развитие ERP систем в условиях внедрения искусственного интеллекта. (2024). ScienceForum. <https://scienceforum.ru/2024/article/2018035662?ysclid=lzs54bi0wf774924248>

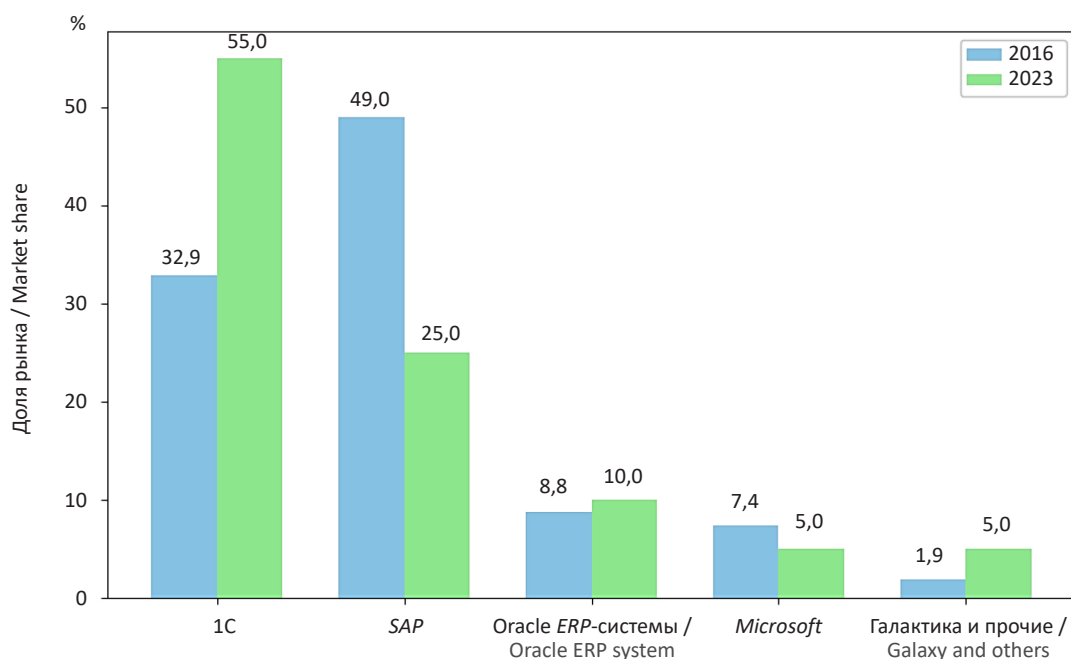
Таблица 2

Основные принципы ERP-систем
Table 2. Main principles of ERP systems

Принцип / Principle	Преимущества / Advantages
Управление данными в реальном времени / Data management in real time	Позволяет отслеживать операции 24/7 и быстро принимать решения, что критично для скорости и гибкости в современной бизнес-среде / Allows tracking transactions 24/7 and making decisions quickly, which is critical for speed and flexibility in today's business environment
Интеграция операций между подразделениями / Integration of operations between divisions	Устраняет разрозненность данных и обеспечивает сотрудничество между отделами, повышая производительность и эффективность / Eliminates data fragmentation and enables collaboration across departments, increasing productivity and efficiency
Автоматизация рутинных задач / Automation of routine tasks	Сокращает время и затраты, уменьшая влияние человеческого фактора при вводе данных / Reduces time and costs by reducing the impact of human error during data entry
Высокая масштабируемость / High scalability	Позволяет расширять систему по мере роста бизнеса, включая новые модули и функциональные возможности / Makes it possible to expand the system as business grows to include new modules and functionality

Источник: составлено авторами по материалам (Нешумов, 2023).

Source: compiled by the authors with the data of (Neshumov, 2023).

Структура российского рынка программного обеспечения класса ERP в 2016 и в 2023 гг.

Источник: составлено авторами по материалам (Системы управления предприятием (ERP-рынок России)²⁷.

Structure of the Russian market of ERP-class software in 2016 and 2023

Source: compiled by the authors with the data of²⁷.

²⁷ Системы управления предприятием (ERP-рынок России). (2024, 20 марта). TAdviser. [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Системы_управления_предприятием_\(ERP-рынок_России\)?ysclid=lzs3gbfj7o5559812030#](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Системы_управления_предприятием_(ERP-рынок_России)?ysclid=lzs3gbfj7o5559812030#). Статистика_TAdviser

– SAP потеряла лидерство, снизив свою долю с 49 до 25 %. Это связано с уменьшением использования западного программного обеспечения в пользу отечественных разработок.

– Oracle сохранила свою позицию на рынке с небольшой динамикой роста с 8,8 до 10 %, показывая устойчивость на фоне изменений.

– Microsoft уменьшила свое присутствие на рынке с 7,4 до 5 %, что также связано с переходом на локальные решения.

– «Галактика» и прочие увеличили свою долю с 1,9 до 5 %, демонстрируя рост интереса к другим отечественным ERP-системам.

Наблюдается четкий тренд на переход к отечественным решениям в сфере ERP, что отражает текущую экономическую и политическую ситуацию. ERP-системы управляют сложными бизнес-процессами (Грицунова и др., 2019), хотя их внедрение требует значительных усилий и ресурсов.

Представляется, что для снижения себестоимости внедрения ИИ в ERP целесообразно интегрировать виртуальные помощники, функционирующие в облаке, обеспечивающие дополнительно масштабируемость и доступность с любого устройства. Например, интеграция чатов с технологией генерации ответов в ERP-систему. Она включает следующие ключевые этапы:

1. Определение задач, которые чаты будут выполнять, например, поддержка пользователей, автоматизация рутинных задач или анализ данных.

2. Выбор подходящей платформы для интеграции (например, *OpenAI API*) и получение доступа к *API* чата.

3. Создание интерфейсов для взаимодействия чата с ERP-системой (разработка *API* и адаптация интерфейсов пользователя).

4. Настройка чата для понимания специфики бизнеса и ERP-системы. Обучение модели на корпоративных данных и сценариях.

5. Подключение чата к ERP-системе для обмена данными (использование веб-хуков, *REST API* или других методов интеграции).

6. Проведение тестирования интеграции для проверки корректности работы и эффективности; оптимизация модели и интерфейсов на основе обратной связи от пользователей.

7. Запуск интегрированного решения в эксплуатацию и обеспечение постоянной поддержки и обновления для улучшения работы чата.

Проводя анализ современных ERP-систем, отметим, что они делятся обобщенно на традиционные, облачные, отраслевые и предназначенные для малого бизнеса²⁸. Традиционные ERP-системы, такие как *SAP Leonardo* и *Oracle AI*, включают в себя алгоритмы ИИ для автоматизации данных и улучшения бизнес-процессов. *SAP Leonardo* и *Oracle AI*, включают в себя искусственный интеллект (для автоматизации данных и улучшения бизнес-процессов). *SAP Leonardo* обогащает данные машинным обучением и аналитикой; *Oracle AI* – поддерживает управление цепочками поставок и финансовыми потоками, способствуя росту клиентской лояльности. *Microsoft Dynamics 365 AI*, в свою очередь, предоставляет малому и среднему бизнесу доступ к облачным ERP-системам с элементами искусственного интеллекта (Qasim et al., 2021), которые оптимизируют процессы продаж, клиентского сервиса и финансового управления, улучшая автоматизацию и точность прогнозов; при этом российские ERP-системы, такие как 1С, *Acumatica* и *Softline*, внедряют ИИ для анализа данных и прогнозирования.

Сектор информационных технологий на сегодняшний день становится средой с усиливающейся конкуренцией ИТ-компаний, которые внедряют ИИ в свои продукты, в том числе в системы ERP, с целью улучшения функциональности программ, совершенствования операционных процессов, усиления управленческой эффективности, повышения качества обслуживания клиентов и укрепления своих позиций на рынке (Назилин, Силакова, 2022).

Исходя из вышеизложенного, машинное обучение (ML), анализируя данные в ERP-системах, оптимизирует бизнес-процессы, автоматизирует рутинные задачи, снижает ошибки и улучшает прогнозирование (Šereš & Tumbas, 2014). Упрощение модели происходит путем применения облачных вычислений, позволяющих сни-

²⁸ Какие бывают типы ERP-систем. Путешествие в мир ERP-систем: от теории к практике. (2024, 4 июля). <https://telegra.ph/Kakie-byvayut-tipy-ERP-sistem-Puteshestvie-v-mir-ERP-sistem-ot-teorii-k-praktike-07-04?ysclid=m0dhmoyh6p239613447>

зитель затраты на инфраструктуру и повысить гибкость системы, и предобученных *ML*-моделей для типичных задач, допустим, прогнозирования спроса и управления запасами. Более комплексные модели подразумевают интеграцию глубокого обучения – проводится с целью обработки больших объемов данных и решения сложных задач, например, анализа настроений клиентов и предсказания финансовых рисков, разработки кастомизированных моделей с целью повышения их точности и эффективности (Мочалова, Голева, 2023).

Обработка естественного языка посредством чат-ботов подразумевает автоматизацию обработки текстовых данных, анализ текстовой информации, направленные на поддержку принятия решений в процессе взаимодействия с клиентами. Компактные модели организации систем возможны с помощью легковесных *NLP*-библиотек, например, *spaCy* или *NLTK* (для базовых задач обработки текста), внедрения базовых чат-ботов (для часто задаваемых вопросов). Вместе с тем более комплексные модели обычно предполагают, во-первых, разработку комплексных *NLP*-моделей, обеспечивающую обработку больших объемов текстовых данных, понимание контекста, а во-вторых, создание мультязычных систем для международных компаний.

Прогнозная аналитика включает в себя прогнозирование спроса, управления запасами, финансового планирования и анализа, а также оптимизации производственных процессов. Применяются как стандартные аналитические инструменты, такие как инструменты бизнес-аналитики, стандартные алгоритмы временных рядов, автоматизации отчетности, так и более сложные модели (в частности, аналитические и эконометрические), предполагающие интеграцию данных из различных источников (с целью повышения точности прогнозов).

Для улучшения моделей машинного обучения представляется целесообразным разрабатывать адаптивные модели, изменяющиеся с учетом конкретных бизнес-требований, и внедрять механизмы самообучения автоматической адаптации к новым данным (Мельничук, 2023).

В области обработки естественного языка рекомендуется использовать методы активного обучения, улучшающие модели на основе обратной связи от пользователей, интегрировать семантический анализ для точного понимания контекста и значений слов, а в прогнозной аналитике – разрабатывать комплексные модели, учитывающие сезонные колебания, тренды и внешние факторы; внедрять системы мониторинга и контроля качества прогнозов для своевременного выявления и коррекции ошибок.

Внедрение ИИ в *ERP*-системы имеет значительный потенциал (в плане повышения операционной эффективности и оптимизации принятия решений²⁹), но результативность зависит от грамотного выбора и адаптации моделей под нужды компании. Рекомендуется сочетание простых и сложных моделей, направленных на достижение оптимального баланса между затратами и эффективностью.

4. Трансформация *ERP*-систем под влиянием искусственного интеллекта: преимущества, проблемы и стратегический подход

Концепция цифровизации бизнес-процессов охватывает предприятия различных масштабов и специализаций, и в эпоху технологического прогресса становится особенно актуальным внедрение инновационных подходов, таких как ИИ, аналитика обширных массивов данных, облачные технологии, мобильные решения и децентрализованные системы учета, известные как блокчейн: все эти факторы оказывают неоспоримое влияние на *ERP*-системы, задавая тем самым ключевые направления их эволюции³⁰.

В 2018 г., по данным *Gartner*, глобальный рынок *ERP* составил 37,3 млрд долларов. Ожидается, что он будет расти на 6,8 % ежегодно в течение следующих трех лет. Что касается российского сегмента, то в 2017 г. его объем достиг 819 млн долларов, с годовым ростом в 30 %. Российский рынок отличается уникальными особенностями, включая требования регуляторов по импортозамещению³¹. Преимущества трансформации *ERP*-систем под влиянием ИИ: возможность управлять запасами и цепочками поставок, осуществлять финансовое планирование и аналитику, ускорять производственные процессы (в частности, снижать командировочные расходы на 15–20 %³²). Благодаря ИИ компании могут более эффективно строить отношения с клиентами

²⁹ Как использовать искусственный интеллект в корпоративной сфере. (2023). IT-world. <https://express.ms/press-center/publications/kak-ispolzovat-iskusstvennyy-intellekt-v-korporativnoy-sfere/>

³⁰ Свиначев, С. (2019, 17 сентября). ERP и цифровая трансформация. *itWeek*, 6(949).

³¹ Там же.

³² Сайт компании Itorium MR. <http://itorum-mr.ru/>

и сотрудниками, повышая тем самым общую продуктивность. Так, согласно статистике, 92 % организаций, успешно интегрировавших ИИ, формируют межфункциональные команды для проектов. Это способствует инновациям и оптимизации рабочих процессов. В частности, в 2019 г. компания *Microsoft* заявила, что ИИ помогает производственным компаниям быть конкурентоспособными (Иванов, 2019). Одна из систем *ERP* компании *Microsoft Dynamics 365* (о которой было упомянуто в первых разделах) включает в себя следующие технологии ИИ: обработка естественного языка для автоматизации взаимодействия с клиентами и обработки запросов; машинное обучение для управления запасами и цепочками поставок; технология аналитики данных для финансового планирования и анализа, способствующее более точному принятию решений (чем было до применения технологии). Еще одним примером являются производственные площадки группы компаний «Норильский никель», которые используют ИИ в том числе с компьютерным зрением непосредственно для автоматизации рутинных задач, обеспечивая ускорение производственных процессов и в дальнейшем, снижая затраты на персонал (Петров, 2020). Отметим, что при применении компьютерного зрения на производственных площадках компании «Норильский никель» используются алгоритмы нейронных сетей, которые в онлайн-режиме анализируют рудный материал по фотографии и определяют процент рудной минерализации³³.

Таким образом, ИИ трансформирует *ERP*-системы, улучшая управление запасами и цепочками поставок, финансовое планирование и анализ, а также ускоряя производство.

5. Основные проблемы и вызовы современных *ERP*-систем: перспективные направления их решения

На сегодняшний день большинство компаний обновляют свои *ERP*-системы, внедряя новые непосредственно для замены устаревшего программного обеспечения (49 %), внедрения собственных решений (16 %), для замены бухгалтерских программ (15 %) для замены иных не *ERP*-систем (20 %)³⁴.

Для систематизации проблем внедрения *ERP* в организациях прежде всего рассмотрен неудачный опыт различных компаний, например: *Vodafone*³⁵, *Woolworth's Australia*³⁶, *Target Canada*³⁷. Существующий опыт внедрения *ERP*-систем показывает, что современные *ERP*-системы должны реализовываться в следующих аспектах (Королькова, 2018): 1) должны обеспечивать бесперебойную интеграцию с разнообразными приложениями, облачными сервисами, базами данных, *IoT*-устройствами (это непростая задача в условиях постоянно расширяющегося технологического ландшафта); 2) в меняющихся рыночных условиях должны обладать высокой степенью адаптивности и оперативности в обновлениях; 3) должны иметь продвинутые меры безопасности, в том числе в контексте увеличения объемов данных, которое ведет непосредственно к повышенному риску кибератак и утечек информации³⁸; 4) обучения персонала, адаптации и создания ин-

³³ Опрос работников компании «Норильский никель» с целью определения, как именно происходит данный процесс, помог определить, что сначала собираются фотографии рудного материала, которые будут использоваться для обучения и анализа: фотографии руды подвергаются предобработке для улучшения качества изображений и выделения важных особенностей, таких как текстура, цвет и форма; на следующем этапе нейронная сеть обучается на подготовленном наборе данных. Это включает в себя настройку весов сети для оптимизации процесса распознавания характеристик руды; после обучения нейронная сеть тестируется на новых изображениях для оценки ее способности точно определять процент минерализации; в производственных условиях нейронная сеть работает в режиме реального времени, анализируя фотографии руды и определяя процент минерализации; информация, полученная с помощью компьютерного зрения, используется для принятия решений на производстве, например, для определения качества руды или ее пригодности для дальнейшей переработки (Источник: Норильский никель. <https://nornickel.ru/innovation/laboratory/>). Компания применяет данную технологию на производственных конвейерах с целью определения отклонений от нормального уровня; благодаря такой интеграции компании удалось снизить число брака, обеспечить более высокий уровень безопасности, чем было до внедрения ИИ. (Источник: Innovation and digital technology – Business overview. (2022). Nornickel 2022 Annual Report.)

³⁴ Samara, T. (2018). *ERP and Information Systems. Integration or Disintegration*. John Wiley & Sons Limited. P. 11.

³⁵ Baumann, B. (2021, February 24). Lessons Learned From The Vodafone CRM Failure. Panorama Consulting Group. <https://www.panorama-consulting.com/vodafone-crm-failure/>; <https://www.henricodolfing.com/2020/05/case-study-vodafone-crm-disaster.html>

³⁶ Fruhlinger, J. (2017, July). 15 famous ERP disasters, dustups and disappointments. ARN. <https://www.arnnet.com.au/article/1266510/15-famous-erp-disasters-dustups-and-disappointments.html>

³⁷ Jackson, B. (2016, January 25). 4 IT lessons learned from Target Canada's failure as documented by Canadian Business. <https://www.itbusiness.ca/news/4-it-lessons-learned-from-target-canadas-failure-as-documented-by-canadian-business/64199>

³⁸ ERP security in a cybercrime world. SAP Insights. <https://www.sap.com/central-asia-caucasus/insights/erp-security.html>

струкций для решения проблем безопасности, так как внедрение или обновление *ERP*-систем часто встречает сопротивление от сотрудников и сотрудников безопасности из-за риска кибератак.

Решение проблем *ERP*-систем включает переход к облачным решениям для масштабируемости и гибкости, интеграцию с *IoT* для улучшения управления активами и использование ИИ и машинного обучения для автоматизации и аналитики (Городнова, 2021). Двойная система *ERP* на разных уровнях обеспечивает соответствие локальным нормам³⁹:

- Локальные *ERP*-системы могут быть настроены под специфические потребности каждого подразделения, что обеспечивает гибкость в адаптации к изменениям.
- Локальные системы – учитывают непосредственно местные законы и регуляции, что, конечно, помогает избегать нарушений и обеспечивать соответствие.
- Глобальная *ERP*-система в свою очередь обеспечивает общую координацию, а локальные – оптимизацию процессов внутри каждого подразделения.
- Использование двух систем позволяет более детально анализировать данные на разных уровнях организации.
- Локальные системы: более адаптированы непосредственно к местным угрозам и обеспечивают наиболее высокую степень защиты данных.

Ввиду того, что рассмотренные технологии ИИ демонстрируют больше преимуществ, чем недостатков, представляется целесообразным придерживаться интегративного подхода к применению ИИ в *ERP*-системах, объединяющего методы машинного обучения, обработки естественного языка и прогнозной аналитики и обеспечивающего комплексную оценку синергетического воздействия на операционную эффективность бизнес-процессов.

Заключение

Анализ практики применения ИИ в *ERP*-системах позволил выявить следующие его преимущества: снижение затрат на управление запасами, повышение точности прогнозов, ускорение финансового анализа, более точное бюджетирование и увеличение общей производительности; оптимизация бизнес-процессов, улучшение управления данными, цепочками поставок и персоналом, а также автоматизация финансовых операций. Тем не менее интеграция ИИ в *ERP*-системы не лишена рисков, включая угрозу утечки конфиденциальной информации, риск несанкционированного доступа, потерю рабочих мест из-за автоматизации, уязвимость к кибератакам, высокие затраты на внедрение и дефицит квалифицированных специалистов. Кроме того, существуют этические и юридические проблемы, связанные с защитой личных данных и независимостью, что требует обновления существующего законодательства или разработки новых нормативных актов.

В целом интеграция ИИ в *ERP*-системы способствует повышению конкурентоспособности и операционной эффективности; исследования показывают, что ИИ значительно улучшает эффективность *ERP*-систем, оптимизируя производительность и бизнес-процессы. В контексте внедрения ИИ в *ERP*-системы рекомендуется комплексный подход, объединяющий различные методы и технологии, для достижения синергетического эффекта и усовершенствования бизнес-операций.

Список литературы

- Азимбаев, Д. Ж., Куан, И. А., Гулида, И. В. (2019). Искусственный интеллект и машинное обучение. *Вестник современных исследований*, 1.3(28), 6–7. EDN: PNPBLT
- Алексеева, И. Ю. (1991). Искусственный интеллект и рефлексия над знаниями. *Философия науки и техники*, 9, 44–53.
- Антонова, И. И., Антонов, С. А. (2022). Циркулярная экономика как инновационная модель устойчивого развития региона. *Стандарты и качество*, 5, 68–73.

³⁹ Download the free report for the complete 2024 ERP market share forecast. (2023, September 26). HG Insights. <https://hginsights.com/market-reports/erp-market-report>

Антонова, И. И., Репина, Ю. А., Зотов, М. В. (2020). Повышение эффективности предприятий агропромышленного комплекса. *Компетентность*, 7, 42–47.

Асанова, Ф. Б. (2018). Использование информационно-коммуникационных технологий с целью развития креативных способностей учеников на уроках технологии. *Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: материалы II Международной научно-методической конференции* (с. 284–288). Чебоксары: ИД «Среда».

Бычков, С. А. (2012). Сущность и влияние ERP-системы на эффективность деятельности предприятия. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 9, 1–5.

Городнова, Н. В. (2021). Применение искусственного интеллекта в бизнес-сфере: современное состояние и перспективы. *Вопросы инновационной экономики*, 11(4), 1473–1492. <https://doi.org/10.18334/vinec.11.4.112249>

Горячкин, Б. С., Китов, М. А. (2020). Компьютерное зрение. *E-Scio*, 9(48). <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternoe-zrenie-1>

Грицунова, С. В., Седых, Ю. А., Высоцкая, Т. А. (2019). Цифровизация и ее влияние на бизнес-процессы предпринимательских структур. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, 10-1, 34–38. <https://doi.org/10.17513/vaael.742>

Дашков, А. А., Нестерова, Ю. О. (2020). Исследование влияния искусственного интеллекта на бизнес-модель организации. *E-Management*, 3(4), 26–36. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2020-3-4-26-36>

Дмитриева, Т. А., Герман, Е. А., Козелецкая, М. Г. (2019). Искусственный интеллект в современном бизнесе. В сб. *Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: сборник трудов научно-практической и учебной конференции, Санкт-Петербург, 4–6 июня 2019 г.* (Ч. 1, с. 367–371). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. EDN: UCFDCO

Докучаева, С. М. (2019). Инновационное развитие искусственного интеллекта и машинного обучения в современной экономике. *РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция*, 1, 136–138.

Дульнев, В. В. (2020). Применение технологии машинного обучения в ERP-системах. В сб. *Сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей с международным участием «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации» (Социальный инженер-2020)*, Москва, 7–10 декабря 2020 г. (Ч. 4, с. 142–146). Москва: Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). EDN: RIUQJV

Дурнев, Р. А., Крюков, К. Ю., Титов, А. Е. (2019). Искусственный интеллект: комплексный анализ состояния и перспектив разработки. *Инноватика и экспертиза: научные труды*, 1(26), 190–202. EDN: ZEKQQP

Иванов, А. Б. (2019). Применение искусственного интеллекта в производственных компаниях: анализ и перспективы. *Инженерные системы и средства автоматизации*, 28(3), 45–52.

Исаева, М. З., Алисултанова, А. В., Дасаев, М. А., Цуев, М. М. (2023). Методы и технологии обработки естественного языка. В сб. М. С. Сайдумов, И. И. Начхоев, *МИЛЛИОНЩИКОВ-2023: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, Грозный, 30–31 мая 2023 г.* (с. 90–95). Грозный: Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М. Д. Миллионщикова. EDN: JTCRPO

Колесова, Е. В., Перова, М. В. (2024). Развитие ERP систем в условиях внедрения искусственного интеллекта. *Материалы XVI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум»*.

Королькова, Е. М. (2018). Проблемы выбора и внедрения ERP-систем на российских предприятиях. *Дневник науки*, 10(22), 46. EDN: YMMAXQ

Котельников, Л. Л. (2023). Влияние искусственного интеллекта на социально-экономическую сферу. В сб. *Фундаментальные и прикладные аспекты компьютерных технологий и информационной безопасности: сборник статей Всероссийской научно-технической конференции* (с. 485–487). Таганрог: Южный федеральный университет.

Ли, Ю., Чжан, Т., Янг, Ю., Гао, Ю. (2020). Поддержка принятия решений с помощью искусственного интеллекта в клинической диагностике в педиатрии: развитие и перспективы на будущее. *Журнал международных медицинских исследований*, 48(9).

Мельников, А. В., Бачурин, А. И., Распопов, А. А., Цветкова, В. А. (2021). Актуальные аспекты разработки и внедрения систем искусственного интеллекта в организациях. *Социальные новации и социальные науки*, 2(4), 38–46. <https://doi.org/10.31249/snsn/2021.02.03>

Мельничук, Ю. Н. (2023). Цифровизация бизнес-процессов. *Молодой ученый*, 23(470), 263–266.

Мочалова, Я. В., Голева, Е. А. (2023). Искусственный интеллект: использование в экономике. *Молодой ученый*, 21(468), 170–172.

Назилин, В. С., Силакова, Л. В. (2022). Применение ERP-систем для повышения эффективности бизнес-процессов коммерческих организаций. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*, 3(61), 46–52.

Нешумов, Е. В. (2023). Инструменты технологии искусственного интеллекта в повышении эффективности ERP-систем. *Научные записки академии*, 2(46), 45–49. EDN: LQMYPE

Петров, В. Г. (2020). Искусственный интеллект в промышленности: реальный опыт и перспективы. *Промышленная автоматика*, 2, 18–24.

- Печурина, Е. К., Мазалова, А. Н. (2018). Искусственный интеллект в промышленности. *Colloquium-Journal*, 12-6(23), 33–34. EDN: VNBKIG
- Савельев, А. А., Матросов, В. Д. (2023). Применение искусственного интеллекта для автоматизации производственных процессов. В сб. В. Г. Хомченко (отв. ред.), Е. И. Пастухова. *Автоматизация, мехатроника, информационные технологии: материалы XIII Международной научно-технической интернет-конференции молодых ученых, Омск, 16–17 мая 2023 г.* (с. 4–6). Омск: Омский государственный технический университет. EDN: FSBVUR
- Соколова, Я. А., Вербицкая, В. В. (2021). Применение систем искусственного интеллекта в управлении предприятием. В сб. *Материалы XIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум»*. <https://scienceforum.ru/2021/article/2018025315>
- Тройнов, Н. Р., Королев, Д. В., Нечаева, И. И. (2023). Влияние искусственного интеллекта на современный рынок труда. В сб. *Экономика в социокультурном пространстве современности: проблемы, решения, прогнозы: материалы X Международной научно-практической конференции, Владимир, 23 ноября 2023 г.* (с. 318–322). Владимир: АРКАИМ.
- Чайковская, Л. А., Езза, Х. Абу (2018). Интеграция систем планирования ресурсов предприятия и больших данных. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 2(12), 43–49. EDN: VNXUXE
- Шитова, Т. Ф. (2021). ERP-система – эффективный инструмент развития цифровой экономики. *Муниципалитет: экономика и управление*, 2(35), 1–5. <https://doi.org/10.22394/2304-3385-2021-2-27-39>
- Юргель, В. Ю. (2019). Сложности моделирования естественного языка. *Вестник науки и образования*, 23-1(77), 12–14.
- Bonsón, E., Bednárová, M., & Cortijo, V. (2021). Artificial intelligence activities and ethical approaches in leading listed companies in the European Union. *International Journal of Accounting Information Systems*, 43, 100535. <https://doi.org/10.1016/j.accinf.2021.100535>
- Dou, Z., Wang, X., Shi, Sh., & Tu, Zh. (2020). Exploiting deep representations for natural language processing. *Neurocomputing*, 38(621), 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2019.12.060>
- Elragal, A., & Haddara, M. (2012). The Future of ERP Systems: Look Backward Before Moving Forward. *Procedia Technology*, 5(5), 21–30. <https://doi.org/10.1016/j.protcy.2012.09.003>
- Esteves, J., & Pastor, J. (1999). An ERP Lifecycle-based Research Agenda. *1st International Workshop on Enterprise Management Resource and Planning Systems EMRPS, Venice, Italy* (pp. 359–371).
- Haddara, M., & Elragal, A. (2013). ERP Lifecycle: A Retirement Case Study. *Information Resources Management Journal*, 26(1), 1–11.
- Ivanova, A. V. (2018). VR & AR technologies: opportunities and application obstacles. *Strategic Decisions and Risk Management*, 3, 88–107. <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2018-3-88-107>
- Jawad, Z. N., & Balázs, V. (2024). Machine learning-driven optimization of enterprise resource planning (ERP) systems: a comprehensive review. *Beni-Suef University Journal of Basic and Applied Sciences*, 13, 4. <https://doi.org/10.1186/s43088-023-00460-y>
- McCarthy, L. M., & Mathieson, K. (2000). *Enterprise Resource Planning: Global Opportunities and Challenges*. Hershey, PA: Idea Group Publishing.
- Nazilin, V. S., & Silakova, L. V. (2022). Research on Technologies and Solutions Addressing the Issue of Improving the Efficiency of the Business Processes in Commercial Organizations. *Социальные и экономические системы. Экономика*, 4, 218–240.
- Orlicky, J. (1975). *Material Requirements Planning*. New York, NY: McGraw-Hill.
- Ptak, C. A., & Schragenheim, E. (1999). *ERP: Tools, Techniques, and Applications for Integrating the Supply Chain*. Boca Raton, FL: St. Lucie Press.
- Qasim, S., Memon, M. A., Nizamani, M., Kumar, P., & Qasim, M. (2021). An Analysis of Enterprise Resource Planning System Usage to Improve Business Process Performance. *Quaid-e-Awam University Research Journal of Engineering Science & Technology*, 19(1), 65–69. <https://doi.org/10.52584/qrij.1901.09>
- Šereš, L., & Tumbas, P. (2014). ERP & Globalization: Challenges and Responses. *Strategic Management*, 19(4), 50–57.
- Sundaram, S., & Zeid, A. (2023). Artificial Intelligence-Based Smart Quality Inspection for Manufacturing. *Micromachines*, 14(3), 570. <https://doi.org/10.3390/mi14030570>
- Svensson, A., & Thoss, A. (2021). Risk Factors When Implementing ERP Systems in Small Companies. *Information*, 12(11), 478. <https://doi.org/10.3390/info12110478>
- Tariq, M. U., Poulin, M., & Abonamah, A. A. (2021). Achieving Operational Excellence Through Artificial Intelligence: Driving Forces and Barriers. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.686624>
- Villalba-Diez, J., Schmidt, D., Gevers, R., Ordieres-Meré, J., Buchwitz, M., & Wellbrock, W. (2019). Deep Learning for Industrial Computer Vision Quality Control in the Printing Industry 4.0. *Sensors*, 19(18), 3987. <https://doi.org/10.3390/s19183987>
- Wang, J.-H., & Chen, Y.-H. (2021). Network-adjusted Kendall's Tau measure for feature screening with application to high-dimensional survival genomic data. *Bioinformatics*, 37(15), 2150–2156. <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/btab064>
- Wight, O. (1984). *Manufacturing Resource Planning: MRP II: Unlocking America's Productivity Potential*. Boston, MA: CBI Publishing.

References

- Alekseeva, I. Yu. (1991). Artificial intelligence and reflection over knowledge. *Philosophy of Science and Technology*, 9, 44–53. (In Russ.).
- Antonova, I. I., & Antonov, S. A. (2022). Circular economy as an innovative model of sustainable development of a region. *Standards and Quality*, 5, 68–73. (In Russ.).
- Antonova, I. I., Repina, Yu. A., & Zotov, M. V. (2020). Increasing the Efficiency of the Agricultural Companies. *Competency*, 7, 42–47. (In Russ.).
- Asanova, F. B. (2018). Using information and communication technologies for the development of creative abilities of schoolchildren in Technology lessons. *Education, innovations, research as a resource for community development: proceedings of the 2nd International scientific and methodological conference* (pp. 284–288). Cheboksary: Sreda. (In Russ.).
- Azimbaev, D. Zh., Kuan, I. A., & Gulida, I. V. (2019). Artificial intelligence and machine learning. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, 1.3(28), 6–7. (In Russ.).
- Bonsón, E., Bednárová, M., & Cortijo, V. (2021). Artificial intelligence activities and ethical approaches in leading listed companies in the European Union. *International Journal of Accounting Information Systems*, 43, 100535. <https://doi.org/10.1016/j.accinf.2021.100535>
- Bychkov, S. A. (2012). Essence and impact of ERP systems on the performance of an enterprise. *Actualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 9, 1–5. (In Russ.).
- Chajkovskaya, L. A., & Ezza, Kh. Abu. (2018). Integration of resource planning systems of an enterprise with big data. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2(12), 43–49. (In Russ.).
- Dashkov, A. A., & Nesterova, Yu. O. (2020). Research on the impact of artificial intelligence on the business model of an organization. *E-Management*, 3(4), 26–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2020-3-4-26-36>
- Dmitrieva, T. A., German, E. A., & Kozeleczkaya, M. G. (2019). Artificial intelligence in modern business. In *Fundamental and applied research in management, economics and trade: Proceedings of the scientific-practical and educational conference, St. Petersburg, June 4–6, 2019* (Part 1, pp. 367–371). Saint Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU). (In Russ.).
- Doguchaeva, S. M. (2019). Innovative development of artificial intelligence and machine learning in the modern economy. *RISK: Resources, Information, Supply, Competition*, 1, 136–138. (In Russ.).
- Dou, Z., Wang, X., Shi, Sh., & Tu, Zh. (2020). Exploiting deep representations for natural language processing. *Neurocomputing*, 38(621), 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2019.12.060>
- Dulnev, V. V. (2020). Using machine-learning technology in ERP systems. In *Proceedings of the All-Russian conference of young researchers with international participation “Social and humanitarian issues of education and professional self-implementation” (Social Engineer-2020), Moscow, December 7–10, 2020* (Part 4, pp. 142–146). Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj universitet imeni A. N. Kosygina (Tekhnologii. Dizajn. Iskusstvo). (In Russ.).
- Durnev, R. A., Kryukov, K. Yu., & Titov, A. E. (2019). Artificial intelligence: comprehensive analysis of the state and prospects of elaboration. *Innovatics and Expert Examination*, 1(26), 190–202. (In Russ.).
- Elragal, A., & Haddara, M. (2012). The Future of ERP Systems: Look Backward Before Moving Forward. *Procedia Technology*, 5(5), 21–30. <https://doi.org/10.1016/j.protcy.2012.09.003>
- Esteves, J., & Pastor, J. (1999). An ERP Lifecycle-based Research Agenda. *1° International Workshop on Enterprise Management Resource and Planning Systems EMRPS, Venice, Italy* (pp. 359–371).
- Gorodnova, N. V. (2021). Application of artificial intelligence in the business sphere: current state and prospects. *Russian Journal of Innovation Economics*, 11(4), 1473–1492. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/vinec.11.4.112249>
- Goryachkin, B. S., & Kitov, M. A. (2020). Computer vision. *E-Scio*, 9(48). (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternoe-zrenie-1>
- Gritsunova, S. V., Greyish, Yu. A., Vysotskaya, T. A. (2019). Digitalization and its impact on business processes of business structures. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava*, 10-1, 34–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.17513/vaael.742>
- Haddara, M., & Elragal, A. (2013). ERP Lifecycle: A Retirement Case Study. *Information Resources Management Journal*, 26(1), 1–11.
- Isaeva, M. Z., Alisultanova, A. V., Dasaev, M. A., & Czuev, M. M. (2023). Methods and technologies of natural language processing. In M. S. Sajdumov, I. I. Nachkhoev (Eds.), *MILLIONSHCHIKOV-2023: Proceedings of the 6th All-Russian scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists with international participation, Grozny, May 30-31 2023* (pp. 90–95). Grozny: Grozny State Oil Technical University. (In Russ.).
- Ivanov, A. B. (2019). Applying artificial intelligence in manufacturing companies: analysis and prospects. *Inzhenernye sistemy i sredstva avtomatizacii*, 28(3), 45–52. (In Russ.).
- Ivanova, A. V. (2018). VR & AR technologies: opportunities and application obstacles. *Strategic Decisions and Risk Management*, 3, 88–107. <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2018-3-88-107>
- Jawad, Z. N., & Balázs, V. (2024). Machine learning-driven optimization of enterprise resource planning (ERP) systems: a comprehensive review. *Beni-Suef University Journal of Basic and Applied Sciences*, 13, 4. <https://doi.org/10.1186/s43088-023-00460-y>

- Jurgel, V. Yu. (2019). Complexities of natural language modeling. *Вестник науки и образования*, 23-1(77), 12–14. (In Russ.).
- Kolesova, E. V., & Perova, M. V. (2024). *Development of ERP systems under the artificial intelligence implementation: works of the 16th International students' scientific conference "Students' Scientific Forum"*. (In Russ.).
- Korolkova, E. M. (2018). Problems of the selection and implementation of ERP-systems at Russian enterprises. *Dnevnik nauki*, 10(22), 46. (In Russ.).
- Kotelnikov, L. L. (2023). Influence of artificial intelligence on the social-economic sphere. In *Fundamental and applied aspects of computer technologies and information security: collection of works of the All-Russian scientific and technical conference* (pp. 485–487). Taganrog: Southern Federal University. (In Russ.).
- Li, Yu., Chzhan, T., Yang, Yu., & Gao, Yu. (2020). Decision-making support using artificial intelligence in clinical diagnosis in pediatrics: development and future prospects. *Zhurnal mezhdunarodnykh mediczinskikh issledovanij*, 48(9). (In Russ.).
- McCarthy, L. M., & Mathieson, K. (2000). *Enterprise Resource Planning: Global Opportunities and Challenges*. Hershey, PA: Idea Group Publishing.
- Melnichuk, Yu. N. (2023). Digitalization of business processes. *Molodoj uchenyj*, 23(470), 263–266.
- Melnikov, A. V., Bachurin, A. I., Raspopov, A. A., & Tsvetkova, V. A. (2021). Actual aspects of the development and implementation of artificial intelligence systems in organizations. *Social Novelties and Social Sciences*, 2(4), 38–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/snsn/2021.02.03>
- Mochalova, Ya. V., & Goleva, E. A. (2023). Artificial intelligence: use in economy. *Young Scientist*, 21(468), 170–172. (In Russ.).
- Nazilin, V. S., & Silakova, L. V. (2022). Research on Technologies and Solutions Addressing the Issue of Improving the Efficiency of the Business Processes in Commercial Organizations. *Social and economic systems. Economics*, 4, 218–240.
- Nazilin, V. S., & Sylakova, L. V. (2022). Application of ERP systems to improve the efficiency of business processes of commercial organizations. *Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 3(61), 46–52. (In Russ.).
- Neshumov, E. V. (2023). Artificial intelligence tools for increasing the efficiency of ERP systems. *Nauchnye zapiski akademii*, 2(46), 45–49. (In Russ.).
- Orlicky, J. (1975). *Material Requirements Planning*. New York, NY: McGraw-Hill.
- Pechurina, E., & Mazalova, A. (2018). Artificial intelligence in industry. *Colloquium-Journal*, 12-6(23), 33–34. (In Russ.).
- Petrov, V. G. (2020). Artificial intelligence in industry: actual experience and prospects. *Promyshlennaya avtomatika*, 2, 18–24. (In Russ.).
- Ptak, C. A., & Schragenheim, E. (1999). *ERP: Tools, Techniques, and Applications for Integrating the Supply Chain*. Boca Raton, FL: St. Lucie Press.
- Qasim, S., Memon, M. A., Nizamani, M., Kumar, P., & Qasim, M. (2021). An Analysis of Enterprise Resource Planning System Usage to Improve Business Process Performance. *Quaid-e-Awam University Research Journal of Engineering Science & Technology*, 19(1), 65–69. <https://doi.org/10.52584/qrij.1901.09>
- Savelev, A. A., & Matrosov, V. D. (2023). Using artificial intelligence for automation of industrial processes. In V. G. Khomchenko, & E. I. Pastukhova (Eds.). *Automation, mechatronics, information technologies: proceedings of the 13th International scientific and technical internet-conference of young scientists, Omsk, May 16–17, 2023* (pp. 4–6). Omsk: Omsk State Technical University. (In Russ.).
- Šereš, L., & Tumbas, P. (2014). ERP & Globalization: Challenges and Responses. *Strategic Management*, 19(4), 50–57.
- Shitova, T. F. (2021). ERP system – an effective tool of the digital economy development. *Municipality: Economics and Management*, 2(35), 1–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2304-3385-2021-2-27-39>
- Sokolova, Ya. A., & Verbiczkaya, V. V. (2021). Using artificial intelligence systems in enterprise management. In *Works of the 13th International students' scientific conference "Students' Scientific Forum"*. (In Russ.). <https://scienceforum.ru/2021/article/2018025315>
- Sundaram, S., & Zeid, A. (2023). Artificial Intelligence-Based Smart Quality Inspection for Manufacturing. *Micromachines*, 14(3), 570. <https://doi.org/10.3390/mi14030570>
- Svensson, A., & Thoss, A. (2021). Risk Factors When Implementing ERP Systems in Small Companies. *Information*, 12(11), 478. <https://doi.org/10.3390/info12110478>
- Tariq, M. U., Poulin, M., & Abonamah, A. A. (2021). Achieving Operational Excellence Through Artificial Intelligence: Driving Forces and Barriers. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.686624>
- Trojnov, N. R., Korolev, D. V., & Nechaeva, I. I. (2023). Influence of artificial intelligence on the modern labor market. In *Economics in the sociocultural space of modernity: problems, solutions, forecasts: works of the 10th International scientific and practical conference, Vladimir, November 23, 2023* (pp. 318–322). Vladimir: ARKAIM. (In Russ.).
- Villalba-Diez, J., Schmidt, D., Gevers, R., Ordieres-Meré, J., Buchwitz, M., & Wellbrock, W. (2019). Deep Learning for Industrial Computer Vision Quality Control in the Printing Industry 4.0. *Sensors*, 19(18), 3987. <https://doi.org/10.3390/s19183987>
- Wang, J.-H., & Chen, Y.-H. (2021). Network-adjusted Kendall's Tau measure for feature screening with application to high-dimensional survival genomic data. *Bioinformatics*, 37(15), 2150–2156. <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/btab064>
- Wight, O. (1984). *Manufacturing Resource Planning: MRP II: Unlocking America's Productivity Potential*. Boston, MA: CBI Publishing.

Вклад авторов

И. И. Антонова: формулировка исследовательской задачи, разработка концепции и дизайна исследования. Ведущий автор текста статьи. Редактирование статьи, проверка соответствия требованиям и стандартам оформления.

В. А. Смирнов: статистический анализ данных и разработка аналитических инструментов. Участвовал в интерпретации данных и написании разделов, связанных с анализом и обсуждением результатов исследования. Проводил окончательное редактирование текста статьи и принимал участие в интерпретации результатов.

М. Г. Ефимов: подготовка графиков и таблиц, участие в обсуждении и согласовании финальной версии статьи. Проведение экспериментальной части исследования, сбор и первичная обработка данных. Внес значительный вклад в написание раздела методологии и обсуждения полученных результатов. Участвовал в подготовке иллюстративного материала. Также занимался подготовкой списка литературы.

The author's contributions

I. I. Antonova formulated the research problem, developed the research concept and design. Being the lead author of the article, edited the text and checked it for compliance with the requirements and design standards.

V. A. Smirnov performed statistical analysis of data and development of analytical tools, participated in data interpretation and writing the sections related to the analysis and discussion of the study results; conducted final editing of the text and participated in the results interpretation.

M. G. Efimov prepared charts and tables, participated in the discussion and agreement of the article final version; conducted the experimental part, data collection and primary data processing; made a significant contribution to the writing of the methodology section and discussion of the results obtained; participated in the preparation of illustrative material and the reference list.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Один из авторов (И. И. Антонова) является членом редколлегии журнала *Russian Journal of Economics and Law*. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / One of the authors (I. I. Antonova) is a member of the Editorial Board of the *Russian Journal of Economics and Law*. The article has been reviewed on the usual terms.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 04.01.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 12.05.2024

Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2024

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.641-662>

УДК 004.8:332.1:338(470+571)

JEL: L86, O3, P25, R1

Ю. А. Варламова¹,

Е. Н. Корнейченко²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

² Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Искусственный интеллект в российских регионах

Контактное лицо:

Варламова Юлия Андреевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и эконометрики, Институт управления, экономики и финансов, старший научный сотрудник НОЦ по исследованию проблем развития рыночных отношений в условиях глобализации мировой экономики, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: Julia.Varlamova@kpfu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3255-9880>

Web of Science Researcher ID: J-5897-2016

eLIBRARY SPIN-код: 8642-1558

Корнейченко Екатерина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры математических методов и моделей в экономике, Оренбургский государственный университет

E-mail: ekaterina.korneychenko@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4165-9445>

Web of Science Researcher ID: KUF-0934-2024

eLIBRARY SPIN-код: 1155-6994

Аннотация

Цель: сравнительная оценка использования организациями технологий искусственного интеллекта в разрезе регионов России и определение детерминант, определяющих их динамику.

Методы: описательная статистика, гистограмма, группировка, метод главных компонент, модели панельных данных.

Результаты: абсолютным трендом последних лет стало изучение и внедрение технологий искусственного интеллекта во многие экономические, производственные процессы, общественную жизнь. В статье проанализированы тенденции применения технологий искусственного интеллекта в регионах России. Результаты сравнительного анализа регионов по уровню и темпам роста использования организациями технологий искусственного интеллекта позволили сделать вывод о неоднородности регионов по динамике исследуемого показателя в 2020–2022 гг., что отражено в разделении на четыре группы регионов: выше и ниже среднего уровня по России. Эконометрическое моделирование на основе метода главных компонент дало основания для объединения детерминант использования технологий искусственного интеллекта в четыре компоненты. Модели панельных данных с фиксированными эффектами показали значимое влияние компоненты, характеризующей состояние человеческого капитала, уровня экономического развития и инновационной активности организаций в регионе.

Научная новизна: впервые предпринята попытка сравнительного анализа регионов России по уровню использования организациями технологий искусственного интеллекта и определения детерминант его изменения.

Практическая значимость: обоснована неоднородность регионов по использованию организациями технологий искусственного интеллекта, а также высокий уровень влияния специфических характеристик регионов, которые необходимо учитывать при выстраивании национальной политики в области развития искусственного интеллекта.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, экономика данных, цифровая экономика, региональная экономика, цифровизация, регионы России

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность рецензентам за ценные комментарии и замечания.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01290 «Исследование данных в цифровой экономике: пространственные эффекты, потоки и инфраструктурная обеспеченность», <https://rscf.ru/project/23-28-01290/>.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Варламова, Ю. А., Корнейченко, Е. Н. (2024). Искусственный интеллект в российских регионах. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 641–662. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.641-662>

Scientific article

J. A. Varlamova¹,
E. N. Korneychenko²

¹ Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia

² Orenburg State University, Orenburg, Russia

Artificial intelligence in the Russian regions

Contact:

Julia A. Varlamova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Economic Theory and Econometrics, Institute for Management, Economics and Finance, Senior Researcher of the Center for Researching the issues of markets relations under economy globalization, Kazan (Volga) Federal University

E-mail: Julia.Varlamova@kpfu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3255-9880>

Web of Science Researcher ID: J-5897-2016

eLIBRARY SPIN-code: 8642-1558

Ekaterina N. Korneychenko, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Mathematical Methods in Economics, Orenburg State University

E-mail: ekaterina.korneychenko@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4165-9445>

Web of Science Researcher ID: KUF-0934-2024

eLIBRARY SPIN-code: 1155-6994

Abstract

Objective: to provide a comparative assessment of the use of artificial intelligence technologies by organizations in the context of Russian regions and to identify determinants of their dynamics.

Methods: descriptive statistics, histogram, grouping, principal component method, panel data models.

Results: an absolute trend of recent years is to study and implement artificial intelligence technologies in many economic, industrial processes and social life. The article analyzes the trends in the application of artificial intelligence technologies in the Russian regions. The comparative analysis of regions by the level and growth rate of artificial intelligence technologies use by organizations showed that the regions were heterogenous by the dynamics of this indicator in 2020-2022. The regions were divided into four groups: above average and below average level in Russia. Econometric modeling based on the method of principal components gave grounds to unite the determinants of the use of artificial intelligence technologies into four components. Panel data fixed-effects models showed a significant impact of the component, characterizing the state of human capital, the level of economic development, and innovation activity of organizations in the region.

Scientific novelty: for the first time an attempt was made to provide a comparative analysis of Russian regions by the level of artificial intelligence technologies use by organizations and to find the determinants of its change.

Practical significance: the heterogeneity of regions in terms of the artificial intelligence technologies use by organizations was substantiated, as well as a great impact of the specific characteristics of regions, which should be taken into account when building a national policy of artificial intelligence development.

Keywords:

artificial intelligence, data economy, digital economy, regional economy, digitalization, Russian regions

Acknowledgments

The authors express their sincere gratitude to the reviewers for their valuable comments and remarks.

Financial Support

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01290 “Data research in the digital economy: spatial effects, flows and infrastructural provision”, <https://rscf.ru/project/23-28-01290/>.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Varlamova, J. A., & Korneychenko, E. N. (2024). Artificial intelligence in the Russian regions. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 641–662. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.641-662>

Введение

В 2023 г. словарь *Collins* путем обработки 20 млрд слов, опубликованных по всему миру, признал «AI» (от англ. *artificial intelligence* – «искусственный интеллект») наиболее популярным словом¹. В 2023 г. наблюдались важные тренды в развитии искусственного интеллекта (далее – ИИ): генеративный *ChatGPT*, большие языковые модели (*large language model*)². Появились первые оценки эффекта использования генеративного ИИ на получение сверхприбыли фирмами, которые составляют около 0,4 % (Eisfeldt et al., 2023). Важно отметить, что хотя разработка технологий ИИ стартовала в 1950–1956 гг. (Makridakis, 2017), именно 2023 г. ознаменовал во многом наступление периода проникновения ИИ в общественную жизнь и превращения его в широко используемую технологию. Уровень развития ИИ и его проникновение стали настолько высоки, что в общественном сознании начала стираться грань между реальностью и выдумкой (Buarque et al., 2020): человек не различает реальные фото- и видеоряды и результаты работы ИИ, в частности нейросетей, продукт ИИ вводит человека в заблуждение (Westerlund, 2019). В промышленном производстве ИИ меняет распределение используемых факторов производства, что по количественным показателям можно идентифицировать как промышленную революцию (Abis & Veldkamp, 2024).

Несмотря на высокую скорость проникновения технологий ИИ в повседневную активность домохозяйств, национальные статистические службы не приводят официальных цифр по количеству пользователей данной технологии. «Анкета выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей» (форма № 1-ИТ) содержит вопросы, связанные с доступом и использованием только технологий Интернета, что отражает временной лаг в реакции государственной статистики на изменения в появлении новых практик. Социологические опросы россиян свидетельствуют о росте доверия населения к использованию технологий ИИ. Так, по опросу ВЦИОМ, уровень доверия в 2022 г., по сравнению с 2021 г., вырос на 7 п. п. и составил 55 %.

¹ Collins – The Collins Word of the Year 2023 is... <https://www.collinsdictionary.com/woty>

² Blake, A. (2023, December 12). 2023 was the year of AI. Here were the 9 moments that defined it. Digital Trends. <https://www.digitaltrends.com/computing/biggest-ai-events-in-2023/>

В географическом аспекте более высокий уровень доверия технологиям ИИ характерен для жителей Москвы, Санкт-Петербурга и городов с численностью населения 100–500 тыс. человек³.

Проникновение технологий в общественную жизнь является одним из направлений развития ИИ, наряду с внедрением его в бизнес-процессы. Применение ИИ организациями выглядит в качестве одного из приоритетных направлений стратегии цифровой трансформации. 65 % компаний, принявших участие в мониторинге развития и распространения ИИ Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, отмечают «тестовое (экспериментальное)» использование ИИ-решений. При этом основными барьерами для наращивания темпов внедрения ИИ опрошенные компании называют инвестиции и кадры⁴.

В институциональном плане в 2020 г. был разработан федеральный проект «Искусственный интеллект» в рамках национального проекта «Цифровая экономика». Кроме того, в России действует Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.⁵ При этом не решен вопрос пространственного развития России, или, точнее, «пространственного развития России на основе цифровой экономики с использованием искусственного интеллекта» (Блануца, 2020. С. 61). В 2025 г. планируется запустить новый национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», который будет включать передовые цифровые технологии по сбору, хранению, анализу и безопасности данных. Анализ данных предполагается построить на технологиях ИИ. Экономика данных является потенциальной краткосрочной и среднесрочной перспективой развития бизнеса в мировом контексте (Sestino et al., 2023).

Применение новой технологии идет по пути обоснования ее влияния на экономику и экономический рост, достижению целей устойчивого развития (Singh et al., 2024). Однако влияние цифровизации на экономическое развитие не является априори обоснованным (Кадочникова, 2020; Имашева, Крамин, 2022). На примере предприятий Китая показано, что за счет улучшения общей факторной производительности и оптимизации структуры затрат ИИ снижает выбросы загрязняющих веществ (Cheng et al., 2024). Диффузия технологий глубинного обучения может удвоить темпы экономического роста (Besiroglu et al., 2024). На основе панельных данных с 1970 по 2019 г. по странам было доказано положительное влияние патентов в сфере ИИ на экономический рост (Gonzales, 2023), при этом влияние ИИ на региональный экономический рост неоднородно (Wang et al., 2024). Однако остается недостаточно исследованным вопрос, какие характеристики региона могут способствовать или, наоборот, препятствовать использованию технологий ИИ.

Диффузия инноваций и технологий между организациями может происходить как в рамках вертикальных коммуникаций (например, от головной компании филиалам), так и в рамках горизонтальных взаимосвязей (между компаниями-конкурентами на рынке) в результате поиска путей повышения конкурентоспособности компании. В силу ограниченности ресурсов компании могут стремиться к созданию кластеров или объединений для совместной разработки и использования цифровых технологий (Enholm et al., 2022). В этой связи можно предположить, что распространение технологий ИИ будет происходить на уровне регионов России неравномерно в силу особенностей экономического и инфраструктурного потенциала территорий.

Целью исследования является анализ состояния и ключевых детерминант использования организациями технологий ИИ в разрезе регионов России. Новизна исследования заключается в том, что впервые на российских данных предпринимается попытка проанализировать состояние распространенности ИИ среди организаций регионов, оценить степень их неоднородности и определить, какие характеристики регионов выступают в качестве основополагающих для использования технологий ИИ.

Достижение поставленной цели предполагает выполнение следующих задач:

- 1) описание тенденций использования технологий ИИ, сложившихся в регионах России;
- 2) формирование системы факторов, определяющих различия регионов России по вовлеченности организаций в использование технологий ИИ;
- 3) построение эконометрической модели для выявления наиболее существенных факторов, определяющих вовлеченность организаций в использование технологий ИИ.

³ Искусственный интеллект: угроза или светлое будущее? (2022, 28 декабря). ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-svetloe-budushchee>

⁴ Туровец, Ю. В., Вишневский, К. О. (2023, 26 сентября). Искусственный интеллект в России: кто, что и как внедряет. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/862009044.pdf>

⁵ Указ Президента РФ № 490 от 10 октября 2019 г. (2019). СПС «Гарант». <https://base.garant.ru/72838946/>

Обзор

Несмотря на распространение ИИ, единого понимания данной технологии среди исследователей и государственных деятелей не наблюдается. В широком смысле под искусственным интеллектом понимается «способность машин подражать интеллектуальному поведению людей»⁶. Искусственный интеллект воспринимается как компьютерная программа с автономными характеристиками обучения, которая в основном использует интеллектуальные датчики и большие данные для непрерывного анализа, адаптации и регулирования (Acemoglu & Restrepo, 2018). Росстат закладывает в технологии ИИ следующую интерпретацию: «Технологии искусственного интеллекта, позволяющие имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»⁷. Технологии искусственного интеллекта в рекомендациях Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ включают технологии следующих групп: компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта⁸.

Основной пул работ, как было сказано выше, идет по пути исследования эффектов от внедрения ИИ. Технологии ИИ способны увеличить использование больших данных для новых приложений и тем самым повышать эффективность научно-исследовательской деятельности (Rammer et al., 2022), проводить реинжиниринг бизнес-процессов, позволяя обрабатывать большие данные в режиме реального времени (Трофимов, 2019). При этом создание радикальных инноваций за счет использования ИИ не ограничивается только кругом крупного бизнеса, но имеет потенциальные возможности и для предприятий малого и среднего бизнеса (Grashof & Корка, 2023). Следует отметить, что переход к Индустрии 5.0 приводит не только к реинжинирингу бизнес-процессов и цифровизации бизнес-задач и рутинного труда, но и меняет саму сущность фирмы, превращая ее в экосистему без специализации и отраслевой принадлежности (Розанова, 2023).

Двусторонняя причинно-следственная связь между цифровым развитием и социально-экономическим развитием тестируется по данным российских регионов за период 2015–2020 гг. При этом на основе расчета интегрального индекса цифрового пространства, включающего подындекс цифровизации предприятий, выделено три кластера регионов. Исследователи на основе теста Грейнджера делают вывод о подтверждении гипотезы о наличии обратного воздействия цифрового пространства на социально-экономические показатели. Кроме того, в разрезе кластеров определены факторы, влияющие на уровень развития цифрового пространства: ВРП, объем используемых в регионе передовых технологий, доходы консолидированных бюджетов, оборот розничной торговли (Акбердина и др., 2023).

Диффузия инноваций и взаимосвязь регионов дают основания предполагать постепенное проникновение технологий от инновационных ядер к периферии и постепенное сглаживание цифрового неравенства в рамках одной страны (Comin et al., 2012). Диффузия инноваций может происходить по иерархическому (от крупных городов к более мелким), по площадному (по принципу соседства) (Hagerstrand, 1967), по волновому и сетевому принципам (Блануца, 2021). На примере распространения *RFID*-технологий, позволяющих автоматически идентифицировать объекты, сделан вывод об отрицательной пространственной автокорреляции между регионами России, что отражает наличие незначительного числа регионов с высоким уровнем использования данной цифровой технологии (Наумов и др., 2020).

На примере распространения сотовой связи в России в 2000-е гг. показано, что основные «новаторы» сосредоточены в столичных, приморских и приграничных регионах, в то время как наибольшие сложности в распространении новых технологий характерны для сельскохозяйственных и инфраструктурно труднодоступных регионов (Земцов, Бабурин, 2017). При этом привязка к уровню урбанизации для распространения технологии сотовой связи вполне закономерна: крупные агломерации обладают соответствующей инфраструктурой

⁶ Information Economy Report: Digitalization, Trade and Development – 2017. (2017). New York, Geneva: UN, UNCTAD.

⁷ Приказ Росстата № 538 от 29.07.2022. https://rosstat.gov.ru/storage/document/document_form/form/2022-11/02/0604018.doc

⁸ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. (2022). Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием. https://digital.gov.ru/uploaded/files/7metodicheskierekomendatsii06092022125913_TZmtVQB.pdf

и значительной долей населения с уровнем дохода, позволяющим приобретать новые технологии. Так, распространение сотовой связи по территории России происходило следующим образом: Санкт-Петербург (из-за близости к Финляндии), далее Москва как крупнейшая агломерация и столица России, затем распространение по все большему количеству российских регионов, но более высокая концентрация была в регионах с крупными агломерациями (Самарская, Новосибирская области), в приграничных регионах с активными международными связями (Ленинградская, Калининградская, Мурманская области, Приморский и Краснодарский края), позднее технология охватила ресурсно богатые регионы Сибири (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа), Поволжья (Республика Татарстан, Нижегородская область) (Земцов, Бабурин, 2017).

Схожим образом выглядела ситуация с распространением такой цифровой технологии, как Интернет, среди населения России по итогам 2020 г.: наибольшее распространение характерно для крупных агломераций (Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, Казань, Самара и Воронеж), их ближайших соседей (Тульская, Московская, Ленинградская области), северных регионов (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Магаданская и Мурманская области, Республика Карелия), приморских регионов (Приморский и Хабаровский края, Ростовская, Сахалинская области, Республика Крым) из-за международных связей. Наименьшая распространенность интернет-технологии наблюдалась в регионах с сельскими и удаленными поселениями, с высокой долей пожилого населения, со слаборазвитой магистральной инфраструктурой (Земцов и др., 2022). Выделенные закономерности распространенности технологий сотовой связи и использования Интернета в регионах России определялись во многом социально-демографическими характеристиками регионов, соответственно, в отношении использования ИИ организациями могут наблюдаться другие закономерности. Кроме того, исследования проводились на данных до 2020 г., после чего произошли серьезные геополитические изменения, усилилось санкционное давление, что могло серьезным образом повлиять на решение компаний об использовании инноваций.

«Дисперсионный» подход в региональных исследованиях предполагает наличие неоднородности в экономическом и индустриальном развитии (Gornig & Schiersch, 2024). Неравенство в цифровом развитии и в использовании цифровых технологий в разрезе российских регионов неоднократно подчеркивалось в эмпирических работах. Исследование, проведенное по данным 2014–2020 гг., показало, что в целом наблюдается сокращение разрыва между регионами России по использованию населением такой цифровой технологии, как Интернет, при этом неравенство в доступе к технологии значительно меньше, чем неравенство по использованию: в доступе разрыв двукратный, в использовании Интернета для заказа услуг – четырехкратный (Земцов и др., 2022). Среди регионов выделяются явными лидерами Москва и Московская область, которые превосходят по индексу развития экономики данных ближайших преследователей (Varlamova & Kadochnikova, 2023).

Неравномерность в развитии цифровой экономики прослеживается в противопоставлении индустриальных регионов европейской части остальным регионам России: индустриальные регионы опережают по цифровизации бизнеса, использованию базовых цифровых технологий и передовых технологий (геоинформационных систем, цифровых платформ, искусственного интеллекта, промышленных роботов) (Лаврикова и др., 2024). При этом важно отметить, что ИИ может усилить подобное неравенство или, другими словами, цифровой разрыв, в котором выделяют три уровня: первый – на уровне компаний (инновационные, имеющие экономические преимущества от внедрения ИИ, и неинновационные), второй – на уровне навыков сотрудников компаний, третий – на уровне стран⁹. При этом в качестве показателей ИИ-разрыва, определяющих развитие ИИ, выступают количество патентов компаний, патентов со стороны академического сообщества, научных публикаций в области ИИ (Kitsara, 2022). Обзор публикаций, выполненных в международных базах данных, показал наличие явного тренда на использование ИИ именно в целях развития бизнеса (Loureiro et al., 2021).

В результате проведенного обзора теоретических и эмпирических исследований можно сформулировать следующую исследовательскую гипотезу:

H1: Среди российских регионов наблюдается неоднородность в использовании организациями ИИ.

Теория диффузии инноваций подчеркивает, что скорость распространения инноваций определяется такими факторами, как существующая технологическая инфраструктура (Xiao & Boschma, 2023), институциональная

⁹ 3 'AI divides' and what we can do about them. (2018, September 10). World Economic Forum. <https://www.weforum.org/agenda/2018/09/the-promise-and-pitfalls-of-ai/>

рамка (нормативные акты) и сетевые эффекты (Rogers, 2003). Для развития и внедрения инноваций необходимо построение экосистемы, обеспечивающей тесное и эффективное взаимодействие между бизнесом, государством и научным сообществом с целью создания условий для реализации экономического потенциала ИИ (Freeman, 1987; Lundvall, 1992). Среди факторов, оказывающих существенное влияние на уровень проникновения цифровых технологий в регионах, следует отметить уровень экономического развития, который, как правило, измеряется таким показателем, как валовой региональный продукт (далее – ВРП) в расчете на душу населения (Акбердина и др., 2023). Помимо ВРП на душу населения, влияние на распространенность цифровых технологий в российских регионах оказывают такие показатели, как доля занятых в региональной экономике с высшим образованием, затраты на ИКТ, государственные субсидии на информатизацию (Kravchenko et al., 2017). Поскольку ВРП на душу населения может быть использован в терминах доходов, сгенерированных на уровне регионов, то богатые регионы имеют больше финансовых ресурсов для развития технологий (Beilock & Dimitrova, 2003). На примере регионов Дании было показано, что региональная специфика распространения технологий ИИ определяется в том числе общей инновационной средой региона и неформальными традициями по использованию технологий (Jessen, 2023).

Концептуально типологизация факторов, оказывающих влияние на использование цифровых технологий в российских регионах, выглядит следующим образом: финансовая доступность (доходы населения и стоимость услуг), характеристики человеческого капитала (занятые горожане с высшим образованием, пожилое население), институциональные условия (число малых предприятий и занятые в неформальном секторе) и экономико-географические характеристики диффузии инноваций (численность населения центра региона, средний уровень распространения технологии в соседнем регионе). Построенные исследователями эконометрические модели позволили сделать вывод о статистически значимом влиянии уровня вовлеченности населения данного региона и регионов-соседей на долю продаж через Интернет в обороте розничной торговли по данным за 2014–2020 гг. (Земцов и др., 2022). Среди экономических факторов доступности ИКТ выделяют долю добычи полезных ископаемых, предполагая, что подобные регионы финансово более богаты (Архипова, Сиротин, 2019). Таким образом, можно определить, что на уровень распространения технологии влияет готовность человеческого капитала к использованию данной технологии. При этом важно понимать, что в данном случае речь идет об интернет-технологии, которая получила широкое распространение среди домохозяйств и в большей степени определяется спросом именно со стороны данных экономических агентов.

В качестве причин цифрового неравенства российских регионов выделяют: соотношение стоимости использования цифровых услуг и средней заработной платы в регионе, плотность населения, инвестиционную и предпринимательскую активность, фактор периферийности, отток высококвалифицированных кадров (Деревцова и др., 2021).

Если при анализе детерминант использования технологий ИИ посмотреть на них как на барьеры, то теоретически барьеры систематизированы в следующие группы: государственная поддержка, научно-технологическая сфера, финансово-экономическая сфера и кадры (Фомина, 2022). Данная типологизация факторов выделена в целом для России, без учета региональной специфики.

Используется несколько подходов к измерению человеческого фактора как неотъемлемого условия развития ИИ. Человеческий фактор может быть представлен цифровым трудом для производства знаний (Миролюбова, Радионова, 2021). Заинтересованность компаний в развитии ИИ отслеживается не только с помощью показателя непосредственных инвестиций в ИИ, но и опосредованно за счет оценки вложений в наем выпускников вузов, работающих в ИИ (Babina et al., 2024). Агломерационный эффект обычно проявляется в высоком сосредоточении инноваций и технологий в населенных пунктах с высокой плотностью населения (Gaspar et al., 2018), но на российских данных это не получило подтверждения (Варламова, Кадочникова, 2024).

В глобальном масштабе на уровне стран развитие ИИ обусловлено такими факторами, как интенсивное развитие рынка ИКТ, доля добавленной стоимости, создаваемой в сфере услуг, масштабное развитие Интернета и социальных сетей (Смирнов, Лукьянов, 2019). Систематизация фокуса национальных стратегий развитых стран мира по развитию ИИ позволила выделить следующие укрупненные модули: умные заводы, новые технологические компании, национальная база ИИ, НИОКР, кадры, регуляторика (Доржиева, 2022).

Если рассматривать ИИ как неотъемлемую часть, новый этап развития цифровой экономики, то следует обратить внимание на пул работ, ставящих перед собой цель определения ключевых факторов, влияющих на развитие цифровой экономики в регионах. Исследование в разрезе префектур Китая позволило сделать вывод

о влиянии дохода в городских поселениях, дохода в сельских поселениях и уровня образования населения как ключевых детерминант цифрового разрыва (Song et al., 2020). Цифровой труд и цифровой капитал выступают ключевыми факторами производства знаний в российских регионах в 2016–2018 гг. (Миролюбова, Радионова, 2021). Расширение производственной функции знаний привело к введению социально-экономических характеристик регионов, оказывающих влияние на использование организациями технологий больших данных за период 2021–2022 гг.: доли городского населения, валового регионального продукта и доли затрат на инновации (Варламова, Кадочникова, 2024). Недостаток финансирования и высокая стоимость технологий названы в ходе опроса руководителей в качестве основных сдерживающих факторов для внедрения ИИ в сельское производство (Скворцов, 2020).

В региональных исследованиях тема ИИ является новой и актуальной (Lazzeretti et al., 2023). Как отмечается учеными, в российской науке наблюдается недостаток исследований «для регионального анализа распространения и взаимодействия экономических агентов в среде искусственного интеллекта» (Блануца, 2019). Одной из возможных причин может являться становление государственного статистического учета использования организациями передовых технологий, в том числе технологий ИИ (Коровин, 2023). Кроме того, обзор научных исследований за 2001–2020 гг. по теме пространственных диффузий цифровых инноваций позволил сделать вывод о «неизученности системы факторов, способствующих или препятствующих распространению цифровых инноваций» (Блануца, 2021. С. 118).

В результате систематизации результатов эмпирических исследований была сформулирована вторая исследовательская гипотеза:

H2: В качестве детерминант использования ИИ организациями можно выделить: инфраструктуру, цифровые навыки работников организаций, экономическую конъюнктуру и инновационность региона.

Проведенный обзор позволил сделать ряд важных выводов относительно исследований в области ИИ:

- неоднородность регионов России по уровню использования цифровых технологий;
- ИИ в регионах и факторы, на него влияющие, не имеют системного характера;
- недостаток эконометрических исследований на российских данных;
- недостаток исследований на региональных данных;
- сложность оценки уровня внедрения ИИ, фокус на технологиях Интернета.

Данные и методология

Информационная база исследования представлена панельными данными по субъектам РФ за 2020–2022 гг. Данные по Архангельской и Тюменской областям рассматривались без учета входящих в них автономных округов. Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа рассматривались отдельно. В итоге объем выборки в пространственном разрезе составил $n = 85$, во временном разрезе $T = 3$, общий объем данных $N = 255$. Данные по объясняющим переменным собраны за 2019–2022 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Описание используемых данных
Table 1. Description of the data used

№	Переменная / Variable	Описание переменной / Description of the variable
Результативная переменная / Outcome variable		
1	org_ai	Доля организаций, использующих ИИ, в общем количестве обследованных организаций, % / Share of organizations using AI in the total number of surveyed organizations, %
Объясняющие переменные / Explanatory variables		
Человеческий капитал / Human capital		
2	pop	Численность населения / Number of population
3	educ	Доля занятого населения в возрасте 25–64 лет, имеющего высшее образование, в общей численности занятого населения соответствующей возрастной группы, % / Share of employed population aged 25–64 with higher education in the total number of employed population of the corresponding age group, %

Окончание табл. 1 / End of Table 1

№	Переменная / Variable	Описание переменной / Description of the variable
4	emplICT	Удельный вес занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения, % / Share of the employed in the ICT sector in the total number of employed population, %
5	active_usage	Население, использовавшее сеть Интернет каждый день или почти каждый день, % / Population using the Internet every day or almost every day, %
6	empl_comp	Доля работников организаций, использовавших ПК не реже одного раза в неделю, в общей численности списочного состава организаций, % / Share of employees using PCs at least once a week in the total number of personnel, %
7	empl_internet	Доля работников организаций, использовавших Интернет не реже одного раза в неделю, в общей численности списочного состава организаций, % / Share of employees using the Internet at least once a week in the total number of personnel, %
Инновационный потенциал / Innovative potential		
8	innov	Доля затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, % / Share of expenditures on innovation activities in the total volume of shipped goods, performed works, rendered services, %
9	innov_active	Уровень инновационной активности организаций, % / Level of innovation activity of organizations, %
Экономическая конъюнктура / Economic environment		
10	grp	ВВП на душу населения, тыс. рублей (в постоянных ценах 2016 г.) / GRP per capita, thousand rubles (in constant prices of 2016)
11	grp_growth	Индекс физического объема ВВП, в % к предыдущему году / GRP physical volume index, in % to the previous year
Ресурсная база и инфраструктура / Resources and infrastructure		
12	invICT	Объем инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение ИКТ-оборудования / Volume of investments in fixed capital aimed at purchasing ICT equipment
13	cellular	Проникновение подвижной радиотелефонной связи на 100 человек, единицы / Mobile radio telephony penetration per 100 people, units
14	internet_speed	Доля организаций, использующих доступ к сети Интернет со скоростью не менее 2 Мбит/с, в общем числе организаций, % / Share of organizations using Internet access at a speed of at least 2 Mbit/s in the total number of organizations, %
15	urban	Доля городского населения в общей численности населения, % / Share of urban population in the total population, %

Источники: 1, 4–7, 11–14 – Мониторинг, 2, 3, 8–11, 15 – «Регионы России».

Sources: 1, 4–7, 11–14 – Monitoring, 2, 3, 8–11, 15 – “Russian regions”.

Источниками данных выступила Федеральная служба государственной статистики РФ, использовалась официальная статистическая информация Мониторинга развития информационного общества в РФ (далее – Мониторинг) и сборников «Регионы России».

Для понимания сложившейся в регионах России ситуации и наметившихся тенденций изменения доли организаций, использующих технологии искусственного интеллекта, рассчитывалась доля организаций, средняя за период 2020–2022 гг., и средний коэффициент роста за аналогичный период. Полученная доля для каждого региона сравнивалась со средней долей по России в 5,7 %: регионы делились на те, в которых доля организаций, использовавших искусственный интеллект, была выше и ниже средней. Полученный средний коэффициент роста сравнивался с единицей: регионы делились на те, где коэффициент превышал единицу и наблюдался рост, и те, где коэффициент не превышал единицу и наблюдалось снижение. В результате выделено четыре группы регионов.

В методологическом плане, предполагая тесное взаимовлияние между экономическим развитием территории и использованием технологий, качеством человеческого капитала и цифровым развитием, иными словами, эндогенность, используются такие методы, как обобщенный метод наименьших квадратов для панельных данных (Grosso, 2006), двухшаговый метод наименьших квадратов (Melnik et al., 2023). Для учета

эндогенности и мультиколлинеарности исследуемых переменных предложена методология, основанная на сочетании метода главных компонент и регрессионных моделей для панельных данных.

Получение агрегированных факторов, влияющих на долю организаций, использовавших технологии искусственного интеллекта, выполнено с помощью метода главных компонент. Идея метода заключается в переходе от пространства исходных признаков $x_1, x_2, \dots, x_k$ в пространство новых признаков $f_1, f_2, \dots, f_m$, являющихся линейными комбинациями исходных. Количество новых признаков $m < k$ выбиралось из принципа сохранения не менее 60 % дисперсии исходных признаков. Интерпретация построенных главных компонент выполнялась на основе анализа матрицы факторных нагрузок, элементы которой представляют собой коэффициенты корреляции исходных и новых признаков. Для упрощения интерпретации использовалось ортогональное вращение матрицы нагрузок и матрицы значений новых признаков по методу варимакс.

Поскольку имеющаяся выборка исчерпывает исследуемую совокупность, то исследование влияния агрегированных факторов на долю организаций, использующих технологии искусственного интеллекта, осуществлялось в рамках регрессионных моделей с фиксированными эффектами (1) и (2):

$$org\_ai_{it} = \mu_i + \sum_{j=1}^m \beta_j \cdot f_{ijt} + \gamma_1 \cdot y2021_t + \gamma_2 \cdot y2022_t + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

$$org\_ai_{it} = \mu_i + \sum_{j=1}^m \beta_j \cdot f_{ijt-1} + \gamma_1 \cdot y2021_t + \gamma_2 \cdot y2022_t + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

где org_ai_{it} – доля организаций, использовавших технологии ИИ в регионе i в году t , μ_i – индивидуальный фиксированный эффект региона i , не меняется во времени, β_j – коэффициенты модели, характеризующие влияние фактора f_j на долю организаций, использовавших технологии ИИ, f_{ijt} – значение j -й главной компоненты для региона i в году t , $y2021, y2022$ – фиктивные переменные, принимающие значение 1 для наблюдений, относящихся к 2021 и 2022 гг. соответственно, γ_1, γ_2 – коэффициенты модели, характеризующие изменение доли организаций, использующих технологии ИИ, в 2021 и 2022 гг., ε_{it} – значение остаточной компоненты для региона i в году t , $i = 1, \dots, 85$, $t = 2020 - 2022$.

Фиксированные эффекты μ_i позволяют учесть ненаблюдаемые особенности регионов РФ, влияющие на долю организаций, использующих технологии искусственного интеллекта.

Расчеты проводились в профессиональных эконометрических программах *Stata, Gretl*.

Результаты

В 2020 г. в половине регионов России доля организаций, использующих технологии искусственного интеллекта, не превышала 5 %. Хотя в целом распространенность выглядит скромно (5 % – в 2020 г., 6,5 % – в 2022 г.), наметилась тенденция к росту: на 8 % в 2021 г., затем еще на 20 % в 2022 г. Лидерами по доле организаций, использовавших технологии искусственного интеллекта, в 2020 и 2021 гг. были Смоленская, Новгородская и Московская области (а также Пермский край в 2020 г.). В 2022 г. перешли порог в 10 % семь регионов РФ: Московская, Владимирская, Воронежская, Вологодская и Калужская области, республики Чечня и Адыгея. Стабильно меньше всего, менее 3 % всех организаций, использовали технологии искусственного интеллекта организации в Республике Тыва и Ненецком автономном округе (табл. 2).

Таблица 2

Описательная статистика для доли организаций, использующих ИИ за 2020–2022 гг., %

Table 2. Descriptive statistics for the share of organizations using AI (in %) in 2020–2022

Характеристика / Characteristics	Год / Year		
	2020	2021	2022
Среднее / Average	5,2	5,5	6,5
Медиана / Median	5,0	5,4	6,5
Минимум / Minimum	1,9	2,3	1,9

Окончание табл. 2 / End of Table 2

Характеристика / Characteristics	Год / Year		
	2020	2021	2022
Максимум / Maximum	12,5	11,2	12,6
Стандартное отклонение / Standard deviation	1,9	1,7	2,2
Асимметрия / Asymmetry	1,6	1,1	0,4
Экссесс / Kurtosis	3,7	2,2	0,2
<i>Проверка нормального закона распределения / Checking the normal distribution</i>			
Хи-квадрат / Chi-square	34,73***	14,16***	2,57

Примечание: в последней строке приведено значение статистики критерия хи-квадрат для проверки гипотезы о нормальном законе распределения; * – нулевая гипотеза отвергается на уровне значимости 0,1, ** – на уровне значимости 0,05, *** – на уровне значимости 0,01.

Note: the last line shows the value of the chi-square statistic for testing the normal distribution hypothesis; * – the null hypothesis is rejected at the significance level of 0.1, ** – at the significance level of 0.05, *** – at the significance level of 0.01.

Источник: расчеты авторов по данным Мониторинга развития информационного общества в РФ.

Source: authors' calculations based on the data of the Monitoring of Information Society Development in the Russian Federation.

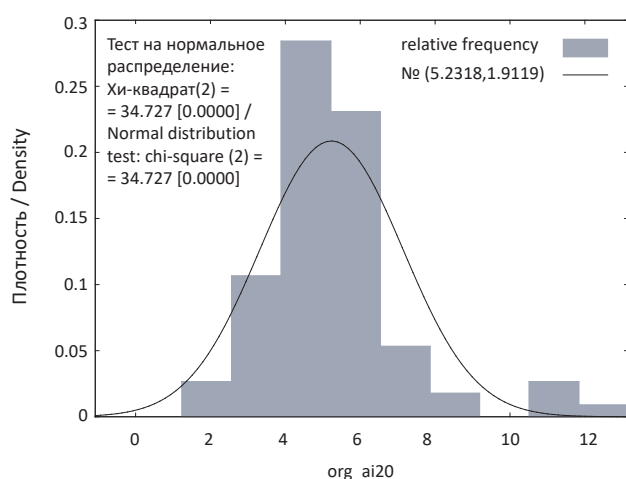
Гистограмма для исследуемого показателя в 2020 г. демонстрирует наличие разрыва и заметной группы наблюдений правее разрыва – регионов РФ с существенно более высокой долей организаций, использующих искусственный интеллект; имеет место неоднородность; гипотеза о нормальном законе распределения показателя отвергается. Гистограмма для 2021 г. демонстрирует «закрытие» разрыва – появились регионы, приблизившиеся к лидерам по доле организаций, использующих искусственный интеллект; все еще имеет место неоднородность; гипотеза о нормальном законе распределения показателя отвергается, но значение статистики хи-квадрат уменьшилось. Гистограмма для 2022 г. демонстрирует качественно иную картину: отсутствие разрывов, отсутствие групп заметно отличающихся наблюдений на каком-либо из хвостов распределения, регионы с высокой долей организаций, использующих искусственный интеллект, не выглядят чужеродными за счет того, что существенно большее число регионов «подтянулось» к ним; регионы выглядят более однородными; гипотеза о нормальном законе распределения показателя не отвергается (рис. 1).

Сложная экономическая и политическая обстановка 2020–2022 гг. отразилась на динамике изменения количества организаций, использующих ИИ: несмотря на общую тенденцию к росту, в каждом четвертом регионе РФ происходило снижение доли организаций, использующих технологии искусственного интеллекта (табл. 3). Обеспокоенность вызывают регионы-лидеры, оказавшиеся в группе снижения, – это Пермский край, Новгородская и Смоленская области. Сравнительно благоприятная ситуация с регионами в основном европейской части РФ и частью южных регионов. Снижение при невысокой стартовой точке характерно для ресурсных регионов.

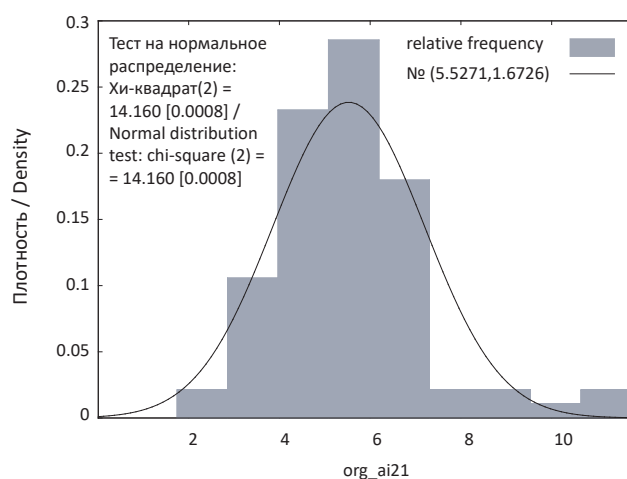
При реализации метода главных компонент для формирования агрегированных факторов принято решение оставить четыре первых главных компоненты, сохраняющих 60 % дисперсии исходных объясняющих переменных и имеющих оценки дисперсий больше единицы (табл. 4).

Первая и четвертая главные компоненты характеризуют имеющиеся в регионе возможности инфраструктуры и ресурсной базы, вторая главная компонента отвечает в большей степени за человеческий капитал, третья – за инновационный потенциал и человеческий капитал (табл. 5).

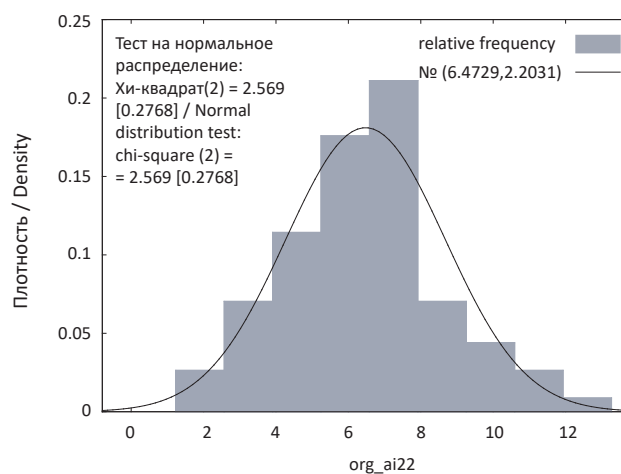
Полученные значения главных компонент для каждого региона РФ использовались в качестве объясняющих переменных в моделях регрессии для объяснения вариации доли организаций, использующих технологии искусственного интеллекта (табл. 6). Высокое значение *F*-статистики для проверки незначимости фиксированных эффектов подтверждает преимущество модели с фиксированными эффектами перед объединенной моделью регрессии, не учитывающей панельную структуру данных.

а) 2020 г.

б) 2021 г.

в) 2022 г.

Рис. 1. Гистограммы распределения доли организаций, использующих ИИ, по регионам России в 2020–2022 гг.

Источник: расчеты авторов по данным Мониторинга.

Fig. 1. Distribution of the share of organizations using AI by Russian regions in 2020–2022

Source: authors' calculations based on the data of the Monitoring of Information Society Development in the Russian Federation.

Таблица 3

Распределение регионов РФ по группам по доле организаций с ИИ и темпу ее роста
Table 3. Distribution of the Russian regions into groups by the share of organizations with AI and its growth rate

Рост/снижение / Growth/decrease	Регионы РФ / Russian regions
<i>Доля организаций, использующих ИИ, выше средней / Above average share of organizations using AI</i>	
Рост / Growth	Области: Астраханская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Мурманская, Новосибирская, Оренбургская, Псковская, Рязанская, Саратовская, Свердловская, Тамбовская, Томская, Тульская, Ярославская. Республики: Адыгея, Марий Эл, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия, Татарстан, Чеченская. Края: Краснодарский, Ставропольский. Vсero: 31 / Regions: Astrakhan, Vladimir, Vologda, Voronezh, Ivanovo, Kaluga, Kemerovo, Kirov, Kostroma, Kurgan, Leningrad, Lipetsk, Moscow, Murmansk, Novosibirsk, Orenburg, Pskov, Ryazan, Saratov, Sverdlovsk, Tambov, Tomsk, Tula, Yaroslavl. Republics: Adygea, Mari El, Karachay-Cherkessia, North Ossetia, Tatarstan, Chechen Republic. Territories: Krasnodar, Stavropol. Total: 31
Снижение / Decrease	Области: Белгородская, Новгородская, Самарская, Смоленская, Тюменская, Челябинская Республики: Ингушетия Края: Пермский Vсero: 8 / Oblasts: Belgorod, Novgorod, Samara, Smolensk, Tyumen, Chelyabinsk oblasts Republics: Ingush Territories: Perm Total: 8
<i>Доля организаций, использующих ИИ, ниже средней / Below average share of organizations using AI</i>	
Рост / Growth	Области: Амурская, Архангельская, Волгоградская, Калининградская, Курская, Магаданская, Нижегородская, Омская, Ростовская, Сахалинская, Ульяновская Республики: Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Крым, Мордовия, Тыва, Удмуртская, Чувашская. Края: Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Приморский. Автономные округа и области: Чукотский, Еврейская. Города: Севастополь, Санкт-Петербург, Москва. Vсero: 32 / Oblasts: Amur, Arkhangelsk, Volgograd, Kaliningrad, Kursk, Magadan, Nizhny Novgorod, Omsk, Rostov, Sakhalin, Ulyanovsk Republics: Altai, Bashkortostan, Buryatia, Dagestan, Kabardino-Balkaria, Kalmykia, Crimea, Mordovia, Tyva, Udmurtia, Chuvash. Territories: Zabaikalsky, Kamchatsky, Krasnoyarsky, Primorsky. Autonomous districts and regions: Chukotsky, Jewish. Cities: Sevastopol, St. Petersburg, Moscow. Total: 32
Снижение / Decrease	Области: Брянская, Иркутская, Орловская, Пензенская, Тверская. Республики: Карелия, Коми, Саха, Хакасия. Края: Алтайский, Хабаровский. Автономные округа: Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий. Vсero: 14 / Oblasts: Bryansk, Irkutsk, Orel, Penza, Tver. Republics: Karelia, Komi, Sakha, Khakassia. Territories: Altai, Khabarovsk. Autonomous regions: Nenets, Khanty-Mansiysk, Yamalo-Nenets. Total: 14

Таблица 4

Оценки дисперсий построенных главных компонент
Table 4. Estimates of variance of the constructed principal components

№ компоненты / No. of component	Оценка собственного числа/оценка дисперсии / Eigenvalue estimation/variance estimation	Доля дисперсии / Variance share	Накопленная доля дисперсии / Variance share accumulated
1	3,93	0,28	0,28
2	1,94	0,14	0,42
3	1,55	0,11	0,53
4	1,16	0,08	0,61
5	0,96	0,07	0,68
6	0,84	0,06	0,74
7	0,82	0,06	0,80
8	0,70	0,05	0,85
9	0,60	0,04	0,89
10	0,50	0,04	0,93
11	0,44	0,03	0,96
12	0,27	0,02	0,98
13	0,17	0,01	0,99
14	0,10	0,01	1,00

Таблица 5

Оценки коэффициентов корреляции построенных главных компонент и объясняющих переменных
Table 5. Estimates of correlation coefficients of constructed principal components and explanatory variables

Объясняющая переменная / Explanatory variable	Главная компонента / Principal component			
	f_1	f_2	f_3	f_4
pop	0,37	0,16	-0,03	0,23
educ	0,14	0,10	0,39	0,22
emplICT	0,33	0,04	-0,23	0,02
active_usage	0,02	0,23	0,54	0,04
empl_comp	-0,01	0,59	0,01	-0,11
empl_internet	0,02	0,58	0,10	-0,08
innov	0,14	0,11	-0,35	0,20
innov_active	0,17	0,11	-0,44	0,01
invICT	0,35	0,18	0,13	0,17
cellular	0,47	-0,03	-0,03	-0,06
urban	0,45	-0,12	-0,02	-0,20
internet_speed	0,07	0,14	-0,07	-0,59
grp	0,36	-0,37	0,38	-0,14
grp_growth	0,00	-0,02	-0,05	0,64

Таблица 6

Результаты оценивания моделей (результативная переменная – доля организаций, использующих технологии искусственного интеллекта)

Table 6. Results of model evaluation (outcome variable – share of organizations using artificial intelligence technologies)

Объясняющий фактор / Explanatory factor	Модель (1): текущие значения факторов / Model (1): current factor values	Модель (2): лаговые значения факторов / Model (2): lag factor values
const	6,018*** (0,249)	6,373*** (0,198)
f1	0,287 (0,200)	0,810 (0,545)
f2	0,253 (0,226)	–0,114 (0,191)
f3	0,518** (0,257)	0,881*** (0,226)
f4	–0,091 (0,120)	–0,006 (0,142)
year21	–0,815** (0,392)	–0,781* (0,411)
year22	–0,592** (0,238)	–0,690** (0,338)
<i>Характеристики модели / Model characteristics</i>		
Количество наблюдений / Number of observations	255	255
LSDV R2	0,759	0,761
R-within	0,251	0,258
Доля вариации, обусловленная фиксированными эффектами регионов / Share of variation due to fixed effects of regions	0,722	0,814
F-статистика для проверки незначимости фиксированных эффектов / F-statistics for testing the insignificance of fixed effects	44,347***	8,752***

Примечание: * – значим на уровне 0,1, ** – значим на уровне 0,05, *** – значим на уровне 0,01.

Note: * – significant at 0.1, ** – significant at 0.05, *** – significant at 0.01.

Результаты оценивания моделей подтверждают необходимость включения переменных, учитывающих экономические шоки 2020–2022 гг.: в обеих моделях коэффициенты при соответствующих переменных значимы. Коэффициенты имеют отрицательные знаки, означающие, что при прочих равных условиях сложившаяся конъюнктура указанных лет замедлила рост доли организаций, использующих технологии искусственного интеллекта.

Значимым фактором, влияющим на долю организаций, использующих технологии искусственного интеллекта, является третья главная компонента, отвечающая за инновационный потенциал и человеческий капитал. Уровень образования населения и навыки активного использования цифровых технологий способствуют росту вовлеченности организаций в использование технологий ИИ. Кроме того, экономически более развитые регионы создают ресурсную базу для развития и более активного применения ИИ. Инновационная активность входит в третью главную компоненту с отрицательным знаком, что связано со снижением инновационной активности в регионах в период 2020–2022 гг., особенно в регионах европейской части РФ, в наибольшей степени демонстрировавших рост использования технологий искусственного интеллекта.

Построенные модели объясняют 25 % вариаций доли организаций, использующих технологии искусственного интеллекта, вариацией рассматриваемых в исследовании переменных, существенная доля вариации приходится на специфические особенности российских регионов.

Обсуждение

Общая ситуация с использованием организациями ИИ в России выглядит следующим образом. Можно констатировать этап становления экономики данных, поскольку медианное значение доли организаций составляло 5–6,5 %. Тем не менее тенденция к росту медианного значения в целом свидетельствует о положительном тренде к росту распространенности использования исследуемой цифровой технологии, несмотря на сложную экономическую ситуацию в период пандемии 2020–2021 гг. и международных санкций 2022 г. Следовательно, в перспективе тенденция к вовлеченности организаций в использование технологий ИИ продолжится, что соответствует целям стратегического развития мира и России в частности.

События 2022 г. внесли свои коррективы в распределение регионов по доле организаций, использующих ИИ: в этот период произошло сокращение существенного разрыва между регионами-лидерами и остальными регионами. Сближение регионов происходило на основе двух процессов. Во-первых, проведенные расчеты показали, что, несмотря на общую тенденцию к росту распространенности использования ИИ, в четверти регионов наблюдалось их активное снижение – произошло замедление развития лидеров. Во-вторых, сближение происходило за счет «подтягивания» регионов с низкой вовлеченностью организаций в использование ИИ-технологий. Полученный вывод согласуется с положениями теории диффузии технологий (Comin et al., 2012). Следовательно, можно сделать вывод о все большем распространении данной технологии в бизнес-процессах в целом по стране и повышению однородности по использованию ИИ среди регионов России в период сложной экономической обстановки.

Отрицательное влияние пандемии и геополитической ситуации 2022 г. также прослеживается в результатах моделирования: оба временных периода приводят к снижению доли организаций, использующих ИИ. Тем не менее в совокупности с предыдущим выводом о тенденции к увеличению распространенности использования исследуемой цифровой технологии, мы можем сделать вывод о росте использования ИИ вопреки экономическим шокам. Тенденция роста распространенности использования цифровых технологий сильнее, чем отрицательное влияние сдерживающих макроэкономических факторов.

Среди ключевых факторов, оказывающих влияние на долю организаций, использующих ИИ, статистически обоснована совокупность характеристик регионов, объединенных в третью компоненту: ВРП на душу населения, доля занятого населения с высшим образованием, активное использование населением Интернета, инновационная активность предприятий и доля затрат на инновационную деятельность. Полученные выводы частично совпадают с результатами исследования Бабиной и соавторов: ИИ сконцентрирован в тех регионах, где располагается крупный бизнес и сконцентрировано производство (Babina et al., 2024), т. е. в регионах с высоким уровнем экономического развития. Кроме того, эконометрически обосновано наличие временного лага во влиянии, что согласуется с выводами исследований других ученых (Mihet & Philippon, 2019; Brynjolfsson et al., 2019).

Заключение

Проведенное исследование было направлено на характеристику текущего состояния использования организациями технологий ИИ в разрезе регионов России и определение ключевых факторов, оказывающих влияние на распространенность использования этих технологий.

В результате исследования гипотеза о неоднородности регионов по использованию организациями ИИ подтвердилась частично. С одной стороны, сделан вывод о сокращении разрыва между регионами-лидерами и остальными регионами в 2022 г. и распределении числа организаций в соответствии с нормальным законом. Таким образом, геополитическая ситуация 2022 г. способствовала сближению регионов по использованию ИИ, но цифровое неравенство между регионами сохранилось. На наш взгляд, одной из возможных причин подобного сближения может быть переориентация компаний с зарубежных технологий на отечественные, что способствовало диффузии цифровых технологий в рамках национальной экономики. Кроме того, часть регионов изначально стартовала с низких значений распространения ИИ, что на фоне снижения показателей у регионов-лидеров выглядело как сближение регионов. С другой стороны, значимые фиксированные эффекты регионов в регрессионной модели на панельных данных и высокая доля дисперсии, обусловленная именно

фиксированными эффектами, являются отражением специфических особенностей российских регионов в использовании технологий ИИ.

Среди детерминант, выделенных на основе обзора теоретических и эмпирических исследований, проведенных в области распространения цифровых технологий, получили эмпирическое подтверждение на данных российских регионов в 2020–2022 гг. факторы, характеризующие человеческий капитал и навыки использования цифровых технологий региона в целом, уровень экономического развития региона, его инновационный потенциал. Таким образом, можно сделать вывод о частичном подтверждении выдвинутой гипотезы в части приоритетного воздействия накопленного потенциала региона для активного внедрения технологий ИИ.

С точки зрения практических рекомендаций, продиктованных полученными выводами, можно предложить следующее.

Во-первых, с точки зрения статистического учета необходимо ввести в анкету федерального статистического наблюдения № 1-ИТ по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей дополнительные вопросы по использованию ИИ населением, что будет отражать распространенность технологий ИИ не только среди организаций, но и среди домохозяйств, активное использование цифровых технологий которых определяет заинтересованность бизнеса во внедрении соответствующих технологий.

Во-вторых, сокращению неравенства среди регионов по использованию организациями технологий ИИ способствует увеличение доступности цифровых технологий при помощи субсидируемых и государственных программ цифровизации бизнеса с использованием типовых технологических решений (Audretsch et al., 2022). Подобные решения позволяют снизить зависимость распространенности ИИ от уровня экономического развития региона и использовать ИИ большему кругу организаций.

В-третьих, региональные экономики представляют собой уникальные экосистемы, учет специфических характеристик которых позволит предложить индивидуальные траектории развития экономики данных и распространения передовых технологий.

В-четвертых, тренд на рост вовлеченности организаций в использование ИИ в период макрошоков и высокой неопределенности свидетельствует в пользу дальнейших перспектив по активному наращиванию применения данной технологии.

Ограничением исследования является короткий период наблюдения. Кроме того, период наблюдения включал в себя кризисный период 2020–2021 гг., в который произошла эпидемия COVID-19, кардинально изменившая экономическую ситуацию, и 2022 г., на который пришелся разрыв многих технологических цепочек, наложение санкций, в том числе в сфере ИТ. Указанные особенности годов частично учитывались в модели за счет введения временных дамми-переменных.

Переменные, измеряющие долю работников организаций, использовавших персональные компьютеры или Интернет не реже одного раза в неделю, вероятно, не в полной мере характеризуют человеческий капитал в сфере информационных технологий, тем более в сфере таких продвинутых информационных технологий, как искусственный интеллект. Необходимо собирать информацию, позволяющую различать сотрудников организаций по их навыкам.

В качестве результативной переменной в исследовании бралась доля организаций, использовавших технологии искусственного интеллекта, т. е. переменная, которая по своему содержанию принимает значения только из промежутка от 0 до 1 (от 0 до 100 %). Прогнозные значения доли по линейной модели регрессии, которая использовалась в работе, теоретически могут выходить за указанный интервал. Однако с учетом того, что в исследуемом периоде число организаций, использующих технологии искусственного интеллекта, было крайне невелико (ни в одном регионе не превышало 15 %), то выхода прогнозных значений доли за указанный интервал не произошло и применение линейной модели регрессии представляется допустимым.

Панельная структура исходных данных позволяла учитывать неоднородность российских регионов за счет введения в оцениваемую модель индивидуальных фиксированных эффектов. Вместе с тем на распространение технологических новаций, в первую очередь технологий искусственного интеллекта, в настоящее время может оказывать влияние взаимное расположение регионов, когда на территории страны образуются технологические кластеры. Учет данного фактора возможен при использовании пространственных эконометрических моделей.

Список литературы

- Акбердина, В. В., Наумов, И. В., Красных, С. С. (2023). Цифровое пространство регионов Российской Федерации: оценка факторов развития и взаимного влияния на социально-экономический рост. *Journal of Applied Economic Research*, 22(2), 294–322. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.2.013>
- Архипова, М. Ю., Сиротин, В. П. (2019). Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России. *Экономика региона*, 15(3), 670–683. <https://doi.org/10.17059/2019-3-4>
- Блануца, В. И. (2019). Цифровая экономика России на основе искусственного интеллекта: перспективные направления региональных исследований. *Экономика и бизнес: теория и практика*, 11-1(57), 62–67. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11294>
- Блануца, В. И. (2020). Стратегия развития искусственного интеллекта в России: потенциальное воздействие на региональную экономику. *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 9(4), 61–66. <http://doi.org/10.26140/anie-2020-0904-0013>
- Блануца, В. И. (2021). Пространственная диффузия цифровых инноваций: тренды, проблемы и перспективы эмпирических исследований. *Пространственная экономика*, 17(4), 118–142. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.4.118-142>
- Варламова, Ю. А., Кадочникова, Е. И. (2024). Детерминанты использования организациями технологий больших данных в российских регионах. *Journal of Applied Economic Research*, 23(2), 422–451. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2024.23.2.017>
- Деревцова, И. В., Внукова, Я. А., Головащенко, Е. А., Денисевич, Д. Д. (2021). Проблема цифрового неравенства регионов России как угроза экономической безопасности. *Baikal Research Journal*, 12(2), 20. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12\(2\).20](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12(2).20)
- Доржиева, В. В. (2022). Национальные приоритеты развития промышленного искусственного интеллекта в условиях новых технологических вызовов. *Вопросы инновационной экономики*, 12(1), 111–122. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114205>
- Земцов, С. П., Бабурин, В. Л. (2017). Моделирование диффузии инноваций и типология регионов России на примере сотовой связи. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 4, 17–30. <https://doi.org/10.7868/s0373244417100024>
- Земцов, С. П., Демидова, К. В., Кичаев, Д. Ю. (2022). Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии. *Балтийский регион*, 14(4), 57–78. <http://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4>
- Имашева, И. Ю., Крамин, Т. В. (2022). Цифровое неравенство: модернизация кривой Кузнец в цифровую эпоху. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 716–727. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.716-727>
- Кадочникова, Е. И. (2020). Конвергенция экономического роста и цифровизация домохозяйств: пространственный анализ взаимосвязи на региональных панельных данных. *Актуальные проблемы экономики и права*, 14(3), 487–507. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.487-507>
- Коровин, Г. Б. (2023). Сравнительная оценка цифровизации промышленных регионов РФ. *Экономика региона*, 19(1), 60–74. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-5>
- Лаврикова, Ю. Г., Бодрунов, С. Д., Акбердина, В. В., Коровин, Г. Б. (2024). Цифровая трансформация экономики: особенности индустриально развитых регионов. *Экономическое возрождение России*, 1(79), 5–24. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2024-1-79-5-24>
- Миролюбова, Т. В., Радионова, М. В. (2021). Оценка влияния факторов цифровой трансформации на региональный экономический рост. *Регионоведение*, 29(3), 486–510. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510>
- Наумов, И. В., Дубровская, Ю. В., Козоногова, Е. В. (2020). Цифровизация промышленного производства в регионах России: пространственные взаимосвязи. *Экономика региона*, 16(3), 896–910. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-17>
- Розанова, Н. М. (2023). Индустрия 5.0: золотой век или прыжок в темноту? *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 6, 61–77. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_61_77
- Скворцов, Е. А. (2020). Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в сельском хозяйстве региона. *Экономика региона*, 16(2), 563–576. <http://doi.org/10.17059/2020-2-17>
- Смирнов, Е. Н., Лукьянов, С. А. (2019). Формирование и развитие глобального рынка систем искусственного интеллекта. *Экономика региона*, 15(1), 57–69. <http://doi.org/10.17059/2019-1-5>
- Трофимов, В. В. (2019). Искусственный интеллект в цифровой экономике. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, 4, 105–109. EDN: HJHGQL
- Фомина, А. Н. (2022). Проблемы и перспективы развития рынка искусственного интеллекта в России. *Вопросы инновационной экономики*, 12(2), 1051–1068. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114607>
- Abis, S., & Veldkamp, L. (2024). The changing economics of knowledge production. *The Review of Financial Studies*, 37(1), 89–118. <https://doi.org/10.1093/rfs/hhad059>
- Acemoglu, D., & Restrepo, P. (2018). Artificial intelligence, automation, and work. In A. Agrawal, J. Gans, A. Goldfarb (Eds.), *The Economics of Artificial Intelligence: an Agenda* (pp. 197–236). University of Chicago Press, <https://doi.org/10.3386/W24196>

- Audretsch, D., Belitski, M., Rejeb, N., & Caiazza, R. (Eds.). (2022). *Developments in Entrepreneurial Finance and Technology*. Edward Elgar Publishing. <http://dx.doi.org/10.4337/9781800884342>
- Babina, T., Fedyk, A., He, A., & Hodson, J. (2024). Artificial intelligence, firm growth, and product innovation. *Journal of Financial Economics*, 151, 103745. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2023.103745>
- Beilock, R., & Dimitrova, D. V. (2003). An exploratory model of inter-country Internet diffusion. *Telecommunications policy*, 27(3–4), 237–252. [https://doi.org/10.1016/S0308-5961\(02\)00100-3](https://doi.org/10.1016/S0308-5961(02)00100-3)
- Besiroglu, T., Emery-Xu, N., & Thompson, N. (2024). Economic impacts of AI-augmented R&D. *Research Policy*, 53(7), 105037. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2024.105037>
- Brynjolfsson, E., Rock, D., & Syverson, C. (2019). Artificial Intelligence and the Modern Productivity Paradox: A Clash of Expectations and Statistics. A. Agrawal, J. Gans, A. Goldfarb (Eds.), *The Economics of Artificial Intelligence: an Agenda*. University of Chicago Press, <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226613475.003.0001>
- Buarque, B. S., Davis, R. B., Hynes, R. M., & Kogler, D. F. (2020). OK Computer: the creation and integration of AI in Europe. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 13(1), 175–192. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsz023>
- Cheng, K., Jin, Z., & Wu, G. (2024). Unveiling the role of artificial intelligence in influencing enterprise environmental performance: Evidence from China. *Journal of Cleaner Production*, 440, 140934. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2024.140934>
- Comin, D. A., Dmitriev, M., & Rossi-Hansberg, E. (2012). The spatial diffusion of technology. *National Bureau of Economic Research*, w18534. <https://doi.org/10.3386/w18534>
- Eisfeldt, A. L., Schubert, G., & Zhang, M. B. (2023). Generative AI and firm values. In *National Bureau of Economic Research*, w31222. <https://doi.org/10.3386/w31222>
- Enholm, I. M., Papagiannidis, E., Mikalef, P., & Krogstie, J. (2022). Artificial intelligence and business value: A literature review. *Information Systems Frontiers*, 24(5), 1709–1734. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10186-w>
- Freeman, Ch. (1987). *Technology, policy and economic performance: lessons from Japan*. Pinter Publishers.
- Gaspar, J. M., Castro, S. B. S. D., & Correia-da-Silva, J. (2018). Agglomeration patterns in a multi-regional economy without income effects. *Economic Theory*, 66(4), 863–899. <https://doi.org/10.1007/s00199-017-1065-9>
- Gonzales, J. T. (2023). Implications of AI innovation on economic growth: a panel data study. *Journal of Economic Structures*, 12(1), 13. <https://doi.org/10.1186/s40008-023-00307-w>
- Gornig, M., & Schiersch, A. (2024). Agglomeration economies: different effects on TFP in high-tech and low-tech industries. *Regional Studies*, 1–12. <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2318454>
- Grashof, N., & Kopka, A. (2023). Artificial intelligence and radical innovation: an opportunity for all companies? *Small Business Economics*, 61(2), 771–797. <https://doi.org/10.1007/s11187-022-00698-3>
- Grosso, M. (2006). Determinants of broadband penetration in OECD nations. *Australian Communications Policy and Research Forum*, 1–31.
- Hagerstrand, T. (1967). *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago.
- Jessen, S. (2023). *Technological change and regional inequalities: Spatial diffusion of Artificial Intelligence across Danish regions*. Aalborg Universitetsforlag. <https://doi.org/10.54337/aaug687403957>
- Kitsara, I. (2022). Artificial Intelligence and the Digital Divide: From an Innovation Perspective. In A. Bounfour (Ed.), *Platforms and Artificial Intelligence*. Progress in IS (pp. 245–265). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-90192-9_12
- Kravchenko, N., Goryushkin, A., Ivanova, A., Khalimova, S., Kuznetsova, S., & Yusupova, A. (2017). Determinants of growth of small high-tech companies in transition economies. *Model Assisted Statistics and Applications*, 12(4), 399–412. <https://doi.org/10.3233/MAS-170407>
- Lazzeretti, L., Innocenti, N., Nannelli, M., & Oliva, S. (2023). The emergence of artificial intelligence in the regional sciences: a literature review. *European Planning Studies*, 31(7), 1304–1324. <https://doi.org/10.1080/09654313.2022.2101880>
- Loureiro, S. M. C., Guerreiro, J., & Tussyadiah, I. (2021). Artificial intelligence in business: State of the art and future research agenda. *Journal of Business Research*, 129, 911–926. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.11.001>
- Lundvall, B.-A. (2016). *The learning economy and the economics of hope* (Vol. 242). London; New York, NY: Anthem Press.
- Makridakis, S. (2017). The forthcoming Artificial Intelligence (AI) revolution: Its impact on society and firms. *Futures*, 90, 46–60. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.03.006>
- Melnik, A., Naumova, I., & Ermolaev, K. (2023). Adapting Innovation Development Management Processes to Improve Energy Efficiency and Achieve Decarbonization Goals. *Foresight and STI Governance*, 17(1), 51–66. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2023.1.51.66>
- Mihet, R., & Philippon, Th. (2019). The Economics of Big Data and Artificial Intelligence. In J. J. Choi, & B. Ozkan (Eds.). *Disruptive Innovation in Business and Finance in the Digital World (International Finance Review)*, 20, 29–43. <https://doi.org/10.1108/S1569-376720190000020006>
- Rammer, C., Fernández, G. P., & Czarnitzki, D. (2022). Artificial intelligence and industrial innovation: Evidence from German firm-level data. *Research Policy*, 51(7). <https://doi.org/10.1016/j.respol.2022.104555>
- Rogers, E. (2003). *Diffusion of innovations* (5th ed.). Tampa, FL: Free Press.
- Sestino, A., Kahlawi, A., & De Mauro, A. (2023). Decoding the data economy: a literature review of its impact on business, society and digital transformation. *European Journal of Innovation Management*. Vol. ahead-of-print No. ahead-of-print. <https://doi.org/10.1108/EJIM-01-2023-0078>

- Singh, R., Kumar, K., & Khan, S. (2024). A Comprehensive View of Artificial Intelligence (AI) – Based Technologies for Sustainable Development Goals (SDGs). In R. Singh, S. Khan, A. Kumar, & V. Kumar (Eds.). *Artificial Intelligence Enabled Management: An Emerging Economy* (Chapter 12, pp. 183–196). Berlin, Boston: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783111172408-012>
- Song, Z., Wang, C., & Bergmann, L. (2020). China's prefectural digital divide: Spatial analysis and multivariate determinants of ICT diffusion. *International Journal of Information Management*, 52, 102072. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102072>
- Varlamova, J., & Kadochnikova, E. (2023). Modeling the Spatial Effects of Digital Data Economy on Regional Economic Growth: SAR, SEM and SAC Models. *Mathematics*, 11(16), 3516. <https://doi.org/10.3390/math11163516>
- Wang, X., He, T., Wang, S., & Zhao, H. (2024). The Impact of Artificial Intelligence on Economic Growth From the Perspective of Population External System. *Social Science Computer Review*, 08944393241246100. <https://doi.org/10.1177/08944393241246100>
- Westerlund, M. (2019). The emergence of deepfake technology: A review. *Technology Innovation Management Review*, 9(11), 40–53. <http://doi.org/10.22215/timreview/1282>
- Xiao, J., & Boschma, R. (2023). The emergence of artificial intelligence in European regions: the role of a local ICT base. *The Annals of Regional Science*, 71(3), 747–773. <https://doi.org/10.1007/s00168-022-01181-3>

References

- Abis, S., & Veldkamp, L. (2024). The changing economics of knowledge production. *The Review of Financial Studies*, 37(1), 89–118. <https://doi.org/10.1093/rfs/hhad059>
- Acemoglu, D., & Restrepo, P. (2018). Artificial intelligence, automation, and work. In A. Agrawal, J. Gans, A. Goldfarb (Eds.), *The Economics of Artificial Intelligence: an Agenda* (pp. 197–236). University of Chicago Press, <https://doi.org/10.3386/W24196>
- Akberdina, V. V., Naumov, I. V., & Krasnykh, S. S. (2023). Digital Space of Regions: Assessment of Development Factors and Influence on Socio-Economic Growth. *Journal of Applied Economic Research*, 22, 2, 294–322 (In Russ.). <https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.2.013>
- Arkhipova, M. Yu., & Sirotin, V. P. (2019). Development of digital technologies in Russia: regional aspects. *Economy of Region*, 15(3), 670–683. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/2019-3-4>
- Audretsch, D., Belitski, M., Rejeb, N., & Caiazza, R. (Eds.). (2022). *Developments in Entrepreneurial Finance and Technology*. Edward Elgar Publishing. <http://dx.doi.org/10.4337/9781800884342>
- Babina, T., Fedyk, A., He, A., & Hodson, J. (2024). Artificial intelligence, firm growth, and product innovation. *Journal of Financial Economics*, 151, 103745 <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2023.103745>
- Beilock, R., & Dimitrova, D. V. (2003). An exploratory model of inter-country Internet diffusion. *Telecommunications policy*, 27(3–4), 237–252. [https://doi.org/10.1016/S0308-5961\(02\)00100-3](https://doi.org/10.1016/S0308-5961(02)00100-3)
- Besiroglu, T., Emery-Xu, N., & Thompson, N. (2024). Economic impacts of AI-augmented R&D. *Research Policy*, 53(7), 105037. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2024.105037>
- Blanutsa, V. I. (2019). Digital economy of Russia based on artificial intelligence: perspective directions of regional research. *Journal of Economy and Business*, 11-1(57), 62–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11294>
- Blanutsa, V. I. (2021). Spatial diffusion of digital innovations: trends, problems and prospects of empirical research. *Spatial Economics*, 17(4), 118–142. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.4.118-142>
- Blanutsa, V. I. (2020). Artificial intelligence development strategy in Russia: potencial impact on the regional economy. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 9(4), 61–66. (In Russ.). <http://doi.org/10.26140/anie-2020-0904-0013>
- Brynjolfsson, E., Rock, D., & Syverson, C. (2019). Artificial Intelligence and the Modern Productivity Paradox: A Clash of Expectations and Statistics. A. Agrawal, J. Gans, A. Goldfarb (Eds.), *The Economics of Artificial Intelligence: an Agenda*. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226613475.003.0001>
- Buarque, B. S., Davis, R. B., Hynes, R. M., & Kogler, D. F. (2020). OK Computer: the creation and integration of AI in Europe. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 13(1), 175–192. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsz023>
- Cheng, K., Jin, Z., & Wu, G. (2024). Unveiling the role of artificial intelligence in influencing enterprise environmental performance: Evidence from China. *Journal of Cleaner Production*, 440, 140934. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2024.140934>
- Comin, D. A., Dmitriev, M., & Rossi-Hansberg, E. (2012). The spatial diffusion of technology. *National Bureau of Economic Research*, w18534. <https://doi.org/10.3386/w18534>
- Derevtsova, I. V., Vnukova, Ya. A., Golovashchenko, E. A., & Denisevich, D. D. (2021). The problem of digital inequality in the regions of Russia as a threat to economic security. *Baikal Research Journal*, 12(2). (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12\(2\).20](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12(2).20)
- Dorzhieva, V. V. (2022). National priorities for the development of industrial artificial intelligence amidst new technological challenges. *Russian Journal of Innovation Economics*, 12(1), 111–122 (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114205>
- Eisfeldt, A. L., Schubert, G., & Zhang, M. B. (2023). Generative AI and firm values. In *National Bureau of Economic Research*, w31222. <https://doi.org/10.3386/w31222>

- Enholm, I. M., Papagiannidis, E., Mikalef, P., & Krogstie, J. (2022). Artificial intelligence and business value: A literature review. *Information Systems Frontiers*, 24(5), 1709–1734. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10186-w>
- Fomina, A. N. (2022) Challenges and development trends of the artificial intelligence market in Russia. *Voprosy Innovatsionnoy Ekonomiki*, 12(2), 1051–1068. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114607>
- Freeman, Ch. (1987). *Technology, policy and economic performance: lessons from Japan*. Pinter Publishers.
- Gaspar, J. M., Castro, S. B. S. D., & Correia-da-Silva, J. (2018). Agglomeration patterns in a multi-regional economy without income effects. *Economic Theory*, 66(4), 863–899. <https://doi.org/10.1007/s00199-017-1065-9>
- Gonzales, J. T. (2023). Implications of AI innovation on economic growth: a panel data study. *Journal of Economic Structures*, 12(1), 13. <https://doi.org/10.1186/s40008-023-00307-w>
- Gornig, M., & Schiersch, A. (2024). Agglomeration economies: different effects on TFP in high-tech and low-tech industries. *Regional Studies*, 1–12. <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2318454>
- Grashof, N., & Kopka, A. (2023). Artificial intelligence and radical innovation: an opportunity for all companies? *Small business economics*, 61(2), 771–797. <https://doi.org/10.1007/s11187-022-00698-3>
- Grosso, M. (2006). Determinants of broadband penetration in OECD nations. *Australian Communications Policy and Research Forum*, 1–31.
- Hagerstrand, T. (1967). *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago, 334 p.
- Imasheva, I. Yu., & Kramin, T. V. (2022). Digital inequality: modernization of Kuznets curve in the digital era. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 716–727. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.716-727>
- Jessen, S. (2023). *Technological change and regional inequalities: Spatial diffusion of Artificial Intelligence across Danish regions*. Aalborg Universitetsforlag. <https://doi.org/10.54337/aaug687403957>
- Kadochnikova, E. I. (2020). Convergence of economic growth and digitalization of households: spatial analysis of interrelation with regional panel data. *Actual Problems of Economics and Law*, 14(3), 487–507. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.487-507>
- Kitsara, I. (2022). Artificial Intelligence and the Digital Divide: From an Innovation Perspective. In A. Bounfour (Ed.), *Platforms and Artificial Intelligence. Progress in IS* (pp. 245–265). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-90192-9_12
- Korovin, G. B. (2023). Comparative Assessment of Digitalisation in Russian Industrial Regions. *Economy of Regions*, 19(1), 60–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-5>
- Kravchenko, N., Goryushkin, A., Ivanova, A., Khalimova, S., Kuznetsova, S., & Yusupova, A. (2017). Determinants of growth of small high-tech companies in transition economies. *Model Assisted Statistics and Applications*, 12(4), 399–412. <https://doi.org/10.3233/MAS-170407>
- Lavrikova, Yu. G., Bodrunov, S. D., Akberdina, V. V., & Korovin, G. B. (2024). Digital Transformation of the Economy: Peculiarities of Industrialized Regions. *Economic Revival of Russia*, 1(79), 5–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2024-1-79-5-24>
- Lazzeretti, L., Innocenti, N., Nannelli, M., & Oliva, S. (2023). The emergence of artificial intelligence in the regional sciences: a literature review. *European Planning Studies*, 31(7), 1304–1324. <https://doi.org/10.1080/09654313.2022.2101880>
- Loureiro, S. M. C., Guerreiro, J., & Tussyadiah, I. (2021). Artificial intelligence in business: State of the art and future research agenda. *Journal of Business Research*, 129, 911–926. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.11.001>
- Lundvall, B.-A. (2016). *The learning economy and the economics of hope* (Vol. 242). London; New York, NY: Anthem Press.
- Makridakis, S. (2017). The forthcoming Artificial Intelligence (AI) revolution: Its impact on society and firms. *Futures*, 90, 46–60. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.03.006>
- Melnik, A., Naoumova, I., & Ermolaev, K. (2023). Adapting Innovation Development Management Processes to Improve Energy Efficiency and Achieve Decarbonization Goals. *Foresight and STI Governance*, 17(1), 51–66. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2023.1.51.66>
- Mihet, R., & Philippon, Th. (2019). The Economics of Big Data and Artificial Intelligence. In J. J. Choi, & B. Ozkan (Eds.). *Disruptive Innovation in Business and Finance in the Digital World (International Finance Review)*, 20, 29–43. <https://doi.org/10.1108/S1569-376720190000020006>
- Mirolubova, T. V., & Radionova, M. V. (2021). Assessing the Impact of the Factors in the Digital Transformation on the Regional Economic Growth. *Russian Journal of Regional Studies (Regionology)*, 29(3), 486–510. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510>
- Naumov, I. V., Dubrovskaya, J. V., & Kozonogova, E. V. (2020). Digitalisation of Industrial Production in the Russian Regions: Spatial Relationships. *Economy of Region*, 16(3), 896–910. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-17>
- Rammer, C., Fernández, G. P., & Czarnitzki, D. (2022). Artificial intelligence and industrial innovation: Evidence from German firm-level data. *Research Policy*, 51(7). <https://doi.org/10.1016/j.respol.2022.104555>
- Rogers, E. (2003). *Diffusion of innovations* (5th ed.). Tampa, FL: Free Press.
- Rožanova, N. M. (2023). Industry 5.0: a golden age or a leap into the dark? *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*, 6, 61–77. (In Russ.). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_61_77
- Sestino, A., Kahlawi, A., & De Mauro, A. (2023). Decoding the data economy: a literature review of its impact on business, society and digital transformation. *European Journal of Innovation Management*. Vol. ahead-of-print No. ahead-of-print. <https://doi.org/10.1108/EJIM-01-2023-0078>

- Singh, R., Kumar, K., & Khan, S. (2024). A Comprehensive View of Artificial Intelligence (AI) – Based Technologies for Sustainable Development Goals (SDGs). In R. Singh, S. Khan, A. Kumar, & V. Kumar (Eds.). *Artificial Intelligence Enabled Management: An Emerging Economy* (Chapter 12, pp. 183–196). Berlin, Boston: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783111172408-012>
- Skvortsov, E. A. (2020). Prospects of Applying Artificial Intelligence Technologies in Regional Agriculture. *Economy of Region*, 16(2), 563–576. (In Russ.). <http://doi.org/10.17059/2020-2-17>
- Smirnov, E. G., & Lukyanov, S. A. (2019). Development of the Global Market of Artificial Intelligence Systems. *Economy of Region*, 15(1), 57–69. (In Russ.). <http://doi.org/10.17059/2019-1-5>
- Song, Z., Wang, C., & Bergmann, L. (2020). China's prefectural digital divide: Spatial analysis and multivariate determinants of ICT diffusion. *International Journal of Information Management*, 52, 102072. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102072>
- Trofimov, V. V. (2019). Artificial intelligence in the digital economy. *Izvestija Sankt-Peterburgskogo Ekonomicheskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 4, 105–109. (In Russ.).
- Varlamova, J. A., & Kadochnikova, E. I. (2024). Determinants of the use of Big Data technologies by organizations in Russian regions. *Journal of Applied Economic Research*, 23(2), 422–451. (In Russ.). <https://doi.org/10.15826/vestnik.2024.23.2.017>
- Varlamova, J., & Kadochnikova, E. (2023). Modeling the Spatial Effects of Digital Data Economy on Regional Economic Growth: SAR, SEM and SAC Models. *Mathematics*, 11(16), 3516. <https://doi.org/10.3390/math11163516>
- Wang, X., He, T., Wang, S., & Zhao, H. (2024). The Impact of Artificial Intelligence on Economic Growth From the Perspective of Population External System. *Social Science Computer Review*, 08944393241246100. <https://doi.org/10.1177/08944393241246100>
- Westerlund, M. (2019). The emergence of deepfake technology: A review. *Technology Innovation Management Review*, 9(11), 40–53. <http://doi.org/10.22215/timreview/1282>
- Xiao, J., & Boschma, R. (2023). The emergence of artificial intelligence in European regions: the role of a local ICT base. *The Annals of Regional Science*, 71(3), 747–773. <https://doi.org/10.1007/s00168-022-01181-3>
- Zemtsov, S. P., & Baburin, V. L. (2017). Modeling of diffusion of innovation and typology of Russian regions: a case study of cellular communication. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 4, 17–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/s0373244417100024>
- Zemtsov, S. P., Demidova, K. V., & Kichaev, D. Yu. (2022). Internet diffusion and interregional digital divide in Russia: trends, factors, and the influence of the pandemic. *Baltic Region*, 14(4), 57–78. (In Russ.). <http://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4>

Вклад авторов

Оба автора внесли равный вклад в написание статьи на всех этапах исследования.

The author's contributions

Both authors contributed equally into writing the paper at all stages of the research.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 05.07.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 25.08.2024

Дата принятия в печать / Accepted 25.08.2024

Научная статья

УДК 336.5:338.2

JEL: H5, E6, O1, O3

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.663-685>

Е. А. Капогузов¹,

В. А. Гордеев¹,

А. М. Пахалов¹

¹ *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

Субсидирование как инструмент обеспечения экономического суверенитета: количественный анализ

Контактное лицо:

Капогузов Евгений Алексеевич, доктор экономических наук, заведующий учебно-научной лабораторией изучения экономик стран БРИКС, экономический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: egenk@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8083-5654>

Web of Science Researcher ID: O-5278-2017

eLIBRARY SPIN-код: 5106-7554

Гордеев Вадим Алексеевич, инженер учебно-научной лаборатории изучения экономик стран БРИКС, аспирант, экономический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: vadim.gordeyev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5826-3886>

Web of Science ResearcherID: KMX-7225-2024

Пахалов Александр Михайлович, научный сотрудник лаборатории институционального анализа, экономический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: pakhalov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4592-8190>

Web of Science Researcher ID: M-2017-2017

Scopus ID: 57188992956

eLIBRARY SPIN-код: 9232-3814

Аннотация

Цель: оценка взаимосвязи базового денежного инструмента государственной поддержки промышленности – субсидий – и базовых макропоказателей его эффективности в контексте экономического суверенитета.

Методы: контент-анализ публикаций, статистический анализ макроэкономических показателей, эконометрический анализ на широкой выборке стран.

Результаты: 1) анализ упоминаемости категории «субсидии» в русскоязычных, англоязычных и китайских печатных изданиях подтвердил высокий интерес к субсидиям в Китае; 2) анализ корреляции между уровнем субсидирования и базовых макропоказателей по странам на базе данных МВФ показал существование статистически значимых взаимосвязей уровня субсидирования с уровнем баланса текущих операций (уровень взаимосвязи при этом небольшой) и величиной ВВП на душу населения (с умеренным уровнем взаимосвязи); 3) результаты оценивания показали отсутствие значимой связи между субсидированием экономики и состоянием баланса текущих операций. По результатам исследования сделаны выводы об отсутствии зависимости между уровнем предоставляемых трансфертов и снижением импортозависимости.

Научная новизна: проведена оценка гипотезы статистически значимого влияния уровня субсидирования в государстве на страновые показатели баланса текущих операций. Построение модели основано на более ранних исследованиях с добавлением в массив исследовательских данных анализа роли субсидий в реализации целей экономического развития. Полученные результаты в части отсутствия значимой связи уровня субсидирования с балансом текущих операций формируют новизну данного исследования.

© Капогузов Е. А., Гордеев В. А., Пахалов А. М., 2024

Практическая значимость: результаты исследования могут быть полезны специалистам в области промышленной политики, дают основу для более полного понимания инструментов обеспечения технологического суверенитета, модификации построенной регрессионной модели могут быть использованы в дальнейших исследованиях факторов баланса текущих операций.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, технологический суверенитет, страны БРИКС, научно-технологическое сотрудничество, субсидии, баланс текущих операций

Финансирование

Исследование выполнено в МГУ имени М. В. Ломоносова за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00711. Проект «Институционализация технологического суверенитета РФ в контексте научно-технического взаимодействия со странами БРИКС».

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Капогузов, Е. А., Гордеев, В. А., Пахалов, А. М. (2024). Субсидирование как инструмент обеспечения экономического суверенитета: количественный анализ. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 663–685. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.663-685>

Scientific article

E. A. Kapoguzov¹,
V. A. Gordeev¹,
A. M. Pakhalov¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

Subsidizing as a tool to ensure economic sovereignty: a quantitative analysis

Contact:

Evgeniy A. Kapoguzov, Dr. Sci. (Economics), Head of the Academic-research laboratory for studies of BRICS countries' economies, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

E-mail: egenk@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8083-5654>

Web of Science Researcher ID: O-5278-2017

eLIBRARY SPIN-code: 5106-7554

Vadim A. Gordeev, engineer at the Academic-research laboratory for studies of BRICS countries' economies, post-graduate student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

E-mail: vadim.gordeyev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5826-3886>

Web of Science ResearcherID: KMX-7225-2024

Aleksandr M. Pakhalov, researcher at the Laboratory for functional analysis, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

E-mail: pakhalov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4592-8190>

Web of Science Researcher ID: M-2017-2017

Scopus ID: 57188992956

eLIBRARY SPIN-code: 9232-3814

Abstract

Objective: to assess the relationship between the basic monetary instrument of state support for industry – subsidies – and basic macro-indicators of its effectiveness in the context of economic sovereignty.

Methods: content analysis of publications, statistical analysis of macroeconomic indicators, econometric analysis on a wide sample of countries.

Results: 1) the analysis of mentioning the category “subsidies” in Russian, English and Chinese printed publications confirmed the high interest to subsidies in China; 2) the analysis of correlation between the level of subsidies and the basic macro-indicators by countries on IMF data showed statistically significant correlations of the level of subsidies with the level of current account balance (low correlation) and GDP per capita (moderate correlation); 3) the evaluation showed no significant relationship between the level of subsidies and GDP per capita. According to the study results, conclusions were drawn about the absence of dependence between the level of transfers provided and the decrease of dependence on import.

Scientific novelty: the hypothesis was checked that the level of subsidies in the state has a statistically significant impact on the country’s current account balance. The model is based on earlier studies with the added analysis of the role of subsidies in reaching the economic development goals. The novelty of this study consists in the absence of a significant relationship between the level of subsidies and the current account balance.

Practical significance: the study results can be useful to specialists in the field of industrial policy. They provide a basis for a fuller understanding of the tools to ensure technological sovereignty. Modifications of the regression model can be used in further studies of the factors of the current account balance.

Keywords:

regional and sectoral economy, technological sovereignty, BRICS countries, scientific and technological cooperation, subsidies, current account balance

Financial Support

The research was carried out at Lomonosov Moscow State University under the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-00711, project “Institutionalization of technological sovereignty of the Russian Federation in the context of scientific and technological interaction with the BRICS countries”.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kapoguzov, E. A., Gordeev, V. A., & Pakhalov, A. M. (2024). Subsidizing as a tool to ensure economic sovereignty: a quantitative analysis. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 663–685. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.663-685>

Введение

С марта 2022 г. обеспечение технологического суверенитета рассматривается в общественно-политическом дискурсе как ключевая цель научно-технологического развития. Среди инструментов его обеспечения можно выделить те, которые направлены на развитие фундаментальной и прикладной науки (Приоритет 2030, программы развития передовых инженерных школ, гранты и мегагранты на приоритетные научные исследования по развитию критических и сквозных технологий); развитие взаимодействия науки и промышленности (создание научно-образовательных центров, важнейшие инновационные проекты государственного значения; федеральные научно-технологические программы и др.), а также инструменты, направленные на поддержку развития отечественной промышленности. Помимо существующих отраслевых программ импортозамещения, существуют такие финансовые инструменты, как внедренный Минпромторгом механизм кластерной инвестиционной платформы, специальные инвестиционные контракты (СПИКи), гранты на развитие «Обратного инжиниринга» (что привело, по информации Агентства технологического развития, к созданию более 15 центров и 500 компаний в этой сфере) и непосредственные субсидии. Согласно интервью директора Фонда развития промышленности (ФРП) Р. В. Петруцы, в рамках программ государственной поддержки, направленных на решение задач последнего десятилетия (импортозамещение или технологический суве-

ренитет), акцент делается на финансирование проектов в сфере автопрома, микроэлектроники, химической промышленности и в других сферах промышленности¹. В рамках данной статьи будут рассмотрены вопросы субсидирования как одного из инструментов обеспечения технологического суверенитета.

В настоящее время импортозамещение и повышение как экономического, так и технологического суверенитета приобрели характер первоочередных государственных задач. Их необходимость диктуется накладываемыми на Российскую Федерацию санкциями, ограничивающими импорт большого количества важных для экономики страны товаров (Гегечкори, 2022; Тимофеев, 2022).

В Российской Федерации ряд отраслей, таких как тяжелое машиностроение, несмотря на сохранение импортозависимости по отдельным направлениям, достигли значительного технологического суверенитета и уровня локализации. С учетом глубокой цепочки кооперации в таких отраслях, которая дает высокий мультипликативный эффект, это обеспечивает высокие налоговые отчисления государству, квалифицированные рабочие места и в целом значимый вклад в рост экономики.

Несмотря на высокую степень локализации, нелокализованной осталась небольшая, но критичная часть комплектующих, освоение которых не было экономически целесообразно в масштабах российского рынка (в частности, микроэлектроника и другие высокотехнологичные электронные компоненты).

Сегодня география импортных поставщиков сократилась и фактически сводится к одному Китаю (Качанова, Марченко, 2023; Гавритухин, Иванова, 2023). Такая зависимость дает китайским производителям дополнительные возможности для расширения экспорта своей продукции на российский рынок. Особенно ярко это проявляется на российском автомобильном рынке, к экспансии на который призвал китайских автопроизводителей Президент РФ В. В. Путин во время своего государственного визита в КНР 16–17 мая 2024 г.²

Позиция конкурентов усиливается еще и тем, что они ведут бизнес в других экономических условиях, так как на условия ведения бизнеса оказывают сильное влияние санкционные ограничения:

- удорожание безальтернативных импортных комплектующих с учетом измененной логистики;
- удорожание доступа к станкам и оборудованию в условиях ограничений;
- часть необходимого оборудования в принципе невозможно стабильно эксплуатировать в РФ;
- высокая стоимость финансирования на фоне длинного производственного цикла и удлинившихся логистических цепочек приводит к высоким процентным расходам.

Другой важный фактор преимущества – системное государственное субсидирование затрат китайских компаний (Wan et al., 2023). Такая государственная политика поддержки среди прочего отражается и на эффективности и производительности китайских компаний (Branstetter et al., 2023).

Цель настоящего исследования – оценка взаимосвязи базового денежного инструмента государственной поддержки промышленности – субсидий – и базовых макропоказателей его эффективности в контексте экономического суверенитета. Оценка произведена на широкой выборке стран на примере баланса текущих операций как индикатора импортозависимости и экономики в целом (на примере ВВП на душу населения как показателя развитости экономики). На основе результатов исследования будут определены в рамках дальнейших исследований механизмы субсидирования и оптимальные инструменты для применения в текущих условиях функционирования российских промышленных предприятий.

Результаты исследования

Обзор литературы

Роль инструментов промышленной политики в обеспечении экономического развития, базирующегося на научно-технологической основе, является одной из значимых. Научно-технологическое развитие связано с созданием базисных и улучшающих инноваций, и для обеспечения современного экономического роста необходима и институциональная среда, поддерживающая инновации и обеспечивающая тем самым инно-

¹ Петруца, Р. В. (2024). Интервью на программе «Поздняков» Кирилл Поздняков. Телеканал НТВ. <https://www.ntv.ru/peredacha/Pozdnyakov/m50720/o764524>

² Переходько, М. (2024, 16 мая). Путин заявил об интересе в присутствии китайских автомобилей в России. Autonews. <https://www.autonews.ru/news/6645c6ae9a7947625c6f4d30>

вационный путь развития (Ленчук, 2022; Экономика научно-технологического прорыва, 2024). Очевидно, что традиционными путями внедрения технологических инноваций в народном хозяйстве могут быть либо создание собственных, на базе достижений фундаментальной науки, с дальнейшим прототипированием и коммерциализацией, либо заимствование. В последнем случае в неявном виде предполагается, что технологии являются «глобальным общественным благом» (Ott & Vannuccini, 2023) и отсутствует технологическое эмбарго. В этом случае возможен постепенный переход от догоняющего к опережающему развитию (Левин, Саблин, 2021), что убедительно продемонстрировано, в частности, Южной Кореей и Китаем (Караянис и др., 2022; Вольчик и др., 2023).

Однако реальность последнего десятилетия делает актуальным отказ от подобного «наивного нарратива» и повышает значимость обеспечения технологического суверенитета, являющегося частью в том числе экономического суверенитета, с одной стороны, и национальной безопасности – с другой. Как отмечается в недавнем исследовании «Экономика научно-технологического прорыва и суверенитета» Межведомственной рабочей группы по технологическому развитию при Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию, «в России за последние два десятилетия рост технологического уровня в промышленности в значительной степени определялся высокотехнологичным импортом, что в сочетании со стагнацией внутренних затрат на исследования и разработки относительно ВВП со стороны государства и бизнеса при постоянном уменьшении численности исследователей привело к нарастающей угрозе отставания национального научно-технологического комплекса» (Экономика научно-технологического прорыва..., 2024. С. 8). Эта стагнация может быть связана с недостаточной эффективностью институтов развития (Курбатова, Саблин, 2012) и неким имитационным характером технологической модернизации (Ленчук, 2021), в результате чего доля НИОКР в России колебалась вокруг отметки в 1 % ВВП.

«Новая реальность», возникшая в марте 2022 г. в сфере доступа к технологиям, сделала неизбежным акцент на технологическом суверенитете. В этих условиях обеспечение российского технологического суверенитета и технологического лидерства становится целью национального развития, что подчеркивалось в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»³.

Вопросы укрепления государственного суверенитета (в том числе экономического) изучались еще советскими учеными – одним из активных исследователей этой темы до 1990 г. был В. С. Шевцов⁴. В свою очередь, термин «технологический суверенитет» возник в 70–80-х гг. прошлого столетия (Юревич, 2023). Согласно позиции Эдлера, технологический суверенитет определяется как способность государства или государственных объединений создавать и использовать технологии, обладающие критической значимостью для национального благосостояния, а также иметь возможность получить эти технологии без односторонней зависимости (Edler et al., 2023). В работе Креспи с соавторами технологический суверенитет является частью более широкого понятия «экономический суверенитет», который состоит из шести компонентов (Crespi et al., 2021).

В работах отечественных авторов также подчеркивается значимость отказа от примитивного автаркичного понимания сущности технологического суверенитета и акцент делается на возможностях использования потенциала кооперации в критически важных отраслях (Гареев, 2023) и контроле за ключевыми макротехнологиями, такими как искусственный интеллект, авиационная и космическая промышленность (Дементьев, 2023). Очень важно и обеспечение технологического равноправия при кооперации с дружественными странами, и возможность для выстраивания на этой основе коллективного технологического лидерства (Безруков и др., 2024). В этом случае технологический суверенитет рассматривается как «возможность и способность страны независимо от внешних воздействий выбирать, создавать, приобретать, использовать, продвигать технологии, которые обеспечивают геополитическое лидерство и преимущества в долгосрочном развитии» (Байдоров, Файков, 2023).

³ Указ Президента Российской Федерации № 309 от 07.05.2024. (2024). <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1717715/>

⁴ Шевцов, В. С. (1978). Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). Москва: Юрид. лит.; Его же. (1979). Государственный суверенитет (вопросы теории). Москва: Наука.

Что же касается конкретных инструментов, способствующих достижению технологического суверенитета, то, поскольку мы в рамках заявленной выше цели исследования сосредоточимся на субсидиях, целесообразно рассмотреть их роль в реализации данной цели и близких к ней (как экономическое развитие в широком смысле, так и научно-технологическое развитие) в печатных изданиях.

Множество работ, посвященных изучению факторов экономической устойчивости, рассматривают связь между различными показателями и балансом текущих операций (Gruber & Kamin, 2009; Batdelger & Kandil, 2012; Altayligil & Çetrez, 2020). Но при этом среди факторов влияния в данных работах не рассматривался такой важный фактор, как уровень субсидирования.

Значимость субсидий и уровень внимания, которое им уделяется, можно оценить, изучив частоту их упоминания в текстах. Анализ частотности применения термина «субсидия» на разных языках, проведенный с помощью *Google Books Ngram Viewer*, отражает частоту применения этого термина в печатных изданиях на разных языках мира. *Google Books Ngram Viewer* позволяет строить графики частотности *N*-грамм (языковых единиц – последовательности букв или слов) на массиве оцифрованных печатных источников, публиковавшихся начиная с XIV в. В рамках настоящего исследования были рассмотрены графики частотности использования в изданиях на русском, китайском, английском, французском, немецком, испанском и итальянском языках.

Частотность использования термина «субсидия» в русскоязычных изданиях росла начиная с 1980-х гг., существенно выросла в 1990-х и 2000-х гг., достигнув пика в 2012 г. на уровне выше 0,0002 %. После 2012 г. частотность использования резко сократилась (более чем в 10 раз к 2018 г.), начав восстанавливаться только в 2019 г. (последний год наблюдений, доступный в *Google Books Ngram Viewer* на момент написания статьи). Динамика частотности использования термина «субсидия» в русскоязычных изданиях представлена на рис. 1.

Резкий рост использования термина «субсидия» в российских печатных изданиях в период с 2006 г. во многом связан с началом в 2006 г. в России приоритетного национального проекта «Развитие АПК». Целью проекта было стимулирование развития сельского хозяйства за счет предоставления производителям сельскохозяйственной продукции масштабной государственной поддержки. Большая часть научных статей на тему субсидирования, опубликованных в этот период времени, посвящена именно субсидированию сельского хозяйства (Узун, 2012; Хайруллина, 2012).

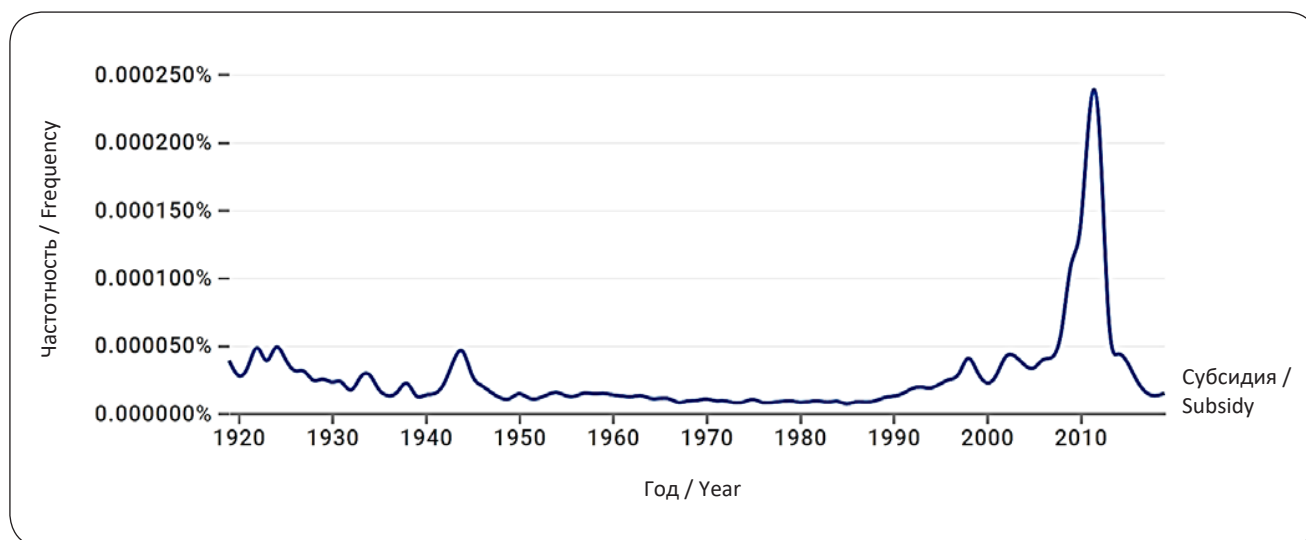

Рис. 1. Частотность использования термина «субсидия» в русскоязычных печатных изданиях
Fig. 1. Frequency of the term “subsidy” in Russian-language print publications

Источник: https://books.google.com/ngrams/graph?content=%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%81%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%8F&year_start=1920&year_end=2022&corpus=ru&smoothing=0&case_insensitive=false

Source: https://books.google.com/ngrams/graph?content=%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%81%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%8F&year_start=1920&year_end=2022&corpus=ru&smoothing=0&case_insensitive=false

Аналогичный показатель частотности использования в западных странах показал снижающуюся динамику за 50 лет, но гораздо более высокие значения самой частотности – до 0,0012–0,0014 %, что говорит о более высокой популярности субсидий как инструментов поддержки (термин «субсидия» во всех рассматриваемых языках имеет достаточно узкое применение и сводится к финансовой помощи). В англоязычных печатных изданиях, а также в изданиях на французском, испанском и итальянском языках динамика похожа, пример динамики в англоязычных изданиях представлен на рис. 2. Исключением являются немецкие печатные издания, где популярность термина «субсидия» (*subvention* на немецком языке) в сотни раз ниже – частотность его использования не превышает 0,000005 %.

На этом фоне сильно выделяется Китай, где частотность использования термина «субсидия» существенно выросла с 1970 г. Пик значений был зафиксирован в аналогичный временной период, как и в России (2012 г.), а второй пик зафиксирован в 2018 г. Сама частотность достигала при этом намного более высоких значений, чем во всех остальных рассмотренных регионах, превысив 0,01 % в пиковые годы. Резкие снижения частотности в 2010-х гг. могут быть связаны со вступлением и активным участием Китая во Всемирной торговой организации и антидемпинговыми расследованиями, проводимыми против Китая в этот период времени. Значения частотности представлены на рис. 3.

Это подтверждает вывод о высоком интересе к субсидиям в Китае и позволяет выдвинуть гипотезу о том, что существует взаимосвязь субсидий и эффективности государств в терминах баланса текущих операций, что могло бы объяснить стимулы государств по обеспечению высокого объема субсидирования.

Гипотеза сформулирована следующим образом: уровень субсидирования в государстве имеет статистически значимое влияние на страновые показатели баланса текущих операций.

Проверка сформулированной выше гипотезы вместе с более детальным анализом статистики по уровню субсидирования в различных государствах позволит определить дальнейшие шаги проработки оптимальных механизмов государственной поддержки.

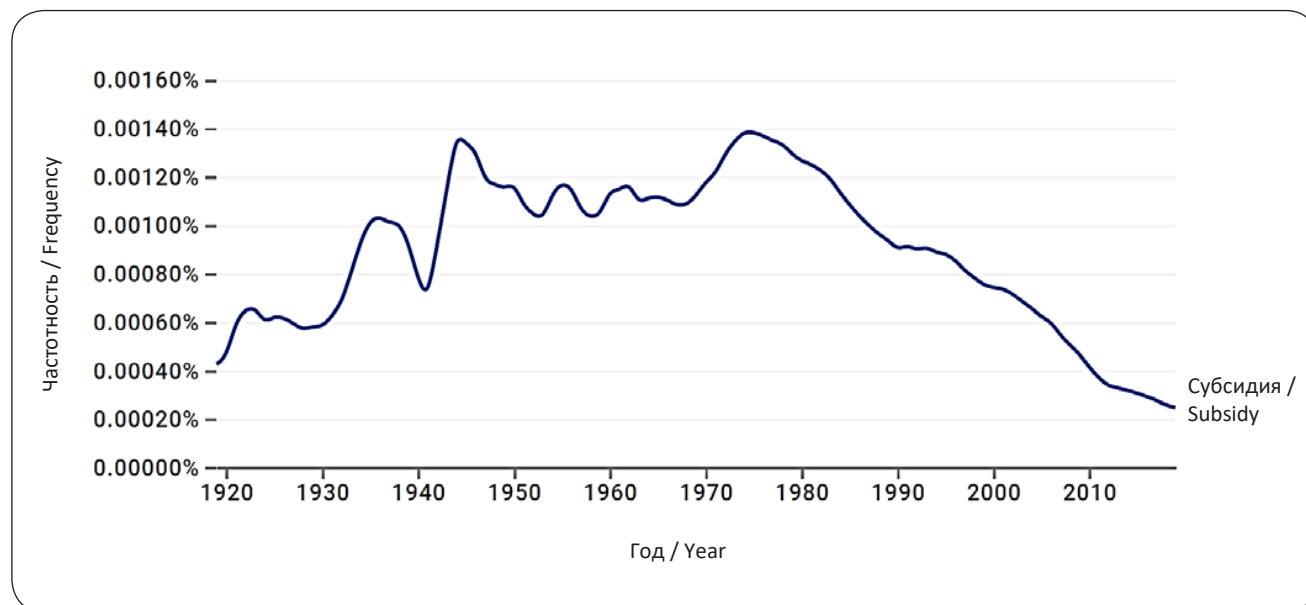

Рис. 2. Частотность использования термина «субсидия» в англоязычных печатных изданиях
Fig. 2. Frequency of the term “subsidy” in English-language print publications

Источник: https://books.google.com/ngrams/graph?content=subsidy&year_start=1920&year_end=2022&corpus=en&smoothing=1&case_insensitive=false

Source: https://books.google.com/ngrams/graph?content=subsidy&year_start=1920&year_end=2022&corpus=en&smoothing=1&case_insensitive=false

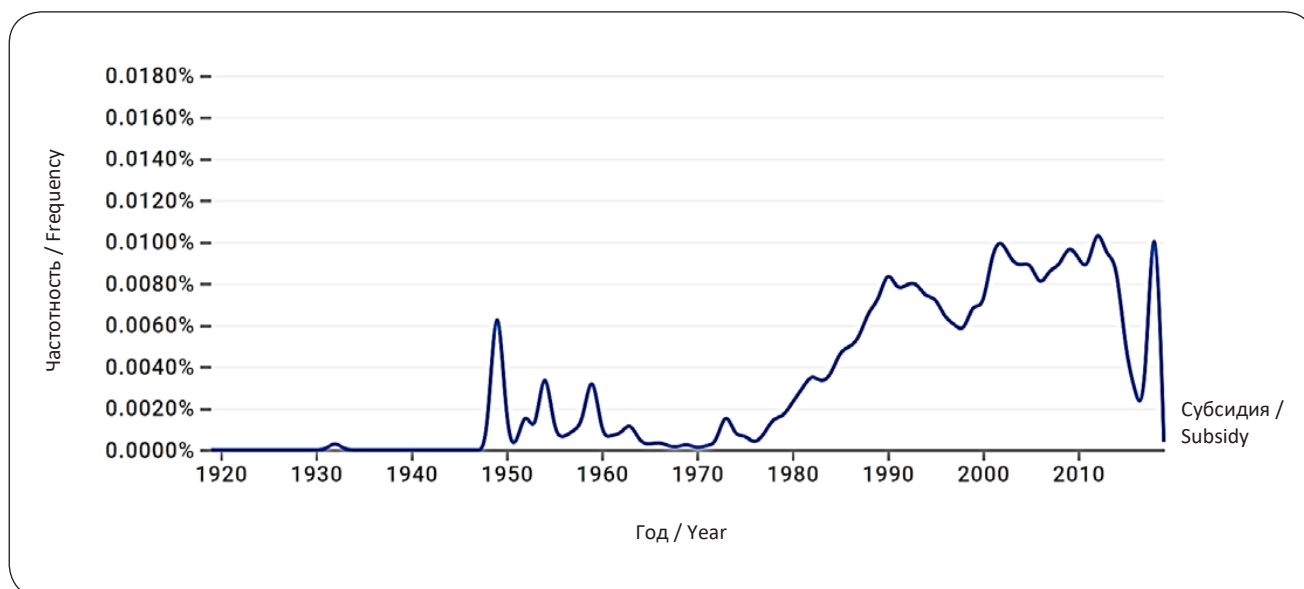

Рис. 3. Частотность использования термина «субсидия» в печатных изданиях на китайском языке
Fig. 3. Frequency of the term “subsidy” in Chinese-language print publications

Источник: https://books.google.com/ngrams/graph?content=%E8%A1%A5%E8%B4%B4&year_start=1919&year_end=2020&corpus=zh-Hans-2019&smoothing=0&case_insensitive=false

Source: https://books.google.com/ngrams/graph?content=%E8%A1%A5%E8%B4%B4&year_start=1919&year_end=2020&corpus=zh-Hans-2019&smoothing=0&case_insensitive=false

Методология эмпирического исследования

Для проведения описанного выше анализа и проверки указанной гипотезы требуется статистика по макропоказателям в разрезе стран. Источником страновой статистики по широкому перечню макропоказателей могут служить данные Международного валютного фонда. Так, документ МВФ *World Economic Outlook database*⁵ содержит динамику 28 показателей (ВВП в различных вариантах расчета, инвестиции, сбережения, инфляция, объем экспорта и импорта, занятость, население, государственные доходы и расходы и многое другое) для 196 стран за период с 1980 г. и прогноз до 2028 г. (но для большинства стран статистика доступна только начиная с 2000–2002 гг.).

Дополнительно в части статистики по доле субсидий и прочих трансферов в государственных расходах доступен отдельный массив данных Международного валютного фонда⁶. Для оценки взаимосвязи рассчитывался коэффициент парной корреляции для следующих показателей:

- рост субсидий на различных отрезках времени в период с 2000 по 2016 г.,
- изменение баланса текущих операций за аналогичные периоды со смещением на 3–5 лет позже (что соответствует средней длине инвестиционного цикла в отраслях промышленности) с целью учесть в рассматриваемом периоде эффект дополнительного субсидирования или снижения субсидий.

Показатель отношения баланса текущих операций к ВВП используется в качестве наиболее близкого к отражению экономического суверенитета, как индикатор импортозависимости. Для этих целей используется показатель *Current account balance (% of GDP)* из базы данных *World Development Indicators* Международного

⁵ International Monetary Fund. (2023). World Economic Outlook database. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/WEO-Database/2023/WEOOct2023all.ashx>

⁶ International Monetary Fund. (2024). World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

валютного фонда⁷. Показатель представляет собой сумму чистого экспорта товаров и услуг, чистого дохода от иностранных инвестиций и чистого объема трансфертных платежей.

Уровень субсидирования в стране рассчитывается как доля субсидий и прочих трансферов в структуре государственных расходов. Для целей исследования используется показатель *Subsidies and other transfers (% of expense)*, умноженный на показатель доли государственных расходов в ВВП – показатель *General government total expenditure (% of GDP)*. Все показатели для этих целей брались по выборке всех стран, доступных в базе данных *World Development Indicators* Международного валютного фонда⁸.

Таким образом, для проверки гипотезы оценивалась зависимость между приростом уровня субсидирования и изменением баланса текущих операций.

Дополнительно корреляция также оценивалась для средних значений показателей на более длинных временных горизонтах для определения устойчивых соотношений:

- среднего соотношения субсидий и прочих трансферов к ВВП на различных долгосрочных промежутках времени (10 лет и более);
- среднего отношения баланса текущих операций к ВВП на аналогичных промежутках времени;
- средней величины ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности (ППС).

Таким образом, отдельно проверялось существование зависимости не только между динамикой рассматриваемых переменных, но и между их средними значениями на долгосрочных отрезках времени.

Некоторые показатели представлены только для части стран. Среди рассматриваемых показателей наименее представленным является уровень субсидирования: за 2022 г. значения представлены только для 20 стран, за 2021 г. – для 104 стран, 2020 г. – 124 страны, 2019 г. – 129 стран. Отсутствуют, например, значения уровня субсидирования по Китаю, ряду арабских (Катар, Оман), многих африканских стран (Южный Судан, Сьерра-Леоне, Йемен, Нигер, Нигерия и др.), некоторым странам Юго-Восточной Азии (Лаос, Тайвань) и Южной Америки (Венесуэла, Гаити, Суринам и др.). За последние доступные 10 лет (2013–2022 гг.) можно рассчитать среднее арифметическое значение для 142 стран.

Выборку стран можно разделить по уровню экономического развития, выраженному в терминах ВВП на душу населения. Условное разделение на три группы по следующим границам дает почти равноценное по количеству стран распределение стран по трем группам: низкий уровень – ВВП на душу населения с учетом ППС до \$8 тысяч в год, средний уровень – от \$8 до \$22 тысяч, высокий уровень – от \$22 тысяч. Средние значения используемых в исследовании переменных по каждой из описанных выше категорий представлены в табл. 1.

Из табл. 1 видно, что страны с более высоким уровнем ВВП на душу населения в среднем имеют и более высокий уровень субсидирования, выраженный как доля от государственных расходов и в виде отношения размера субсидий к размеру ВВП. Такая закономерность наблюдается как в отдельно взятом 2019 г., так и в среднем за 10 лет в 2013–2022 гг. В отношении баланса текущих операций такой закономерности не наблюдается, что подтверждает необходимость более детального исследования взаимосвязей.

Все рассматриваемые показатели проверялись на нормальность по критерию Колмогорова – Смирнова. Тестирование показало отсутствие нормального распределения у рассматриваемых показателей, в связи с чем взаимосвязь оценивалась через расчет коэффициента Спирмена.

Также была построена панельная регрессия с расширенным набором переменных. Набор дополнительных переменных – стандартный набор макроэкономических показателей, используемый при эконометрическом моделировании баланса текущих операций (Altayligil & Çetrez, 2020). Источник дополнительных переменных – база данных *World Development Indicators* Всемирного банка (World Bank, 2024). Набор дополнительных переменных с их описанием представлен ниже в табл. 2.

⁷ Там же.

⁸ International Monetary Fund. (2024). World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

Таблица 1

Средние значения используемых в исследовании переменных по каждой из описанных выше категорий

Table 1. Mean values of the variables used in the study for each of the above-described categories

Показатель / Indicator	Период, год / Period, year	Страны с высоким подушевым ВВП / Countries with high GDP per capita	Страны со средним подушевым ВВП / Countries with medium GDP per capita	Страны с низким подушевым ВВП / Countries with low GDP per capita	Все страны / All countries
ВВП на душу населения с учетом ППС, доллары США / GDP per capita with purchasing power parity, US\$	2019 Среднее в 2013–2022 / Average in 2013–2022	48 190 45 351	14 483 13 747	3 904 3 680	25 902 24 412
Баланс текущих операций, % от ВВП / Current account balance, % of GDP	2019 Среднее в 2013–2022 / Average in 2013–2022	1,8 1,3	–4,7 –4,5	–1,6 –3,1	–1,1 –1,6
Субсидии и прочие трансферы, % от госрасходов / Subsidies and other transfers, % of state expenditures	2019 Среднее в 2013–2022 / Average in 2013–2022	49,4 49,6	39,2 39	25,8 25,7	39,8 39,8
Субсидии и прочие трансферы, % от ВВП / Subsidies and other transfers, % of GDP	2019 Среднее в 2013–2022 / Average in 2013–2022	18,9 19,8	12,3 12,5	7,1 7,2	13,7 14,2

Источник: составлено авторами на основе данных International Monetary Fund^{9, 10}.Source: compiled by the authors based on International Monetary Fund data^{9, 10}.

Таблица 2

Дополнительные переменные, использованные в регрессионном анализе

Table 2. Additional variables used in regression analysis

Переменная / Variable	Описание / Description	Источник / Source
Рост ВВП / GDP growth	Годовой темп прироста ВВП в процентном выражении / Annual rate of GDP growth, %	World Development Indicators. https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators
Индекс условий торговли / Terms of trade index	Процентное соотношение индекса экспортных к индексу импортных цен, относительно уровня 2000 г. / Percentage ratio of export price index to import price index, in relation to 2000	World Development Indicators. https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators
Реальный обменный курс / Actual exchange rate	Номинальный курс национальной валюты в отношении к средневзвешенному курсу иностранных валют, скорректированный на ценовой дефлятор / Nominal exchange rate of the national currency in relation to the weighted average exchange rate of foreign currencies, adjusted for price deflator	World Development Indicators. https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators

⁹ International Monetary Fund. (2023). World Economic Outlook database. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/WEO-Database/2023/WEOOct2023all.ashx>¹⁰ International Monetary Fund. (2024). World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

Окончание табл. 2 / End of Table 2

Переменная / Variable	Описание / Description	Источник / Source
Международная торговля товарами, отношение к ВВП / International commodity trade, ratio to GDP	Сумма экспорта и импорта, деленная на объем ВВП / Sum of exports and imports divided by GDP	World Development Indicators. https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators
Относительный уровень дохода / Relative income	Коэффициент соотношения уровня ВВП на душу населения страны с уровнем ВВП на душу населения США (с учетом паритета покупательской способности) / Ratio of the national GDP per capita to the United States GDP per capita (given the purchasing power parity)	Рассчитано авторами на основе данных World Development Indicators. https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators / Calculated by the authors based on World Development Indicators. https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators
Инфляция / Inflation	Индекс потребительских цен / Consumer prices index	World Development Indicators. https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators
Фискальный баланс, отношение к ВВП / fiscal balance, in relation to GDP	Разница между совокупными государственными доходами и совокупными государственными расходами, деленная на объем ВВП / Difference between total state revenues and total state expenditures divided by GDP	World Development Indicators. https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators
Государственные расходы, отношение к ВВП / State expenditures, in relation to GDP	Совокупные государственные расходы, деленные на объем ВВП / Total state expenditures divided by GDP	International Monetary Fund. https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators

Все расчеты выполнялись для полной выборки стран. Панельная регрессия дополнительно строилась для подвыборок стран, сгруппированных по уровню ВВП на душу населения.

Результаты исследования

Первым шагом был выполнен расчет корреляции между показателями динамики – корреляция между ростом уровня субсидии (как % от ВВП) и ростом баланса текущих операций (как % от ВВП). Расчет показал отсутствие статистически значимых связей на разных отрезках времени в пределах 2000–2022 гг. Разброс и большое количество «выбросов» наглядно видно на графике значений по странам (рис. 4) на примере рассматриваемого периода с 2013 по 2019 г. На рисунке страны сгруппированы по уровню ВВП на душу населения, что позволяет визуально продемонстрировать схожий разброс независимо от группы стран по уровню ВВП.

Проверка зависимости на более долгосрочном горизонте, но между средними значениями (без учета временных лагов, которые на таком долгосрочном горизонте и при расчете средних значений не оказывают существенного эффекта), рассчитанными для уровня субсидирования в стране и уровня импортозависимости, а также степенью развитости экономики в терминах ВВП на душу населения привела к следующим выводам:

- наиболее статистически значимая зависимость наблюдается на горизонте 10 лет (подход с усреднением позволяет рассчитать средние значения за период, заканчивающийся в наиболее близкий к дате исследования год, без сокращения выборки), т. е. за период 2013–2022 гг. (также были оценены зависимости и на других горизонтах, вплоть до максимально долгосрочного периода с 1960 по 2022 г.);

- есть небольшая (коэффициент корреляции ~0,25), но статистически значимая связь между средним долгосрочным уровнем субсидий и средним долгосрочным уровнем баланса текущих операций (все выражено в % от ВВП) – наличие связи можно увидеть на графике (рис. 5);

- страны, которые в наибольшей степени отклоняются вверх от линии регрессии на рис. 5, – это небольшие государства Азии и Океании (Кирибати, Макао, Сингапур и Восточный Тимор), высокий уровень торгового баланса которых обусловлен во многом спецификой структуры экономики этих стран (в случае с каждой страной своя отраслевая специализация, например, в случае с Сингапуром – преобладание в структуре экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью, что облегчает задачу сохранения положительного баланса текущих операций); в то время как страны, существенно отклоняющиеся вниз, – это преимущественно страны Африки и Ближнего Востока (Бутан, Ливан, Мозамбик), не имеющие развитых экспортоориентированных отраслей;

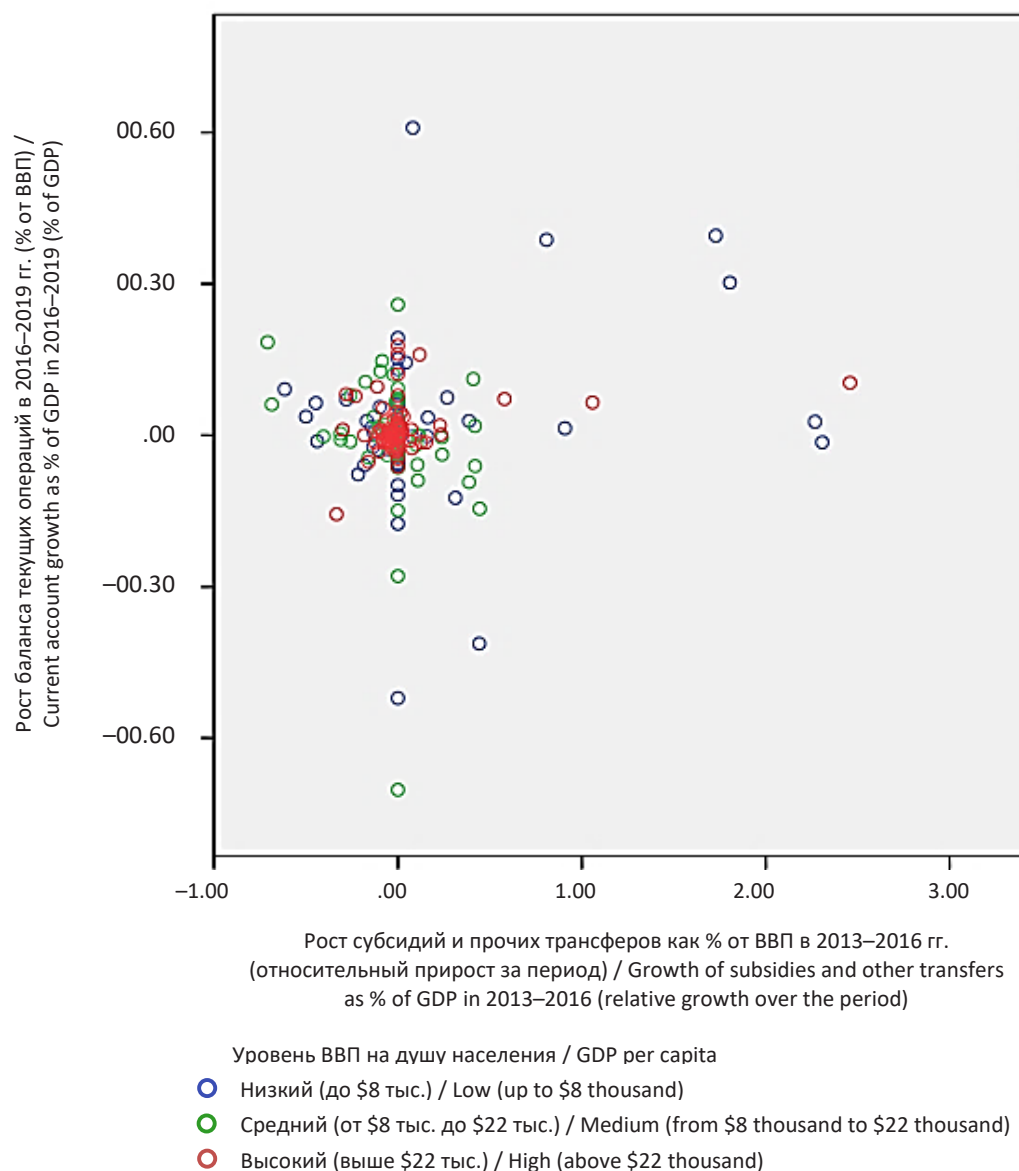

Рис. 4. Связь между ростом уровня субсидий и прочих трансферов (% изменения в 2016 г. относительно 2013 г.) и изменением баланса текущих операций (разница между значением в % от ВВП в 2019 и в 2016 гг.)

Источник: составлено авторами на основе данных International Monetary Fund^{11,12}.

Fig. 4. Relationship between the increase of subsidies and other transfers (% change in 2016 relative to 2013) and the change in the current account balance (difference between the value as a % of GDP in 2019 and in 2016)

Source: compiled by the authors based on International Monetary Fund data^{11,12}.

¹¹ International Monetary Fund. (2023). World Economic Outlook database. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/WEO-Database/2023/WEEOct2023all.ashx>

¹² International Monetary Fund. (2024). World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

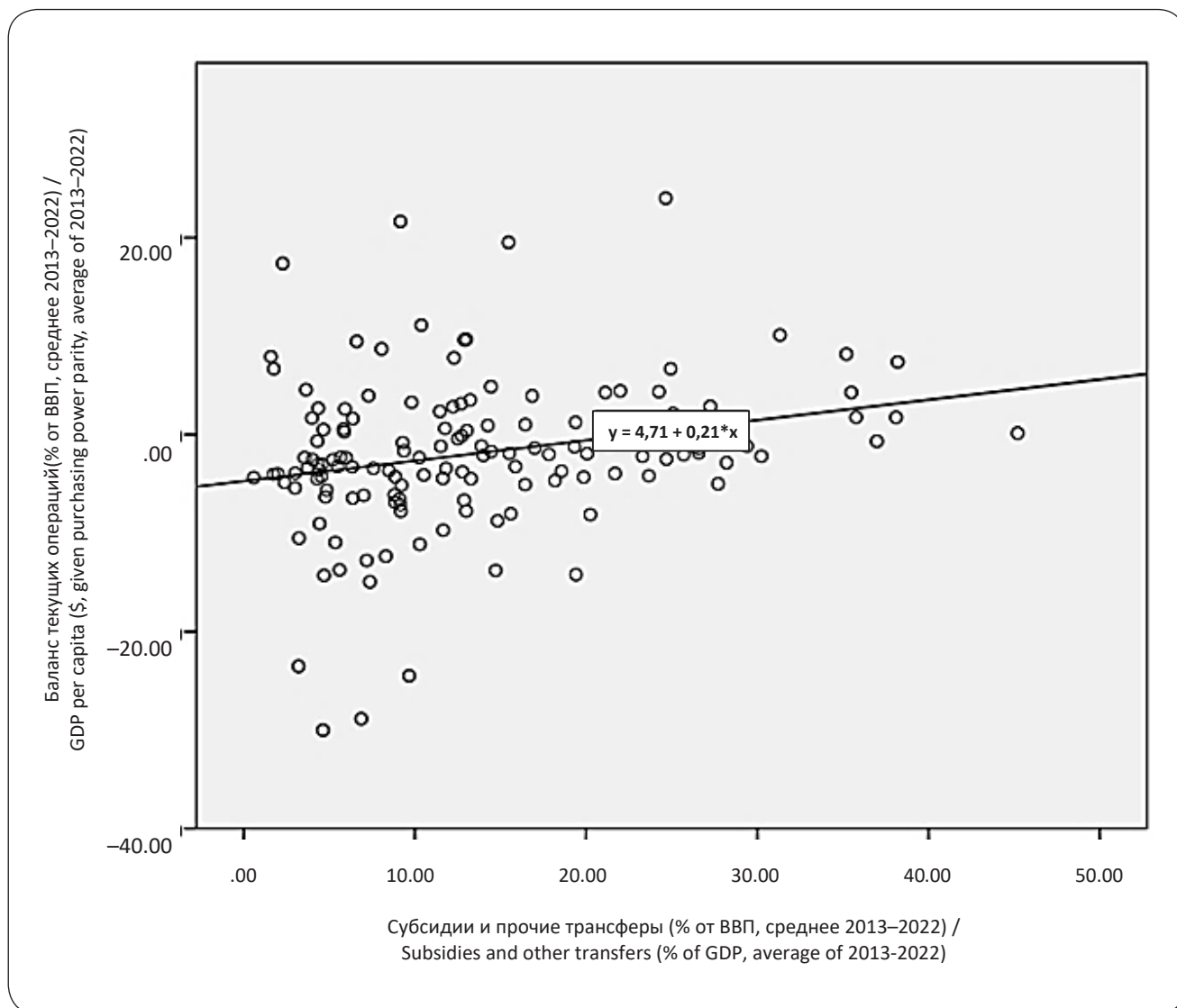

Рис. 5. Связь между средним уровнем субсидий и прочих трансферов (% от ВВП) и средним уровнем баланса текущих операций (% от ВВП) по странам, рассчитанная по средним значениям в 2013–2022 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных International Monetary Fund^{13, 14}.

Fig. 5. Relationship between average subsidies and other transfers (% of GDP) and average current account balance (% of GDP) by country, based on 2013–2022 averages

Source: compiled by the authors based on International Monetary Fund data^{13, 14}.

¹³ International Monetary Fund. (2023). World Economic Outlook database. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/WEO-Database/2023/WEOOct2023all.ashx>

¹⁴ International Monetary Fund. (2024). World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

– есть еще более высокая (коэффициент корреляции $\sim 0,5$) статистически значимая связь между уровнем субсидий (в % от ВВП) и величиной ВВП на душу населения (с учетом ППС), наличие связи показано на рис. 6, а результат расчета коэффициента Спирмена представлен в табл. 3;

– страны, в наибольшей степени отклоняющиеся от линии регрессии на рис. 6, – лидеры по уровню ВВП на душу населения (Ирландия, Люксембург, Макао, Сингапур), каждая со своими уникальными (не универсальными) историческими факторами привлечения транснациональных корпораций в экономику страны (языковыми, географическими и другими), послужившими основной причиной роста ВВП;

Таблица 3

Результат расчета корреляции между долей субсидий и прочих трансферов (% от ВВП) и баланса текущих операций (% от ВВП) в статике – по значениям в 2013–2022 гг.

Table 3. Correlation between the share of subsidies and other transfers (% of GDP) and current account balance (% of GDP) in statics – by values of 2013–2022

Показатель / Value			Суб_ср_13_22 / Average subsidies 13_22	ТопрБЛ_ср_13_22 / Current account balance 13_22	ВВП_13_22 /
Ро Спирмена / Spearman Po	Суб_ср_13_22 (Субсидии и прочие трансферы (% от ВВП, среднее 2013–2022)) / Average subsidies 13_22 (subsidies and other transfers (% of GDP, average of 2013–2022))	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	1.000	.286	.568
		Знач. (двухсторонняя) / Value (bilateral)	.	.001	.000
		N	142	142	142
	БЛ_ср_13_22 (баланс текущих операций (% от ВВП, среднее 2013–2022)) / Current account balance 13_22 (% of GDP, average of 2013–2022))	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	.286	1.000	.411
		Знач. (двухсторонняя) / Value (bilateral)	.001	.	.000
		N	142	194	194
	ВВП_13_22 (ВВП на душу населения (\$ млрд с учетом ППС, среднее 2013–2022)) / GDP per capita 13_22 (\$ bln with PPP, average of 2013–2022))	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	.568	.411	1.000
		Знач. (двухсторонняя) / Value (bilateral)	.000	.000	.
		N	142	194	195

Примечание: оценки коэффициентов округлены до трех знаков после запятой; расчет выполнен в статистическом пакете SPSS.

Note: coefficient estimates are rounded to three decimal places; the calculation was performed in the SPSS statistical package.

Источник: составлено авторами на основе данных International Monetary Fund^{15, 16}.

Source: compiled by the authors based on International Monetary Fund data^{15, 16}.

¹⁵ International Monetary Fund. (2023). World Economic Outlook database. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/WEO-Database/2023/WEEOct2023all.ashx>

¹⁶ International Monetary Fund. (2024). World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

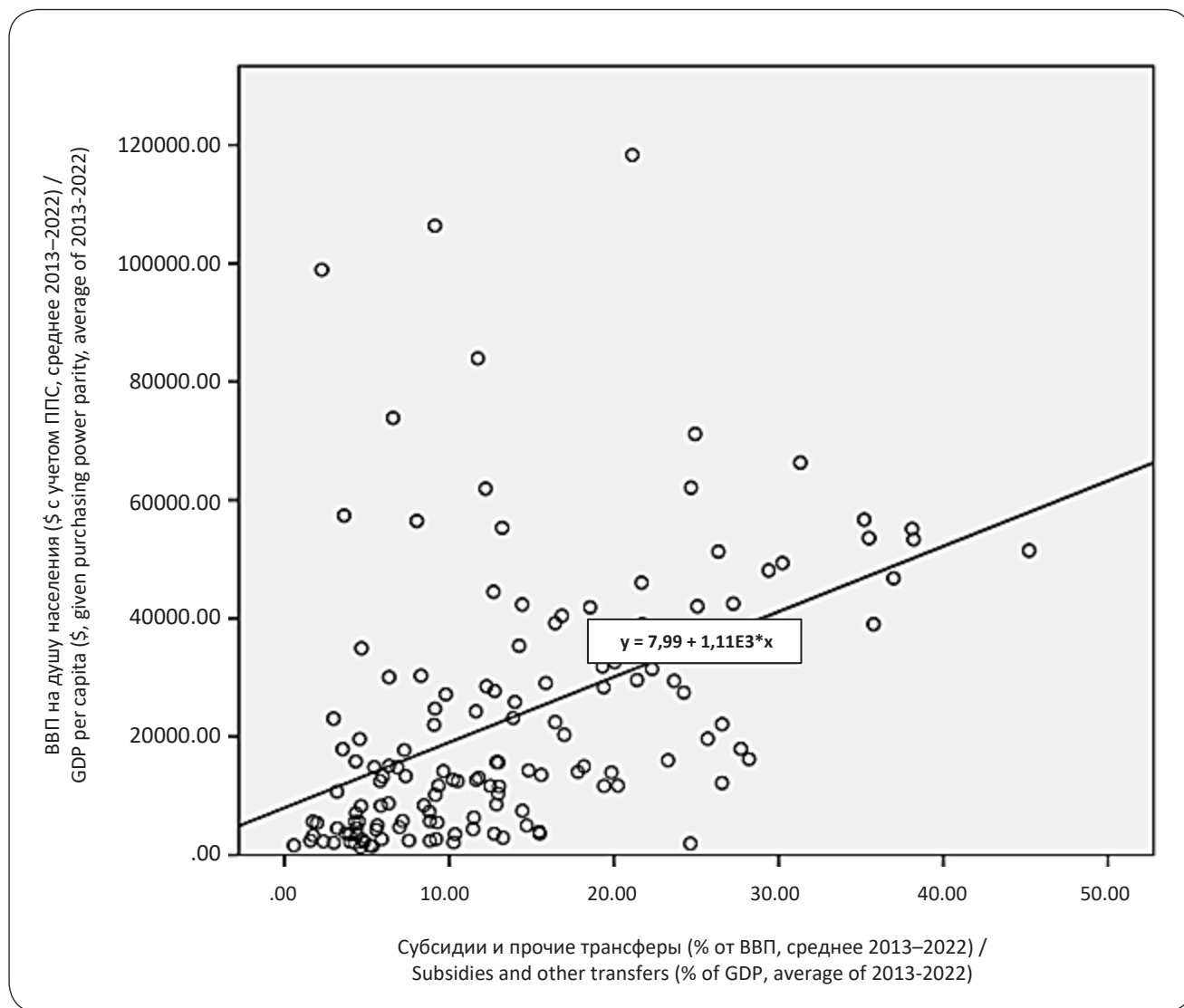

Рис. 6. Связь между средним уровнем субсидий и прочих трансферов (% от ВВП) и ВВП на душу населения (\$ с учетом ППС) по странам, рассчитанная по средним значениям в 2013–2022 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных International Monetary Fund^{17, 18}.

Fig. 6. Relationship between the average subsidies and other transfers (% of GDP) and GDP per capita (\$, given purchasing power parity) country, based on 2013–2022 averages

Source: compiled by the authors based on International Monetary Fund data^{17, 18}.

¹⁷ International Monetary Fund. (2023). World Economic Outlook database. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/WEO-Database/2023/WEOOct2023all.ashx>

¹⁸ International Monetary Fund. (2024). World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

– в свою очередь уровень баланса текущих операций также имеет умеренную и статистически значимую взаимосвязь с уровнем ВВП на душу населения;

– при этом коэффициент корреляции, рассчитанный для уровня субсидирования и баланса текущих операций только в один конкретный год показывает статистически значимую (коэффициент значимости равен 0,018), но более слабую зависимость – коэффициент корреляции не превышает 0,2. Что говорит о высокой роли системности и долгосрочности оказываемой поддержки в виде субсидий и трансфертов.

В табл. 4 представлены результаты оценки регрессионных панельных моделей (с фиксированными эффектами), где в роли объясняемой переменной выступает отношение баланса текущих операций к ВВП. Эти модели построены на основе базовых спецификаций, описанных в ранее опубликованных работах (Altayligil & Çetrez, 2020) с добавлением переменной, отражающей отношение субсидий и прочих трансфертов к ВВП. Следуя все той же логике, оценена как общая модель для полной выборки стран за десять лет (с 2013 по 2022 г.), так и две отдельные модели для стран со средним и высоким уровнем ВВП на душу населения (модель для стран с низким подушевым ВВП не оценивалась из-за наличия обширных пробелов в данных). Результаты эконометрического моделирования показывают, что коэффициент при переменной отношения субсидий и прочих трансфертов к ВВП оказывается статистически незначимым во всех трех моделях, что не позволяет подтвердить основную гипотезу данного исследования. Регрессионный анализ явно свидетельствует в пользу отсутствия значимой связи между субсидированием экономики и состоянием счета текущих операций в странах мира.

Таблица 4

Результаты оценки регрессионной модели для зависимой переменной, отражающей отношение баланса текущих операций к ВВП, на основе панельных данных (с фиксированными эффектами) за 2013–2022 гг.

Table 4. Regression model estimation for the dependent variable, reflecting the current account balance to GDP ratio, based on panel data (with fixed effects) for 2013–2022

Показатель / Indicator	Полная выборка стран / Full sample of countries	Страны с высоким подушевым ВВП / Countries with high GDP per capita	Страны со средним подушевым ВВП / Countries with medium GDP per capita
Рост ВВП / GDP growth	–0.0152 (0.0548)	–0.0548 (0.0775)	0.0488 (0.0584)
Индекс условий торговли / Terms of trade index	0.0766 (0.0221) ***	0.0528 (0.0288) *	0.1009 (0.0254) ***
Реальный обменный курс / Actual exchange rate	–0.0868 (0.0301) ***	–0.0911 (0.0310) ***	–0.0723 (0.0313)
Международная торговля товарами, отношение к ВВП / International commodity trade, ratio to GDP	–0.0317 (0.0260)	–0.0861 (0.0493) *	–0.0027 (0.0300)
Относительный уровень дохода / Relative income	7.4905 (3.0758) **	–11.0853 (9.4034)	8.7255 (2.3939) ***
Инфляция / Inflation	0.0582 (0.0658) **	0.0777 (0.0613)	–0.0701 (0.1151)
Субсидии и прочие трансферы, отношение к ВВП / Subsidies and other transfers, in relation to GDP	–0.1346 (0.1377)	–0.2641 (0.1933)	0.2236 (0.2235)
Фискальный баланс, отношение к ВВП / Fiscal balance, in relation to GDP	0.4757 (0.1219) ***	0.6483 (0.2661) **	0.5556 (0.0849) ***

Окончание табл. 4 / End of Table 4

Показатель / Indicator	Полная выборка стран / Full sample of countries	Страны с высоким подушевым ВВП / Countries with high GDP per capita	Страны со средним подушевым ВВП / Countries with medium GDP per capita
Государственные расходы, отношение к ВВП / State expenditures, in relation to GDP	0.3221 (0.1365) **	0.5016 (0.2102) **	0.2267 (0.1592)
Количество наблюдений (N) / Number of observations	624	161	344
Коэффициент детерминации (R^2) / Determination coefficient (R^2)	0.1960	0.2160	0.3393

Примечания: оценки коэффициентов округлены до четырех знаков после запятой, стандартные ошибки показаны (в скобках). *, ** и *** означают значимость на 10%, 5% и 1%-ном уровнях соответственно. Оценки константы в таблице не приведены. Выбор в пользу модели с фиксированными эффектами был сделан на основе теста Хаусмана, проведенного с помощью встроенного инструмента статистического пакета *Gretl*. Низкие p -значения тестовой статистики Хаусмана свидетельствуют против гипотезы об адекватности модели со случайными эффектами и указывают на необходимость построения модели с фиксированными эффектами. В данном случае расчетное p -значение тестовой статистики оказалось равным 0,0005, что, безусловно, свидетельствует в пользу модели с фиксированными эффектами.

Note: coefficient estimates are rounded to four decimal places; standard errors are shown (in parentheses). *, **, and *** denote significance at the 10%, 5%, and 1% levels, respectively. Estimates of the constant are not shown in the Table. The fixed-effects model was chosen based on the Hausman test conducted using the built-in tool of the *Gretl* statistical package. Low p -values of the Hausman test statistic indicate against the hypothesis of adequacy of the random-effects model and point to the necessity of building a fixed-effects model. In this case, the calculated p -value of the test statistic was equal to 0.0005, which is certainly in favor of the fixed-effects model.

Источник: составлено авторами на основе International Monetary Fund^{19, 20}, World Bank²¹; расчет выполнен в статистическом пакете SPSS.

Source: compiled by the authors based on International Monetary Fund data^{19, 20}; World Bank data²¹; the calculation was performed in the SPSS statistical package.

Обсуждение

Различные инструменты количественных исследований привели к разным результатам. Корреляционный анализ не выявил высокого уровня корреляции между рассматриваемыми показателями уровня субсидирования и баланса текущих операций, но, несмотря на это, связь параметров статистически значима. При этом эконометрическое моделирование с использованием панельной регрессии показало отсутствие статистически значимой связи между субсидированием экономики и состоянием счета текущих операций.

Полученные в рамках данного исследования результаты о связи баланса текущих операций с другими макроэкономическими показателями соотносятся с результатами ранее опубликованных исследований. Как и в работе Ali Abbas с соавторами (2011), статистически значимой и устойчивой оказывается положительная связь между показателями фискального баланса и баланса текущих операций. Одно из теоретических объяснений этой зависимости заключается в том, что дефицит бюджета ассоциируется с увеличением потребительских расходов, что, в свою очередь, приводит к увеличению импорта (Alleyne et al., 2011). Аналогичными соображениями может объясняться и положительная связь относительного дохода с балансом текущих операций, которая, впрочем, не подтверждается на выборке стран со средним уровнем душевого

¹⁹ International Monetary Fund. (2023). World Economic Outlook database. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/WEO-Database/2023/WEOOct2023all.ashx>

²⁰ International Monetary Fund. (2024). World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

²¹ World Bank. (2024). World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

ВВП. Это доказывает важность учета при моделировании баланса текущих операций не только уровня дохода, но и показателей равномерности его распределения (Behringer & Van Treeck, 2018). Более подробное изучение этого аспекта выходит за рамки данной работы и является одним из перспективных направлений для дальнейших исследований.

В исследовании также подтверждена статистически значимая связь баланса текущих операций с еще двумя важными факторами: индексом условий торговли (положительная связь во всех трех моделях) и реальным обменным курсом (отрицательная связь в двух из трех моделей). В отношении индекса условий торговли, рассчитываемого как соотношение цен экспорта и импорта, полученный результат является ожидаемым и соотносится с консенсусной точкой зрения, согласно которой ухудшение условий торговли приводит к сокращению текущих доходов и совокупных сбережений, что в итоге приведет к ухудшению баланса текущих операций (Altayligil & Çetrez, 2020; Aristovnik, 2006). Что касается реального обменного курса национальных валют, то его отрицательная связь с балансом текущих операций ранее подтверждалось в эмпирических работах по различным группам стран, в том числе в недавнем исследовании по странам *ACEAN* (Anwar et al., 2023). Теоретическим обоснованием этого эффекта является так называемое условие Маршалла – Лернера, согласно которому обесценивание или девальвация обменного курса в итоге приводит к чистому улучшению торгового баланса при условии достаточно высокой эластичности спроса по экспорту и (или) по импорту (Bahmani et al., 2013).

Во всех перечисленных выше исследованиях, несмотря на пересекающиеся с данной работой наборы переменных, в качестве факторов, потенциально связанных с балансом текущих операций, не использовались показатели уровня субсидирования в национальных экономиках. Полученные результаты в части отсутствия значимой связи этого фактора с балансом текущих операций формируют новизну данного исследования. Исходя из этих результатов, можно заключить, что сами по себе средства, выделяемые на субсидии и трансферы, не приводят к улучшению баланса текущих операций и снижению импортозависимости.

Доступный уровень детализации макроэкономической статистики не позволяет детализировать меры поддержки, а использованная в рамках настоящего исследования категория «субсидии и прочие трансферы» достаточно широкая и включает в себя, например, трансферы другим государствам.

Даже более высокая детализация, доступная по отдельным государствам и позволяющая выделить объем субсидий, тем не менее не позволяет в сопоставимом между государствами виде собрать характеристики программ субсидирования (критерии выбора отраслей, ключевые показатели эффективности (КПЭ), субсидируемые статьи затрат), что не позволяет, например, группировать страны по типам программ субсидирования с целью выявления их эффективности и специфики.

Тем не менее на основе использованной выше страновой статистики представляется возможным составить список лидеров среди стран по уровню субсидирования – в табл. 5 представлены крупнейшие по среднему уровню субсидирования в 2013–2022 гг. 20 стран в мире.

Из 20 представленных в табл. 5 стран шесть – это страны, относящиеся также к числу 20 стран с наиболее высоким показателем среднего в 2013–2022 гг. ВВП на душу населения (с учетом ППС): Германия, Австрия, Швеция, Нидерланды, Норвегия, Швейцария.

В целом среди представленных стран преобладают развитые западные страны. Но среди рассматриваемых государств также присутствуют страны БРИКС – Бразилия (позиция 11) и приостановившая свою заявку на участие в объединении Аргентина (позиция 14). Важно также, что статистика по уровню субсидирования в Китае вовсе отсутствует среди данных Международного валютного фонда и Всемирного банка – такая статистика доступна только для 142 стран (около 72 % от всех охваченных статистикой Международного валютного фонда стран и территорий), при этом для большинства стран значения представлены не для всех лет в рассматриваемом периоде с 2013 по 2022 г., что является существенным ограничением в количественном анализе.

Для целей более детального изучения механизмов субсидирования в различных странах и их эффективности необходимо также применение качественных методов, таких как контент-анализ и нарративный анализ, в частности. В дальнейшей работе планируется использование инструментария качественного анализа и сопоставление с выводами количественного анализа настоящего исследования.

Таблица 5

Крупнейшие 20 стран в мире по среднему уровню субсидирования в 2013–2022 гг.

Table 5. World's top 20 countries by the average level of subsidizing in 2013–2022

№	Страна / Country	Субсидии и прочие трансферы (% от ВВП, среднее 2013–2022) / Subsidies and other transfers (% of GDP, average of 2013–2022)
1	Бельгия / Belgium	45,21
2	Германия / Germany	38,21
3	Австрия / Austria	38,11
4	Франция / France	36,99
5	Испания / Spain	35,78
6	Швеция / Sweden	35,49
7	Нидерланды / the Netherlands	35,20
8	Норвегия / Norway	31,32
9	Канада / Canada	30,24
10	Финляндия / Finland	29,40
11	Бразилия / Brasil	28,21
12	Сербия / Serbia	27,71
13	Япония / Japan	27,25
14	Аргентина / Argentina	26,57
15	Украина / Ukraine	26,57
16	Австралия / Australia	26,35
17	Беларусь / Belarus	25,70
18	Эстония / Estonia	25,48
19	Италия / Italy	25,07
20	Швейцария / Switzerland	24,93

Источник: составлено авторами на основе International Monetary Fund^{22, 23}.

Source: compiled by the authors based on International Monetary Fund data^{22, 23}.

Заключение

Как мы видим по результатам нашего исследования, проблематика обеспечения технологического суверенитета и роль субсидий в реализации целей научно-технологического развития является одной из самых злободневных не только в общественно-политическом, но и в академическом дискурсе. Это подтверждает, в частности, проведенный анализ частотности применения термина «субсидия» на разных языках, а также резко выросшее число форумов и обсуждений по данной тематике в России. Одним из самых типичных инструментов промышленной политики является субсидирование производства значимых для конкретной страны товаров.

²² International Monetary Fund. (2023). World Economic Outlook database. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/WEO-Database/2023/WEOOct2023all.ashx>

²³ International Monetary Fund. (2024). World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

Проведенный анализ макроэкономической статистики позволил, с одной стороны, показать фрагментированность данных МВФ и Всемирного банка, поскольку статистика по одному из мировых технологических лидеров отсутствует.

С другой стороны, отмеченные недостатки исключительного анализа макроэкономической статистики требуют дальнейших исследований в части спецификации субсидий как инструментов, способствующих достижению целей научно-технологического развития, в частности с помощью методологии нарративного анализа (Вольчик, Маслюкова, 2023; Цыганков и др., 2024).

Цель исследования по оценке взаимосвязи субсидий и баланса текущих операций была достигнута путем оценки коэффициентов корреляции и построения панельной регрессионной модели на выборке, охватывающей большинство стран мира. Корреляционный анализ показал существование небольшой (коэффициент корреляции $\sim 0,25$), но статистически значимой связи между средним долгосрочным уровнем субсидий и средним долгосрочным уровнем баланса текущих операций. При этом построение панельной регрессии показало, что уровень субсидирования статистически незначим, что не позволяет подтвердить основную гипотезу данного исследования.

За счет проведенного анализа роли субсидий в реализации целей экономического развития результаты исследования дают основу для более полного понимания инструментов обеспечения технологического суверенитета и могут быть полезны специалистам в области промышленной политики, а модификации построенной регрессионной модели могут быть использованы в дальнейших исследованиях факторов баланса текущих операций. Также результаты исследования обуславливают целесообразность применения качественных методов для дальнейших исследований роли субсидий в обеспечении технологического суверенитета страны.

Список литературы

- Байдоров, Д. Ю., Файков, Д. Ю. (2023). На пути к технологическому суверенитету: теоретические подходы, практика, предложения. *Экономическое возрождение России*, 1(75), 67–82. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82>
- Безруков, А. О., Байдаров, Д. Ю., Файков, Д. Ю. (2024) Технологическое лидерство государства: концептуальное понимание и механизмы формирования. *Экономическое возрождение России*, 1(79), 75–89. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2024-1-79-75-89>
- Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В. (2023). Нарративы о российской инновационной системе в средствах массовой информации. *Terra Economicus*, 21(4), 25–37. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-25-37>
- Вольчик, В. В., Цыганков, С. С., Маскаев, А. И. (2023). Эволюция национальных инновационных систем США, Великобритании, Китая и Ирана. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 16(3), 284–301. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.3.87.15>
- Гавритухин, А. В., Иванова, Н. И. (2023). Особенности развития российско-китайских внешнеторговых отношений в 2019–2023 гг. *Экономические отношения*, 13(4), 819–830. <https://doi.org/10.18334/eo.13.4.119250>
- Гареев, Т. Р. (2023). Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации. *Terra Economicus*, 21(4), 38–54. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54>
- Гегечкори, И. М. (2022). Экономические санкции против Российской Федерации и внешнеэкономическая безопасность: вызовы и угрозы. *Аудиторские ведомости*, 1, 97–100.
- Дементьев, В. Е. (2023). Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства. *Terra Economicus*, 21(1), 6–18. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18>
- Караянис, Н., Шерих, М., Эльснер, В. (2022). Особенности китайской модели «государства развития». *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, 13(1), 6–19. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.1.006-019>
- Качанова, Л. С., Марченко, А. И. (2023). Развитие импорта продукции машиностроения из Китайской Народной Республики при обеспечении экономической безопасности государства. *Экономика и бизнес: теория и практика*, 6-1(100), 173–176.
- Курбатова, М. В., Саблин, К. С. (2012). Институты развития и квазиинституты развития в российской экономике. *Terra Economicus*, 10(3), 22–38.
- Левин, С. Н., Саблин, К. С. (2021). Догоняющее развитие vs. опережающее развитие: от теоретических моделей к практикам государства развития. *Journal of Economic Regulation*, 12(4), 60–70. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.4.060-070>
- Ленчук, Е. Б. (2021). Россия в мировом процессе научно-технологического развития. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 14(4), 72–91. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-5>

- Ленчук, Е. Б. (2022). Научно-технологическое развитие как стратегический национальный приоритет России. *Экономическое возрождение России*, 1(71), 58–65. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-1-71-58-65>
- Тимофеев, И. Н. (2022). Политика санкций против России: новый этап. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3, 198–206. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-11>
- Узун, В. Я. (2012). Особенности господдержки сельского хозяйства в России. *Экономика сельского хозяйства России*, 7, 57–64.
- Хайруллина, О. И. (2012). Государственные субсидии в сельском хозяйстве: бухгалтерский учет и налогообложение. *Международный бухгалтерский учет*, 10, 19–26.
- Цыганков, С. С., Маскаев, А. И., Вольчик, В. В. (2024). Государственные закупки и инновационная политика в России: взгляд со стороны нарративной экономики. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 24–35. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.24-35>
- Экономика научно-технологического прорыва и суверенитета: научный доклад. (2024). Межведомственная рабочая группа по технологическому развитию при Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию; Институт исследований и экспертизы ВЭБ. Москва: РУДН.
- Юревич, М. А. (2023). Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения. *Вопросы теоретической экономики*, 4, 7–21. https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2023_4_7_21
- Ali Abbas, S. M., Bouhga-Hagbe, J., Fatás, A., Mauro, P., & Velloso, R. C. (2011). Fiscal policy and the current account. *IMF Economic Review*, 59(4), 603–629. <https://doi.org/10.1057/imfer.2011.22>
- Alleyne, D., Lugay, B., & Dookie, M. (2011). *The relationship between fiscal and current account balances in the Caribbean*. Naciones Unidas Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL).
- Altayliligil, Y. B., & Çetrez, M. (2020) Macroeconomic, institutional and financial determinants of current account balances: a panel data assessment. *Journal of Economic Structures*, 9, 49. <https://doi.org/10.1186/s40008-020-00225-1>
- Anwar, C., Suhendra, I., Ginanjar, R. A., Oktari, S., & Desmawan, D. (2023). Exchange Rate and Current Account Balance: Evidence from ASEAN-5 Countries. In *Proceedings of the International Conference on Sustainability in Technological, Environmental, Law, Management, Social and Economic Matters, ICOSTELM 2022, 4-5 November 2022*. Bandar Lampung, Indonesia. <http://dx.doi.org/10.4108/eai.4-11-2022.2329707>
- Aristovnik, A. (2006). *The Determinants & Excessiveness of Current Account Deficits in Eastern Europe & the Former Soviet Union* (No. wp827). William Davidson Institute at the University of Michigan.
- Bahmani, M., Harvey, H., & Hegerty, S. W. (2013). Empirical tests of the Marshall-Lerner condition: a literature review. *Journal of Economic Studies*, 40(3), 411–443. <https://doi.org/10.1108/01443581311283989>
- Batdelger, T., & Kandil, M. (2011). Determinants of the current account balance in the United States. *Applied Economics*, 44(5), 653–669. <https://doi.org/10.1080/00036846.2010.518950>
- Behringer, J., & Van Treeck, T. (2018). Income distribution and the current account. *Journal of International Economics*, 114, 238–254. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2018.06.006>
- Branstetter, L. G., Li, G., & Ren, M. (2023). Picking winners? Government subsidies and firm productivity in China. *Journal of Comparative Economics*, 51(4), 1186–1199. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2023.06.004>
- Crespi, F., Caravella, S., Menghini, M., & Salvatori, C. (2021). European technological sovereignty: an emerging framework for policy strategy. *Intereconomics*, 56(6), 348–354. <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>
- Edler, J., Blind, K., Kroll, H., & Schubert, T. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. *Research Policy*, 52(6), 104765. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765>
- Gruber, J., & Kamin, S. (2009). Do differences in financial development explain the global pattern of current account imbalances. *Review of International Economics*, 17(4), 667–688. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9396.2009.00842.x>
- Ott, I., & Vannuccini, S. (2023). Invention in Times of Global Challenges: A Text-Based Study of Remote Sensing and Global Public Goods. *Economies*, 11(8), 207. <https://doi.org/10.3390/economies11080207>
- Wan, Qunchao, Ye, J., Zheng, Li, Tan, Zhihong, Tang, Shiyi et al. (2023). The impact of government support and market competition on China's high-tech industry innovation efficiency as an emerging market. *Technological Forecasting and Social Change*, 192, 122585. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122585>

References

- Ali Abbas, S. M., Bouhga-Hagbe, J., Fatás, A., Mauro, P., & Velloso, R. C. (2011). Fiscal policy and the current account. *IMF Economic Review*, 59(4), 603–629. <https://doi.org/10.1057/imfer.2011.22>
- Alleyne, D., Lugay, B., & Dookie, M. (2011). *The relationship between fiscal and current account balances in the Caribbean*. Naciones Unidas Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL).
- Altayliligil, Y. B., & Çetrez, M. (2020) Macroeconomic, institutional and financial determinants of current account balances: a panel data assessment. *Journal of Economic Structures*, 9, 49. <https://doi.org/10.1186/s40008-020-00225-1>

- Anwar, C., Suhendra, I., Ginanjar, R. A., Oktari, S., & Desmawan, D. (2023). Exchange Rate and Current Account Balance: Evidence from ASEAN-5 Countries. In *Proceedings of the International Conference on Sustainability in Technological, Environmental, Law, Management, Social and Economic Matters, ICOSTELM 2022, 4-5 November 2022*. Bandar Lampung, Indonesia. <http://dx.doi.org/10.4108/eai.4-11-2022.2329707>
- Aristovnik, A. (2006). *The Determinants & Excessiveness of Current Account Deficits in Eastern Europe & the Former Soviet Union* (No. wp827). William Davidson Institute at the University of Michigan.
- Bahmani, M., Harvey, H., & Hegerty, S. W. (2013). Empirical tests of the Marshall-Lerner condition: a literature review. *Journal of Economic Studies*, 40(3), 411–443. <https://doi.org/10.1108/01443581311283989>
- Batdelger, T., & Kandil, M. (2011). Determinants of the current account balance in the United States. *Applied Economics*, 44(5), 653–669. <https://doi.org/10.1080/00036846.2010.518950>
- Baydarov, D. Yu., & Faykov, D. Yu. (2023). Towards Technological Sovereignty: Theoretical Approaches, Practice, Suggestions. *Economic Revival of Russia*, 1(75), 67–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82>
- Behringer, J., & Van Treeck, T. (2018). Income distribution and the current account. *Journal of International Economics*, 114, 238–254. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2018.06.006>
- Bezrukov, A. O., Baydarov, D. Yu., & Faikov, D. Yu. (2024). State Technological Leadership: Conceptual Understanding and Formation Mechanisms. *Economic Revival of Russia*, 1(79), 75–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2024-1-79-75-89>
- Branstetter, L. G., Li, G., & Ren, M. (2023). Picking winners? Government subsidies and firm productivity in China. *Journal of Comparative Economics*, 51(4), 1186–1199. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2023.06.004>
- Crespi, F., Caravella, S., Menghini, M., & Salvatori, C. (2021). European technological sovereignty: an emerging framework for policy strategy. *Intereconomics*, 56(6), 348–354. <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>
- Dementiev, V. E. (2023). Technological sovereignty and priorities of localization of production. *Terra Economicus*, 21(1), 6–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18>
- Edler, J., Blind, K., Kroll, H., & Schubert, T. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. *Research Policy*, 52(6), 104765. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765>
- Gareev, T. R. (2023). Technological sovereignty: from conceptual contradictions to practical implementation. *Terra Economicus*, 21(4), 38–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54>
- Gavritukhin, A. V., & Ivanova, N. I. (2023). Characteristics of developing Russian-Chinese foreign economic relations in 2019–2023. *Journal of International Economic Affairs*, 13(4), 819–830. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/eo.13.4.119250>
- Gegechkori, I. M. (2022). Economic sanctions against the Russian Federation and foreign economic security: challenges and threats. *Audit Journal*, 1, 97–100. (In Russ.).
- Gruber, J., & Kamin, S. (2009). Do differences in financial development explain the global pattern of current account imbalances. *Review of International Economics*, 17(4), 667–688. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9396.2009.00842.x>
- Kachanova L. S., & Marchenko A. I. (2023). Development of import of engineering products from the People's Republic of China with ensuring the economic security of the state. *Economy and Business: Theory and Practice*, 6-1(100), 173–176. (In Russ.).
- Karayanis, N., Sherich, M., & Elsner, W. (2022). Growth and Development of China: A Developmental State 'With Chinese Characteristics'. *Journal of Economic Regulation*, 13(1), 6–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.1.006-019>
- Khairullina, O. I. (2012). State subsidies in agriculture: accounting and taxation. *International Accounting*, 10, 19–26. (In Russ.).
- Kurbatova, M. V., & Sablin, K. S. (2012). Development institutions and development quasi-institutions in the Russian economy. *Terra Economicus*, 10(3), 22–38. (In Russ.).
- Lenchuk, E. B. (2021). Russia in the global process of scientific and technological development. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 14(4), 72–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-5>
- Lenchuk, E. B. (2022). Scientific and technological development as a strategic national priority of Russia. *Economic Revival of Russia*, 1(71), 58–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-1-71-58-65>
- Levin, S. N., & Sablin, K. S. (2021). Catch-up development vs. forward-looking development: From theoretical models to developmental state practices. *Journal of Economic Regulation*, 12(4), 60–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.4.060-070>
- Ott, I., & Vannuccini, S. (2023). Invention in Times of Global Challenges: A Text-Based Study of Remote Sensing and Global Public Goods. *Economies*, 11(8), 207. <https://doi.org/10.3390/economies11080207>
- Timofeev, I. N. (2022). Policy of sanctions against Russia: Newest stage. *Journal of the New Economic Association*, 3, 198–206. (In Russ.). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-11>
- Tsygankov, S. S., Maskae, A. I., & Volchik, V. V. (2024). Public procurement and innovation policy in Russia: a perspective from narrative economics. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 24–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.24-35>
- Uzun, V. Y. (2012). Features of state support to agriculture in Russia. *Economics of Agriculture of Russia*, 7, 57–64. (In Russ.).
- Volchik, V. V., Tsygankov, S. S., & Maskae, A. I. (2023). Evolution of national innovation systems of the United States, the United Kingdom, China and Iran. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 284–301. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2023.3.87.15>
- Volchik, V., & Maslyukova, E. (2023). Narratives about the Russian innovation system in the mass media. *Terra Economicus*, 21(4), 25–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-25-37>

Wan, Qunchao, Ye, J., Zheng, Li, Tan, Zhihong, Tang, Shiyi et al. (2023). The impact of government support and market competition on China's high-tech industry innovation efficiency as an emerging market. *Technological Forecasting and Social Change*, 192, 122585. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122585>

Yurevich, M. A. (2023). Technological sovereignty of Russia: concept, measurement, possibility of achievement. *Issues of Economic Theory*, 4, 7–21. (In Russ.). https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2023_4_7_21

Economy of scientific-technological breakthrough and sovereignty: scientific report. (2024). Interdepartmental Working Group on Technological Development under the Government Commission for Economic Modernization and Innovative Development; VEB Institute for Research and Expertise of Bank for Development and Foreign Economic Affairs. Moscow: RUDN. (In Russ.).

Вклад авторов

Е. А. Капогузов формировал концептуальную и теоретическую части исследования, производил обзор литературы, формировал выводы и заключение.

В. А. Гордеев проводил обзор литературы, сбор и анализ данных, формировал выводы по результатам исследования, в эконометрическом анализе и интерпретации данных.

А. М. Пахалов участвовал в подготовке эмпирической базы исследования, в эконометрическом анализе и интерпретации данных.

The author's contributions

E. A. Kapoguzov formed the conceptual and theoretical parts of the study, performed literature review, and formulated conclusions.

V. A. Gordeev conducted literature review, collected and analyzed data, and formulated conclusions on the study results, in econometric analysis and data interpretation.

A. M. Pakhalov participated in the preparation of the empirical base, in econometric analysis and data interpretation.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 27.05.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 30.07.2024

Дата принятия в печать / Accepted 30.07.2024

Научная статья

УДК 331.5-053.81:338.2(470+571)

JEL: E24, J13, J2

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.686-698>

А. Д. Кириллова¹,

А. В. Попов¹

¹ Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия

Государственная политика России по содействию занятости молодежи в условиях вызовов современности

Кириллова Анастасия Дмитриевна, Вологодский научный центр Российской академии наук

E-mail: kirillowa.anastasiia@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2719-6253>

eLIBRARY SPIN-код: 4880-6526

Контактное лицо:

Попов Андрей Васильевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук

E-mail: ai.popov@yahoo.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4803-1354>

Web of Science Researcher ID: I-8785-2016

Scopus Author ID: 57192065723

eLIBRARY SPIN-код: 7650-7779

Аннотация

Цель: систематизация и развитие представлений о совершенствовании государственной политики России по содействию занятости молодежи.

Методы: работа построена на анализе литературных источников и нормативно-правовых документов с применением общенаучных методов познания.

Результаты: в работе раскрыты правовые основы деятельности российских органов власти в области содействия занятости молодежи и развития рынка труда. Показано, что, несмотря на многообразие мер, молодые люди по-прежнему сталкиваются с серьезными барьерами на пути к успешному трудоустройству и стабильной занятости в целом. В ходе анализа обобщены приоритетные направления действий по преодолению наиболее актуальных проблем, среди которых: вольное регулирование статуса молодого специалиста, ограниченность статистики, низкая осведомленность молодежи о ситуации на рынке труда, несоответствие выпускаемых кадров актуальным потребностям экономики и т. д. В заключение подчеркивается важность осмысления накопленного опыта и применения на практике наиболее удачных решений с учетом специфики российского рынка труда.

Научная новизна: проведенное исследование вносит вклад в развитие теоретических и практических вопросов содействия занятости молодежи, в том числе с углублением представлений об основных барьерах на пути к стабильной работе и мерах по их преодолению.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы, прежде всего, в практике государственного управления любого уровня для совершенствования политики по содействию занятости молодежи.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, рынок труда, молодежь, содействие занятости, безработица, молодой специалист, политика занятости, работа по специальности

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кириллова, А. Д., Попов, А. В. (2024). Государственная политика России по содействию занятости молодежи в условиях вызовов современности. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 686–698. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.686-698>

Scientific article

A. D. Kirillova¹,

A. V. Popov¹

¹ Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

State policy of Russia to promote youth employment under the modern challenges

Anastasia D. Kirillova, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

E-mail: kirillowa.anastasiia@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2719-6253>

eLIBRARY SPIN-code: 4880-6526

Contact:

Andrey V. Popov, Cand. Sci. (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

E-mail: ai.popov@yahoo.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4803-1354>

Web of Science Researcher ID: I-8785-2016

Scopus Author ID: 57192065723

eLIBRARY SPIN-code: 7650-7779

Abstract

Objective: to systematize and develop ideas about the improvement of the Russian state policy to promote youth employment.

Methods: the work is based on the analysis of literature and normative-legal documents using general scientific methods of cognition.

Results: the paper reveals the legal bases for the activities of Russian authorities in the field of promoting youth employment and developing labor market. It is shown that, despite the variety of measures, young people still face serious barriers to successful career starting and stable employment in general. The analysis summarizes the priority areas of action to overcome the most pressing problems, including: loose regulation of the status of a young specialist; limited statistics; low awareness of young people about the situation on the labor market; mismatch between the personnel produced and the current needs of the economy, etc. The conclusion emphasizes the importance to summarizing the accumulated experience and practical application of the most beneficial solutions, taking into account the specifics of the Russian labor market.

Scientific novelty: the conducted research contributes to the development of theoretical and practical issues of promoting youth employment, including the deepening of ideas about the main barriers to stable employment and measures to overcome them.

Practical significance: the study results can be used, first of all, in the practice of public administration at any level to improve the policy to promote youth employment.

Keywords:

regional and sectoral economy, labor market, youth, employment promotion, unemployment, young specialist, employment policy, work in the sphere of acquired education

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kirillova, A. D., & Popov, A. V. (2024). State policy of Russia to promote youth employment under the modern challenges. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 686–698. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.686-698>

Введение

Тематика занятости молодежи находится в центре внимания ученых, бизнеса и органов власти. Многое сказано о барьерах выхода на рынок труда и профессиональных траекториях, а еще больше – о мерах по борьбе с безработицей и трудовой адаптации в целом. Несмотря на все действия в этой области, спектр проблемных вопросов не только весьма широк, но и далек от разрешения (Ковальчук и др., 2019). Помимо того, что молодые люди продолжают сталкиваться с серьезными вызовами во время получения первого опыта трудоустройства и работы, не менее сложным является путь к стабильной занятости, который может измеряться годами (Бобков, Литвинюк, 2016; Stuth & Jahn, 2020). Такая картина наблюдается практически повсеместно и, как правило, не зависит от уровня благосостояния страны¹. Могут меняться значения тех или иных показателей, однако в силу возрастных особенностей молодежь остается одной из самых уязвимых категорий на рынке труда (Eichhorst & Rinne, 2015).

Преодолеть сложившуюся ситуацию традиционными механизмами государственного регулирования едва ли возможно. В основном этому препятствуют объективные обстоятельства, связанные как с отсутствием у подрастающего поколения весомого опыта работы и развитых профессиональных навыков, так и с динамизмом рыночной конъюнктуры, что приводит к увеличению разрыва между сферой образования и потребностями экономики в квалифицированных кадрах². Также существует немало факторов, которые непосредственно связаны с моделями поведения субъектов рынка труда, и прежде всего молодежи (Ильин, 2018). В качестве примера можно привести широко обсуждаемый тренд на работу не по специальности (Барков, Зубков, 2022), где определяющая роль отводится размеру заработной платы (Леонидова, 2023)³. Все это формирует сложную систему взаимоотношений, которая плохо поддается мерам управленческого воздействия. В основном они носят косвенный характер и не оказывают прямого влияния на практики участия населения в общественно полезной деятельности.

Как и во всем мире, в России ведется активная дискуссия о содействии занятости молодежи. В новой редакции долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 г. актуализируются задачи по профориентации школьников, упрощению трудоустройства несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, организации процесса занятости студентов и выпускников образовательных организаций⁴ и т. д. Кроме того, в условиях нарастания дефицита кадров все больший акцент делается на практиках целевого набора будущих специалистов (Головчин, 2023)⁵, вплоть до внесения законопроекта о работе по распределению для студентов-бюджетников в соответствии с полученной квалификацией⁶. В этой связи тематика занятости молодежи не теряет своей важности. Напротив, в турбулентных условиях современности происходит как обострение системных проблем, так и возникновение новых вызовов (Игнатьев и др., 2023), что требует оперативного реагирования со стороны ответственных ведомств и учреждений.

¹ Global Employment Trends for Youth 2022: Investing in transforming futures for young people. Geneva: International Labour Organization. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_853321.pdf

² ВЦИОМ зафиксировал огромный разрыв между образованием и потребностями работодателей в РФ. (2023, 21 сентября). ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/18811605>

³ Почти каждый второй россиянин не работает по специальности. (2023). Работа.ру. <https://press.rabota.ru/pochti-kazhdiy-vtoroy-rossiyanin-ne-rabotaet-po-spetsialnosti>

⁴ Распоряжение Правительства РФ № 45-п от 17.01.2024. (2024). <https://base.garant.ru/408411117/>

⁵ В Минздраве предложили альтернативу системе распределения медиков по окончании учебы. (2023, 10 июля). ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/18231259>

⁶ В Госдуму внесен законопроект о работе по распределению для студентов-бюджетников. (2023, 1 мая). Российская газета. <https://rg.ru/2023/05/01/v-gosdumu-vnesen-zakonoproekt-o-rabote-po-raspredeleniiu-dlia-studentov-biudzhетnikov.html>

Цель нашей статьи заключается в систематизации и развитии представлений о совершенствовании государственной политики России по содействию занятости молодежи. Для этого мы обратились к правовым основам деятельности российских органов власти в этой области и обосновали приоритетные направления действий по преодолению наиболее актуальных проблем. Работа построена на анализе литературных источников и нормативно-правовых документов. Гипотеза исследования в явном виде не представлена, поскольку во главе угла находится обобщение дискурса, сформированного вокруг тематики молодежной занятости.

Результаты исследования

Обзор деятельности российских органов власти по развитию рынка труда и содействию занятости молодежи

Важной частью экономической и социальной политики как всей страны, так и ее субъектов является государственное регулирование рынка труда, направленное на содействие полной, продуктивной и свободной занятости, предотвращение или сокращение безработицы, что достигается за счет обеспечения баланса между спросом на труд и его предложением, поддержки наиболее уязвимых групп работников и т. д. Для этого органы власти используют различные методы управленческого воздействия, которые заключаются в административном, экономическом, организационном, законодательном и информационном регулировании (Горбачева, 2013).

Ключевую роль в государственном механизме регулирования рынка труда играет нормативно-правовая база. Она призвана формализовать «правила игры» во взаимоотношениях между экономическими агентами, определять их права, создавать равные возможности для реализации способностей к труду. Основными документами в этой области являются Конституция РФ, Трудовой кодекс РФ, федеральные законы, иные нормативные и правовые акты РФ и субъектов Федерации. Так, ст. 37 Конституции РФ гарантирует любому гражданину право свободно распоряжаться своими способностями на труд за вознаграждение без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного минимального размера оплаты труда, выбирать род деятельности и профессию⁷. В Трудовом кодексе РФ содержатся общие принципы регулирования трудовых отношений, регламентирующие взаимодействие субъектов рынка труда⁸. Правовые, экономические и организационные основы государственной политики содействия занятости населения, в том числе гарантии государства по реализации конституционных прав россиян на труд и социальную защиту от безработицы, определяются Законом «О занятости населения РФ»⁹. В 2023 г. вышел новый закон о занятости, в котором введено множество новшеств: от закрепления новых категорий граждан до законодательного признания ряда форм занятости¹⁰.

Реализация стратегических ориентиров в области занятости населения осуществляется посредством федеральных и региональных программ и проектов. В частности, в России действует госпрограмма «Содействие занятости населения», целями которой являются не превышение к 2030 г. значения уровня регистрируемой безработицы более 1 %, а также создание условий для формирования культуры безопасного труда и повышение эффективности мер, направленных на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности¹¹. В свою очередь, в рамках национального проекта «Демография» проходят мероприятия по комплексной модернизации государственной службы занятости, обучению и переобучению граждан, независимой оценке квалификации¹² и т. д.

⁷ Конституция Российской Федерации в ред. от 03.07.2020. Статья 37. КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5e37b9644c66582efdaf762a109a281bf999c28d/

⁸ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074279>

⁹ О занятости населения в Российской Федерации. № 1032-1 от 19.04.1991. (1991). <https://mintrud.gov.ru/docs/laws/89>

¹⁰ О занятости населения в Российской Федерации. № 565-ФЗ от 12.12.2023. (2023). <https://base.garant.ru/408175315/>

¹¹ Содействие занятости населения: Государственная программа Российской Федерации. <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/1>

¹² Содействие занятости. АНО «Национальные приоритеты». https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya/sodestvie_zanyatosti

Вопросам занятости молодого поколения уделяется особое место в политике государства. В 2021 г. Правительством РФ принята Долгосрочная программа содействия занятости молодежи до 2030 г.¹³, направленная на обеспечение условий для раскрытия профессионального, трудового и предпринимательского потенциала лиц в возрасте от 14 до 35 лет. Для этого будут решаться задачи по формированию карьерных стратегий подрастающего поколения в соответствии с личностно-профессиональными наклонностями и потребностью рынка труда, обеспечению взаимосвязи получаемого образования с требованиями работодателей и предпринимательской деятельности, созданию условий для профессионального развития и дополнительных механизмов снижения рисков незанятости. Ежегодно программа должна охватывать до 200 тыс. человек. В результате принятия всех мер ожидается существенное снижение молодежной безработицы (до 5 % к 2030 г.).

В 2024 г. распоряжением Правительства РФ утверждена обновленная Программа содействия занятости молодежи до 2030 г.¹⁴ К числу ее приоритетных задач относятся: содействие трудоустройству несовершеннолетних граждан и зрелой молодежи, которая испытывает сложности в поиске работы, развитие цифровых систем в сфере труда и занятости, повышение профессионального мастерства молодых работников. При этом выделено еще одно новое направление – стимулирование трудовой миграции молодежи на приоритетные территории Арктики и Дальнего Востока из других регионов России.

Среди большого количества федеральных проектов («Карьерное сопровождение молодежи», «Страна мастеров» и др.) выделяется образовательная программа «Профессионалитет»¹⁵. Она предполагает создание образовательно-производственных центров (кластеров), представляющих собой интеграцию колледжей и техникумов, которые готовят кадры, и организаций реального сектора экономики. В рамках данной инициативы внедряются новые учебные программы, ориентированные на потребности рынка труда и конкретных предприятий, оптимизируются сроки обучения, появляется возможность получения высшей квалификации в короткие сроки, что в совокупности должно способствовать популяризации рабочих специальностей (Киреева, Чапаев, 2022). Участникам представлен различный спектр отраслей: атомная, легкая промышленность, информационные технологии, искусство и креативная индустрия, педагогика и др.

Множество проектов реализуется и на региональном уровне. Например, в Самарской области власти представляют меры поддержки молодым специалистам в возрасте от 18 до 35 лет, трудоустроенным по востребованным на рынке труда профессиям¹⁶. Они могут рассчитывать на частичную компенсацию затрат на получение высшего образования или дополнительного профобразования, частичную компенсацию расходов по временному найму жилья или ежемесячного платежа по ипотечному кредиту. Кроме того, в регионе функционируют специализированные учреждения (Молодежный центр «Самарский»¹⁷ и Самарский Дом молодежи¹⁸), деятельность которых включает помощь в трудоустройстве несовершеннолетних граждан как в период каникул, так и в свободное от учебы время, а также молодых людей от 18 до 35 лет с ограниченными возможностями здоровья; организацию городских ярмарок вакансий; оказание социальной, психологической и юридической поддержки.

Приоритетным направлением для региональных властей остается борьба с оттоком молодых кадров, миграция которых носит выраженный центростремительный характер (Мкртчян, 2013). Так, вологодский проект «После вуза – домой» ставит целью возвращение выпускников, которые учатся за пределами области¹⁹. Для них организуются стажировки и практики с возможностью последующего трудоустройства. В 2022 г. Департамент труда и занятости населения региона подписал соглашение о сотрудничестве с работодателями и вузами Центрального и Северо-Западного федеральных округов.

¹³ Распоряжение Правительства РФ № 3581-п от 14.12.2021. <http://static.government.ru/media/files/rPqTKcZXAGKm9YF3xVcоANoHZSUnnpE6.pdf>

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ № 45-п от 17.01.2024. <https://base.garant.ru/408411117/>

¹⁵ Министерство просвещения России. Федеральный проект «Профессионалитет». https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education/

¹⁶ Закон Самарской области № 76-ГД от 06.06.2015. (2015). <https://docs.cntd.ru/document/464019787>

¹⁷ Молодежный центр «Самарский». <http://www.mc-samara.ru/>

¹⁸ Самарский Дом молодежи. <http://samdm.ru/>

¹⁹ После вуза домой: региональный проект приглашает на практику в Вологодскую область. (2023, 5 июля). Информационный портал города Вологды. <https://vologda-poisk.ru/articles/posle-vuza-domoy-regionalnyy-proekt-priglasheet-na-praktiku-v-vologodskuyu-oblast>

Куда более «привычным» с точки зрения поддержки молодежи является проект «Капитал молодого специалиста» для проживающих на Ямале выпускников вузов и ссузов²⁰. В течение года после окончания учебы молодые люди без опыта работы по полученной специальности могут обратиться в службу занятости и устроиться на постоянное место работы без испытательного срока, а государство частично возместит работодателю расходы на оплату труда. При этом молодые специалисты, которые пришли работать в сферы здравоохранения, образования, культуры, спорта, молодежной политики и социального обслуживания, могут получить единовременное пособие в размере 100 тыс. рублей.

Власти регионов также проводят серьезную работу по содействию осознанному выбору профессии и занятости в целом. Например, в Вологодской области реализуется проект «Моя карьера в Вологодской области»²¹, в рамках которого специалисты, построившие карьеру в регионе, рассказывают школьникам и студентам о своем профессиональном пути. В Оренбургской области проводятся профориентационные мероприятия «Приведи ребенка на работу»²² и «Юные PROF-специалисты»²³, в Ярославской области – «Скажи профессии «Да!»²⁴, «Профессиональная навигация»²⁵ и «Шоу профессий»²⁶. Подобного рода инициативы можно найти во всех субъектах страны без исключения. Однако, несмотря на все многообразие мер, которые невозможно отразить в формате научной статьи, молодые люди по-прежнему сталкиваются с серьезными трудностями в процессе поиска работы и на пути к стабильной занятости, что требует продолжения дискуссии в этой области и актуализации наиболее приоритетных направлений совершенствования государственной политики.

Основные направления совершенствования государственной политики по содействию занятости молодежи

В условиях рыночной экономики реализация мер социальной политики является необходимым условием для обеспечения эффективной занятости молодежи. Причины этого кроются в ее недостаточной конкурентоспособности по сравнению со зрелым населением, обладающим значительным опытом работы и проверенными на практике профессиональными компетенциями. В результате, принимая во внимание все достоинства молодого возраста (от общего энтузиазма и состояния здоровья до включенности в современную повестку), тем не менее он зачастую служит серьезным препятствием для успешного выхода на рынок труда. Несмотря на усилия органов власти по улучшению сложившейся ситуации, многие проблемы остаются далеки от разрешения. Обращение к литературе позволяет выделить наиболее актуальные из них и очертить перечень приоритетных направлений действий, которые могут служить ориентиром для совершенствования государственной политики РФ (табл.).

Начнем обсуждение результатов анализа с неутрачивающей дискуссии о статусе молодого специалиста, который подвергается критике даже после закрепления в Федеральном законе № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Последние поправки должны снять с молодых людей обязанность впервые трудоустраиваться в соответствии с полученной квалификацией, чтобы получить преференции от работодателя, а также формализовать тех, кто решил работать не по специальности²⁷. При этом на региональном и отраслевом уровнях нередко диктуются свои требования к выпускникам образовательных организаций для получения мер государственной поддержки (Болотова, 2010). Отсюда и важность определения единого нормативно-правового статуса молодого специалиста (в том числе смежных категорий) и установления четких критериев отнесения к нему с учетом реальных практик выхода на рынок труда и адаптации на рабочем месте.

²⁰ Проект «Капитал молодого специалиста». Интерактивный портал службы занятости населения Ямало-Ненецкого автономного округа. https://rabota.yanao.ru/content/проект_капитал_молодого_специалиста_

²¹ Моя карьера в Вологодской области. <http://voloblcareer.ru/>

²² В рамках Года семьи служба занятости Оренбургской области организует акцию «Приведи ребенка на работу». (2024, 16 марта). Официальный портал Правительства Оренбургской области. <https://orenburg-gov.ru/news/11743/>

²³ В Оренбурге завершилась профориентационная смена для школьников. (2024, 15 апреля). АНО «Национальные приоритеты». <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/v-orenburge-zavershilas-proforientatsionnaya-smena-yunye-prof-spetsialisty>

²⁴ «Скажи профессии «Да!»». https://dunil-bol.edu.yar.ru/proforientatsiya/skazhi_professii_da.html

²⁵ Профессиональная навигация. <https://resurs-yar.ru/events/proforientatsiya/professionalnaya-navigatsiya/>

²⁶ Шоу профессий. <https://resurs-yar.ru/events/proforientatsiya/shou-professiy/>

²⁷ Правительство поддержало законопроект о трудоустройстве молодых специалистов. (2023, 24 октября). Ведомости. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/10/24/1002106-pravitelstvo-podderzhalo-zakonoproekt-o-trudoustroistve-molodih-spetsialistov>

Проблемы в области занятости молодежи и основные направления их преодоления

Problems in the field of youth employment and the main directions for overcoming them

Проблема / Problem	Направления решения проблемы / Direction of solving the problem
Вольное регулирование статуса молодого специалиста / Loose regulation of a young specialist status	Определение единого нормативно-правового статуса «молодой специалист», установление четких критериев отнесения / To define the legal status of “a young specialist”, to establish clear criteria to attribute it
Ограниченность статистики о занятости молодежи / Limited statistics on youth employment	Обеспечение доступности региональных и в особенности муниципальных данных по занятости молодежи. Унификация системы статистического учета и проведение специализированного мониторинга занятости молодежи / To ensure the availability of regional and especially municipal data on youth employment. To unify the statistical system and specialized monitoring of youth employment.
Низкая осведомленность молодежи о ситуации на рынке труда / Low awareness of the youth about the labor market	Развитие системы профессионального сопровождения молодежи путем систематического проведения событийных мероприятий (ярмарок вакансий, встреч с представителями фирм и компаний, обучающих семинаров и т. д.) и урочных занятий на всех уровнях системы образования / To develop a system of professional support for young people through the systematic organization of events (job fairs, meetings with representatives of firms and companies, training seminars, etc.) and scheduled sessions at all levels of the education system
Несоответствие выпускаемых специалистов актуальным потребностям экономики / Inconsistency between graduating specialists and actual economic needs	Усиление работы по разработке и корректировке образовательных программ, соответствующих требованиям рынка труда. Расширение участия работодателей в разработке профессиональных стандартов. Стимулирование и организация процесса повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Обеспечение образовательного процесса современной литературой и постоянное обновление приборной базы / To strengthen the development and adjustment of educational programs that meet the requirements of the labor market. To expand the employers' participation in developing professional standards. To stimulate and organize the professional development of teaching staff. To providing the educational process with up-to-date literature and to constantly update the instrumentation base
Недостаток цифровых и иных современных компетенций / Lack of digital and other modern competencies	Расширение доступа к цифровым технологиям, в частности, в сельской местности. Развитие цифровых и иных современных компетенций, в том числе путем поддержки научно-образовательных центров мирового уровня. Обновление перечня специальностей и учебных программ с учетом ключевых передовых технологий / To expand access to digital technologies, particularly in rural areas. To develop digital and other modern competencies, including by supporting world-class research and education centers. To update the list of majors and curricula taking into account the key advanced technologies
Проблемы выхода на рынок труда / Problems of entering the labor market	Развитие различных форматов участия молодежи в получении опыта работы во время обучения (краткосрочные и длительные стажировки, производственная практика, проектная работа и т. д.). Активное внедрение программ субсидирования работодателей, которые нанимают выпускников после окончания учебы. Поддержка специализированных площадок, где работодатели и выпускники могут найти друг друга (молодежные биржи труда, информационные центры, платформы и т. д.). Повышение привлекательности и эффективности деятельности отделений занятости населения для молодежи / To develop various formats of youth participation in gaining work experience during training (short-term and long-term internships, industrial practice, project work, etc.). To actively introduce subsidy programs for employers who hire graduates after graduation. To support specialized platforms where employers and graduates can find each other (youth labor exchanges, information centers, platforms, etc.). To increase the attractiveness and efficiency of employment offices for young people
Неустойчивость положения работающей молодежи в силу широкой вовлеченности в нестандартные формы занятости и теневой рынок труда / Unstable position of working youth due to wide involvement in non-standard forms of employment and shadow labor market	Проведение регулярной работы по устранению пробелов в трудовом законодательстве, в том числе в связи с расширением практик использования нестандартных форм занятости, и обеспечению социальной защищенности молодых работников / To regularly work to address gaps in labor legislation, including due to the expansion of non-standard forms of employment, and to ensure social protection for young workers

Источник: составлено авторами на основе анализа литературных источников.

Source: compiled by the authors based on literature analysis.

Другим организационным моментом, правда, выходящим за рамки сугубо правового регулирования, является преодоление ограниченности статистики о занятости молодежи (Богаченко, Санкова, 2019). При чем речь идет не о ведомственных структурах, обладающих расширенным доступом к информации, а обо всем социуме, вовлечение которого в общую дискуссию позитивно скажется на выявлении проблемных зон и точек роста. Этому также будет способствовать проведение специализированного мониторинга занятости молодежи (может быть реализован в рамках национального обследования рабочей силы). Однако главной задачей должны стать именно унификация и открытость данных, в особенности это касается муниципальной статистики, которая вызывает множество вопросов у экспертов (Ворошилов, 2022).

Все остальные направления совершенствования государственной политики по содействию занятости молодежи в нашем представлении находятся в практической плоскости и требуют создания необходимых условий для работы на местах. Так, переход современной России к рыночным механизмам хозяйствования привел к необходимости построения новой системы профессионального сопровождения обучающихся. Спустя несколько десятилетий можно с уверенностью говорить о том, что в этой области проделана действительно большая работа. При этом осведомленность подрастающего поколения о ситуации на рынке труда до сих пор остается довольно низкой (Маслова, 2017). Это свидетельствует о важности продолжения усилий по систематическому проведению событийных мероприятий и урочных занятий для формирования у школьников и студентов эффективных карьерных траекторий.

Опыт зарубежных стран показывает, насколько активно должна вестись профориентационная работа для выстраивания эффективного механизма обеспечения экономики квалифицированными кадрами. Помимо регулярных встреч со специалистами кадровых служб и экспертами, организации практик и дополнительных курсов, существует немало примеров создания многоуровневой системы профессионального самоопределения учащихся. Причем далеко не всегда она ограничивается стенами учебных заведений (по типу консультативной психолого-педагогической службы «Гайденс» в США). В частности, в Канаде основная работа по профориентации ведется в центрах содействия найму, которые представляют собой подразделения общенациональной государственной службы (Толстогузов, 2015). Наряду с ними функционируют центры выбора, в которых школьники могут получить подробную информацию о профессиях и их востребованности на рынке труда.

Пожалуй, одним из самых болезненных вопросов в плане содействия занятости молодежи является преодоление диспропорций на рынке труда в профессионально-квалификационном разрезе (Мирзабалаева, Антонова, 2023). Это касается как выпуска востребованных специалистов, так и качества их профессиональной подготовки. Актуальность проблемы регулярно подчеркивается на самом высоком уровне: 21 сентября 2023 г. Президент РФ В. В. Путин провел расширенное заседание Президиума Государственного Совета на тему «О развитии рынка труда в Российской Федерации»²⁸, где заявил о разработке пятилетнего прогноза потребностей в кадрах, на основе которого будут рассчитываться контрольные цифры приема. Также большое внимание уделялось качеству занятости и профессиональной подготовки молодых работников. В этой связи необходимо и дальше совершенствовать образовательные программы для удовлетворения потребностей рынка труда. Роль работодателей в этом непрерывном процессе обмена сигналами незаменима, в том числе в части внедрения профессиональных стандартов. Кроме того, не стоит забывать о стимулировании и организации повышения квалификации профессорско-преподавательского состава, обеспечении студентов современной литературой и постоянном обновлении приборной базы. Система образования должна идти в ногу со временем, чтобы соответствовать динамичным требованиям экономики.

Отдельное место в профессиональной подготовке молодых специалистов отводится цифровым и иным компетенциям, которые заметно улучшают перспективы будущей занятости (Бобков и др., 2023). С одной стороны, это возвращает нас к вопросам о корректировке перечня специальностей и учебных программ с учетом ключевых передовых технологий, поддержке научно-образовательных центров мирового уровня и т. д. Некоторые эксперты при этом предлагают потворствовать таким изменениям, чтобы выпускники образовательных организаций имели широкий арсенал универсальных навыков, поскольку более узкая

²⁸ Администрация Президента России. (2023, 21 сентября). Расширенное заседание Президиума Государственного Совета. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72319>

специализация может привести к устареванию знаний по окончании учебы (Rudakov et al., 2022). С другой стороны, на повестке дня остается множество нерешенных проблем, ограничивающих доступ населения к технологиям. В частности, весьма сложно обстоят дела с цифровым разрывом. Сильнее всего он проявляется в сельской местности²⁹, в результате чего происходит сокращение возможностей для приобретения базовых навыков владения ИКТ.

Как бы ни складывалась учеба, главные трудности на пути к стабильной занятости возникают при выходе на рынок труда. Об этом мы уже писали ранее, поэтому более подробно остановимся на приоритетах государственной политики. В силу всех ограничений системы образования молодые люди должны на постоянной основе получать реальный опыт работы (Вашаломидзе и др., 2023), например, посредством краткосрочных и длительных стажировок, производственной практики, проектной работы, что также позволит изнутри посмотреть на будущую профессию и скорректировать образовательную траекторию. Ситуация в этой области далека от совершенства и среди прочего требует усиления взаимодействия между образовательными организациями и хозяйствующими субъектами (Гриненко, 2022). Таким образом, студенты будут иметь возможность получать практические навыки, а работодатели – отбирать для себя перспективных сотрудников. Стимулировать последних можно посредством предоставления субсидий на организацию стажировок выпускников и наем молодых специалистов. Подобного рода меры активно применяются как в России, так и за рубежом, хотя и имеют существенные различия между собой (Chacaltana et al., 2024), что свидетельствует о необходимости продолжения работы в этом направлении для повышения эффективности проводимой политики.

Препятствует успешному выходу молодежи на рынок труда и невысокая востребованность услуг государственной службы занятости (Баймуратова и др., 2019), что послужило причиной запуска масштабной программы по ее модернизации в рамках национального проекта «Демография»³⁰. Как правило, многие прибегают к неформальным каналам (Черныш, 2019), а также поиску работы в сети Интернет. В таком случае защититься от рисков и попросту мошенничества достаточно сложно. В этой связи повышение привлекательности и эффективности деятельности отделений занятости населения будет способствовать расширению возможностей для трудоустройства (Локтюхина, Феоктистова, 2022). Кроме того, необходима поддержка специализированных площадок, где работодатели и выпускники образовательных организаций могут взаимодействовать напрямую (молодежные биржи труда, информационные центры, платформы и т. д.) (Панина, Пилилян, 2017). Одной из таких практик является проект «ВРаботе»³¹, который помогает молодым людям найти стажировку, временную или постоянную работу. С электронной платформой сотрудничают более 200 крупных компаний и фирм, однако находятся они только на территории Москвы.

Ограниченность доступа к формальному сектору экономики значительно повышает риски неустойчивости занятости для молодых людей (Попов, 2023). Они чаще других прибегают к теневому рынку труда и нестандартным формам трудовых отношений, в том числе основанных на использовании цифровых платформ (Петровская, 2021). С одной стороны, это позволяет увеличить шансы на трудоустройство и ускорить поиск работы, обрести финансовую независимость, а с другой – может обернуться социальной незащищенностью, невозможностью отстоять свои трудовые права. В этой связи важно проведение регулярной работы по устранению пробелов в законодательстве, создающих лазейки для ухудшения положения молодежи. В частности, экспертами разрабатывается «универсальная система трудовых отношений», которая затрагивает не только работников в рамках стандартной модели занятости, но и тех, кто находится в «менее подчиненных, постоянных или формализованных личных отношениях» и не попадает под действие правового поля (Countouris, 2019). Такие новации приведут к расширению практик предоставления социальных гарантий и, как следствие, обеспечат более достойные условия труда.

²⁹ Global Employment Trends for Youth 2022: Investing in transforming futures for young people. Geneva: International Labour Organization. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_853321.pdf

³⁰ Минтруд России. Национальный проект «Демография». <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography>

³¹ Вработе. Мастерская твоей карьеры. <https://vrabote.me/>

Заключение

Проведенное исследование продолжает академическую дискуссию о приоритетных направлениях совершенствования государственной политики России в области содействия занятости молодежи. Полученные результаты свидетельствуют о важности усиления работы по устранению барьеров, препятствующих транзиту от учебы к стабильной занятости. Сам выход на рынок труда остается значимой вехой в жизни молодых людей, однако впереди их ждет немало сложностей на пути к профессиональной зрелости. В этой связи, помимо привычных шагов в сторону профессионального сопровождения молодежи, развития современных компетенций и сокращения цифрового разрыва, сближения запросов работодателей с возможностями системы образования, необходимо сделать акцент на создании благоприятных условий, которые бы позволили обеспечить устойчивость положения молодых работников. Это потребует дальнейшей актуализации трудового законодательства в соответствии с вызовами современности, а также расширения доступа к данным о занятости молодежи, поскольку эффективность принимаемых решений напрямую зависит от качества общественного обсуждения и учета мнения всех заинтересованных сторон. Ограниченность статистики, в особенности на муниципальном уровне, препятствует формированию целостного представления о ситуации на рынке труда и перспективах занятости.

Отдельного внимания заслуживает вопрос трудоустройства выпускников не по специальности, полученной в образовательной организации, что влечет за собой множество негативных последствий (Колосова и др., 2020). Подобного рода практика едва ли поддается правовому регулированию в условиях рынка, в результате чего на первый план выходят меры по экономическому стимулированию молодежи и развитию института целевого обучения, которые должны активно применяться наряду с систематическим проведением событийных мероприятий и урочных занятий по профессиональному самоопределению юношей и девушек.

Многие из обозначенных в работе направлений совершенствования государственной политики находят отражение как на федеральном, так и на региональном уровнях. При этом проблематика занятости молодежи не только остается далека от разрешения (если такое вообще возможно), но и приобретает все большую актуальность по мере нарастания глобальной неопределенности. В текущих реалиях важно осмыслить весь накопленный опыт в этой области, в том числе за рубежом, и применить на практике наиболее удачные решения с учетом специфики российского рынка труда. Кроме того, нельзя обходить стороной и перспективы преодоления кадрового голода в стране, где молодежи отводится особая роль как источника пополнения трудового потенциала территорий. Для этого необходимо проведение специальных исследований, раскрывающих возможности развития института нянь и яслей, расширения дистанционной занятости, упрощения доступа к социальным услугам и т. д. В дальнейшей работе нами планируется затронуть и эти вопросы.

Список литературы

- Баймуратова, Л. Р., Гусева, Е. Н., Спиридонова, Л. В., Яранова, А. А. (2019). Человеческий капитал: оценка трудовых отношений, актуальные проблемы. *Социология. Статистика. Публикации. Отраслевые обзоры*, 2(15).
- Барков, С. А., Зубков, В. И. (2022). Высшее образование: непреодолимый институциональный разрыв с рынком труда. *ЭКО*, 52(4), 8–30. <https://doi.org/10.30680/eco0131-7652-2022-4-8-30>
- Бобков, В. Н. и др. (2023). *Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни поколенных групп экономически активного населения*. Ижевск: Шелест.
- Бобков, В. Н., Литвинюк, А. А. (ред.). (2016). *Российская молодежь на рынке труда: экономическая активность и проблемы трудоустройства в мегаполисе*. Москва: Русайнс.
- Богаченко, Е. Д., Санкова, Л. В. (2019). *Занятость молодежи в контексте достойного труда*. Саратов: КУБиК.
- Болотова, Е. Л. (2010). Есть ли правовой статус у молодого специалиста? *Народное образование*, 2, 132–138.
- Вашаломидзе, Е. В., Крекова, М. М., Ведехин, А. Ю. (2023). Направления снижения молодежной безработицы. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 241(3), 303–312. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-241-3-303-312>

Ворошилов, Н. В. (2022). Особенности и проблемы формирования и использования статистической информации по муниципальным образованиям России. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, 6, 89–105.

Головчин, М. А. (2023). Измерение профессиональной готовности к педагогической деятельности будущих учителей на основе критериально-уровневой оценки. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(4), 882–903. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.4.882-903>

Горбачева, Г. П. (2013). Государственный механизм регулирования рынка труда. *Экономика и современный менеджмент: теория и практика*, 27, 146–153.

Гриненко, Т. Г. (2022). Молодежь на рынке труда: возможности и угрозы. *Управленческое консультирование*, 161(5), 62–71. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-5-62-71>

Игнатьев, А. Г., Курбатова, Т. А., Линдре, Ю. А., Шамраев, Р. А., Кулешов, А. А., Абрамова, А. А. (2023). *Молодежь в ИТ-отрасли: реализация в профессии, ключевые точки роста, значение для развития страны*. Москва: АНО «Центр глобальной ИТ-кооперации».

Ильин, В. А. (ред.). (2018). *Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления*. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН.

Киреева, Э. Ф., Чапаев, Н. К. (2022). Профессионалитет: модернизация системы среднего профессионального образования. *Педагогический журнал Башкортостана*, 98(4), 65–74.

Ковальчук, В. К., Потравная, Е. В., Халиков, М. С. (2019). *Экономическое поведение молодежи на рынке труда*. Москва: КноРус.

Колосова, А. И., Рудаков, В. Н., Рошин, С. Ю. (2020). Влияние работы по профилю полученной специальности на заработную плату и удовлетворенность работой выпускников вузов. *Вопросы экономики*, 11, 113–132. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-113-132>

Леонидова, Г. В. (2023). Риски и возможности трудоустройства не по специальности (на материалах регионального мониторинга). *Проблемы развития территории*, 27(3), 61–78. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.3.125.5>

Локтюхина, Н. В., Феоктистова, О. А. (2022). Совершенствование организационной и финансовой моделей содействия занятости в России. *Финансовый журнал*, 14(4), 29–45. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-4-29-45>

Маслова, Е. В. (2017). *Рынок труда и регулирование занятости: развитие профессиональных компетенций и способности трудоустройства молодых специалистов*. Воронеж: Издательский дом ВГУ.

Мирзабалаева, Ф. И., Антонова, Г. В. (2023). Структурные диспропорции спроса и предложения на рынке труда в отраслевом и профессионально-квалификационном разрезе. *Экономика труда*, 10(8), 1145–1168. <https://doi.org/10.18334/et.10.8.118938>

Мкртчян, Н. В. (2013). Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века. *Известия Российской академии наук. Серия: Географическая*, 6, 19–32.

Панина, А. В., Пилилян, Е. К. (2017). Молодежь и технологии социально-культурного проектирования в решении проблем молодежи. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*, 25(7), 125–132.

Петровская, Н. Е. (2021). Молодежный рынок труда в США. *Общественные науки и современность*, 2, 66–78. <https://doi.org/10.31857/s086904990014322-6>

Попов, А. В. (2023). Влияние прекаризации на уровень жизни и положение российской молодежи в сфере занятости. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 16(6), 236–251. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.14>

Толстогузов, С. Н. (2015). Опыт профориентационной работы за рубежом. *Образование и наука*, 1(1), 151–165. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2015-1-151-165>

Черныш, М. Ф. (2019). Поиск работы по неформальным каналам как социальной дифференциации в молодежной среде. *Информационно-аналитический бюллетень. ИНАБ*, 4, 21–38. <https://doi.org/10.19181/inab.2019.4.2>

Chacaltana, J., Barucci, V., & Moreno, M. (2024). *Youth employment policies: Patterns and trends in two unique data sets*. ILO Working Paper 108. Geneva: International Labour Office.

Countouris, N. (2019). *Defining and regulating work relations for the future of work*. ILO, Switzerland: Geneva.

Eichhorst, W., & Rinne, U. (2015). *An assessment of the Youth Employment Inventory and implications for Germany's development policy*. Bonn: IZA.

Rudakov, V., Figueiredo, H., Teixeira, P., & Roshchin, S. (2022). Horizontal job-education mismatches and earnings of university graduates in Russia. *Journal of Education and Work*, 35(6-7), 680–699. <https://doi.org/10.1080/13639080.2022.2126966>

Stuth, S., & Jahn, K. (2020). Young, successful, precarious? Precariousness at the entry stage of employment careers in Germany. *Journal of Youth Studies*, 23(6), 702–725. <https://doi.org/10.1080/13676261.2019.1636945>

References

- Baimuratova, L. R., Guseva, E. N., Spiridonova, L. V., & Yaranova, A. A. (2019). Human capital: assessing labor relations, topical issues. *Sociology. Statistics. Publications. Industry reviews*, 2(15). (In Russ.).
- Barkov, C., & Zubkov, B. (2022). Higher Education: An Insurmountable Institutional Gap with the Labor Market. *ECO*, 52(4), 8–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.30680/eco0131-7652-2022-4-8-30>
- Bobkov, V. N. & Litvinyuk, A. A. (Eds.). (2016). *Russian youth in the labor market: economic activity and issues of employment in a megalopolis*. Moscow: Rusajns. (In Russ.).
- Bobkov, V. N. et al. (2023). *Influence of precarisation on the quality of employment and living standards of generation groups of economically active population*. Izhevsk: Shelest. (In Russ.).
- Bogachenko, E. D., & Sankova, L. V. (2019). *Youth employment in the context of decent labor*. Saratov: KUBik. (In Russ.).
- Bolotova, E. L. (2010). Does a young specialist have a legal status? *Public Education*, 2, 132–138. (In Russ.).
- Chacaltana, J., Barcucci, V., & Moreno, M. (2024). *Youth employment policies: Patterns and trends in two unique data sets*. ILO Working Paper 108. Geneva: International Labour Office.
- Chernysh, M. F. (2019). Looking for a job through informal networks as a factor of social differentiation among young people. *Information and analytical Bulletin. INAB*, 4, 21–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/inab.2019.4.2>
- Countouris, N. (2019). *Defining and regulating work relations for the future of work*. ILO, Switzerland: Geneva.
- Eichhorst, W., & Rinne, U. (2015). *An assessment of the Youth Employment Inventory and implications for Germany's development policy*. Bonn: IZA.
- Golovchin, M. A. (2023). Measuring professional preparedness of would-be teachers for pedagogical activity based on criteria-level estimation. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(4), 882–903. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.4.882-903>
- Gorbacheva, G. P. (2013). State mechanism of the labor market regulation. *Economics and Modern Management: Theory and Practice*, 27, 146–153. (In Russ.).
- Grinenko, T. G. (2022). Youth in the Labor Market: Opportunities and Threats. *Administrative Consulting*, 161(5), 62–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-5-62-71>
- Ignatiev, A. G., Kurbatova, T. A., Lindre, Yu. A., Shamraev, R. A., Kuleshov, A. A., & Abramova, A. A. (2023). *Youth in IT industry: self-realization in the profession, key growth points, significance for the country development*. Moscow: CGITC. (In Russ.).
- Ilyin, V. A. (Ed.). (2018). *Social vulnerability in a regional community: exclusion and modern ways to overcome it*. Vologda: VolRS RAS. (In Russ.).
- Kireeva, E. F., & Chapaev, N. K. (2022). Professionalism: modernization of the secondary vocational education system. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 98(4), 65–74. (In Russ.).
- Kolosova, A. I., Rudakov, V. N., & Roshchin, S. Yu. (2020). The impact of job-education match on graduate salaries and job satisfaction. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 113–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-113-132>
- Kovalchuk, V. K., Potravnaya, E. V., & Khalikov, M. S. (2019). *Economic behavior of the youth in the labor market*. Moscow: KnoRus. (In Russ.).
- Leonidova, G. V. (2023). Risks and opportunities for employment outside the specialty (based on regional monitoring materials). *Problems of Territory's Development*, 27(3), 61–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.3.125.5>
- Loktyuhina, N. V., & Feoktistova, O. A. (2022). Improving the Organizational and Financial Models of Employment Assistance in Russia. *Financial Journal*, 14(4), 29–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-4-29-45>
- Maslova, E. V. (2017). *Labor market and employment regulation: developing professional competencies and employment abilities of young specialists*. Voronezh: VSU Publishing House. (In Russ.).
- Mirzabalaeva, F. I., & Antonova, G. V. (2023). Structural imbalances in labor market supply and demand at the sectoral and occupational qualification levels. *Russian Journal of Labor Economics*, 10(8), 1145–1168. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/et.10.8.118938>
- Mkrtchyan, N. V. (2013). Migration of youth in regional centers of Russia at the end of 20th – early 21st century. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 6, 19–32. (In Russ.).
- Panina, A. V., & Pililyan, E. K. (2017). Youth and technologies of youth-oriented social-cultural programmes. *Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*, 25(7), 125–132. (In Russ.).
- Petrovskaya, N. E. (2021). Youth labour market in the United States. *Social Sciences and Contemporary World*, 2, 66–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/s086904990014322-6>
- Popov, A. V. (2023). The impact of precarization on the standard of living and the employment situation of Russian youth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 236–251. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.14>

Rudakov, V., Figueiredo, H., Teixeira, P., & Roshchin, S. (2022). Horizontal job-education mismatches and earnings of university graduates in Russia. *Journal of Education and Work*, 35(6-7), 680–699. <https://doi.org/10.1080/13639080.2022.2126966>

Stuth, S., & Jahn, K. (2020). Young, successful, precarious? Precariousness at the entry stage of employment careers in Germany. *Journal of Youth Studies*, 23(6), 702–725. <https://doi.org/10.1080/13676261.2019.1636945>

Tolstoguzov, S. N. (2015). Career guidance experience abroad. *The Education and Science Journal*, 1(1), 151–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2015-1-151-165>

Vashalomidze, E. V., Krekova, M. M., & Vedekhin, A. Yu. (2023). Ways to reduce youth unemployment. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 241(3), 303–312. (In Russ.). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-241-3-303-312>

Voroshilov, N. V. (2022). Features and problems of formation and use of statistical information on municipalities of Russia. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, 6, 89–105. (In Russ.).

Вклад авторов

Оба автора внесли равный вклад в написание статьи, при этом А. Д. Кириллова заложила основные идеи по совершенствованию государственной политики в области занятости молодежи.

The author's contribution

Both authors contributed equally to writing of the article, with A. D. Kirillova laying down the main ideas for improving the state policy in the field of youth employment.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 07.05.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 02.07.2024

Дата принятия в печать / Accepted 02.07.2024

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.699-728>

УДК 338.2:338.45:339.9(470+571)(476)

JEL: F02, F15, L52, O25

Е. В. Потапцева¹,
О. С. Брянцева¹,
Е. В. Преснякова²

¹ Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

² Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

От согласования к реализации: трансформация промышленной политики Союзного государства России и Беларуси

Контактное лицо:

Потапцева Екатерина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра структурной политики, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

E-mail: potaptseva.ev@uiec.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8670-0304>

eLIBRARY SPIN-код: 5449-1420

Брянцева Ольга Сергеевна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра структурной политики, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

E-mail: bryansteva.os@uiec.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0195-8694>

eLIBRARY SPIN-код: 7355-9316

Преснякова Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, руководитель центра инновационной и инвестиционной политики, Государственное научное учреждение Институт экономики Национальной академии наук Беларуси

E-mail: investment@economics.basnet.by

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7453-3884>

eLIBRARY SPIN-код: 7671-4187

Аннотация

Цель: исследование эволюции промышленной политики Союзного государства России и Беларуси за период с 1999 по 2024 г.

Методы: анализ стратегических документов, статистический анализ макроэкономических показателей и исследование региональных аспектов экономической интеграции. Изучение статистики совместных предприятий с белорусским капиталом в России и с российским капиталом в Беларуси, которая указывает на изменение экономических условий в Союзном государстве.

Результаты: промышленная политика Союзного государства планомерно развивается и нацелена на углубление экономической интеграции двух стран. Она опирается на выполнение стратегических соглашений, планирование и финансирование совместных научно-технических программ. Исследование показало, что, несмотря на наличие стратегических соглашений, таких как Соглашение о единой структурной промышленной политике 1999 г. и Соглашение о единой промышленной политике 2023 г., значительная часть запланированных мероприятий и проектов осталась ограничено выполненной. В статье подробно рассматриваются ключевые изменения в содержании промышленной политики, включая усиление акцента на интеграционные проекты, импортозамещение и развитие новых видов конкурентоспособной продукции. Исследование статистики совместных предприятий с белорусским капиталом в России и с российским капиталом в Беларуси указывает на изменение экономических условий в Союзном государстве. Начиная с 2017 г. количество совместных предприятий уменьшается, это может быть как следствием снижения международных торгово-экономических барьеров, так и заинтересованности предприятий

в двухсторонних взаимосвязях. Промышленная политика Союзного государства в настоящее время направлена на преодоление зависимости от поставок зарубежного оборудования и комплектующих, создание единого экономического и научно-технического пространства, финансирование и развитие научно-промышленного сотрудничества на основе союзных программ и проектов.

Научная новизна: заключается в анализе эволюции единой промышленной политики Союзного государства на протяжении более двух десятилетий. Впервые проводится столь детальный анализ, охватывающий весь период с момента подписания первоначального соглашения в 1999 г. до последнего межправительственного соглашения в 2023 г., что позволяет получить целостное представление о развитии подходов и трансформации промышленной политики Союзного государства.

Практическая значимость: исследование впервые дает представление о динамике экономической интеграции регионов России и Беларуси в Союзном государстве через статистику совместных российско-белорусских предприятий в регионах, что может быть полезно исследователям, бизнес-сообществу и органам власти для понимания процессов влияния промышленной политики на реальный сектор экономики.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, единая промышленная политика, региональная промышленная политика, Союзное государство России и Беларуси, экономическая интеграция, единое экономическое пространство, стратегическое партнерство, технологическое развитие, взаимодействие между предприятиями союза

Финансирование

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием для ФГБУН Институт экономики УрО РАН тема № 0327-2024-0010 на 2024–2026 гг.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Потапцева, Е. В., Брянцева, О. С., Преснякова, Е. В. (2024). От согласования к реализации: трансформация промышленной политики Союзного государства России и Беларуси. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 699–728. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.699-728>

Scientific article

E. V. Potaptseva¹,

O. S. Bryantseva¹,

E. V. Presniakova²

¹ Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

² Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

From coordination to implementation: transformation of the industrial policy of the Union State of Russia and Belarus

Contact:

Ekaterina V. Potaptseva, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Center for Structural Policy, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: potaptseva.ev@uiec.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8670-0304>

eLIBRARY SPIN-code: 5449-1420

Olga S. Bryantseva, Cand. Sci. (Economics), Researcher, Center for Structural Policy, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: bryansteva.os@uiec.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0195-8694>

eLIBRARY SPIN-code: 7355-9316

Elena V. Presniakova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Head of the Center for Innovation and Investment Policy, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus

E-mail: investment@economics.basnet.by

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7453-3884>

eLIBRARY SPIN-code: 7671-4187

Abstract

Objective: to study the evolution of the industrial policy of the Union State of Russia and Belarus from 1999 to 2024.

Methods: analysis of strategic documents, statistical analysis of macroeconomic indicators and study of regional aspects of economic integration. We studied the statistics of joint ventures with Belarusian capital in Russia and with Russian capital in Belarus, which indicates the changing economic conditions in the Union State.

Results: the industrial policy of the Union State is systematically developing and is aimed at deepening the economic integration of the two countries. It relies on the implementation of strategic agreements, planning and financing of joint scientific and technical programs. The study shows that despite the existence of strategic agreements, such as the 1999 Agreement on a Common Structural Industrial Policy and the 2023 Agreement on a Common Industrial Policy, a significant part of the planned activities and projects has remained only partially implemented. The article elaborates on the key changes in the content of industrial policy, including increased emphasis on integration projects, import substitution and development of new types of competitive products. The study of the statistics of joint ventures with Belarusian capital in Russia and with Russian capital in Belarus points to changing economic conditions in the Union State. Since 2017, the number of joint ventures has been decreasing, which can be a consequence of both the reduction of barriers in international trade and economy and the decreased interest of enterprises in bilateral relations. The industrial policy of the Union State is currently aimed at overcoming dependence on the supply of foreign equipment and components, creating a common economic and scientific-technical space, financing and developing scientific-industrial cooperation based on union programs and projects.

Scientific novelty: it consists in analyzing the evolution of the common industrial policy of the Union State for more than two decades. For the first time such a detailed analysis covered the whole period from the signing of the initial agreement in 1999 to the last intergovernmental agreement in 2023. This allows getting a holistic view of the development of approaches and transformation of the Union State industrial policy.

Practical significance: for the first time, the study provides an insight into the dynamics of economic integration of the Russian and Belarus regions within the Union State through the statistics of joint Russian-Belarusian enterprises in the regions. This can be useful for researchers, business community and authorities to understand the processes of industrial policy impact on the real sector of the economy.

Keywords:

regional and sectoral economy, common industrial policy, regional industrial policy, Union State of Russia and Belarus, economic integration, common economic space, strategic partnership, technological development, interaction between the enterprises of the Union

Financial Support

The research was carried out in accordance with the state assignment for the Institute of Economics (Ural branch of the Russian Academy of Sciences), theme No. 0327-2024-0010 for 2024-2026.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Potapitseva, E. V., Bryantseva, O. S., & Presniakova, E. V. (2024). From coordination to implementation: transformation of the industrial policy of the Union State of Russia and Belarus. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 699–728. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.699-728>

Введение

В 2024 г. исполняется 25 лет стратегического партнерства России и Беларуси в рамках Союзного государства. Это определенный повод подвести итоги работы по экономической и промышленной интеграции двух государств. Для России в настоящее время огромную роль играет стратегия выстраивания глубоких партнерских отношений с дружественными странами в контексте общего технологического развития (Полтерович, 2023). Ключевым союзником в этом плане является Республика Беларусь. Особенно это важно в промышленном секторе, так как совместные усилия Союзного государства в области промышленного и научно-технологического развития способствуют укреплению технологического суверенитета и могут привести к синергетическим эффектам в национальных экономиках двух стран.

Целью исследования является анализ эволюции единой промышленной политики Союзного государства России и Беларуси в период с 1999 по 2024 г. В **задачи исследования** входят: а) анализ основных стратегических документов, посвященных промышленному развитию в Союзном государстве за прошедший двадцатипятилетний период; б) изучение основных тенденций макроэкономических показателей научно-технологического развития; в) исследование региональных аспектов интеграции через анализ статистики совместных российско-белорусских предприятий; г) определение текущего состояния и направлений дальнейшего развития единой промышленной политики Союзного государства.

В выборе **методов исследования** мы опираемся на взаимодополняющий анализ макроэкономических и региональных аспектов промышленной политики в области технологического суверенитета Союзного государства. На первом этапе проведен анализ отечественных и зарубежных научных исследований, посвященных разработке промышленной политики государств и выбору инструментов ее реализации в различных странах.

На втором этапе проанализированы основные документы, отражающие стремление стран Союзного государства к экономической интеграции и основные инструменты промышленной политики России и Беларуси в контексте достижения технологического суверенитета. Мы сравнили инструменты промышленной политики, указанные в Соглашении о единой структурной промышленной политике 1999 г. и Соглашении о единой промышленной политике 2023 г. Далее проанализированы инструменты, направленные на создание и реализацию интеграционной политики между Российской Федерацией и Республикой Беларусь в промышленной сфере, отраженные в Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг. и на 2024–2026 гг.

Поскольку реализация союзных программ должна способствовать росту взаимодействия между предприятиями Союза, в чем и состоит гипотеза исследования, понимание динамики присутствия совместных предприятий на российском рынке становится важным фактором углубления экономической интеграции между Россией и Республикой Беларусь. В этой связи на третьем этапе исследованы региональные аспекты экономического развития в Союзном государстве на основе анализа статистики совместных российско-белорусских предприятий, зарегистрированных в Беларуси и в регионах России, а также их отраслевой принадлежности. Здесь будут исследованы региональные тренды экономического взаимодействия между странами Союзного государства.

Объектом исследования выступают процессы экономической интеграции между странами Союзного государства. **Предметом исследования** является, во-первых, промышленная политика стран Союзного государства, отраженная в стратегических документах, во-вторых, динамика совместных предприятий с российским капиталом в Беларуси и совместных предприятий с белорусским капиталом в регионах России. Выборка статистических показателей сформирована по данным Федеральной службы государственной статистики РФ и ее территориальных отделений, а также на основе открытых данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Результаты исследований

Состояние исследований по данной теме

Промышленная политика и выбор инструментов ее осуществления являются актуальным трендом современного мирового экономического развития (Fenna, 2016; Weiss, 2017). При этом, как показано в исследовании Rodrik (2004. Р. 3), эффективная промышленная политика нуждается в построении взаимодействия между государственным и частным сектором для решения проблем и достижения целей промышленного

развития в наиболее перспективных областях. Эволюция понимания и применения промышленной политики рассматривается в работе Chang (2020), где показана необходимость формирования новых подходов к промышленной политике в связи с тремя ключевыми направлениями трансформации производственных систем: глобализацией цепочек создания стоимости, финансиализацией глобальной экономики, масштабной ролью технологических гигантов. В исследовании Juhasz et al. (2022) анализируется практика применения различных мер промышленной политики и ее сегментация на политику в области масштабной поддержки научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (далее – НИОКР), отраслевую и территориальную промышленную политику. Предлагается также новая промышленная политика, более актуальная на современном этапе геополитических изменений, и ограничения интеграционных процессов глобализации, основанные на более гибких инструментах, таких как предоставление спектра бизнес-услуг, образовательной и инфраструктурной поддержки, стартового капитала и целевых займов.

В аналитическом исследовании Cherif et al. (2022) исследуются инструменты промышленной политики в пяти ключевых областях, таких как политика на товарных, финансовых рынках, на рынке труда и недвижимости, а также в области новых технологий. Dolfisma и Mamica предлагают использовать гибкую адаптивную промышленную политику, основанную на институциональном подходе (Dolfisma & Mamica, 2020), а следовательно, эффективная промышленная политика должна соответствовать региональной специфике и обстоятельствам ее присутствия. В работе Criscuolo с соавторами предложена таксономия инструментов промышленной политики в зависимости от подхода, ориентированная на спрос или предложение, а также на общую структуру промышленного развития, куда входят обеспечение хорошо функционирующих финансовых рынков, мобильности рабочей силы, налоговой системы, поддержка предпринимательской деятельности, защита интеллектуальной собственности и техническая стандартизация (Criscuolo et al., 2022. Р. 19). Diegues с соавторами представили типологию промышленной политики, исходя из условий ее осуществления (Diegues et al., 2023).

Aiginger утверждает, что промышленная политика становится, с одной стороны, все более специфической для отдельных секторов и технологий, а с другой – все более всеобъемлющей и системной, объединяя образование, инновации, региональную политику, политику в области конкуренции, трудовые отношения и бережное отношение к окружающей среде, развивая синергию между ними (Aiginger, 2007). Одним из ключевых аспектов современной промышленной политики является ее интеграция с различными секторами экономики и использование многоуровневого подхода. Juhasz и Steinwender (2024) отмечают, что государства применяли огромное разнообразие различных политик, направленных в первую очередь, но не исключительно на стимулирование индустриализации и развитие экспорта. В работе приводятся примеры, как страны использовали промышленную политику, направленную на стимулирование производства, технологий и обеспечение инфраструктуры, и как эти усилия могли сыграть роль в успехах или неудачах индустриализации.

В исследовании Naudé (2010) было показано, что промышленная политика открывает новые возможности для развивающихся стран ускорить индустриализацию. При этом основными вызовами при проведении промышленной политики индустриализующихся стран являются глобализация экономики и перераспределение мировой торговли, агропродовольственная индустриализация и кризисные явления на топливных, финансовых и продуктовых рынках, изменения климата, продолжающийся рост Индии и Китая и подъем предпринимательской экономики. В современных исследованиях рассматривается тезис, что продуманная промышленная политика может существенно улучшить экономические показатели страны (Pereira & dos Santos, 2023; Nem Singh, 2023; Lane, 2020).

В работе Lashkaripour и Lugovskyy (2022) изучается влияние трех инструментов промышленной политики на национальный доход, показано, что для большинства экономик нереализованные выгоды от углубленного сотрудничества преобладают как над краткосрочными, так и долгосрочными выгодами от односторонних политических инструментов. Доказывается вывод, что скоординированное международное сотрудничество является более выгодным для государства, чем односторонняя торговая политика.

Значительная часть исследований посвящена промышленной политике отдельных стран и отраслей. Так, Sunley с соавторами исследуют взаимосвязь промышленной и региональной политики для достижения экономического роста Великобритании (Sunley et al., 2022), Bonvillian указывает на переход США к политике промышленных инноваций вследствие технологической конкуренции с Китаем и необходимости достижения

лидерства в передовых технологиях (Bonvillian, 2022), работа Conley и van Acker указывала на необходимость проведения промышленной политики для совершенствования структуры для преодоления ресурсной зависимости и климатических изменений (Conley & van Acker, 2011). Актуальные публикации исследуют промышленную политику надгосударственных объединений, таких как Европейский союз (далее – ЕС) (Molica, 2024; Pichler et al., 2021), ЕАЭС (Камалян и др., 2022), ее изменение с течением времени (Carlsson, 2016; Bulfone, 2022). В работе McNamara (2023) исследованы подходы объединенной промышленной политики ЕС на основе рыночных интервенций и новой геополитической стратегии в современных условиях. Как подчеркивается в работе Pichler с соавторами (2021), новая промышленная стратегия ЕС нацелена на то, чтобы он «стал более конкурентоспособным по мере того, как [промышленность] становится более экологичной и циркулярной»¹, а также «создал ведущие рынки для чистых технологий и обеспечил лидерство европейской промышленности на глобальном уровне»².

Исследованию роли промышленной политики в создании беспрецедентного экономического роста Китая посвящено значительное количество публикаций (Chu, 2017; Liu, 2022; Herrera et al., 2022). Показано, что политика развития судостроительной отрасли в Китае (Barwick et al., 2019) помогла вывести ее на уровень мирового лидерства за счет мощной инвестиционной поддержки. В исследовании DiPirro с соавторами (2022), посвященном китайской промышленной политике, наиболее эффективным инструментом признаются государственное финансирование приоритетных направлений и правительственная поддержка. Среди приоритетных институциональных механизмов государственной поддержки технологического развития приводятся поддержка трансферта технологий, государственно-частные исследовательские консорциумы и государственные исследовательские институты, а среди наиболее значимых рыночных механизмов развития технологий перечислены прямые субсидии, гранты на НИОКР, а также финансовая координация.

Также отмечается высокая эффективность промышленной политики Китая, построенной на пятилетнем планировании и целенаправленной поддержке приоритетных отраслей (Cen et al., 2023), которая оказывает воздействие на конкурирующие компании из США, Японии и других промышленно развитых стран и вывела страну на лидирующие мировые позиции. Кроме того, в статье рассматриваются стратегии и инструменты, используемые американскими компаниями для защиты своих интересов и конкурентоспособности в условиях нарастающей глобальной технологической конкуренции. Исследование показывает, что американские фирмы активно используют такие инструменты, как лоббирование, правовые меры и стратегические альянсы, чтобы противостоять промышленной политике Китая. Основное внимание уделяется тому, как эти стратегии помогают сохранять технологическое лидерство и защищать внутренний рынок от внешних угроз.

В эмпирическом ретроспективном исследовании Lane (2022) южнокорейского экономического чуда проанализирована роль промышленной политики в становлении отраслей тяжелой и химической промышленности, которые, помимо роста промышленного производства в выбранных отраслях, вызвали улучшение целого ряда макроэкономических показателей, начиная от производительности труда и заканчивая объемом экспорта страны. Ключевыми инструментами промышленной политики признаются поощрение инвестиций и торговая политика. При этом целевое кредитование на основе субсидируемых, преимущественно государственных, стратегических займов с низкими процентными ставками и длительными сроками погашения было основным рычагом промышленной политики.

Исследуется промышленная политика по развитию отдельных отраслей: успешный опыт воздействия промышленной политики в процессе создания биоэтанольной промышленности в Бразилии (Mingo & Khanna, 2014), новые отрасли возобновляемых источников энергии и типология отраслей с позиции их реакции на проводимую промышленную политику со стороны государства (Kelsey, 2018). Harrison с соавторами изучают проведение зеленой промышленной политики и предостерегают от преувеличения влияния промышленной политики в условиях регулирования выбросов и использования возобновляемых источников энергии (Harrison et al., 2017). В работе Qiao с соавторами установлена связь между мерами промышленной политики

¹ European Commission. (2020). European industrial strategy. https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/european-industrial-strategy_en; European Commission. (2021). Communication from the commission to the European Parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. https://commission.europa.eu/document/download/9ab0244c-6ca3-4b11-bef9-422c7eb34f39_en?filename=communication-industrial-strategy-update-2020_en.pdf

² Там же.

и промышленным производством в отраслях, на которые она направлена, а также опосредованное влияние на смежные отрасли, на примере организации транспортировки водорода (Qiao et al., 2022). Показано позитивное влияние государственной промышленной политики на рост производства и изменение структуры отрасли на примере индийской автомобильной промышленности (Sharmelly & Ray, 2018) и фармацевтической отрасли (Chandran & Brahmachari, 2018). В то же время указывается на ограничения влияния промышленной политики в условиях олигополистического рынка (McGovern, 2011).

Региональная промышленная политика является особой областью изучения в ее взаимосвязи с общегосударственной. Подчеркивается необходимость разработки промышленной политики для выравнивания экономического роста в регионах (Bailey, 2023), критикуется промышленная политика кластерного подхода, и предлагается горизонтальный пространственный подход на основе интеллектуальной специализации (Nathan & Overman, 2013), этот подход используется также для поддержки отстающих регионов (Barzotto et al., 2020). Hervas-Oliver с соавторами указывают на необходимость построения интеграции между государственными структурами и региональными субъектами для выработки эффективной стратегии промышленной политики (Hervas-Oliver et al., 2022).

Juhász с соавторами в своей аналитической обобщающей работе показывают, что промышленная политика становится все более актуальной на международной арене, а ее практика направлена на экспорт и является технократической, при этом более 60 % документов промышленной политики направлены на конкретные компании и являются специфичными для каждого сектора (Juhász et al., 2024). Он также отмечает, что промышленная политика используется неравномерно, концентрируясь в странах с высокими доходами на душу населения, таких как Германия, Япония, Бразилия и Канада.

В результате анализа публикаций по теме промышленной политики обобщены основные инструменты и подходы, которые могут применяться для ее осуществления (табл. 1). Общим в этих подходах является то, что инструменты воздействия промышленной политики направлены на финансовую, инвестиционную поддержку развития конкретных отраслей и конкурентоспособность на внешних рынках.

Таблица 1

Основные инструменты реализации промышленной политики в исследованиях разных авторов
Table 1. Main tools of industrial policy implementation in the studies of various authors

Автор исследования / Researcher	Инструменты промышленной политики / Industrial policy tools
R. Juhász etc.	– финансирование и субсидирование торговли; – финансовые гранты, финансовая помощь на зарубежных рынках; – поддержка местных источников поставок; – кредитные гарантии производителям; – импортные тарифы / – financing and subsidizing of trade; – financial grants, financial assistance in foreign markets; – support for local sources of supply; – credit guarantees to producers; – import tariffs
A. Lashkaripour, V. Lugovskyy	– налог на импорт; – экспортная субсидия; – промышленная субсидия / – import tax; – export subsidy; – industrial subsidy
N. Lane	– ориентация на экспорт; – торговая политика; – стимулирование инвестиций; – целевое кредитование / – export orientation; – trade policy; – investment incentives; – targeted lending

Автор исследования / Researcher	Инструменты промышленной политики / Industrial policy tools
K. Aiginger	– правовая база, создающая административную и правовую среду, благоприятную для экономической деятельности; – политический климат, поддерживающий цели, определенные правительством; – финансовая помощь и инструменты для улучшения положения выбранных бенефициаров / – a legal framework, which creates an administrative and legal environment favorable to economic activity; – a political climate that supports the objectives defined by the government; – financial assistance and tools to improve the position of selected beneficiaries
K. R. McNamara	– фискальные инновации и рыночные интервенции; – крупные трансграничные инновационные и инфраструктурные проекты в стратегических областях; – нормативные изменения и устранение законодательных барьеров / – fiscal innovations and market interventions; – large cross-border innovation and infrastructure projects in strategic areas; – regulatory changes and removal of legislative barriers
R. Cherif, F. Hasanov	– поддержка отечественных производителей в сложных отраслях промышленности, выходящая за рамки первоначального сравнительного преимущества; – ориентация на экспорт новых промышленных продуктов, а не импортозамещающая индустриализация; – стремление к жесткой конкуренции на внутреннем и на внешнем рынке в сочетании со строгой отчетностью / – supporting domestic manufacturers in sophisticated industries beyond initial comparative advantage; – focusing on exporting new industrial products rather than import-substitution industrialization; – pursuit of fierce competition in the national and foreign markets, coupled with strict accountability
G. DiPippo etc.	Рыночные инструменты: – импортные тарифы и экспортные субсидии; – налоговые льготы; – стимулирование внутренних и прямых иностранных инвестиций. Прямая государственная поддержка: – государственные закупки; – стандарты на продукцию; – требования к локализации; – субсидии на продукцию; – налоговые льготы; – агентства по привлечению инвестиций; – торговые промышленные выставки / Market tools: – import tariffs and export subsidies; – tax incentives; – incentives for domestic and foreign direct investment. Direct governmental support: – government procurement; – product standards; – localization requirements; – product subsidies; – tax incentives; – investment promotion agencies; – industrial trade fairs

Обращение к промышленной политике на современном этапе объясняется, прежде всего, развитием технологий четвертой промышленной революции, которые во многом становятся инструментом геополитического превосходства (Crespi et al., 2021. Р. 352), преодолевают национальные барьеры и влекут за собой полную смену парадигмы управления и развития (Farrand & Carrapico, 2022), угрожая разрушить политический суверенитет государств (Pohle & Thiel, 2020). Отмечается особая роль промышленной политики в период

освоения технологий четвертой промышленной революции (Кондратьев и др., 2022; Souza Júnior et al., 2022; Bilbao Ubillos et al., 2024).

Исследованиям в области отечественной промышленной политики посвящено значительное количество работ российских авторов. Обосновываются меры по ускорению экономического роста на основе построения производственных комплексов нового технологического уклада (Бодрунов, 2015; Глазьев, 2019). Предлагается институциональный подход к промышленной политике, основанный на построении доверительного взаимодействия между государственными, региональными органами власти и бизнес-сообществами при участии консультативных агентств развития (Полтерович, 2014). В исследованиях Татаркина и Романовой (2007, 2008) подчеркивается важность системного мультисубъектного подхода к промышленной политике в России на основе государственно-частного партнерства. Романова и Пономарева фокусируют внимание на широком понимании роли промышленной политики в преобразовании структуры экономики и формировании благоприятной бизнес-среды (Романова, Пономарева, 2020. С. 28). Симачев с соавторами обращают внимание на необходимость трансформации промышленной политики с целью повышения устойчивости экономики, улучшение ее структуры и соответствие глобальным трендам мирового промышленного развития (Simachev et al., 2022). Показано, что приоритеты промышленной политики в российских реалиях должны опираться на технологическое развитие промышленности и финансирование инвестиционной активности (Аганбегян, 2012, 2024).

В этом отношении промышленная политика в Союзном государстве России и Беларуси становится более сфокусированной на научно-технологическом развитии и рассматривается как ключевой инструмент обеспечения экономической безопасности (Земсков, 2023; Пак, Андропова, 2024). Показано, что согласованная промышленная политика может стать фактором преодоления системных ограничений технико-технологического развития в Союзном государстве (Байнев, Рунков, 2018). Исследуются макроэкономические интеграционные процессы в Союзном государстве (Бобков, 2022; Бахлов, Бахлова, 2022), подчеркивается важность промышленного сотрудничества (Кохно, 2019), но и констатируется неполное выполнение запланированных Союзных программ (Приходько, 2024. С. 91). Присутствует и критика интеграционных процессов в Союзном государстве, которые во многом тормозятся на этапе согласования экономических интересов двух стран (Суздальцев, 2021). В статье Лепеша предложено использование следующих механизмов для проведения согласованной промышленной политики России и Беларуси: специализированные трансграничные кластеры, государственно-частное партнерство, совместное промышленное производство, национальные проекты, федеральные и региональные институты развития (Лепеш, 2022. С. 9). При этом объектами промышленной политики признаются научно-технический задел, комплексное развитие территорий, промышленный потенциал предприятий и отраслей. Предлагается создание специального органа Союзного государства для встраивания промышленного производства в глобальные технологические цепочки на основе внедрения новейших технологий (Побываев, 2017). Показано, что основным инструментом промышленной политики Союзного государства являются планирование и реализация совместных программ научно-технической направленности (Шурубович, 2016. С. 15). Вместе с тем авторы статьи отмечают недостаточное количество исследований, посвященных анализу инструментов промышленной политики в Союзном государстве России и Беларуси.

Эволюция промышленной политики Союзного государства России и Беларуси

Эволюция Единой промышленной политики Союзного государства берет свое начало от декларирования необходимости сотрудничества в конце 1990-х гг. и прошла длинный путь до практической реализации в виде подписания важных соглашений в 2023–2024 гг. (табл. 2). Важнейшими шагами стали принятие соглашений о признании технологических операций, активизация кооперации и создание совместных производств, разработка совместной «Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 г.»³, что способствует укреплению промышленной базы Союзного государства и повышению конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках.

³ Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства № 2 от 29.01.2024. (2024). <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvarya-2024-g-2-o-strategii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-soyuznogo-gosudarstva-na-period-do-2035-goda>

Таблица 2

Эволюция Единой промышленной политики Союзного государства России и Беларуси, 1999–2024 гг.

Table 2. Evolution of the Common industrial policy of the Union State of Russia and Belarus, 1999–2024

Год / Year	Событие / Event
1999	Подписание Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о проведении единой структурной промышленной политики ⁴ , где отмечается, что единая структурная промышленная политика РФ и РБ «является составной частью экономической политики обоих государств и представляет собой комплекс мер, осуществляемых сторонами в целях обеспечения стабилизации и роста промышленного производства на основе повышения его эффективности и конкурентоспособности государств на внутреннем и внешнем рынках, а также формирования современной структуры национальных промышленных комплексов» ⁵ / Signing of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on the implementation of a common structural industrial policy. The agreement states that the common structural industrial policy of Russia and Belarus “is an integral part of the economic policy of both states and constitutes a set of measures undertaken by the parties to ensure the stabilization and growth of industrial production based on increasing its efficiency and the competitiveness of the states in domestic and foreign markets, as well as forming a modern structure of national industrial complexes”
Октябрь 2014 / October 2014	Рассмотрение проекта плана мероприятий по формированию и реализации единой структурной промышленной политики в рамках Союзного государства. На заседании Совета Министров Союзного государства подписана Резолюция «О проекте Плана мероприятий по формированию и реализации единой структурной промышленной политики в рамках Союзного государства» ⁶ / Review of the draft action plan for the formation and implementation of a common structural industrial policy within the Union State. The Council of Ministers of the Union State adopted the Resolution “On the draft action plan for the formation and implementation of a common structural industrial policy within the Union State”
Ноябрь 2021 / November 2021	Утверждение Высшим Государственным Советом Союзного государства 28 союзных программ по интеграции, включая программы по экономике и промышленности. Принятие Декрета об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг. ⁷ , включая формирование единой промышленной политики / Approval by the Supreme State Council of the Union State of 28 union programs on integration, including programs on economy and industry. Adoption of the Decree on the main directions for the implementation of the provisions of the Treaty on the establishment of the Union State for 2021–2023, including the formation of a common industrial policy
Декабрь 2022 / December 2022	Вступление в силу соглашения о признании технологических операций, направленного на перевод промышленных предприятий на общие стандарты и создание условий для свободного выхода на рынки двух стран. Решение проблем с доступом к государственным закупкам и подписанием соглашений в области микроэлектроники / Entry into force of the agreement on the recognition of technological operations, aimed at transitioning industrial enterprises to common standards and creating conditions for free access to the markets of both countries. Resolution of issues related to access to public procurement and the signing of agreements in the field of microelectronics
2022–2023	Подписание четырех важнейших межправительственных соглашений: о единой промышленной политике; о признании технологических операций на территории Союзного государства; о развитии микроэлектронных технологий, проектирования и производства электронной компонентной базы и электронного машиностроения; о развитии станкоинструментальной промышленности ⁸ / Signing of four key intergovernmental agreements: on the common industrial policy; on the recognition of technological operations within the Union State; on the development of microelectronic technologies, design and production of electronic component bases and electronic engineering; on the development of the machine-tool industry

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о проведении единой структурной промышленной политики (Минск, 8 сентября 1999 г.). (1999). <https://base.garant.ru/1155270/> и <http://www.levonevski.net/pravo/razdel3/num4/3d41.html>

⁵ Стороны договорились, что будут осуществлять меры по проведению единой структурной промышленной политики на основе:

- согласования приоритетных направлений развития национального промышленного производства в ходе осуществления единой промышленной политики;
- реализации крупных промышленных интеграционных проектов;
- эффективного использования имеющегося производственного потенциала, сохранения и развития ранее сложившихся производственно-технологических связей, сохранения производственного профиля предприятий в отраслях, производящих конкурентоспособную на мировом рынке продукцию.

⁶ Заседание Совета Министров Союзного государства. (2014, 21 октября). Резолюция «О проекте Плана мероприятий по формированию и реализации единой структурной промышленной политики в рамках Союзного государства». <http://government.ru/news/15312/>

⁷ Декрет № 6 от 04.11.2021. (2021). Официальный сайт Постоянного комитета Союзного государства. <https://посткомср.рф/docs/item/237509/>

Окончание табл. 2 / End of Table 2

Год / Year	Событие / Event
15 февраля 2023 / February 15, 2023	Подписание межправительственного Соглашения о единой промышленной политике, которое ускорило координацию отраслей промышленности двух стран и создало правовую основу для совместных проектов ⁹ / Signing of the intergovernmental Agreement on the common industrial policy, which accelerated the coordination of industrial sectors of the two countries and created a legal basis for joint projects
Апрель 2023 / April 2023	Начало выработки механизмов реализации Соглашения о единой промышленной политике, направленных на обеспечение технологического суверенитета Союзного государства, а также развитие производственной кооперации и научно-технического сотрудничества / Initiation of the development of mechanisms for the implementation of the Agreement on the common industrial policy aimed at ensuring the technological sovereignty of the Union State, as well as the development of production cooperation and scientific and technical cooperation
Январь 2024 / January 2024	Утверждение Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 2 Плана реализации Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг. ¹⁰ , включая проведение Единой промышленной политики / Approval by Decree of the Supreme State Council of the Union State dated January 29, 2024, No. 2, of the Plan for the implementation of the main directions for the implementation of the provisions of the Treaty on the establishment of the Union State for 2024–2026, including the conduct of the common industrial policy
	Постановление от 29 января 2024 г. № 2 «О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года» ¹¹ / Resolution dated January 29, 2024, No. 2 “On the strategy for scientific and technological development of the Union State up to 2035”
Июнь 2024 / June 2024	Утверждение Планов мероприятий ¹² по исполнению Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг., включая проведение Единой промышленной политики / Approval of the action plans for the implementation of the main directions for the implementation of the provisions of the Treaty on the establishment of the Union State for 2024–2026, including implementation of the common industrial policy

Проведенный анализ стратегических документов показывает, что трактовки понятия «промышленная политика» в них являются довольно схожими, что говорит о согласованности подходов между странами Союзного государства (табл. 3). При этом можно отметить, что в определении «промышленной политики» в Соглашении 2023 г. исчезли немного противоречивые формулировки о «конкурентоспособности продукции государств» на внутреннем рынке, в то же время появились новые подцели: «ускорение и повышение устойчивости развития промышленных комплексов» и «развитие инновационных производств».

Общим для всех рассматриваемых документов является ориентация промышленной политики на развитие промышленного потенциала и обеспечение конкурентоспособности промышленной продукции, задачами промышленной политики – повышение эффективности и создание условий для инновационного развития. При этом в 1999 г. одной из задач ставилось формирование современной структуры промышленных комплексов, а в 2023 г. приоритет уже перешел к ускорению и повышению устойчивости развития. Кроме того, в Союзном государстве подчеркивается важность межгосударственного сотрудничества, что отражено в совместных соглашениях.

⁸ Какие задачи стоят перед РФ и Беларусью в сфере единой промышленной политики. (2024, 29 февраля). Российская газета. <https://rg.ru/2024/02/29/v-planovom-poriadke.html>

⁹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единой промышленной политике от 15 февраля 2023 г. (вступило в силу 22 мая 2023 г.). (2023, 25 марта). Официальное опубликование правовых актов. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250003>

¹⁰ Декрет № 2 от 29.01.2024. (2024, 31 января). Информационно-аналитический портал Союзного государства. <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/dekret-ot-29-yanvarya-2024-g-2-ob-osnovnyh-napavleniyah-realizacii-polozheniy-dogovora-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva-na-2024-2026-gody>

¹¹ Постановление № 2 от 29.01.2024. (2024). Информационно-аналитический портал Союзного государства. <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvarya-2024-g-2-o-strategii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-soyuznogo-gosudarstva-na-period-do-2035-goda>

¹² Утверждены планы мероприятий по исполнению Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы. (2024, 17 июня). Правительство России. <http://government.ru/news/51877/>

Таблица 3

**Сравнение понятия «промышленная политика» в стратегических документах России, Беларуси
и Союзного государства России и Беларуси**

**Table 3. Comparison of the “industrial policy” concept in strategic documents of Russia, Belarus
and the Union State of Russia and Belarus**

Россия / Russia	Беларусь / Belarus	Союзное государство России и Беларуси / Union State of Russia and Belarus	
ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» ¹³ / Federal Law “On industrial policy in the Russian Federation”	«Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года» (Постановление Совета Министров от 5 июля 2012 г. № 622) / Program for the Development of the Industrial Complex of the Republic of Belarus until 2020” (Resolution of the Council of Ministers No. 622 of July 5, 2012)	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о проведении единой структурной промышленной политики от 8 сентября 1999 г. ¹⁴ / Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on the common structural industrial policy of September 8, 1999	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единой промышленной политике от 15 февраля 2023 г. / Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on the common industrial policy of February 15, 2023
Промышленная политика – комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала Российской Федерации, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции / Industrial policy is a set of legal, economic, organizational and other measures aimed at the development of the industrial potential of the Russian Federation, ensuring the production of competitive industrial products	Промышленная политика – система правовых и экономических мер и действий субъектов промышленной политики исходя из приоритетного обеспечения конкурентоспособности национальной экономики, стабильного и инновационного социально-экономического развития Республики Беларусь / Industrial policy is a system of legal and economic measures and actions of the industrial policy subjects, based on the priority of ensuring competitiveness of the national economy, stable and innovative socio-economic development of the Republic of Belarus	Единая структурная промышленная политика РФ и РБ – составная часть экономической политики обоих государств; комплекс мер, осуществляемых сторонами в целях обеспечения стабилизации и роста промышленного производства на основе повышения его эффективности и конкурентоспособности продукции государств на внутреннем и внешнем рынках, а также формирования современной структуры национальных промышленных комплексов, основываясь на единстве целей и общности задач в области развития промышленных комплексов / Common structural industrial policy of the Russian Federation and the Republic of Belarus is an integral part of the economic policy of both states; a set of measures implemented by the parties to ensure stabilization and growth of industrial production, based on increasing its efficiency and competitiveness of products of the states in internal and foreign markets, as well as the formation of a modern structure of national industrial complexes, based on the common goals and tasks in the field of industrial complexes development	Единая промышленная политика – участие сторон в формировании и организации промышленности в целях стимулирования роста промышленного производства (ускорения и повышения устойчивости развития промышленных комплексов государств и их конкурентоспособности, формирование условий для развития новых инновационных производств) / Common industrial policy is the parties’ involvement in the formation and organization of industry in order to stimulate the growth of industrial production (accelerating and improving the sustainable development of industrial complexes of states and their competitiveness, creating conditions for the development of new innovative industries)

Анализ стратегических документов Союзного государства России и Беларуси показывает, что основными инструментами промышленной политики здесь являются развитие производственно-технологической кооперации, реализация крупных промышленных интеграционных проектов, разработка и реализация целевых союзных программ, финансируемых из совместного бюджета. Если сравнивать инструменты реализации единой промышленной политики Союзного государства в 1998 и 2023 гг., отраженные в соглашениях между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единой промышленной политике (табл. 4), то очевидно, что соглашение 2023 г. вводит более современные механизмы поддержки, акцентируя внимание на финансировании проектов с интеграционным эффектом на основе наилучших ми-

¹³ О промышленной политике в Российской Федерации. № 488-ФЗ от 31.12.2014. (2015). <https://docs.cntd.ru/document/420242984>

¹⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о проведении единой структурной промышленной политики от 08.09.1999. (1999). https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29779

ровых практик, импортозамещения и устранении барьеров, что отражает текущие экономические реалии и необходимость адаптации к новым геополитическим условиям. При этом основные принципы и задачи, установленные в соглашении 1999 г., остаются неизменными, что подчеркивает долгосрочную значимость промышленной политики Союзного государства.

Таблица 4

Инструменты реализации Единой промышленной политики Союзного государства России и Беларуси в 1999 и 2023 гг.

Table 4. Tools for the implementation of the Common Industrial Policy of the Union State of Russia and Belarus in 1999 and 2023

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единой промышленной политике от 15 февраля 2023 г.¹⁵ / Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on the common industrial policy of February 15, 2023	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о проведении единой структурной промышленной политики от 8 сентября 1999 г.¹⁶ / Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on the common structural industrial policy of September 8, 1999
– Расширение механизмов поддержки проектов в рамках Союзного государства, снижение барьеров и формирование условий для развития производственной кооперации; – обеспечение взаимного участия организаций, финансовых и нефинансовых институтов, банков государств сторон Союзного государства в реализации проектов путем проведения поиска и отбора проектов с интеграционным эффектом на основе наилучших мировых практик; – стимулирование развития новых видов конкурентоспособной продукции, произведенной на территории Союзного государства, и подготовки на их основе планов по импортозамещению для поставок на внутренний рынок Союзного государства и экспорта в третьи страны; – синхронизация концепции научно-технических программ Союзного государства с планами по импортозамещению и их реализации; – создание условий для использования прогрессивных финансовых продуктов при реализации совместных проектов на территории Союзного государства; – устранение барьеров на пути движения промышленных товаров на общем рынке Союзного государства / – expanding the mechanisms to support projects within the Union State, reducing barriers and forming conditions for the industrial cooperation development; – ensuring mutual participation of organizations, financial and non-financial institutions, banks of the Union State countries in the implementation of projects by searching and selecting projects with integration effect based on the world best practices; – stimulating the development of new types of competitive products manufactured in the Union State territory and preparing import substitution plans on their basis for supplies to the Union State inner market and exports to third countries; – synchronizing the concept of scientific-technical programs of the Union State with import substitution plans and their implementation; – creating conditions for the use of advanced financial products during the implementation of joint projects on the Union State territory; – eliminating barriers to the movement of industrial goods in the common Union State market	– Развитие производственно-технологической кооперации между странами-участниками на основе Соглашения о производственной кооперации¹⁷ от 29 марта 1999 г.; – создание транснациональных хозяйственных структур, в том числе межгосударственных финансово-промышленных групп; – разработка и реализация связанных со структурными преобразованиями в промышленности совместных производственных и научно-технических программ (в первую очередь наукоемких и высокотехнологичных), утверждаемых в установленном порядке Исполнительным комитетом Союза Беларуси и России и финансируемых из бюджета Союзного государства / – developing production and technological cooperation between the participating countries based on the Agreement on industrial cooperation of March 29, 1999; – creating transnational economic structures, including interstate financial and industrial groups; – developing and implementing joint production and scientific-technical programs (primarily science-intensive and high-tech) related to structural transformations in industry, approved by the Executive Committee of the Union of Belarus and Russia in accordance with the established procedure and financed from the Union State budget

Источник: составлено авторами в соответствии с процитированными документами.

Source: compiled by the authors based on the cited documents.

¹⁵ Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о единой промышленной политике от 15.02.2023. (2023, 7 июня). Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 3/3998. <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=A02300001>

¹⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о проведении единой структурной промышленной политики от 08.09.1999. (1999). https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29779

¹⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о производственной кооперации (Минск, 29 марта 1999 г.). (1999). <https://base.garant.ru/1155279/>

Несмотря на 25-летнюю разницу между документами, основные принципы и цели промышленной политики Союзного государства остались неизменными. При этом в соглашении 2023 г. акцент сделан на расширение механизмов поддержки проектов и создание условий для развития производственной кооперации, а также особое внимание уделено обеспечению взаимного участия финансовых и нефинансовых институтов, банков государств Союзного государства в реализации проектов. Кроме того, по сравнению с соглашением 1999 г. в соглашении 2023 г. предусмотрена синхронизация научно-технических программ с планами по импортозамещению и их реализации для стимулирования развития новых видов продукции, а также устранение барьеров на пути движения промышленных товаров. Включение планов по импортозамещению и их реализация в соглашении 2023 г. указывают на адаптацию к санкционному давлению и необходимость достижения технологического суверенитета в ключевых отраслях. При этом акцент на синхронизацию научно-технических программ с импортозамещением подчеркивает важность инноваций и технологического прогресса.

Следует отметить, что оба соглашения акцентируют внимание на развитии производственно-технологической кооперации и направлены на стимулирование роста промышленного производства, повышение конкурентоспособности продукции. С одной стороны, это значит, что основные цели и инструменты промышленной политики остаются важными для углубления экономической интеграции России и Беларуси в рамках Союзного государства. Такие задачи, как производственная кооперация и создание межнациональных структур, остаются актуальными для промышленной политики Союзного государства, независимо от уровня их реализации в прошлом. Их сохранение в новом соглашении подчеркивает их стратегическую важность.

С другой стороны, цели и задачи, обозначенные в соглашении 1999 г., не были полностью выполнены по ряду причин: а) экономические кризисы, изменения геополитической ситуации и внешние санкции, которые влияли на реализацию единой промышленной политики; б) сложные бюрократические процедуры и недостаток координации между различными уровнями власти и государственными учреждениями; в) недостаток финансирования со стороны как государственных бюджетов, так и частного бизнеса; г) зависимость от зарубежных технологических решений, отсутствие некоторых наукоемких технологий и недостаточные инвестиции в НИОКР; д) недостаточный уровень кооперации между предприятиями России и Беларуси, а также проблемы реализации намеченных интеграционных проектов из-за нехватки координации и нежелания уступать контроль и пр.

Планы мероприятий по исполнению договора Союзного государства на 2024–2026 гг.¹⁸ охватывают следующие ключевые области: макроэкономическая политика, финансовый рынок, налоговая политика и таможенная сфера, промышленная политика и торговля, промышленно-технологическая политика¹⁹. В документе используются формулировки, подчеркивающие важность и необходимость совместных действий. Предлагаемые инструменты проведения промышленной политики Союзного государства приведены в табл. 5.

Анализ программных документов в области промышленной политики позволяет выделить следующие положительные моменты:

а) определены приоритетные направления работы, и приведены конкретные инструменты для их реализации, такие как создание совместных предприятий, гармонизация законодательства, финансирование инновационных проектов и развитие инфраструктуры и прочее, а также сделана попытка описания механизмов координации и мониторинга выполнения мероприятия;

б) у некоторых направлений имеются сроки реализации, но отсутствуют этапы выполнения указанных задач с разбивкой по годам, что могло бы обеспечивать поэтапный контроль и возможность корректировки планов мероприятий по исполнению Основных направлений;

в) определены ответственные органы с российской и белорусской сторон за реализацию каждого направления.

¹⁸ Планы мероприятий по исполнению Основных направлений можно определить, как совокупность действий, направленных на реализацию согласованных целей и задач в рамках межгосударственного сотрудничества, включая гармонизацию экономической политики, финансовых систем, налогового регулирования, промышленной кооперации и других ключевых областей взаимодействия.

¹⁹ Декрет № 2 от 29.01.2024. (2024, 31 января). Информационно-аналитический портал Союзного государства. <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/dekret-ot-29-yanvarya-2024-g-2-ob-osnovnyh-napravleniyah-realizacii-polozheniy-dogovora-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva-na-2024-2026-gody>

Таблица 5

**Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства
на 2024–2026 гг.**

**Table 5. Main directions of implementation of the provisions of the Treaty on the Union State Establishment
for 2024–2026**

Направление / Direction	Инструменты реализации / Implementation tools
1. Проведение согласованной структурной макроэкономической политики / Implementation of a coordinated structural macroeconomic policy	1. Подготовка прогнозов социально-экономического развития Союзного государства. 2. Поддержка малого и среднего предпринимательства с использованием цифровых сервисов и платформ. 3. Стимулирование инвестиционной активности, содействие реализации совместных инвестиционных проектов. 4. Мониторинг применения единых правил конкуренции и их совершенствование. 5. Взаимодействие антимонопольных органов РФ и РБ при выявлении и пресечении нарушений единых правил конкуренции / 1. Preparing forecasts of socio-economic development of the Union State. 2. Supporting small and medium-sized enterprises using digital services and platforms. 3. Stimulating investment activity, facilitating the implementation of joint investment projects. 4. Monitoring the application of common competition rules and improving them. 5. Providing interaction between antimonopoly authorities of the Russian Federation and the Republic of Belarus in identifying and suppressing violations of common competition rules
2. Создание общего финансового рынка / Creation of a common financial market	Сотрудничество в финансово-банковской сфере, в части гармонизации: а) подходов к денежно-кредитной политике в целях следования стратегии таргетирования инфляции; б) подходов по валютному регулированию и валютному контролю; в) норм регулирования деятельности кредитных и некредитных финансовых организаций по условиям кредитования; г) национальных платежных систем, включая инновационные средства платежа для трансграничных расчетов; д) требований в области обеспечения информационной безопасности в финансовой сфере посредством: – противодействия осуществлению незаконных финансовых операций (в части обеспечения информационной безопасности); – механизмов признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в финансовых документах в электронном виде и обеспечения их юридической силы / Cooperation in the financial and banking sphere, in terms of harmonization of: a) approaches to monetary policy in order to follow the inflation targeting strategy; b) approaches to currency regulation and currency control; c) norms on credit terms regulating the activities of credit and non-credit financial organizations; d) national payment systems, including innovative means payment for cross-border settlements. e) requirements for ensuring information security in the financial sphere by: – countering illegal financial transactions (in terms of ensuring information security); – mechanisms for recognizing electronic digital signature in financial documents in electronic form and ensuring their legal validity
3. Согласованная налоговая политика и сотрудничество в таможенной сфере / Coordinated tax policy and cooperation in customs	1. Работа Наднационального налогового комитета по реализации положений Договора об общих принципах налогообложения по косвенным налогам. 2. Проведение согласованной налоговой политики во избежание двойного налогообложения, для развития отраслевого сотрудничества (кооперации), импортозамещения, укрепления технологического суверенитета. 3. Разработка и внедрение «зеленого коридора» для ускорения доставки товаров третьих стран всеми видами транспорта, имеющими стратегическое значение для стран Союзного государства. 4. Расширение перечня товаров, подлежащих прослеживаемости в России и Беларуси, представляющих взаимный интерес. 5. Выявление проблемных вопросов, возникающих при движении товаров ЕАЭС на территории Союзного государства, а также выработки предложений по единым подходам к администрированию этого процесса / 1. Work of the Supranational Tax Committee on the implementation of the Treaty on General Principles of Taxation on Indirect Taxes. 2. Conducting a coordinated tax policy to avoid double taxation, for the development of sectoral cooperation, import substitution, and strengthening technological sovereignty. 3. Development and implementation of a “green corridor” to accelerate the delivery, by all transportation means, of third country goods of strategic importance for the Union State. 4. Expansion of the list of goods of mutual interest which are subject to traceability in Russia and Belarus. 5. Identification of problematic issues arising in the movement of EAEU goods within the Union State, development of proposals for common approaches to the administration of this process

Направление / Direction	Инструменты реализации / Implementation tools
4. Проведение единой промышленной политики и сотрудничество в области торговли / Implementation of a common industrial policy and trade cooperation	1. Функционирование механизма маркировки товаров средствами идентификации на территории Союзного государства. 2. Реализация импортозамещающих инвестиционных и кооперационных проектов с приоритетным привлечением к их реализации предприятий Союзного государства через реализацию: а) дорожных карт в сфере: – микроэлектроники; – станкостроения; б) долгосрочных программ сотрудничества в сфере: – сельскохозяйственного и автомобильного машиностроения; – лифтостроения; – авиастроения; – специализированного машиностроения; – автокомпонентов; – электромобилестроения и соответствующей инфраструктуры. 3. Практическая реализация договоренностей по вопросу признания технологических операций, осуществляемых на территории Союзного государства. 4. Предоставление взаимного недискриминационного участия в программах субсидирования, льготного лизинга, а также в закупках за счет собственных средств. 5. Развитие сотрудничества белорусских предприятий с крупными государственными корпорациями Российской Федерации (Госкорпорация «Росатом», Госкорпорация «Ростех», ПАО «Газпром» и др.). 6. Обеспечение взаимного допуска к участию в биржевых (организованных) торгах на товарных рынках Союзного государства, а также разработка дорожной карты по обеспечению создания единого биржевого (организованного) товарного рынка. 7. Проведение анализа законодательства и практики его применения для устранения ограничений доступа к государственным закупкам. 8. Выявление положений Единых правил в области защиты прав потребителей, требующих совершенствования / 1. Functioning of the mechanism of marking goods with identification means in the Union State territory. 2. Import-substituting investment and cooperation projects with priority involvement of the Union State enterprises through the implementation of: a) road maps in the sphere of: - microelectronics; - machine-tool construction; b) long-term cooperation programs in the sphere of: - agricultural and automotive engineering; - elevator construction; - aircraft construction; - specialized machine building; - automotive components; - electric vehicle manufacturing and related infrastructure. 3. Practical implementation of agreements for recognizing technological operations carried out in the Union State territory. 4. Provision of mutual non-discriminatory participation in subsidy programs, preferential leasing, and in procurement at own expense. 5. Development of cooperation between Belarusian enterprises and major state corporations of Russia (Rosatom State Corporation, Rostekh State Corporation, Gazprom Public Corporation, etc.). 6. Ensuring mutual admission to participation in stock exchange (organized) trading in the commodity markets of the Union State, development of a roadmap to ensure the creation of a common stock exchange (organized) commodity market. 7. Analyzing the legislation and practice of its application to eliminate restrictions on access to public procurement. 8. Identification of provisions of the Common Rules on consumer protection

Окончание табл. 5 / End of Table 5

Направление / Direction	Инструменты реализации / Implementation tools
6. Работа объединенных энергетических рынков Союзного государства и безопасность использования атомной энергии / Work of the Union State common energy markets and safety of nuclear energy use	1. Согласование нормативных актов и стандартов в области формирования объединенного рынка: – газа; – электроэнергии; – нефти и нефтепродуктов. 2. Взаимодействие по вопросам обеспечения безопасной эксплуатации объектов использования атомной энергии. 3. Создание единых условий для стимулирования внедрения систем энергетического менеджмента на наиболее энергоемких предприятиях Союзного государства / 1. Harmonization of normative acts and standards in forming the common markets of: – gas; – electricity; – oil and oil products. 2. Interaction for ensuring safe operation of nuclear energy facilities. 3. Creation of common conditions for stimulating the introduction of energy management systems at the most energy-intensive enterprises of the Union State
9. Сотрудничество в научно-технической и научно-технологической сфере / Cooperation in scientific, technical and scientific-technological sphere	1. Формирование единого научно-технологического пространства Союзного государства. 2. Разработка и реализация Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 г. 3. Разработка и реализация научно-технических программ и проектов Союзного государства, направленных на создание новой импортозамещающей продукции и производств. 4. Нарастивание научно-технического сотрудничества: – на базе проекта по сооружению Центра ядерных исследований и технологий на территории Республики Беларусь; – в области атомной и водородной энергии; – в области разработки таргетных инновационных радиофармацевтических лекарственных препаратов; – в рамках консорциума «Международный центр исследований на базе многоцелевого исследовательского реактора на быстрых нейтронах» / 1. Formation of a common scientific-technological environment of the Union State. 2. Development and implementation of the Strategy of scientific and technological development of the Union State until 2035. 3. Development and implementation of scientific-technical programs and projects of the Union State aimed at creating new import-substituting products and industries. 4. Promoting scientific-technical cooperation: – based on the project on constructing the Center for Nuclear Research and Technologies in the Republic of Belarus; – in the field of atomic and hydrogen energy; – in development of targeted innovative radiopharmaceuticals; – within the consortium “International Center for Research on the Multipurpose Fast Neutron Research Reactor”

Источник: составлено авторами по данным <https://soyuz.by/>

Source: compiled by the authors based on <https://soyuz.by/>

Анализ программных документов в области промышленной политики позволяет выделить следующие положительные моменты:

а) определены приоритетные направления работы и приведены конкретные инструменты для их реализации, такие как создание совместных предприятий, гармонизация законодательства, финансирование инновационных проектов и развитие инфраструктуры и прочее, а также сделана попытка описания механизмов координации и мониторинга выполнения мероприятия;

б) у некоторых направлений имеются сроки реализации, но отсутствуют этапы выполнения указанных задач с разбивкой по годам, что могло бы обеспечивать поэтапный контроль и возможность корректировки планов мероприятий по исполнению Основных направлений;

в) определены ответственные органы с российской и белорусской сторон за реализацию каждого направления.

Вместе с тем сохраняется та же проблема, что и с союзными программами, которая так или иначе оставляет это пока больше «протоколом о намерениях»:

а) общность формулировок: как и в союзных программах, в период с 2021 по 2023 г. преобладает риторика «сближения позиций», «согласования», «гармонизации», «координации», «передачи информации», что подчеркивает с одной стороны, стремление к унификации, с другой – эти формулировки кочуют из одного документа в другой, а согласование и унификация получаются не очень хорошо на протяжении 25 лет;

б) плану мероприятий не хватает конкретики (например, в большинстве направлений отсутствуют сроки реализации), что затрудняет их реализацию, а также контроль;

в) не прописаны механизмы согласования действий по реализации плана мероприятий между различными органами и уровнями управления, что может замедлить процесс углубления российско-белорусской интеграции;

г) отсутствует оценка рисков (финансовых, политических, экономических): внешние факторы могут влиять на выполнение планов мероприятий по исполнению Основных направлений реализации положений.

Несмотря на существующие недостатки, документ задает стабильную основу для практической реализации и координации совместных усилий по экономическому и промышленному сотрудничеству двух государств Союза.

Сопоставление направлений развития единой промышленной политики Союзного государства на 2021–2023 и 2024–2026 гг.

Сравнение инструментов Единой промышленной политики, проведенное путем анализа и сопоставления документов об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг.²⁰ и на 2024–2026 гг.²¹, показывает определенную эволюцию и расширение фокуса промышленной политики Союзного государства. Анализ положений, направленных на создание и реализацию интеграционной политики между Россией и Беларусью в промышленной сфере, показал, что, с одной стороны, в обоих документах делается акцент на проведении Единой промышленной политики:

а) подчеркивается важность проведения Единой промышленной политики Союзного государства, что включает, прежде всего, координацию действий по нормативному правовому регулированию;

б) развитие сотрудничества в промышленных секторах обоих государств, в том числе для реализации импортозамещающих проектов;

в) замечен «сквозной характер» этих документов: если в Союзной программе по формированию единой промышленной политики на 2021–2023 гг. указывалась необходимость «взаимного признания технологических операций, осуществляемых на территории Союзного государства»²², то в Плане мероприятий по исполнению на 2024–2026 гг. акцент делается на «практическую реализацию договоренностей по вопросам признания технологических операций, осуществляемых на территории Союзного государства»²³.

С другой стороны, выделяются следующие различия:

– во-первых, в документе на 2021–2023 гг. конкретные дорожные карты поддержки отраслей не упоминались, тогда как в документе на 2024–2026 гг. указаны конкретные направления, такие как микроэлектроника, станкостроение, сельскохозяйственное, автомобильное машиностроение, специализированное машиностроение и лифтостроение;

– во-вторых, в документе на 2024–2026 гг. уделяется больше внимания технологическому развитию и импортозамещению, включая планы по развитию различных направлений машиностроения и соответствующей инфраструктуры;

– в-третьих, документе на 2024–2026 гг. представлены более детализированные и конкретные меры, включая развитие конкретных отраслей промышленности и подготовку нормативных правовых актов, регулирующих

²⁰ Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 от 04.11.2021. (2021). Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. https://eaeu.economy.gov.ru/static/media/Directions2021_2023.d75d26f2.pdf

²¹ Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 2 от 29.01.2024. (2024). <https://intermol.su/upload/iblock/882/q4m41frh8uhtkrtkmvs1bguhjdfxf5c.pdf>

²² Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 от 04.11.2021. (2021). Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. https://eaeu.economy.gov.ru/static/media/Directions2021_2023.d75d26f2.pdf

²³ Декрет № 2 от 29.01.2024. (2024, 31 января). Информационно-аналитический портал Союзного государства. <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/dekret-ot-29-yanvarya-2024-g-2-ob-osnovnyh-napravleniyah-realizacii-polozheniy-dogovora-o-sozdani-soyuznogo-gosudarstva-na-2024-2026-gody>

совместную деятельность в данных областях; основные направления 2021–2023 гг. были более обобщенными, акцентировались на создании базовых условий и механизмов для интеграции;

– в-четвертых, если в союзной программе 2021–2023 гг. были указаны сроки реализации (к началу 2023 г.), то в Плане мероприятий на 2024–2026 гг. только в двух пунктах указаны сроки (31.12.2025) и контрольные точки (доклад – раз в полгода) из семи пунктов, посвященных реализации Единой промышленной политики Союзного государства.

Таким образом, сопоставление направлений Единой промышленной политики, представленной в Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг. и на 2024–2026 гг., показывает, что в период 2024–2026 гг. Союзное государство конкретизировало меры по проведению Единой промышленной политики. Введение дорожных карт, ориентация на проекты импортозамещения и более детализированные направления указывают на стремление к повышению результативности совместных действий для более глубокого технологического развития и интеграции промышленных секторов России и Беларуси. Однако отсутствие сроков реализации для некоторых направлений может иметь критическое значение и нуждается в дальнейшей проработке.

Научно-техническое развитие и региональная интеграция в Союзном государстве

Россия и Беларусь являются одними из основных торговых и инвестиционных партнеров друг для друга. Россия находится на первом месте среди стран-инвесторов в Беларусь на протяжении долгих лет, с большим отрывом опережая другие, преимущественно европейские государства²⁴. По итогам 2023 г. российские инвестиции в белорусскую экономику составляют более 60 % от всего инвестиционного потока, при этом более 90 % белорусских инвестиций также направлены в Россию. Это говорит об очень тесных экономических связях и заинтересованности инвестиционных агентов во взаимодействии друг с другом, что подтверждается растущей динамикой белорусско-российского товарооборота (рис. 1). Прирост товарооборота за последние три года составил более 60 %.

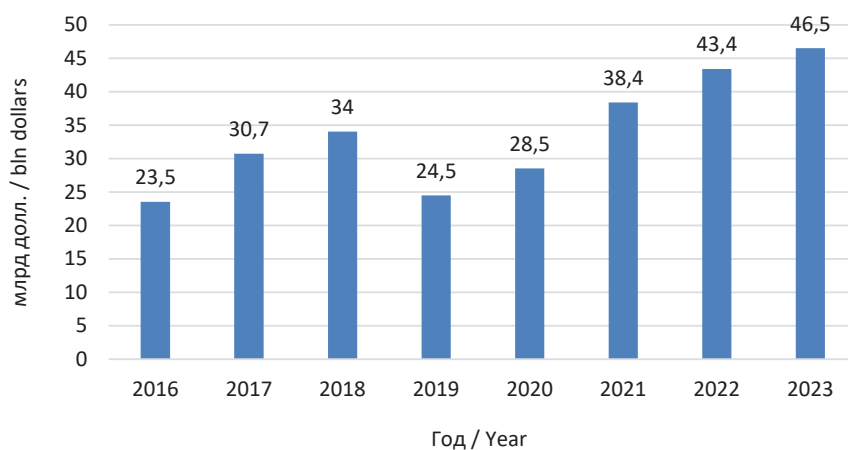

Рис. 1. Динамика товарооборота внешней торговли России и Беларуси

Источник: составлено автором по данным белорусского агентства БелТА. <https://www.belta.by/>

Fig. 1. Dynamics of foreign trade turnover in Russia and Belarus

Source: compiled by the author by the data of Belarusian agency BelTA, <https://www.belta.by/>

²⁴ Топ-10 стран-инвесторов по количеству иностранных организаций. См. Отдельные статистические показатели деятельности организаций Республики Беларусь с участием иностранного капитала в уставных фондах за 2021 год. (2022, 9 июня). Национальный статистический комитет Республики Беларусь. https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/strukturnaja_statistika/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti-mikroorganizatsiy-i-malykh-organizatsiy/statisticheskie-izdaniya/index_51239/

Товарооборот составляет по большей части продукция обрабатывающих производств. Основные экспортируемые товары из России в Беларусь, по данным на 2022 г.²⁵, составляли нефть, нефтепродукты и минеральное сырье (32 %), а также продукция обрабатывающей промышленности: металлы и изделия из них (12 %), пластмассы и изделия из них (7 %), машины, оборудование и аппаратура (7 %), машины и оборудование (5 %), электрическое оборудование (4 %), масличные семена и плоды (2 %). Основные статьи белорусского экспорта в Россию составляют продукты животного происхождения (16 %): молоко, яйца, сыр, масло, мясо, мед, а также машины, оборудование и аппаратура (9 %), транспорт (14 %), пластмассы, каучук и резина (6 %), пищевые продукты (8 %), металлы и изделия из них (6 %).

Приоритеты финансирования научно-технологического развития в странах Союзного государства во многом различаются (рис. 2). Показатель наукоемкости ВВП за рассматриваемый период 2017–2022 гг. для России превышает значение для Беларуси практически в два раза, что говорит о более высоком уровне финансирования исследований и разработок. Отмечается тенденция к снижению наукоемкости ВВП в Союзном государстве, которая более заметна для Беларуси. Доля бюджетных расходов на финансирование НИР в Беларуси колеблется от 0,16 до 0,2 %, при этом в России она практически в два раза больше, чем в Беларуси и составляет от 0,41 до 0,51%. В то же время доля инвестиций в машины и оборудование более велика в Беларуси, где составляет 40,4 % в 2022 г., а в России только 30,8 %; отмечается тенденция к сокращению этой доли в Республике Беларусь и к увеличению в РФ.

Анализ показывает, что в России научные исследования и разработки финансируются более активно и целенаправленно со стороны государства, в то время как в инвестиционной активности Республики Беларусь наблюдается приоритет вложений в средства производства и развитие инновационной активности за счет деятельности организаций. Это подтверждается показателями индекса экономической сложности (Hidalgo, 2021), рассчитываемым на основе данных о международной торговле (The Observatory of economic Complexity²⁶). Для Беларуси индекс экономической сложности, по данным 2022 г., составил 0,84, что позволило ей занять 32-е место в мировом рейтинге, между Канадой и Испанией. При этом оценка за предыдущие пять лет показывает, что экономика Беларуси наращивала экономическую сложность со значения 0,78 в 2018 г. до 0,82 в 2022 г., что практически в два раза выше по сравнению с РФ. В то же время для России индекс экономической сложности соответствует 47-му месту в рейтинге из 139 стран мира, между Кувейтом и Ливаном, и его значение имеет тенденцию к снижению за предыдущий пятилетний период (с 0,49 в 2018 г. до 0,43 в 2022 г.). Однако оценка индекса экономической сложности, рассчитанного на основе статистики патентования технологий, ставит Россию на более выгодные позиции: 17-е место в мировом рейтинге для России и 63-е для Беларуси.

Поскольку промышленная политика призвана влиять на деятельность совершенно определенных групп предприятий, мы предполагаем, что деятельность по экономической интеграции стран Союзного государства будет каким-то образом изменять динамику присутствия совместных предприятий в их регионах. Анализ количества организаций с российским капиталом в уставных фондах организаций Беларуси показывает разнонаправленную динамику (рис. 3). В 2022 г. количество организаций с российскими инвестициями составило 2240, из них 1 056 – это совместные российско-белорусские предприятия и 1 175 – организации с российской формой собственности, зарегистрированные в Республике Беларусь. С одной стороны, до 2014 г. наблюдался рост количества организаций с российским капиталом в Беларуси, а также совместных предприятий, после чего последовал долгосрочный спад. Количество совместных российско-белорусских предприятий продолжает снижаться на всем протяжении исследуемого периода: с 1 704 в 2014 г. до 1 056 в 2022 г. Локальный минимум наблюдался в 2017 г., во время резкого роста торговли на фоне принятия нового таможенного кодекса ЕАЭС и его ратификации в Беларуси. При этом наблюдается восходящая тенденция роста числа российских иностранных организаций в Беларуси, которое за 10 лет выросло на 168 % и в 2022 г. по значению превысило количество совместных предприятий.

²⁵ Золотарев, Ю. В. (2024). О деятельности торгового представительства в интересах наращивания экспортно-импортных операций между компаниями Беларуси и России. Министерство промышленности и торговли РФ. <https://www.fr.gov.by/doc/predprinatelstvo/20240108.pdf>

²⁶ The Observatory of economic Complexity. <https://oec.world/en/rankings/eci/hs6/hs96?tab=ranking>

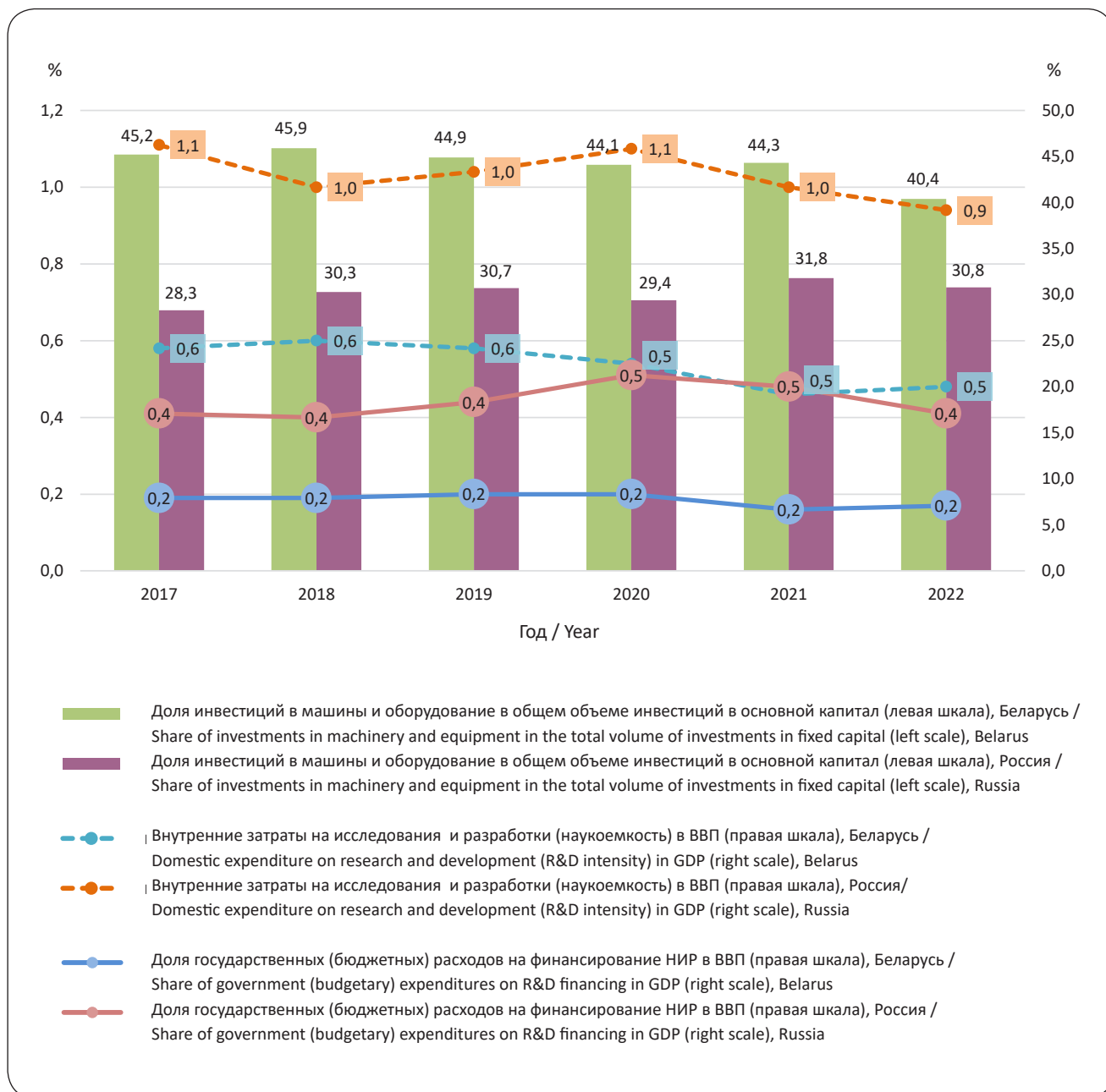

Рис. 2. Финансирование научно-технологического развития в странах Союзного государства России и Беларуси

Примечание: РБ – Республика Беларусь, РФ – Российская Федерация.

Источник: собрано и составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Fig. 2. Financing of scientific-technological development in the countries of the Union State of Russia and Belarus

Note: RB – Republic of Belarus, RF – Russian Federation.

Source: collected and compiled by the authors with the data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation and the National Statistical Committee of the Republic of Belarus.

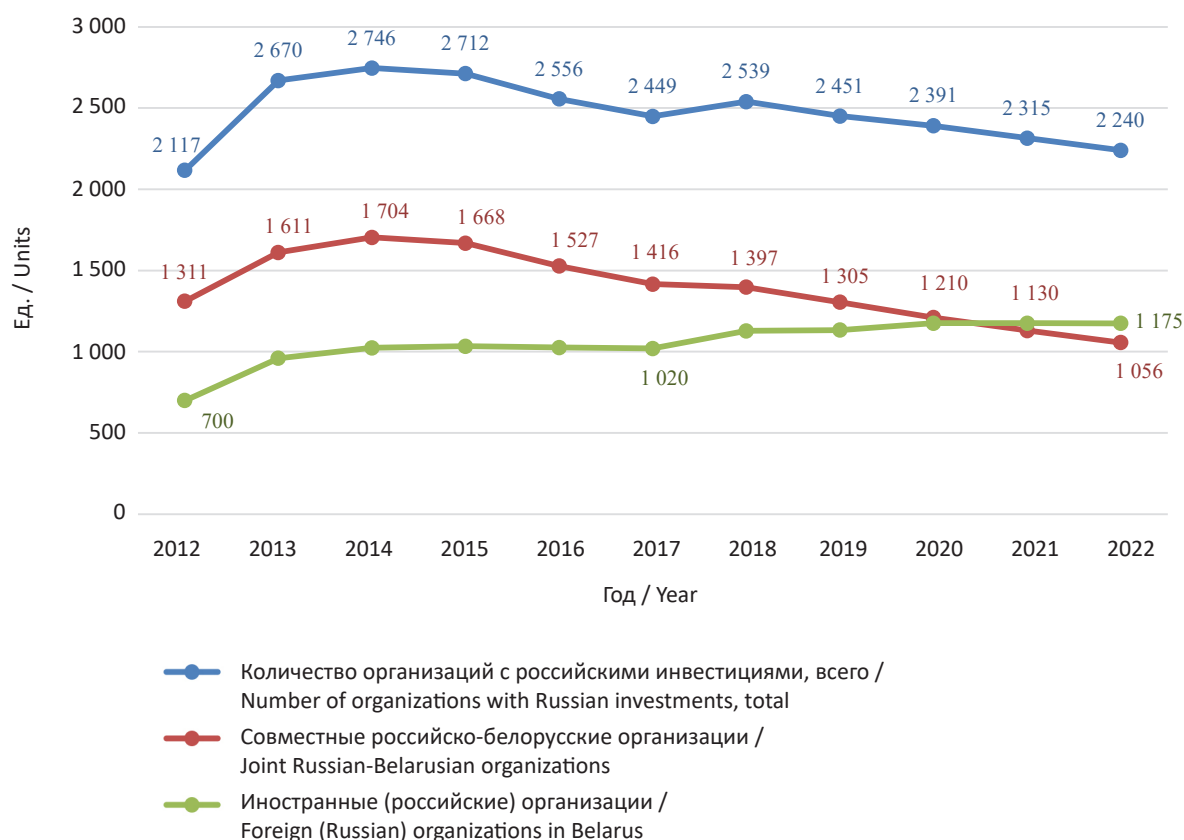

Рис. 3. Количество организаций с российским капиталом в уставных фондах организаций Беларуси

Примечание: Согласно статистическому учету в Республике Беларусь, совместная организация – это юридическое лицо Республики Беларусь, уставный фонд которого состоит из доли иностранного инвестора и доли физических и (или) юридических лиц Республики Беларусь; иностранная организация – это юридическое лицо Республики Беларусь с иностранной формой собственности.

Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Fig. 3. Number of organizations with Russian capital in the authorized assets in Belarus

Note: According to Belarus statistical accounting, a joint venture is a legal entity of the Republic of Belarus whose authorized capital consists of a share of a foreign investor and a share of natural and/or legal persons of the Republic of Belarus; a foreign organization is a legal entity of the Republic of Belarus with a foreign form of ownership.

Source: compiled by the authors with the data the National Statistical Committee of the Republic of Belarus.

С одной стороны, снижение числа организаций с российскими инвестициями в Беларуси может иметь негативную окраску, поскольку это говорит о сокращении экономических связей и реального взаимодействия предприятий в странах Союзного государства. С другой стороны, растет количество самостоятельных российских предприятий в Беларуси, что, возможно, является следствием выбора более подходящей формы хозяйствования для инвесторов из России на белорусском рынке.

Далее мы собрали и проанализировали статистику о количестве совместных российско-белорусских предприятий в российских регионах, которая повторяет уже отмеченные тенденции: наблюдается сокращение совместных российско-белорусских предприятий и в России. На рис. 4 представлены данные о присутствии совместных российско-белорусских предприятий в российских регионах, где это количество наиболее высокое. Основные регионы присутствия, как можно заметить, – это приграничные области: Смоленская, Брянская, Калининградская, а также промышленно развитые Калужская, Тверская, Белгородская области и Республика Татарстан.

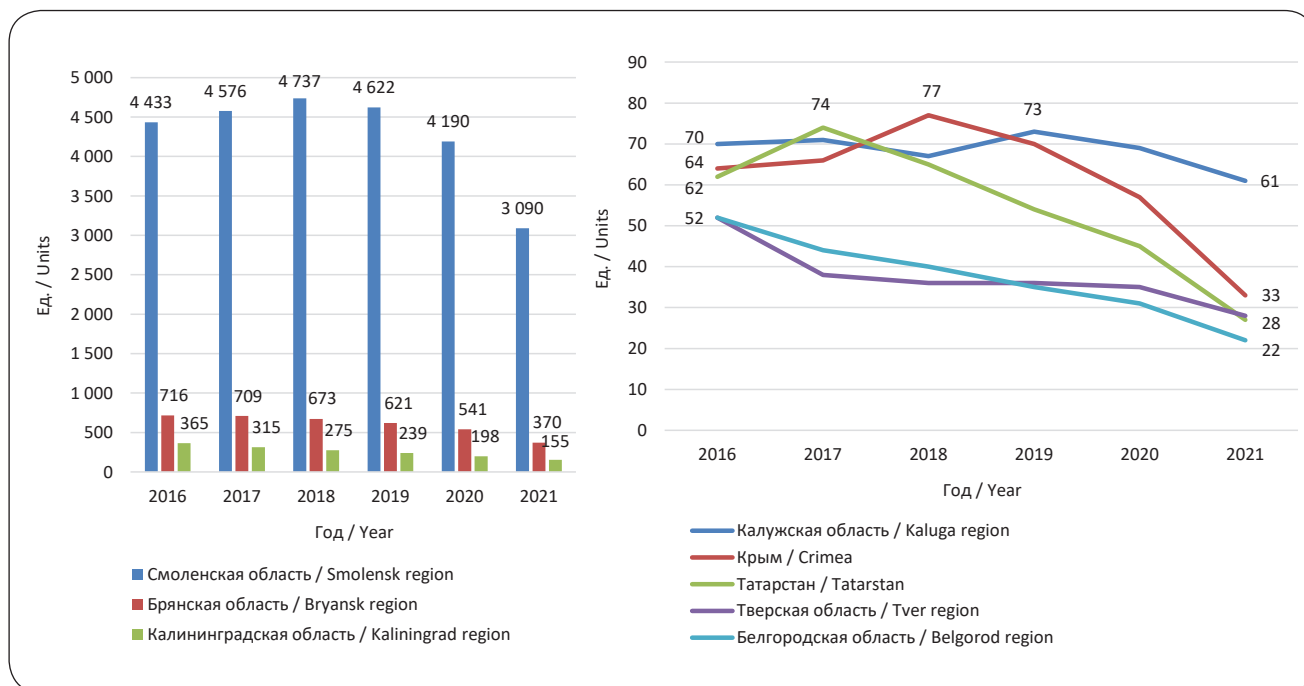

Рис. 4. Динамика совместных российско-белорусских предприятий в российских регионах

Источник: составлено авторами по данным региональных управлений Росстата.

Fig. 4. Dynamics of Russian-Belarusian joint ventures in Russian regions

Source: compiled by the authors with the data of Rosstat regional departments.

Авторами были собраны данные по количеству совместных предприятий с белорусским капиталом для 34²⁷ регионов России. В подавляющем большинстве российских регионов наблюдаются схожие тенденции сокращения совместных предприятий за рассматриваемый период. Пик количества регистраций совместных организаций приходится на 2017–2018 гг., и за ним следует снижение. Эта тенденция, вероятно, является следствием происходящих изменений экономических условий в странах Союзного государства вследствие происходящего пограничного военного конфликта, внешнего санкционного давления, а также проводимой экономической и промышленной политики.

Пик количества совместных предприятий в России приходится на 2017–2018 гг., после чего последовал резкий спад. На это же время приходится локальный минимум количества российских предприятий в Беларуси, за которым последовал рост иностранных предприятий с российским капиталом в белорусской юрисдикции. Это свидетельствует о том, что предприятиям стала менее выгодна регистрация совместных проектов вследствие изменившихся внешних условий. Какие это могли быть перемены? Авторы склоняются к мнению, что на это повлияли принятие в конце 2016 г. и последующая ратификация Беларусью нового Таможенного кодекса ЕАЭС²⁸, который вступил в силу с 2018 г. Введение Таможенного кодекса ЕАЭС было призвано существенно упростить таможенное оформление товаров между странами-участницами, устранить внутренние барьеры для торговли и обеспечить формирование общих рынков, что во многом определило будущие направления евразийской интеграции. Возможно, устранение различных административных барьеров и объединение экономического пространства упростило внешнеэкономическое взаимодействие между предприятиями и устранило необходимость создания совместных юридических лиц для их преодоления. В этом отношении

²⁷ В 2022 г. мы делали запросы во все территориальные органы Федеральной службы государственной статистики о количестве предприятий в регионе с белорусским капиталом.

²⁸ Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. (2017). https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_tamoj_zak/tk_eaes.php

Союзное государство России и Беларуси, по мнению ряда экспертов, представляет собой ядро и основную движущую силу евразийской интеграции. Хотя снижение количества совместных российско-белорусских предприятий может рассматриваться и как следствие ухудшения экономического взаимодействия.

Таким образом, проведение промышленной политики в странах Союзного государства имеет большие амбициозные цели, в то время как задачи промышленно-технологического развития России и Беларуси во многом схожи, поскольку определяются существующими проблемами сокращения технологического разрыва, сложившегося за годы догоняющего развития, складывающейся неблагоприятной внешнеполитической обстановкой, существенной зависимостью от экспорта высокотехнологичной продукции из развитых стран. В этом отношении разработка эффективных инструментов и анализ эффективности промышленной политики являются актуальной научно-практической задачей.

Заключение

В текущих условиях обострения геополитической обстановки, мощного санкционного давления, резкого роста технологической конкуренции на мировых рынках выстраивание взаимовыгодного экономического и промышленного сотрудничества в Союзном государстве принимает критическое стратегическое значение. Взаимодействие в рамках научно-технического развития необходимо проводить с целью достижения конкурентоспособности по ключевым направлениям развития наиболее передовых технологий. Объединение усилий двух государств в области промышленного взаимодействия позволит обеспечить взаимовыгодное партнерство, увеличить товарооборот, обеспечить доступ продукции на внутренние рынки друг друга, совместно выходить на внешние рынки.

В последние годы в Союзном государстве процессы экономической интеграции на политическом уровне получили достаточно широкое освещение, предпринимаются значительные усилия по их углублению, в том числе посредством проведения единой промышленной политики. Соглашение о единой промышленной политике, которое является неотъемлемой частью Основных направлений реализации положений договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг., призвано способствовать выполнению целей построения единого, промышленного, научно-технологического, финансового пространства, объединения материального, интеллектуального и человеческого капитала для получения нового качества развития промышленности Союзного государства.

Большое преимущество формирования единых подходов к промышленной политике заключается в том, что предприятия двух государств становятся не конкурентами, а партнерами. Предполагается, что предприятия схожих отраслей будут взаимодействовать, обмениваясь опытом и создавая инновационные продукты. В то же время статистика совместных предприятий с белорусским капиталом в России и с российским капиталом в Беларуси указывает на изменение экономических условий в Союзном государстве. Начиная с 2017 г. количество совместных предприятий снижается, это может быть как следствием снижения международных торгово-экономических барьеров, так и снижением заинтересованности предприятий в двухсторонних взаимосвязях. Возможно, что формирование единого экономического пространства делает невыгодным создание совместных предприятий, облегчая экономическое сотрудничество через простые договорные отношения. Это предположение отчасти подтверждается ростом количества иностранных предприятий с российским капиталом на белорусском рынке.

Следует отметить, что промышленная политика Союзного государства в настоящее время направлена на преодоление зависимости от поставок зарубежного оборудования и комплектующих, создание единого экономического пространства, обеспечение общих условий хозяйствования для благоприятного развития промышленности и достижение лидерства в таких областях, как космос, военно-промышленный комплекс, энергетика, микроэлектроника, автомобилестроение, беспилотные транспортные системы, медицина и фармацевтика. Основными инструментами проведения промышленной политики для достижения поставленных целей являются планирование, финансирование и осуществление совместных научно-технических программ и проектов. В результате предполагается, что это взаимодействие позволит не только выстоять в геополитическом противостоянии и обеспечить технологический суверенитет, но и сформировать основу для опережающего развития и занятия лидирующих позиций на внешних рынках.

Список литературы

- Аганбегян, А. Г. (2012). О новой промышленной политике. *ЭКО*, 6(456), 4–22.
- Аганбегян, А. Г. (2024). Поможет ли России опыт Китая в переходе к социально-экономическому росту на основе подъема технологического и интеллектуального уровней. *Общество и экономика*, 2, 5–25.
- Байнев, В. Ф., Рунков, Ю. Ю. (2018). О системных препятствиях технико-технологическому развитию Союзного государства Беларуси и России. *Национальная безопасность и стратегическое планирование*, 1(21), 90–101.
- Бахлова, О. В., Бахлов, И. В. (2022). Возможности и угрозы для интеграционного взаимодействия в рамках Союзного государства Беларуси и России: стратегический ситуационный анализ. *Управленческое консультирование*, 6, 22–35. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-6-22-35>
- Бобков, В. (2022). Союзное государство: модель интеграции и стратегия развития. *Беларуская думка: штомесячны грамадска-палітычны і навукова-папулярны часопіс*, 6, 62–68. Бобков. *БелорусскаяДумка.pdf*
- Бодрунов, С. Д. (2015). Промышленная политика России: уроки прошлого, черты настоящего, дизайн будущего. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 6(195), 157–178.
- Глазьев, С. Ю. (2019). Методология опережающего развития экономики: как решить поставленную Президентом России задачу рывка в экономическом развитии. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 4(218), 124–132.
- Земсков, В. В. (2023). Интеграционные процессы как фактор обеспечения экономической безопасности Союзного государства. *Вестник евразийской науки*, 15(s1).
- Камалян, А. К., Цыбульник, Л. В., Пак, А. Ю. (2022). Промышленная политика Евразийского экономического союза. *Мировая экономика и международные отношения*, 66(11), 28–40. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-11-28-40>
- Кондратьев, В. Б., Попов, В. В., Кедрова, Г. В. (2022). Промышленная политика в условиях индустрии 4.0. *Мировая экономика и международные отношения*, 3(66), 73–80. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-73-80>
- Кохно, П. (2019). Белорусско-российские интеграционные процессы. *Общество и экономика*, 3, 173–182. <https://doi.org/10.31857/s020736760004299-7>
- Лепеш, Г. В. (2022). Механизмы совершенствования региональной промышленной политики Российской Федерации и Республики Беларусь в контексте расширения сетевого промышленного взаимодействия. *Технико-технологические проблемы сервиса*, 1(59), 3–12.
- Пак, А. Ю., Андропова, И. В. (2024). Единая промышленная политика Союзного государства Белоруссии и России как инструмент обеспечения экономической безопасности. *Проблемы рыночной экономики*, 1, 98–111. <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-1-98-111>
- Побываев, А. (2017). Неоиндустриализация как инструмент встраивания в глобальные цепочки стоимости российских и белорусских предприятий. *Мир новой экономики*, 4, 78–87.
- Полтерович, В. М. (2023). Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества. *Terra Economicus*, 21(3), 6–16. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16>
- Полтерович, В. М. (2014). Промышленная политика: рецепты или институты? *Журнал Новой экономической ассоциации*, 2(22), 190–195.
- Приходько, А. (2024). Сближение макроэкономической политики России и Белоруссии: союзное строительство 2021–2023 годов. *Россия и новые государства Евразии*, 1(LXII), 78–98. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-1-78-98>
- Романова, О. А., Пономарева, А. О. (2020). Промышленная политика: новые реалии, проблемы формирования и реализации. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 13(2), 25–40. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.2>
- Суздальцев, А. И. (2021). Республика Беларусь: Эволюция политики балансирования между Союзным государством Белоруссии и России и Евразийским экономическим союзом. *Актуальные проблемы Европы*, 109(1), 193–232. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.01.09>
- Татаркин, А. И., Романова, О. А. (2007). Промышленная политика и механизм ее реализации: системный подход. *Экономика региона*, 3(3), 19–31.
- Татаркин, А. И. (2008). Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России. *Вестник Челябинского государственного университета*, 19, 5–17.
- Шурубович, А. (2016). Промышленная политика евразийских интеграционных проектов. *Россия и новые государства Евразии*, 2, 9–24.
- Aiginger, K. (2007). Industrial Policy: A Dying Breed or a Re-emerging Phoenix. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 7(3-4), 297–323. <https://doi.org/10.1007/s10842-007-0025-7>
- Bilbao Ubillos, J., Camino-Beldarrain, V., Intxaurburu-Clemente, G., & Velasco Balmaseda, E. (2024). Industry 4.0, servitization, and reshoring: A systematic literature review. *European Research on Management and Business Economics*, 30(1), 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.iedeen.2023.100234>
- Bailey, D., Pitelis, C., & Tomlinson, P. (2023). Place-based industrial and regional strategy – levelling the playing field. *Regional Studies*, 57, 1–7. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2168260>

- Barwick, P. J., Kalouptside, M., & Zahur, N. B. (2019, July 9). China's Industrial Policy: an Empirical Evaluation. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3417181>
- Barzotto, M., Corradini, C., Fai, F., Labory, S., & Tomlinson, P. (2020). Smart specialisation, Industry 4.0 and lagging regions: some directions for policy. *Regional Studies, Regional Science*, 7, 318–332. <http://dx.doi.org/10.1080/21681376.2020.1803124>
- Bonvillian, W. (2022). Industrial Innovation Policy in the United States. *Annals of Science and Technology Policy*, 6, 315–411. <http://dx.doi.org/10.1561/110.00000026>
- Bulfone, F. (2022). Industrial policy and comparative political economy: A literature review and research agenda. *Competition and Change*, 27(1), 22–43.
- Carlsson, B. (2016). Industrial Dynamics: A Review of the Literature 1990–2009. *Industry and Innovation*, 23, 1–62. <http://dx.doi.org/10.1080/13662716.2015.1120658>
- Chang, H.-J., & Andreoni, A. (2020). Industrial Policy in the 21st Century. *Development and Change*, 51, 324–351. <http://dx.doi.org/10.1111/dech.12570>
- Cen, X., Fos, V., & Jiang, W. (2023, April 14). How Do U.S. Firms Withstand Foreign Industrial Policies? <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4418407>
- Chandran, N., & Brahmachari, S. (2018). Policy as a Driver of Economic Growth: Historical Evidence from the Indian Pharmaceutical Industry. *Current Science*, 114(6), 1181–1193. <http://dx.doi.org/10.18520/cs/v114/i06/1181-1193>
- Cherif, R., Hasanov, F., & Spatafora, N. (2022). *Industrial Policy for Growth and Diversification. A Conceptual Framework*. International Monetary Fund. African Department (Series). <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/DP/2022/English/IPGDCFEA.ashx>
- Chu, W. W. (2017). Industry policy with Chinese characteristics: a multi-layered model. *China Economic Journal*, 10(3), 305–318. <https://doi.org/10.1080/17538963.2017.1368903>
- Conley, T., & van Acker, L. (2011). Whatever Happened to Industry Policy in Australia? *Australian Journal of Political Science*, 46, 503–517. DOI: <https://doi.org/10.1080/10361146.2011.596522>.
- Crespi, F. et al. (2021). European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy. *Inter Economics*, 56, 348–354. <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>
- Criscuolo, C. et al. (2022). An industrial policy framework for OECD countries: Old debates, new perspectives. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, 127. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/0002217c-en>
- Diegues, A. C., Roselino, J. E., Ferreira, M. J. B., & de Castro Garcia, R. (2023). The renewal of the debate on industrial policy: limitations and suggestion for a normative typology based on the dialogue between neo-schumpeterians and developmentalists. *Revista de Economia Contemporânea (Journal of Contemporary Economics)*, 27, 1–32. <http://dx.doi.org/10.1590/198055272723>
- DiPippo, G., Mazzocco, I., Kennedy, S., & Goodman, M. P. (2022). *Red Ink: estimating Chinese industrial policy spending in comparative perspective*. Center for Strategic and International Studies. https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/220523_DiPippo_Red_Ink.pdf?VersionId=LH8ILLKWz4o.bjrwNS7csuX_C04FyEre
- Dolfsma, W., & Mamica, L. (2020). Industrial Policy – An Institutional Economic Framework for Assessment. *Journal of Economic Issues*, 54, 349–355. <http://dx.doi.org/10.1080/00213624.2020.1743143>
- Farrand, B., & Carrapico, H. (2022). Digital sovereignty and taking back control: from regulatory capitalism to regulatory mercantilism in EU cybersecurity. *European Security*, 31(3), 435–453. <http://dx.doi.org/10.1080/09662839.2022.2102896>
- Fenna, A. (2016). Revisiting trade and industry policy. *Australian Journal of Political Science*, 51, 1–11. <http://dx.doi.org/10.1080/10361146.2016.1239566>
- Harrison, A., Martin, L., & Nataraj, S. (2017). Green Industrial Policy in Emerging Markets. *Annual Review of Resource Economics*, 9, 253–274. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-resource-100516-053445>
- Hervas-Oliver, J. L., Estelles-Miguel, S., Peris-Ortiz, M., & Belso-Martinez, J. (2022). Does regional innovation policy really work for Industry 4.0? Evidence for industrial districts. *European Planning Studies*, 31, 1–19. <http://dx.doi.org/10.1080/09654313.2022.2135368>
- Herrera, A., Chen, G., & Lugauer, S. (2022). Policy and Misallocation Evidence from Chinese Firm-Level Data. *SSRN Electronic Journal*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4002232>
- Hidalgo, C. A. (2021). Economic complexity theory and applications. *Nature Physics*, 3(2), 92–113.
- Juhász, R., & Steinwender, C. (2024). Industrial Policy and the Great Divergence. *Annual Review of Economics*, 16, Submitted. <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-091523-044259>
- Juhász, R., Lane, N., Oehlsen, E., & Pérez, V. C. (2022, November 20). *The Who, What, When, and How of Industrial Policy: A Text-Based Approach*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4198209>
- Juhász, R., Lane, N., & Rodrik, D. (2024). The New Economics of Industrial Policy. *Annual Review of Economics*, 6. <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-081023-024638>
- Lane, N. (2022, November 1). *Manufacturing Revolutions: Industrial Policy and Industrialization in South Korea*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3890311>
- Lashkaripour, A., & Lugovskyy, V. (2022, February 1). Profits, Scale Economies, and the Gains from Trade and Industrial Policy. *CAEPR Working Paper*, 2017-004. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2954731>
- Kelsey, N. (2018). Industry type and environmental policy: Industry characteristics shape the potential for policymaking success in energy and the environment. *Business and Politics*, 20, 1–28. <http://dx.doi.org/10.1017/bap.2018.19>

- Lane, N. (2020). The New Empirics of Industrial Policy. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 20, 209–234. <http://dx.doi.org/10.1007/s10842-019-00323-2>
- Lane, N. (2022, November 1). *Manufacturing Revolutions: Industrial Policy and Industrialization in South Korea*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3890311>
- Liu, X., Megginson, W., & Xia, J. (2022). Industrial Policy and Asset Prices: Evidence from the Made in China 2025 Policy. *Journal of Banking & Finance*, 142. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbankfin.2022.106554>
- McGovern, T. (2011). The decline of the British tyre industry: An evaluation of the policies of the Tyre Industry Sector Working Party. *Business History*, 53, 600–616. <http://dx.doi.org/10.1080/00076791.2011.578128>
- Mingo, S., & Khanna, T. (2014). Industrial policy and the creation of new industries: Evidence from Brazil's bioethanol industry. *Industrial and Corporate Change*, 23, 1229–1260. <http://dx.doi.org/10.1093/icc/dtt039>
- Molica, F. (2024). Reassessing Cohesion Policy Through the Lens of the New EU Industrial Policy. *JCMS Journal of Common Market Studies*, 1–18. <http://dx.doi.org/10.1111/jcms.13616>
- McNamara, K. R. (2023). Transforming Europe? The EU's industrial policy and geopolitical turn. *Journal of European Public Policy*, 1–26. <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2230247>
- Nathan, M., & Overman, H. (2013). Agglomeration, clusters, and industrial policy. *Oxford Review of Economic Policy*, 29, 383–404. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grt019>
- Naudé, W. (2010). New Challenges for Industrial Policy. *Working Paper No. 2010/107*.
- Nem Singh, J. (2023). The advance of the state and the renewal of industrial policy in the age of strategic competition. *Third World Quarterly*, 44, 1–19. <https://doi.org/10.1080/01436597.2023.2217766>
- Pereira, R., & dos Santos, N. (2023). Neoindustrialization – Reflections on a New Paradigmatic Approach for the Industry: A Scoping Review on Industry 5.0. *Logistics*, 7. <https://doi.org/10.3390/logistics7030043>
- Pichler, M., Krenmayr, N., Schneider, E., & Brand, U. (2021). EU industrial policy: Between modernization and transformation of the automotive industry. *Environmental Innovation and Societal Transitions*, 38, 140–152. <https://doi.org/10.1016/j.eist.2020.12.002>
- Pohle, J., & Thiel, T. (2020). Digital sovereignty. *Internet Policy Review*, 9(4), 1–19. <https://doi.org/10.14763/2020.4.1532>
- Qiao, J., Yang, S., Chen, Z., Zhuang, Z., & Chen, L. (2022). A quantitative study of policy-driven changes and forecasts in the development of the hydrogen transportation industry. *Energy Reports*, 8, 1218–1225. <https://doi.org/10.1016/j.egyr.2022.02.057>
- Rodrik, D. (2004). *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. CEPR Discussion Paper Series. <https://doi.org/10.2139/SSRN.617544>
- Simachev, Y., Fedyunina, A., & Kuzyk, M. (2022). Russian industrial policy in the context of global production system transformation and severe constraints. *Voprosy Ekonomiki*, 6, 5–25. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-6-5-25>
- Sharmelly, R., & Ray, P. (2018). Influence of policies in capability evolution and industry structure: Lessons from the Indian automotive industry and implications for other developing countries. *World Review of Entrepreneurship Management and Sustainable Development*, 14, 1–21. <https://doi.org/10.1504/WREMSD.2018.089070>
- Souza Júnior, A., Lisboa, A., Aguiar, L., Itikawa, M., Silva, O., & Santiago, S. (2022). The RD&I policy in Manaus Free Trade Zone: Opportunities and Challenges for the Implementation of the Industry 4.0. *European Journal of Business and Management Research*, 7, 229–235. <https://doi.org/10.24018/ejbmr.2022.7.1.1280>
- Sunley, P., Harris, J., Pike, A., Harris, R., Martin, R., & Evenhuis, E. (2022). Industrial policies, strategy and the UK's Levelling Up agenda. *Local Economy: The Journal of the Local Economy Policy Unit*, 37(5), 403–418. <https://doi.org/10.1177/02690942221149007>
- Weiss, J. (2017). Implementing industrial policy: How to choose? *Oxford Development Studies*, 46, 1–12. <https://doi.org/10.1080/13600818.2017.1313399>

References

- Aganbegyan, A. (2012). On new economic policy. *ECO*, 6(456), 4–22. (In Russ.).
- Aganbegyan, A. (2024). On the applicability of China's experience to helping Russia in the transition to socio-economic growth based on the development of technological and intellectual potential. *Society and Economy*, 2, 5–25. (In Russ.).
- Aiginger, K. (2007). Industrial Policy: A Dying Breed or a Re-emerging Phoenix. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 7(3-4), 297–323. <https://doi.org/10.1007/s10842-007-0025-7>
- Bailey, D., Pitelis, C., & Tomlinson, P. (2023). Place-based industrial and regional strategy – levelling the playing field. *Regional Studies*, 57, 1–7. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2168260>
- Baiev, V. F., & Runkov, Y. Y. (2018). On system obstacles for technical and technological development of the Union state of Belarus and Russia. *Naczionalnaya bezopasnost i strategicheskoe planirovanie*, 1(21), 90–101. (In Russ.).
- Bakhlova, O. V., & Bakhlov, I. V. (2022). Opportunities and Threats for Integration Cooperation within the Framework of the Union State of Belarus and Russia: Strategic Situational Analysis. Part 1. *Administrative Consulting*, 6, 22–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-6-22-35>
- Barwick, P. J., Kalouptsi, M., & Zahur, N. B. (2019, July 9). *China's Industrial Policy: an Empirical Evaluation*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3417181>

- Barzotto, M., Corradini, C., Fai, F., Labory, S., & Tomlinson, P. (2020). Smart specialisation, Industry 4.0 and lagging regions: some directions for policy. *Regional Studies, Regional Science*, 7, 318–332. <http://dx.doi.org/10.1080/21681376.2020.1803124>
- Bilbao Ubbilos, J., Camino-Beldarrain, V., Intxaurburu-Clemente, G., & Velasco Balmaseda, E. (2024). Industry 4.0, servitization, and reshoring: A systematic literature review. *European Research on Management and Business Economics*, 30(1), 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.iedeen.2023.100234>
- Bobkov, V. (2022). The Union State: integration model and development strategy. *Belaruskaya dumka: shtomesyachny` gramadska-palitychny i navukova-papulyarny chasopis*, 6, 62–68. (In Russ.).
- Bodrunov, S. D. (2015). Russia's industrial policy: lessons of the past, characteristics of the present, design of the future. *Scientific works of the Free economic society of Russia*, 6(195), 157–178. (In Russ.).
- Bonvillian, W. (2022). Industrial Innovation Policy in the United States. *Annals of Science and Technology Policy*, 6, 315–411. <http://dx.doi.org/10.1561/110.00000026>
- Bulfone, F. (2022). Industrial policy and comparative political economy: A literature review and research agenda. *Competition and Change*, 27(1), 22–43.
- Carlsson, B. (2016). Industrial Dynamics: A Review of the Literature 1990–2009. *Industry and Innovation*, 23, 1–62. <http://dx.doi.org/10.1080/13662716.2015.1120658>
- Cen, X., Fos, V., & Jiang, W. (2023, April 14). How Do U.S. Firms Withstand Foreign Industrial Policies? <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4418407>
- Chandran, N., & Brahmachari, S. (2018). Policy as a Driver of Economic Growth: Historical Evidence from the Indian Pharmaceutical Industry. *Current Science*, 114(6), 1181–1193. <http://dx.doi.org/10.18520/cs/v114/i06/1181-1193>
- Chang, H.-J., & Andreoni, A. (2020). Industrial Policy in the 21st Century. *Development and Change*, 51, 324–351. <http://dx.doi.org/10.1111/dech.12570>
- Cherif, R., Hasanov, F., & Spatafora, N. (2022). *Industrial Policy for Growth and Diversification. A Conceptual Framework*. International Monetary Fund. African Department (Series). <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/DP/2022/English/IPGDCFEA.ashx>
- Chu, W. W. (2017). Industry policy with Chinese characteristics: a multi-layered model. *China Economic Journal*, 10(3), 305–318. <https://doi.org/10.1080/17538963.2017.1368903>
- Conley, T., & van Acker, L. (2011). Whatever Happened to Industry Policy in Australia? *Australian Journal of Political Science*, 46, 503–517. DOI: <https://doi.org/10.1080/10361146.2011.596522>.
- Crespi, F. et al. (2021). European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy. *Inter Economics*, 56, 348–354. <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>
- Criscuolo, C. et al. (2022). An industrial policy framework for OECD countries: Old debates, new perspectives. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, 127. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/0002217c-en>
- Diegues, A. C., Roselino, J. E., Ferreira, M. J. B., & de Castro Garcia, R. (2023). The renewal of the debate on industrial policy: limitations and suggestion for a normative typology based on the dialogue between neo-schumpeterians and developmentalists. *Revista de Economia Contemporânea (Journal of Contemporary Economics)*, 27, 1–32. <http://dx.doi.org/10.1590/198055272723>
- DiPippo, G., Mazzocco, I., Kennedy, S., & Goodman, M. P. (2022). *Red Ink: estimating Chinese industrial policy spending in comparative perspective*. Center for Strategic and International Studies. https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/220523_DiPippo_Red_Ink.pdf?VersionId=LH8ILLKWz4o.bjrwNS7csuX_C04FyEre
- Dolfsma, W., & Mamica, L. (2020). Industrial Policy – An Institutional Economic Framework for Assessment. *Journal of Economic Issues*, 54, 349–355. <http://dx.doi.org/10.1080/00213624.2020.1743143>
- Farrand, B., & Carrapico, H. (2022). Digital sovereignty and taking back control: from regulatory capitalism to regulatory mercantilism in EU cybersecurity. *European Security*, 31(3), 435–453. <http://dx.doi.org/10.1080/09662839.2022.2102896>
- Fenna, A. (2016). Revisiting trade and industry policy. *Australian Journal of Political Science*, 51, 1–11. <http://dx.doi.org/10.1080/10361146.2016.1239566>
- Glazyev, S. Yu. (2019). A methodology for accelerated economic growth: achieving the economic breakthrough goal set by the President of Russia. *Scientific works of the Free economic society of Russia*, 4(218), 124–132. (In Russ.).
- Harrison, A., Martin, L., & Nataraj, S. (2017). Green Industrial Policy in Emerging Markets. *Annual Review of Resource Economics*, 9, 253–274. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-resource-100516-053445>
- Herrera, A., Chen, G., & Lugauer, S. (2022). Policy and Misallocation Evidence from Chinese Firm-Level Data. *SSRN Electronic Journal*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4002232>
- Hervas-Oliver, J. L., Estelles-Miguel, S., Peris-Ortiz, M., & Belso-Martinez, J. (2022). Does regional innovation policy really work for Industry 4.0? Evidence for industrial districts. *European Planning Studies*, 31, 1–19. <http://dx.doi.org/10.1080/09654313.2022.2135368>
- Hidalgo, C. A. (2021). Economic complexity theory and applications. *Nature Physics*, 3(2), 92–113.
- Juhász, R., & Steinwender, C. (2024). Industrial Policy and the Great Divergence. *Annual Review of Economics*, 16, Submitted. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-091523-044259>
- Juhász, R., Lane, N., Oehlsen, E., & Pérez, V. C. (2022, November 20). *The Who, What, When, and How of Industrial Policy: A Text-Based Approach*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4198209>

- Juhász, R., Lane, N., & Rodrik, D. (2024). The New Economics of Industrial Policy. *Annual Review of Economics*, 6. <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-081023-024638>
- Kamalyan, A., Tsybulnik, L., & Pak, A. (2022). Industrial Policy of Eurasian Economic Union. *World Economy and International Relations*, 66(11), 28–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-11-28-40>
- Kelsey, N. (2018). Industry type and environmental policy: Industry characteristics shape the potential for policymaking success in energy and the environment. *Business and Politics*, 20, 1–28. <http://dx.doi.org/10.1017/bap.2018.19>
- Kokhno, P. (2019). On the present-day Belarusian-Russian integration processes. *Society and Economy*, 3, 173–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/s020736760004299-7>
- Kondratev, V., Popov, V., & Kedrova, G. (2022). Industrial Policy Priorities under Industry 4.0. *World Economy and International Relations*, 66(3), 73–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-73-80>
- Lane, N. (2020). The New Empirics of Industrial Policy. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 20, 209–234. <http://dx.doi.org/10.1007/s10842-019-00323-2>
- Lane, N. (2022, November 1). *Manufacturing Revolutions: Industrial Policy and Industrialization in South Korea*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3890311>
- Lashkaripour, A., & Lugovskyy, V. (2022, February 1). Profits, Scale Economies, and the Gains from Trade and Industrial Policy. *CAEPR Working Paper*, 2017-004. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2954731>
- Lepesh, G. V. (2022). Mechanisms for improving the regional industrial policy of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the context of expanding industrial networking. *Tekhniko-tehnologicheskie Problemy Servisa*, 1(59), 3–12. (In Russ.).
- Liu, X., Megginson, W., & Xia, J. (2022). Industrial Policy and Asset Prices: Evidence from the Made in China 2025 Policy. *Journal of Banking & Finance*, 142. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbankfin.2022.106554>
- McGovern, T. (2011). The decline of the British tyre industry: An evaluation of the policies of the Tyre Industry Sector Working Party. *Business History*, 53, 600–616. <http://dx.doi.org/10.1080/00076791.2011.578128>
- McNamara, K. R. (2023). Transforming Europe? The EU's industrial policy and geopolitical turn. *Journal of European Public Policy*, 1–26. <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2230247>
- Mingo, S., & Khanna, T. (2014). Industrial policy and the creation of new industries: Evidence from Brazil's bioethanol industry. *Industrial and Corporate Change*, 23, 1229–1260. <http://dx.doi.org/10.1093/icc/dtt039>
- Molica, F. (2024). Reassessing Cohesion Policy Through the Lens of the New EU Industrial Policy. *JCMS Journal of Common Market Studies*, 1–18. <http://dx.doi.org/10.1111/jcms.13616>
- Nathan, M., & Overman, H. (2013). Agglomeration, clusters, and industrial policy. *Oxford Review of Economic Policy*, 29, 383–404. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grt019>
- Naudé, W. (2010). New Challenges for Industrial Policy. *Working Paper No. 2010/107*.
- Nem Singh, J. (2023). The advance of the state and the renewal of industrial policy in the age of strategic competition. *Third World Quarterly*, 44, 1–19. <https://doi.org/10.1080/01436597.2023.2217766>
- Pak, A. Yu., & Andronova, I. V. (2024). The common industrial policy of the Union State of Belarus and Russia as an economic security tool. *Market Economy Problems*, 1, 98–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-1-98-111>
- Pereira, R., & dos Santos, N. (2023). Neoliberalization – Reflections on a New Paradigmatic Approach for the Industry: A Scoping Review on Industry 5.0. *Logistics*, 7. <https://doi.org/10.3390/logistics7030043>
- Pichler, M., Krenmayr, N., Schneider, E., & Brand, U. (2021). EU industrial policy: Between modernization and transformation of the automotive industry. *Environmental Innovation and Societal Transitions*, 38, 140–152. <https://doi.org/10.1016/j.eist.2020.12.002>
- Pobyvaev, S. A. (2017). Non-Industrialization as an Instrument of Integration into Global Value Chains of Russian and Belarusian Enterprises. *The World of New Economy*, 4, 78–87. (In Russ.).
- Pohle, J., & Thiel, T. (2020). Digital sovereignty. *Internet Policy Review*, 9(4), 1–19. <https://doi.org/10.14763/2020.4.1532>
- Polterovich, V. M. (2014). Industrial policy: recipes or institutions? *Journal of the New Economic Association*, 2(22), 190–195. (In Russ.).
- Polterovich, V. M. (2023). Catching-up development under sanctions: The strategy of positive collaboration. *Terra Economicus*, 21(3), 6–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16>
- Prikhodko, A. (2024). The Convergence of Macroeconomic Policies of Russia and Belarus: Union Building in 2021–2023. *Russia and New States of Eurasia, I(LXII)*, 78–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-1-78-98>
- Qiao, J., Yang, S., Chen, Z., Zhuang, Z., & Chen, L. (2022). A quantitative study of policy-driven changes and forecasts in the development of the hydrogen transportation industry. *Energy Reports*, 8, 1218–1225. <https://doi.org/10.1016/j.egy.2022.02.057>
- Rodrik, D. (2004). *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. CEPR Discussion Paper Series. <https://doi.org/10.2139/SSRN.617544>
- Romanova, O. A., & Ponomareva, A. O. (2020). Industrial policy: new realities, formation and implementation issues. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(2), 25–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.2>
- Sharmelly, R., & Ray, P. (2018). Influence of policies in capability evolution and industry structure: Lessons from the Indian automotive industry and implications for other developing countries. *World Review of Entrepreneurship Management and Sustainable Development*, 14, 1–21. <https://doi.org/10.1504/WREMSD.2018.089070>
- Shurubovich, A. (2016). Industrial policy of Eurasian integration projects. *Rossiya i novy'e gosudarstva Evrazii*, 2, 9–24. (In Russ.).

Simachev, Y., Fedyunina, A., & Kuzyk, M. (2022). Russian industrial policy in the context of global production system transformation and severe constraints. *Voprosy Ekonomiki*, 6, 5–25. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-6-5-25>

Souza Júnior, A., Lisboa, A., Aguiar, L., Itikawa, M., Silva, O., & Santiago, S. (2022). The RD&I policy in Manaus Free Trade Zone: Opportunities and Challenges for the Implementation of the Industry 4.0. *European Journal of Business and Management Research*, 7, 229–235. <https://doi.org/10.24018/ejbmr.2022.7.1.1280>

Sunley, P., Harris, J., Pike, A., Harris, R., Martin, R., & Evenhuis, E. (2022). Industrial policies, strategy and the UK's Levelling Up agenda. *Local Economy: The Journal of the Local Economy Policy Unit*, 37(5), 403–418. <https://doi.org/10.1177/02690942221149007>

Suzdaltsev, A. (2021). The Republic of Belarus: the evolution of the policy of balancing between Union state of Belarus and Russia and Eurasian economic union. *Urgent Problems of Europe*, 109(1), 193–232. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/ape/2021.01.09>

Tatarkin, A. I. (2008). Industrial policy as the basis for systemic modernization of the Russian economy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 19, 5–17. (In Russ.).

Tatarkin, A. I., & Romanova, O. A. (2007). Industrial policy and mechanism of its implementation: systemic approach. *Economy of Region*, 3(3), 19–31. (In Russ.).

Weiss, J. (2017). Implementing industrial policy: How to choose? *Oxford Development Studies*, 46, 1–12. <https://doi.org/10.1080/13600818.2017.1313399>

Zemskov, V. V. (2023). Integration processes as a factor in ensuring the economic security of the union state. *The Eurasian Scientific Journal*, 15(s1). (In Russ.).

Вклад авторов

Е. В. Потапцева: разработка идеи и методологии исследования, поиск и структурирование информации относительно тематики исследования. Подготовка раздела исследования по теме эволюции программных документов промышленной политики Союзного государства России и Белоруссии.

О. С. Брянцева: реализация программы исследования, сбор и обработка информации, подготовка анализа зарубежных и отечественных литературных источников, касающихся тематики исследования. Подготовка раздела по анализу научно-технического развития и региональной интеграции в Союзном государстве.

Е. В. Преснякова: реализация программы исследования, подготовка раздела по теме эволюции программных документов промышленной политики Союзного государства.

The author's contributions

E. V. Potaptsseva developed the research idea and methodology, searched for and structured information regarding the research topic; prepared the research section on the evolution of program documents of the Russia and Belarus Union State's industrial policy.

O. S. Bryantseva implemented the research program, collected and processed information, prepared the analysis of foreign and domestic literary sources concerning the research topic; prepared the section on the analysis of scientific and technological development and regional integration in the Union State.

E. V. Presnyakova implemented the research program, prepared the section on the evolution of program documents of the Union State industrial policy.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 13.07.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 28.08.2024

Дата принятия в печать / Accepted 28.08.2024

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.729-758>

УДК 332.1:338.48(470.319)

JEL: Q26, R1, R58

М. С. Шмарков¹,

Л. И. Шмаркова²

¹ Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орел, Россия

² Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Орел, Россия

Оценка и сравнение туристского потенциала и общественных рейтингов регионов в задаче развития регионального рынка туристских услуг (на примере Орловской области)

Контактное лицо:

Шмарков Михаил Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма и гостиничного дела факультета технологий, предпринимательства и сервиса, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
E-mail: turedpert888@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1120-5338>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-3399-2017>
eLIBRARY SPIN-код: 9561-2662

Шмаркова Лариса Ивановна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики и информационных технологий факультета технологии, товароведения и сервиса, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: shmarkova_lara@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1832-4495>
Scopus AuthorID: 6504678890
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/B-4385-2018>
eLIBRARY SPIN-код: 5254-6435

Аннотация

Цель: разработка и апробирование метода построения оценок туристского потенциала регионов, метода их сравнения с общественными рейтингами регионов; диагностика проблемных зон управления процессом формирования регионального рынка туристских услуг и обоснование рекомендаций по его развитию.

Методы: общенаучные, общелогические, анализ, синтез, сравнение, обобщение; статистический и корреляционный анализ.

Результаты: в работе представлен авторский метод построения суммарных оценок туристского потенциала регионов, интегрирующих в себе официальные статистические показатели. Преодолеть трудности учета разноразмерных показателей позволило введение безразмерных относительных величин. Полученные оценки использованы для формирования объективного представления о силе туристского потенциала регионов, их сравнения, для оценки возможностей и определения перспектив развития туризма в регионе. Поскольку одним из препятствий в решении этой задачи являются низкие общественные рейтинги, важно иметь возможность сопоставить их значения с объективными оценками. Для этого разработан и апробирован метод сравнения суммарных оценок туристского потенциала регионов с их рейтингами, в частности со значениями Национального туристического рейтинга – 2022. В результате на примере Орловской области выявлены диспропорции, которые свидетельствуют о неэффективном использовании туристского потенциала региона. По результатам анализа специфики реализации региональных стратегий, программ и практики организации туристской деятельности, проблемных зон управления сформулированы рекомендации, выполнение которых гарантирует экономическое развитие региона и сферы туризма.

Научная новизна: разработан метод построения суммарных оценок туристского потенциала регионов; предложен и апробирован метод сравнения суммарных оценок туристского потенциала с общественными рейтингами регионов. Количественно обоснованы диспропорции в оценках и рейтингах. Выполнена диагностика проблемных зон управления процессом формирования регионального рынка туристских услуг, даны рекомендации по его развитию.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы субъектами предпринимательской деятельности и органами власти при формировании стратегий и программ развития регионов; представленный метод сравнения туристского потенциала и рейтингов регионов может быть использован в научно-педагогической и исследовательской деятельности.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, туристский потенциал, сравнительная оценка, рынок туристских услуг, управление развитием

Благодарности

Авторы выражают благодарность рецензентам и сотрудникам издательства за детальное изучение рукописи статьи и конструктивный характер рекомендаций, выполнение которых повысило качество представленного материала.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Шмарков, М. С., Шмаркова, Л. И. (2024). Оценка и сравнение туристского потенциала и общественных рейтингов регионов в задаче развития регионального рынка туристских услуг (на примере Орловской области). *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 729–758. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.729-758>

Scientific article

M. S. Shmarkov¹,
L. I. Shmarkova²

¹ Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russia

² Middle Russia Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

Assessment and comparison of tourist potential and public ratings of regions for the regional tourist market development (by the example of Orel region)

Contact:

Mikhail S. Shmarkov, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Tourism and Hotel Business, Faculty of Technologies, Entrepreneurship and Service, Orel State University named after I. S. Turgenev

E-mail: turexpert888@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1120-5338>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-3399-2017>

eLIBRARY SPIN-code: 9561-2662

Larisa I. Shmarkova, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Associate Professor of the Department of Mathematics and Information Technologies, Faculty of Technologies, Merchandising and Service, Middle Russia Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: shmarkova_lara@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1832-4495>

Scopus AuthorID: 6504678890

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/B-4385-2018>

eLIBRARY SPIN-code: 5254-6435

Abstract

Objective: to develop and test the method of estimating a tourism potential of regions, the method of comparing them with public ratings of regions; to diagnose problem areas of management when forming the regional market of tourist services and justify recommendations for its development.

Methods: general scientific and general logical methods, analysis, synthesis, comparison, generalization; statistical and correlation analysis.

Results: the paper presents the author's method of constructing summary estimates of the regions' tourism potential, integrating official statistical indicators. Due to the introduction of dimensionless relative values, the difficulties of accounting for different-sized indicators were resolved. The obtained estimates were used to form an objective idea of the strength of the regions' tourism potential, to compare them, to assess the opportunities and determine the prospects for tourism development in the region. Since one of the obstacles in solving this task is low public ratings, it is important to be able to compare them with objective assessments. For this purpose, we have developed and tested a method of comparing the summary estimates of the regions' tourism potential with their ratings, in particular, with the values of the National Tourism Rating – 2022. As a result, by the example of Orel region, the disproportions were revealed that indicate the inefficient use of the region's tourism potential. Based on the analysis of the regional strategies implementation, programs and practices of tourism organization and problem areas of management, recommendations are formulated, the implementation of which guarantees the economic development of the region and tourism sphere.

Scientific novelty: the method of constructing summary estimates of the regions' tourism potential is developed; the method of comparing the summary estimates of tourism potential with public ratings of regions is proposed and tested. The disproportions in assessments and ratings are substantiated quantitatively. The problem areas of management in the formation of the regional tourist services market are diagnosed; recommendations for its development are given.

Practical significance: the study results can be used by business entities and authorities to formulate strategies and programs of regional development; the presented method of comparing the tourism potential and ratings of regions can be used in scientific, pedagogical and research activities.

Keywords:

regional and sectoral economy, tourism potential, comparative assessment, tourism services market, development management

Acknowledgements

The authors express their gratitude to the reviewers and the publishing staff for detailed study of the manuscript and for constructive recommendations, which improved the quality of the presented material.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Shmarkov, M. S., & Shmarkova, L. I. (2024). Assessment and comparison of tourist potential and public ratings of regions for the regional tourist market development (by the example of Orel region). *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 729–758. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.729-758>

Введение

В развитии экономики регионов важную роль играют туризм и эффективная организация туристской деятельности. Туризм привлекает значительные средства в регион (Meyer et al., 2017), оказывает сильное воздействие на рост экономики регионов (Liu, 2022) и может стать драйвером в этом процессе (Kropinova et al., 2015). Н. Rasool, S. Maqbool и Md. Tarique на примере стран БРИКС обосновали, что «причинно-следственная связь между въездным туризмом и экономическим ростом является двунаправленной», и подтвердили гипотезу обратной связи (Rasool et al., 2021); «диверсификация региональной экономики за счет развития туризма и смежных отраслей являются задачами региональной политики на ближайшее будущее» (Pletnev et al., 2021). Исследования проблем развития регионального туризма как фактора роста экономики регионов имеет высокую актуальность (Calero & Turner, 2020).

В. В. Путин обратил внимание на то, что повышенный спрос в области внутреннего туризма дает хороший стимул к развитию смежных с туристской индустрией отраслей и целых регионов нашей страны, «общая задача и государства, и отечественного бизнеса – обеспечить рост качества туристических услуг и инфраструктуры»¹, и отметил, что «для долгосрочного, уверенного, эффективного развития туристической сферы у России все есть... – огромный исторический, культурный, природный, рекреационный потенциал»². Вопросы развития туризма в регионах находятся в фокусе пристального внимания государства, реализуется национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства»³, инициативами которого являются развитие туристской инфраструктуры в регионах страны, повышение доступности туруслуг и совершенствование управления в сфере туризма. В 2023 г. в программе грантовой поддержки туристского бизнеса в регионах участвовали представители 48 регионов⁴.

Однако наблюдается существенное различие в уровне развития туристских дестинаций Российской Федерации (Miloradov et al., 2018). Одни регионы выступают лидерами на рынке туристских услуг, в других потенциал туризма используется неэффективно.

В сложившихся экономических и геополитических условиях задача формирования и активизации внутреннего рынка туристских услуг является весьма актуальной для всех российских регионов. Управление этим процессом должно основываться на результатах анализа туристского потенциала регионов, в том числе и в сравнении с другими регионами, без чего сложно сформировать понимание, какие действия и механизмы необходимы для ускоренного развития въездного регионального туризма.

В то же время практическое управление процессом формирования регионального рынка туристских услуг зачастую базируется на стереотипах восприятия и на учете частных оценок, среди которых встречаются и противоречивые. Так, весьма низкую оценку туристской привлекательности Орловской области дал оператор федерального общественного проекта «Национальный рейтинг» в представленном им Национальном туристическом рейтинге – 2022, в то время как ряд частных исследований указывают на высокую туристскую привлекательность региона. Это противоречие определяет проблему исследования. Необходимы количественные аргументы для обоснованного представления о силе туристского потенциала регионов, которые будут полезны для выработки более эффективных решений по развитию сферы туризма в регионах и могут быть использованы для проверки объективности рейтингов, оказывающих существенное влияние на туристские потоки в регион (Pletnev et al., 2021).

Цель исследования: разработка и апробирование метода построения оценок туристского потенциала регионов, метода их сравнения с общественными рейтингами регионов; диагностика проблемных зон управления процессом формирования регионального рынка туристских услуг и обоснование рекомендаций по его развитию.

Задачи исследования:

- изучить присвоенные регионам рейтинги;
- выбрать инструментарий и разработать метод построения сравнительных оценок туристского потенциала регионов;
- выполнить расчет и сравнение таких оценок для разных регионов, провести анализ уровня туристской привлекательности;
- выполнить диагностику проблемных зон управления процессом формирования регионального рынка туристских услуг с учетом полученных оценок его потенциала;
- обосновать рекомендации по формированию и развитию регионального рынка туристских услуг, выполнение которых повысит эффективность использования туристского потенциала и деятельности в сфере туризма; определить первостепенные и стратегические задачи в контексте трансформации логики управления развитием регионального рынка туристских услуг.

¹ См.: Соповещание по вопросам развития туризма. (2023, 28 июня). <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71547>

² Там же.

³ См.: Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства». <https://национальныепроекты.рф/projects/turizm>

⁴ См.: Получить грант на развитие туристического проекта в регионе. <https://национальныепроекты.рф/opportunities/poluchit-grant-na-razvitiye-turisticheskogo-proekta-v-regione>

Соответственно обозначенной траектории решения задач построены логика и структура статьи. Обзор научной литературы позволил определить актуальные проблемы и аналитическую основу исследования, выявить и обосновать значимость проблемы, новую идею и определиться с выбором методов исследования. Далее мы предложили метод построения суммарных оценок туристского потенциала регионов и метод их сравнения с общественными рейтингами регионов. Представили результаты расчетов и сравнения полученных оценок для регионов. Выполнили анализ причин выявленных диспропорций и предложили рекомендации по формированию и развитию регионального рынка туристских услуг. В завершение сделаны выводы.

Результаты исследования

Обзор литературы

Значимость, практика и проблемы развития сферы туризма в экономике регионов постоянно находятся в фокусе внимания российских ученых, которые отмечают актуальность стимулирования въездного туризма.

Исследуя проблематику и перспективы развития туризма в Орловском регионе, В. А. Ливцов и Е. А. Алексеенок пришли к выводу, что регион обладает большим потенциалом для развития туризма, имеет богатое культурно-историческое и литературное наследие, природно-климатические условия и др. Отметили, что «оценка туристского потенциала региона является важной основой для разработки конкурентоспособных региональных туристских услуг и продуктов» (Ливцов, Алексеенок, 2021). На основе анализа данных экспертного опроса выделили основные факторы повышения привлекательности региона для внутреннего туризма и определили сдерживающие условия, среди которых «отсутствие регионального бренда, неэффективная реклама, отсутствие информационного органа управления, недостаточное финансирование туристической сферы и низкая покупательная способность населения» (Ливцов, Алексеенок, 2021). Ю. П. Соболева систематизировала программы туристской деятельности в регионе, отметила возрастающую роль цифровых технологий в туризме; проанализировала преимущества и потенциал развития креативного туризма в Орловской области, сформулировала принципы и предложила варианты эффективной реализации проектов креативного туризма (Соболева, 2023). Н. А. Илюхина, Н. В. Парушина, С. Ю. Цехла обосновали перспективность развития сельского (аграрного) туризма и определили ключевые направления его развития в Орловском регионе (Илюхина и др., 2022). М. В. Власова, Н. А. Батурина, Л. А. Пашкевич предложили экстремальные туристские маршруты и обосновали их привлекательность для потребителей (Власова и др., 2021). Информационным аспектам и коммуникационным решениям в задаче продвижения туристских услуг в Орловском регионе уделили внимание В. А. Козлова, К. А. Бышок (2020), которые отметили, что формирование единого туристского информационного пространства является ключевым фактором в осуществлении потребительского выбора.

Схожей тематике посвящены исследования актуальных вопросов развития сферы туризма и организации туристской деятельности в соседних регионах: Тульской, Калужской, Брянской, Курской, Липецкой областях. О. И. Алейников проанализировал программы развития туризма в Калужской области, выделил ведущие факторы развития туристской деятельности, охарактеризовал туристско-рекреационный потенциал региона и определил туристско-рекреационный каркас территории; пришел к выводу, что туризм является стратегическим направлением развития области (Алейников, 2022). М. Н. Куница обратила внимание на усиливающуюся «роль положительного туристского имиджа субъектов страны», провела комплексный анализ рекреационного потенциала Брянской области как основы становления ее туристского образа и отметила многоаспектность его влияния на формирование туристского образа дестинации, базовое значение в разработке и внедрении имиджевых стратегий, необходимых для реализации региональной туристской политики (Куница, 2022). С. И. Смирнов исследовал туристско-рекреационную систему Брянской области, особенности организации и управления ею; выявил, что уровень развития туризма в регионе не соответствует его потенциалу; рассмотрел перспективы развития туристско-рекреационной системы области, систематизировал и сформировал перечень муниципальных образований и перечень природных территориальных комплексов, административных и хозяйственных образований как центральные факторы развития сферы туризма в регионе (Смирнов, 2020). Н. Б. Балашев и О. С. Бритикова представили результаты сравнения оценок популярности направлений туризма в Калужской и Тульской областях и анализа динамики прироста туристского потока и объема услуг, дали рекомендации по развитию регионального туризма и сделали вывод об отставании результатов

реализации государственных программ в этих областях от ожидаемых, о недостаточной активности органов самоуправления (Балашев, Бритикова, 2019). Р. М. Иванова, О. В. Скроботова, И. Е. Полякова отметили важность исследований состояния туристско-рекреационной системы и повышения роли туризма в экономике региона, охарактеризовали специфику туристского потенциала Липецкой области, определили стратегические цели развития сферы туризма в регионе, необходимость формирования туристского кластера (Иванова и др., 2021); особенности стратегических подходов к развитию сферы туризма в регионе: кластерный подход, приоритетные виды туризма, флагманские проекты (Иванова, 2023); исследовали туристский потенциал муниципальных образований Курской области и ранжировали их по использованию культурно-исторических ресурсов в целях туризма, отметили высокий разброс в рейтингах (Иванова, Скроботова, 2021). Ю. Ю. У и Е. С. Симоненко считают, что точкой роста социально-экономического развития отдельных территорий Курской области может стать экологический туризм и, акцентируя внимание на институциональной среде развития ресурсного потенциала, предложили механизм формирования стратегии устойчивого развития экологического туризма в регионе (У, Симоненко, 2020).

Обширен спектр исследований перспектив и проблем развития сферы туристских услуг в Москве и Московской области. В. Ивлев, М. И. Ивлева, А. И. Панюков, Т. Е. Зульфугарзаде охарактеризовали туристско-рекреационный потенциал Московской области, обозначили его важное влияние на развитие туризма и повышение туристской ценности региона (Ivlev et al., 2017). Н. А. Каменских, обратив внимание на то, что «не все ресурсы, имеющиеся на территории области, используются в предпринимательской деятельности оптимально», и отметив богатый туристский потенциал Московской области, обосновала актуальность и преимущества внедрения инструментов проектного подхода к созданию туристского кластера в муниципалитетах области (Каменских, 2018). В. Г. Гуляев и Т. В. Рассохина предложили перечень основных направлений работы и модель системы управления устойчивым развитием туристской системы в Московской области (Гуляев, Рассохина, 2019). Г. А. Карпова и А. В. Ходанова раскрыли понятие и определили эффективные стратегии повышения аттрактивного потенциала региона с целью активизации туристского потока (Карпова, Ходанова, 2023).

Л. Н. Семеркова, С. В. Зинченко и Е. М. Бижанова проанализировали проблемы неравномерного распределения туристских потоков и обосновали целесообразность концентрации усилий на развитии внутреннего и въездного туризма в российских регионах (Семеркова и др., 2019).

Г. М. Романова, В. Н. Шарафутдинов и Е. В. Онищенко обосновали, что действующая парадигма управления развитием туризма требует изменений, которые должны быть направлены на развитие туристских пространств не как отдельных точечных образований на конкретных территориях, а как целостных туристских «магнитных полей» в регионах (Романова и др., 2020). Е. Г. Леонидова и М. А. Сидоров обосновали перспективность стимулирования потребительского спроса, субсидирования туристских поездок внутри страны и развития туристской инфраструктуры, перераспределения внутреннего турпотока для роста национальной экономики (Леонидова, Сидоров, 2023).

А. Ю. Александрова представила и проанализировала эталонные (по мнению автора) стратегии развития туризма и особенности их реализации в разных странах на основе современных концепций в организации мирового туристского пространства и жизненного цикла туристских дестинаций; обозначила общую проблему неравномерности развития туризма и диверсификации туристской деятельности в регионах (Александрова, 2000).

Л. В. Стахова, Е. Ю. Никольская, Т. Т. Христов, О. В. Гончарова представили идею креативности как новой точки роста и фактора привлекательности городов для туристов; определили критерии креативности и успешности креативных городов в туризме, выделили форматы организации креативного городского туризма (Stakhova et al., 2023). Т. А. Игнатьева обосновала, что туризм способствует развитию регионов и привлечению инвесторов и, наоборот, инновационное развитие региона является важным условием эффективного развития регионального туризма, обозначила проблему отсутствия единой методики оценки уровня развития туризма в регионах (Игнатьева, 2022). На необходимость оценки и анализа туристских ресурсов регионов как основу определения благоприятных перспектив развития региональной экономики обратили внимание Е. Г. Гущина, А. Г. Нестерова и Б. Абдул Хуссейн (Гущина и др., 2023).

В научной литературе представлены подходы к оценке туристского потенциала и их анализ. В работе Р. И. Сухова и Ю. С. Яценко приведены результаты обзора методик оценки туристского потенциала терри-

торий; авторы пришли к выводу: несмотря на то, что «существует достаточно большое количество методов и методик, осуществляющих оценку потенциала туристских территорий... ни одна из них в полной мере не ориентирована на кластерный подход к развитию туристских территорий... внедрение кластерных инициатив для развития туризма требует особого методологического подхода к оценке туристского потенциала территории» (Сухов, Яценко, 2018). Е. О. Ушакова и М. Е. Цой предложили схему формирования методологического подхода и последовательность формирования системы интегральных показателей к оценке туристско-рекреационного потенциала региона (Ушакова, Цой, 2017). М. В. Гудковских использовал метод баланса для расчета туристского потенциала Тюменской области, который включает оценку равноценных по значимости блоков факторов, каждый из которых в свою очередь оценивал покомпонентно с учетом значимости составляющих (Гудковских, 2017). В. А. Минаев, Л. А. Ульяновченко и Е. А. Цыщук для оценки туристских ресурсов и инфраструктуры поселений Клинского района использовали экспертную информацию и балльные оценки туристских ресурсов; а для сравнительного анализа различий – относительные оценки – доли в сумме максимальных значений баллов по всем показателям; построили обобщенные оценки привлекательности туристских ресурсов, которые использовали для ранжирования территорий региона (Минаев и др., 2015).

Выполняя оценку туристско-рекреационного потенциала сельских и пригородных районов Мазовецкого воеводства (Польша), A. Bielska, A. S. Borkowski, A. Czarnicka, M. Delnicki, J. Kwiatkowska-Malina и M. Piotrkowska для получения единообразного диапазона значений индексов также использовали относительные оценки – средневзвешенные арифметические показатели, которые рассчитывали с учетом авторской оценки значимости критериев (Bielska et al., 2022). Идею использования интегральных показателей, построенных с учетом «весов» их составляющих, взятых в отношении к их максимальным величинам, использовали Л. И. Кулакова и В. А. Осипов при оценке туристско-рекреационного потенциала российских регионов (Кулакова, Осипов, 2017). Весовые коэффициенты показателей и подиндикаторов предложили использовать для оценки туристского потенциала L. Yan, Bo W. Gao и M. Zhang (2017). О. В. Карпычева, А. Н. Русина и Е. А. Якимова, проведя обзор использованных для оценки туристского потенциала территорий количественных методов, выделили общие идеи: использование весовых коэффициентов, которые определяют иерархию факторов, и балльных оценок факторов (Карпычева et al., 2021). В целом можно отметить, что исследователи не касаются вопросов сравнительного анализа туристского потенциала российских регионов, и в оценке туристского потенциала территории используют преимущественно интегральные показатели.

Материалы и методы

Информационной базой исследования послужили статистические данные за 2022 г., представленные на официальном сайте Государственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), данные Национального туристического рейтинга – 2022⁵, который заявлен как оценка туристской привлекательности, туристского потенциала и популярности российских регионов среди отечественных и иностранных туристов. Показатели и критерии, по которым составлен рейтинг⁶, представлены в табл. 1.

В итоге Национальным туристическим рейтингом – 2022 выделены три группы:

- 1) «Лидеры» – в эту группу вошли регионы, занявшие первые 30 мест рейтинга с баллами в диапазоне от 76,6 до 121,7 (36 % регионов);
- 2) «Крепкие профи» – регионы, занявшие позиции с 31-й по 69-ю включительно и набравшие от 73,5 до 38,1 балла (45 % регионов);
- 3) «Начальный уровень» – регионы, занявшие позиции с 70-й по 85-ю и набравшие от 37,9 до 9,6 балла (19 % регионов).

⁵ См.: Национальный туристический рейтинг 2022. (2023, 18 января). <https://russia-rating.ru/info/21283.html>

⁶ По каждому из критериев на основе анализа открытых источников и ведомственной статистики за 2021–2022 гг. были подготовлены 15 таблиц и проведено соответствующее ранжирование. Первое место в каждой таблице давало 8,5 балла. За каждое последующее место снималось по 0,1 балла. Так, 15 таблиц образовали сводную таблицу, где по сумме баллов с учетом экспертной оценки были определены лидеры и аутсайдеры Национального туристического рейтинга.

Показатели и критерии оценки Национального туристического рейтинга – 2022⁷

Table 1. Indices and criteria of the National Tourism Ranking – 2022

Показатель рейтинга / Indicator	Критерии / Criteria
Уровень развития туристской отрасли и гостиничной инфраструктуры / Level of the tourism industry and hotel infrastructure development	– Число коллективных средств размещения (гостиниц) в регионе; – число мест в коллективных средствах размещения региона; – число турфирм (организаций и индивидуальных предпринимателей), работающих в регионе; – количество мест в объектах общественного питания (рестораны, кафе, бары) на 1000 жителей региона / – Number of collective accommodation facilities (hotels) in the region; – number of places in collective accommodation facilities in the region; – number of travel agencies (organizations and individual entrepreneurs) operating in the region; – number of places in public catering facilities (restaurants, cafes, bars) per 1000 residents of the region
Доходность отрасли туризма и гостеприимства, ее вклад в экономику региона / Profitability of the tourism and hospitality industry and its contribution to the regional economy	– Доходы коллективных средств размещения; – объем платных туристских услуг населению региона / – Revenues of collective accommodation facilities; – volume of paid tourist services to the population of the region
Развитие санаторно-курортной отрасли региона / Development of the health resort industry in the region	– Число размещенных лиц в санаторно-курортных организациях; – доходы санаторно-курортных организаций от предоставляемых услуг / – Number of persons accommodated in health resort organizations; – income of health resort organizations from the services provided
Популярность региона у туристов, приезжающих на несколько дней / Popularity of the region with tourists coming for several days	– Число граждан РФ, размещенных в коллективных средствах размещения; – число ночевки в коллективных средствах размещения / – Number of Russian citizens accommodated in collective accommodation facilities; – number of overnight stays in collective accommodation facilities
Популярность региона у иностранцев / Popularity of the region with foreigners	– Численность иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения / – Number of foreigners accommodated in collective accommodation facilities
Туристская уникальность и привлекательность региона / Tourism uniqueness and attractiveness of the region	– Количество объектов культурного наследия, включенных в государственный реестр / – Number of cultural heritage venues included in the State register
Уровень преступности в регионе / Crime rate in the region	– Количество совершенных преступлений на 100 тысяч населения региона / – Number of crimes committed per 100 thousand population of the region
Интерес к региону в Интернете как к месту отдыха / Interest in the region as a vacation destination on the Internet	– Количество запросов в поисковых системах об отдыхе в регионе / – Number of search engine queries about vacation in the region
Продвижение туристского потенциала региона в информационном пространстве / Promotion of the region's tourism potential in the information environment	– Количество публикаций и сообщений в СМИ с упоминанием региона, в том числе на индексируемых новостных ресурсах, по ключевым словам: «туризм + наименование региона» / – Number of media publications and reports mentioning the region, including on indexed news resources, by keywords: "tourism + name of the region"

⁷ См.: Национальный туристический рейтинг 2022. (2023, 18 января). <https://russia-rating.ru/info/21283.html>

На первом этапе анализа нами выполнено сравнение актуальных на данный момент значений Национального туристического рейтинга – 2022 Орловской и соседних областей, а также флагманов туризма – города федерального значения Москвы и Московской области. Выбор областей для сравнительного анализа также обусловлен необходимостью выявления причин неравномерности в развитии рынка туристских услуг в соседствующих регионах, проблемой сглаживания диспропорций в развитии межрегионального рынка туристских услуг, обеспечения единства туристского пространства для получения более высокого синергетического эффекта и повышения качества обслуживания потребителей туристских услуг.

Для сравнительного анализа туристского потенциала Орловской, Тульской, Калужской, Брянской, Курской, Липецкой областей, а также Московской области и Москвы нами использованы следующие показатели:

- численность постоянного населения в среднем за год (Y);
- количество объектов культурного наследия, включенных в государственный реестр (X_1);
- количество особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) (X_2);
- число турфирм (X_3);
- число коллективных средств размещения (далее – КСР) (X_4);
- число мест в КСР области (X_5);
- доходы КСР от предоставляемых услуг (X_6);
- численность иностранных граждан, размещенных в КСР (X_7).

Учитывая значительную разницу в численности постоянного населения областей, сравнение их туристского потенциала целесообразно провести не только по абсолютным значениям статистических показателей, но и по относительным показателям – коэффициентам K_i , рассчитанным по формуле:

$$K_i = \frac{X_i}{Y} \cdot 100\,000,$$

и соответственно дающим значение каждого показателя X_i на сто тысяч населения. Использование относительных показателей позволит повысить объективность сравнения туристского потенциала регионов.

На втором этапе анализа туристского потенциала, используя идеи модели М. Фишбеяна, введем сравнительную суммарную оценку туристского потенциала j -го региона R_j , которую будем рассчитывать по формуле:

$$R_j = \sum_{i=1}^7 \frac{K_{ij}}{K_{i1}} \cdot Z_i,$$

где K_{1j} – количество объектов культурного наследия, включенных в государственный реестр на сто тысяч населения в j -м регионе; K_{2j} – количество ООПТ на сто тысяч населения в j -м регионе; K_{3j} – число турфирм на сто тысяч населения в j -м регионе; K_{4j} – число мест в КСР на сто тысяч населения в j -м регионе; K_{6j} – доходы КСР от предоставляемых услуг на сто тысяч населения в j -м регионе; K_{7j} – численность иностранных граждан, размещенных в КСР, на сто тысяч населения в j -м регионе; Z_i – соответственно оценки важности показателей K_{ij} .

Показатели K_{ij} взяты отнесенными к соответствующему показателю для Орловского региона (K_{i1}) с учетом их важности, которая определялась на основе данных, полученных в результате опроса представителей предприятий сферы туризма и гостеприимства, учреждений культуры, региональных органов власти (100 респондентов). Респондентам было предложено оценить уровень важности каждого показателя по десятибалльной шкале. На основе полученных данных были рассчитаны средние значения оценок, отнесенных к ее максимальному значению (к десяти): $Z_1 = 0,9$; $Z_2 = 0,8$; $Z_3 = 0,4$; $Z_4 = 0,5$; $Z_5 = 0,8$; $Z_6 = 0,9$; $Z_7 = 0,9$, которые и были приняты за оценки важности показателей K_{ij} .

Целесообразность рассмотрения отношений $\frac{K_{ij}}{K_{i1}}$ – долей показателей K_{ij} в сравнении с базовым значением K_{i1} , за которое принято значение показателя для Орловской области, объясняется задачей сравнения показателей и необходимостью преодолеть разнородность и разномасштабность единиц их измерения.

На третьем, завершающем, этапе анализа туристского потенциала нами выполнено сопоставление суммарных оценок R_j туристского потенциала регионов со значениями Национального туристического рейтинга – 2022.

Поскольку для построения этих показателей использовались разные методы, для их сравнения введем безразмерные величины. Далее будем рассматривать, какую часть значения базового рейтинга, за который прием рейтинг Орловской области, составляют значения рейтингов других регионов, т. е. будем рассматривать «взвешенные» значения Национального туристического рейтинга – 2022, отнесенные к рейтингу Орловской области.

Результаты и обсуждение

Определенный интерес представляет сравнение актуальных на данный момент значений Национального туристического рейтинга – 2022 Орловской и соседних областей, а также флагманов туризма – города федерального значения Москвы и Московской области (рис. 1).

Возникает вопрос обоснованности столь низкого рейтинга Орловской области по сравнению с рейтингами соседних областей и причин этого. Основанием могут быть слабый туристский потенциал региона, неэффективное управление им и др. Обосновать или опровергнуть это предположение можно путем анализа и сравнения туристского потенциала регионов, подходов к формированию и реализации концепции и стратегии развития сферы туризма и организации туристской деятельности в регионах, результаты которого и позволят выполнить диагностику проблемных зон управления в туристском секторе Орловского региона.

При этом отметим, что численность постоянного населения Орловской области существенно уступает значениям этого показателя для соседних областей (рис. 2) и значительно – для Московской области (в 12,1 раза) и Москвы (в 18,5 раза). Это обусловлено не только историей развития региона, но и более слабой экономикой, невысокими доходами населения области, сложностью поиска высокооплачиваемой работы, определившими устойчивый тренд на отток активного населения в другие регионы в поисках большего заработка, а также недостаточно эффективным использованием ресурсного потенциала для развития экономики региона.

Если по количеству объектов культурного наследия, включенных в государственный реестр, лидерами являются Москва, Московская и Брянская области (в указанном порядке) (рис. 3), то в относительном выражении – Орловская область (рис. 4), что свидетельствует о весьма высоком туристском потенциале Орловской области по этому показателю.

По количеству особо охраняемых природных территорий лидерами являются Московская, Липецкая и Калужская области (рис. 5), однако в относительном выражении Липецкая и Калужская области опережают Московскую область (рис. 6). Отметим, что по количеству особо охраняемых природных территорий на сто тысяч населения региона все регионы, представленные на рис. 6, опережают город федерального значения Москву. Низкое значение показателя для Москвы объясняется значительным населением города. Орловская область уступает по этому показателю всем соседним областям, кроме Тульской, однако опережает Москву и Московскую область.

По числу турфирм лидерами являются Московская область и Москва. В Орловской области работает меньшее количество турфирм, чем в соседних областях (рис. 7), среди которых лидирует Тульская область. Однако если рассматривать этот показатель на сто тысяч населения, то число турфирм в Орловской области превышает среднее значение по сравнению с соседними областями на 24,8 % (рис. 8). Таким образом, можем отметить сравнительно высокую деловую активность на региональном рынке туристских услуг.

В то же время орловские туристские организации функционируют с переменной успешностью, преимущественно в секторе выездного туризма. Их деятельность не подкреплена инструментами государственно-частного партнерства. Недостаточное внимание уделяется формированию и продвижению выездных региональных программ. Лишь некоторые туроператоры проявляют активность в приеме туристов в регионе: ООО «ТУР», ООО «ТУРОРЕЛ»; остальные – лишь эпизодически, при наличии заявок организованных групп (ООО «Вера», ООО «Меридиан», ООО «Кобальт-тур», ООО «Туристическая фирма «Орхидея»).

По числу КСР, как и в предыдущем случае, лидерами являются Москва и Московская область. Орловская область имеет наименьшее число КСР по сравнению с соседними областями (рис. 9), среди которых лидируют Тульская и Калужская области. Однако значения относительного показателя числа КСР на сто тысяч населения практически равномерно распределены по регионам, непосредственно соседствующим с Орловской областью (рис. 10). Исключение составляет Калужская область, в которой число КСР на сто тысяч населения значительно превышает значение этого показателя в Орловской и соседних областях.

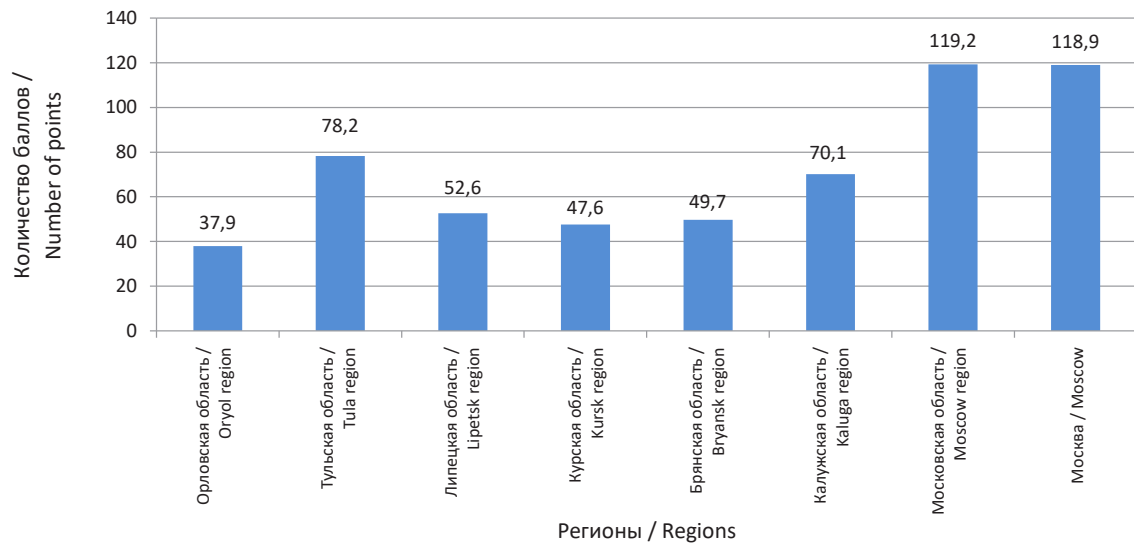

Рис. 1. Значения Национального туристического рейтинга – 2022

Источник: составлено авторами по данным Национального туристического рейтинга – 2022. Проект «Национальный рейтинг». <https://russia-rating.ru/info/21283.html>

Fig. 1. Values of the National Tourism Ranking – 2022

Source: compiled by the authors with the data of the National Tourism Ranking – 2022. The “National Ranking” project. <https://russia-rating.ru/info/21283.html>

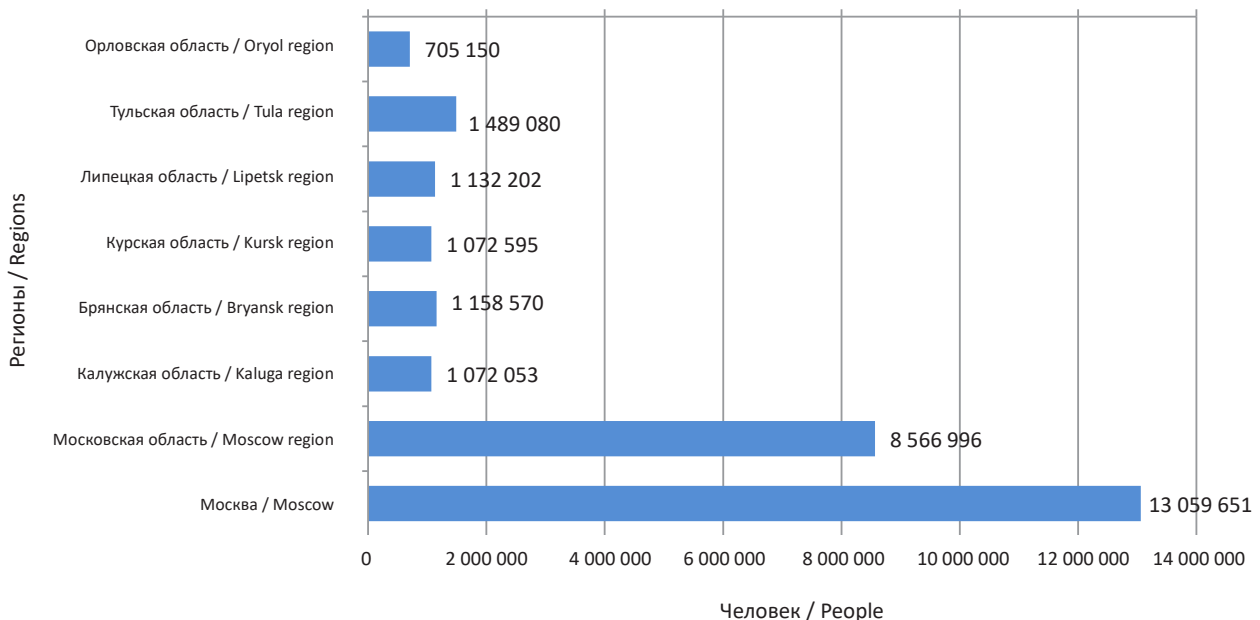

Рис. 2. Численность постоянного населения в среднем за 2022 г. (Y), человек

Источник: составлено по данным: Численность постоянного населения в среднем за год. ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/31556>

Fig. 2. Number of permanent residents on average in 2022 (Y), people

Source: compiled with the data of: Number of permanent residents on average a year. EMISS. <https://www.fedstat.ru/indicator/31556>

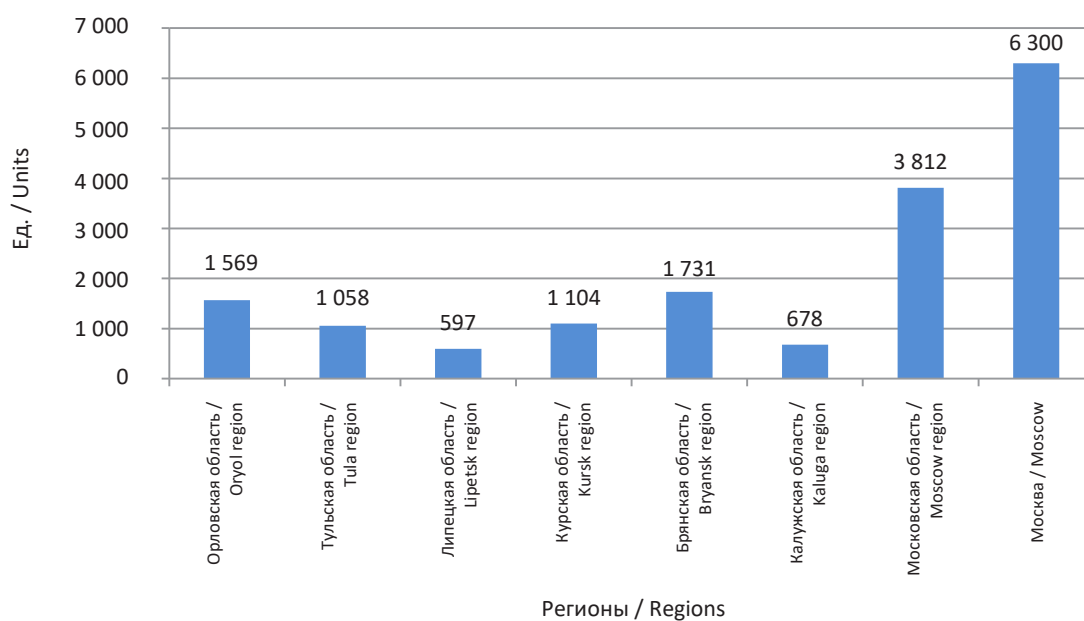

Рис. 3. Количество объектов культурного наследия, включенных в реестр за 2022 г. (X_1)

Источник: составлено по данным: Количество объектов культурного наследия, включенных в реестр. ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/55126>

Fig. 3. Number of cultural heritage venues included in the State register as of 2022 (X_1)

Source: compiled with the data of: Number of cultural heritage venues included in the State register. EMISS. <https://www.fedstat.ru/indicator/55126>

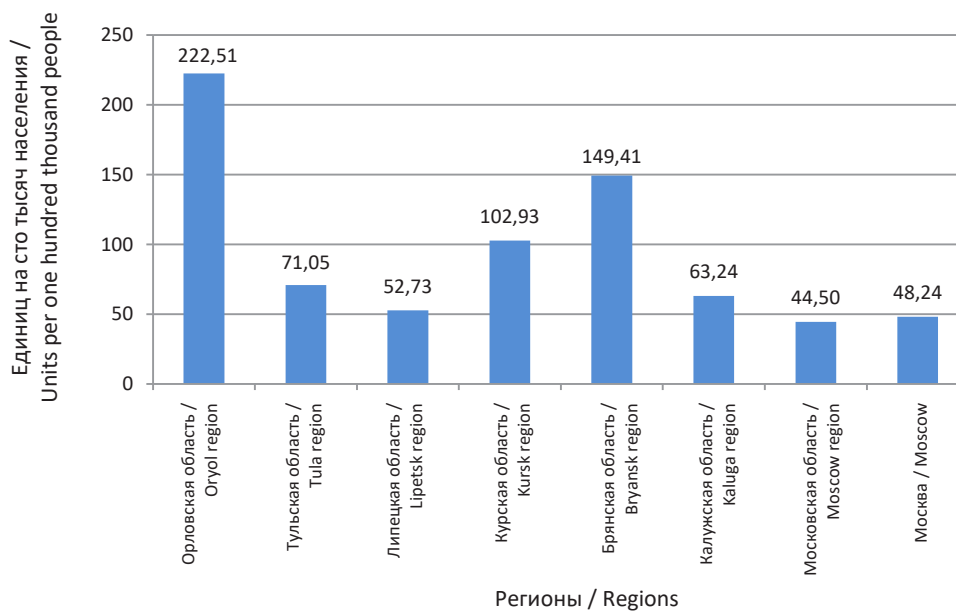

Рис. 4. Количество объектов культурного наследия, включенных в реестр за 2022 г. на сто тысяч населения региона (K_1)

Fig. 4. Number of cultural heritage venues included in the State register as of 2022 per 100 thousand of the region population (K_1)

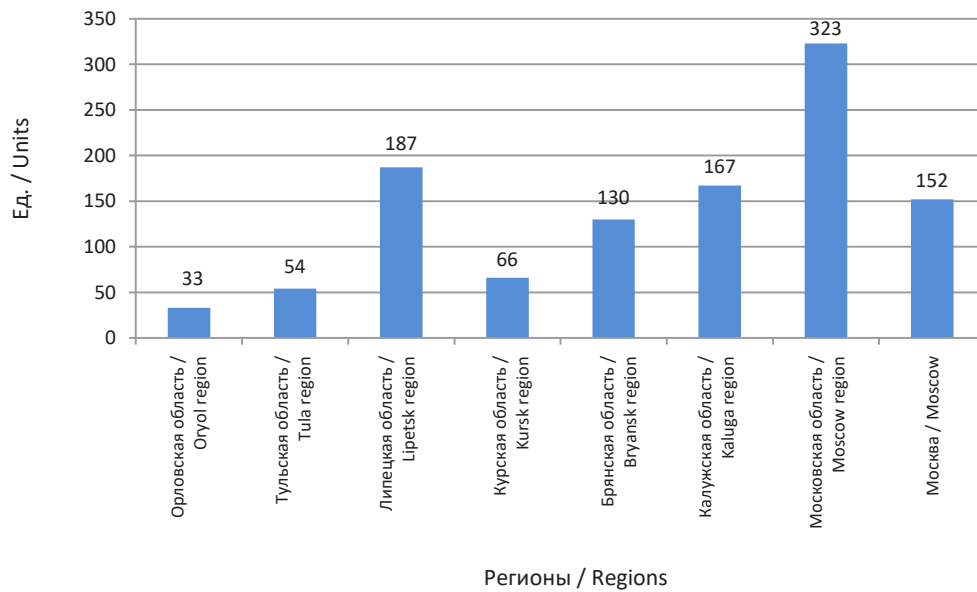

Рис. 5. Количество ООПТ за 2022 г. (X2)

Источник: составлено по данным: Сведения об особо охраняемых природных территориях. Федеральная служба государственной статистики. <https://www.fedstat.ru/form/10342>.

Fig. 5. Number of specially protected natural territories as of 2022 (X2)

Source: compiled with the data of: Information on specially protected natural territories. Federal Agency for state statistics. <https://www.fedstat.ru/form/10342>

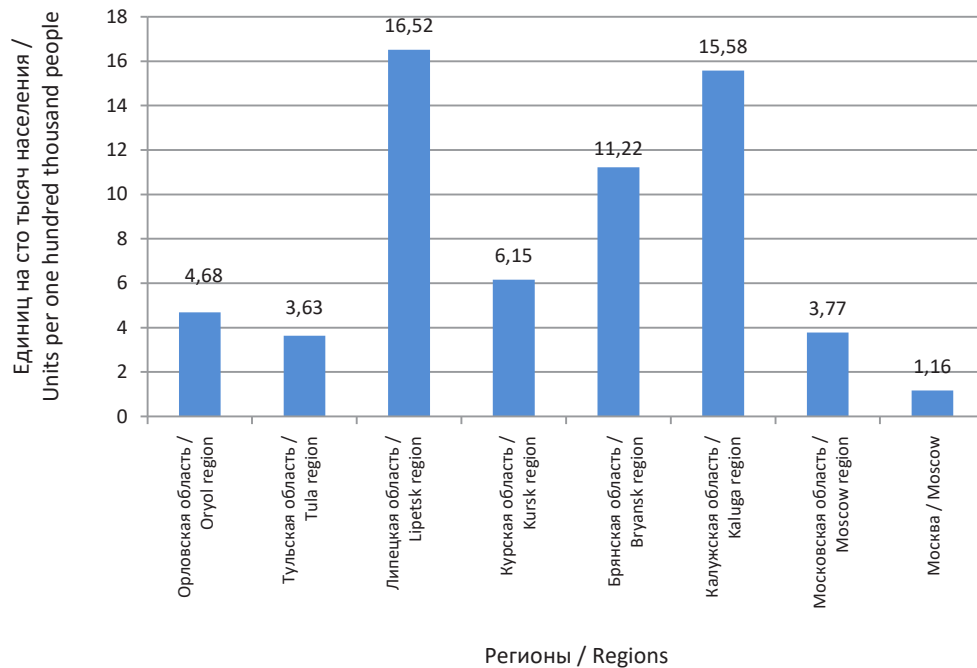

Рис. 6. Количество ООПТ за 2022 г. на сто тысяч населения региона (K2)

Fig. 6. Number of specially protected natural territories as of 2022 per 100 thousand of the region population (K2)

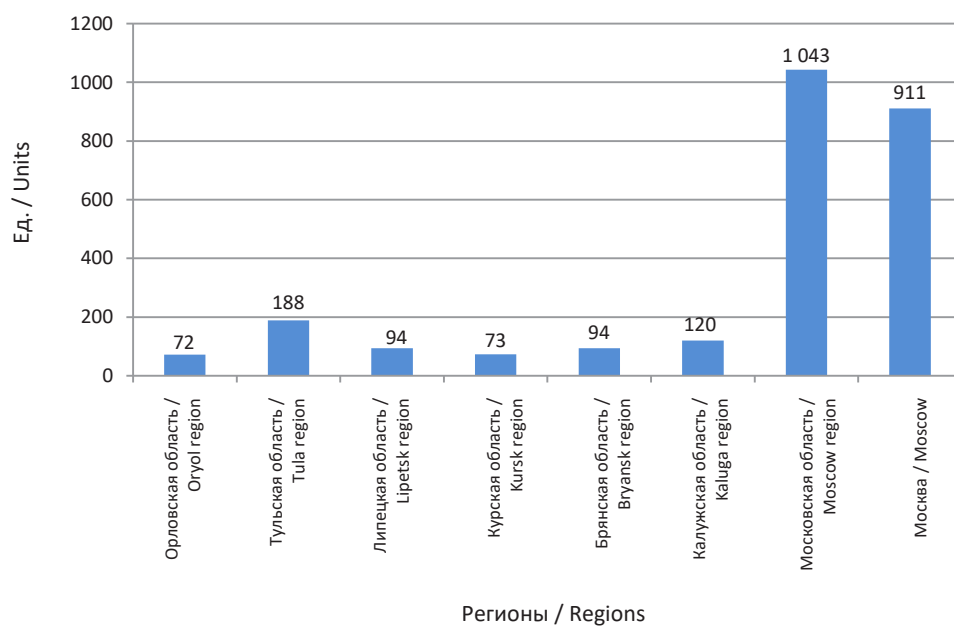

Рис. 7. Число турфирм за 2022 г. (X_3)

Источник: составлено по данным: Число турфирм. ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/31615>

Fig. 7. Number of tourist companies as of 2022 (X_3)

Source: compiled with the data of: Number of tourist companies. EMISS. <https://www.fedstat.ru/indicator/31615>

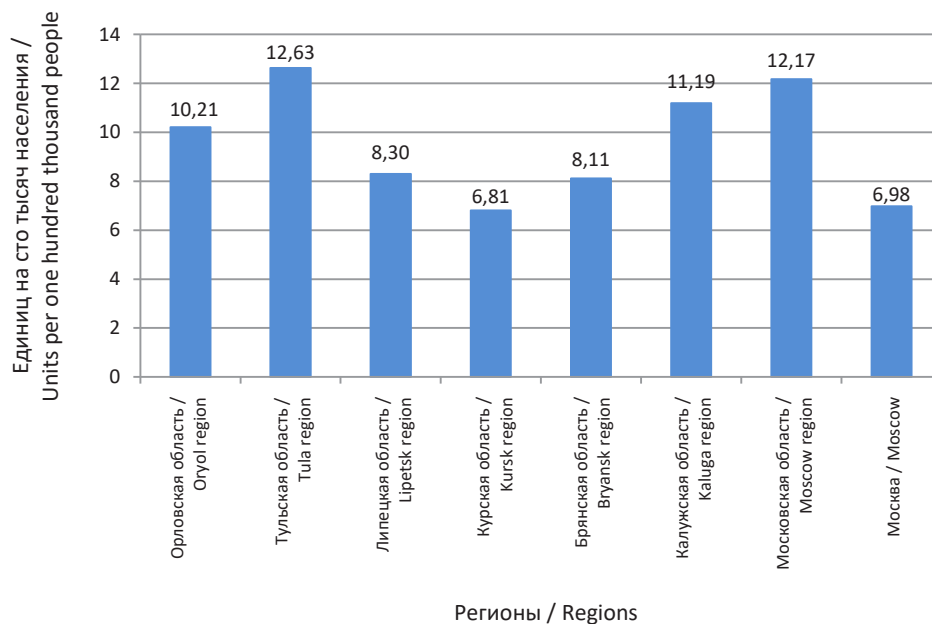
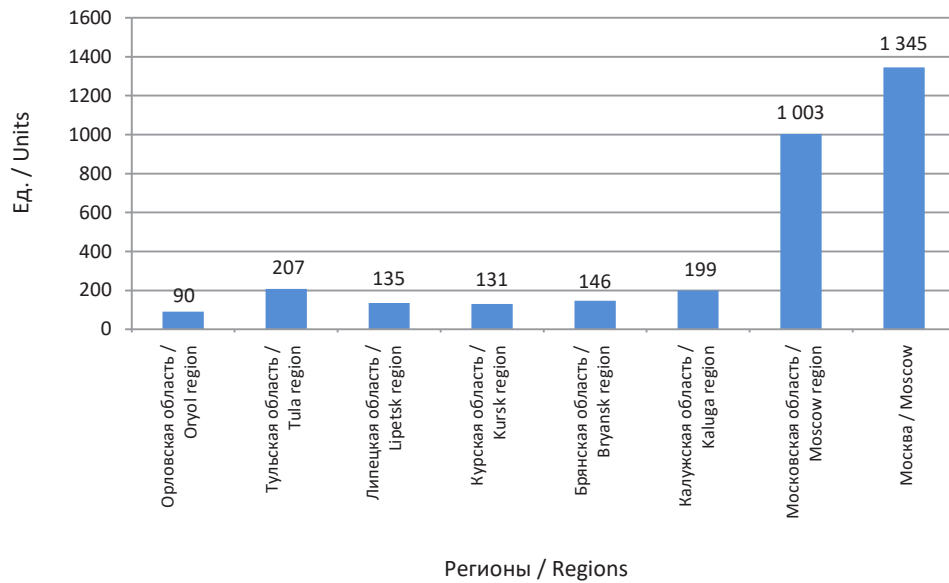

Рис. 8. Число турфирм за 2022 г. на сто тысяч населения региона (K_3)

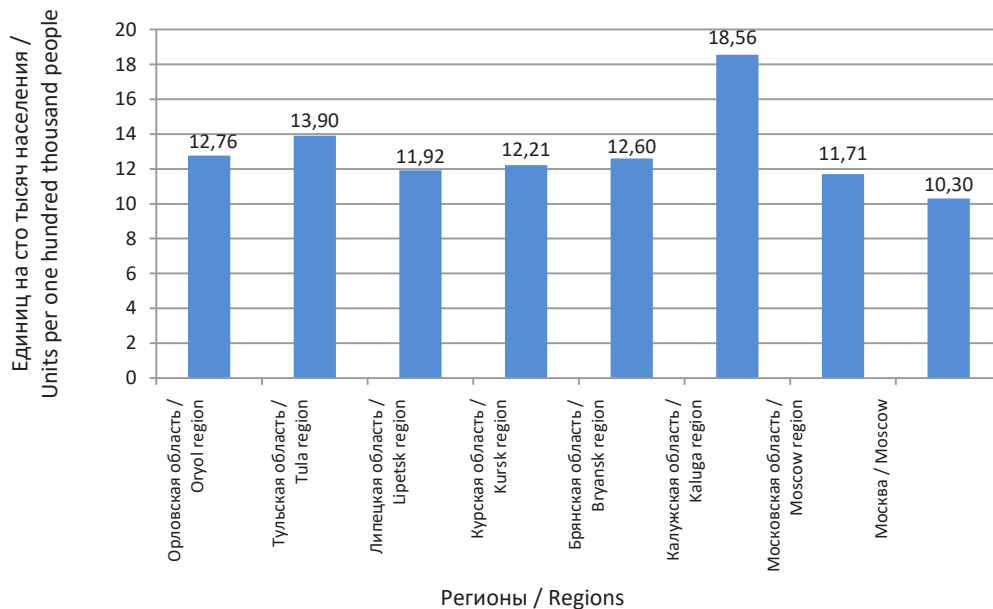
Fig. 8. Number of tourist companies as of 2022 per 100 thousand of the region population (K_3)

Рис. 9. Число КСР за 2022 г. (X_4)

Источник: составлено по данным: Число коллективных средств размещения. ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/31579>

Fig. 9. Number of collective accommodation facilities as of 2022 (X_4)

Source: compiled with the data of: Number of collective accommodation facilities. EMISS. <https://www.fedstat.ru/indicator/31579>

Рис. 10. Число КСР за 2022 г. на сто тысяч населения региона (K_4)Fig. 10. Number of collective accommodation facilities as of 2022 per 100 thousand of the region population (K_4)

Отметим, что коэффициент корреляции между числом турфирм и числом КСР составляет 0,96, т. е. наблюдается весьма высокая связь между этими показателями.

По числу мест в КСР Орловская область уступает соседним областям как в абсолютном выражении показателя, так и в относительном – на сто тысяч населения (рис. 11, 12).

На рис. 13 представлены статистические данные числа ночевки в коллективных средствах размещения, а на рис. 14 – средний процент загрузки мест в коллективных средствах размещения. Коллективные средства размещения Брянской, Орловской и Калужской областей менее загружены по сравнению с другими областями.

Доходы КСР от предоставляемых услуг в Орловской области ниже, чем в соседних областях, как в абсолютном, так и в относительном выражении (рис. 15, 16). Лидерами среди этих областей являются Калужская и Тульская области. Уровни доходов КСР Брянской, Липецкой и Курской областей отличаются незначительно.

По численности иностранных граждан, размещенных в КСР, Орловская область лидирует среди соседей (рис. 17), но существенно уступает Москве и Московской области, однако по относительному показателю опережает и Московскую область (рис. 18).

На рис. 19 представлены полученные значения суммарных сравнительных оценок туристского потенциала регионов.

Сравнивая суммарные сравнительные оценки туристского потенциала соседних с Орловской областью регионов, отметим, что они распределены равномерно, за исключением Калужской области, потенциал которой сопоставим с потенциалом Московской области. Однако Национальный туристический рейтинг – 2022 дает более высокие рейтинги для Московской области.

Значения оценок тесно коррелируют со значениями статистического показателя: туристский поток (по числу туристских поездок) на 1 января 2023 г. (рис. 20). Коэффициент корреляции составляет 0,77, т. е. связь высокая. Значения этого показателя на сто тысяч населения региона представлены на рис. 21. Наименьшие абсолютные значения показателя наблюдаются для Курской и Орловской областей, однако по числу туристских поездок на сто тысяч населения Орловская область опережает Липецкую, Курскую и Брянскую области.

На рис. 22 представлены результаты суммарных оценок туристского потенциала регионов и «взвешенные» значения Национального туристического рейтинга – 2022.

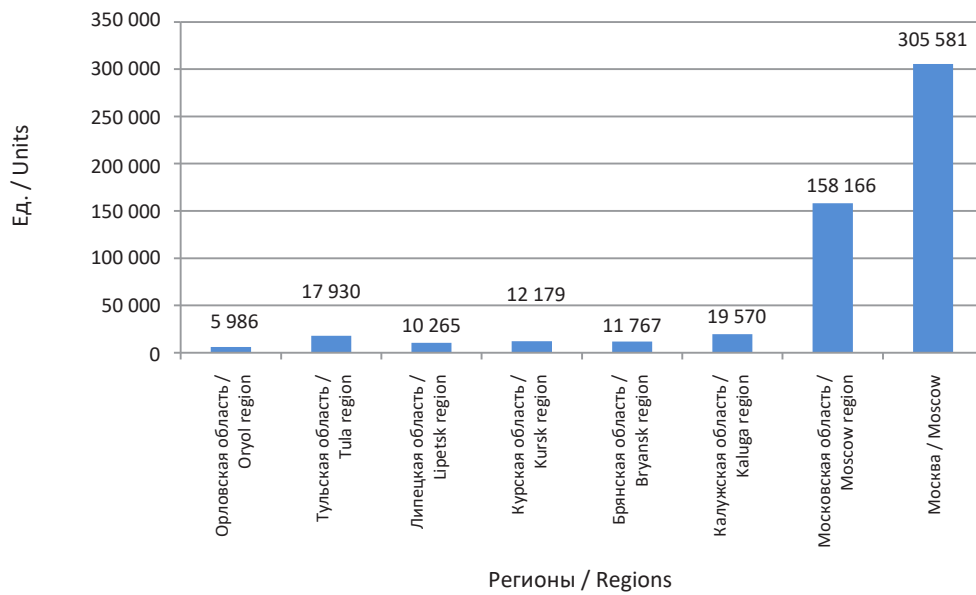
Несмотря на то, что значения представленных показателей тесно коррелируют (коэффициент корреляции составил 0,8), все же следует обратить внимание на отличия в ранжировании областей по представленным значениям показателей. Так, суммарная оценка туристского потенциала Орловской области оказалась выше аналогичной оценки Курской области, в то время как ее рейтинг, напротив, уступает рейтингу Курской области. Ее же отличие от значений суммарных оценок туристского потенциала Тульской и Брянской областей не превосходит 10 %, а значения рейтингов существенно ниже (приблизительно вдвое и на треть соответственно). Этот дисбаланс указывает на необходимость выявления причин.

Существенная разница взвешенных значений суммарной оценки туристского потенциала и Национального туристического рейтинга – 2022 для Москвы и Московской области (рис. 22) в первую очередь объясняется:

- большей известностью столичного региона и более высокой медийной активностью в сфере туризма;
- приоритетным финансированием проектов развития комфортной и безопасной среды для жизни с учетом их высокой туристской привлекательности;
- возможностью совмещения туризма и различных видов бытовой или деловой активности;
- более эффективным продвижением туристских услуг. Например, проектный офис «Развитие туризма и гостеприимства Москвы»⁸ активно воплощает инициативы по продвижению региона как туристского и культурного центра, а также масштабные инфраструктурные проекты, реализация которых способствует росту потока туристов и повышению вклада туристской индустрии в экономику региона. В Московской области сформирована и эффективно функционирует система туристских информационных центров «Подмосковье», включающая более 60 центров. При этом система продвижения туристских услуг в регионе интегрирована с системой продвижения туруслуг в соседних субъектах, реализуются межрегиональные программы⁹;

⁸ См.: Проектный офис. Развитие туризма и гостеприимства Москвы. <https://www.welcome.moscow/about/>

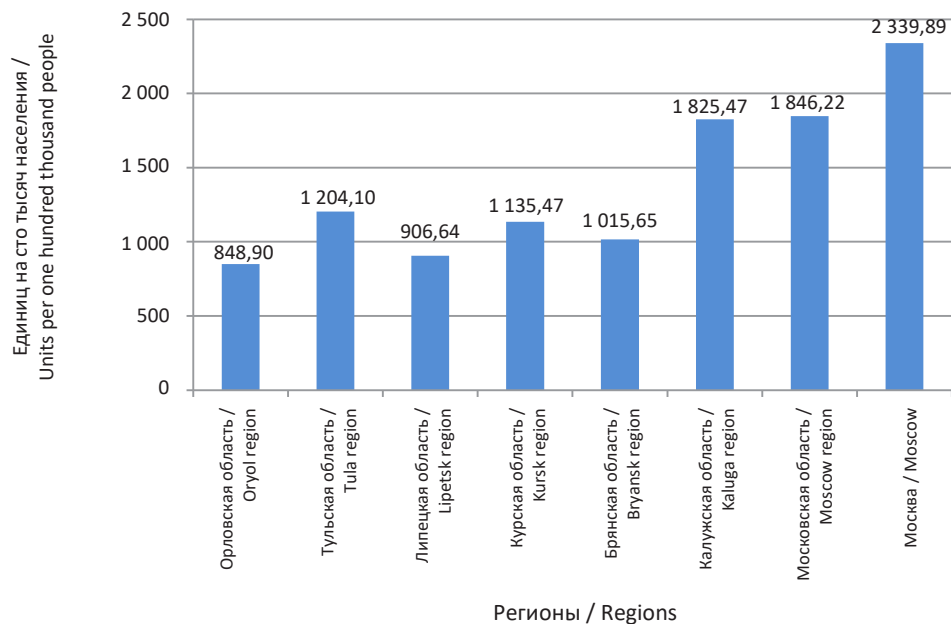
⁹ См.: Концепция развития туризма в Московской области. (2019). <https://tourism.mosreg.ru/download/document/8972906>

Рис. 11. Число мест в КСР за 2022 г. (X_5)

Источник: составлено по данным: Число мест в КСР. ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/31583>

Fig. 11. Number of places in collective accommodation facilities as of 2022 (X_5)

Source: compiled with the data of: Number of places in collective accommodation facilities. EMISS. <https://www.fedstat.ru/indicator/31583>

Рис. 12. Число мест в КСР за 2022 г. на сто тысяч населения региона (K_5)Fig. 12. Number of places in collective accommodation facilities as of 2022 per 100 thousand of the region population (K_5)

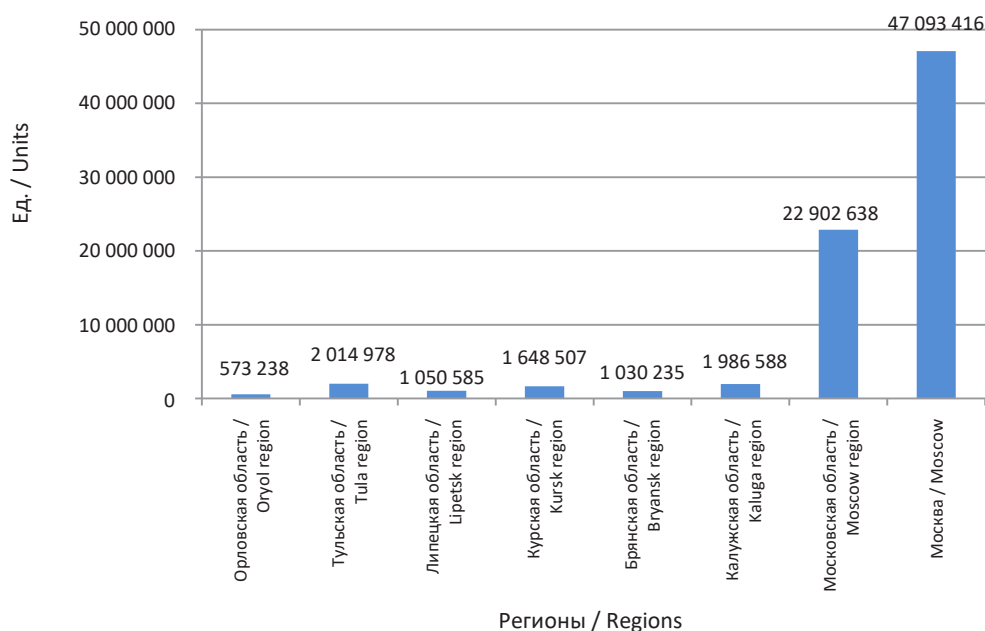

Рис. 13. Число ночевков в коллективных средствах размещения за 2022 г.

Источник: составлено по данным: Число ночевков в коллективных средствах размещения. ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/31587>

Fig. 13. Number of overnight stays in collective accommodation facilities as of 2022

Source: compiled with the data of: Number of overnight stays in collective accommodation facilities. EMISS. <https://www.fedstat.ru/indicator/31587>

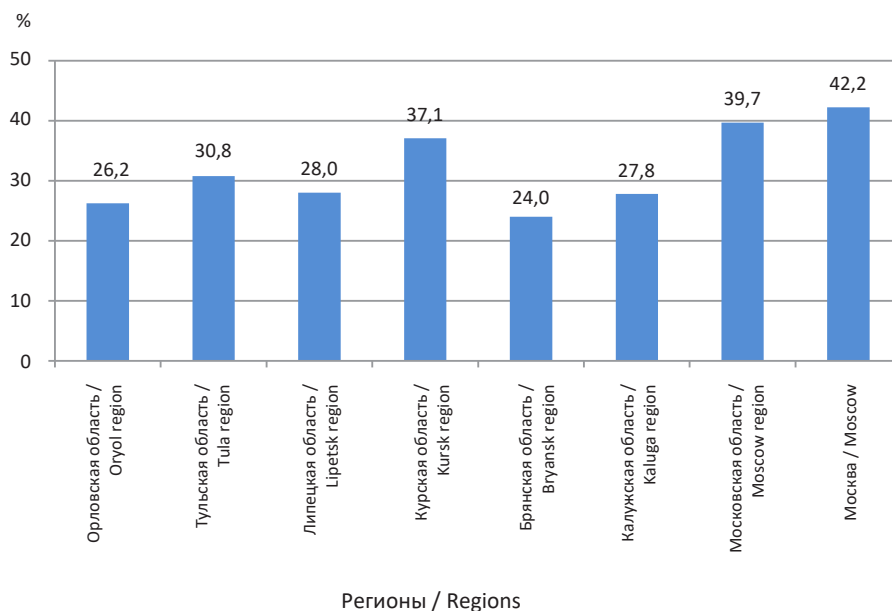

Рис. 14. Средний процент загрузки мест в коллективных средствах размещения в 2022 г.

Fig. 14. Average percentage of occupancy in collective accommodation facilities as of 2022

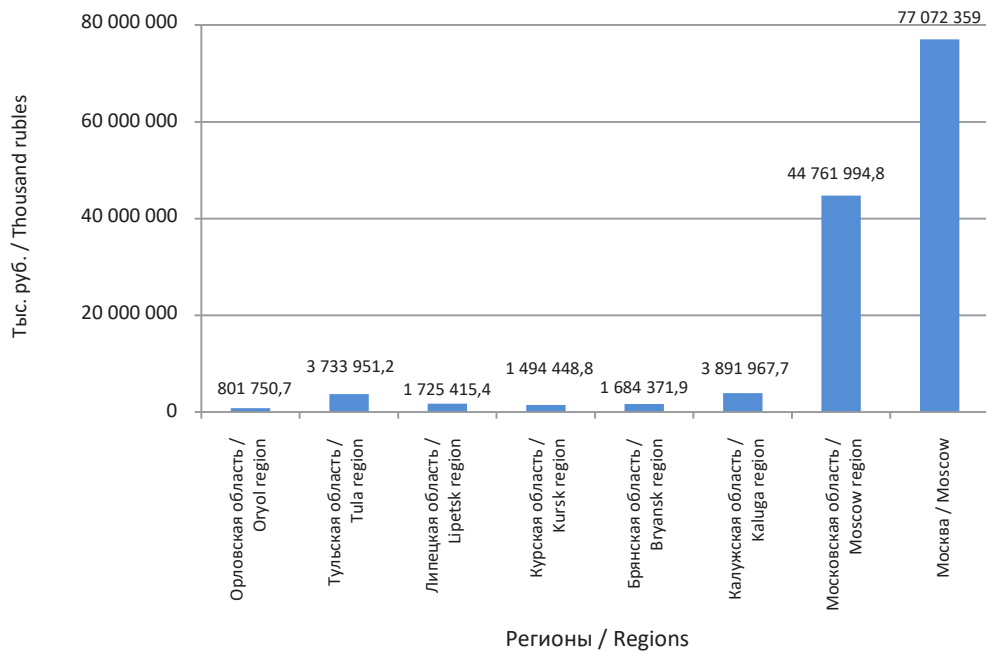

Рис. 15. Доходы КСР от предоставляемых услуг за 2022 г. (X_6)

Источник: составлено по данным: Доходы коллективного средства размещения от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей. ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/31003>

Fig. 15. Income of collective accommodation facilities for the services rendered as of 2022 (X_6)

Source: compiled with the data of: Income of collective accommodation facilities for the services rendered without VAT, excise and similar payments. EMISS. <https://www.fedstat.ru/indicator/31003>

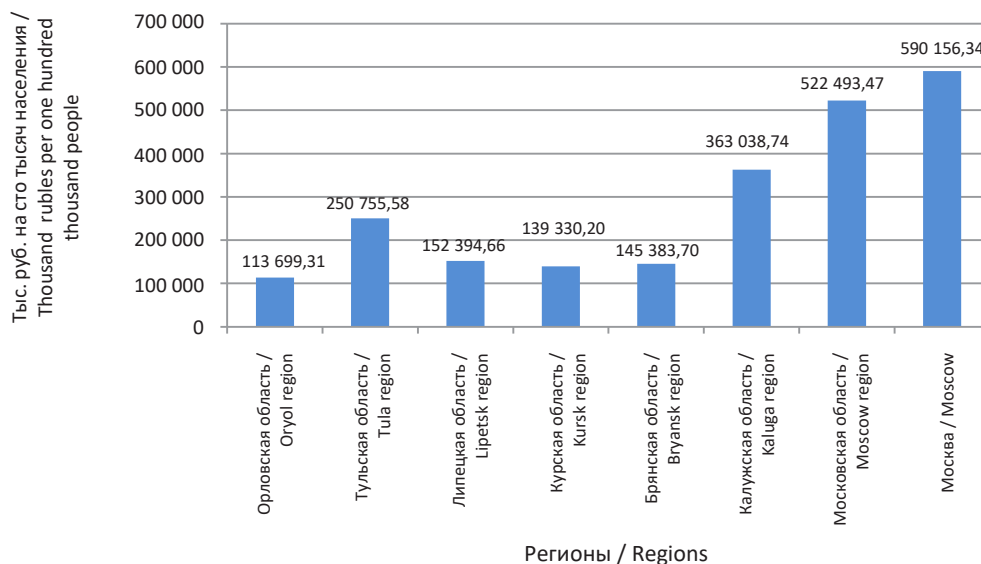

Рис. 16. Доходы КСР от предоставляемых услуг за 2022 г. на сто тысяч населения региона (K_6)

Fig. 16. Income of collective accommodation facilities for the services rendered as of 2022 per 100 thousand of the region population (K_6)

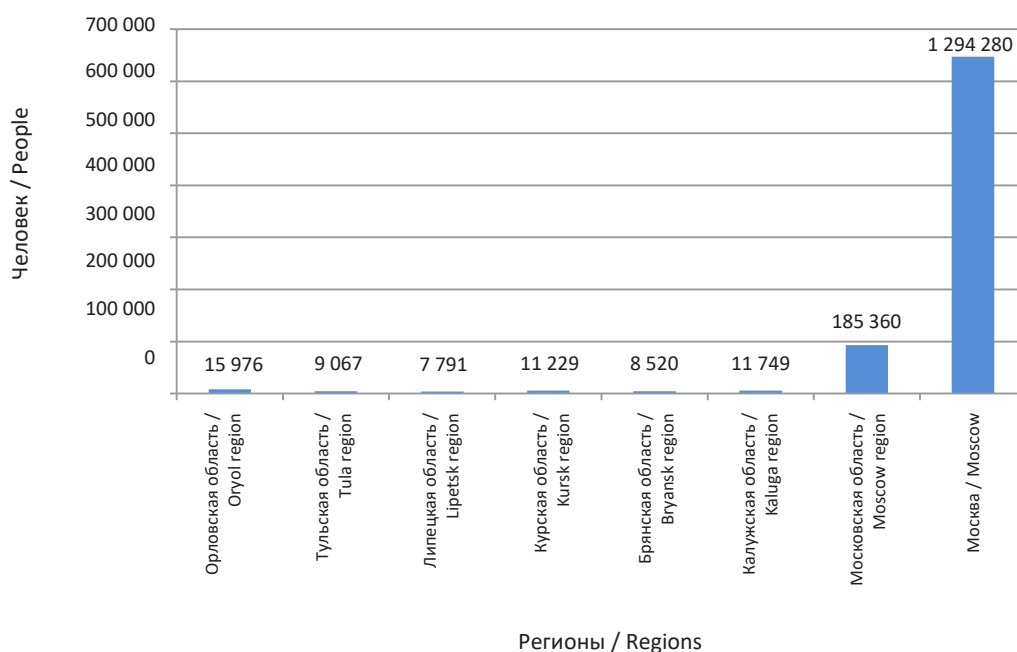

Рис. 17. Численность иностранных граждан, размещенных в КСР за 2022 г. (X_7)

Источник: составлено по данным: Численность иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения. ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/44042>

Fig. 17. Number of foreign citizens accommodated in collective accommodation facilities as of 2022 (X_7)

Source: compiled with the data of: Number of foreign citizens accommodated in collective accommodation facilities. EMISS. <https://www.fedstat.ru/indicator/44042>

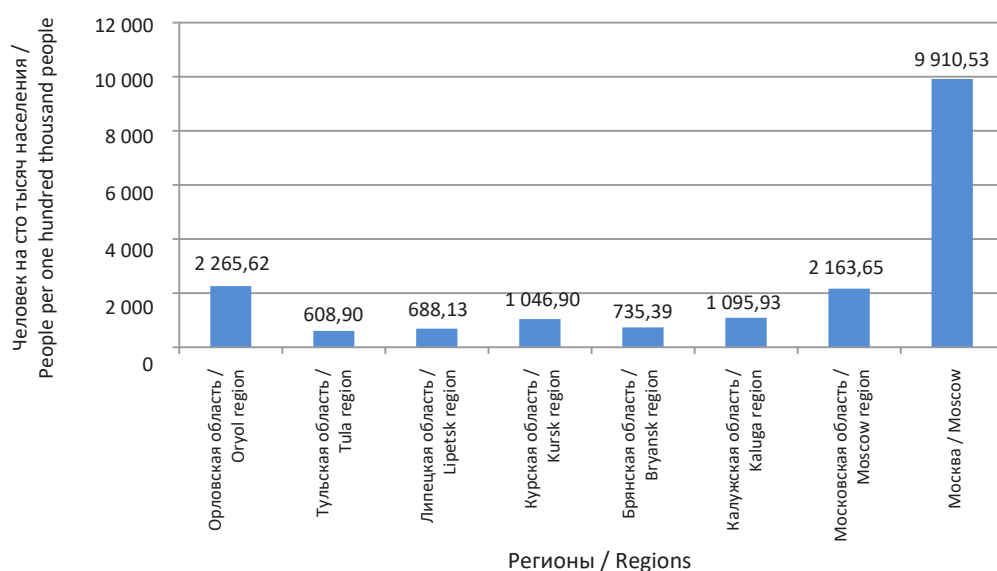

Рис. 18. Численность иностранных граждан, размещенных в КСР за 2022 г. на сто тысяч населения региона (K_7)

Fig. 18. Number of foreign citizens accommodated in collective accommodation facilities as of 2022 per 100 thousand of the region population (K_7)

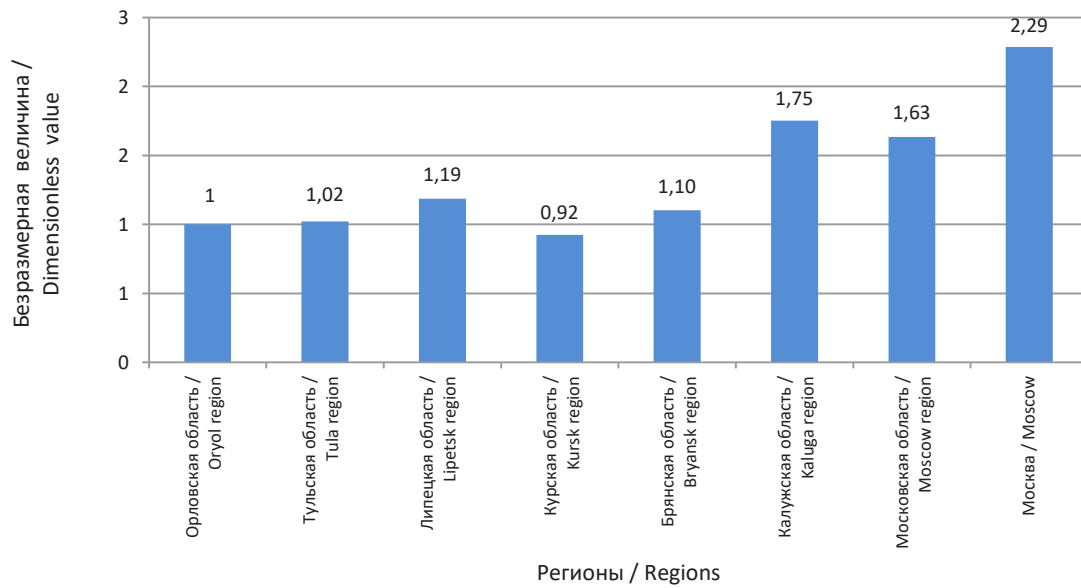

Рис. 19. Значения сравнительных суммарных оценок туристского потенциала регионов

Fig. 19. Values of comparative summarized estimations of the tourism potential of regions

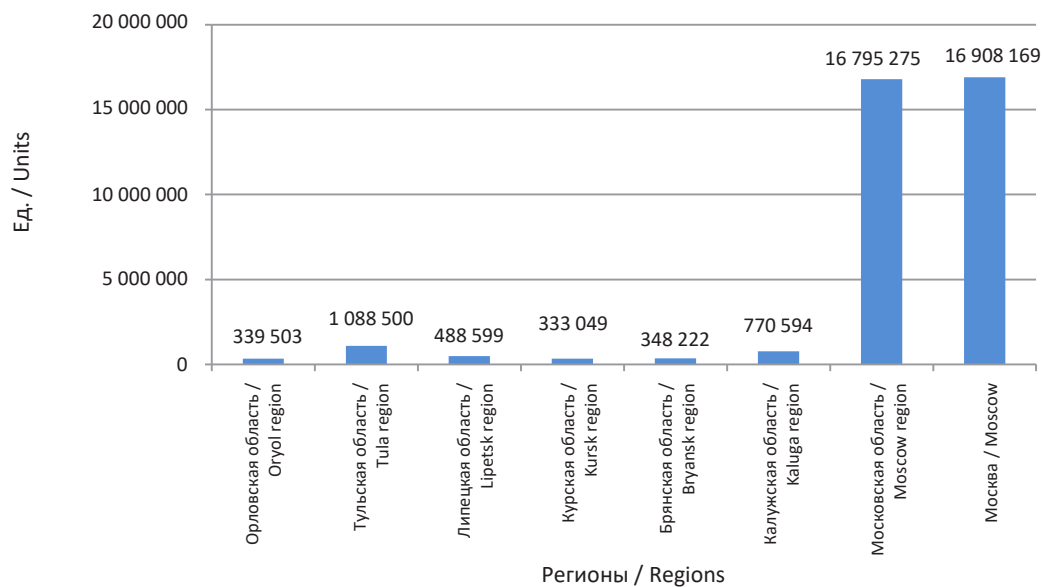

Рис. 20. Туристский поток (по числу туристских поездок) за 2022 г.

Источник: составлено по данным: Туристский поток (по числу туристских поездок). ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/62157>

Fig. 20. Tourist flow (number of tourist trips) as of 2022

Source: compiled with the data of: Tourist flow (number of tourist trips). EMISS. <https://www.fedstat.ru/indicator/62157>

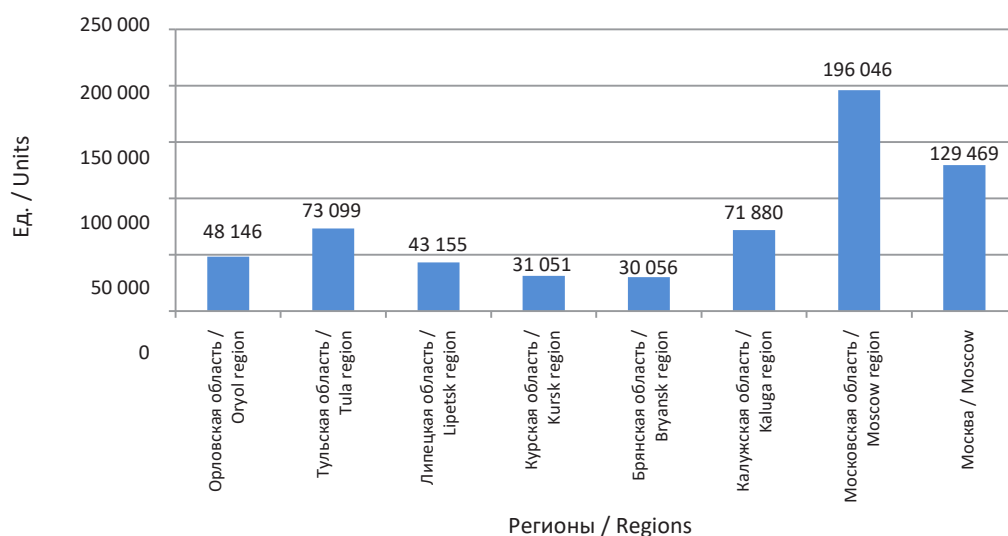

Рис. 21. Туристский поток (по числу туристских поездок) за 2022 г. на сто тысяч населения региона

Fig. 21. Tourist flow (number of tourist trips) as of 2022 per 100 thousand of the region population

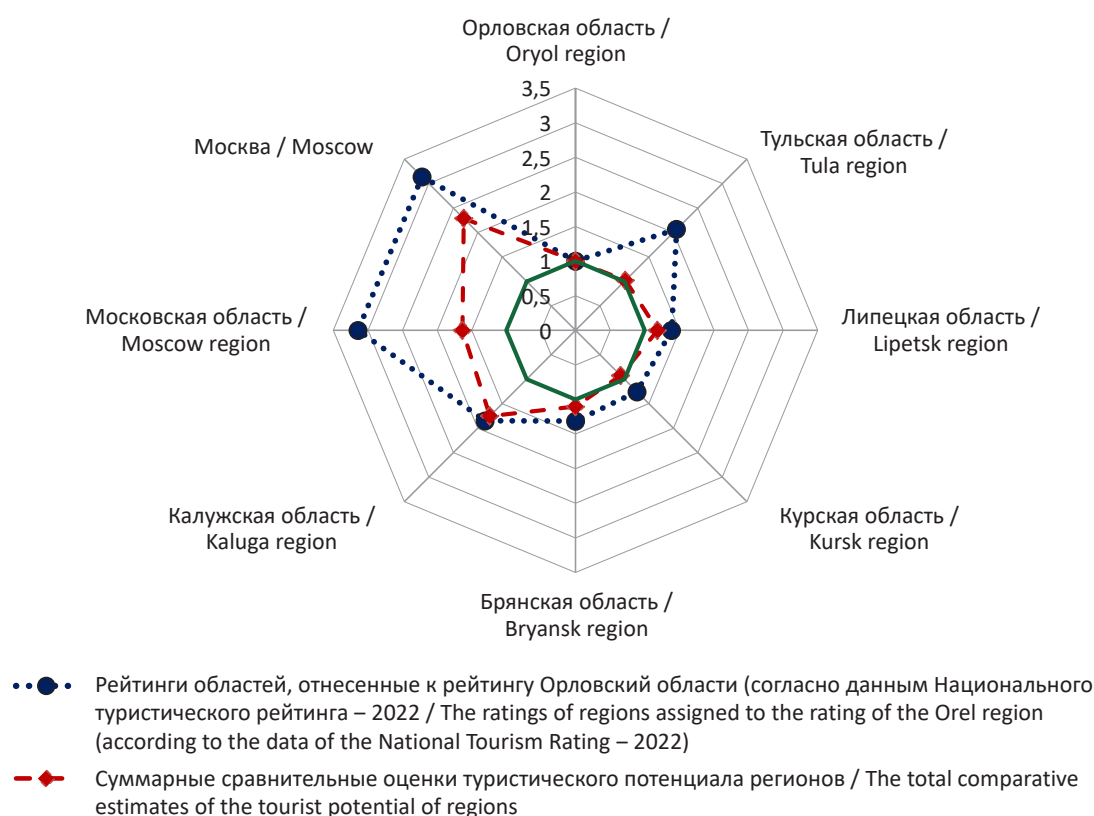

Рис. 22. Данные для сопоставления суммарных сравнительных оценок туристского потенциала регионов с их Национальным туристическим рейтингом – 2022

Fig. 22. Data to compare the summarized estimations of the tourism potential of regions with their National Tourism Ranking – 2022

– использованием «бесшовных» цифровых пространств в туризме, что дает возможность удовлетворять самые разнообразные потребности туристов в режиме единого окна.

Регионы реализуют различные подходы в формировании таких пространств. В каждом из них функционируют туристские порталы (путеводители), однако эти информационные ресурсы существенно различаются по оформлению, контенту и функционалам. Лидерами в технологиях подачи информации являются Москва, Московская и Тульская области. Оформление официального туристского портала Брянской области не отвечает требованиям современности. Именно эти факторы сегодня важны и являются ключевыми слагаемыми успеха, обеспечившими популяризацию и рост внутреннего въездного туризма.

Если сравнивать оценки туристского потенциала и рейтинги Орловской и непосредственно соседствующих с ней областей, то их значения тесно коррелируют. Исключением является Тульская область, рейтинг которой значительно превышает оценку туристского потенциала. Это объясняется стремительным ростом интереса туристов¹⁰ к региону как результата сбалансированной работы по развитию туризма в области. К примеру, отметим, что с 2017 г. на территории Тульской области весьма успешно реализуется стратегия развития туризма, разработанная на период до 2035 г., которая сконцентрирована на усилении роли туризма в социально-экономическом развитии региона. Подцелями реализации стратегии являются:

1) сохранение и развитие богатейшего культурно-исторического и природного потенциала Тульской области;

2) внедрение цифровых технологий в сферу туризма;

3) реализация государственной региональной политики в сфере туризма, обеспечивающей усиление экономической роли туризма.

При этом в каждой из подцелей заложено выполнение ряда ключевых задач¹¹, которые и обеспечили области высокое значение Национального туристического рейтинга – 2022, а именно:

- интеграция экскурсионных программ и мероприятий делового туризма;
- интеграция информационных технологий в сферу туризма;
- реализация маркетинговой стратегии с использованием как стандартных, так и инновационных форм продвижения;

- создание единой электронной туристской карты гостя Тульской области;
- разработка мультимедийных приложений для объектов показа;
- формирование и актуализация перечня действующих экспортеров туристских услуг;
- организация мероприятий по популяризации регионального турпродукта на международных выставочных мероприятиях;

- формирование перечня маршрутов Тульской области в секторе въездного туризма;
- представление англоязычной версии единого регионального туристского портала visittula.com;
- реализация комплекса мер по поддержке развития малого и среднего предпринимательства в туризме;
- разработка комплекса мероприятий по стимулированию социального турпотока;
- создание сети государственных и частных туристско-информационных центров.

Таким образом, стратегия ориентирована на гармоничное развитие туристской индустрии через реализацию не только инфраструктурных проектов, но и стимулирование предпринимательской активности, расширение информационного пространства и активности в решении задачи привлечения в регион различных сегментов туристов. Ее реализация уже принесла первые плоды. Продуманная детальная стратегия развития туризма и позиционирования услуг обеспечивают лидерство Тульской области в рейтингах и большую привлекательность для туристов, несмотря на то, что ее туристский потенциал в общем сопоставим с потенциалом Орловской, Липецкой и Курской областей и получил более низкую оценку, чем потенциал Калужской области. Отметим, что разработчиками стратегии был учтен положительный опыт развития туризма в регионах ЦФО и областей, непосредственно граничащих с Тульской областью.

¹⁰ См.: Занимательная статистика Visittula. Сколько туристов нас посещает. <https://visittula.com/statistics1/>

¹¹ См.: Правительство Тульской области. Постановление от 16 октября 2017 года № 468 Об утверждении Стратегии развития туризма на территории Тульской области на период до 2035 года (с изменениями на 8 июня 2020 года). <https://docs.cntd.ru/document/450382636>

Более низкое значение Национального туристического рейтинга – 2022 для Орловской области, по сравнению с соседними областями, противоречит близким значениям суммарных оценок туристского потенциала. Из чего следует, что туристский потенциал Орловской области используется неэффективно. В целях развития экономики региона необходимо принять меры, достаточные для повышения популярности региона как туристской дестинации.

В регионе реализуется государственная программа «Развитие культуры и искусства, туризма, архивного дела, сохранение и реконструкция военно-мемориальных объектов в Орловской области»¹², утвержденная в декабре 2019 г. Данный документ содержит ряд подпрограмм, одна из которых нацелена на развитие внутреннего туризма в Орловской области в 2020–2025 гг. Целью подпрограммы является создание в Орловской области современного и конкурентоспособного туристского комплекса, вносящего вклад в развитие экономики и социальной сферы Орловской области. Задачами подпрограммы определены:

- создание благоприятных условий для развития регионального туризма;
- развитие рекламно-информационного обеспечения;
- развитие материально-технической базы туризма;
- формирование конкурентоспособного регионального туристского продукта;
- кадровое и научно-методическое обеспечение развития туризма.

Основной акцент программы – реализация в регионе инфраструктурных проектов. Так, по результатам VIII Конкурса лучших проектов формирования комфортной городской среды сразу три проекта из Орловской области стали его победителями: «На крыльях перепелки» (г. Ливны), «Мценская верста» (г. Мценск), «Феникс» (г. Новосиль), на реализацию которых выделено 256 млн руб.¹³ В Орле реконструирован парк Победы, продолжается обновление ландшафтного сквера «Дворянское гнездо»¹⁴. Безусловно, эти проекты влияют на формирование положительно восприятия региона как туристской дестинации, однако главная цель их реализации – улучшение комфортной городской среды. Проекты, нацеленные именно на генерирование туристских потоков, такие как мемориальный комплекс «Судбищенская битва»¹⁵, все еще находятся в стадии разработки и их числа недостаточно для успешной активизации регионального рынка туристских услуг.

Заключение

В результате исследования выявлены существенные отличия в реализуемых стратегиях развития туризма и в содержании туристской деятельности в регионах, суммарные оценки туристского потенциала которых отличаются незначительно. Результаты сравнительного анализа указывают на определяющую роль управления процессом формирования регионального рынка туристских услуг и активизации туристской деятельности в регионе. Именно более эффективная политика управления обеспечила регионам с относительно равным туристским потенциалом более высокие позиции в Национальном туристическом рейтинге – 2022. Концепцию развития туризма в Орловской области целесообразно пересмотреть. Повышение эффективности управления развитием туризма в регионе должно базироваться на принципиально новых, зачастую креативных подходах, поскольку заимствование успешных практик позволит лишь приблизиться к лидерам рейтинга, а не стать регионом, формирующим собственную передовую практику. Новая версия концепции должна быть не только ориентирована на цели реализации региональной политики в сфере туризма, но и быть сфокусированной на факторе приоритетности выполнения конкретных задач с учетом потенциала и специфики туристской деятельности в регионе, решение которых позволит оперативно стимулировать

¹² См.: Постановление № 716 от 23 декабря 2019 г. (с изм. от 07.11.2023). <https://docs.cntd.ru/document/561657046>

¹³ См.: Три города Орловской области стали победителями VIII Всероссийского конкурса лучших проектов формирования комфортной городской среды. (2023, 24 июля). <http://orel-region.ru/index.php?head=1&unit=33757>

¹⁴ См.: Будущее ландшафтного сквера «Дворянское гнездо». (2021, 26 октября). <https://www.orel-adm.ru/ru/about/news/realizatsiya-strategicheskikh-initsiativ-prezidenta-rossiyskoy-federatsii/budushchee-landshaftnogo-skvera-dvoryanskoe-gnezdo/>

¹⁵ См.: В Орле презентовали концепцию мемориального комплекса «Судбищенская битва». (2023, 19 октября). <http://orel-region.ru/index.php?head=1&unit=34963&ysclid>

туристские потоки в регион. По мнению авторов, приоритетными задачами развития регионального рынка туристских услуг являются:

Определение приоритетных потребительских рынков (как самостоятельных, так и организованных туристов) и формирование системы эффективного продвижения туристских услуг и активизации туристских потоков в этих сегментах.

Решение этой задачи позволит повысить эффективность использования имеющейся туристской инфраструктуры в регионе и эффективность уже реализуемых туристских проектов. Работа должна быть сосредоточена на двух направлениях. Первое – формирование единого «бесшовного» информационного пространства, обеспечивающего пользователям простоту получения информации и удобство приобретения региональных туристских услуг. Действующий туристский портал региона требует содержательного обновления, обеспечения интеграции с самостоятельными информационными ресурсами региональных проектов и предприятий, функционирующих в сфере туризма. Второе – формирование у самих жителей региона восприятия региона как интересной туристской дестинации с широким потенциалом. Действенной мерой в решении этой подзадачи видится появление на территории региона брендируемого муниципального и коммерческого транспорта. Вариантом решения данной подзадачи является выстраивание взаимодействий с молодежью, проявляющей активность в социальных сетях. Им целесообразно отвести роль амбассадоров туризма в Орловской области. Весомую помощь в реализации этой идеи может оказать Департамент образования Орловской области, координирующий программы воспитания в организациях высшего, среднего и среднего профессионального образования. Реструктуризация стратегии продвижения должна охватывать работу и на внешних рынках. В ближайших регионах, например с транспортным плечом 300 км или использующих трассу М4 для организации путешествий по южным направлениям, следует провести пропаганду возможностей Орловского региона по приему туристов.

Использование современных форм организации и проведения событийных мероприятий и их популяризация среди жителей соседних регионов.

Необходимо изменить философию проведения таких мероприятий. Организаторы каждого событийного мероприятия должны проводить активную работу по привлечению к участию в нем не только самостоятельных туристов, но и по выстраиванию взаимодействий с туроператорскими организациями соседних регионов, готовыми активно участвовать в продвижении и реализации совместно сформированных программ.

Стимулирование разработки уникальных туристских программ и продуктов.

Содержание этой задачи заключается в формировании портфеля туристских продуктов для разных аудиторий потребителей. Например, для самостоятельных туристов на туристском портале региона должны быть представлены карты уникальных тематических пешеходных экскурсий, представлены разработанные аудиогиды. Необходимо разработать и презентовать в информационно-выставочном центре программы тематических автобусных экскурсий по городу и ближайшим аттракциям региона, организовать их на регулярной основе в выходные и праздничные дни (до сих пор такая работа в регионе не осуществляется). Пока практика массового экскурсионного обслуживания ориентирована только на организованные группы или на туристов, способных оплачивать работу экскурсоводов в рамках индивидуального обслуживания. Необходимо организация разработки программ национальных туристских маршрутов по территории региона, в том числе и межрегиональных, активизация сотрудничества с Российским союзом туристской индустрии и Ассоциацией туроператоров России в целях достижения известности региональных туристских продуктов.

Для достижения стратегических целей развития необходимо решить следующие задачи:

Переориентировать приоритеты деятельности региональных предпринимателей на прием туристов в Орловской области; сформировать систему поддержки предпринимателей, осуществляющих деятельность по формированию и реализации региональных турпродуктов и проектов.

В регионе необходимо разработать и внедрить эффективную систему поддержки предпринимательских инициатив, направленных на генерацию туристских потоков. Для туроператорских организаций, функционирующих на территории Орловской области, формирующих и реализующих (в части оказания услуг) туристский продукт по территории домашнего региона, продвигающих и реализующих (в части заключения договоров о реализации туристского продукта) его за пределами региона, должны быть разработаны и реализованы меры субсидирования туристских прибытий. Целесообразно оказать им поддержку в форме компенсации части затрат на организацию транспортного обслуживания туристских групп автомобильным транспортом,

а после ожидаемого открытия аэропорта в Орле и авиатранспорта. Такая практика многократно демонстрировала свою эффективность и применялась в разных странах.

Разработать концепцию формирования на территории региона особой туристско-рекреационной зоны.

Содержание этой задачи может быть представлено как совокупность самостоятельных подзадач, решение которых даст положительный эффект независимо от достижения глобальной:

- разработать мастер-планы развития отдельных приоритетных территорий Орловской области как туристских дестинаций, привлекательных для инвесторов (с достаточным инфраструктурным обеспечением и удобной логистической доступностью);

- создать туристские аттракции, привлекательные для туристов, что позволит генерировать их потоки в регион;

- активизировать и стимулировать работу по выработке креативных идей и проектов по развитию сферы туризма и туристской деятельности в регионе;

- объединить в едином координационном проектом центре усилия предпринимателей, талантливой и активной молодежи, обучающейся по профильным направлениям подготовки, которая демонстрирует высокие результаты профессиональной деятельности в сфере туризма, органов власти по выработке и реализации проектов в туристской индустрии.

Решение каждой из поставленных задач нацелено на формирование и развитие системы инвестиционной деятельности, ориентированной на привлечение частных средств для реализации проектов в туристской индустрии Орловской области.

Предложенный комплекс мер нацелен на формирование в регионе особой туристско-рекреационной зоны и на популяризацию туристских услуг в нем. Их реализация обеспечит достижение инфраструктурного, финансово-экономического, социального, культурного эффектов и более высоких позиций региона в национальных рейтингах; обеспечит более сбалансированное развитие и устранение региональных диспропорций.

Сплоченность и интеграция в развитии сферы туризма сыграют важную роль в укреплении экономики как отдельных регионов, так и их совокупности.

Перспективы продолжения исследования определяет интерес к анализу проблем сбалансированности туристской индустрии в регионе, а также межрегиональных туристско-рекреационных комплексов; к разработке бизнес-процессов, координирующих предпринимательскую деятельность в сфере туризма.

Список литературы

Алейников, О. И. (2022). Современное состояние и проблемы развития туризма в Калужском регионе. *Вестник Калужского университета*, 1(54), 24–38.

Александрова, А. Ю. (2020). Лучшие мировые практики разработки стратегий развития туризма. *Современные проблемы сервиса и туризма*, 14(1), 7–15.

Балашев, Н. Б., Бритикова, О. С. (2019). Развитие туризма в Тульской и Калужской областях. *Экономика и бизнес: теория и практика*, 4(1), 21–27.

Власова, М. В., Батурина, Н. А., Пашкевич, Л. А. (2021). Разработка экстремального туристского маршрута в регионе. *Вестник ОрелГИЭТ*, 1(55), 22–26. <https://doi.org/10.36683/2076-5347-2021-1-55-22-26>

Гудковских, М. В. (2017). Методика комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала. *Географический вестник*, 1(40), 102–116. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2017-1-102-116>

Гуляев, В. Г., Рассохина, Т. В. (2019). Концептуальный подход к созданию и внедрению системы управления устойчивым развитием территориальной туристско-рекреационной системы субъекта Российской Федерации (на примере Московской области). *Вестник РМАТ*, 4, 29–36.

Гущина, Е. Г., Нестерова, А. Г., Абдул Хуссейн, Б. (2023). Стратегическое управление региональными туристскими ресурсами как фактор развития территории в новых условиях. *Региональная экономика. Юг России*, 11(3), 34–46. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2023.3.4>

Иванова, Р. М. (2023). Развитие туризма в Липецкой области в постпандемийный период: общие тенденции. *Вопросы отраслевой экономики*, 3(3), 64–73. <https://doi.org/10.24888/2949-2793-2023-3-64-73>

- Иванова, Р. М., Скроботова, О. В., Полякова, И. Е. (2021). К вопросу о стратегическом планировании развития туризма в Липецкой области на новом этапе. *Экономика и управление инновациями*, 4(19), 80–88. <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2021-4-80-88>
- Иванова, Р. М., Скроботова, О. В. (2021). Особенности кластерного развития туризма в Курской области. *Инновации и инвестиции*, 12, 229–235.
- Игнатъева, Т. А. (2022). Инновационное развитие региона как условие эффективного развития регионального туризма (на примере СЗФО). *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент*, 2, 63–74. <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2022-16-2-63-74>
- Илюхина, Н. А., Парушина, Н. В., Цехла, С. Ю. (2022). Туристические концепции Орловской области. *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 8(1) 115–141.
- Каменских, Н. А. (2018). Проектный подход при создании туристских кластеров. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 2(11), 70–72.
- Карпова, Г. А., Ходанова, А. В. (2023). Оценка влияния культурно-событийных мероприятий на аттрактивный потенциал дестинации. *Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм*, 1(17), 41–47.
- Козлова, В. А., Бышок, К. А. (2020). Информационно-коммуникационные решения для развития туризма в Орловской области. *Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса*, 14(1), 33–41.
- Кулакова, Л. И., Осипов, В. А. (2017). Методические подходы к оценке туристско-рекреационного потенциала российских регионов. *Российское предпринимательство*, 18(24), 4261–4272. <https://doi.org/10.18334/rp.18.24.38687>
- Куница, М. Н. (2022). Рекреационный потенциал как фактор формирования туристского образа территории: особенности Брянской области. *Региональные геосистемы*, 46(4), 488–501. <https://doi.org/10.52575/2712-7443-2022-46-4-488-501>
- Леонидова, Е. Г., Сидоров, М. А. (2023). Оценка и прогноз внутреннего туристического потребления в России. *Проблемы прогнозирования*, 1(196), 193–205. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-196-193-205>
- Ливцов, В. А., Алексеенко, Е. А. (2021). Экспертный анализ: перспективы развития внутреннего туризма в регионе (на материалах Орловской области). *Среднерусский вестник общественных наук*, 16(4), 31–41. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-4-31-41>
- Минаев, В. А., Ульяновченко, Л. А., Цыщук, Е. А. (2015). Оценка туристских ресурсов и качества инфраструктуры туризма в муниципальных образованиях. *Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса*, 9(3), 4–13. <https://doi.org/10.12737/12524>
- Романова, Г. М., Шарафутдинов, В. Н., Онищенко, Е. В. (2020). О гипотезе новой парадигмы управления развитием туризма в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». *Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм*, 4(8), 7–21. <https://doi.org/10.18572/2686-858X-2020-4-8-7-21>
- Семеркова, Л. Н., Зинченко, С. В., Бижанова, Е. М. (2019). Актуальные проблемы неравномерного распределения туристских потоков. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, 1(49), 168–178. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-1-17>
- Смирнов, С. И. (2020). Региональная туристско-рекреационная система Брянской области и перспективы ее развития. *Туризм и региональное развитие*, 1, 46–59.
- Соболева, Ю. П. (2023). Продвижение креативного туризма в малых городах с применением инструментов диджитал-маркетинга. *Экономическая среда*, 3(45), 49–60. <http://dx.doi.org/10.36683/2306-1758/2023-3-45/49-60>
- Сухов, Р. И., Яценко, Ю. С. (2018). Проведение систематизации и оценки существующих методических разработок в области оценки туристского потенциала территорий, направленных на выявление возможностей внедрения кластерных инициатив. *Фундаментальные исследования*, 11(2), 284–289.
- Ушакова, Е. О., Цой, М. Е. (2017). Разработка методического подхода к оценке туристско-рекреационного потенциала региона. *Сервис в России и за рубежом*, 11(4), 18–34. <https://doi.org/10.22412/1995-042X-11-4-2>
- У, Ю. Ю., Симоненко, Е. С. (2020). Перспективы развития экологического туризма в Курской области. *Регион: системы, экономика, управление*, 4(51), 93–99.
- Bielska, A., Borkowski, A. S., Czarnecka, A., Delnicki, M., Kwiatkowska-Malina, J., & Piotrkowska, M. (2022). Evaluating the potential of suburban and rural areas for tourism and recreation, including individual short-term tourism under pandemic conditions. *Scientific Reports*, 12, 20369. <https://doi.org/10.1038/s41598-022-24503-z>
- Calero, C., & Turner, L. (2020). Regional economic development and tourism: A literature review to highlight future directions for regional tourism research. *Tourism Economics*, 26(1), 3–26. <https://doi.org/10.1177/1354816619881244>
- Ivlev, V. J., Ivleva, M. I., Panyukov, A. I., & Zulfugarzade, T. E. (2017). Analysis of the touristic recreational potential of a territory as a condition for development of ecological tourism (the Southern Moscow Region Case Study). *Journal of Environmental Management and Tourism*, 2(18), 373–384.
- Karpycheva, O., Rusina, A., & Yakimova, E. (2021). Comparative analysis of tourism potential assessment methods. In *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Strategy of Development of Regional Ecosystems “Education-Science-Industry” (ISPCR 2021). Series: Advances in Economics, Business and Management Research*, 208 (pp. 204–209). <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.220208.029>

- Kropinova, E. G., Zaitseva, N. A., & Moroz, M. (2015). Approaches to the Assessment of the Contribution of Tourism Into the Regional Surplus Product: Case of the Kaliningrad Region. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(3), 275–282. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s5p275>
- Liu, A. (2022). Impact of tourism on regional economic growth a global value chain perspective. *ADB Economics working paper series*, 646.
- Meyer D., de Bruyn C., & Meyer, N. (2017). The importance of tourism in regional economic development: A time-series analysis. *Journal of Environmental Management and Tourism* 8(4), 784–797.
- Miloradov, K. A., Romanishina, T. S., Kovalenko, A. A., Bondarenko, N. G., & Andrianova J. V. (2018). An Efficient Strategy for the Development of Tourism at Regional Levelю. *European Research Studies Journal*, 21(4), 208–221. <https://doi.org/10.35808/ersj/1115>
- Pletnev, D., Silova, E., Seifi, A., & Mottaghi, S. (2021). Regional Tourism Development In Russia. In *Competitiveness and the Development of Socio-Economic Systems*, 105. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (pp. 999–1009). <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.04.106>
- Rasool, H., Maqbool, S., & Tarique, Md. (2021). The relationship between tourism and economic growth among BRICS countries: a panel cointegration analysis. *Future Business Journal*, 7, 1. <https://doi.org/10.1186/s43093-020-00048-3>
- Stakhova, L. V., Nikolskaya, E. Y., Khristov, T. T., & Goncharova, O. N. (2023). Creativity as a new driver of tourist attractiveness of cities. *Service and Tourism: Current Challenges*, 17(2), 67–81. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7982022>
- Yan, L., Gao, B. W., & Zhang M. (2017). A mathematical model for tourism potential assessment. *Tourism Management*, 63, 355–365. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2017.07.003>

References

- Aleksandrova, A. Yu. (2020). Best practice approaches in tourism strategy development. *Service and Tourism: Current Challenges*, 14(1), 7–15. (In Russ.).
- Aleynikov, O. I. (2022). Current state and problems of tourism development in Kaluga region. *Bulletin of the Kaluga State University*, 1(54), 24–38. (In Russ.).
- Balashev, N. B., & Britikova, O. S. (2019). The development of tourism in the Tula and Kaluga regions. *Journal of Economy and Business*, 4(1), 21–27. (In Russ.).
- Bielska A., Borkowski A. S., Czarnecka A., Delnicki M., Kwiatkowska-Malina J., & Piotrkowska M. (2022). Evaluating the potential of suburban and rural areas for tourism and recreation, including individual short-term tourism under pandemic conditions. *Scientific Reports*, 12, 20369. <https://doi.org/10.1038/s41598-022-24503-z>
- Calero, C., & Turner, L. (2020). Regional economic development and tourism: A literature review to highlight future directions for regional tourism research. *Tourism Economics*, 26(1), 3–26. <https://doi.org/10.1177/1354816619881244>
- Gudkovskikh, M. V. (2017) Methodology for comprehensive assessment of tourism potential. *Geographical bulletin*, 1(40), 102–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2017-1-102-116>
- Gulyaev, V. G., & Rassokhina, T. V. (2019). Conceptual approach to creating and introducing a management system of sustainable development of a territorial tourism and recreational system of a Russian federation subject (by the example of Moscow region). *Vestnik RIAT*, 4, 29–36. (In Russ.).
- Gushchina, E. G., Nesterova, A. G., & Abdul Hussein, B. (2023). Strategic management of regional tourism resources as a development factor for territories under new conditions. *Regional Economy. South of Russia*, 11(3), 34–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2023.3.4>
- Ignatieva, T. A. (2022). Innovative development of the region as a condition for the effective development of regional tourism (on the example of the Northwestern Federal District). *Scientific journal NRU ITMO. Series Economics and Environmental Management*, 2, 63–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2022-16-2-63-74>
- Ilyukhina, N. A., Parushina, N. V., & Tsekhla, S. Yu. (2022). Tourism conceptions of Orel region. *Geopolitika i ecogeodinamika regionov*, 8(1) 115–141. (In Russ.).
- Ivanova, R. M. (2023). Development of tourism in the Lipetsk region in the postpandemic period: general trends. *Voprosy Promyshlennoy Ekonomiki*, 3(3), 64–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.24888/2949-2793-2023-3-64-73>
- Ivanova, R. M., & Skrobotova, O. V. (2021). Features of cluster development of tourism in the Kursk region. *Innovation and Investment*, 12, 229–235.
- Ivanova, R. M., Skrobotova, O. V., & Polyakova, I. E. (2021). On the issue of strategic planning of tourism development in the Lipetsk region at a new stage. *Economics and Innovation Management*, 4(19), 80–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2021-4-80-88>

- Ivlev, V. J., Ivleva, M. I., Panyukov, A. I., & Zulfugarzade, T. E. (2017). Analysis of the touristic recreational potential of a territory as a condition for development of ecological tourism (the Southern Moscow Region Case Study). *Journal of Environmental Management and Tourism*, 2(18), 373–384.
- Kamenskikh, N. A. (2018). Project approach to creating tourist clusters. *Economika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2(11), 70–72. (In Russ.).
- Karpova, G., & Khodanova, A. (2023). Assessment of the impact of cultural and event events on the attractive potential of the destination. *The Professors Magazine. Recreation and Tourism Series*, 1(17), 41–47. (In Russ.).
- Karpycheva, O., Rusina, A., & Yakimova, E. (2021). Comparative analysis of tourism potential assessment methods. In *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Strategy of Development of Regional Ecosystems "Education-Science-Industry" (ISPCR 2021). Series: Advances in Economics, Business and Management Research*, 208 (pp. 204–209). <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.220208.029>
- Kozlova, V. A., & Byshok, K. A. (2020). Information and communication solutions for the development of tourism in the Orel region. *Universities for Tourism and Service Association Bulletin*, 14(1), 33–41. (In Russ.).
- Kropinova, E. G., Zaitseva, N. A., & Moroz, M. Approaches to the Assessment of the Contribution of Tourism Into the Regional Surplus Product: Case of the Kaliningrad Region. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(3), 275–282. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s5p275>
- Kulakova, L. I., & Osipov, V. A. (2017). Methodical approaches to assessment of the tourist and recreational potential of Russian regions. *Russian Journal of Entrepreneurship*, 18(24), 4261–4272. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/rp.18.24.38687>
- Kunitsa, M. N. (2022). Recreational Potential as a Factor of Formation Tourist Image of the Territory: Features of Bryansk Region. *Regional Geosystems*, 46(4), 488–501. (In Russ.). <https://doi.org/10.52575/2712-7443-2022-46-4-488-501>
- Leonidova, E. G., & Sidorov, M. A. (2023). Assessment and Forecast of Domestic Tourism Consumption in Russia. *Studies on Russian Economic Development*, 1(196), 193–205. (In Russ.). <https://doi.org/10.47711/0868-6351-196-193-205>
- Liu, A. (2022). Impact of tourism on regional economic growth a global value chain perspective. *ADB Economics working paper series*, 646.
- Livtsov, V. A., & Alexeyonok, E. A. (2021). Expert analysis: prospects for the development of the internal tourism in the region (on the materials of the Orlov region). *Central Russian Journal of Social Sciences*, 16(4), 31–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-4-31-41>
- Meyer, D., de Bruyn, C., & Meyer, N. (2017). The importance of tourism in regional economic development: A time-series analysis. *Journal of Environmental Management and Tourism* 8(4), 784–797.
- Miloradov, K. A., Romanishina, T. S., Kovalenko, A. A., Bondarenko, N. G., & Andrianova J. V. (2018). An Efficient Strategy for the Development of Tourism at Regional Level. *European Research Studies Journal*, 21(4), 208–221. <https://doi.org/10.35808/ersj/1115>
- Minaev, V. A., Ulyanchenko, L. A., & Tsyshchuk, E. A. (2015). Assessment of tourism resources and the quality of tourism infrastructure in municipalities. *Universities for Tourism and Service Association Bulletin*, 9(3), 4–13. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/12524>
- Pletnev, D., Silova, E., Seifi, A., & Mottaghi, S. (2021). Regional Tourism Development In Russia. In *Competitiveness and the Development of Socio-Economic Systems*, 105. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (pp. 999–1009). <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.04.106>
- Rasool, H., Maqbool, S., & Tarique, Md. (2021). The relationship between tourism and economic growth among BRICS countries: a panel cointegration analysis. *Future Business Journal*, 7, 1. <https://doi.org/10.1186/s43093-020-00048-3>
- Romanova, G. M., Sharafutdinov, V. N., & Onishchenko, E. V. (2020). On the hypothesis of a new paradigm for managing the development of tourism in the framework of the national project "Tourism and hospitality industry". *The Professors Magazine. Recreation and Tourism Series*, 4(8), 7–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/2686-858X-2020-4-8-7-21>
- Semerikova, L. N., Zinchenko, S. V., & Bizhanova, E. M. (2019). Actual problems of uneven distribution of tourist streams. *University Proceedings. Volga region. Social Sciences*, 1(49), 168–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-1-17>
- Smirnov, S. I. (2020). Regional tourist-recreational system of the Bryansk region and prospects of its development. *Tourism and Regional Development*, 1, 46–59.
- Soboleva, Yu. P. (2023). Promotion of creative tourism with digital marketing tools in small towns. *Economic Environment*, 3(45), 49–60. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.36683/2306-1758/2023-3-45/49-60>
- Stakhova, L. V., Nikolskaya, E. Y., Khristov, T. T., & Goncharova, O. N. (2023). Creativity as a new driver of tourist attractiveness of cities. *Service and Tourism: Current Challenges*, 17(2), 67–81. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7982022>
- Sukhov, R. I., & Yatsenko, Yu. S. (2018). Conducting the systematization and evaluation of existing methodical developments for the assessment of tourist potential of territories aimed at identifying the possibilities for implementation of cluster initiatives. *Fundamental Research*, 11(2), 284–289.
- Ushakova, E., Tsoi, M. (2017). Assessing the tourism and recreational potential of the region: a methodological approach. *Services in Russia and Abroad*, 11(4), 18–34. <https://doi.org/10.22412/1995-042X-11-4-2>

Vlasova, M. V., Baturina, N. A., & Pashkevich, L. A. (2021). Development of Extreme Tourist Route in the Region. *OreSIET Bulletin*, 1(55), 22–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.36683/2076-5347-2021-1-55-22-26>

Wu, Y., & Simonenko, E. S. (2020). Prospects for the development of ecological tourism in the Kursk region. *Region: Systems, Economics, Management* 4(51), 93–99. (In Russ.).

Yan, L., Gao, B. W., & Zhang M. (2017). A mathematical model for tourism potential assessment. *Tourism Management*, 63, 355–365. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2017.07.003>

Вклад авторов

М. С. Шмарков формулировал цели и задачи, разрабатывал концепцию и структуру исследования, проводил статистический анализ, определял методы исследования, осуществлял расчеты модели, интерпретировал ключевые результаты исследования.

Л. И. Шмаркова содействовала формированию вопросов исследования, проводила обзор литературы, определяла методы исследования, осуществляла расчеты модели, подготовила рукопись.

The author's contributions

M. S. Shmarkov formulated objectives and tasks, developed the study concept and structure, performed statistical analysis, determined research methods, performed model calculations, and interpreted the key results of the study.

L. I. Shmarkova assisted in shaping the research questions, conducted the literature review, determined research methods, performed model calculations, and prepared the manuscript.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 02.02.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 28.05.2024

Дата принятия в печать / Accepted 28.05.2024

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Редактор рубрики П. А. Кабанов / Rubric editor P. A. Kabanov

Научная статья
УДК 343.23

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.759-769>

В. В. Сверчков¹

¹ Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

Малозначительность предусмотренного уголовным законом деяния: praxis legis, guae debet esse

Сверчков Владимир Викторович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Нижегородская академия МВД России
E-mail: sverchkov14@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7943-0876>
Web of Science Researcher ID: B-9266-2018
eLIBRARY SPIN-код: 2309-9102

Аннотация

Цель: разработка научно обоснованных положений о малозначительности предусмотренного уголовным законом деяния, а также выработка предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения в данной сфере.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в развитии и функционировании, который способствовал использованию следующих методов исследования: а) общенаучные (логический, системный, анализ и синтез, индукция и дедукция), б) специальные (документальный, практический, сравнительно-правовой, формально-юридический).

Результаты: в работе обоснован вывод о том, что признание дознавателем, следователем, прокурором, судьей малозначительности предусмотренного уголовным законом деяния должно опираться на сведения об имевших место всех элементах и признаках состава преступления в содеянном, о причинении правоохраняемым интересам мелкого (мизерного) вреда в совокупности с умыслом виновного, направленным на причинение такового, в том числе отсутствием желания причинить вред, что исключает наличие разумного размера уголовно-правового вреда. Предложено дополнить ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации таким новым основанием отказа в возбуждении уголовного дела (прекращения уголовного дела), как малозначительность деяния, и рассматривать его в качестве обстоятельства, исключающего уголовное преследование подозреваемого (обвиняемого).

Научная новизна: для решения проблемы отграничения малозначительного деяния от преступления обоснованы: а) введение в следственно-судебную практику категории «разумный размер уголовно-правового вреда», б) необходимость установления правоприменителем объективного и субъективного условий малозначительности содеянного, в) предложение о модернизации уголовно-процессуального законодательства.

Практическая значимость: основные положения и выводы, изложенные в статье, могут быть использованы в научной, педагогической, правотворческой, следственно-судебной деятельности при рассмотрении вопросов применения и совершенствования нормы о малозначительности предусмотренного уголовным законом деяния, об отграничении этого деяния от преступления.

Ключевые слова:

уголовное право, малозначительное деяние, мелкий вред, незначительный ущерб, объективное условие, субъективное условие, отсутствие состава преступления, разумный размер уголовно-правового вреда

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Сверчков, В. В. (2024). Малозначительность предусмотренного уголовным законом деяния: *praxis legis, guae debet esse*. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 759–769. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.759-769>

Scientific article

V. V. Sverchkov¹

¹ *Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia*

Minority of a deed provided for by the criminal law: *praxis legis, guae debet esse*

Vladimir V. Sverchkov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: sverchkov14@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7943-0876>

Web of Science Researcher ID: B-9266-2018

eLIBRARY SPIN code: 2309-9102

Abstract

Objective: to develop scientifically substantiated provisions on the insignificance of a deed provided for by the criminal law and to propose measures to improve legislation and law enforcement in this area.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in development and functioning, which contributed to the use of the following research methods: a) general scientific (logical, systemic, analysis and synthesis, induction and deduction), b) special (documentary, practical, comparative-legal, formal-legal).

Results: the work substantiates the conclusion that the recognition by an inquirer, investigator, prosecutor, judge of the insignificance of a deed provided for by the criminal law should be based on the following information: about the occurrence of all elements and signs of *corpus delicti* in the deed; about the infliction of small (minor) harm to law-protected interests in conjunction with the intent of the perpetrator aimed at causing such, including the lack of desire to cause harm, which excludes the existence of a reasonable amount of criminal-law harm. It is proposed to supplement Part 1 of Article 24 of the Russian Criminal Procedure Code with a new ground for refusal to initiate criminal proceedings (termination of criminal proceedings), namely, the insignificance of the deed, and to consider it as a circumstance excluding criminal prosecution of a suspect (accused).

Scientific novelty: the following means to distinguish a minor act from a crime were substantiated: a) the introduction of the “reasonable amount of criminal-legal harm” category in the investigative and judicial practice, b) the need for law enforcement to establish objective and subjective conditions of minor significance of the deed, c) the proposal on modernizing the criminal-procedural legislation.

Practical significance: the main provisions and conclusions stated in the article can be used in scientific, pedagogical, law-making, investigative and judicial activity when considering the issues of application and improvement of the norm on the insignificance of a deed provided for by the criminal law, on the delimitation of such deed from a crime.

Keywords:

criminal law, insignificant deed, minor harm, insignificant damage, objective condition, subjective condition, absence of corpus delicti, reasonable amount of criminal-law damage.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Sverchkov, V. V. (2024). Minority of a deed provided for by the criminal law: praxis legis, guae debet esse. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 759–769. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.759-769>

Введение

Нормативные положения о малозначительности деяния закреплены в ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹. Зафиксированы они и в ранее действовавшем отечественном уголовном законодательстве (см. примечание к ст. 6 УК РСФСР² 1926 г.³; ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утв. Законом СССР⁴ от 25.12.1958⁵; ч. 2 ст. 7 УК РСФСР 1960 г.⁶). И в советское время, и в постсоветский период законодателем *малозначительным* названо действие или бездействие, которое формально содержит признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но не представляет общественной опасности.

Лицу, производящему дознание, или следователю при обнаружении малозначительности содеянного надлежит отказать в возбуждении уголовного дела либо прекратить производство по делу за отсутствием в деянии состава преступления (последнее решение вправе принять и прокурор), а суду – вынести оправдательный приговор (см. п. 2 ч. 1 ст. 24, п. 3 ч. 1 ст. 226, п. 3 ч. 2, ч. 8 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)⁷).

Между тем в доктрине уголовного права и следственно-судебной практике законодательные положения о малозначительности деяния трактуются по-разному. Специалистами не сформирована консолидированная позиция относительно условий применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, притом что они получили возможность изучить и оценить множество представленных в последние годы в юридической литературе идей, направленных на решение проблемы установления малозначительного деяния и отграничения его от преступления (Батюкова, Динека, 2023; Винокуров, 2019а, 2019б; Гарбатович, 2021; Гизатуллин, 2023; Жилкин, Никонорова, 2022; Жилкин, Чуканова, 2022; Казанцев, Сафин, 2022; Комягин, 2021; Лопашенко, 2019; Лютынский, 2021; Никонов, 2021; Ображиев, 2020, 2021; Плотников, 2019; Пудовочкин, 2019; Стельмах, 2021; Тюнин, 2020; Хилюта, 2021; Шарапов, 2020).

¹ Федеральный закон № 63-ФЗ от 13.06.1996. (1996). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

² РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

³ Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1926. № 80 (Отдел первый). Ст. 600.

⁴ СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. (1959). 1. Ст. 6.

⁶ Ведомости Верховного Совета РСФСР. (1960). 40. Ст. 591.

⁷ Федеральный закон № 174-ФЗ от 18.12.2001. (2001). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

Процесс и результаты исследования

Проведенные исследования показали, что применение ч. 2 ст. 7 УК РСФСР 1960 г. сопровождалось трудностями в толковании признаков малозначительности, что связанные с этим ошибки вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по малозначительности содеянного достигали в региональном масштабе 35–60 % в числе отмененных должностными лицами прокуратуры постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (Велиев, 1992. С. 16–17).

В период действия УК РФ правоприменители нередко отказывали в возбуждении уголовных дел, прекращали их в силу малозначительности деяния (см. п. 2 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР 1960 г.; п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) необоснованно, в частности, лишь потому, что: а) потерпевший оценил украденную из транспортного средства вещь (автомобигнотолу) в 50 руб., а разбитое при хищении стекло автомобиля виновный восстановил за 30 руб., причиненный собственнику ущерб не является значительным⁸; б) потерпевшая не желала привлекать к ответственности лиц, совершивших по предварительному сговору кражу джинсовых курток и мешка с ее личными вещами из сарая, ущерб для нее незначителен⁹; в) потерпевшие претензий к виновным не имели, привлекать их к уголовной ответственности не желали, вред от тайного хищения имущества из хранилища составил 125 руб., в другом случае из жилища – 112 руб.¹⁰

При этом правоприменители не учитывали, что ответственность за тайное хищение, которым гражданину причинен незначительный ущерб, закреплена в ч. 1 ст. 158 УК РФ, а умыслом виновного не охвачено наступление мелкого (мизерного) вреда, что в основу принятия решения о применении ч. 2 ст. 14 УК РФ необходимо положить не только стоимостный критерий противоправности деяния, но и направленный на осуществление деяния умысел виновного соответствующей степени определенности¹¹. Сомнение в обоснованности вызывает и установление малозначительности деяния, отнесенного уголовным законом к категории тяжких преступлений, ввиду несущественного ущерба для организации, например, если лицо, используя свое служебное положение, растратило 2060 руб. (см. ч. 3 ст. 160 УК РФ)¹².

В 2019–2022 гг. на страницах журнала «Уголовное право» представлена серия научных статей о проблеме отграничения малозначительного деяния от преступления. Их авторы утверждали следующее:

а) оценка общественной опасности мелкого взяточничества через призму ч. 2 ст. 14 УК РФ в первую очередь требует учитывать размер взятки, а при оценке такой опасности ненасильственных хищений определяющее значение имеет размер похищенного; если он явно невелик, то хищение в форме кражи, мошенничества, присвоения, растраты является малозначительным даже при наличии квалифицирующих признаков (совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, незаконное проникновение в помещение либо иное хранилище и пр.); если стоимость похищенного существенно, в разы превышает обозначенные в ч. 2 ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)¹³ пределы, то оснований для применения ч. 2 ст. 14 УК РФ нет; хищение в названных формах можно признать малозначительным, если стоимость похищенного имущества не превышает 5000 руб. (Ображиев, 2020. С. 46, 48; 2021. С. 40, 45);

⁸ См. уголовное дело от 07.01.1999 № 83023 следственного отдела Канавинского РУВД г. Нижнего Новгорода, прекращенное 07.04.1999. Л. д. 366.

⁹ См. постановление об отказе в возбуждении уголовного дела отдела по предупреждению правонарушений несовершеннолетних ОВД г. Шадринска от 17.04.1998 в отношении А. А. Уфимцева, В. В. Стукова, С. Н. Сальникова.

¹⁰ См. уголовные дела: от 30.01.1997 № 48830 следственного отдела Красноармейского РОВД ст. Полтавская Краснодарского края, прекращенное 30.07.1998; № 11911 следственного отдела УВД г. Костромы, прекращенное 20.05.1998. Тем не менее осуждены с назначением уголовного наказания лица, совершившие по предварительному сговору кражу, сопряженную с незаконным проникновением в помещение (летнюю кухню), предметом которой являлась сетка лука весом 35 кг (см. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.05.2012 № 25-Д12-9 по делу Н. Н. Каширского, А. Н. Белова. <https://base.garant.ru/70180202/>

¹¹ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 20-О12-31 по делу И. (2013). Бюллетень Верховного Суда РФ, 7, 23.

¹² См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.04.2015 № 51-УД15-1 по делу С. (2016). Бюллетень Верховного Суда РФ, 7, 28.

¹³ Федеральный закон № 195-ФЗ от 30.12.2001. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

б) деяние нужно квалифицировать как малозначительное, если нет доказательств в пользу общественной опасности содеянного, причинения вреда или создания угрозы его причинения охраняемым уголовным законом общественным отношениям (Гарбатович, 2021. С. 11);

в) решение вопроса о малозначительности, применении ч. 2 ст. 14 УК РФ сопряжено с принятием в расчет многочисленных фактических обстоятельств (Тюнин, 2020. С. 74);

г) существенность причиненного или возможного имущественного ущерба, способ посягательства играют первостепенную роль при оценке малозначительности хищений (Шарапов, 2020. С. 86);

д) суды, принимая решения о прекращении уголовных дел в связи с малозначительностью грабежа, не склонны устанавливать единственный критерий, определяющий малозначительность деяния, – размер ущерба (Жилкин, Чуканова, 2022. С. 19–20).

Изложенное свидетельствует о том, что граница между преступлением и малозначительным деянием остается чрезвычайно подвижной, а психическое отношение посягателя к последствиям содеянного отнесено на дальний план. На это же указывает проведенный авторами анализ критериев, учитываемых Конституционным и Верховным судами Российской Федерации при решении вопроса о малозначительности деяния (применении ч. 2 ст. 14 УК РФ) (Лопашенко, 2019. С. 71), региональной судебной практики (Жилкин, 2022. С. 34–35; Жилкин, Никонорова, 2022. С. 15, 22; Жилкин, Чуканова, 2022. С. 11, 19–20).

Нередко правоведа при осмыслении юридической природы малозначительности деяния опирались на позицию высшего судебного органа, которая представлена в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Е. Д. Филипповой (далее – Ф.) – заместителя главы администрации сельского поселения, человека не обездоленного, способного совместно с супругом материально обеспечить свою семью. Она уличена в мошенничестве при получении выплат. Ее поведение квалифицировано по ч. 3 ст. 159² УК РФ.

Ф. обвинялась в том, что, используя служебное положение, внесла в справки о доходах своих и супруга недостоверные сведения, направила эти справки в общеобразовательные учреждения для получения ее ребенком права на бесплатное питание в школьной столовой. На основании данных справок ее дочери как ребенку из малообеспеченной семьи предоставлена мера социальной поддержки в виде освобождения от оплаты питания. Содеянным Ф. причинила республиканскому бюджету в лице Минобразования России материальный ущерб в размере 10 066 руб.¹⁴

Уголовное дело рассмотрено судом первой инстанции и прекращено на основании п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, подп. 1 п. 6 постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24.04.2015 № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»¹⁵.

Заместитель Генерального прокурора РФ в кассационном представлении предложил отменить судебные решения и прекратить уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, так как в содеянном Ф. отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 159² УК РФ. Обосновывая свою позицию, он сообщил о небольшом размере материального ущерба, об отсутствии в материалах дела доказательств причинения деянием существенного вреда государственным либо муниципальным интересам, что, по его мнению, указывает на отсутствие общественной опасности действий Ф.¹⁶

Данная позиция не бесспорна, поскольку обвиняемая совершила *тщательно подготовленное умышленное преступление, притом использовала для этого свое служебное положение, что является особо квалифицирующим признаком мошенничества (наряду с правом собственности на соответствующие бюджетные средства пострадали интересы службы в органах местного самоуправления), ее преступное поведение направлено на систематическое получение имущественной выгоды, на систематическое нанесение ущерба материальным интересам общества, государства.*

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление районного суда и кассационное определение, уголовное дело прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – за отсутствием

¹⁴ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 15-УДП20-7-К1 по делу Ф. (2021). Бюллетень Верховного Суда РФ, 5, 57.

¹⁵ Там же. С. 57–58.

¹⁶ Там же. С. 58.

в деянии состава преступления ввиду его малозначительности, а также признала за Ф. право на реабилитацию согласно п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ¹⁷.

Почему такое решение принято в отношении лица, которое стремилось извлечь максимальную имущественную выгоду из своего противоправного поведения, но не достигло задуманного по причине, не зависящей от его воли? Верховный Суд РФ дает ответ: «Приведенный в судебных решениях анализ обстоятельств совершенного Ф. деяния, небольшой размер материального ущерба, причиненного республиканскому бюджету, и отсутствие в материалах уголовного дела доказательств того, что деяние причинило существенный вред государственным либо муниципальным интересам, свидетельствуют об отсутствии в ее действиях признака общественной опасности, который позволял бы признать их преступлением»¹⁸. Этот ответ, увы, далек от эталона справедливости в оценке противоправного поведения.

Тем не менее изложенная Верховным Судом РФ аргументация в пользу малозначительности деяния широко представлена в судебной практике, объединяет неравнозначные ситуации. В частности, в одном ряду с рассмотренным примером оказалось решение об отмене приговора по ч. 3 ст. 160 УК РФ в отношении А. А. Силина (далее – С.) – руководителя муниципального унитарного предприятия, который дал указание главному бухгалтеру об оплате наложенного на С. штрафа за счет находящихся на балансе предприятия средств. Главный бухгалтер составил авансовый отчет, приложил к нему чек банка на сумму 2060 руб., показывающий списание денежных средств в уплату штрафа и отнесение их к расходам предприятия. Уголовное дело прекращено по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в силу малозначительности деяния (см. ч. 2 ст. 14 УК РФ). Судебная коллегия в обоснование своего решения отметила следующее: анализ обстоятельств поведения С., небольшой размер материального ущерба, отсутствие в материалах дела доказательств того, что деянием причинен существенный вред интересам предприятия, не позволяют сделать вывод о том, что содеянное обладает признаками общественной опасности, которые позволили бы считать его преступлением¹⁹.

Признанию деяния малозначительным предшествует установление всех элементов и признаков состава преступления (размер последствия надлежит оценивать отдельно). В представленных примерах высший судебный орган пишет об отсутствии существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Однако в примененных судом ст. 159², 160 УК РФ о таком вреде не говорится. При этом, согласно конструкции уголовно-правовых норм, существенный вред: а) влияет на квалификацию вымогательства (ст. 163 УК РФ), принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ), нарушения правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки, пересылки сильнодействующих/ядовитых веществ (ч. 4 ст. 234 УК РФ); б) является обязательным (обязательно-альтернативным) признаком злоупотребления полномочиями (ч. 1 ст. 201, ч. 1, п. «а» ч. 2 ст. 201¹, ст. 202 УК РФ), нарушения правил обращения экологически опасных веществ/отходов (ч. 1 ст. 247 УК РФ), загрязнения вод (ч. 1 ст. 250 УК РФ) или отягощенного загрязнения морской среды (ч. 2 ст. 252 УК РФ), а равно неисполнения приказа (ст. 286¹, ч. 1, 2 ст. 332 УК РФ), самоуправства (ст. 330 УК РФ).

Пленум Верховного Суда РФ в абз. 2 п. 18 постановления от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»²⁰, в п. 6 постановления от 29.06.2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201¹, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)»²¹ существенный вред предложил устанавливать исходя из степени отрицательного влияния противоправного деяния на работу организации, характера и размера нанесенного ей материального ущерба, из количества потерпевших от преступления, тяжести причиненного им морального, физического, имущественного вреда, а также характера прав и законных интересов граждан, если нарушены их конституционные права.

¹⁷ См. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 15-УДП20-7-К1 по делу Ф. (2021). Бюллетень Верховного Суда РФ, 5, 58.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.04.2015 № 51-УД15-1 по делу С. (2016). Бюллетень Верховного Суда РФ, 7, 28.

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16.10.2009. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/

²¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 29.06.2021. <https://vsrf.ru/documents/own/30188/>

Изучение и обобщение результатов следственно-судебной практики показало, что *существенный вред* как оценочное понятие охватывает убытки в крупном размере, сокращение числа рабочих мест, ухудшение положения организации на товарном рынке, снижение ее рентабельности, базы налогообложения, ущерб деловой репутации организации, утрату потерпевшим жилища, увольнение его с места работы/службы и пр. Высший судебный орган отметил и то, что в правоприменении нужно воздерживаться от общих формулировок при определении и описании данного вреда²².

Складывается такое впечатление, что для лиц, применяющих уголовный закон, выражение «существенный вред» нередко превращается в своеобразное речевое клише, которое можно использовать и для квалификации поведения как преступления, и для ужесточения наказуемости виновного за содеянное, и для решения вопроса о малозначительности деяния.

Реализация положений ч. 2 ст. 14 УК РФ должна быть основана на оценке всех элементов и признаков состава преступления (которые представлены в диспозиции уголовно-правовой нормы, закрепленной в статье Особенной части УК РФ) с учетом объективного и субъективного условий малозначительности. *Объективное условие* – фактическое причинение мелкого (мизерного) вреда в результате осуществления деяния физическим лицом; б) *субъективное условие* – желание лица причинить именно мелкий (мизерный) вред своим поведением или отсутствие желания причинить вред.

В юридической литературе отражено мнение авторов, полагающих, что применять ч. 2 ст. 14 УК РФ не следует, если деяние содержит признаки административного правонарушения (Винокуров, 2019b. С. 20–22; Шарапов, 2020. С. 84–85, 95). Данное мнение нельзя считать достаточно обоснованным. Оно противоречит уголовно-правовой доктрине²³ (Наумов, 1999. С. 72; Загородников и др., 1964. С. 16). Нередко признанное малозначительным предусмотренное уголовным законом деяние выражает поведение, аналогичное тому, которое охвачено нормой иной отрасли права. Если, например, 16-летний ученик школы задумал впервые тайно похитить в классе со стола учителя принадлежащие тому 800 руб. и выполнил задуманное, то его нужно привлечь к ответственности по ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ, а не по ч. 1 ст. 158 или ст. 158¹ УК РФ, поскольку такое деяние лишено свойственной уголовно-правовому уровню общественной опасности (см. ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ). Правоприменителю нужно прекратить уголовное дело или отказать в его возбуждении за отсутствием состава преступления, для того чтобы привлечь виновного в содеянном к административной ответственности. Этот подход реализуется и в судебной практике²⁴. Часть 2 ст. 14 УК РФ помогает отграничить правонарушение/проступок от преступления по вредоносности в объективном и субъективном смысле²⁵.

Малозначительность предусмотренного уголовным законом деяния далеко не всегда имеет связь с нормами административного права. Для того чтобы упорядочить процесс разграничения преступного и мелкого (мизерного) вреда, охваченного ч. 2 ст. 14 УК РФ, целесообразно в интерпретационную следственно-судебную практику ввести понятие «разумный размер уголовно-правового вреда». Тогда вред, в частности от взяточничества, который заключается в подрыве авторитета органа, организации, учреждения государственной власти/службы, местного самоуправления, будет мизерным, если стоимость предмета взятки не достигнет разумного размера уголовно-правового вреда с учетом служебного положения должностного лица, равна стоимости, например, буханки хлеба, поездки в Московском метрополитене, коробки конфет массового спроса, букета из срезанных садовых живых цветов. Равно вред от тайного хищения имущества из ручной кладки,

²² См. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2006 год. (2007). Бюллетень Верховного Суда РФ, 12, 18.

²³ Кудрявцев, В. Н., Наумов, А. В. (ред.) (1996) Учебник уголовного права. Общая часть. Москва: СПАРК, 1996. С. 70.

²⁴ См. Определение Конституционного Суда РФ № 1162-О от 16.07.2013. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=dos&base=ARB&n=353916#2FA490Ut3A9vZjVS>; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.04.1999 по делу Б. (2000). Бюллетень Верховного Суда РФ, 9, 7.

²⁵ *Малозначительным может быть признано и административное правонарушение* – действие или бездействие, которое формально содержит признаки состава административного правонарушения, но в силу характера деяния, роли осуществившего его лица, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляет *существенного нарушения* охраняемых общественных отношений. Здесь судья, правоприменительный орган либо должностное лицо вправе прекратить производство по делу, освободить правонарушителя от административной ответственности и ограничиться *устным замечанием* (см. ст. 2.9 КоАП РФ; абз. 2, 3 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

находящейся при потерпевшем (см. п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ), который лицо желает причинить и причиняет собственнику либо иному владельцу имущества, будет мизерным, если таким имуществом являются выданный школьной библиотекой учебник, обыкновенные пластмассовая шариковая ручка, брелок и т. п.

Разумным размером уголовно-правового вреда надлежит считать предусмотренный уголовным законодательством мелкий, незначительный, значительный, существенный размер (вред, ущерб) либо иной качественный и (или) количественный показатель общественно опасного последствия.

В ст. 37 УК Литовской Республики малозначительность преступного деяния названа основанием освобождения от уголовной ответственности²⁶, в ст. 36 УК Республики Узбекистан – обстоятельством, исключающим преступность деяния²⁷. Представленные ранее в тексте суждения свидетельствуют о признании малозначительности деяния *обстоятельством, исключающим уголовное преследование подозреваемого/обвиняемого*, что указывает на целесообразность введения в УПК РФ отдельного основания отказа в возбуждении уголовного дела, его прекращения – вне п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Юридической общественности известны предложения авторов о необходимости закрепления в ст. 24 УПК РФ такого основания под именем «малозначительность деяния» (Винокуров, 2019а. С. 26; Иванчин, 2015. С. 23), фиксации в данной статье специального/самостоятельного процессуального основания для реализации положений ч. 2 ст. 14, ст. 37–42 УК РФ (Звечаровский, 2013. С. 99; Лопашенко, 2019. С. 74).

Оперирование при решении вопроса о малозначительности предусмотренного уголовным законом деяния понятиями «несущественный вред», «небольшой размер материального ущерба», «недоказанность существенного вреда» а) размывает границу между преступлением и малозначительным деянием, б) препятствует осуществлению охранительной функции уголовного закона, в) ведет к пренебрежению принципами справедливости, вины, законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, г) ставит принятие решения в зависимость от казуальной следственно-судебной практики, д) повышает криминогенность правоприменительной среды в связи с реализацией нормы о малозначительности деяния.

Заключение

Формирование практики применения ч. 2 ст. 14 УК РФ должно зависеть от установления дознавателем, следователем, прокурором, судьей а) всех элементов и признаков состава преступления в содеянном, б) факта причинения правоохраняемым интересам мелкого (мизерного) вреда в совокупности с умыслом виновного, направленным на причинение такового, в том числе отсутствием желания причинить вред, что исключает наличие разумного размера уголовно-правового вреда (материального или нематериального, возникшего вследствие посягательства на основной, дополнительный, факультативный объекты). Нередко мелкое вредоносное поведение отражено в соответствующей конкретной жизненной ситуации нормой о дисциплинарной, административной, налоговой либо иной ответственности. В случаях, не отмеченных условиями малозначительности, если имеет место снижение/утрата общественной опасности деяния и (или) совершившего его лица, в отношении последнего может быть применено основание освобождения от уголовной ответственности, уголовного наказания (см. статьи гл. 11–14 УК РФ), условное осуждение, менее суровое уголовное наказание.

Таким образом, малозначительность предусмотренного уголовным законом деяния складывается из обнаруженных правоприменителем объективных и субъективных условий (они могут указывать на норму другой отрасли права). Посягательство на несколько объектов уголовно-правовой охраны снижает вероятность их возникновения. Для ограничения названных условий высшему судебному органу целесообразно ввести в интерпретационную практику понятие «разумный размер уголовно-правового вреда», которое не позволит признать содеянное малозначительным, если оно характеризуется наступлением закрепленного в уголовном законодательстве общественно опасного последствия соответствующего размера. Данный вред образуется,

²⁶ Уголовный кодекс Литовской Республики. (2003). (науч. ред. В. Павилониса; предисл. Н. И. Мацнева; вступ. статья В. Павилониса, А. Абрамвичюса, А. Дракшене; пер. с литовского В. П. Казанскене, с. 150). Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003.

²⁷ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. (2001). (вступ. статья М. Х. Рустамбаева, А. С. Якубова, З. Х. Гулямова, с. 75–76). Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс.

например, в результате мелкого хищения (ст. 158¹ УК РФ), мелкого коммерческого подкупа (ст. 204² УК РФ), мелкого взяточничества (ст. 291² УК РФ), посягательства, повлекшего незначительный (первые части ст. 158, 159, 159³, 159⁵, 159⁶, 160 УК РФ) или значительный (п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2, 5 ст. 159, ч. 2 ст. 159³, ч. 2 ст. 159⁵, ч. 2 ст. 159⁶, ч. 2 ст. 160, ч. 1 ст. 167 УК РФ) ущерб, а равно в незначительном (ч. 1, 5 ст. 200⁷, ч. 1, 5 ст. 204, ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 291 УК РФ) либо значительном (ч. 5 ст. 184, ч. 2, 6 ст. 200⁷, ч. 2, 6 ст. 204, ч. 1 ст. 204¹, ч. 2 ст. 290, ч. 2 ст. 291, ч. 1 ст. 291¹ УК РФ) размере.

Законодателю следовало бы ч. 1 ст. 24 УПК РФ дополнить п. 2¹ о малозначительности деяния как обстоятельстве, исключающем уголовное преследование подозреваемого/обвиняемого, и основании прекращения уголовного дела, отказа в его возбуждении.

Список литературы

- Батюкова, В. Е., Динека, В. И. (2023). Малозначительность деяния (понятие и соотношение). *Государство и право*, 12, 219–224. <https://doi.org/10.31857/s102694520029300-1>
- Велиев, И. В. (1992). *Уголовно-правовые методы установления и правовая оценка объекта посягательства при квалификации преступлений*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Баку.
- Винокуров, В. Н. (2019а). Соотношение отсутствия состава преступления и малозначительности деяния. *Уголовное право*, 4, 23–27.
- Винокуров, В. Н. (2019б). О пределах малозначительности деяния. *Уголовное право*, 6, 18–23.
- Гарбатович, Д. А. (2021). Практикообразующее решение Верховного Суда о критериях признания деяния малозначительным. *Уголовное право*, 7, 9–17.
- Гизатуллин, И. А. (2023). Малозначительность уголовно-правового деяния: процессуальный аспект. *Российская юстиция*, 8, 21–27.
- Жилкин, М. Г. (2022). Судебная практика квалификации мошенничества как малозначительного деяния. *Уголовное право*, 6, 32–38.
- Жилкин, М. Г., Никонорова, Ю. В. (2022). Судебная практика квалификации присвоения и растраты с использованием служебного положения как малозначительного деяния. *Уголовное право*, 7, 14–23.
- Жилкин, М. Г., Чуканова, Е. С. (2022). Судебная практика квалификации грабежа как малозначительного деяния. *Уголовное право*, 10, 10–20.
- Загородников, Н. И., Никифоров, Б. С., Сахаров, А. Б., Утевский, Б. С., Лунц, Д. Р., Блум, М. И., Вышинская, З. А., Копыловская, М. А., Кузнецов, А. В., Сергеева, Т. Л., Смирнов, Е. А., Власов, И. С., Иванов, В. Н., Шлыков, С. А. (1964). *Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР (2-е изд.)*. Москва: Юридическая литература.
- Звечаровский, И. Э. (2013). Отграничение преступного от непроступного в уголовном законе: материальные последствия и процессуальная форма. *Уголовное право*, 3, 97–101.
- Иванчин, А. В. (2015). Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об обосновании уголовной ответственности и малозначительности. *Lex russica*, 6, 16–28.
- Казанцев, С. Я., Сафин, Н. М. (2022). Малозначительность деяния в уголовном законодательстве Российской Федерации. *Вестник Московского университета МВД России*, 4, 105–108.
- Комягин, Р. А. (2021). Малозначительность деяния в уголовном праве: теоретическое моделирование понятия и алгоритма установления. *Союз криминалистов и кримиологов*, 4, 50–56.
- Лопашенко, Н. А. (2019). О некоторых проблемах в понимании малозначительного деяния по Уголовному кодексу РФ. *Уголовное право*, 5, 65–78.
- Лютынский, А. М. (2021). Неопределенность малозначительности деяния в российском уголовном праве: некоторые аспекты. *Государственно-правовые исследования*, 4, 158–160.
- Наумов, А. В. (отв. ред.) (1999). *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (2-е изд., перераб. и доп.)*. Москва: Юристъ.
- Никонов, М. А. (2021). Как региональные суды применяют норму о малозначительности деяния. *Уголовный процесс*, 1, 68–75.
- Ображиев, К. В. (2020). Малозначительность получения и дачи взятки: проблемы уголовно-правовой оценки. *Уголовное право*, 3, 39–52.
- Ображиев, К. В. (2021). Малозначительные хищения чужого имущества стоимостью свыше 2500 рублей. *Уголовное право*, 6, 39–48.

- Плотников, Р. В. (2019). Проблемные вопросы, связанные с характеристикой малозначительности деяния. *Криминалист*, 3, 76–80.
- Пудовочкин, Ю. Е. (2019). Оценка степени общественной опасности при установлении малозначительности деяния (по материалам судебной практики). *Российское правосудие*, 8, 59–75. <https://doi.org/10.17238/issn2072-909x.2019.8.59-75>
- Степьмах, В. Ю. (2021). Малозначительность деяния как частный случай отсутствия состава преступления. *Вестник Московского университета МВД России*, 1, 153–159.
- Тюнин, В. И. (2020). О малозначительности деяния в уголовном праве и уголовном законе. *Уголовное право*, 4, 69–76.
- Хиллута, В. В. (2021). Выбор основания прекращения уголовного дела при малозначительности деяния. *Законность*, 4, 53–55.
- Шарапов, Р. Д. (2020). Малозначительность хищений чужого имущества. *Уголовное право*, 6, 83–96.

References

- Batyukova, V. E., & Dineka, V. I. (2023). Insignificance of the act (concept and relation) *Gosudarstvo i pravo*, 12, 219–224. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/s102694520029300-1>
- Garbatovich, D. A. (2021). Практикообразующее решение Верховного Суда о критериях признания деяния малозначительным. *Ugolovnoe pravo*, 7, 9–17. (In Russ.).
- Gizatullin, I. A. (2023). Insignificance of a criminal law action: the procedural aspect. *Rossiiskaya yustitsiya*, 8, 21–27. (In Russ.).
- Ivanchin, A. V. (2015). Theoretical model of the prescriptions of the Criminal Code of the Russian Federation on the grounds for criminal responsibility and violations of low significance. *Lex russica*, 6, 16–28. (In Russ.).
- Kazantsev, S. Ya., & Safin, N. M. (2022). The insignificance of an act in the criminal legislation of the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4, 105–108. (In Russ.).
- Khilyuta, V. V. (2021). The selection of grounds for termination of a criminal case on account of a misdemeanor. *Zakonnost*, 4, 53–55. (In Russ.).
- Komyagin, R. A. (2021). The insignificance of an act in criminal law: theoretical modeling of the concept and algorithm of establishment. *Union of Criminalists and Criminologists*, 4, 50–56. (In Russ.).
- Liutynskii, A. M. (2021). Indeterminacy of the insignificance of an act in Russian criminal law: some aspects. *State Legal Research*, 4, 158–160. (In Russ.).
- Lopashenko, N. A. (2019). On certain problems in interpreting a minor deed according to the Russia Criminal Code. *Ugolovnoe pravo*, 5, 65–78. (In Russ.).
- Naumov, A. V. (Ed.) (1999). *Comment to the Criminal Code of the Russian Federation* (2nd ed., revised and complemented). Moscow: Jurist. (In Russ.).
- Nikonov, M. A. (2021). How regional courts apply the norm on the minority of a deed. *Ugolovnyi protsess*, 1, 68–75. (In Russ.).
- Obrazhiev, K. V. (2020). Minority of giving and taking a bribe: issues of criminal-legal assessment. *Ugolovnoe pravo*, 3, 39–52. (In Russ.).
- Obrazhiev, K. V. (2021). Minor thefts of property for over 2,500 rubles. *Ugolovnoe pravo*, 6, 39–48. (In Russ.).
- Plotnikov, R. V. (2019). Problematic issues related to the characteristic of minority of the deed. *Criminalist*, 3, 76–80. (In Russ.).
- Pudovochkin, Yu. E. (2019). Assessment of the degree of public danger in establishing the insignificance of an act (based on court practice). *Russian Justice*, 8, 59–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.17238/issn2072-909x.2019.8.59-75>
- Sharapov, R. D. (2020). Minor thefts of property. *Ugolovnoe pravo*, 6, 83–96. (In Russ.).
- Stelmakh, V. Yu. (2021). Insignificance of the act as a special case of lack of corpus delicti. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1, 153–159. (In Russ.).
- Tyunin, V. I. (2020). О малозначительности деяния в уголовном праве и уголовном законе. *Ugolovnoe pravo*, 4, 69–76. (In Russ.).
- Veliev, I. V. (1992). *Criminal-legal techniques of establishing and legal assessment of infringement when qualifying crimes*: abstract of a Cand. Sci. (Law) thesis. Baku. (In Russ.).
- Vinokurov, V. N. (2019a). Correlation between the absence of elements of the crime and minority of the deed. *Ugolovnoe pravo*, 4, 23–27. (In Russ.).
- Vinokurov, V. N. (2019b). On the limits of minority of the deed. *Ugolovnoe pravo*, 6, 18–23. (In Russ.).
- Zagorodnikov, N. I., Nikiforov, B. S., Sakharov, A. B., Utevsky, B. S., Lunts, D. R., Bloom, M. I., Vyshinskaya, Z. A., Kopylovskaya, M. A., Kuznetsov, A. V., Sergeeva, T. L., Smirnov, E. A., Vlasov, I. S., Ivanov, V. N., & Shlykov, S. A. (1964). *Scientific-practical comment to the Criminal Code of the Russian Federation* (2nd ed.). Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.).
- Zhilkin, M. G. (2022). Judicial practice of qualifying fraud as a minor deed. *Ugolovnoe pravo*, 6, 32–38. (In Russ.).

Zhilkin, M. G., & Chukanova, E. S. (2022). Judicial practice of qualifying robbery as a minor deed. *Ugolovnoe pravo*, 10, 10–20. (In Russ.).

Zhilkin, M. G., & Nikonorova, Yu. V. (2022). Judicial practice of qualifying misappropriation and embezzlement in connection with duties of office as a minor deed. *Ugolovnoe pravo*, 7, 14–23. (In Russ.).

Zvecharovsky, I. E. (2013). Demarcating between criminal and non-criminal in criminal law: tangible implications and procedural form. *Ugolovnoe pravo*, 3, 97–101. (In Russ.).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 02.04.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 08.06.2024

Дата принятия в печать / Accepted 11.06.2024

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор П. А. Кабанов / Persons in charge of selection P. A. Kabanov

Редактор рубрики Дж. Шаббар / Rubric editor J. Shabbar

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.770-803>

УДК 343.21:343.24:343.265(73)

Н. Эпстейн¹

¹ Школа права Фордемского университета, г. Фордем, США

Неопределенная величина: участие пострадавшего и «черный ящик» при произвольном условно-досрочном освобождении

Переводчик Е. Н. Беляева

Ноа Эпстейн, степень по юриспруденции, 2022, Школа права Фордемского университета; степень бакалавра искусств, 2018, Колгейтский университет

Аннотация

Цель: анализ влияния позиции потерпевшего при назначении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания по законодательству США.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: вопросы условно-досрочного освобождения в США до сих пор недостаточно изучены, поскольку советы штатов по УДО в основном действуют по своему усмотрению и не раскрывают основания своих решений широкой общественности. Еще меньше известно о сфере пересечения прав пострадавших при принятии решения об УДО. После подъема движения за права пострадавших в 1970-е гг. пострадавшие перестали быть пассивной стороной процесса и получили возможность значительно влиять на решение об освобождении. Сегодня это влияние усиливается, поскольку большинство советов по УДО провозглашают значимость мнения пострадавших и активно используют его при принятии решений. Однако роль пострадавшего в процедуре УДО по-прежнему четко не определена. Вместо того чтобы попытаться найти ответы на эти принципиальные вопросы, существующая система дает членам советов по УДО значительные полномочия для определения места и роли пострадавшего в процессе. Этот подход привел к тому, что участие пострадавшего является непоследовательным и неэффективным, что отрицательно сказывается как на обвиняемых, так и на самих пострадавших и на членах совета.

© Эпстейн Н., 2024. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<https://rusjel.ru>) 25.09.2024

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Fordham Law Review*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала.

Цитирование оригинала статьи на английском: Epstein, N. (2021). An uncertain participant: victim input and the black box of discretionary parole release. *Fordham Law Review*, 90, 789–830.

URL публикации: https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2021/11/Epstein_November.pdf

Научная новизна: в работе определено четыре аналитических подхода к оценке УДО, которые раскрывают различные варианты участия потерпевшего. В связи с этим советам по УДО предлагается принимать решение об освобождении на основании оценки возможностей исправления осужденного, степени общественной опасности совершенного деяния, а также целей уголовного наказания. Участие пострадавшего должно влиять на решение об освобождении, только если оно дает дополнительную информацию, а не предположение о том, что осужденный не исправился или назначенное минимальное наказание не отражает воздействия преступления и не достигает целей наказания. Признавая последствия такого подхода, предлагается изменить процедуру принятия решения об УДО, а также изменить структуру советов по УДО с учетом принципов равенства, гласности и неотвратимости ответственности. Применение описанного в статье подхода к участию пострадавшего в процедуре УДО и внедрение процедурных изменений должно привести к созданию системы, которая является более справедливой по отношению к осужденным, снижает риски косвенного вреда для пострадавших и защищает членов советов от нежелательного внешнего давления.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с процедурой УДО.

Ключевые слова:

условно-досрочное освобождение, совет по УДО, осужденный, потерпевший, цель наказания

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность профессору Bruce A. Green не только за его превосходное руководство и советы, но и за неизменную поддержку в это беспокойное время. Автор также благодарит Eric Lim за прекрасную редакторскую работу, редакторов и сотрудников журнала *Fordham Law Review* за их неоценимую помощь, а также благодарит свою семью и друзей.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Эпстейн, Н. (2024). Неопределенная величина: участие пострадавшего и «черный ящик» при произвольном условно-досрочном освобождении. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3). 770–803. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.770-803>

Scientific article

N. Epstein¹

¹ *Fordham University School of Law, Fordham, USA*

An uncertain participant: victim input and the black box of discretionary parole release

Translator E. N. Belyaeva

Noah Epstein, J.D. Candidate, 2022, Fordham University School of Law; B.A., 2018, Colgate University.

The article was first published in English language by *Fordham Law Review Online*. For more information please contact the editorial office.

For original publication: Epstein, N. (2021). An uncertain participant: victim input and the black box of discretionary parole release. *Fordham Law Review*, 90, 789–830.

Publication URL: https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2021/11/Epstein_November.pdf

Abstract

Objective: to analyze the impact of the victim's input in the parole process according to the US legislation.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: Little is understood about the parole release process, as state parole boards predominately operate with incredible discretion and keep their deliberations and rationales hidden from public view. Even less is understood about the intersection of the inscrutable parole release decision-making process and victim rights. As the victim rights movement mobilized in the 1970s, victims, instead of remaining passive witnesses, came to wield significant influence over the release decision process. Today, victim participation in parole proceedings is increasing as most parole boards proclaim how important victims' voices are and, in turn, actively incorporate victim input into their release calculus. Yet, it is not entirely clear what role, if any, victims should have in the release process because it is not entirely clear what purposes parole release should serve more generally. Rather than resolving these pressing questions that are at the heart of the release decision, the current system gives individual parole board members a great degree of discretion when it comes to how they approach victim input and the role it should serve. This approach has resulted in a release process that treats victim input in a troubling and inconsistent manner, which is unfair to inmates, victims, and parole board members alike.

Scientific novelty: To make sense of this situation, this paper identifies four analytical frameworks for understanding discretionary parole release, which reveal board members' options for approaching victim input. Ultimately, the author proposes that parole boards should approach the release decision as an evaluation of both the inmate's rehabilitation and the extent to which sentencing's retributive and deterrent goals have been met. In this vein, victim input should only influence the release decision if it provides information, not emotion, that the inmate is not rehabilitated or that the judge's minimum sentence did not accurately reflect the impact of the crime and that retribution or deterrence has not been met. In recognition of the implications of such an approach, the article proposes procedural changes to the release decision and structural changes to parole boards. These recommended reforms are animated by principles of equity, transparency, and procedural justice. Applying this approach to victim input in the parole process and implementing the corresponding procedural changes can hopefully create a system that is fairer for inmates, minimizes risks of secondary harms to victims, and protects board members from improper external pressures.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to parole release process.

Keywords:

parole release, parole board, inmate, victim, goal of punishment

Acknowledgements

I extend my sincere gratitude to Professor Bruce A. Green not only for his superb guidance and insight but also for his unwavering support during such a turbulent time. I also thank Eric Lim for his excellent editorial work and the editors and staff of the Fordham Law Review for their invaluable assistance. Finally, I thank my family and friends for, well, everything.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Epstein, N. (2024). An uncertain participant: victim input and the black box of discretionary parole release. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 770–803. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.770-803>

Процессы, происходящие при условно-досрочном освобождении, до сих пор недостаточно изучены, так как советы штатов по условно-досрочному освобождению в основном действуют по своему усмотрению и не раскрывают основания своих решений широкой общественности. Еще меньше известно о сфере пересечения прав пострадавших и принятия решения об УДО. После подъема движения за права пострадавших в 1970-е гг. пострадавшие перестали быть пассивной стороной процесса и получили возможность значительно влиять на решение об освобождении. Сегодня это влияние еще больше усиливается, поскольку большинство советов по УДО провозглашают значимость мнения пострадавших и активно используют его при принятии решений.

И все же роль пострадавшего в процедуре освобождения по-прежнему четко не определена, поскольку неясно, какие задачи должно выполнять УДО в более широком смысле. Вместо того чтобы попытаться найти ответы на эти насущные вопросы, нынешняя система дает членам советов по УДО значительные полномочия для определения роли и вклада пострадавшего в процесс. Этот подход привел к тому, что участие пострадавшего является непоследовательным и неудобным, что отрицательно сказывается как на обвиняемых, так и на самих пострадавших и на членах совета.

Чтобы разобраться в этой ситуации, мы определили четыре аналитических подхода к оценке произвольного условно-досрочного освобождения, которые раскрывают различные варианты участия пострадавшего. В конечном итоге мы предлагаем советам по УДО принимать решение об освобождении на основании оценки возможностей исправления осужденного и степени достижения карательных и сдерживающих целей наказания. В этой связи участие пострадавшего должно влиять на решение об освобождении, только если оно дает дополнительную информацию, а не ощущения, что осужденный не исправился или что минимальный назначенный приговор не отражает воздействия преступления и не достигает целей наказания или сдерживания. Признавая последствия такого подхода, мы предлагаем ввести процедурные изменения в области принятия решения об УДО и структурные изменения советов по УДО. Предлагаемые реформы основаны на принципах равенства, прозрачности и процессуального права. Применение описанного в статье подхода к участию пострадавшего в процедуре УДО и внедрение соответствующих процедурных изменений должно привести к созданию системы, которая является более справедливой по отношению к осужденным, снижает риски косвенного вреда для пострадавших и защищает членов советов от нежелательного внешнего давления.

Введение

Какую роль должны играть пострадавшие в процедуре условно-досрочного освобождения? В какой мере их участие релевантно задачам произвольного УДО, если эти задачи могут быть самыми разными?

Эти насущные вопросы приобрели особую значимость 13 марта 2018 г., когда совет по УДО штата Нью-Йорк (далее – совет) вынес спорное решение об условно-досрочном освобождении Германа Белла, разбередив старые и глубокие раны некоторых из пострадавших и в конечном итоге излечив раны других (Baker, 2018a). В 1979 г. Белл, будучи членом Черной освободительной армии (*Black Liberation Army, BLA*)¹, был приговорен к заключению сроком от 25 лет до пожизненного за убийство двух полицейских, Джозефа А. Пиаджентини и Уэйверли М. Джонса в Гарлеме, Нью-Йорк, 21 мая 1971 г. (Baker, 2018b). В 2018 г., при подготовке восьмого и последнего слушания по условно-досрочному освобождению Белла, вдова убитого офицера Диана Пиаджентини представила письменное заявление как пострадавшая сторона², которое, согласно законодательству штата, совет обязан был рассмотреть³. Выступая против освобождения Белла, Диана Пиаджентини подробно описала сокрушительный моральный удар, который данное преступление нанесло ей и ее двум дочерям, а также посттравматическое стрессовое расстройство, от которого она страдала в результате этого⁴.

Напротив, дети офицера Джонса – Уэйверли Джонс – младший и Ванда Джонс – выступили в поддержку освобождения⁵. Их позиция была изложена в отдельном заявлении, вероятно написанном в 2018 г. Уэйверли Джонсом – младшим⁶. В этом заявлении, процитированном в решении совета, говорилось: «Ответ прост – [освобождение Белла] принесет радость и покой, поскольку мы уже простили [его] публично... Если ему снова

¹ Черная освободительная армия была подпольным крылом партии «Черные пантеры». Она использовала радикальные и насильственные методы для достижения своих политических целей. Дополнительную информацию о Черной освободительной армии см. (Rosenau, 2013).

² См. *Piagentini v. N.Y. Bd. of Parole*, 176 A.D.3d 138, 139–40 (N.Y. App. Div. 2019).

³ См. N.Y. Exec. Law § 259-i(2)(c)(A)(v) (McKinney 2021).

⁴ См. *Piagentini*, 176 A.D.3d at 139–40 (обсуждаются подробности, изложенные в заявлении Дианы Пиаджентини совету по УДО), заявление отклонено, 35 N.Y.3d 906 (2020).

⁵ См. (Fenner & Harmon, 2004). Однако за освобождение причастных к гибели офицера Джонса выступали не все члены его семьи. См. (Gross, 2019).

⁶ Хотя заявление пострадавшего было анонимным, все признаки указывают на то, что его написал Уэйверли Джонс – младший. См. (Baker, 2018b); *Piagentini*, 176 A.D.3d at 148 (судья Egan, несогласие).

откажут в условно-досрочном освобождении, это принесет нам боль, так как нам напоминают о болезненном эпизоде каждый раз, когда он вновь предстает перед советом»⁷.

В конечном итоге совет двумя голосами против одного принял решение освободить Белла, несмотря на возражения Дианы Пиаджентини⁸, что противоречит обычной практике⁹. Обосновывая свое решение, совет сослался на раскаяние Белла, широкую общественную поддержку и образцовое поведение Белла в тюрьме¹⁰. Кроме того, совет привел цитату из заявления пострадавших, описав его как значимый фактор, но не упомянул заявление Дианы Пиаджентини¹¹.

Ответная реакция на это решение была резкой; противники осудили его как неуважительное по отношению к пострадавшим¹² и незаконное, поскольку заявление Дианы Пиаджентини не получило адекватной оценки¹³. Звучали призывы отстранить членов совета, голосовавших за освобождение Белла (Families, 2018). Мэр Нью-Йорка Билл де Блазио в письме совету требовал отменить принятое решение, так как освобождение Белла принесет много страданий семьям погибших; он ставил вопрос о том, можно ли вообще условно-досрочно освобождать преступников, виновных в убийстве полицейских (Letter from Bill de Blasio, 2018). Уже в наши дни, в сентябре 2020 г., в ответ на освобождение Белла и другие спорные решения совета¹⁴ ряд членов законодательного собрания штата Нью-Йорк выдвинули законопроект, позволяющий смещать членов совета большинством голосов законодательного собрания, аргументируя это тем, что такая политическая подотчетность необходима для обеспечения адекватного учета мнения пострадавших при произвольном условно-досрочном освобождении (Geiger, 2020).

Хотя мнение пострадавших является лишь одним из множества факторов, которые совет по УДО¹⁵ обычно принимает во внимание¹⁶, случай Германа Белла показывает, какую важную роль играют пострадавшие в процедуре УДО как в представлении общественности, так и в реальности¹⁷. В более общем смысле, учитывая явное предпочтение советом одного заявления пострадавших другому и мощную реакцию на это со стороны общественности, дело Белла показывает, что мы до сих пор не вполне ясно понимаем, как принимать решения об УДО и какова должна быть роль пострадавших в этом процессе. Более того, дело Белла не является чем-то из ряда вон выходящим; есть и другие дела, ставящие те же вопросы. Так, 27 августа 2021 г. подкомиссия, состоящая из двух членов совета по УДО штата Калифорния, рекомендовала условно-досрочно освободить Серхана Б. Серхана, который провел более 50 лет в тюрьме за убийство сенатора Роберта Ф. Кеннеди и 16 раз предстал перед советом по УДО (Bogel-Burroughs, 2021). Как и в случае Германа Белла, некоторые пострадавшие выступали за освобождение¹⁸, а некоторые против него¹⁹. Хотя рекомендация подкомиссии может быть пересмотрена полным

⁷ См. (Baker, 2018b).

⁸ См. Там же.

⁹ См. ниже Раздел I.D.2 (описываются многочисленные исследования, показывающие, что участие пострадавших сильно коррелирует с отказом в УДО).

¹⁰ См. (Baker, 2018b; Marlowe, 2018).

¹¹ См. Piagentini, 176 A.D.3d at 148 (судья Egan, несогласие); см. также (Baker, 2018b).

¹² См. (Moore, 2018) («Освободив его, совет по УДО на самом деле передал некое послание, хотя семьи Джозефа Пиаджентини и Уэйверли Джонса... могут не согласиться, что оно позитивное или внушающее надежду»).

¹³ См. Piagentini, 176 A.D.3d at 148 (судья Egan, несогласие).

¹⁴ См., например, (Geiger, 2020) (отмечается, что один из детей жертвы описывал условно-досрочное освобождение как насмешку и утверждал, что оно снова виктимизирует их).

¹⁵ Ради единообразия мы везде называем советом органы, ответственные за произвольное условно-досрочное освобождение, хотя в некоторых штатах они носят иные названия.

¹⁶ См. (Ruhland et al., 2017) (сообщается, что мнение пострадавших рассматривается наряду с другими факторами, число которых доходит в разных штатах до восемнадцати).

¹⁷ Обсуждение того, насколько центральную роль могут играть пострадавшие в процедуре УДО, см. ниже Раздел I.D.2.

¹⁸ См. (Bogel-Burroughs, 2021) (описывается, что один из сыновей Кеннеди, Дуглас, присутствуя на слушании, выступал за освобождение и утверждал: «Я в некотором роде хорошо отношусь к вам», тогда как другой сын, Роберт Ф. Кеннеди – младший, направил совету письмо в поддержку освобождения Серхана).

¹⁹ См. (Kennedy, 2021). Шестеро детей Кеннеди выпустили заявление, в котором, в частности, говорилось: «Для нас очень непросто публично обсуждать смерть нашего отца, и все прошедшие десятилетия мы отказывались непосредственно участвовать в процедурах, связанных с условно-досрочным освобождением... Мы категорически против условно-досрочного освобождения Серхана и шокированы постановлением, которое, как мы считаем, попирает стандарты УДО штата Калифорния ради убежденного, крайне опасного убийцы». Там же.

составом совета или отклонена губернатором Калифорнии Гэвином Ньюсомом (Bogel-Burroughs, 2021), она вновь показывает центральную роль пострадавших в данном процессе, по крайней мере, в представлении широкой общественности, и ставит вопрос, как пострадавшие должны участвовать в этом процессе. Вместо того, чтобы решить эти важные вопросы, существующая система предоставляет советам по УДО во многих штатах большие полномочия в подходах к участию пострадавших и целям, на которые оно должно быть направлено²⁰. В итоге возникла система, приводящая к непоследовательным и тревожным результатам, которые являются в равной мере несправедливыми как для обвиняемых, так и для пострадавших и членов совета²¹.

В настоящей статье мы предлагаем подход, в рамках которого мнение жертвы будет оцениваться в контексте условно-досрочного освобождения. Мы утверждаем, что решение об освобождении должно рассматриваться как квазисудебный акт, в котором важно лишь исправление осужденного и соблюдение карательных и сдерживающих принципов наказания²². Автор приходит к выводу, что мнение пострадавшей стороны должно влиять на решение об освобождении лишь тогда, когда оно дает фактическую информацию, а не эмоциональный отклик, демонстрируя либо то, что заключенный не достиг исправления, либо то, что минимально присужденный срок наказания неадекватно отражает воздействие преступления, а значит, его карательные и сдерживающие цели не достигнуты²³.

В поддержку данного предложения в статье: (1) рекомендовано штатам прояснить и кодифицировать надлежащую роль мнения пострадавшей стороны в процессе принятия решения по УДО и (2) выдвигается требование законодательным органам штатов внести институциональные изменения в свои советы по УДО и процедурные изменения в процесс УДО. Такие реформы необходимы, чтобы, с одной стороны, советы не оказались чрезмерно сфокусированными на карательных и сдерживающих функциях, что может привести к повальным отказам в УДО, а с другой – чтобы лучше защитить пострадавших от косвенного вреда.

В Разделе I настоящей работы рассматриваются функция и история произвольного условно-досрочного освобождения в Соединенных Штатах и его связь с правами пострадавшей стороны с целью показать текущую ситуацию в области влияния участия пострадавшего на условно-досрочное освобождение. В Разделе II исследуется двоякая цель использования мнения пострадавшего в принятии решения об условно-досрочном освобождении, что приводит к непоследовательности в его использовании. Опираясь на теоретические и практические данные, автор описывает четыре аналитических подхода к пониманию того, как советы по УДО принимают решения и как при этом учитывается мнение пострадавшего. В Разделе III показано, что решения об условно-досрочном освобождении должны рассматриваться как форма изменения приговора и учитывать только степень исправления осужденного и достижения целей наказания. Таким образом, автор приходит к выводу, что мнение пострадавшего должно учитываться при принятии решения об условно-досрочном освобождении, только если оно свидетельствует об этих двух элементах. Также в Разделе III предложены процедурные и институциональные реформы, необходимые для внедрения такого подхода.

I. Участие пострадавших в слушаниях по УДО

В данном разделе показана краткая история произвольного условно-досрочного освобождения в Соединенных Штатах, его функционирование сегодня и пересечения с движением за права пострадавшей стороны. Кроме того, обсуждается степень влияния мнения пострадавшего на решение об условно-досрочном освобождении, наблюдаемая на практике.

A. Произвольное условно-досрочное освобождение в США: непростая история

Зарождение условно-досрочного освобождения в Соединенных Штатах относится к 1876 г., когда его впервые применили в исправительном учреждении «Эльмира» для несовершеннолетних в штате Нью-Йорк (система «Эльмира») (Cohen & Gobert, 1983). Поскольку старая пенологическая система не смогла добиться

²⁰ См. ниже прим. 38–48 и соответствующий текст.

²¹ См. ниже Раздел I.D.2.

²² См. ниже Раздел III.

²³ См. ниже Раздел III.A.

исправления осужденных, в тюрьме «Эльмира» ввели «неопределенный приговор», при котором осужденные могли «работать над своим спасением» и затем получить условное освобождение под наблюдение, если их сочтут исправившимися (Pisciotta, 1983). Это нововведение, ставшее широко известным как УДО, было направлено на продвижение и достижение исправления (Medwed, 2008). Кроме того, оно стимулировало хорошее поведение среди заключенных²⁴, снижало переполненность тюрем²⁵ и значительно сокращало расходы на их содержание²⁶. Фактически в деле *Morrissey v. Brewer*²⁷ Верховный Суд указал, «цель [УДО] состоит в том, чтобы помочь людям реинтегрироваться в общество в качестве продуктивных граждан, как только они будут способны это сделать... Оно также служит снижению расходов общества на тюремное содержание»²⁸.

Система «Эльмира» стала популярной²⁹, и к 1922 г. практически в каждом штате был введен режим неопределенного приговора, т. е. судья устанавливал минимальный и максимальный сроки тюремного заключения, а затем совет по УДО решал, можно ли освободить заключенного под наблюдение в рамках этого периода (Slater, 2020). В этом смысле судебные органы и советы по УДО работали совместно, определяя реальный срок заключения отдельного обвиняемого.

Затем, между 1970-ми и 1990-ми гг., системы вынесения приговоров в различных штатах стали меняться в сторону большей определенности, когда судья уже в приговоре довольно точно устанавливал дату условно-досрочного освобождения, а полномочия советов по УДО были сильно сокращены (Ruhland et al., 2017. Р. 9). Это произошло, в частности, из-за подъема движения за непримиримую борьбу с преступностью, которое рассматривало исправление осужденного как неотъемлемое условие УДО³⁰. Кроме того, общественность и законодательные органы штатов были обеспокоены недостаточной прозрачностью процесса УДО³¹. Итак, штаты отвергли идеальные представления об исправлении с помощью неопределенных приговоров и обратились к более суровой системе определенных приговоров (Medwed, 2008. Р. 501). Это привело к тому, что почти двадцать штатов отменили режим УДО или уменьшили полномочия советов, а в конечном итоге и федеральное правительство отменило УДО на федеральном уровне с помощью Закона о комплексной борьбе с преступностью 1984 г.³² Несмотря на это, система произвольного условно-досрочного освобождения вновь привлекла к себе внимание³³, вернувшись к позиции важного элемента уголовного правосудия США³⁴. Сегодня большинство штатов используют режим неопределенных приговоров, при котором советы по УДО сохраняют полномочия по произвольному условно-досрочному освобождению³⁵, а в других штатах действуют советы по УДО, которые имеют такие полномочия в отношении отдельных категорий заключенных³⁶. Фактически в 2016 г. в США произвольное освобождение получили как минимум 187 052 заключенных (Kaeble, 2016). Из-за нехватки финансирования и растущей переполненности тюрем многие ученые и практики считают,

²⁴ См. (Medwed, 2008. Рр. 499–500).

²⁵ См. (Slater, 2020).

²⁶ См. (Cohen & Gobert, 1983. Р. 20); см. также (Reitz, 2020).

²⁷ 408 U.S. 471 (1972).

²⁸ Там же. Р. 477.

²⁹ Там же (обсуждается, что с 1912 г. УДО «стало неотъемлемой частью пенологической системы»).

³⁰ См. (Ruhland et al., 2017. Р. 9) (подробно разбирается, как стремление общественности к ужесточению наказаний и сложности в определении степени исправления привели к уменьшению поддержки условно-досрочного освобождения среди законодателей, исследователей и граждан).

³¹ См. там же; см. также (Gonnerman, 2019) (обсуждается, как в ходе официального расследования, проводившегося в 1970-х гг. в Нью-Йорке, обнаружилось, что «решения совета по УДО во многом произвольны»).

³² Pub. L. No. 98-473, tit. II, 98 Stat. 1976 (кодифицировано с изменениями в различных разделах 18 и 28 U.S.C.).

³³ См. (Rhine et al., 2017) («Как минимум один штат – Миссисипи – недавно расширил свои функции предоставления УДО... Другие рассматривают возможность восстановления системы УДО в рамках программы по снижению числа заключенных»).

³⁴ См. (Medwed, 2008. Р. 503) (показано, что с 1980 по 2000 г. количество лиц, освобожденных под наблюдение, увеличилось в три раза).

³⁵ См. (Reitz, 2020. Р. 2742) (уточняется, что 34 штата по-прежнему используют произвольное УДО в рамках режима неопределенного приговора).

³⁶ См. (Rhine et al., 2018. Р. 48) (объясняется, что эти категории включают осужденных пожизненно и/или совершивших преступления до введения системы неопределенного приговора).

что масштабы произвольного УДО будут неуклонно расти, и она уже признана эффективной для снижения переполненности тюрем³⁷. Некоторые видные сенаторы уже изучают возможность восстановления условно-досрочного освобождения на федеральном уровне (Fleming, 2019).

И все же произвольное УДО продолжают критиковать, потому что принятие решения советом остается «черным ящиком»³⁸; эти процедуры по-прежнему непрозрачны³⁹. Такое положение объясняется, главным образом, постановлением Верховного Суда США по делу *Greenholtz v. Inmates of the Nebraska Penal and Correctional Complex*⁴⁰, в котором указывалось, что заключенные не имеют права на свободу, а значит, им не предоставляются и процессуальные права, если это не оговорено законами конкретного штата⁴¹. Например, право на свободу создается, когда законом штата об УДО предусмотрено освобождение заключенного при соблюдении определенных условий⁴². Однако даже в таких случаях установления права на свободу процессуальные права остаются минимальными. В деле *Greenholtz* Суд постановил, что система УДО штата Небраска создает право на свободу, однако совет не нарушил надлежащие правовые процедуры, поскольку предоставил заключенному возможность высказаться и кратко описал, хотя и без подтверждающих доказательств, почему тот не получил УДО⁴³. В своем решении Суд отменил требование, установленное Восьмой выездной сессией, что совет по УДО штата Небраска должен предоставлять «полное и справедливое письменное обоснование существенных фактов, на которые он опирался, и причины отказа в УДО»⁴⁴. Далее Суд постановил, что штаты могут самым общим образом определять факторы, которыми советы по УДО должны руководствоваться в своих решениях, чтобы они могли свободнее выносить те «справедливые суждения, которые не всегда можно обосновать обычными средствами»⁴⁵.

Таким образом, в современной практике средства защиты процессуальных прав не связаны с процедурой УДО, если только это напрямую не оговорено в законодательстве штата, и советы по УДО пользуются широкими полномочиями при определении значимости различных факторов⁴⁶. Кроме того, советы не обязаны обосновывать свои решения⁴⁷. В результате этого заключенные редко оспаривают решения советов, так как и суды, и руководство тюрем обычно встают на сторону совета⁴⁸. Поэтому, чтобы лучше понять систему произвольного условно-досрочного освобождения, нужно изучить практику принятия решений в этой сфере.

В. УДО или не УДО?: как принимается решение

В данном разделе описаны типичная процедура принятия решения об условно-досрочном освобождении и структура советов по УДО, а также факторы, рассматриваемые на слушаниях по УДО.

1. Члены совета по УДО

В каждом штате имеется своя собственная система условно-досрочного освобождения, однако общие подходы во многом едины на всей территории Соединенных Штатов (Ruhland et al., 2017. Pp. 10–14). Большинство советов по УДО включают менее десяти членов, и всего в стране их около 350 (Reitz, 2020. P. 2743). Обычно члены совета назначаются губернатором штата (Ruhland et al., 2017. P. 18), и их можно сместить

³⁷ См. (Medwed, 2008. P. 504). Однако см. (Reitz, 2021. Pp. 2745–2750) (утверждается, что режим произвольного УДО может способствовать увеличению числа заключенных, однако при правильной организации этот режим снижает переполненность тюрем более эффективно, чем другие методы).

³⁸ (Ruhland et al., 2017. P. 10).

³⁹ См. там же. Pp. 9, 33 (подчеркивается, что 41 % советов по УДО никогда не обнародуют основания отказа).

⁴⁰ 442 U.S. 1 (1979).

⁴¹ См. там же. Pp. 1, 7, 11–12.

⁴² См. там же. Pp. 11–12.

⁴³ См. там же. Pp. 13, 16.

⁴⁴ См. *Inmates of Neb. Penal & Corr. Complex v. Greenholtz*, 576 F.2d 1274, 1285 (8th Cir. 1978), rev'd, 442 U.S. 1 (1979).

⁴⁵ *Greenholtz*, 442 U.S. at 8, 13.

⁴⁶ См. там же.

⁴⁷ См. там же; см. также (Rhine et al., 2017. P. 315, n. 44) (показано, что если для решения об освобождении требуется обоснование, то для судебного пересмотра достаточно стандартных формулировок).

⁴⁸ См., например, (Rhine et al., 2017. Pp. 315–316).

так же легко, как и назначить (Rhine et al., 2017, p. 286). Соответственно, совет зависим от политической ситуации⁴⁹.

В целом члены советов «отличаются низким профессиональным статусом, отсутствием гарантий занятости, незащищенностью от нападок прессы и политиков», в случае если принято «не то» решение (Reitz, 2020. Рр. 2748–2749). Фактически советы повторяют риски, присущие политической деятельности, например, потери работы или осуждения за непопулярное решение, и стремятся снизить эти риски; с этим связаны их самые большие проблемы⁵⁰. Соответственно, назначение в члены совета редко предусматривает какие-либо требования к уровню образования, опыту и т. д. (Rhine et al., 2017. Р. 286). В тех штатах, где такие требования предусмотрены, они часто формулируются очень широко и нечетко, а ожидаемый уровень знаний или опыта невысок (Rhine et al., 2017. Р. 286). Поэтому советы по УДО по всей стране постоянно критикуют за то, что члены этих советов не обладают качествами, необходимыми для этой непростой работы (Rhine et al., 2017. Рр. 286–288).

2. Процедура слушаний

Слушание по УДО – это административная процедура, призванная определить, следует ли освободить заключенного из-под стражи под наблюдение. В законодательных актах условия такого освобождения часто формулируются в общих терминах, что дает советам значительные полномочия при оценке отдельных случаев⁵¹. Общие принципы, влияющие на решение об условно-досрочном освобождении, следующие: (1) какова вероятность рецидивизма (т. е. есть ли основания полагать, что заключенный снова нарушит закон)⁵², (2) отвечает ли освобождение интересам благополучия общества и (3) не снизит ли освобождение представление о серьезности совершенного преступления⁵³.

Кроме того, существует между штатами консенсус о критериях УДО (Ruhland et al., 2017. Р. 25). Наиболее часто советы рассматривают следующие группы факторов: (1) статические факторы, которые заключенный не может изменить в период содержания под стражей; (2) динамические факторы, относящиеся к поведению заключенного в тюрьме; и (3) мнения, представленные третьими сторонами (Ruhland et al., 2017. Р. 26). Важнейшие статические факторы – это характер преступления, за которое было назначено наказание, и досье ранее совершенных преступлений (Ruhland et al., 2017. Р. 26). Динамические факторы включают участие заключенного в различных тюремных программах, соблюдение им дисциплины и, что очень важно, поведение и показания заключенного во время самого слушания (Ruhland et al., 2017. Р. 25). Что касается мнений (а они в основном поступают от заинтересованных третьих сторон), то одним из почти повсеместно учитываемых факторов является участие пострадавшей стороны⁵⁴. Во всех штатах разрешено подавать письменные заявления от пострадавших и почти во всех – выслушивать их личные показания⁵⁵. Более того, помимо раз-

⁴⁹ См. (Rodriguez, 2019) (приводятся свидетельства необоснованного политического влияния бывшего губернатора Нью-Йорка Джорджа Патаки на решения об УДО).

⁵⁰ См. (Reitz, 2020 p. 2750; Burkes et al., 2017).

⁵¹ См., например, N.Y. Exec. Law § 259-i(2)(c)(A) (McKinney 2021) («Произвольное условно-досрочное освобождение не должно служить просто наградой за хорошее поведение или эффективное выполнение обязанностей в период заключения, но должно учитывать, какова вероятность того, что в случае освобождения заключенный не будет нарушать закон, а также отвечает ли освобождение интересам благополучия общества и не поставит ли оно под сомнение серьезность совершенного преступления, тем самым подрывая уважение к закону»).

⁵² См. (Ruhland et al., 2017. Рр. 23–27) (обсуждаются такие важные факторы, как инструменты оценки рисков, которые используют советы по УДО, а также собственные взгляды членов советов на риск рецидивизма).

⁵³ Во многих штатах условно-досрочное освобождение запрещено, если оно: (1) существенно снижает серьезность преступления, (2) не отвечает интересам благополучия общества, или (3) подрывает уважение к закону. См., например, N.Y. Exec. Law § 259-i(2)(c)(A) (McKinney 2021); см. также Conn. Gen. Stat. § 54-125 (2021) (выдвигается требование, чтобы освобождение отвечало интересам благополучия общества). Кроме того, в некоторых штатах перед советами ставится задача оценить достаточность времени, проведенного в заключении, или тяжесть совершенного преступления. См., например, Ga. Code Ann. § 42-9-40(a) (2021); Tex. Gov't Code § 508.144(a)(2) (2021).

⁵⁴ См. (Russell, 2014) (сообщается, что все 45 штатов, участвовавших в опросе 2012 г., указали, что учитывают участие пострадавшей стороны).

⁵⁵ См. Там же. pp. 400–405; см. также (Ruhland et al., 2017. Р. 28).

решения такого участия, 39 из 40 опрошенных советов отметили, что они обязательно учитывают участие пострадавшей стороны в процессе принятия решения⁵⁶.

Все указанные факторы рассматриваются на слушании. В обыденном представлении, а зачастую и в реальности, слушание проводит подкомиссия совета, которая выносит решение после беседы с заключенным⁵⁷. Однако на практике в различных штатах процедура может отличаться, что определяется двумя ограничениями – по времени и по ресурсам (Schwartzapfel, 2015). В большинстве штатов все слушание состоит из беседы с заключенным, которую проводят сами члены совета и вскоре выносят решение (Russell, 2014. Рр. 400–401). Такие беседы часто происходят очно, хотя могут проводиться и по телефону или по видеосвязи⁵⁸. Пострадавшая сторона также играет свою роль. Если формат слушания предусматривает участие как членов совета, так и заключенного, то примерно в половине штатов разрешается дача показаний пострадавшим⁵⁹. В некоторых штатах жертвам разрешается присутствовать, но не выступать, а в остальных запрещено даже присутствие⁶⁰.

Обычно главную роль в слушаниях играют члены подкомиссии, и решение об освобождении принимается большинством голосов⁶¹. Возможности заключенных по подаче апелляции или оспариванию решения очень ограничены. В некоторых штатах советам даны полномочия отказать в УДО и оставить заключенного отбывать максимальный срок без возможности условно-досрочного освобождения в будущем⁶². В большинстве штатов апелляция разрешена законом или административным решением, но в ряде штатов заключенные не имеют права оспаривать отказ в условно-досрочном освобождении⁶³. При этом, учитывая решение по делу Greenholtz, отменить отказ в УДО очень сложно, так как суды обычно встают на сторону совета по УДО⁶⁴. Однако даже в отсутствие системы апелляции большинство заключенных имеют возможность периодически снова подавать прошение об УДО, обычно каждые два года (Cohen & Gobert, 1983. Рр. 21–22), если совет по УДО не лишил их этого права⁶⁵.

Наконец, от штата к штату значительно различается степень глубины изучения заявки на УДО. Например, исследование этого вопроса в штате Колорадо выявило так называемый конвейерный подход к решениям об УДО, когда рассмотрение дела занимает считанные минуты (Medwed, 2008. Р. 510). Напротив, в штате Калифорния процесс может быть невероятно долгим и изнурительным, члены совета могут часами лично допрашивать заключенных⁶⁶, а пострадавшие подробно рассказывать о том, как преступление повлияло на их жизнь (Young, 2016. Р. 457). В целом, однако, советы по УДО крайне ограничены по времени, которое они могут посвятить рассмотрению каждого отдельного случая⁶⁷.

3. Как оцениваются различные факторы

Различные советы по УДО принимают во внимание примерно одни и те же факторы, однако удельный вес каждого фактора считают разным. Прежде всего, сложно определить, как устанавливается этот удельный вес, так как более двух третей советов не обосновывают своих решений⁶⁸. Кроме того, шестнадцать

⁵⁶ См. (Ruhland et al., 2017. Р. 26) (показано, что 97,5 % штатов, участвовавших в опросе, учитывают участие пострадавшей стороны).

⁵⁷ См. там же. Рр. 32–34; см. также (Slater, 2020).

⁵⁸ См. (Russell, 2014. Рр. 400–401). В штате Нью-Джерси заключенного опрашивает член совета, ведущий слушания, который представляет письменные рекомендации подкомитету совета; затем заключенный проходит собеседование с этим подкомитетом, который выносит решение по УДО (Division of Release, 2021).

⁵⁹ См. (Ruhland et al., 2017. Р. 29) (показано, что 23 из 40 штатов, участвовавших в опросе, позволяют пострадавшим присутствовать и выступать на слушании по УДО, где также присутствует заключенный).

⁶⁰ См. Там же.

⁶¹ См. Там же. Р. 30.

⁶² См. Там же. Р. 33.

⁶³ См. Там же.

⁶⁴ См. Greenholtz v. Inmates of Neb. Penal & Corr. Complex, 442 U.S. 1, 16 (1979).

⁶⁵ См. выше прим. 62 и соответствующий текст.

⁶⁶ См. (Young, 2016); см. также (Slater, 2020).

⁶⁷ См. (Reitz, 2020. Р. 2750, п. 26) (сообщается, что некоторые члены советов тратят на принятие решения от 3 до 20 минут).

⁶⁸ См. (Ruhland et al., 2017. Р. 29).

штатов не обнаруживают причин отказов⁶⁹. Некоторые советы объясняют свои решения об УДО крайне неинформативно, зачастую одним предложением, например: «Совет считает, что заключенному следует провести больше времени в тюрьме»⁷⁰.

Более ясную картину можно составить по результатам опроса 29 членов советов. Факторами «первого плана», т. е. наиболее важными, были характер или тяжесть совершенного преступления и другие факты преступного досье заключенного, претендующего на УДО (Ruhland et al., 2017. Pp. 26–27). Факторы «второго плана» – это поведение заключенного в тюрьме, его участие в программах, наличие дисциплинарных взысканий и другие актуарные инструменты для определения степени риска (Ruhland et al., 2017. P. 27). Факторы «третьего плана» представляют собой мнения, включая важнейшее – показания заключенного и менее значимые – мнение судьи, выносившего приговор, мнение прокурора и мнение семьи заключенного (Ruhland et al., 2017. P. 27). В тенденции считать факторы «третьего плана» наименее важными прослеживается одно исключение, касающееся участия пострадавшего (Ruhland et al., 2017. P. 27). Фактически значимость этого участия резко возросла с течением времени по сравнению со значимостью иных мнений (Burkes et al., 2017. Pp. 23–24). Это совпадает с подъемом движения за права пострадавших, которое выступает за большую вовлеченность пострадавших в уголовный процесс.

С. Движение за права пострадавших и УДО

До 1970-х гг. степень участия пострадавшего в уголовном процессе определялась задачами прокуратуры, направленными на вынесение приговора (Young, 2016. P. 435). Концепция прав пострадавших привлекла внимание после публикации в 1982 г. фундаментального труда «Финальный отчет президентской рабочей группы по проблемам жертв преступности», в котором отмечалось, что современная система уголовного правосудия не столько защищает, сколько «обременяет» пострадавших (Herrington et al., 1982). В результате появилось движение, которое успешно борется за увеличение вовлеченности пострадавших во все аспекты процесса уголовного правосудия, от вынесения приговора до условно-досрочного освобождения (Young, 2016. Pp. 435–439).

Движение ставило своей целью предотвратить известную проблему вторичной виктимизации, когда действия государства наносят пострадавшей стороне дополнительный ущерб (Sered, 2019), а также напомнить судьям и прокурорам, что жертвы преступлений – тоже люди и у них есть свои интересы (Morgan & Smith, 2005). Эти интересы включают: право голоса в процессе, сохранение достоинства и уважения к себе, восстановление после совершенного преступления; все это в совокупности должно снизить чувство беспомощности и разочарования в системе правосудия⁷¹.

Однако реализация этих конкретных интересов может идти различными путями. Один из них состоит в том, что государство предоставляет пострадавшей стороне инструментальную роль, давая возможность непосредственно влиять на сам процесс наказания⁷². Другой подход – предоставить жертвам экспрессивную роль, когда они могут выразить свои переживания с катартическими и терапевтическими целями, даже если их показания не повлияют на окончательное решение⁷³. Как установили ученые в области процессуального права, в обоих случаях оценка справедливости принятого решения базируется не только на конечном результате, но скорее на процессе, с помощью которого оно было принято (Giannini, 2010). Если сам процесс не отличается справедливостью, то пострадавшие могут сомневаться в законности процедуры и чувствовать повторную виктимизацию (Giannini, 2010. Pp. 86–92). Однако если процедура справедлива, она может стать

⁶⁹ Там же. P. 33.

⁷⁰ См., например, (Virginia Parole Board, 2020).

⁷¹ См. (Robinson, 2002); см. также (Bazelon & Bruce A. Green, 2020).

⁷² См. (Morgan & Smith, 2005. P. 336). Однако см. (Robinson, 2002. Pp. 755–757) (оспаривается уместность такого подхода, поскольку прямое влияние пострадавшей стороны вызывает целый ряд проблем, учитывая, что жертвы не являются беспристрастными; это может увеличить неравномерность наказаний, так как пострадавшие могут выступать за более мягкие или более суровые наказания).

⁷³ См. (Robinson, 2002. Pp. 755–757). Кроме того, в контексте условно-досрочного освобождения в некоторых штатах пострадавшим предлагается возможность встречи с преступником после вынесения приговора для обсуждения своих чувств и других вопросов. См. (Victim Offender Dialogue, 2021).

позитивным опытом, когда повторной виктимизации не происходит, даже если они не согласны с окончательным решением (Giannini, 2010. Рр. 86–92). По мнению теоретиков в области процессуального права, для достижения такого эффекта процедура должна гарантировать, что: (1) пострадавшие могут высказаться о своих переживаниях, (2) лицо, принимающее решения, остается нейтральным, (3) пострадавшие считают лицо, принимающее решения, внимательным и достойным доверия, (4) с пострадавшими обращаются уважительно в течение всего процесса (Giannini, 2010. Рр. 90–91).

Существуют различные способы защиты интересов пострадавших в целом, но права пострадавших в контексте УДО чрезвычайно расширились, так что участие пострадавшей стороны в слушаниях по УДО стало почти настолько же обычным, как и при вынесении приговора (Roberts, 2009). Лоббирование от лица пострадавших привело к тому, что советы по УДО утвердили давно ожидаемые бюро по работе с пострадавшими (Victims' Rights in the Parole Process, 2021; Victims Services, 2021; Victim Services: Information for Crime Victims, 2021) и расширили системы оповещения пострадавших о любых изменениях в их делах (Roberts, 2009. Рр. 348, 383). Многие штаты перешли от предоставления пострадавшим экспрессивной роли к предоставлению им инструментальной роли в процессе и активно рассматривают мнение пострадавших при принятии решения об УДО⁷⁴. Однако, как показывают дела Германа Белла и Серхана Б. Серхана, существует большая вероятность того, что советы по УДО непоследовательны в учете мнения пострадавшей стороны, что может привести к обманутым ожиданиям как пострадавших, так и заключенных.

Д. Сильный, но противоречивый эффект от участия пострадавших

В данном разделе показано, во-первых, какую информацию предоставляют пострадавшие, и, во-вторых, как участие пострадавших повлияло на процесс принятия решений по УДО с момента введения этой практики.

1. Что говорят пострадавшие?

Большинство пострадавших выступают на слушаниях против освобождения заключенного⁷⁵, однако некоторые выступают за освобождение⁷⁶. Что именно содержится в их заявлениях, не всегда известно, так как в большинстве штатов эта информация является конфиденциальной⁷⁷. В нескольких штатах мнение пострадавшего сообщают заключенному, еще в нескольких его сообщают заключенному, если оно обнародуется на публичных слушаниях⁷⁸.

Содержание того, что пострадавшие сообщают как за, так и против освобождения, значительно отличается, поскольку указания советов на этот счет очень скудны. Например, во многих штатах пострадавших прямо спрашивают, следует ли освободить заключенного, но не просят предоставить конкретное обоснование своего мнения⁷⁹. Советы по УДО часто способствуют субъективному толкованию фактов⁸⁰, так как просят пострадавших поделиться любой информацией, какую они считают относящейся к делу⁸¹. Например, совет штата Алабама разрешает пострадавшим присутствовать на слушании по УДО и называть любые причины, по которым заключенного не следует освобождать⁸². Наиболее конкретные указания потерпевшим – рассказывать о долгосрочных последствиях преступления, таких как финансовые потери или нетрудоспособность, или дать любую информацию, которая может помочь совету определить вероятность совершения нового преступления данным заключенным⁸³.

⁷⁴ См. выше Раздел I.B.2.

⁷⁵ См. (Rhine et al., 2017. Р. 317).

⁷⁶ См. выше прим. 7 и соответствующий текст.

⁷⁷ См. (Ruhland et al., 2017. Р. 29).

⁷⁸ См. Там же.

⁷⁹ См. (Victims' Rights in the Parole Process, 2021) («Пострадавший может возражать против УДО и обосновать свое мнение, либо попросить, чтобы его уведомили перед принятием того или иного решения по УДО»); см. также (Making a Statement: Victim Input into the Parole Process) (сообщается, что адвокат пострадавшего может подать заявление в совет об отказе в УДО).

⁸⁰ См. (Roberts, 2009. Рр. 388–389).

⁸¹ См. Там же.

⁸² (Victim Services Brochure, 2021).

⁸³ См. (Roberts, 2009. Р. 388) (обсуждается подход к участию пострадавшего в штате Нью-Джерси).

Хотя о содержании конфиденциальных заявлений пострадавших известно немного, на самом деле лишь около 10 % пострадавших приходят на слушания (Young, 2016. Р. 456). Среди возможных причин этого – желание избежать болезненных воспоминаний, нецелесообразность таких посещений и даже незаинтересованность в них (Young, 2016. Рр. 480, 489). Интересно, что, судя по опросу в штате Калифорния, многие члены совета считали уровень посещения слушаний пострадавшими более высоким (от 20 до 30 %), т. е. субъективно завышали степень их участия в процессе (Young, 2016. Р. 456). В следующем разделе мы рассмотрим реальный эффект от участия пострадавших в принятии решений по условно-досрочному освобождению.

2. Эффект от участия пострадавших

Многочисленные исследования позволяют считать, что участие пострадавших может быть и часто действительно является важнейшим фактором в принятии решений по УДО. Первая эмпирическая работа в этой области, проведенная в 1994 г. в Пенсильвании, показала, что в условно-досрочном освобождении было отказано в 43 % слушаний, на которых присутствовали пострадавшие, и только в 7 % слушаний, на которых они не присутствовали (Parsonage et al., 1992). Хотя это исследование было основано на маленькой выборке, оно выявило тревожный феномен. Последующие работы подтвердили этот результат; так, в одном из интервью руководитель совета по УДО сообщил, что «если совет не рассматривает заявление пострадавшего, то отклоняет 40–50 % прошений об УДО, а если пострадавший подает заявление, то число отказов резко возрастает до примерно 80 %» (Morgan & Smith, 2005. Р. 339). В исследованиях, проведенных в штатах Алабама⁸⁴ и Калифорния⁸⁵, было обнаружено, что если пострадавшие или их родственники выступают на слушании, то члены совета гораздо реже выносят решение об УДО⁸⁶. В исследовании в Алабаме был выявлен значительный эффект от письменных и еще более сильный от устных заявлений пострадавших, а также было показано, что участие пострадавших в целом является вторым по значимости предиктором отказа в условно-досрочном освобождении (Morgan & Smith, 2005. Рр. 355–357)⁸⁷.

Кроме того, заключенные уверены, что пострадавшие могут повлиять на решение об УДО⁸⁸. В одной из работ «было обнаружено, что почти треть членов советов считали, что заключенные просили перенести слушание или отказывались от него, если предполагалось участие пострадавшей стороны» (Rhine et al., 2017. Рр. 317–318)⁸⁹. В том же исследовании 13 членов советов также утверждали, что присутствие пострадавшего негативно влияет на заключенного и может ухудшить его выступление на слушании⁹⁰. Возможно, этот страх происходит от того, что советы по УДО редко называют причины своих отказов⁹¹, а также стремятся не выносить противоречивых решений, например, не освобождать заключенного, если пострадавший против этого⁹².

Также и многие члены советов считают, что пострадавшие могут значительно повлиять на процесс принятия решений по УДО. В одном из исследований 40 % членов советов назвали участие пострадавших «очень существенным» (Rhine et al., 2017. Р. 317). В другой работе 90 % из 52 членов советов в США и Канаде признали, что участие пострадавших повлияло на принятие решений по УДО⁹³.

⁸⁴ См. (Smith et al., 1997) (показано, что участие пострадавшего является очень значимым предиктором принятия решений по УДО, так как число положительных решений снижается, когда пострадавшие участвуют в процессе); см. также (Morgan & Smith, 2005. Рр. 354, 357) («Чем выше степень участия пострадавших, тем выше вероятность отказа в УДО... Чем больше протестных обращений будет в досье заключенного, чем больше людей выступают против него на слушаниях, тем скорее прошение об УДО будет отклонено).

⁸⁵ (Weisberg et al., 2011) (показано, что процент положительных решений по УДО вполнину меньше, когда пострадавшие участвуют в процессе, чем когда не участвуют).

⁸⁶ См. выше прим. 84–85.

⁸⁷ См. (Morgan & Smith, 2005. Рр. 355–357).

⁸⁸ См. (Rhine et al., 2017. Р. 317).

⁸⁹ См. (Rhine et al., 2017. Рр. 317–318).

⁹⁰ (Polowek, 2005).

⁹¹ См. выше прим. 68–70 и соответствующий текст.

⁹² См. (Reitz, 2020. Р. 2750); см. также (Schwartzapfel, 2015).

⁹³ (Polowek, 2005. Рр. 131–132) (обнаружено, что 13 опрошенных указали на «некоторое влияние», 26 – на «умеренное влияние» и 4 – на «существенное влияние»).

Наконец, как выяснилось, глубокая эмоциональная интенсивность показаний потерпевшего воздействует на членов советов, заставляя их отказывать в освобождении. Так, в Калифорнии, где участие пострадавших разрешено, но по закону советы не обязаны учитывать их мнение при вынесении решения⁹⁴, члены совета убеждены, что могут подсознательно изменить свое решение под влиянием показаний пострадавших⁹⁵. Один из членов совета признал, что на слушаниях легко поддаться чувствам пострадавшего, и «это действительно влияет [на них]»⁹⁶. По словам другого члена совета, любой, кто говорит обратное, т. е. что присутствие жертвы не оказывает глубокого эмоционального влияния, вероятно, лжет⁹⁷. Один респондент даже утверждал, что участие пострадавших, возможно, объясняет высокую текучку среди членов совета, так как часто очень «эмоционально [и] переворачивает душу»⁹⁸.

Доказывая, что пострадавшие значительно влияют на процесс УДО, исследователь Джулиан В. Робертс (*Julian V. Roberts*) утверждает, что это влияние сильнее, чем на вынесение приговора (Roberts, 2009. Рр. 396–397). Прежде всего ученый отмечает, что совет по УДО в большей степени действует произвольно, чем судья при вынесении приговора (Roberts, 2009. Р. 397). Во-вторых, он указывает, что пострадавшие в основном стремятся не допустить освобождения, тогда как при вынесении приговора они могут иметь другие мотивы, например, получение компенсации (Roberts, 2009. Рр. 397–398). И в-третьих, Робертс считает, что по сравнению с профессиональными судьями члены советов хуже справляются с предвзятостью и более склонны обращать внимание на обвинительные факты, чем на оправдательные (Roberts, 2009. Р. 398), так как они зачастую не имеют юридического образования, зато являются политически ангажированными, и для них важна общественная поддержка прав пострадавших⁹⁹.

В том, что участие пострадавших может так существенно влиять на решение по УДО, есть глубокое противоречие. Некоторые ученые весьма скептически оценивают уместность такого влияния, указывая на то, что участие жертвы не добавляет никакой релевантной информации при обсуждении решения по УДО¹⁰⁰. Они выступают за то, чтобы советы фокусировались исключительно на вопросе о достаточности исправления заключенного для возвращения в общество¹⁰¹, а участие пострадавшего почти никогда не дает информации об этом¹⁰².

В свою очередь, члены советов прислушиваются к этой аргументации, и 61 % опрошенных считают, что самым важным фактором принятия решения является вероятность совершения новых преступлений заключенным, выпущенным по УДО (Burkes et al., 2017. Рр. 17–18). Как было показано выше, такой подход оставляет пострадавшим мало возможностей повлиять на решение по УДО. Кроме того, многие члены советов уверены, что показания потерпевших нельзя рассматривать на слушаниях по УДО¹⁰³. По результатам опроса 1988 г., 44 % членов советов считали, что показания пострадавших важны, но 37 % опрошенных не согласились или категорически не согласились с тем, что пострадавшим вообще можно разрешать давать показания (Burkes et al., 2017. Р. 18)¹⁰⁴. Важно отметить, что, хотя такие мнения по-прежнему существуют, все больше членов советов говорят о значимости показаний потерпевших. Сравнительное исследование 2015 г. показало, что 18 из 31 члена советов были согласны или совершенно согласны, что пострадавшие предоставляют ценную информацию, при этом всего двое выразили категорическое несогласие и 11 человек не дали ответа¹⁰⁵. Таким

⁹⁴ (Young, 2016. Р. 478, n. 274) (уточняется, что в штате Калифорния нет обязательного требования учитывать показания пострадавшего при вынесении решения по УДО). Однако см., например, (Making Parole Decisions, 2021) (отмечается, что в штате Пенсильвания члены советов по УДО по закону обязаны учитывать мнение пострадавшего при вынесении решения).

⁹⁵ (Young, 2016. Р. 472, n. 240).

⁹⁶ (Young, 2016. Р. 460) (выделено в оригинале).

⁹⁷ См. Там же.

⁹⁸ Там же. Р. 461.

⁹⁹ См. (Roberts, 2009. Р. 398); см. также Раздел I.B.1 (описывается в целом состав советов по УДО).

¹⁰⁰ См. (Roberts, 2009. Р. 386); см. также (Rhine et al., 2017. Р. 318).

¹⁰¹ См. (Roberts, 2009. Рр. 385–386).

¹⁰² См. там же, р. 347; см. также (Young, 2016. Рр. 485–486).

¹⁰³ (Burkes et al., 2017. Р. 18).

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

образом, в уместности участия пострадавших теперь сомневаются меньше членов советов, однако взгляды на важность такого участия значительно расходятся.

Эта разница в подходах к показаниям потерпевших отражается также в том, что те же самые члены совета в Калифорнии, которые описывали свою эмоциональную нагрузку от участия потерпевших¹⁰⁶, почти единодушно отметили, что «редко придают ему значение»¹⁰⁷, потому что в штате оно не считается определяющим фактором для освобождения¹⁰⁸. Они утверждали, что участие пострадавших не влияет на их решения, так как основной вопрос, решаемый на слушании, – это риск рецидивизма, а не мнение жертв уже совершенного преступления, а также что «принимать во внимание показания пострадавших было бы несправедливо по отношению к тысячам пострадавших, которые не захотели или не смогли прийти на слушания»¹⁰⁹.

При этом те же члены совета единогласно поддержали участие пострадавших без всяких ограничений¹¹⁰, так как это обеспечивает процедурную и нравственную законность слушаний, напоминает членам совета об интересах пострадавших, а для последних может иметь терапевтический эффект¹¹¹. Также эту поддержку участия пострадавших членами совета, которые при этом не признают его влияния на свои решения, можно объяснить тем, что они считают в корне неверным не дать пострадавшим возможности выразить свои чувства, когда преступника, принесшего им столько горя, могут выпустить на свободу¹¹². Таким образом, в штате Калифорния сложилась парадоксальная ситуация, когда участие пострадавших единодушно поддерживается всеми, при этом утверждается, что оно никак не влияет на принимаемые решения по УДО; тем самым пострадавшим отдается экспрессивная роль, подкрепляющая процедурную целостность процесса¹¹³.

Тем не менее участие пострадавших, как оказалось, имеет огромное влияние на решения по УДО в большинстве юрисдикций. Эмпирические исследования однозначно показали, что не только участие пострадавших является надежным предиктором отказа в освобождении, но и что члены советов и заключенные считают такое участие довольно важным, а иногда и определяющим. Более того, эмоциональный характер показаний пострадавших не может не влиять на членов советов¹¹⁴. Однако оцениваются эти показания непоследовательно, так как участие пострадавших считается неуместным в некоторых юрисдикциях и некоторыми отдельными членами советов¹¹⁵, что, в свою очередь, может придавать им различный вес в процессе анализа¹¹⁶. При этом те же самые члены советов часто воспринимают участие пострадавших в слушаниях как неизбежное условие целостности процесса; это показывает, что даже скептически настроенные члены советов признают, что пострадавшие играют какую-то роль в процессе условно-досрочного освобождения¹¹⁷.

Итак, мы видим, что большинство советов по УДО признают влияние участия пострадавших, однако нет единого мнения о том, каково это влияние. В Разделе II мы рассмотрим проблему неопределенности надлежащей роли пострадавших, которая является следствием существования нескольких различных подходов к целям и задачам условно-досрочного освобождения. Мы изучим, как каждый из этих подходов оценивает роль пострадавшего.

¹⁰⁶ См. выше прим. 95–98 и соответствующий текст.

¹⁰⁷ (Young, 2016. P. 473).

¹⁰⁸ См. Cal. Code Regs. tit. 15, §§ 2281(c), 2402 (2021) (право голоса пострадавших не выделяется как фактор определения уместности освобождения).

¹⁰⁹ См. (Young, 2016. Pp. 472–473) (выделено в оригинале).

¹¹⁰ Там же, pp. 455–456. Кроме того, в Калифорнии участие пострадавших может вылиться в затягивание слушаний, так как они могут говорить часами, нарушая график работы совета. См. Там же, pp. 456–457.

¹¹¹ Однако см. Там же, pp. 475–476 (утверждается, что для некоторых людей участие в слушаниях может иметь терапевтический эффект, но члены советов отмечают также, что пострадавшие могут растревать свои эмоции, фокусируясь на ненависти к преступнику без положительного эффекта для себя).

¹¹² См. Там же. P. 483.

¹¹³ См. Там же. Pp. 477.

¹¹⁴ См. Там же. Pp. 460–461.

¹¹⁵ См. выше прим. 103–109 и соответствующий текст.

¹¹⁶ См. выше прим. 103–105 и соответствующий текст.

¹¹⁷ См. выше прим. 110–112 и соответствующий текст.

II. Неопределенность цели: произвольное освобождение и уместность участия пострадавшего

Давно прошли те времена, когда пострадавшие играли второстепенную роль в процессе УДО и были лишь пассивными свидетелями. Возрастает не только степень их участия¹¹⁸, но и все больше советов по УДО включают показания пострадавших как обязательный элемент при вынесении решения, поскольку штаты один за другим признают важность мнения пострадавших¹¹⁹. В настоящее время в большинстве штатов от совета по УДО требуется «рассматривать» или «оценивать» показания пострадавших при вынесении решения об освобождении¹²⁰. Советы по УДО и до этого являлись непрозрачными институтами с широкими полномочиями¹²¹, а упомянутые инструкции дают им возможность решать, насколько показания пострадавших релевантны целям произвольного освобождения¹²². В итоге участие пострадавших оценивается непоследовательно, что может иметь негативные результаты для заключенных¹²³, но также и для самих пострадавших, так как последние могут подвергнуться повторной виктимизации из-за обманутых ожиданий¹²⁴. Существующее положение вещей приводит к возникновению системы, в которой пострадавшие играют двоякую роль, поскольку законодатели штатов не могут объяснить, для чего они требуют от советов учитывать показания пострадавших. Эта неоднозначность ставит еще более важный вопрос: каковы задачи произвольного условно-досрочного освобождения в целом? Ответ на этот вопрос может прояснить, является ли участие пострадавших релевантным для вынесения решения об УДО или нет.

В Разделе II мы попытаемся разрешить противоречие, связанное с целями участия пострадавших в процессе УДО, выделив на основе теории и практики четыре подхода к пониманию решений по УДО. Затем мы рассмотрим, какое значение придается участию пострадавших в рамках каждого подхода. Эти подходы имеют некоторое теоретическое обоснование и в определенной степени объясняют, что происходит на практике. Они не исключают друг друга, так как каждый подход объединяет одни и те же факторы, лишь ставя акцент на одном из них. Мы выявим преимущества и последствия этих четырех подходов и присущего каждому из них отношения к участию пострадавших, что позволит обрисовать, как *следует* оценивать это участие.

В Разделе II.A представлен наиболее теоретически обоснованный взгляд на произвольное условно-досрочное освобождение, а именно что решение об УДО является в первую очередь суждением об исправлении заключенного. Такой подход делает практически любое участие пострадавшего нерелевантным¹²⁵. Однако, учитывая, что советы по УДО все же рассматривают показания пострадавших, этой теории недостает объяснительной силы. В Разделе II.B показан второй подход к условно-досрочному освобождению, согласно которому, хотя исправление заключенного должно иметь место, решение является также суждением о том, были ли достигнуты цели приговора. В таком понимании роль пострадавшего столь же важна, что и при вынесении первоначального приговора. Эта теория, вероятно, более убедительна, чем теория исправления, однако она также не обладает достаточной объяснительной силой, поскольку данные показывают, что участие пострадавшего сильнее влияет на решение об УДО, чем на вынесение приговора¹²⁶. Далее, в Разделе II.C представлен третий подход к пониманию процесса УДО – как решения, ориентированного на пострадавшие-

¹¹⁸ См. (Young, 2016. P. 439).

¹¹⁹ См. выше Parts I.C, I.D.2.

¹²⁰ См. (Young, 2016. Pp. 478–479). Например, в штате Колорадо совет по УДО «должен рассматривать всю совокупность обстоятельств, включая... показания или письменное заявление пострадавшего или члена его семьи». Colo. Rev. Stat. § 17-22.5-404(4)(a)(I) (2021). Тот же подход применяется в штате Нью-Джерси. См. (N.J. State Parole Bd., 2012).

¹²¹ См. выше Раздел I.A; см. также выше Раздел I.B.2.

¹²² Члены совета, участвовавшие в слушаниях по делу Германа Белла, отметили, что выражение прощения со стороны одного пострадавшего является важным, но не рассматривали заявление Дианы Пиаджентини как основание для отказа в УДО. См. Piagentini v. N.Y. State Bd. of Parole, 176 A.D.3d 138, 148 (N.Y. App. Div. 2019) (судья Egan, несогласие).

¹²³ См. выше Раздел I.D.2.

¹²⁴ См. (Roberts, 2009. P. 371) (поясняется, что одним из негативных последствий участия пострадавшего является то, что пострадавший будет недоволен, если его реальное влияние на принятие решения по УДО окажется меньше ожидаемого).

¹²⁵ См. там же. Pp. 385–386; см. также (Rhine et al., 2017. P. 318).

¹²⁶ См. выше Раздел I.D.2.

го. В этом случае любое участие пострадавшего будет иметь большой вес. В рамках четвертого подхода на практических примерах показано, что значение участия потерпевшего может зависеть от того, как потерпевший относится к заключенному. Таким образом, в Разделе II.D утверждается, что, помимо исправления, достижения целей приговора и отношения пострадавшего, члены совета при вынесении решения учитывают мнение общественности, так как решение об условно-досрочном освобождении по своей сути является политическим. В рамках этого подхода участие пострадавшего релевантно в той мере, в какой он вызывает сочувствие у общественности.

А. Исправление как ключевой детерминант произвольного освобождения

Согласно самому распространенному теоретическому истолкованию условно-досрочного освобождения, его основная задача состоит в том, чтобы установить, произошло ли исправление, и вознаградить это исправление путем освобождения¹²⁷. Соответственно, при вынесении решения об УДО советы сосредотачиваются на «двух главных вопросах: представляет ли заключенный значительный риск для сообщества и будет ли его условно-досрочное освобождение способствовать его исправлению?» (Roberts, 2009. Pp. 385–386). Полномочия советов по УДО ограничены, так как, по утверждению Робертса, «на пути от вынесения приговора до условно-досрочного освобождения система правосудия все меньше интересуется наказанием, переключаясь главным образом на вопросы риска и исправления преступника»¹²⁸.

В рамках режима неопределенного наказания идея состоит в том, что совет по УДО должен руководствоваться минимальным сроком, назначенным судьей при вынесении приговора, считая, что этот срок достаточен для достижения целей наказания, за исключением исправления, т. е. карательных и сдерживающих целей (Rhine et al., 2017. P. 297). При таком подходе совет не должен отказывать в условно-досрочном освобождении, основываясь на убеждении, что более долгое заключение необходимо в карательных целях; напротив, советы по УДО должны фокусироваться исключительно на непосредственных свидетельствах способности заключенного вести законопослушную жизнь в случае освобождения (Roberts, 2009. P. 352). Иными словами, при определении степени исправления «в центре расследования находится заключенный, а не преступление» (Young, 2016. P. 438).

Такое толкование условно-досрочного освобождения часто отражается в заявлениях советов по УДО; например, совет штата Калифорния отмечал, что «цель слушаний состоит в том, чтобы установить, представляет ли освобождение данного заключенного неоправданный риск для общества» (Information Considered at a Parole Suitability Hearing, 2021). На сайте совета по УДО штата Виргиния говорится: «Миссия совета – давать условно-досрочное или условное освобождение заключенным, если оно совместимо с общественной безопасностью» (Va. Parole Bd., 2021). Миссия совета штата Огайо формулируется просто: «Снижать уровень рецидивизма среди тех, с кем мы соприкасаемся» (Ohio Dep't of Rehab. & Corr., 2021). Если следовать логике, что исправление – это ключевой детерминант освобождения, то становится ясно, что участие пострадавшего почти никогда не будет релевантным, а значит, оно незначимо, так как редко или вообще никогда не дает информации по этому вопросу¹²⁹. Редкие случаи, когда потерпевшие могут иметь какую-либо информацию об исправлении заключенного – это, к примеру, если заключенный отправлял им письма с угрозами или иным образом вступал с ними в контакты неприемлемого характера после вынесения приговора¹³⁰.

Однако, поскольку большинство советов поощряют пострадавших обсуждать любые темы, которые они сочтут относящимися к делу¹³¹, то пострадавшие почти исключительно и безоговорочно выступают за отказ в условно-досрочном освобождении и подробно описывают свои продолжающиеся страдания от совершенного

¹²⁷ См. (Cohen & Gobert, 2018. P. 16); см. также выше Раздел I.A.

¹²⁸ (Rhine et al., 2017. P. 318); см. также (Roberts, 2009. P. 386) (отмечается, что «таким образом, на всех этапах от вынесения приговора до условно-досрочного освобождения система правосудия уходит от своей карательной функции в сторону снижения рисков и лишь в последнюю очередь рассматривает вопрос исправления преступника»).

¹²⁹ См. (Roberts, 2009. Pp. 385–386); см. также (Young, 2016. Pp. 485–486).

¹³⁰ См. (Roberts, 2009. P. 386); см. также (Young, 2016. Pp. 438, n. 25, 487).

¹³¹ См. (Roberts, 2009. P. 388).

преступления, хотя эта информация не относится к оценке риска рецидивизма¹³². Этот распространенный тип показаний потерпевших ничего не сообщает о риске повторного совершения преступления этим заключенным; поэтому советы не должны расценивать его как основание для отказа в УДО в рамках данного подхода¹³³.

В результате создается ситуация, напоминающая ту, что описана советом по УДО штата Калифорния, когда пострадавшие участвуют в слушаниях и им говорят, что их показания важны, однако в реальности их участие никак не влияет на принимаемые решения¹³⁴. Таким образом, если условно-досрочное освобождение зависит в первую очередь от исправления заключенного, то пострадавшим отводится чисто экспрессивная роль и освобождение не зависит от их мнения (в отличие от инструментальной роли)¹³⁵. Такая роль пострадавших обусловлена идеей о том, что публичный рассказ о своем опыте может оказывать эффект катарсиса и даже терапевтический эффект как на пострадавших, так и на заключенных¹³⁶. Однако не каждое слушание является публичным, а показания пострадавшего зачастую изучаются в обстановке конфиденциальности (Ruhland et al., 2017. Р. 29). Отсюда вопрос: что может быть терапевтического в том, чтобы еще раз пережить ужасный опыт в присутствии членов совета, которых пострадавший видит впервые? Более того, если пострадавшим отводится чисто экспрессивная роль на слушаниях, значит, их обманывают относительно значимости их участия, когда убеждают, что их мнение очень важно¹³⁷. Это противоречие между словами и реальностью может привести к дальнейшей виктимизации, ведь пострадавшие столкнутся с неоправданными ожиданиями¹³⁸.

Описанный подход теоретически убедителен и соответствует концепции условно-досрочного освобождения, однако он не дает объяснения, как именно на практике принимаются решения, ведь во многих случаях пострадавшие действительно оказывают довольно большое влияние¹³⁹. Если бы все дело было только в исправлении, мнению пострадавшего не придавали бы совершенно никакого значения и, вероятно, вообще не привлекали бы его к процессу. Это заставляет спросить: неужели советы постоянно руководствуются неприемлемыми критериями при оценке показаний пострадавшего? Или же исправление не является ключевым детерминантом условно-досрочного освобождения, поскольку решение о таком освобождении принимается в том числе по другим важным соображениям?

В. Произвольное освобождение как схема изменения приговора

Если в рамках режима неопределенного наказания советы по УДО должны работать рука об руку с судьей, выносящим приговор, и совместно определять реальный срок заключения (Slater, 2020), то произвольное освобождение может также интерпретироваться как квазисудебная оценка степени достижения целей приговора. Это требует как минимум оценки не только достижения исправления заключенного, но также других целей наказания: карательной и сдерживающей¹⁴⁰. Карательная цель выражается в следующем принципе наказания: «Преступники должны быть наказаны пропорционально их вине», которая определяется «характером и тяжестью причиненного ущерба» и их подсудностью¹⁴¹. Этот принцип может служить обоснованием как за, так и против наказания, поскольку нельзя наказывать людей ни больше, ни меньше, чем они заслуживают¹⁴². Специфическая цель сдерживания основана на принципе наказания, который направлен на удержание обвиняемого от повторного нарушения закона через страх получить в будущем подобное наказание¹⁴³. Общая

¹³² См. (Rhine et al., 2017. Р. 317).

¹³³ См. (Roberts, 2009. Р. 392).

¹³⁴ См. выше прим. 108–113 и соответствующий текст (обсуждается разница между инструментальной и экспрессивной ролями пострадавших).

¹³⁵ См. выше прим. 72–73 и соответствующий текст.

¹³⁶ См. (Roberts, 2009. Р. 384).

¹³⁷ См. выше Раздел I.D.2.

¹³⁸ См. выше прим. 124 и соответствующий текст.

¹³⁹ См. выше Раздел I.D.2.

¹⁴⁰ См. (Green & Bazelon, 2020); см. также U.S. SENT'G GUIDELINES MANUAL 1-2 (U.S. Sent'g Comm'n 2018).

¹⁴¹ (Frase, 2005).

¹⁴² См. там же. Рр. 73–74.

¹⁴³ См. там же. Р. 70.

цель сдерживания состоит в том, что достаточно долгий срок заключения должен удерживать других потенциальных правонарушителей от совершения преступлений, внушая им страх получить подобное наказание¹⁴⁴.

Если решения по условно-досрочному освобождению должны сочетать в себе указанные элементы вынесения приговора, то советы по УДО, вероятно, могут успешно реализовывать карательную и сдерживающую функции наказания, так как они потенциально лучше знают как заключенного, так и характер совершенного им преступления, чем суд, выносивший приговор (Cohen & Gobert, 1983. Р. 19). Совет может изучить поведение заключенного после вынесения приговора (Cohen & Gobert, 1983. Р. 19), а также потенциально релевантную информацию от пострадавшего относительно последствий преступления¹⁴⁵. Например, если совет по УДО считает, что судья, выносивший приговор, проявил излишнюю снисходительность и недооценил долгосрочные последствия преступления, то он может отказать в условно-досрочном освобождении, даже если риск рецидива невелик, и тем самым сделать наказание более справедливым¹⁴⁶. По существу, этот подход предполагает, что члены совета могут встать на место судьи и угадать, каким был бы приговор, если бы он имел доступ к информации, которая известна им.

Этот подход, однако, неоднозначен, так как он может привести к искажению намерений судьи относительно приговора и понимания судьей роли совета¹⁴⁷. Если при вынесении приговора судья ожидает, что совет, имея больше информации, будет ретроспективно участвовать в вынесении приговора, то проблем не возникнет. Однако если судья считает, что при отсутствии риска рецидивизма освобождение гарантировано, то может возникнуть серьезное непонимание, так как совет может исказить предполагаемый судьей надлежащий приговор¹⁴⁸. Есть даже мнение, что нельзя позволять советам руководствоваться принципами вынесения приговора, поскольку это налагает на административный орган обязанности, обычно исполняемые судебной системой¹⁴⁹.

Кроме того, возникают сомнения в уместности такой схемы изменения приговора, так как, прежде всего, члены советов не являются судьями, часто имеют низкую квалификацию и небольшой юридический опыт¹⁵⁰. Результатом может стать рост числа отказов по карательным и сдерживающим мотивам, поскольку подходы к этим принципам варьируются в широких пределах¹⁵¹. Наконец, ряд критиков утверждают, что если приговоры недостаточно обоснованы, то исправлять эту ситуацию нужно не с помощью советов по УДО, а совершенствуя процедуры вынесения приговоров¹⁵².

Однако оказывается, что многие штаты применяют именно такой подход к системе условно-досрочного освобождения; это проявляется в том, что они поручают своим советам задачу обеспечить соответствие решений по УДО интересам общественного благополучия и степени тяжести совершенных преступлений¹⁵³. Действительно, члены советов почти единодушно утверждают, что характер и тяжесть совершенного преступления являются ключевым фактором при принятии решения об освобождении (Ruhland et al., 2017. Рр. 27–28). Например, в штате Виргиния надлежащей причиной для отказа в УДО признается характер преступления, который определяется «ущербом, нанесенным или причиненным другим лицам, масштабом преступления и его влиянием на потерпевшего и сообщество» (About the Parole Board, 2021). Представляется, что такие указания переносят принципы вынесения приговора на процедуру принятия решения по УДО, поскольку эти соображения – характер и тяжесть преступления – мало говорят о риске повторного правонарушения.

¹⁴⁴ См. там же. Р. 71.

¹⁴⁵ См. прим. 75–83 и соответствующий текст.

¹⁴⁶ См. (Roberts, 2009. Р. 392); см. также (Cohen & Gobert, 1983. Р. 19).

¹⁴⁷ См. (Cohen & Gobert, 1983. Р. 19); см. также (Roberts, 2009. Р. 392).

¹⁴⁸ См. (Schwartzapfel, 2015) (описывается, как совет по УДО штата Мичиган отказывал заключенному в течение более 30 лет, что шокировало судью, выносившего приговор, так как он считал, что данный заключенный будет освобожден после первого же слушания).

¹⁴⁹ См. там же.

¹⁵⁰ См. выше Раздел I.B.1.

¹⁵¹ См. (Frase, 2005. Рр. 70–74); см. также ниже Раздел III.B.2.

¹⁵² См. (Cohen & Gobert, 1983. Р. 19).

¹⁵³ См. выше прим. 53 и соответствующий текст; см., например, N.Y. Exec. Law § 259-i(2)(c)(A) (McKinney 2021) (утверждается, что освобождение должно отвечать «благополучию общества и не снижать серьезность правонарушения, чтобы не подрывать уважение к закону»); см. также Nev. Rev. Stat. § 213.1099 (2021); Colo. Code Regs. § 8-1511-1:6.01 (2021).

При таком подходе релевантность и значимость участия пострадавшего в слушаниях по УДО сходны с таковыми при вынесении приговора¹⁵⁴. При этом важно отметить, что пострадавшие редко оказывают влияние на вынесение приговора, так как судьи искусно игнорируют свидетельства, не имеющие доказательной ценности, такие как просьбы пострадавшего о более суровом приговоре¹⁵⁵. Однако в контексте УДО участие пострадавшего имеет значение в той мере, в какой проливает свет на действительные долгосрочные последствия преступления и, соответственно, его тяжесть; эти аспекты влияют на то, в какой степени необходима реализация карательной и сдерживающей функций. Влияние участия пострадавшего на решение об УДО будет зависеть от отношения к выполнению требуемых функций – карательной и сдерживающей¹⁵⁶. Если совет по УДО считает, что судья, выносивший приговор, неверно интерпретировал истинную степень страданий потерпевшего, а значит, и тяжесть преступления, тогда следует отказать в условно-досрочном освобождении, тем самым отразив тот факт, что минимальное наказание не выполнило свою карательную функцию пропорционально ущербу от совершенного преступления¹⁵⁷. Также релевантной будет информация от потерпевшего о том, что он прощает преступника, либо утверждает, что дальнейшее заключение будет усугублять вред, так как заключенный не может зарабатывать и оплачивать ущерб¹⁵⁸. Такая информация способствует освобождению, так как указывает на то, что со стороны пострадавшего необходимость в карательной функции уже исчерпана¹⁵⁹.

Наконец, пострадавших обычно не спрашивают о том, как, по их мнению, на них повлияет конкретный приговор¹⁶⁰, хотя в некоторых юрисдикциях США разрешены рекомендации пострадавших по поводу приговора¹⁶¹. Таким образом, если условно-досрочное освобождение понимается как схема изменения приговора, то показания пострадавшего релевантны лишь в той мере, в какой они дают информацию о реальном воздействии преступления. Как бы ни расстраивало это пострадавших, их желание воспрепятствовать освобождению, если оно никак не связано с целями наказания, не будет рассматриваться советом, потому что в рамках данной схемы оно не релевантно.

Этот подход обладает определенной теоретической убедительностью, однако если изучить вопрос глубже, то мы увидим, что он не может полностью объяснить, как советы принимают решения на практике, ведь показания пострадавших рассматриваются не только как имеющие доказательную силу в отношении приговора. Напротив, некоторые советы по УДО даже целенаправленно добиваются от пострадавших их личного мнения о том, как освобождение может повлиять на них и поддерживают ли они его¹⁶². Таким образом, необходимо пойти дальше и рассмотреть третий подход, имеющий большую объяснительную силу, а именно подход, который придает значительную ценность и важность показаниям пострадавших¹⁶³.

С. Произвольное освобождение как решение, ориентированное на пострадавшего

Решения о произвольном освобождении могут также интерпретироваться как придание высокой ценности показаниям пострадавших, поскольку члены советов, как и большинство граждан, выступают за такую систему уголовного правосудия, которая заботится о нуждах пострадавших. С тех пор как движение за права пострадавших начало добиваться их большей вовлеченности в систему уголовного правосудия (O'Hara, 2016), советы по УДО стали прилагать усилия по поощрению участия пострадавших и уверять их, что их голоса важны (Young, 2016. Р. 478). Сегодня многие советы утверждают, что пострадавшие находятся «в центре» решения по условно-досрочному освобождению (Young, 2016. Р. 478). Этот посыл, видимо, соответствует

¹⁵⁴ См. (Roberts, 2009. Pp. 373–377).

¹⁵⁵ См. Там же. Pp. 373–376.

¹⁵⁶ См. Там же. Р. 392.

¹⁵⁷ См. Там же.

¹⁵⁸ См. Там же. Р. 376.

¹⁵⁹ См. Там же.

¹⁶⁰ См. Там же. Р. 389.

¹⁶¹ См. Там же. Pp. 358–359.

¹⁶² См. Там же. Pp. 388–389; см. также выше Раздел I.C.

¹⁶³ См. выше Раздел I.C.

истине, так как участие пострадавших является значимым предиктором отказа в УДО во многих юрисдикциях¹⁶⁴. Возможно, старая система условно-досрочного освобождения исключала пострадавших из процесса, что пагубно отражалось на результатах, однако, по мнению ряда специалистов, нынешняя система, в которой пострадавшие играют инструментальную роль (Giannini, 2001), всего лишь позволяет им лучше скрывать свое чувство беспомощности во время судебного процесса (Morgan & Smith, 2005. Р. 336). Указанный подход может дать пострадавшим реальную возможность повлиять на решение об УДО.

Если мы считаем, что условно-досрочное освобождение должно отвечать интересам пострадавшего, то его участие значимо и релевантно независимо от своего содержания. Таким образом, даже если совет решит, что заключенный исправился, а карательная и сдерживающая цели приговора достигнуты, то он может все-таки отказать в освобождении, основываясь на нуждах и желаниях пострадавшего. Например, в штате Алабама заключенные почти никогда не получают условно-досрочного освобождения, если у пострадавшего есть возражения (Schwartzapfel, 2015). В штате Нью-Йорк совет не раз отменял условно-досрочное освобождение через несколько недель после вынесения решения, так как пострадавшие были недовольны тем, что им не дали возможности высказаться на слушаниях¹⁶⁵. Суды поддерживали эти случаи отмены УДО, поскольку показания пострадавших признавались «существенными» и «неизвестными» совету в период вынесения решения¹⁶⁶. Во всех этих случаях показания пострадавших касались продолжающегося страдания жертв преступлений¹⁶⁷. В настоящей работе мы не рассматриваем законодательство об отмене УДО, но такие решения показывают, что советы могут наделять пострадавших правом вето, даже если ранее совет определил, что освобождение заключенного возможно по другим критериям. Однако в одном деле с такой же последовательностью событий (после условно-досрочного освобождения пострадавшие заявили, что у них не было возможности высказаться на слушаниях¹⁶⁸) апелляционный суд штата Нью-Йорк отменил решение об отмене УДО и постановил освободить заключенного, но особо отметил, что этот случай «нельзя интерпретировать как снижение... важности заявлений пострадавших на слушаниях по условно-досрочному освобождению»¹⁶⁹.

Наконец, в рамках данного подхода все показания пострадавших придется расценивать как равноправные, независимо от того, вызывают ли они сочувствие и могут ли появиться на слушаниях, так как иначе будут нарушены принципы равенства и справедливости (Robinson, 2002. Р. 757). Мнение членов семьи убитого гангстера будет столь же значимым, как и мнение членов семьи убитого полицейского (Robinson, 2002. Р. 757). Более того, пострадавшим, которые не могут присутствовать на слушании, – будь то из-за болезни, невозможности приехать или настолько сильного физического или психологического ущерба от преступления, что они не могут или не хотят вновь переживать это событие, – должно быть оказано такое же внимание при принятии решения, что и присутствующим на слушаниях. Иначе может оказаться, что заключенный, которому было бы отказано в УДО, если бы пострадавший появился на слушании, будет освобожден только потому, что пострадавший не смог приехать. Это было бы неравноправным отношением к пострадавшим.

¹⁶⁴ См. выше прим. 84–85.

¹⁶⁵ См. *Benson v. N.Y. State Bd. of Parole*, 176 A.D.3d 1548, 1549–50 (N.Y. App. Div. 2019) (поддержано решение об отмене УДО на основании показаний пострадавшего на слушании, которое состоялось после вынесения решения об УДО, поскольку мать и один из братьев пострадавшего предоставили новые доказательства долгосрочного влияния преступления на них, и этой информации не было в распоряжении совета в момент вынесения первоначального решения); *Thorn v. N.Y. State Bd. of Parole*, 156 A.D.3d 980, 982 (N.Y. App. Div. 2017) (поддержано решение об отмене УДО на основании последующих показаний пострадавшего на слушании, когда три сестры и зять пострадавшего предоставили доказательства, не известные совету в момент принятия первоначального решения, включая информацию о том, что заключенный посылал пугающие письма одной из сестер и высказывал им угрозы при вынесении приговора); *Pugh v. N.Y. State Bd. of Parole*, 19 A.D.3d 991, 993–95 (N.Y. App. Div. 2005) (поддержано решение об отмене УДО из-за стресса детей пострадавшего от отсутствия раскаяния заключенного, что сочли значимой информацией, ранее неизвестной совету по УДО).

¹⁶⁶ См. *Benson v. N.Y. State Bd. of Parole*, 176 A.D.3d, pp. 1548, 1549.

¹⁶⁷ См. Там же. Рр. 1550–1551.

¹⁶⁸ См. выше Раздел I.B.2.

¹⁶⁹ *Costello v. N.Y. State Bd. of Parole*, 23 N.Y.3d 1002, 1004 (N.Y. 2014).

Тем не менее оказывается, что воздействие мнения пострадавших часто зависит от того, присутствовали ли пострадавшие на слушании (Morgan & Smith, 2005. Pp. 355–357), давали ли они показания устно или письменно¹⁷⁰ и вызывают ли они сочувствие, по мнению общественности¹⁷¹. Это говорит о том, что условно-досрочное освобождение, вероятно, отошло от цели движения за права пострадавших – равноправно поддерживать всех пострадавших. Признание того, что участие пострадавшего может быть относительным и ему может придаваться различный вес, дает нам возможность обрисовать четвертый подход к пониманию решений по УДО, а именно что во многих случаях это решение обусловлено политическими соображениями, так как советы по УДО подотчетны общественности.

Д. Произвольное освобождение как политическое решение

Решения по условно-досрочному освобождению можно интерпретировать также как политические решения, отражающие общественные настроения. Фактически произвольное освобождение описывали как «во многих случаях политическое решение, [потому что] члены советов обычно назначаются по политическим причинам и откликаются на эмоциональные высказывания пострадавших»¹⁷² и более масштабные требования общественности (Schwartzapfel, 2015). Такое подлаживание под общественные настроения имеет смысл, так как члены советов обычно имеют низкий профессиональный статус, не имеют гарантий в трудовой сфере и не защищены от публичного осуждения (Reitz, 2020. Pp. 2748–2749). Более того, согласно опросам, члены советов считают политическую уязвимость и требования минимизации рисков главными трудностями в своей работе¹⁷³, поскольку их часто осуждают за единственное неверное решение, тогда как сотни верных решений проходят незамеченными¹⁷⁴. В целом советы по УДО подвергаются сильному политическому давлению, когда принимают решения в пользу освобождения по резонансным делам, например, связанным с убийством полицейских, особо тяжким преступлениям или когда жертва вызывает сочувствие¹⁷⁵. Таким образом, в этих случаях руководящим принципом становится не исправление, не реализация целей приговора и даже не соблюдение прав пострадавшего, а только удовлетворение запросов общественности.

Эта идея недавно была реализована после критики освобождения Германа Белла. В 2018 г. было отказано в условно-досрочном освобождении Джалила Абдул Мунтакима, который также был осужден за убийство сотрудников полиции Пиаджентини и Джонса; при этом совет по УДО объявил: «Сообщество выражает значительный протест против вашего освобождения» (Gross, 2019). Профессор *Steven Zeidman* считает, что именно этот протест заставил совет отказать Мунтакиму¹⁷⁶. Интересно, что в штате Нью-Йорк мнение членов сообщества не включено в список факторов, обязательных для рассмотрения советом по УДО, согласно правовой норме § 259-i(2)(c)(A)¹⁷⁷. Однако суды этого штата регулярно указывают, что совет по УДО может учесть заявления граждан, помимо перечисленных в законе¹⁷⁸. Например, в деле *Applewhite v. New York State*

¹⁷⁰ См. выше прим. 87 и соответствующий текст.

¹⁷¹ Многие спорные решения советов по УДО относятся к делам об убийстве полицейских и сексуальным преступлениям, тогда как другие дела привлекают меньше внимания общественности. См. (Baker, 2018b); см. также (Bergazzi & Burkett, 2020).

¹⁷² (Marquart, 2005).

¹⁷³ См. выше Раздел I.B.1.

¹⁷⁴ См. (Reitz, 2020. Pp. 2748–2749) (этот феномен описывается как «неизбежный в данной области»); см. также (Schwartzapfel, 2015) (сообщается, что после того, как вышедший по УДО преступник убил полицейского, пять членов совета по УДО штата Массачусетс были вынуждены уйти в отставку, а губернатор штата Деваль Патрик заявил, что «общественность потеряла доверие к условно-досрочному освобождению»). После этого случая доля произвольных освобождений снизилась с 42 до 26 %. См. Там же.

¹⁷⁵ См. (Schwartzapfel, 2015) («Того, кто занял спорную позицию по резонансному делу, обычно не назначают повторно. А резонансными становятся большинство дел с участием сотрудников правоохранительных органов», – заявил Томас Грант, бывший член совета по УДО штата Нью-Йорк).

¹⁷⁶ См. (Gross, 2019) (обсуждается мнение профессора Zeidman'a о ходе процесса УДО в этом деле).

¹⁷⁷ См. N.Y. Exec. Law § 259-i(2)(c)(A) (McKinney 2021).

¹⁷⁸ См., например, *Jones v. N.Y. State Bd. of Parole*, 175 A.D.3d 1652, 1652. (N.Y. App. Div. 2019) (показано, что «письма за и против освобождения [заклученного]» являются значимым фактором); *Clark v. N.Y. State Bd. of Parole*, 166 A.D.3d 531, 531-32 (N.Y. App. Div. 2018) (утверждается, что «совет счел допустимым учитывать письма против УДО, присланные официальными лицами и гражданами»).

Board of Parole¹⁷⁹ суд отклонил аргумент заявителя о том, что «рассмотрение советом некоего неопределенного “постоянного противодействия сообщества” в отношении его условно-досрочного освобождения выходило за рамки предписанных законом факторов, подлежащих учету при вынесении решения об УДО»¹⁸⁰. Суд отметил, что мнения членов сообщества могут быть рассмотрены советом, даже если они не перечислены в качестве факторов в соответствующем законодательном акте, поскольку специальный раздел этого акта – § 259-i(2)(c)(B) – защищает конфиденциальность членов сообщества, подавших письменные показания относительно потенциального освобождения заключенного¹⁸¹. Суд постановил, что, включив это положение о конфиденциальности, «законодатель продемонстрировал явное намерение сделать эти заявления [от членов сообщества] фактором, подлежащим рассмотрению [советом] при вынесении окончательного решения по условно-досрочному освобождению»¹⁸².

Этот подход можно обосновать тем, что граждане могут проявлять определенный здравый смысл в отношении должного наказания за преступления. Возможно, следует учитывать их мнения в серьезных вопросах, например, подлежат ли вообще условно-досрочному освобождению лица, виновные в убийстве сотрудников полиции (Letter from Bill de Blasio, 2018). Однако профессор *Zeidman* считает, что мнение общественности не должно влиять на решения совета по УДО, так как иначе работа совета превращается в «состязание в популярности» (Gross, 2019).

Выражение «состязание в популярности» хорошо описывает роль пострадавших при таком подходе к УДО, так как советы оценивают, кто из пострадавших может влиять на их решения, основываясь на том, кто из них вызывает симпатии публики. Другими словами, релевантность показаний пострадавшего строго коррелирует с тем, насколько интересы пострадавшего совпадают с интересами общественности. Часто эти интересы действительно совпадают, так как группам борьбы за права пострадавших удалось завоевать симпатии общественности¹⁸³. Эти симбиотические отношения привели к колоссальному давлению на советы, которые стали крайне осторожно принимать решения об освобождении, поскольку пострадавшие и публика обычно выступают против него¹⁸⁴.

Напротив, мнение пострадавших может полностью игнорироваться, если им не удастся вызвать сочувствие к своему делу. Так, семье убитого полицейского легче получить поддержку общественности и надавить на совет, чем какому-то неприятному потерпевшему¹⁸⁵.

Как показано в разделе II, члены советов могут значительно расходиться во мнениях относительно подходов к принятию решения об УДО и учету мнения пострадавших¹⁸⁶. В результате этого возникла путаница, заявления пострадавших занимают неоднозначную позицию и неодинаково влияют на решения членов советов в зависимости от того, какого подхода те придерживаются. В этой связи в разделе III дается рекомендация определить должный подход к принятию решения об УДО и учету мнения пострадавших. Кроме того, мы рекомендуем принять более комплексный подход к процессу УДО в целом, который может стать более благоприятным для пострадавших, заключенных и членов советов.

¹⁷⁹ 167 A.D.3d 1380 (N.Y. App. Div. 2018), заявление отклонено, 32 N.Y.3d 1219 (2019).

¹⁸⁰ Там же. Р. 1381.

¹⁸¹ Там же. Рр. 1381–1382.

¹⁸² Там же. Р. 1382.

¹⁸³ См. выше Раздел I.C.

¹⁸⁴ См. (Schwartzapfel, 2015) («Группы в защиту прав пострадавших оказывают сильное давление, заставляя советы быть суперконсервативными, – заявил председатель совета по УДО штата Пенсильвания МакВей. – В штате Алабама очень политизированное сообщество, выступающее в защиту прав пострадавших», влияющее на решения совета по УДО»).

¹⁸⁵ См. Santos v. Brown, 189 Cal. Rptr. 3d 234, 237 (Ct. App. 2015) (поддержано ходатайство тогдашнего губернатора Шварценеггера о смягчении наказания Эстебана Нуньеса, несмотря на возражения членов семьи погибшего, которые не получили уведомления и не смогли представить заявления перед вынесением решения). Отец Эстебана Нуньеса был видным членом законодательного собрания штата Калифорния от демократической партии и имел теплые отношения с тогдашним губернатором Шварценеггером; последний заявил, что его ходатайство было продиктовано стремлением помочь другу. См. (Rosenhall & Watson, 2020).

¹⁸⁶ См. также выше прим. 104–106 и соответствующий текст.

III. Прояснение ситуации: Как следует относиться к участию пострадавших

Дело Германа Белла высветило множество нерешенных проблем относительно принятия решения об УДО и роли пострадавших в этом процессе. Существующая система не решает эти насущные проблемы, но дает советам по УДО большие полномочия в подходах к учету мнения пострадавшего¹⁸⁷. Чтобы разобраться в этой ситуации, мы выделили четыре подхода к произвольному освобождению, каждому из которых присущ свой метод оценки показаний пострадавших¹⁸⁸. По этим подходам видно, насколько различные варианты действий доступны членам совета и как при отсутствии руководства они могут приводить к неоправданным ожиданиям и непоследовательным решениям. Если такое положение сохранится, члены советов могут отдать весь процесс на откуп пострадавшим, что приведет к росту доли отказов в условно-досрочном освобождении¹⁸⁹.

Соответственно, чтобы прояснить, какую же позицию должны занять советы по УДО, необходимо рассмотреть все преимущества и последствия участия пострадавших в процессе. Присутствие пострадавших на слушаниях имеет свои негативные последствия; в их числе – неприемлемая ситуация, когда члены совета вынуждены решать, как учесть мнение пострадавших, вызвав недоверие общественности¹⁹⁰. Кроме того, участие пострадавших подрывает сами основы условно-досрочного освобождения как инструмента исправления заключенного, так как исправившимся заключенным отказывают в освобождении, т. е. нарушается ключевой принцип системы неопределенного приговора – стимулирование исправления (Pisciotta, 1983. Рр. 616–617). Эта ситуация вызвала критику; многие призывают исключить участие пострадавших или ограничить их влияние¹⁹¹. Однако участие пострадавших имеет и положительные стороны: они чувствуют, что их мнение услышано, их законные интересы защищены, их страдания получили признание, что вызывает рост доверия к системе уголовного правосудия¹⁹². Более того, было бы неправильно полностью отстранить пострадавших от участия в процессе или отказать им в каком-либо влиянии на него (Young, 2016. Рр. 482–483), поскольку это само по себе имеет негативные последствия, такие как вторичный вред для пострадавших, которые при этом считают, что государство их игнорирует (Sered, 2019. Рр. 30–31) или, что еще хуже, что государство не обеспечило им того влияния, которое обещало (Roberts, 2009. Р. 371). Достижение баланса между отсутствием участия пострадавших и их значительным влиянием критически важно для будущего успешного функционирования системы условно-досрочного освобождения. Необходимо прояснить должные задачи УДО, не оставляя их на откуп отдельных членов советов.

С этой целью в разделе III мы рекомендуем признать произвольное условно-досрочное освобождение одновременно и инструментом исправления, и моделью изменения приговора. Соответственно, показания пострадавшего должны влиять на решение об освобождении только в том случае, если они содержат не эмоции, а информацию, подтверждающую либо что заключенный не исправился, либо что назначенный судьей минимальный срок наказания не отражает воздействия преступления, а значит, не достигает карательной и сдерживающей целей наказания. Если свидетельства пострадавшего, по мнению совета по УДО, доказывают, что исправительная, карательная и сдерживающая цели наказания не достигнуты, то эти свидетельства должны законным образом влиять на решение об освобождении. При этом пострадавшим следует разрешить свободно участвовать в процедуре УДО, даже если их влияние на вынесение конкретного решения будет ограничено вышеописанным образом. В разделе III.A представлено обоснование того, почему решение об освобождении следует считать изменением приговора, которое при этом способствует исправлению, и как в этом случае следует понимать цели приговора и относиться к показаниям пострадавшего. В разделе III.B рассмотрены последствия применения наших рекомендаций и процедурные изменения, которые потребуются для их последовательной и справедливой реализации, не затрагивающей законных интересов и ожиданий пострадавших и заключенных. В разделе III.C показано, что в случае применения предложенных рекомендаций

¹⁸⁷ См. выше прим. 38–48 и соответствующий текст; см. также (Medwed, 2008. Рр. 508–509).

¹⁸⁸ См. выше Раздел II.

¹⁸⁹ См., например, (Polowek, 2005. Рр. 131–133; Morgan & Smith, 2005. Р. 336; Parsonage et al., 1992. Р. 193).

¹⁹⁰ См. выше Раздел I.D.2.

¹⁹¹ См. (Roberts, 2009. Рр. 384–385; Young, 2016. Рр. 485–486; Rhine et al., 2017. Рр. 316–319).

¹⁹² См. выше Раздел I.C.

следует позаботиться о том, чтобы не нанести вторичного вреда пострадавшим, а советы по УДО должны выйти за рамки дихотомии освобождений и отказов и мыслить категориями обеспечения правосудия и блага для пострадавших.

А. Информация, а не эмоция: ограничение влияния пострадавших на произвольное освобождение

Мы предлагаем, чтобы советы по УДО относились к решениям об освобождении как к инструменту исправления и достижения целей приговора. На эти решения должна влиять только та информация, поступающая от пострадавшего, которая помогает раскрыть вопрос о степени исправления заключенного или степени достижения целей приговора. Такой подход к произвольному условно-досрочному освобождению приведет к более справедливому, последовательному и беспристрастному отношению к показаниям пострадавшего, чем другие подходы, а именно когда решение об освобождении ориентировано на пострадавшего или зависит от запросов общественности¹⁹³. Кроме того, этот подход позволяет воспользоваться всеми преимуществами хорошо функционирующей системы неопределенных приговоров, среди которых: сокращение затрат, снижение переполненности тюрем, наличие у заключенных мощного стимула к хорошему поведению и исправлению (Rhine et al., 2017. Pp. 280–281)¹⁹⁴.

Прежде всего, мы выступаем за такой более ограниченный подход к участию пострадавшего потому, что предоставление или отказ в условно-досрочном освобождении следует расценивать как квазисудебный акт, основанный на законе и фактах (Rhine et al., 2017. Pp. 280–281). Это очень важное решение, определяющее, сколько времени человек проведет за решеткой; оно должно основываться на таком же тщательном и объективном анализе, что и судебный приговор (Rhine et al., 2017. Pp. 280–281). Члены совета должны определить, достаточно ли исправился заключенный, чтобы вести законопослушную жизнь, а также должны оценить показания пострадавшего о влиянии преступления на его жизнь, поскольку общество заинтересовано в исполнении наказания пропорционально нанесенному вреду (Frase, 2005. Pp. 68, 70, 75). Если совет по УДО сочтет, что судья неверно оценил степень страданий жертвы, а значит, и тяжесть преступления, то он может отказать в условно-досрочном освобождении, отразив тем самым тот факт, что минимальное наказание не достигло карательной цели пропорционально влиянию содеянного (Roberts, 2009. P. 392). Разумеется, предоставление членам советов возможности оценивать основания приговора само по себе несет риски¹⁹⁵.

Во-вторых, влияние пострадавших на решение об УДО должно быть ограничено потому, что система уголовного правосудия не обязательно должна руководствоваться интересами пострадавших. Как судья при вынесении приговора обычно игнорирует «внеправовые» материалы, например, мнение пострадавшего о наказании, а руководствуется лишь информацией о последствиях преступления (Roberts, 2009. Pp. 374–376), так и совет по УДО должен учитывать только информацию о риске рецидивизма и реальном влиянии преступления. Члены совета не должны брать во внимание эмоциональные высказывания потерпевшего о конкретных видах наказания. Может показаться, что при таком подходе к жертвам относятся грубо и отодвигают их на второй план, как это происходило раньше, когда система уголовного правосудия игнорировала пострадавших (Herrington et al., 1982. P. 114), однако фактически в контексте условно-досрочного освобождения недопустимо основываться ни на эмоциональном стремлении потерпевшего к более суровому наказанию, ни на возможной снисходительности потерпевшего. Как справедливо указывает профессор *Susan Bandes*, важно не смешивать вопросы о том, чего хочет жертва и что должна обеспечить правовая система (Bandes, 2000). Интересы пострадавших не должны влиять на реализацию прав преступника и интересов общества; с другой стороны, правовая система должна адекватно учесть принципы справедливости и надлежащих правовых процедур в свете значительных последствий и возможных ошибок (Bandes, 2000. P. 1606).

¹⁹³ См. выше Parts II.C-D.

¹⁹⁴ См. выше прим. 24–26 и соответствующий текст.

¹⁹⁵ Последствия придания советам по УДО полномочий по переоценке принципов вынесения приговора обсуждаются ниже, в Разделе III.B.2, где описываются процедурные изменения, которые могут быть сделаны для того, чтобы совет не был чрезмерно сфокусирован на карательных или сдерживающих задачах, так как может быть сложно оценить степень их достижения.

Иные подходы в сфере условно-досрочного освобождения просто неприемлемы. Так, подход, ориентированный на пострадавшего¹⁹⁶, и подход, учитывающий мнение пострадавшего в той мере, в какой оно совпадает с общественным мнением¹⁹⁷, недопустимы потому, что порождают целый спектр проблем со справедливостью. Кроме того, они противоречат целям системы неопределенных приговоров, а именно: (1) сокращение финансовых затрат на тюремное заключение, (2) борьба с перенаселенностью тюрем, (3) обеспечение сильного стимула для заключенных следовать тюремным правилам и достигать исправления¹⁹⁸.

Как показано во многих исследованиях, если советам по УДО предоставляется право самим определять значение участия пострадавших для принятия решения, то это значение оказывается высоким¹⁹⁹; однако на слушания приходят лишь 10 % потерпевших, что вызывает сомнения в равноправном отношении к заключенным (Young, 2016. Р. 456). Аналогичным образом сомнения возникают и в равноправном отношении к пострадавшим, поскольку те из них, кто может себе позволить прибыть на слушания, пользуются преимуществом со стороны членов совета, тогда как мнение тех, кто не смог приехать, даже по не зависящим от них причинам, игнорируется (Young, 2016. Рр. 488–489). Если решение об освобождении, а значит, и оценка степени страданий жертвы со стороны системы уголовного правосудия, зависит от возможности присутствовать на слушании или вовремя подать заявление, то результат может быть неоправданно произвольным, что несправедливо по отношению к заключенным²⁰⁰. Такова неприятная реальность, поэтому решение об освобождении должно основываться только на целостном анализе поведения заключенного и последствий совершенного преступления.

Кроме того, придание большого веса мнению пострадавшего может подорвать саму основу системы неопределенных приговоров. Результатом такого подхода очень часто является отказ в условно-досрочном освобождении тем лицам, против которых пострадавшие дают убедительные показания, хотя они достигли исправления²⁰¹. Кроме того, если члены совета имеют право по своему усмотрению придавать большое значение мнению пострадавших, то у заключенных пропадает стимул самим участвовать в процессе УДО. Согласно исследованиям, заключенные откладывают и даже совсем отменяют свои слушания по УДО, когда узнают, что в них будет участвовать пострадавший, потому что боятся, что их «результат предрешен»²⁰². Таким образом, вместо того, чтобы работать над своим исправлением, как предполагается в системе неопределенных приговоров (Cohen & Gobert, 1983. Р. 15), заключенные лишь разочаровываются в процессе, так как степень влияния на него пострадавших не ограничена должным образом.

Наконец, тот подход, в котором показаниям жертвы придается большее или меньшее значение в зависимости от симпатий общественности к тому или иному пострадавшему²⁰³, чреват такими же неприятными осложнениями. Как верно отметил профессор *Zeidman*, такой подход превращает систему условно-досрочного освобождения в состязание в популярности²⁰⁴. Более того, при этом вообще невозможно добиться нормальной работы системы условно-досрочного освобождения, так как этот подход дискриминирует пострадавших, нанося еще больше вреда тем, кого уже и так отвергает общественное мнение, не считая их страдания значимыми²⁰⁵. Предпочтения публики относительно личных интересов пострадавших никак не могут быть законным основанием для справедливой и объективной работы советов по условно-досрочному освобождению.

¹⁹⁶ См. выше Раздел II.C.

¹⁹⁷ См. выше Раздел II.D.

¹⁹⁸ См. выше прим. 24–26 и соответствующий текст.

¹⁹⁹ См. выше Раздел I.D.2.

²⁰⁰ См. (Young, 2016. Рр. 488–489) («В двух идентичных случаях пострадавший может прийти или не прийти; если присутствие или отсутствие пострадавшего будет влиять на решение об освобождении, то вынесение решения будет произвольным, что поставит отдельных заключенных в невыгодное положение»).

²⁰¹ См. выше Раздел I.D.2.

²⁰² См. (Rhine et al., 2017. Рр. 317–318); см. также прим. 89–90 и соответствующий текст.

²⁰³ См. выше Раздел II.D.

²⁰⁴ См. (Gross, 2019) (в форме интервью описывается мнение профессора *Zeidman*'а).

²⁰⁵ См. выше Раздел II.D.

Система уголовного правосудия должна в большей степени отвечать интересам пострадавших, однако слушания по УДО – это та ситуация, когда закон не может позволить определять результат по их предпочтениям. Члены советов по УДО, обладающие мощным инструментом системы правосудия, не должны забывать также о правах заключенных; они должны основывать свои решения на самой надежной информации, а не только на эмоциях пострадавших, пусть даже и вызванных их реальными и законными нуждами. Общество заинтересовано в том, чтобы наказание строго соответствовало преступлению и не было непропорциональным ему. Следовательно, влияние пострадавших на решение по УДО должно быть ограниченным и иметь значение только тогда, когда они сообщают информацию, относящуюся к исправлению или должному наказанию.

Однако также не лишено противоречивости и придание советам по УДО полномочий судить о намерениях вынесшего приговор судьи и ограничивать влияние пострадавших. Этот процесс потребует адаптации. Понадобятся процедурные и структурные изменения, чтобы предлагаемый подход начал действовать справедливым и последовательным образом.

В. Процедурные последствия определения роли пострадавших

Каковы бы ни были мнения об оценке значимости участия пострадавших, с одним процедурным изменением согласятся все: штаты должны кодифицировать цели условно-досрочного освобождения, чтобы соответствующие стороны заранее понимали, как будет производиться эта оценка. В данном разделе мы рассмотрим процедурные последствия ограничения влияния пострадавших в рамках предлагаемого подхода.

1. Штаты должны кодифицировать цели условно-досрочного освобождения

Даже если мы не согласимся, что советы по УДО должны принимать во внимание показания пострадавших лишь в некоторых ситуациях, следует принять как данность, что произвольность решений советов должна быть каким-то разумным образом ограничена, так чтобы их работа с пострадавшими отвечала целям правосудия. Какого бы подхода к участию пострадавших мы ни придерживались²⁰⁶, должны существовать нормы или законы, четко описывающие этот подход. Такой важный фактор, как участие пострадавших, должен служить определенной цели, и решение о том, как учитывать этот фактор, нельзя отдавать на усмотрение членов советов, поскольку, как показывает практика, их подходы могут существенно различаться²⁰⁷. Если члены советов не получают четких указаний, они продолжают применять разнородные стандарты. Они могут легко придать слишком большое значение мнению жертвы, если ее эмоциональное выступление найдет в них отклик²⁰⁸. И наоборот, член совета может неоправданно низко оценить показания пострадавшего, если он лично считает, что пострадавшие не должны участвовать в процессе²⁰⁹. Соответственно, даже если степень влияния пострадавших остается предметом обсуждения, следует согласиться как минимум, что в законодательстве штатов необходимо кодифицировать, каким подходом или теорией руководствоваться при вынесении решения об условно-досрочном освобождении. Советы по УДО должны придерживаться принципа прозрачности относительно применяемого ими подхода, так чтобы все понимали, в какой степени показания пострадавшего влияют на принимаемые решения. Если это не сделано, то пострадавшие подвергаются вторичному ущербу из-за неоправданных ожиданий (Roberts, 2009. Р. 371), а заключенные теряют веру в законность процедуры²¹⁰; таким образом, обе эти группы перестают доверять системе уголовного правосудия. Если штат допускает влияние показаний пострадавшего на решение об УДО, только когда они относятся к вопросу об исправлении или достижении целей приговора, то возникают дополнительные процедурные последствия, которые необходимо учесть. Рассмотрим эту ситуацию ниже.

²⁰⁶ См. выше Раздел II.C.

²⁰⁷ См. выше Раздел I.D.2.

²⁰⁸ См. выше прим. 149-53.

²⁰⁹ См. (Burkes et al., 2017. Рр. 17–18) (показано, что один член совета отрицал и еще один категорически отрицал, что мнение пострадавшего представляет ценность); см. также (Young, 2016. Р. 473).

²¹⁰ См. выше прим. 88–92 и соответствующий текст.

2. Процедурные последствия ограничения влияния пострадавших

Чтобы обеспечить влияние показаний пострадавшего на решение об условно-досрочном освобождении в том направлении, которое мы рекомендуем в настоящей статье, необходимо произвести изменения в процедуре УДО. Во-первых, нужно требовать более высокой квалификации членов советов и обеспечить им лучшую степень защиты от нападок общественности и политических репрессий, чтобы они могли эффективно выполнять свои квазисудебные задачи. Во-вторых, членов советов нужно обязать подкреплять свои решения с помощью обоснованного анализа, как это делают судьи. В-третьих, должна существовать реальная возможность судебного пересмотра таких решений, чтобы убедиться в соблюдении надлежащих правовых процедур. Без этих процедурных изменений естественное стремление советов по УДО к осторожности в действиях приведет к лавине отказов, мотивированных недостижением карательной или сдерживающей цели²¹¹.

Во-первых, требуемые в настоящее время квалификации членов советов недостаточны для сложной работы, которую они выполняют²¹². Вдобавок к нехватке знаний и опыта, члены советов страдают от политической незащищенности, так как их легко отстранить²¹³. Так, если членам совета приходится оценивать степень исправления заключенного или достижения целей приговора, то они должны иметь такую же квалификацию, как судья, и быть так же защищены от политического, общественного и иного давления. Если они наделены полномочиями пересматривать минимальный приговор, вынесенный судьей, то должны обладать сходной степенью профессиональной подготовки и самостоятельности в принятии решений²¹⁴. Таким образом, их квалификация должна быть сходна с квалификацией судей. Чтобы оградить членов советов от неприемлемого давления, в некоторых штатах создают внепартийные комиссии из граждан, имеющих опыт работы в правоохранительных органах и уголовной защите, которые рекомендуют и совместно с губернатором выдвигают кандидатов в члены советов²¹⁵. Другой вариант – использовать для выбора и смены членов советов те же процедуры, что используются при назначении судей²¹⁶.

Во-вторых, необходимо требовать от членов советов обосновывать свои решения. Неприемлемо давать объяснения в одну строчку или вовсе не давать никаких объяснений²¹⁷, особенно если член совета отказывается в УДО, считая, что минимальный срок приговора был назначен неверно. Если членам советов придется доказывать свою правоту с фактами и свидетельствами в руках, то им будет сложнее принимать произвольные и непоследовательные решения. Таким образом, если советам разрешено применять те же принципы, что и при вынесении приговора, то они должны открыто объяснить, почему конкретное показание пострадавшего было неизвестно судье или не было учтено при вынесении приговора, в результате чего истинная тяжесть преступления была оценена неверно. Чтобы члены советов могли осуществлять такие сложные процессы, необходимы определенные вложения²¹⁸. В настоящий момент количество членов советов недостаточно, и принятие решения часто занимает считанные минуты²¹⁹. Поэтому штаты будут вынуждены нанять большее количество членов советов, чтобы процесс принятия решений стал более осмысленным. При этом советы должны избавиться от чрезмерной фокусировки на вопросах достижения карательной и сдерживающей целей приговора; теперь их решение будет призвано показать ошибочность первоначального приговора, а это непростая задача.

²¹¹ См. (Schwartzapfel, 2015) (документально показано множество дел, в которых советы проявили чрезмерную осторожность и отказали в УДО лицам, риск рецидивизма которых был очень низок).

²¹² См. выше Раздел I.B; см. также (Rhine et al., 2017. P. 286).

²¹³ См. (Reitz, 2020. P. 2750) (утверждается, что в случае неверного решения совет по УДО становится «легкой мишенью»).

²¹⁴ См. (Rhine et al., 2017) («Решения об освобождении заключенных следует обдумывать так же тщательно, как и судебные приговоры»).

²¹⁵ См. там же, pp. 288–289. Например, в штате Гавайи выдвижение кандидатов производит комиссия, состоящая из главного судьи Верховного Суда Гавайев, председателя Ассоциации уголовной юстиции Гавайев, председателя Ассоциации адвокатов Гавайев и других высокопоставленных лиц. Там же. В штате Юта выдвижение производит Комиссия по уголовной и ювенальной юстиции этого штата. Там же.

²¹⁶ См. Там же. P. 289.

²¹⁷ См. выше прим. 68–70 и соответствующий текст.

²¹⁸ См. (Rhine et al., 2017. P. 312) (обсуждается «необходимость усилить вовлеченность этого института», чтобы каждому делу уделялось «должное внимание» и «принималось верное решение по существу»).

²¹⁹ См. (Medwed, 2008. P. 510; Reitz, 2020. P. 2750, n. 26).

Итак, требование юридического обоснования решений по УДО страхует советы от переоценки значения карательной и сдерживающей целей приговора; кроме того, эта мера поможет защитить членов совета от негативной реакции общественности и снизить ощущение разочарования среди пострадавших (Roberts, 2009. Р. 371) и заключенных²²⁰, когда решение не соответствует их ожиданиям. Требование к членам советов публично объяснять, как их решение соотносится с буквой закона, если и не станет панацеей для тех, кто не согласен с решением, то, по крайней мере, продемонстрирует, что это решение не было произвольным или несправедливым, что способствует взаимопониманию между сторонами. В настоящее время процедура условно-досрочного освобождения похожа на «черный ящик», что никак не помогает защитить членов советов, так как общественность пытается найти правду в условиях непрозрачности процедур²²¹. Требование тщательно обосновывать свою позицию поможет бороться с негативным восприятием решения об УДО как произвольного.

В-третьих, необходимо ввести возможность в законном порядке обжаловать решения совета по УДО и пересматривать их на уровне судебной системы штата; в настоящее время в некоторых штатах это не предусмотрено²²². Для этого советы должны вести протоколы заседаний и оформлять свои решения в письменном виде, так как пересмотр решений затруднен без таких записей²²³. Наличие письменных мнений и протоколов позволит обжаловать и пересматривать их на более разумных основаниях²²⁴. Также это позволит организовать проверки советов по УДО на предмет соблюдения предусмотренных законом критериев и принятия достаточно прозрачных и обоснованных решений.

В данном исследовании мы рекомендуем ограничить влияние пострадавших на процесс условно-досрочного освобождения и выступаем за процедурные изменения, направленные на достижение этой цели; однако мы также считаем, что необходимы процедурные изменения, призванные защитить пострадавших от дальнейшего причинения вреда и обеспечить им возможность заявить о своих интересах.

С. Обеспечение процедурного правосудия для пострадавших

Справедливость и объективность процедуры УДО важны для всех сторон, но так же, если не еще более, важно относиться к пострадавшим и их интересам с осторожностью и не причинить им дополнительного вреда (Sered, 2019. Рр. 30–31). Хотя мы предлагаем подход к условно-досрочному освобождению, ограничивающий степень влияния пострадавшего на принимаемое решение по УДО, мы тем не менее выступаем за то, чтобы этот процесс наилучшим образом отвечал нуждам пострадавших; мы считаем, что советы по УДО должны выйти за рамки простой дихотомии освобождений и отказов как средства помощи пострадавшим.

Прежде всего, процедура произвольного условно-досрочного освобождения сама по себе должна быть справедливой по отношению к пострадавшим, если их просят участвовать в ней. При разработке процедур штаты должны озаботиться внедрением в них принципов процессуального права, чтобы снизить потенциальный вторичный вред для пострадавших²²⁵. Согласно исследованиям в области процессуального права, пострадавшие бывают удовлетворены процедурами уголовного правосудия, в том числе УДО, даже если они не согласны с их результатом, в том случае, если они считают их справедливыми²²⁶. Чтобы процесс вызывал доверие, пострадавшим необходимо дать возможность обсудить с советом по УДО то, что они считают важным; однако совет должен демонстрировать свою нейтральность и честно объяснять пострадавшему,

²²⁰ См. выше Раздел I.D.2.

²²¹ См. выше прим. 38–47, 68–70 и соответствующий текст.

²²² См. выше прим. 62–64 и соответствующий текст; см. также (Cohen & Gobert, 1983. Р. 21) (обзорный комментарий суда о преимуществах вынесения решений об освобождении описывается как технически возможная, но, по существу, бесполезная деятельность).

²²³ См. (Rhine et al., 2017. Р. 315) («Какой-либо контроль затрудняется тем, что во многих штатах отсутствуют записи или стенограммы слушаний по УДО и в целом отсутствует требование давать обоснования своим решениям»).

²²⁴ См. там же.

²²⁵ См. в целом (Giannini, 2010).

²²⁶ См. Там же. Рр. 85–104.

как его участие может повлиять на принимаемое решение²²⁷. Кроме того, совет должен проявлять уважение к пострадавшим, а не обманывать их относительно хода процесса²²⁸.

Результатом должно стать верное отражение влияния участия пострадавших на процесс принятия решения об УДО как в публичных выступлениях совета, так и в нормативных документах на уровне штата. Заявляя, что мнение пострадавших лежит в основе принятия решения, тогда как это может быть, а может и не быть правдой²²⁹, или это случается лишь в 10 % дел²³⁰, мы обманываем пострадавших относительно истинного отношения к их участию в процедуре²³¹. Такой подход наносит вторичный вред, если итоговое решение не соответствует желаниям пострадавших. Например, если бы наши рекомендации применялись в деле Германа Белла, возможно, Диана Пиаджентини, хотя почти наверняка не согласившись с решением, была бы меньше травмирована им, если бы совет заранее объяснил ей степень влияния ее мнения. Вместо этого совет процитировал показания, вероятно, принадлежавшие кому-то из семьи Джонса²³², охарактеризовав их как убедительные, и никак не упомянул Диану Пиаджентини²³³. Несложно понять, что она восприняла это решение как несправедливое и как акт вторичной виктимизации, так как, с ее точки зрения, совет по УДО штата Нью-Йорк встал на сторону другого пострадавшего без каких-либо объяснений.

Советы по УДО должны быть честны с пострадавшими относительно их вклада и роли в процессе, однако они также должны предоставить пострадавшим неограниченный доступ на слушания, если те того пожелают. Вместо того, чтобы наделять пострадавших инструментальными функциями, нужно четко объяснить им, что их роль в процессе только экспрессивная, за исключением информации о степени исправления заключенного или о несоответствии минимального приговора определенным целям наказания. Такое объяснение истинного положения вещей может быть неприятным, но зато ожидания пострадавшего не будут обмануты, если их влияние окажется не таким значительным, как им бы хотелось; как отмечает исследователь *Kathryne Young*, «честность и законность идут рука об руку»²³⁴. Далее, если советы позволяют мнению пострадавших лишь ограниченно влиять на свои решения, то они должны заранее обсудить с пострадавшим все плюсы и минусы повторного публичного обсуждения их негативного опыта²³⁵. Кроме того, чтобы полнее реализовать терапевтический и катартический потенциал самовыражения пострадавших, советы должны усовершенствовать процедуру слушания с их участием²³⁶. Следует рассмотреть возможность предоставления психологической поддержки пострадавшим, которые решат дать показания о, вероятно, одном из самых значимых событий в их жизни²³⁷. С той же целью слушания должны занимать больше времени, чем нынешние двадцатиминутные заседания, похожие на конвейер²³⁸.

Наконец, необходимо отказаться от мысли, что нужды и интересы пострадавшего могут и должны быть удовлетворены исключительно предоставлением или отказом в УДО. Нельзя ставить знак равенства между заботой о пострадавшем и отказом в УДО, так как это разрушительно как для системы, так и для пострадавшего. На пострадавших это действует разрушительно, потому что они сосредоточиваются на оспаривании условно-досрочного освобождения на слушаниях и глубоко эмоционально воспринимают решения совета, вместо того чтобы «продолжать жить» своей жизнью²³⁹. Более того, заключенного могут все же освободить, что вызывает настоящее горе у пострадавшего, который вложил так много эмоций в процесс. Члены со-

²²⁷ См. Там же. Рр. 90–91.

²²⁸ См. Там же.

²²⁹ См. выше Раздел I.D.2.

²³⁰ См. (Young, 2016. Р. 456).

²³¹ См. Там же. Р. 490.

²³² См. выше прим. 6–7 и соответствующий текст.

²³³ См. *Piagentini v. N.Y. State Bd. of Parole*, 176 A.D.3d 138, 148 (N.Y. App. Div. 2019) (судья Egan, несогласие).

²³⁴ См. (Young, 2016. Р. 490).

²³⁵ См. Там же.

²³⁶ См. Там же. Рр. 490–492.

²³⁷ См. там же. Р. 492.

²³⁸ См. (Medwed, 2008. Р. 510; Reitz, 2020. Р. 2750, n. 26).

²³⁹ См. (Young, 2016. Р. 476) (отмечается, что некоторые члены советов считали, что участие пострадавших не дает им «двигаться дальше», так как они заново переживают свой гнев и погружаются в него).

ветов должны заботиться о чувствах пострадавшего, но не для того, чтобы решить, нужно ли освобождать заключенного, а чтобы поддержать пострадавшего, каким бы ни было решение. Возможно, следует вложить средства в службы консультирования и здоровья для пострадавших, так как именно они являются первыми, если не единственными, точками контакта между пострадавшими и системой уголовного правосудия, после того как вынесен приговор²⁴⁰. Кроме того, советы по УДО, занимая уникальную позицию посредника между пострадавшими и заключенными, могут способствовать внедрению моделей восстановительного правосудия путем организации центров медиации между пострадавшим и преступником (*Victim Offender Mediation, VOM*)²⁴¹, которые показали обнадеживающие результаты в аспекте повышения благополучия пострадавших²⁴². Штатам следует побуждать советы по УДО отказаться от прямолинейного понимания связи между интересами пострадавших и решениями об условно-досрочном освобождении и искать другие, более продуктивные пути обеспечения их законных нужд и интересов.

Заключение

С возрастанием числа произвольных условно-досрочных освобождений все более насущным становится вопрос о роли, которую играют в этом процессе пострадавшие. Этот вопрос зачастую зависит от задач условно-досрочного освобождения как таковых, поскольку степень влияния пострадавшего часто определяется подходом конкретного члена совета к решению об УДО.

В настоящей статье мы выделили четыре подхода советов к решению об УДО. Первый из них состоит в том, что совет фокусируется на вопросе об исправлении заключенного, поэтому мнению пострадавшего придается небольшое или вовсе нулевое значение. Этот подход не обладает объяснительной силой, так как в реальности мнение пострадавших оказывается очень значимым. Согласно второй теории, советы по УДО относятся к своим решениям как к изменению приговора, поэтому рассматривают, прежде всего, степень достижения карательной и сдерживающей целей наказания. Эта теория не объясняет, почему показания пострадавшего иногда определяют решение об условно-досрочном освобождении. В рамках третьей теории решение об УДО ориентировано на пострадавшего. Она также не может объяснить, как именно принимаются такие решения, поскольку, как выясняется, для некоторых членов советов мнения одних пострадавших важнее, чем мнения других. Четвертая теория говорит о том, что решение об УДО – это политическое решение, отражающее мнение общественности о показаниях пострадавших.

Каждый из этих подходов имеет свои плюсы и минусы. Некоторые из них теоретически убедительны, другие обладают объяснительной силой, для иных характерно сочетание того и другого. Кроме того, остается нерешенным и общий вопрос – должно ли мнение пострадавших иметь какое-либо значение. С одной стороны, участие пострадавших поднимает проблему справедливого отношения к заключенным; с другой – исключение пострадавших из процесса также может привести к негативным последствиям.

В данной работе мы попытались найти баланс между этими крайними точками зрения и доказать, что советы по УДО должны оценивать как степень исправления заключенных, так и степень достижения карательной и сдерживающей целей приговора. Таким образом, показания пострадавших должны влиять на решение об освобождении только в том случае, если они дают информацию либо об отсутствии признаков исправления заключенного, либо о том, что минимальное наказание, назначенное судом, не вполне соответствует воздействию преступления. Рассмотрев возможные последствия применения данного подхода, мы

²⁴⁰ См. Там же. Р. 492.

²⁴¹ За последнее десятилетие открылось более тысячи центров медиации между пострадавшим и преступником, дающих возможность жертвам и преступникам встретиться лично для обсуждения преступления и его последствий. См. (O'Hara, 2006. Р. 131). Сообщается, что центры медиации не только эффективно сокращают уровень рецидивизма среди заключенных, но и повышают уровень удовлетворенности среди пострадавших, так как последние чувствуют, что их мнение услышано; они в итоге смогли получить искренние извинения и общественное признание воздействия на них совершенного преступления. Там же. Однако успех центров медиации может во многом объясняться также тем, что их участники были отобраны. Там же. См. также выше прим. 73 и соответствующий текст (обсуждается процедура деятельности Центра медиации в штате Миннесота).

²⁴² См. (O'Hara, 2006. Р. 131). («Сторонники медиации значительно чаще сообщают о том, что их мнение было учтено, что результаты справедливы и принесли им удовлетворение, что преступник понес наказание»).

предлагаем ввести более строгие требования к квалификации членов советов по УДО, а также требование обосновывать принятые решения. Кроме того, штаты должны усовершенствовать процедуры условно-досрочного освобождения для минимизации рисков причинения вторичного вреда пострадавшим. Последним нужно дать возможность быть услышанными, однако необходимо честно информировать их о степени влияния их показаний на процесс принятия решения об условно-досрочном освобождении. Наконец, штатам следует побуждать советы по УДО выйти за рамки дихотомии освобождений и отказов как главного средства обеспечения благополучия пострадавших.

Список литературы / References

- About the Parole Board, Va. Parole Bd. <https://vpb.virginia.gov/about-the-parole-board/> [https://perma.cc/S58U-X9UR]
- Baker, A. (2018a, Apr. 27). Man Who Killed 2 Officers in '71 Is Released From Prison. *N. Y. Times*. <https://www.nytimes.com/2018/04/27/nyregion/herman-bell-parole.html> [https://perma.cc/59EJ-ZNU6].
- Baker, A. (2018b, Mar. 14). Nearly 5 Decades Later, Man Who Killed New York Officers Wins Parole. *N. Y. Times*. <https://www.nytimes.com/2018/03/14/nyregion/herman-bell-nypd-parole.html> [https://perma.cc/5QRP-8HWQ].
- Bandes, S. (2000). When Victims Seek Closure: Forgiveness, Vengeance and the Role of Government. *Fordham Urb. L.J.*, 27, 1599, 1603.
- Bazelton, L., & Green, B. A. (2020). Victims' Rights from a Restorative Perspective. *OHIO ST. J. Crim. L.*, 17, 293, 299–301.
- Bergazzi, M., & Burkett, J. (2020, May 8). Virginia Inspector General Reviewing Controversial Parole Decision of Man Who Murdered Richmond Cop, CBS 6. *News Richmond*. <https://www.wtvr.com/news/local-news/virginia-watchdog-reviewing-controversial-parole-decision-of-man-who-murdered-cop> [https://perma.cc/K8V6-CNSR].
- Bogel-Burroughs, N. (2021, Sept. 1). Parole Board Recommends Release of Sirhan Sirhan, Robert F. Kennedy's Assassin. *N.Y. Times*. <https://www.nytimes.com/2021/08/27/us/sirhan-sirhan-parole-rfk.html> [https://perma.cc/BA6H-EVBU].
- Burkes, K. J. et al. (2017). *Releasing Authority Chairs: A Comparative Snapshot Across Three Decades*. Robina Inst. of Crim. L. & Crim. Just. https://robinainstitute.umn.edu/sites/robinainstitute.umn.edu/files/parole_chairs_report_final.pdf [https://perma.cc/4BBA-DC2Y].
- Cohen, N. P., & Gobert, J. J. (1983). *The Law of Probation and Parole* (2d ed.).
- Division of Release. (2021, Sept. 9). N.J. State Parole Bd. <https://www.nj.gov/parole/functions/release-division/> [https://perma.cc/F9JZ-NDN7].
- Epstein, N. (2021). An uncertain participant: victim input and the black box of discretionary parole release. *Fordham Law Review*, 90, 789–830.
- Families, PBA Outraged over Parole for Cop Killer Herman Bell. (2018, Mar. 15). *ABC7 N.Y.* <https://abc7ny.com/parole-board-herman-bell-killing-nypd-pba-patrolmen-benevolent-association/3220591/> [https://perma.cc/NMG6-Z7YS].
- Fenner, A., & Harmon, B. (2004, Feb. 4). Slain Cop's Kin Urge Release of One Killer. *N. Y. Daily News*. <https://www.nydailynews.com/archives/news/slain-kin-urge-release-killer-article-1.657766> [https://perma.cc/SPA7-J6FV].
- Fleming, R. (2019, Nov. 21). Lindsey Graham Remarks Offer Hope for Reinstatement of Federal Parole. *Filter Mag*. <https://filtermag.org/lindsey-graham-federal-parole/> [https://perma.cc/4H9W-CE3X].
- Frase, R. S. (2005). Purpose: Punishment Purposes. *STAN. L. Rev.*, 58, 67, 73.
- Geiger, D. (2020, Sept. 3). Killer and Rapist Who Admitted Brutal Double Murder Was Motivated by Hatred of Women Controversially Paroled in NY, OXYGEN. <https://www.oxygen.com/crime-news/sam-ayala-convicted-of-double-murder-and-rape-of-2-women-in-1977-paroled> [https://perma.cc/C8UV-UBS4].
- Giannini, M. M. (2001). The Swinging Pendulum of Victims' Rights: The Enforceability of Indiana's Victims' Rights Law. *IND. L. Rev.*, 34, 1157, 1160–1162.
- Giannini, M. M. (2010). Redeeming an Empty Promise: Procedural Justice, the Crime Victims' Rights Act, and the Victim's Right to Be Reasonably Protected from the Accused. *Tenn. L. Rev.*, 78, 47, 85.
- Gonnerman, J. (2019, Nov. 15). Prepping for Parole. *New Yorker*. <https://www.newyorker.com/magazine/2019/12/02/prepping-for-parole> [https://perma.cc/63XR-5GZV].
- Green, B. A., & Bazelton, L. (2020). Restorative Justice from Prosecutors' Perspective. *Fordham L. Rev.*, 88, 2287, 2291.
- Gross, D. A. (2019, Jan. 25). The Eleventh Parole Hearing of Jalil Abdul Muntaqim. *New Yorker*. <https://www.newyorker.com/news/dispatch/the-eleventh-parole-hearing-of-jalil-abdul-muntaqim> [https://perma.cc/C8NG-KCSQ].
- Herrington, L. H. et al. (1982). *Final Report of the President's Task Force on Victims of Crime* (pp. 76, 114). <https://ovc.ojp.gov/sites/g/files/xyckuh226/files/media/document/87299.pdf> [https://perma.cc/VS63-MN9G].
- Hogan, B. (2020, Sept. 29). GOP State Lawmakers Introduce Bill to Strengthen Parole Board Oversight, *N.Y. Post*. <https://nypost.com/2020/09/29/state-gop-introduces-bill-to-strengthen-parole-board-oversight/> [https://perma.cc/XT2Q-BS6F].
- Information Considered at a Parole Suitability Hearing. *CAL. Dep't of Corr. & Rehabilitation*, <https://www.cdcr.ca.gov/bph/parole-suitability-hearings-overview/information-considered-at-a-parole-suitability-hearing/> [https://perma.cc/NE53-2BVN].

- Kaeble, D. (2016). *U.S. Dep't Of Just., Probation and Parole in the United States*, 20.
- Kennedy, R. (2021, Sept. 1). Robert Kennedy Was My Dad. His Assassin Doesn't Deserve Parole., *N.Y. Times*. <https://www.nytimes.com/2021/09/01/opinion/sirhan-sirhan-parole-kennedy.html> [<https://perma.cc/UNX7-A7HD>].
- Letter from Bill de Blasio, Mayor of the City of New York, to Tina M. Stanford, Chairwoman of the New York State Bd. of Parole. (2018, Mar. 23). https://www1.nyc.gov/assets/nypd/downloads/pdf/public_information/parole-board-letter-bell.pdf [<https://perma.cc/P479-86S4>].
- Making a Statement: Victim Input into the Parole Process. Pa. Off. of the Victim Advoc. <https://www.ova.pa.gov/Documents/Making%20a%20Statement%20English.pdf> [<https://perma.cc/8ZZP-PPXN>].
- Making Parole Decisions, Pa. Parole Bd. <https://www.parole.pa.gov/Parole%20Process/Making%20Parole%20Decisions/Pages/default.aspx> [<https://perma.cc/7H6N-TNF5>].
- Marlowe, J. (2018, Mar. 22). After Nearly 45 Years of Incarceration, Herman Bell Wins Parole. *Colorlines*. <https://www.colorlines.com/articles/after-nearly-45-years-incarceration-herman-bell-wins-parole> [<https://perma.cc/4V33-A4UV>].
- Marquart, J. W. (2005). Bringing Victims In, But How Far. *Criminology & Pub. Pol'y*, 4, 329, 330.
- Medwed, D. S. (2008). The Innocent Prisoner's Dilemma: Consequences of Failing to Admit Guilt at Parole Hearings. *IOWA L. Rev.*, 93, 491, 499.
- Moore, T. et al. (2018, Mar. 14). Law Enforcement Rages over Cop Killer's Parole. *N. Y. Post*. <https://nypost.com/2018/03/14/law-enforcement-rages-over-cop-killers-parole/> [<https://perma.cc/5WFV-6ZCH>].
- Morgan, K., & Smith, B. L. (2005). Victims, Punishment, and Parole: The Effect of Victim Participation on Parole Hearings. *Criminology & Pub. Pol'y*, 4, 333, 335–336.
- N. J. State Parole Bd. (2012). *The Parole Book: A Handbook on Parole Procedures for Adult and Young Adult Inmates*, 47–48 (5th ed.). <https://www.nj.gov/parole/docs/AdultParoleHandbook.pdf> [<https://perma.cc/16MA-3XY9>].
- New York City Police Dep't, *The Truth About Herman Bell*. Press Release (2018, Apr. 20). <https://www1.nyc.gov/site/nypd/news/f0420/the-truth-herman-bell#0> [<https://perma.cc/5XPP-VH92>].
- O'Hara, E. A. (2006). Victims and Prison Release: A Modest Proposal. *Fed. Sent'g Rep.*, 19, 130, 130.
- Ohio Dep't of Rehab. & Corr. <https://drc.ohio.gov/> [<https://perma.cc/WXX3-MRDH>].
- Parsonage, W. et al. (1992). Victim Impact Testimony and Pennsylvania's Parole Decision-Making Process: A Pilot Study. *Crim. Just. Pol'y Rev.*, 6, 187, 194.
- Pisciotta, A. W. (1983). Scientific Reform: The "New Penology" at Elmira, 1876–1900. *Crime & Delinquency*, 29, 613, 616.
- Polowek, K. (2005). *Victim Participatory Rights in Parole: Their Role and the Dynamics of Victim Influence as Seen by Board Members*: PhD dissertation (pp. 126–127). Simon Fraser University. summit.sfu.ca/system/files/iritems1/10276/etd2042.pdf [<https://perma.cc/F7Z2-YSJ6>].
- Reitz, K. R. (2020). Prison-Release Reform and American Decarceration. *Minn. L. Rev.*, 104, 2741, 2751.
- Rhine, E. E. et al. (2017). The Future of Parole Release. *Crime & Just.*, 46, 279, 280.
- Rhine, E. E. et al. (2018, Apr. 3). Parole Boards Within Indeterminate and Determinate Sentencing Structures. *Robina Inst. of crim. L. & Crim. Just.* <https://robinainstitute.umn.edu/news-views/parole-boards-within-indeterminate-and-determinate-sentencing-structures> [<https://perma.cc/FA59-K9VE>].
- Roberts, J. V. (2009). Listening to the Crime Victim: Evaluating Victim Input at Sentencing and Parole. *Crime & Just.*, 38, 347, 382.
- Robinson, P. H. (2002). Should the Victims' Rights Movement Have Influence over Criminal Law Formulation and Adjudication?. *McGeorge L. Rev.*, 33, 749, 758.
- Rodriguez, A. (2019). The Obscure Legacy of Mass Incarceration: Parole Board Abuses of People Serving Parole Eligible Life Sentences. *Cuny L. Rev. F.*, 22, 33, 52–53.
- Rosenau, W. (2013). "Our Backs Are Against the Wall": The Black Liberation Army and Domestic Terrorism in 1970s America. *Stud. Conflict & Terrorism*, 36, 176.
- Rosenhall, L., & Watson, A. (2020, June 22). From Prison to the Halls of Power: A Politician's Son Lobbies to Let People on Parole Vote. *Calmatters*. <https://calmatters.org/projects/california-parolees-voting-rights-nunez-aca6/> [<https://perma.cc/F75V-6NLY>].
- Ruhland, E. L. et al. (2017). *The Continuing Leverage of Releasing Authorities: Findings from a National Survey*. Robina Inst. of Crim. L. & Crim. Just. https://robinainstitute.umn.edu/sites/robinainstitute.umn.edu/files/final_national_parole_survey_2017.pdf [<https://perma.cc/UP5X-M76E>].
- Russell, S. F. (2014). Review for Release: Juvenile Offenders, State Parole Practices, and the Eighth Amendment. *IND. L.J.*, 89, 373, 400, 404–405.
- Sanchez, R., & Mossburg, Ch. (2021, Aug. 28). Board Recommends Parole For RFK Assassin Sirhan Sirhan on 16th Attempt. *CNN*. <https://www.cnn.com/2021/08/27/us/sirhan-sirhan-parole-rfk-assassination/index.html> [<https://perma.cc/8BJV-URKS>].
- Schwartzapfel, B. (2015, July 11). How Parole Boards Keep Prisoners in the Dark and Behind Bars. *Wash. Post*. https://www.washingtonpost.com/national/the-power-and-politics-of-parole-boards/2015/07/10/49c1844e-1f71-11e5-84d5-eb37ee8ea61_story.html [<https://perma.cc/5JBS-EEKK>].
- Sered, D. (2019). *Until We Reckon*, 30–31.
- Slater, D. (2020, Jan. 1). Can You Talk Your Way Out of a Life Sentence. *N.Y. Times Mag.* <https://www.nytimes.com/2020/01/01/magazine/prison-parole-california.html> [<https://perma.cc/7W4Z-JHV7>].

- Smith, B. L. et al. (1997). The Effect of Victim Participation on Parole Decisions: Results from a Southeastern State. *CRIM. Just. Pol'y Rev.*, 8, 57, 71.
- Va. Parole Bd. <https://vpb.virginia.gov/> [<https://perma.cc/TJP7-W5G2>].
- Victim Offender Dialogue. Minn. Dep't of Corr. <https://mn.gov/doc/victims/restorative-justice/victim-initiated-restorative-practices/victim-offender-dialogue/> [<https://perma.cc/UW8X-KKHF>].
- Victim Services Brochure. Ala. Bureau of Pardons & Paroles, <https://paroles.alabama.gov/victim-services/> [<https://perma.cc/9B7T-LFS5>].
- Victim Services: Information for Crime Victims. N.J. State Parole Bd. <https://www.nj.gov/parole/functions/victim-services/> [<https://perma.cc/K342-8QTP>].
- Victims' Rights in the Parole Process. Ga. State Bd. of pardons & Paroles, <https://pap.georgia.gov/georgia-office-victim-services/victims-rights-parole-process> [<https://perma.cc/HKZ5-D424>].
- Victims Services. State of Iowa Bd. of Parole. <https://bop.iowa.gov/victim-services> [<https://perma.cc/U3E2-K57D>].
- Virginia Parole Board, Parole Decisions for October 2020, with Reasons. (2020). <https://vpb.virginia.gov/files/1185/vpb-decisions-oct20.pdf> [<https://perma.cc/S8CE-V7EV>].
- Weisberg, R. et al. (2011). *Life in Limbo : An Examination of Parole Release for Prisoners Serving Life Sentences with the Possibility of Parole in California*. https://law.stanford.edu/index.php?webauth-document=child-page/164096/doc/slspublic/SCJC_report_Parole_Release_for_Lifers.pdf [<https://perma.cc/SN3D-D26K>].
- Young, K. M. (2016). Parole Hearings and Victims' Rights: Implementation, Ambiguity, and Reform. *Conn. L. Rev.*, 49, 431, 444-45.

Дата поступления / Received 16.11.2023

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 12.02.2024

Дата принятия в печать / Accepted 12.02.2024

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТАТЬИ/ INTERDISCIPLINARY ARTICLES

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья
УДК [378:34]:004.8

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.804-823>

А. С. Даниелян¹

¹ Центр правовой поддержки «Веритас», г. Краснодар, Россия

Юридическое образование и искусственный интеллект: векторы взаимодействия

Даниелян Армен Сергеевич, кандидат юридических наук, генеральный директор,
ООО «Центр правовой поддержки «Веритас»»

E-mail: armen1992@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0661-9010>

Web of Science Researcher ID: ACJ-2900-2022

eLIBRARY SPIN-код: 6271-8400

Аннотация

Цель: выработка предложений по внедрению искусственного интеллекта (ИИ) в юридическое образование.

Методы: диалектические методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, систематизация, сравнение, классификация, прогнозирование), статистический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Комплексно данные методы позволят всесторонне проанализировать взаимосвязь ИИ и юридического образования.

Результаты: в статье выявлены основные направления совершенствования юридического образования в условиях развития ИИ: интеграция информационно-коммуникационных технологий и обучение специалистов, способных эффективно работать на стыке права и технологий. Определены преимущества и недостатки использования ИИ в юридическом образовании. Обозначены этические аспекты применения ИИ и необходимость управления развитием технологий на основе принципов справедливости, прозрачности и учета интересов человека. Аргументируется важность развития у обучающихся не только специализированных знаний, но и универсальных компетенций, которые помогут им успешно адаптироваться к динамично изменяющимся условиям профессиональной деятельности.

Научная новизна: проведен комплексный анализ взаимодействия юридического образования и ИИ, включая выявление конкретных возможностей применения ИИ в юридическом образовании, а также связанных с этим рисков и проблем. Автор предлагает системный подход к совершенствованию юридического образования в условиях развития ИИ, акцентируя внимание на необходимости пересмотра образовательных программ по юридическим направлениям посредством интеграции информационно-коммуникационных технологий; развития у обучающихся универсальных компетенций для адаптации к динамично меняющейся профессиональной среде; введения обязательного повышения квалификации судей, юристов-практиков с целью формирования навыков использования систем ИИ.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы для оптимизации и адаптации образовательных программ юридических вузов к требованиям цифровой эпохи, а также для разработки эффективных подходов к применению ИИ в юридической практике и образовании с учетом этических аспектов и потенциальных рисков.

© Даниелян А. С., 2024

Ключевые слова:

искусственный интеллект, юридическое образование, право, юридическая деятельность, юридическая профессия, цифровизация, цифровые технологии

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Даниелян, А. С. (2024). Юридическое образование и искусственный интеллект: векторы взаимодействия. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 804–823. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.804-823>

Scientific article

A. S. Danielyan¹

¹ Veritas Legal Support Center LLC, Krasnodar, Russia

Legal education and artificial intelligence: vectors of interaction

Armen S. Danielyan, Cand. Sci. (Law), Director General, Veritas Legal Support Center LLC

E-mail: armen1992@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0661-9010>

Web of Science Researcher ID: ACJ-2900-2022

eLIBRARY SPIN-код: 6271-8400

Abstract

Objective: to develop proposals for the introduction of artificial intelligence (AI) in legal education.

Methods: dialectical methods (analysis and synthesis, induction and deduction, systematization, comparison, classification, forecasting), statistical, formal-legal and comparative-legal methods. Used in combination, these methods allow comprehensive analysis of the relationship between AI and legal education.

Results: the article reveals the main directions to improve legal education in the conditions of AI development: integration of information and communication technologies and training of specialists able to work effectively at the intersection of law and technology. The advantages and disadvantages of using AI in legal education are identified. Ethical aspects of AI application are outlined, as well as the need to manage the development of technologies based on the principles of fairness, transparency and consideration of human interests. The author states the importance of developing not only specialized knowledge, but also universal competencies that will help students to adapt successfully to the dynamically changing conditions of professional activity.

Scientific novelty: a comprehensive analysis of the interaction between legal education and AI was carried out, including the identification of specific opportunities for the AI application in legal education, as well as related risks and problems. The author proposes a systematic approach to improving legal education in the context of AI development, focusing on the need to revise educational programs in legal areas in terms of integrating information and communication technologies; developing universal competencies in students to adapt to a dynamically changing professional environment; introducing mandatory advanced training for judges, legal practitioners to develop skills for using AI systems.

Practical significance: the study results can be used to optimize and adapt the educational programs of law schools to the digital era requirements and to develop effective approaches to the AI application in legal practice and education, taking into account ethical aspects and potential risks.

Keywords:

artificial intelligence, legal education, law, legal activity, legal profession, digitalization, digital technologies

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Danielyan, A. S. (2024). Legal education and artificial intelligence: vectors of interaction. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 804–823. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.804-823>

Введение

В современном мире развитие искусственного интеллекта (далее – ИИ) оказывает значительное влияние на все сферы жизни, включая образование. Согласно данным *Global Market Insights*, объем мирового рынка ИИ в образовании в 2023 г. составил около 4 млрд долларов США, а по прогнозам, к 2032 г. превысит 30 млрд долларов США¹. Еще более впечатляющий рост объемов инвестиций в сферу образования за аналогичный период предсказывает *Straits Research* – 53,11 млрд долларов США². В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, как ИИ может, с одной стороны, поддержать и обогатить процесс обучения будущих юристов, а с другой – какие угрозы и «подводные течения» кроются в деле подготовки специалистов в области права.

Структурно исследование разбито на следующие части:

1. Обзор возможностей применения систем ИИ в юридическом образовании.
2. Риски применения систем ИИ в юридическом образовании.
3. Предложения по внедрению ИИ в юридическое образование.

На сегодняшний день эксперты консолидированы во мнении, что ИИ создает серьезные проблемы для права в целом и для юридической профессии в частности. Поэтому крайне важно пересмотреть существующие формы юридического образования, чтобы помочь представителям юридической профессии: 1) сформировать верное представление о проблемах, возникающих в результате широкого внедрения ИИ в мире, и 2) адаптироваться к новой, «цифровой» реальности. Существует, по крайней мере, два основных способа реализовать это на практике: во-первых, необходимо изменить существующие юридические учебные программы и, во-вторых, предложить обязательное повышение квалификации для представителей юридической профессии (Gordon, 2024). В этой связи представляется, что учебные заведения высшей школы должны ставить перед собой задачу развивать у студентов не только фундаментальные знания, но и универсальные компетенции, которые помогут им успешно адаптироваться к выбранной профессии и самостоятельно строить свои профессиональные траектории в динамично меняющемся мире (Воронцов, Мамычев, 2019).

Результаты исследования

Обзор возможностей применения систем искусственного интеллекта в юридическом образовании

Использование искусственного интеллекта потенциально предоставляет следующие возможности как для преподавателей, так и студентов:

1. **Организация и анализ учебных материалов.** Система ИИ может использоваться для обработки и структурирования больших объемов учебной информации, что может включать распознавание шаблонов договоров и процессуальных документов, а также их анализ, чтобы помочь в сортировке и классификации учебных материалов.

Использование ИИ позволяет не только структурировать и анализировать учебные материалы, но и оптимизировать процесс обучения, адаптируя материалы под индивидуальные потребности студентов. Системы ИИ могут выявлять слабые зоны в знаниях студентов и предлагать дополнительные ресурсы для углубления понимания сложных тем.

¹ AI in Education Market Size – By Component (Solution, Service), By Deployment (On-premise, Cloud), By Technology (Machine Learning, Deep Learning, Natural Language Processing), Application, End-use & Forecast, 2023-2032. (2023, January). GMI. <https://www.gminsights.com/industry-analysis/artificial-intelligence-ai-in-education-market>

² Artificial Intelligence in Education Market. (2023). Straits Research. [https://straitsresearch.com/report/artificial-intelligence-in-education-market#:~:text=Market%20Overview,period%20\(2024%E2%80%932032\)](https://straitsresearch.com/report/artificial-intelligence-in-education-market#:~:text=Market%20Overview,period%20(2024%E2%80%932032))

2. Интерактивное обучение и консультации. Система с поддержкой ИИ может работать как виртуальный помощник, отвечая на вопросы студентов и предоставляя консультации в режиме реального времени. Она может помочь студентам в процессе обучения, предоставляя разъяснения, примеры и практические рекомендации. Примерами больших языковых моделей данного типа могут служить *ChatGPT*, *Gemini*, *Copilot* и др.

Также программы на базе ИИ могут моделировать диалоги на основе реальных юридических кейсов, позволяя студентам «разговаривать» с виртуальными клиентами или юристами. Это не только помогает улучшить навыки коммуникации, но и предоставляет практический опыт решения задач в контексте, приближенном к реальным условиям профессиональной деятельности.

3. Автоматизация оценки и обратная связь. Система ИИ может использоваться для автоматизации процесса оценки заданий и тестов, а также для предоставления обратной связи студентам. ИИ может разрабатывать персонализированные тесты и задания, которые динамически адаптируются под ответы студентов, усложняясь или упрощаясь в зависимости от их успеваемости. Такой подход позволяет более точно оценивать уровень знаний и умений каждого студента, а также способствует более глубокому усвоению материала.

4. Юридическая аналитика и исследования. Системы с поддержкой ИИ могут содействовать студентам и преподавателям в проведении юридических исследований посредством предоставления доступа к базам данных судебной практики и анализа судебных решений.

ИИ может использоваться для создания сетей связей между различными юридическими актами и прецедентами, выявляя неочевидные связи и зависимости. Это облегчает понимание сложных юридических вопросов и способствует более глубокому анализу законодательства и судебной практики, что особенно важно при подготовке к сложным судебным делам (Ди Сальво, 2024; Файн и др., 2024).

5. Виртуальные юридические тренировки и симуляции. Посредством использования технологий дополненной реальности *AR/VR* ИИ возможно создание реалистичных симуляций судебных заседаний или переговоров, позволяя студентам практиковаться в юридических процедурах в безопасной и контролируемой среде. Эти тренировки помогают студентам развивать критическое мышление, навыки аргументации и публичного выступления, что является ключевым компонентом успешной юридической практики.

Достаточно широкий спектр сфер взаимодействия ИИ и права был выделен Р. Сривастава, в частности (Srivastava, 2018):

- а) формальные модели юридического рассуждения;
- б) вычислительные модели аргументации и принятия решений;
- в) вычислительные модели доказательного обоснования;
- г) юридические рассуждения в многоагентных системах;
- д) исполняемые модели законодательства;
- е) автоматическая классификация и реферирование (саммаризация) юридических текстов;
- ж) автоматизированное извлечение информации из юридических баз данных;
- з) машинное обучение и интеллектуальный анализ данных для обнаружения электронных данных³;
- и) концептуальный или основанный на модели поиск юридической информации;
- к) специализированные (юридические) чат-боты для автоматизации рутинных юридических задач.

К преимуществам применения ИИ в юридической сфере отнесем следующие факторы:

- юридическая экспертиза (Спиридонов, 2023);
- подготовка договоров;
- управление контрактами;
- анализ юридических операций;
- анализ судебных разбирательств;
- обнаружение и уменьшение ошибок;
- правовые исследования;

³ E-discovery определяется как процесс раскрытия информации в гражданском судебном процессе, осуществляемый в электронных форматах. Он включает в себя то, что чаще всего называют информацией, хранящейся в электронном виде, или ESI. Примерами типов включенного ESI являются электронные письма, чаты для обмена мгновенными сообщениями, документы, базы данных бухгалтерского учета, файлы CAD/CAM, веб-сайты и любая другая электронная информация, которая может быть значимым доказательством в судебном процессе.

- экономия времени;
- повышение производительности;
- улучшение отношений с клиентами;
- совершенствование организационной и логической структуры;
- снижение стресса юристов;
- расширение возможностей творческого анализа.

Еще более десятилетия назад Р. Сасскинд не только предсказал, что юристы возьмут на себя новые роли в юридической практике, но также утверждал, что интеграция технологий в юриспруденцию приведет к появлению новых профессий, таких как: 1) инженер по правовым знаниям; 2) юридический технолог; 3) аналитик юридических процессов; 4) менеджер юридических проектов; 5) специалист по юридическим данным; 6) исследования и разработки; 7) практикующий специалист по онлайн-разрешению споров; 8) консультант по юридическому управлению; 9) менеджер по юридическим рискам и др. (Susskind, 2013). И время продемонстрировало, что футурологические оценки британского ученого были весьма точны, подтверждением чему может служить динамичный рост тематических магистерских программ и программ повышения квалификации на базе ведущих образовательных учреждений страны – как государственных (НИУ ВШЭ, КФУ, МГИМО, МГУ, МГЮА, СПбГУ, СГЮА), так и частных (Moscow Digital School)⁴.

Технологии не просто меняют способ предоставления юридического образования, они определяют содержание курсов. Многие юридические школы предлагают, среди прочего, модули по праву интеллектуальной собственности, праву в области информационных технологий и закону о конфиденциальности данных. Следующее движение в этом направлении, похоже, подчеркивает важность преподавания таких модулей, как программирование, машинное обучение и искусственный интеллект, поскольку язык права переходит «от латыни к JavaScript» (Cerqua, 2019). Например, модуль кодирования для юристов уже предлагается в Гарвардской школе права, Мельбурнском университете, Тилбургском университете, а теперь и в Университете Миннесоты (Contreras & McGrath, 2020). Гарвардская школа права поддержала свое предложение, утверждая, что их студенты «должны понимать, что на техническом уровне означает “говорить” онлайн, “подписывать” цифровой контракт, “обыскивать” компьютер или “удалять” доказательства» (Contreras & McGrath, 2020).

Исследователи предлагают разнообразные формы применения ИИ в образовании: от роботизированных существ, имитирующих человеческое общение, до специализированных систем, которые предоставляют методические рекомендации. Также обсуждаются гибридные и виртуальные образовательные среды, которые могут радикально изменить взаимодействие между учащимися и педагогами. В целом интеграция ИИ в педагогику начинает «становиться полноправным направлением совершенствования этой сферы человеческой деятельности» (Коляда, Бугаева, 2019) и рассматривается как ключ к инновационному развитию и усовершенствованию образовательного процесса.

Риски применения систем искусственного интеллекта в юридическом образовании

Как и любое технологическое явление, применение системы искусственного интеллекта (далее – СИИ) сопряжено с определенными рисками.

1. Исследования показывают, что люди больше доверяют решениям, принятым компьютерами, чем решениям других людей, и при этом менее склонны оспаривать решения, принятые автоматизированными системами (Bogert et al., 2021). Изложенное вызывает серьезные опасения, так как многие ИИ-системы могут усиливать существующие *предвзятости* в обучающих данных и делать ошибки, которые трудно обнаружить. В качестве

⁴ Интеллектуальные права и право новых технологий. МГЮУ имени О. Е. Кутафина. <https://msal.ru/programs/vysshee-obrazovanie/magistratura/magisterskaya-programma-intellektualnye-prava-i-pravo-novykh-tekhnologiy>; Интеллектуальные права, искусственный интеллект и цифровые технологии. МГУ имени М. В. Ломоносова. <https://www.law.msu.ru/courses/72>; Магистерская программа «Цифровое право». Высшая школа экономики. <https://www.hse.ru/ma/dlaw/>; Информационное право и защита данных. СПбГУ. <https://spbu.ru/postupayushchim/programms/magistratura/informacionnoe-pravo-i-zaschita-dannykh>; Магистр IT Law. Саратовская государственная юридическая академия. <http://www.xn--80af5bzc.xn--p1ai/ru/component/k2/item/15106-magistr-it-law>; Магистерская программа «Юрист в сфере цифровой экономики». Казанский федеральный университет. <https://kpfu.ru/law/magistratura/abiturientam/magisterskie-programmy/magisterskaya-programma-39jurist-v-sfere-cifrovoj>; Программа магистратуры «Правовое регулирование цифрового развития». Одинцовский филиал МГИМО. <https://pk.odin.mgimo.ru/master/pscr.html>; Юрист в сфере IT. MDS. <https://mosdigitals.ru/courses/software-lawyer>

хрестоматийного примера можно привести опыт США, где правоохранительные органы все чаще используют алгоритмы ИИ для прогнозирования преступной деятельности. Так, согласно данным Министерства юстиции США, у чернокожего человека вероятность быть арестованным более чем в два раза выше, чем у белого, и при этом чернокожего человека в пять раз чаще останавливают без уважительной причины, чем белого человека (Heaven, 2020). Исходя из этого, на основе обработки загруженных в систему данных программой будет перенят идентичный паттерн расового критерия, т. е. «машина» смоделирует системную априорность виновности чернокожих граждан исходя из их цвета кожи, так как если не все люди расисты (и иногда задумываются и переоценивают свои решения), то модель, которая выучила, что так «правильно», всегда будет вести себя аналогично. Здесь, думается, уместно образное представление типичной модели машинного обучения в виде ученика-«зубрилы», который заучивает полученную информацию (обучающие данные), но при этом ничего не понимает.

Бразильскими учеными было опубликовано обширное исследование о трудностях обеспечения справедливости и отсутствия предубеждений при принятии решений моделями ИИ (Pagano et al., 2023). В исследовании были использованы различные методы, техники и инструменты для обнаружения и устранения алгоритмической несправедливости и предубеждений. Для устранения основных форм предвзятостей в обучающих данных, в алгоритмах и во взаимодействии с пользователями авторами были рассмотрены процессы предобработки, «внутренней» обработки и постобработки. Было обнаружено, что большинство рассмотренных обучающих выборок включают чувствительные атрибуты⁵, влияющие на возможность объективного принятия решений системой. Изложенное коррелирует с позицией ученых о том, что игнорирование предвзятостей в алгоритмах приводит к принятию решений, которые несут непредвиденные последствия для определенных групп людей, что, в свою очередь, вызывает необходимость своевременного исследования предполагаемых и непредвиденных эффектов применения ИИ для выявления и нивелирования скрытых предвзятостей (Харитоновна и др., 2021). Повышенную обеспокоенность данная проблема представляет в системе образования – когда, с одной стороны, закладывается фундамент картины мира и профессиональных знаний, а с другой – субъекты познания не обладают в должной мере способностями критического анализа и оценки предоставляемой им информации.

Еще одним вызовом в срезе проблематики обучающих данных являются галлюцинации ИИ⁶. В рамках юридического образования это может найти отражение в неправильной интерпретации данных и ошибок в алгоритмах, что может привести к неправильным рекомендациям и выводам. Негативные риски включают некорректную интерпретацию правовых норм, предвзятые решения, отсутствие прозрачности⁷ и ответственности (Kharitonova, 2023), нарушение конфиденциальности и конфликты интересов. Думается, что изложенное четко подпадает под то, что В. В. Лазарев охарактеризовал как «цифровое слабоумие» (Лазарев, 2023).

Свойства галлюцинирования выражают саму эссенцию ИИ как симулякра, т. е. копии без оригинала, которая функционирует в автономной реальности (Бодрийяр, 2015) – именно так субстанционально предстают

⁵ Под чувствительными атрибутами понимаются характеристики [элементов в обучающих данных], которые во многих случаях, не должны включаться в обучающую выборку, так как могут внести нежелательную предвзятость в модель ИИ (например, возраст, пол, рост, вес и т. д.).

⁶ Объективности ради стоит отметить, что существует плюрализм в трактовке данного термина. Первоначально термин «галлюцинация в ИИ» был использован в области компьютерного зрения и имел положительные коннотации, так как описывал методы, которые улучшали качество изображений через восстановление или добавление отсутствующих пикселей. Однако со временем термин стал использоваться для описания ошибок в моделях ИИ, в частности, при генерации текста, где результаты могут быть полностью не связанными с исходным запросом. Группой американских исследователей был проведен систематический обзор использования термина «галлюцинации» в 14 базах данных. Основной целью было выяснить, как термин применяется в различных областях ИИ и насколько его использование является последовательным и адекватным. Результаты исследования показали, что определения «галлюцинаций в ИИ» значительно различаются, так как в одних случаях термин используется для описания полезных аспектов ИИ, а в других – для указания на серьезные ошибки или недостатки. В данном контексте особую важность приобретает унификация понятийно-категориального аппарата в сфере ИИ и преодоление существующей путаницы для улучшения понимания и эффективности проводимых исследований и практического применения ИИ в различных областях (Maleki et al., 2024).

⁷ В Национальной стратегии развития ИИ до 2030 г. принцип прозрачности указывается в качестве одного из основных в вопросе развития и использования указанной технологии. При этом под прозрачностью в Стратегии понимается «объяснимость работы ИИ и процесса достижения им результатов, недискриминационный доступ пользователей продуктов, которые созданы с использованием технологий ИИ, к информации о применяемых в этих продуктах алгоритмах работы ИИ» (пп. «в» п. 24). – Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (с изменениями 2024 г.). https://a-ai.ru/wp-content/uploads/2024/03/Национальная_стратегия_развития_ИИ_2024.pdf

и знания *ex machina*. Так, не имея реального знания, ИИ начинает генерировать его «по мотивам», заполняя (замещая) лакуны в исходных данных аналогиями, формируя, по терминологии Ж. Бодрийяра, гиперреальность. Французский философ выделял три типа симулякров: 1) естественные; 2) продуктивные; 3) симулякры симуляций. Согласимся отчасти с исследователями, относящими ИИ к симуляционному типу. Однако это не отменяет и его относимость к продуктивным симулякрам, лишь по причине того, что он вышел «за пределы “механических машин”» (Ястреб, 2012), а более органичным, как думается, будет констатировать симуляционную дихотомичность ИИ. При этом оправданной видится обеспокоенность экзистенциального и трансцендентного порядка касаясь того, что интенция человека на приобретение с помощью цифровизации невиданной свободы оборачивается тем, что он «перестает понимать окружающий мир и самого себя, теряет автономию, попадает в рабство к искусственному интеллекту» (Лекторский, 2022).

Симулякры, как отмечает В. В. Лазарев, могут как отражать реальность в положительном свете, так и искажать действительные процессы. Особенно интересен случай, когда симулякры не связаны с реальностью вообще, образуя что-то вроде чистой синтетики. Особенно распространены симулякры в области гуманитарных наук, где они находят благоприятную среду из-за того, что в этих науках зачастую принимают за истину мнения, которые не поддаются строгому количественному анализу, а сводятся к силе авторитета научной позиции или отдельного автора (Лазарев, 2023).

Дополнительно мы сталкиваемся с так называемой *проблемой черного ящика*, логически вытекающей из проблемы галлюцинирования. Сущность проблемы заключается в том, что часто непонятно, как ИИ приходит к определенным выводам или результатам. В образовательной сфере такая неопределенность может быть критичной, поскольку ошибки в обучении могут привести к серьезным последствиям. В отличие от опытных специалистов, которые могут анализировать и корректировать выводы ИИ, студенты могут не распознать ошибки и усвоить неверную информацию, что подрывает всю ценность образовательного процесса, превращая его в профанацию. Поэтому важно использовать ИИ в образовании осторожно, принимая его выводы как исходный материал или рекомендации, которые требуют дальнейшего анализа и проверки (Кочкин, 2023).

Вышеизложенное красной нитью демонстрирует особую значимость прозрачности СИИ, обеспечение которой логически послужит детерминирующим фактором реализации принципа справедливости в данной области, т. е. создания системы, максимально непредвзятой и защищенной от человеческих предубеждений. При этом исследователями предлагаются следующие способы обеспечения справедливости:

- использовать метод «гипотетическая справедливость» (*counterfactual fairness*)⁸, заключающийся в формировании ИИ гипотетической ситуации, в которой данные индивида наделяются противоположными признаками: женщина превращается в мужчину, бедный – в богатого, афроамериканец – в белого и т. п., что нивелирует влияние реального статуса человека на оценку его действий и формирует суждения, свободные от предубеждений, а значит, справедливые⁹;

- модернизировать системы ИИ на всех этапах их жизненного цикла, от способов использования данных до разработки, внедрения и эксплуатации, с целью предотвращения закрепления личных и социальных предубеждений, а также возникновения предвзятости и сопутствующих проблем.

В целом же верно было отмечено, что прозрачность и подотчетность являются инструментами, способствующими принятию справедливых алгоритмических решений, обеспечивая основу для получения возможности обратиться к значимому объяснению, исправлению или способам установления недостатков, которые могут привести к компенсационным процессам (Kharitonova, 2023; Koene et al., 2019).

2. Внедрение и использование ИИ в юридическом образовании несет с собой ряд *вопросов этического и правового характера*. Широкое внедрение технологий ИИ сопряжено с многочисленными рисками и проблемами, связанными с владением персональными данными студентов (например, использование данных в коммерческих целях), согласием (например, способны ли учащиеся в связи с их возрастом давать действительно информированное согласие) и конфиденциальностью (например, использование навязчивых систем распознавания эмоций). Как верно заметил И. Г. Ильин, российским законодательством понятие обработки персональных

⁸ Chiappa, S. (2019). Path-Specific Counterfactual Fairness. <https://csilviavr.github.io/assets/publications/silvia19path.pdf>

⁹ Готовцев, П. М., Душкин, Р. В., Кузнецов, О. П., Мильке, В. Э., Незнамов, А. В., Потапова, Е. Г. (2021). Этическое применение искусственного интеллекта. Этика и «цифра»: от проблем к решениям: аналитический доклад. https://ethics.cdto.center/3_3

данных трактуется довольно широко (п. 3 ст. 3 Закона о персональных данных¹⁰), что позволяет предположить, что любые действия, связанные с использованием данных в рамках технологий обработки естественного языка, будут считаться обработкой персональных данных (Ильин, 2024). В этой связи возникает резонный вопрос о пределах, в которых обработка данных должна соответствовать законодательным требованиям.

В свою очередь, Д. В. Бахтеев выделяет следующие правовые «болевы́е точки» применения ИИ: первая проблема связана с содержанием базы данных, на основе которой обучается и функционирует нейросеть, так как оно может (а в некоторых случаях и должно) содержать сведения ограниченного доступа, а вторая проблема относится в большей степени к возможности применения систем ИИ в работе с материальными нормами права (Бахтеев, 2023).

Другой риск заключается в том, что алгоритмическая предвзятость может нарушать основные права человека (Мяо и др., 2022). Вдобавок с каждым днем технологии ИИ все глубже проникают в процесс обучения студентов в российских вузах. Высокое качество обратной связи, предоставляемой ИИ-инструментами, способствует распространению среди студентов ИИ-плагиата – незаконного использования материалов, созданных генеративным ИИ (Сысоев, 2024). При этом важно отметить, что ИИ должен рассматриваться как вспомогательный инструмент, а не замена преподавателей и студентов – человеческое оценивание и экспертиза остаются необходимыми для обеспечения качества образования и развития навыков, таких как критическое мышление и этическое рассуждение.

Несомненно, технологии представляют собой как риски, так и возможности, и право должно соответствующим образом реагировать на технологические разработки. Примером амбивалентности технологий являются большие данные (*Big Data*), чьи потенциальные преимущества и недостатки очевидны и заслуживают рассмотрения. Так, положительным примером может выступать LexisNexis, хранящий более 60 млрд документов и 2,5 петабайта юридических данных (Wilkins, 2017) и являющийся ценным ресурсом для юристов-практиков, ученых-правоведов и студентов. В свою очередь негативной стороной применения *Big Data* может являться осуществление сбора и хранения личной информации без соблюдения правовых и (или) этических норм, что, в частности, произошло с персональными данными пользователей 87 млн профилей одной из наиболее крупных соцсетей планеты (Isaak & Hanna, 2018).

Если моделировать модус будущего в срезе того, что технологии будут иметь разрушительное влияние на право и юридическую практику, а также могут вскоре «устранить... многие, если не большинство, традиционных юридических навыков и характеристик классических юристов» (Fenwick et al., 2018), то необходимо определить, какие юридические способности будут востребованы в перспективе. Как заметил Э. Тоффлер, темпы технологических преобразований означают, что будущее слишком часто наступает преждевременно и влечет за собой психические и социальные издержки, отражающиеся в состояниях подавленности, дезориентации и отрицания (Toffler, 1984).

Исследования показывают, что от 22 до 23 % задач, выполняемых юристами, могут быть автоматизированы¹¹, а до 39 % рабочих мест в юридической сфере могут исчезнуть из-за автоматизации¹². Это заставляет задуматься о будущем юридической практики и образования, которое зависит от способности профессии адаптироваться к юридическим технологиям. В исследовании, проведенном компанией *LawGeex*, инструмент ИИ сравнивался с юристами в задаче проверки контрактов. ИИ показал лучшие результаты, идентифицируя проблемы в 94 % случаев, в то время как юристы – в 85 % случаев. Кроме того, ИИ выполнял задачу за 26 секунд, в то время как юристам требовалось в среднем 92 минуты. В реальных условиях, где юристы выполняют множество задач одновременно, этот временной разрыв может быть еще больше (Leary, 2018).

Необходимо также признать, что для преподавателей-юристов обучение технологическим компетенциям является сложной задачей, так как лишь немногие из них хорошо разбираются в технологиях и, возможно,

¹⁰ Федеральный закон № 152-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 06.02.2023). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

¹¹ McKinsey Global Institute. (2017, December 6). Jobs Lost, Jobs Gained: Workforce Transitions in a Time of Automation. www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/industries/public%20and%20social%20sector/our%20insights/what%20the%20future%20of%20work%20will%20mean%20for%20jobs%20skills%20and%20wages/mgi-jobs-lost-jobs-gained-executive-summary-december-6-2017.pdf

¹² Hill, J. (2016, March 16). Deloitte Insight: Over 100,000 Legal Roles to be Automated. <https://legaltechnology.com/2016/03/16/deloitte-insight-over-100000-legal-roles-to-be-automated> (дата обращения: 01.05.2024).

не считают это необходимым. В этой связи весьма логично, что наличие «технологических» компетенций не является приоритетом среди представителей юридического образования, однако, когда технологии все же внедряются, к ним относятся настороженно и рассматривают как инструмент для достижения традиционных образовательных целей (Canick, 2014).

Отчасти можно разделить беспокойство представителей преподавательского корпуса по поводу того, что в ближайшей перспективе вопросы разработки, проверки и оценки экзаменационных работ отойдут ИИ – объективному и бесстрастному. «Это будет совершенно иная реальность и иная роль преподавателя, если он еще останется в учебном процессе»¹³ (Лонская, 2024). Однако в предыдущих исследованиях мы уже отмечали, что не поддерживаем алармизма некоторых ученых, считающих, что ИИ *ad portas* – предвестник гибели юридической профессии в целом (Даниелян, 2024). Существующие технологии ИИ не способны самостоятельно и в полном объеме замещать естественный интеллект и принимать «машинные решения». Вопросы права и юридической квалификации не могут быть полностью переданы ИИ без оценки со стороны юриста-человека, будь то судья, адвокат или преподаватель юридических дисциплин.

Предложения по внедрению ИИ в юридическое образование

Предваряя непосредственно рассмотрение вопросов внедрения ИИ в юридическое образование, стоит отметить, что под влиянием цифровых технологий произошли значительные изменения в образовательной сфере, в частности, это:

- перевод занятий в цифровой формат (полностью или частично);
- изменение роли педагога, который на сегодня действует скорее как модератор (тьютор) статичного цифрового материала и виртуальной коммуникации, а не как конструктор образовательных ситуаций;
- переход к использованию наглядно-образных методов подачи знаний, усиливающих визуальное восприятие и образное мышление, таких как видеоуроки, презентации и тесты;
- изменение характера социально-психологического взаимодействия между обучающимися (Храпов, 2021). В полной мере указанное относится и к сфере применения ИИ.

Важно, чтоб стратегия развития юридического образования в качестве приоритетов включала: 1) изучение передовых информационно-коммуникационных технологий; 2) подготовку специалистов, объединяющих навыки юристов и IT-специалистов для целей минимизации рисков ИИ в «экосистеме» права (Соколова, 2019).

Процесс интеграции цифровых технологий в юридическое образование, по мнению Е. А. Алферовой, предполагает решение двух задач: во-первых, преподаватели юридических вузов должны не только сами освоить цифровые компетенции и навыки, но и передать их студентам, требуя применения этих навыков в процессе обучения; во-вторых, необходимо более глубокое осмысление того, как юридическая профессия будет трансформироваться в будущем под влиянием различных контекстов и профессиональных реалий, связанных с цифровизацией (Алферова, 2022).

В контексте сказанного вызывают интерес положения Пекинского консенсуса по искусственному интеллекту и образованию, принятому при поддержке ЮНЕСКО, в рамках которого излагаются принципы дальнейшего развития и применения ИИ:

- человек должен контролировать развитие ИИ, которое должно быть направлено на благо людей;
- внедрение ИИ должно служить интересам человечества и способствовать развитию человеческого потенциала;
- при разработке ИИ необходимо руководствоваться этическими нормами, принципами справедливости, прозрачности, подотчетности и недискриминации;
- на всех этапах жизненного цикла ИИ, от разработки до использования, необходимо контролировать и оценивать его влияние на людей и общество¹⁴.

¹³ Лонская, С. В. (2024). Практическая методика обучения в условиях цифровой трансформации: история права в высшей школе. Москва: Инфра-М.

¹⁴ ЮНЕСКО. (2022). Пекинский консенсус по искусственному интеллекту и образованию: итоговый документ Международной конференции. <https://www.unesco.org/ru/digital-education/artificial-intelligence>

Учитывая темпы развития ИИ, маловероятно, что преподаватели будут заменены роботами, но это не означает отсутствие влияния ИИ на образовательный процесс. Необходимый резерв знаний стал для преподавателей ключевым узлом для экспорта соответствующих знаний студентам, особенно в преподавании юриспруденции в области ИИ.

Ученые-правоведы отмечают, что в настоящее время первоочередным является поиск ответов на ряд вопросов: как выстроить систему дисциплин и учебных программ по юриспруденции ИИ? Как составить учебники и материалы по ИИ-правоведению? В долгосрочной перспективе преподавательскому корпусу придется столкнуться с проблемами ИИ в своих предметных областях, и даже каждый профессиональный курс может столкнуться с проблемами ИИ (возможно, курсы права и истории смогут выжить) (Hu & Lu, 2019). Поэтому в данном случае большинству преподавателей-юристов, возможно, придется заняться обновлением своего резерва знаний и усилением междисциплинарных исследований.

В свете необходимости адаптации юридического образования к вызовам, связанным с ИИ, как указывалось выше, представители судебной системы также акцентируют внимание на возможностях использования ИИ для разработки электронных образовательных курсов. Целеполагание заявленных курсов должно выступить в помощь участникам юридического процесса осваивать цифровые технологии, что особенно важно для определения категории спора, применимого законодательства, способов защиты и средств доказывания (Момотов, 2023).

Нам же видятся весьма практичными и перспективными три идеи по совершенствованию юридического образования в срезе применения ИИ, предложенные У. Коннеллом и М. Хэмлин (Connell & Hamlin, 2019):

Во-первых, определить навыки, которые необходимы и будут необходимы для успешной юридической практики в XXI в. Здесь стоит выделить три направления, по которым юридические школы должны обучать студентов: 1) критический анализ; 2) творческое решение сложных проблем и 3) эмоциональная клиенто-ориентированность. Зарубежными исследователями отмечается в данной связи, что креативность и эмпатия – те области, в которых ИИ не может превзойти человека (Sundquist, 2018). Схожая мысль высказывается и в российской правовой доктрине: «Творческий труд и совесть юриста незаменимы» (Еременко, 2019).

Подчеркивается, что существуют и другие навыки, которые ИИ не может воспроизвести, и предлагается преподавателям права развивать эти навыки, чтобы юристы и ИИ могли дополнять друг друга. В этой связи рекомендуется создание учебных комитетов для мониторинга использования ИИ в юридической профессии и определения необходимых навыков и компетенций участвовать в разработке учебной программы по ИИ. Данные учебные комитеты должны включать представителей из различных сфер, включая юридическое сообщество и технологическую сферу, чтобы получить разнообразные мнения и решить, какие навыки ИИ необходимо включить в образование и как лучше всего обучать студентов этим навыкам.

Во-вторых, интегрировать курсы или программы, обучающие использованию ИИ, в правовое поле. Юридические школы должны предоставить формальное обучение по использованию ИИ, разработав специальные курсы и обеспечив доступ к соответствующим программам. Для сохранения конкурентоспособности юридическим школам необходимо сосредоточиться на обучении студентов современным навыкам, а не только на прошлых успешных подходах. Это потребует финансовых вложений, но сотрудничество с внештатными преподавателями и использование совместных программ может быть эффективным и относительно недорогим решением. Школы также могут договариваться с поставщиками программ ИИ для получения сниженных цен или бесплатного доступа. Обеспечение сильной учебной программы по ИИ поможет привлечь студентов и сохранить конкурентоспособность школы на рынке образования.

В-третьих, поощрять большее партнерство между студентами-юристами и технологическими стартапами. Наличествует необходимость поощрять партнерство между студентами-юристами и технологическими стартапами. Клиенты ожидают, что их представители будут хорошо разбираться в новых юридических технологиях, но не желают оплачивать время, потраченное на изучение этих технологий. Юридические школы могут решить эту проблему, предлагая студентам возможность работать с юридическими компаниями и помогать стартапам и новым технологическим компаниям. В такой модели студенты работают с клиентами в более прямой роли, получая практический опыт, осваивая новые технологии. Юридическим школам также следует пересмотреть учебные программы и внедрить обучение использованию ИИ в юридической профессии. Это поможет привлечь будущих студентов-юристов, которые хотят быть подготовленными к новому юридическому миру, где ИИ становится неотъемлемой частью работы. Примером такого сотрудничества

является недавно подписанное соглашение между НИУ ВШЭ и Сбербанком о сетевой форме реализации образовательной программы бакалавриата «Юриспруденция: цифровой юрист»¹⁵.

Представителями академического сообщества Японии на заре нынешнего столетия была разработана образовательная методика, направленная на развитие у студентов творческого юридического мышления, что выражалось в способности правильного решения юридических кейсов путем создания новых правовых норм. Такое мышление включает в себя не только выработку правовых положений, но и построение новой логической структуры в голове у юриста (Yoshino & Sakuraia, 2005). В исследовании описано, что в процессе обучения, где активно используется база данных юридических знаний, студенты могут улучшать свои навыки систематического юридического мышления посредством систематического выполнения различных упражнений и решения юридических задач, что впоследствии способствует построению и расширению собственной базы знаний учащихся. Приведенный подход позволяет студентам развивать не только аналитические, но и творческие способности в области права. Следовательно, эта система базы юридических знаний предназначена для работы по принципу «снизу вверх», в отличие от традиционной нисходящей методологии преподавания. Апробация данного образовательного подхода проводилась на курсах «Юридический метод» и «Право и искусственный интеллект» в аспирантуре юридического факультета Университета Мэйдзи Гакуин, а также в рамках дисциплины «Право и компьютеры» на юридическом факультете Университета Кейо. Авторы методики констатируют, что в результате ее применения на занятиях студенты юридических вузов начали находить свои ошибки и постепенно их исправляли, добиваясь лучших правил систематизации (Yoshino & Sakuraia, 2005).

Однако у нынешних студентов, как правило, выявляются характеристики, не соответствующие творческому типу обучения (Louw, 2020). Исследователями отмечается, что на рубеже 2000-х гг. произошла значительная трансформация в характере интеллектуальной деятельности подростков. Так, если ранее доминировала логическая систематизация информации, основанная на понятийном мышлении, то теперь ее заменили формально-образные обобщения, при которых природа явлений не выделяется и не осмысливается, несмотря на возможность удерживания больших объемов информации¹⁶.

«Новый» тип интеллекта характеризуется рядом особенностей¹⁷:

- мышление становится более поверхностным;
- пренебрегается качественный анализ информации;
- абсолютизируются методы математического анализа;
- нарушается адекватность перспективного планирования и прогностической деятельности в целом;
- из-за непонимания причинно-следственных связей возникают ошибки при принятии решений.

Можно констатировать, что происходит замена аналитического юридического мышления на механическое (Умнова-Конюхова, Алешкова, 2022). Очевидно, что новые времена (технологии) требуют новых решений (образовательных методик). Новый подход представляет собой интеграцию проблемных, сократовских и дискуссионных методов. В конечном счете он предназначен для развития юридических знаний снизу вверх с использованием системы, основанной на знаниях:

- 1) студенты должны начинать с положений закона;
- 2) студенты пытаются составить нормативные правила с целью создания дедуктивной системы;
- 3) посредством этой композиционной деятельности учащиеся могут найти внутреннюю связь правил с положениями, с одной стороны, и взаимосвязь правил, включая метаправила, с другой;
- 4) студенты могут установить соответствующие (интегрированные) правила, которые составляют дедуктивную систему права. Это означает, что учащиеся понимают реальный нормативный смысл и могут его правильно объяснить (Yoshino & Sakuraia, 2005).

Исследования подтверждают, что некоторые общие навыки, которые ранее приобретались в юридических школах, могут быть заменены автономными системами. Особенно рутинные и повторяющиеся задачи, такие как анализ законодательных материалов, подготовка документов и простой анализ судебных решений, могут

¹⁵ Факультет права НИУ ВШЭ и ПАО «Сбербанк» подписали договор о сотрудничестве. Высшая школа экономики. <https://pravo.hse.ru/news/896870403.html>

¹⁶ Ясюкова, Л. А. (2020, 16 сентября). Изменение структуры интеллекта подростков с 1990 по 2020 годы. Психологическая газета. <https://psy.su/feed/8560/>

¹⁷ Там же.

быть эффективно выполнены компьютерными системами. В свете этих изменений юридическим школам следует уделить больше внимания развитию сложных навыков, которые не могут быть легко автоматизированы. Это включает такие навыки, как медиация, переговоры, судебное представительство и другие сферы, требующие эмоционального интеллекта, этики и эмпатии (Abdul Ghani, 2020).

Однако, несмотря на возможности автоматизации, некоторые аспекты юридической работы все же останутся уникальными для людей. Вопросы, связанные с этикой, моралью и совестью, требуют глубокого человеческого понимания и остаются отличительными чертами, отличающими нас от автономных систем и ботов. Навыки, требующие этих глубинных человеческих аспектов, будут играть важную роль для юристов в эпоху четвертой промышленной революции.

Кроме того, студентам юридических факультетов следует готовиться к непрерывному обучению и адаптироваться к изменяющейся юридической среде, которая быстро развивается вместе с технологическим прогрессом. Набор навыков, необходимых юристам для успешной работы в эпоху четвертой промышленной революции, будет отличаться от традиционных представлений о юридическом образовании. Поэтому важно учиться и развивать широкий спектр общих социальных, технических и системных навыков, чтобы адаптироваться к быстро меняющемуся миру.

В целом современные изменения в юридической сфере требуют переосмысления и обновления подходов к обучению и развитию студентов-юристов, чтобы они могли успешно справляться с вызовами эпохи четвертой промышленной революции.

Говоря об адаптации юридического образования к вызовам ИИ, следует выделить два основных вектора в данном вопросе:

- пересмотр образовательных программ по юридическим направлениям;
- обязательное повышение квалификации судей, юристов-практиков.

1. Разработка первого компонента, направленного на изменения существующих юридических учебных программ, предполагает:

а) *введение обязательных курсов по цифровым технологиям и искусственному интеллекту*. Успешное достижение данной задачи требует выполнения ряда условий: во-первых, требуется внести изменения в методику изучения права с целью обеспечения его *междисциплинарного охвата*. Как отмечают А. В. Малько и А. Ю. Саломатин, усиление междисциплинарных связей и организация гибридных образовательных профилей являются потребностью в подготовке юристов, так как на перманентно трансформирующемся рынке труда востребованы специалисты с глубокими знаниями в сложных областях. Такие знания не только повышают качество профессиональных навыков из-за их многоаспектности, но и предоставляют дополнительные гарантии занятости (Малько, Саломатин, 2017). Это предполагает включение информатики, робототехники и этики в учебную программу по юриспруденции. Интенциональность указанного действия заключается в предоставлении студентам достаточных знаний для понимания и оценки основных проблем, связанных с применением ИИ. Во-вторых, студенты-юристы должны иметь достаточное *понимание технологических контекстов*, связанных с ИИ и правом. Они должны посещать вводные курсы по информатике и этике, чтобы получить необходимые знания и компетенции, чтобы повысить свою квалификацию как юриста. В-третьих, обязательные курсы по цифровым технологиям должны помочь студентам-юристам понять проблемы и особенности ИИ в целом и их влияние на юридическую профессию. *Уяснение природы ИИ* позволит адекватно осознавать основные проблемы, связанные с широким использованием ИИ в обществе, и сможет обеспечить основу для справедливого и объективного осуществления правоприменительной деятельности его субъектами (Fornasier, 2021; Surden, 2017);

б) *повышение уровня осведомленности об этических проблемах применения искусственного интеллекта в юридической деятельности*. Утилитарно целью является предоставление возможности студентам-юристам решать базовые этические проблемы, связанные с ИИ и юриспруденцией. Это требует значительной подготовки, чтобы студенты могли компетентно принимать юридические решения, касающиеся вопросов, таких как предвзятость машин и расовое профилирование. Простого посещения вводного курса по этике недостаточно, необходимо обеспечить глубокую подготовку, чтобы студенты могли эффективно решать эти проблемы.

2. Рассматривая вопрос об обязательном повышении квалификации судей, юристов-практиков как еще одном основополагающем векторе адаптации юридического образования к вызовам ИИ, стоит отметить, что на сегодня в профессиональной среде все больше в качестве доксы утверждается позиция, что юрист будущего – междисциплинарный специалист, чьи компетентность и навыки выходят далеко за рамки юри-

дической профессии (Gordon, 2024). Для юристов, которые уже работают в своей профессии, но не имеют дополнительной подготовки в области ИИ и права, крайне важно посещать обязательные курсы повышения квалификации. Для избежания несправедливых судебных решений важно разработать междисциплинарные онлайн-курсы, которые помогут судьям и судебным представителям глубже понять сложности, связанные с ИИ в праве. Неадекватное понимание проблемных аспектов может привести к ошибкам в судопроизводстве и подорвать авторитет судебной власти.

Отдельными отечественными учеными предлагается внедрение интеллектуальной системы мониторинга, «педагогической диагностики» образовательного процесса, основанной по лекалам системы социального рейтинга, внедренной в КНР (Коляда, Бугаева, 2019). При этом адаптированная система должна быть направлена на выявление у учащихся: 1) затруднений в познавательной деятельности; 2) их возможностей; 3) уровня обученности и воспитанности. По мнению авторов, оптимальным средством для проведения педагогической диагностики могут служить традиционные тестовые методики, подготовленные и реализуемые при помощи цифровых средств. При этом для реализации данной образовательной технологии необходимо обязательное получение согласия от обследуемых лиц (или их родителей, опекунов) на обработку и хранение персональных данных, а сами данные должны использоваться строго конфиденциально и исключительно в предусмотренных (образовательных) целях.

Думается, что такая образовательная методика выглядит весьма спорной, так как, по сути, являет признаки «цифрового тоталитаризма», одной из черт которого в традиционном виде служит вмешательство в личную жизнь граждан и ее чрезмерная регуляция. В данном же случае при первом рассмотрении видны признаки ограничения свободы и ущемление неотчуждаемых прав человека (право на неприкосновенность частной жизни, личную тайну, защиту своей чести и доброго имени, закрепленные ст. 23 Конституции РФ, ст. 16 Конвенции о правах ребенка).

Австралийский правовед Дж. Уэбб сформулировал пять базовых принципов, лежащих в основе пересмотра учебных программ в юридическом образовании в контексте внедрения информационных технологий (Webb, 2019):

1. Распространенность. Этот принцип подчеркивает важность темы «право и технологии» в учебных программах. Он указывает на необходимость глубокого понимания взаимосвязи права и технологий и их взаимного влияния друг на друга. Предлагается интегрировать эту тему во все аспекты юридического образования, чтобы студенты могли полностью осознавать, как цифровые технологии влияют на право, и наоборот.

2. Междисциплинарность. Принцип междисциплинарности подчеркивает важность сотрудничества между различными областями знаний при решении сложных юридических и социальных проблем. Он призывает к более тесному взаимодействию между юристами и специалистами из других областей, таких как антропология, социология, информатика, этика и экономика, чтобы лучше понимать и решать реальные проблемы.

3. Дизайнерское юридическое мышление. Этот принцип акцентирует внимание на необходимости восприятия права как проблемы проекта. Он предлагает использовать дизайнерские подходы к решению юридических проблем, подчеркивая, что проблемы, с которыми сталкиваются существующие юридические институты, часто связаны не только с ресурсами, но и с недостатками в их структуре. Принцип призывает к созданию юридических лабораторий дизайнера и к более глубокому исследованию системных последствий юридических решений.

4. Этика и управление. Этические вопросы, касающиеся информационных технологий и права, не могут игнорироваться в учебной программе. Необходимо критически изучить ценности, заложенные в юридических технологиях. Важные этические проблемы включают в себя: справедливость, прозрачность и подотчетность систем искусственного интеллекта; проблемы конфиденциальности и защиты данных, связанные с большими данными; влияние юридических технологий на доступ к правосудию; влияние автоматизации на юридическую профессию и верховенство закона. Юридические школы должны научить студентов выявлять эти проблемы и решать их.

5. Навыки. Несмотря на растущую автоматизацию и использование технологий в юридической сфере, важность развития у студентов-юристов навыков критического мышления, творческого решения проблем и эффективного взаимодействия только возрастает. Юридическое образование должно адаптироваться к изменяющимся потребностям рынка и включать в себя такие области, как коммерческая осведомленность, использование юридических технологий, управление проектами, дизайн-мышление и программирование.

На уровне бакалавриата¹⁸:

- системного и критического мышления (УК-1);
- разработки и реализации проектов (УК-2);
- юридического анализа (ОПК-1);
- юридической экспертизы (ОПК-3);
- информационных технологий (ОПК-8, ОПК-9);

- системного и критического мышления (УК-1);
- разработки и реализации проектов (УК-2);
- информационно-коммуникационной технологии для профессиональной деятельности (ОПК-9);

- системного и критического мышления (УК-1);
- разработки и реализации проектов (УК-2);
- юридического анализа (ОПК-1);
- юридической экспертизы (ОПК-2);
- информационных технологий (ОПК-7).

В частности, в зависимости от направления подготовки можно рассмотреть следующие варианты оптимизации:

- 2) введение обязательных курсов по правовой аналитике и использованию ИИ в юридической практике;
- 3) введение междисциплинарных курсов на стыке права и технологий;

5) дополнение рабочих программ по отраслевым дисциплинам темами, посвященными специфике применения ИИ в данной области права;

6) разработка специализированных программ в контексте конкретной магистерской программы.

¹⁹ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ № 1138 от 31.08.2020. (2020). https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203%2B%2B/Spec/40.05.01_C_3_08112022.pdf. Для полноты картины отметим, что ФГОСы по оставшимся специальностям специалитета («правоохранительная деятельность», «судебная экспертиза», «судебная и прокурорская деятельность») содержат в целом аналогичную матрицу компетенций, отличаясь лишь в их структуризации (нумерации).

Априорно, что конкретные решения о перераспределении часов и изменении содержания программ должны приниматься на основе тщательного эмпирического исследования потребностей рынка труда и консультаций с представителями юридического сообщества, что позволит повысить актуальность и востребованность юридического образования в условиях цифровизации юридической профессии.

Указанное выше подводит нас к правильности утверждения, что назрела потребность в разработке нового типа передового юридического образования, которое признает влияние ИИ и не ограничивается технологической нейтральностью (Sjöberg, 2019). Такое образование должно подготовить преподавателей и студентов к изучению и осмыслению правовых последствий использования алгоритмов ИИ в цифровом пространстве, а также обуславливает дальнейшее развитие исследований в области информационной безопасности, защиты персональных данных, проблем объективности и предвзятости СИИ, что, в свою очередь, служит стержневым фактором для перспектив успешного применения указанных систем в настоящем и будущем. При этом стоит учитывать, что темпы развития и внедрения технологий ИИ существенно опережают скорость соответствующих изменений в правовой сфере (Филипова, Коротеев, 2023).

Заключение

Подводя итоги исследованию, несомненно, стоит признать наличие достаточного круга вопросов, требующих решения в спектре взаимодействия ИИ и юридического образования. Помимо изложенного ранее, необходимо обратить внимание, что для современных юристов в большей своей массе еще затруднительно разобраться в хитросплетениях тезауруса в сфере ИИ, включающих, например, понятия «когнитивные вычисления», «нейронные сети», «обработка естественного языка», «хранилища больших данных», «интеллектуальный анализ данных», «машинное обучение» и т. д. Также особое внимание следует уделить динамической СИИ, основанной на алгоритмах, которые самообучаются и самомодифицируются в процессе деятельности уже функционирующих систем. При этом управление цифровыми ресурсами сейчас является частью юридической профессии как в публичном праве, так и в частном. В целом же достижение баланса между интересами и правами требует наличия современного образования, отвечающего вызовам эпохи, в том числе расширение методологического инструментария, включая навыки использования систем принятия решений на основе ИИ, и именно академические сферы *IT*-права и *LegalTech* дают теоретическую и прикладную базу таких навыков.

Однако преподавание права – это не только помощь студентам в понимании правовых норм, буквы закона, но и вдохновение будущих юристов стремиться к миру должного. Технологии определенно могут трансформировать процессы обучения и преподавания, делая их более интересными и динамичными. Однако вопрос о том, могут ли они полностью заменить преимущества личного взаимодействия, остается открытым. Поэтому считать, что юридическая практика или образование могут быть полностью заменены технологиями, было бы преждевременно.

Юридическое образование является системой, которая отличается гибкостью и способностью к адаптации, постоянно переосмысливая себя в ответ на изменения. Аналогично тому, как оно адаптировалось к глобализации, оно также будет приспосабливаться к новым технологическим вызовам (Wang, 2019).

На момент написания статьи можно констатировать, что вопросы применения ИИ в образовании и конкретно в юридическом образовании являются уделом лишь ограниченного круга университетов страны²¹,

²¹ О внесении изменений в Положение о проведении государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры ГАОУ ВО г. Москвы «Московский государственный педагогический университет». https://www.mgpu.ru/wp-content/uploads/2023/08/04.09.2023_633obshh_Remorenko_I.M._Safronova_E.S.-1.pdf; МГПУ разрешил студентам использовать ИИ при подготовке ВКР. (2023, 31 августа). Московский городской университет. <https://www.mgpu.ru/mgpu-razreshil-studentam-ispolzovat-ii-pri-podgotovke-vkr/>; Регламент организации проверки письменных учебных работ на наличие плагиата, использования генеративных моделей и размещения выпускных квалификационных работ обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры на корпоративном сайте (портале) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». (08.05.2024). ВШЭ. <https://www.hse.ru/docs/922831988.html>; Студенты из Архангельска официально смогут использовать нейросети для написания дипломов. (2024, 24 января). 29.ру. <https://29.ru/text/education/2024/01/24/73154183/>; Положение о подготовке и защите выпускных квалификационных работ обучающихся в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». http://xn--80af5bzc.xn--p1ai/documents/polojenia/2021/polojenie_o_VKR.pdf

обладающих релевантным материально-техническим, организационно-правовым, научно-творческим и кадровым потенциалом. В большинстве вузов использование ИИ не получило целенаправленного характера и должной нормативной оценки и регламентации (например, в локальных актах, регулирующих порядок подготовки и защиты выпускных квалификационных работ).

Думается, что первоочередной задачей в интегрировании ИИ в сферу юридического образования является подготовка/переподготовка преподавателей юридических факультетов, руководствуясь принципом «хочешь изменить мир – начни с себя». Кадровый ресурс – основа для гармоничного внедрения искусственного интеллекта в действующую образовательную траекторию, экономии финансовых средств образовательных учреждений, обеспечения этических принципов применения искусственного интеллекта. В качестве центров для подготовки кадров могут выступать учреждения, уже имеющие образовательные, методические и научные разработки (базу) по рассматриваемому вопросу (НИУ Высшая школа экономики, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный университет, Московский государственный юридический университет, Саратовская государственная юридическая академия, Уральский государственный юридический университет, Северный (Арктический) федеральный университет, Казанский (Поволжский) федеральный университет).

Резюмируя, применение ИИ в юридической сфере, в том числе в образовательной плоскости, может привести к кардинальной трансформации профессии и нести положительный импульс. Однако для обеспечения этичного использования ИИ в правовой системе необходимо решить проблемы, связанные с предвзятостью, прозрачностью и юридической ответственностью.

Список литературы

- Алферова, Е. В. (2022). Дилеммы юридического образования в контексте цифровизации. *Право и управление. XXI век*, 18(2), 14–21. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2022-2-63-14-21>
- Бахтеев, Д. В. (2023). *Искусственный интеллект: этико-правовые основы*. М.: Проспект.
- Бодрийяр, Ж. (2015). *Симулякры и симуляции* (пер. с фр. А. Качалова). М.: Постум.
- Воронцов, С. А., Мамычев, А. Ю. (2019). «Искусственный интеллект» в современной политической и правовой жизнедеятельности общества: проблемы и противоречия цифровой трансформации. *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*, 11(4), 9–22. <https://doi.org/10.24866/vvsu/2073-3984/2019-4/009-022>
- Даниелян, А. С. (2024). К вопросу о преимуществах и рисках применения искусственного интеллекта в юриспруденции. *Образование и право*, 2, 472–476.
- Ди Сальво, М. (2024). Искусственный интеллект и киберутопизм в правосудии. Почему ИИ – не интеллект; борьба человека за собственное выживание. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 264–279. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.264-279>
- Еременко, Р. С. (2019). Искусственный интеллект и юрист: дуэль или коворкинг? *Актуальные проблемы гражданского права*, 1–2, 204–243. EDN: DYIZOT
- Ильин, И. Г. (2024). Персональные данные в системах искусственного интеллекта: технология обработки естественного языка. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 123–140. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.7>
- Коляда, М. Г., Бугаева, Т. И. (2019). Искусственный интеллект как движущая сила совершенствования и инновационного развития в образовании и педагогике. *Информатика и образование*, 10, 21–30. <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2018-33-10-21-30>
- Кочкин, М. (2023). Создание образовательных симуляторов с GPT. В сб. *ChatGPT для юриста и преподавателя: материалы открытого семинара из цикла «Как учить юристов»*, факультет права НИУ ВШЭ, 3 апреля 2023 г. (с. 24–29). Москва: НИУ ВШЭ. <https://pravo.hse.ru/mirror/pubs/share/827238046.pdf>
- Лазарев, В. В. (2023). Юридическая наука в свете перспектив цифровизации. *Журнал российского права*, 2. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.013>
- Лекторский, В. А. (2022). Искусственный интеллект в изучении человека, человек в мире, создаваемом искусственным интеллектом. В кн. В. А. Лекторский (ред.), *Человек и системы искусственного интеллекта* (с. 10–18). Санкт-Петербург: Юридический центр.
- Малько, А. В., Саломатин, А. Ю. (2017). Юридическое образование в глобализирующемся обществе. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 5, 16–31.
- Макгиннис, Д. О., Пирс, Р. Д. (2019). Великий подрыв: как искусственный интеллект меняет роль юристов в оказании юридических услуг. *Актуальные проблемы экономики и права*, 13(2), 1230–1250. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.2.1230-1250>

- Момотов, В. В. (2023). Пространство права и власть технологий в зеркале судебной практики: современный взгляд. *Журнал российского права*, 2, 112–123. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.021>
- Мяо, Ф., Холмс, У., Жунхуай, Х., Хуэй, Дж. (2022). *Технологии искусственного интеллекта в образовании: перспективы и последствия* (пер. М. Федоров). ЮНЕСКО. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000382446>
- Парентони, Л. (2024). Чего следует ожидать от искусственного интеллекта? *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 217–245. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.217-245>
- Соколова, А. А. (2019). Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения. *Юридическая техника*, 13, 350–356. EDN: YZOSDR
- Спиридонов, М. С. (2023). Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 481–497. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.20>
- Сысоев, П. В. (2024). Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом. *Высшее образование в России*, 33(2), 31–53. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53>
- Умнова-Конюхова, И. А., Алешкова, И. А. (2022). Современное юридическое образование: актуальные вопросы внедрения цифровых технологий. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право: Реферативный журнал*, 2, 25–39. EDN: PWHEYW
- Файн, А., Ли, С., Миллер, М. (2024). Контент-анализ мнений судей об инструментах оценки рисков с использованием искусственного интеллекта. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 246–263. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.246-263>
- Филипова, И. А., Коротеев, В. Д. (2023). Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 359–386. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.15>
- Харитоновна, Ю. С., Савина, В. С., Паньини, Ф. (2021). Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: Вопросы этики и права. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 53, 488–515. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515>
- Храпов, С. А. (2021). Цифровое образование и эмоциональный мир обучающихся. *Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия*, 3(57), 48–54. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2021.3.048>
- Ястреб, Н. А. (2012). Искусственный интеллект как симулякр третьего порядка. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, 1, 197–202. EDN: PUHPWZ
- Abdul Ghani, A. I. M. (2020). Challenges for legal education in the era of I.R.4.0. *UUM Journal of Legal Studies*, 11(2), 27–51. <https://doi.org/10.32890/uumljls.11.2.2020.7731>
- Bogert, E., Schecter, A., & Watson, R. T. (2021). Humans rely more on algorithms than social influence as a task becomes more difficult. *Science Reports*, 11. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-87480-9>
- Canick, S. (2014). Infusing technology skills into the law school curriculum. *Faculty Scholarship*, 1569. https://digitalcommons.law.umaryland.edu/fac_pubs/1569
- Cerqua, C. (2019). *From Latin to JavaScript: The Future of Legal Education*. https://www.researchgate.net/publication/333968644_From_Latin_to_JavaScript_The_Future_of_Legal_Education/citation/download
- Connell, W., & Hamlin, M. (2019). Black Artificial Intelligence and Legal Education. *The Computer & Internet Lawyer*, 36(5), 15–17.
- Contreras, A., & McGrath, J. (2020). Law, Technology, and Pedagogy: Teaching Coding to Build a “Future-Proof” Lawyer. *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*, 21(2). <https://scholarship.law.umn.edu/mjlst/vol21/iss2/2>
- Fenwick, M., Kaal, W. A., & Vermeulen, E. P. M. (2018). Legal Education in a Digital Age: Why 'Coding for Lawyers' Matters. *Lex Research Topics in Corporate Law & Economics Working Paper*, 2018-4; *U of St. Thomas (Minnesota) Legal Studies Research Paper*, 18–21. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3227967>
- Fornasier, M. de Oliveira. (2021). Legal education in the 21st century and the artificial intelligence. *Revista Opinião Jurídica*, 19(31), 1–32. <https://doi.org/10.12662/2447-6641oj.v19i31.p1-32.2021>
- Gordon, J.-S. (2024). General Introduction. In J.-S. Gordon (Ed.). *Future Law, Ethics, and Smart Technologies* (pp. 1–11). Brill. <https://brill.com/display/title/64715>
- Heaven, W. D. (2020). Predictive policing algorithms are racist. They need to be dismantled, *MIT Technology Review*, 3.
- Hu, T., & Lu, H. (2019). Study on the Influence of Artificial Intelligence on Legal Profession. In *Proceedings of the 5th International Conference on Economics, Management, Law and Education (EMLE 2019)*. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.191225.184>
- Isaak, J., & Hanna, M. J. (2018). User Data Privacy: Facebook*, Cambridge Analytica, and Privacy Protection. *Computer*, 51(8), 56–59. <https://doi.org/10.1109/MC.2018.3191268>
- Kharitonova, Yu. S. (2023). Legal Means of Providing the Principle of Transparency of the Artificial Intelligence. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 337–358. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.14>
- Koene, A., Clifton, C., Hatada, Y., Webb, H., & Richardson, R. (2019). *A governance framework for algorithmic accountability and transparency*. Panel for the Future of Science and Technology. European Parliament.
- Leary, K. (2018, February 27). The Verdict Is In: AI Outperforms Human Lawyers in Reviewing Legal Documents. *Futurism*.
- Louw, A. (2020). Artificial Intelligence (AI) in non-law student training. In M. Njotine, & L. G. Mpedi (Eds.), *Law and Industry 4.0 – Selected Perspectives on a New Scholarship of Teaching and Learning* (pp. 59–70). Johannesburg.

- Maleki, N., Padmanabhan, B., & Dutta, K. (2024). *AI Hallucinations: A Misnomer Worth Clarifying*. <https://arxiv.org/abs/2401.06796v1>
- Pagano, T. P., Loureiro, R., Lisboa, F., Peixoto, R. M., Guimarães, G., Cruz, G., Santos, L., Cruz, M., Araujo, M., Oliveira, E., Winkler, I., & Nascimento, E. (2023). Bias and Unfairness in Machine Learning Models: A Systematic Review on Datasets, Tools, Fairness Metrics, and Identification and Mitigation Methods. *Big Data and Cognitive Computing*, 7(1), 15. <https://doi.org/10.3390/bdcc7010015>
- Sjöberg, C. M. (2019). Legal Automation: AI and Law Revisited. In M. Corrales, M. Fenwick, & H. Haapio (Eds.), *Legal Tech, Smart Contracts and Blockchain* (pp. 186–187). Springer, Singapore.
- Srivastava, R. (2018). Artificial Intelligence in the Legal Industry: A Boon or a Bane for the Legal Profession. *International Journal of Engineering Trends and Technology*, 64(3), 131–138. <https://doi.org/10.14445/22315381/ijett-v64p224>
- Sundquist, C. B. (2018, April 9). *A Place to Discuss Best Practices for Legal Education Artificial Intelligence, Algorithmic Knowledge and the Future of Law Schools*. <https://bestpracticeslegaled.com/2018/04/09/artificial-intelligence-algorithmic-knowledge-and-the-future-of-law-schools/>
- Surden, H. (2017). What to Teach Law Students About Artificial Intelligence and Law? *Northwestern Law Review Online (Bridges II)*. <https://ssrn.com/abstract=3120123>
- Susskind, R. (2013). *Tomorrow's Lawyers: An Introduction to Your Future*. Oxford.
- Toffler, A. (1984). *Future Shock*. Bantam Books.
- Wang, Z. J. (2019). Between Constancy and Change: Legal Practice and Legal Education in the Age of Technology. *Law in Context*, 36(1). <https://ssrn.com/abstract=3472795>
- Webb, J. (2019). Information Technology and the Future of Legal Education: A Provocation. *The Griffith Journal of Law & Human Dignity*, 9(1), 72–104. https://www.researchgate.net/publication/334957219_Information_Technology_and_the_Future_of_Legal_Education_A_Provocation
- Wilkins, S. (2017, October 26). The AI revolution disrupting the legal sector. *Lawyers Weekly*. [https://www.lawyersweekly.com.au/newLaw/22140-the-ai-revolution-disrupting-the-legal-sector](https://www.lawyersweekly.com.au/newlaw/22140-the-ai-revolution-disrupting-the-legal-sector)
- Yoshino, H., & Sakuraia, S. (2005). A Knowledge-Based Systems Approach to Educating Creative Legal Minds. In *Proceedings of the ICAIL-05 Workshop on Artificial Intelligence and Legal Education* (pp. 9–13). Bologna, Italy.

References

- Abdul Ghani, A. I. M. (2020). Challenges for legal education in the era of I.R.4.0. *UUM Journal of Legal Studies*, 11(2), 27–51. <https://doi.org/10.32890/uujls.11.2.2020.7731>
- Alferova, E. A. (2022). Dilemmas of Legal Education in the Context of Digitalization. *Journal of Law and Administration*, 18(2), 14–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2022-2-63-14-21>
- Bakhteev, D. V. (2023). *Artificial intelligence: Ethical and legal foundations*. Moscow: Prospekt. (In Russ.).
- Baudrillard, J. (2015). *Simulacra et simulation*. Moscow: Postum. (In Russ.).
- Bogert, E., Schecter, A., & Watson, R. T. (2021). Humans rely more on algorithms than social influence as a task becomes more difficult. *Science Reports*, 11. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-87480-9>
- Canick, S. (2014). Infusing technology skills into the law school curriculum. *Faculty Scholarship*, 1569. https://digitalcommons.law.umaryland.edu/fac_pubs/1569
- Cerqua, C. (2019). *From Latin to JavaScript: The Future of Legal Education*. https://www.researchgate.net/publication/333968644_From_Latin_to_JavaScript_The_Future_of_Legal_Education/citation/download
- Connell, W., & Hamlin, M. (2019). Black Artificial Intelligence and Legal Education. *The Computer & Internet Lawyer*, 36(5), 15–17.
- Contreras, A., & McGrath, J. (2020). Law, Technology, and Pedagogy: Teaching Coding to Build a “Future-Proof” Lawyer. *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*, 21(2). <https://scholarship.law.umn.edu/mjlst/vol21/iss2/2>
- Danielyan, A. S. (2024). On the advantages and risks of using artificial intelligence in jurisprudence. *Education and Law*, 2, 472–476. (In Russ.).
- Di Salvo, M. (2024) Artificial Intelligence and the cyber utopianism of justice. Why AI is not intelligence and man's struggle to survive himself. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 264–279. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.264-279>
- Eremenko, R. S. (2019). Artificial intelligence and a lawyer: a duel or a coworking? *Actual Problems of Civil Law*, 1–2, 204–243. (In Russ.).
- Fenwick, M., Kaal, W. A., & Vermeulen, E. P. M. (2018). Legal Education in a Digital Age: Why 'Coding for Lawyers' Matters. *Lex Research Topics in Corporate Law & Economics Working Paper*, 2018-4; *U of St. Thomas (Minnesota) Legal Studies Research Paper*, 18–21. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3227967>
- Filipova, I. A., & Koroteev, V. D. (2023). Future of the Artificial Intelligence: Object of Law or Legal Personality? *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 359–386. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.15>

- Fine, A., Le, S., & Miller, M. (2024). Content Analysis of Judges' Sentiments Toward Artificial Intelligence Risk Assessment Tools. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 246–263. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.246-263>
- Fornasier, M. de Oliveira. (2021). Legal education in the 21st century and the artificial intelligence. *Revista Opinião Jurídica*, 19(31), 1–32. <https://doi.org/10.12662/2447-6641oj.v19i31.p1-32.2021>
- Gordon, J.-S. (2024). General Introduction. In J.-S. Gordon (Ed.). *Future Law, Ethics, and Smart Technologies* (pp. 1–11). Brill. <https://brill.com/display/title/64715>
- Heaven, W. D. (2020). Predictive policing algorithms are racist. They need to be dismantled, *MIT Technology Review*, 3.
- Hu, T., & Lu, H. (2019). Study on the Influence of Artificial Intelligence on Legal Profession. In *Proceedings of the 5th International Conference on Economics, Management, Law and Education (EMLE 2019)*. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.191225.184>
- Ilin, I. G. (2024) Personal Data in Artificial Intelligence Systems: Natural Language Processing Technology, *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 123–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.7>
- Isaak, J., & Hanna, M. J. (2018). User Data Privacy: Facebook*, Cambridge Analytica, and Privacy Protection. *Computer*, 51(8), 56–59. <https://doi.org/10.1109/MC.2018.3191268>
- Kharitonova, Yu. S. (2023). Legal Means of Providing the Principle of Transparency of the Artificial Intelligence. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 337–358. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.14>
- Kharitonova, Yu. S., Savina, V. S., & Pagnini, F. (2021). Artificial Intelligence's Algorithmic Bias: Ethical and Legal Issues. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 53, 488–515. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515>
- Khrapov, S. A. (2021). Digital education and the emotional world of students. *Herald of Tver State University. Philosophy Series*, 3(57), 48–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2021.3.048>
- Kochkin, M. (2023). Creating educational simulations with GPT. In *ChatGPT for a Lawyer and a Professor: works of the open seminar from the series “How to teach lawyers”*, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics”, April 3, 2023 (pp. 24–29). Moscow: National Research University “Higher School of Economics”. (In Russ.) <https://pravo.hse.ru/mirror/pubs/share/827238046.pdf>
- Koene, A., Clifton, C., Hatada, Y., Webb, H., & Richardson, R. (2019). *A governance framework for algorithmic accountability and transparency*. Panel for the Future of Science and Technology. European Parliament.
- Koliada, M. G., & Bugayova, T. I. (2019). Artificial intelligence as a moving force of improvement and innovative development in education and pedagogic. *Informatics and Education*, 10, 21–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2018-33-10-21-30>
- Lazarev, V. V. (2023). Legal science in the light of the prospects of digitalization. *Journal of Russian Law*, 2. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.013>
- Leary, K. (2018, February 27). The Verdict Is In: AI Outperforms Human Lawyers in Reviewing Legal Documents. *Futurism*.
- Lektorsky, V. A. (2022). Artificial intelligence in studying a human, a human in the world created by artificial intelligence. In V. A. Lektorsky (Ed.), *A human and artificial intelligence systems* (pp. 10–18). Saint Petersburg. (In Russ.).
- Louw, A. (2020). Artificial Intelligence (AI) in non-law student training. In M. Njotine, & L. G. Mpedi (Eds.), *Law and Industry 4.0 – Selected Perspectives on a New Scholarship of Teaching and Learning* (pp. 59–70). Johannesburg.
- Maleki, N., Padmanabhan, B., & Dutta, K. (2024). *AI Hallucinations: A Misnomer Worth Clarifying*. <https://arxiv.org/abs/2401.06796v1>
- Mal'ko, A. V., & Salomatin, A. Yu. (2017). Legal education in a globalizing society. *News of higher educational institutions. Pravovedenie*, 5, 16–31. (In Russ.)
- McGinnis, J. O., & Pearce, R. G. (2019). The Great Disruption: How Machine Intelligence Will Transform the Role of Lawyers in the Delivery of Legal Services. *Actual Problems of Economics and Law*, 13(2), 1230–1250. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.2.1230-1250>
- Miao, F., Holmes, W., Ronghuai, H., & Hui, Z. (2022). *Artificial intelligence technologies in education: Prospects and implications* (trans. M. Fedorov). UNESCO. (In Russ.) <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000382446>
- Momotov, V. V. (2023). The space of law and the power of technology in the mirror of judicial practice: a modern view. *Journal of Russian Law*, 2, 112–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.021>
- Pagano, T. P., Loureiro, R., Lisboa, F., Peixoto, R. M., Guimarães, G., Cruz, G., Santos, L., Cruz, M., Araujo, M., Oliveira, E., Winkler, I., & Nascimento, E. (2023). Bias and Unfairness in Machine Learning Models: A Systematic Review on Datasets, Tools, Fairness Metrics, and Identification and Mitigation Methods. *Big Data and Cognitive Computing*, 7(1), 15. <https://doi.org/10.3390/bdcc7010015>
- Parentoni, L. (2024). What Should we Reasonably Expect from Artificial Intelligence? *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 217–245. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.217-245>
- Sjöberg, C. M. (2019). Legal Automation: AI and Law Revisited. In M. Corrales, M. Fenwick, & H. Haapio (Eds.), *Legal Tech, Smart Contracts and Blockchain* (pp. 186–187). Springer, Singapore.
- Sokolova, A. A. (2019). Artificial intelligence in jurisprudence: risk of introduction. *Yuridicheskaya tekhnika*, 13, 350–356. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37104469>
- Spiridonov, M. S. (2023). Artificial Intelligence Technologies in Criminal Procedural Proving. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 481–497. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.20>
- Srivastava, R. (2018). Artificial Intelligence in the Legal Industry: A Boon or a Bane for the Legal Profession. *International Journal of Engineering Trends and Technology*, 64(3), 131–138. <https://doi.org/10.14445/22315381/ijett-v64p224>

- Sundquist, C. B. (2018, April 9). *A Place to Discuss Best Practices for Legal Education Artificial Intelligence, Algorithmic Knowledge and the Future of Law Schools*. <https://bestpracticeslegaled.com/2018/04/09/artificial-intelligence-algorithmic-knowledge-and-the-future-of-law-schools/>
- Surden, H. (2017). What to Teach Law Students About Artificial Intelligence and Law? *Northwestern Law Review Online (Bridges II)*. <https://ssrn.com/abstract=3120123>
- Susskind, R. (2013). *Tomorrow's Lawyers: An Introduction to Your Future*. Oxford.
- Sysoev, P. V. (2024). Ethics and AI-plagiarism in academic environment: Students understanding of authorship ethics and plagiarism issues in interaction with generative artificial intelligence. *Higher Education in Russia*, 33(2), 31–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53>
- Toffler, A. (1984). *Future Shock*. Bantam Books.
- Umnova-Konyukhova, I. A., & Aleshkova, I. A. (2022). Modern legal education: topical issues of the introduction of digital technologies. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*, 2, 25–39. (In Russ.).
- Vorontsov, S. A., & Mamychyev, A. Yu. (2019). “Artificial intelligence” in modern political and legal life of society: problems and contradictions of digital transformation. *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 11(4), 9–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.24866/vvsu/2073-3984/2019-4/009-022>
- Wang, Z. J. (2019). Between Constancy and Change: Legal Practice and Legal Education in the Age of Technology. *Law in Context*, 36(1). <https://ssrn.com/abstract=3472795>
- Webb, J. (2019). Information Technology and the Future of Legal Education: A Provocation. *The Griffith Journal of Law & Human Dignity*, 9(1), 72–104. https://www.researchgate.net/publication/334957219_Information_Technology_and_the_Future_of_Legal_Education_A_Provocation
- Wilkins, S. (2017, October 26). The AI revolution disrupting the legal sector. *Lawyers Weekly*. [https://www.lawyersweekly.com.au/newLaw/22140-the-ai-revolutiondisrupting-the-legal-sector](https://www.lawyersweekly.com.au/newlaw/22140-the-ai-revolutiondisrupting-the-legal-sector)
- Yastreba, N. A. (2012). Artificial intelligence as a third-order simulacrum. *Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*, 1, 197–202. (In Russ.).
- Yoshino, H., & Sakuraia, S. (2005). A Knowledge-Based Systems Approach to Educating Creative Legal Minds. In *Proceedings of the ICAIL-05 Workshop on Artificial Intelligence and Legal Education* (pp. 9–13). Bologna, Italy.

* Соцсеть принадлежит Meta – организации, признанной экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 03.05.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 11.06.2024

Дата принятия в печать / Accepted 11.06.2024

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.824-841>

УДК 349.2:349.3:364:369:004.8

JEL: D3, D31, E24, H53, H55, K31

И. А. Филипова¹,

О. М. Стешина¹

¹ Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Введение безусловного базового дохода как вероятное следствие интеллектуальной автоматизации сферы труда

Контактное лицо:

Филипова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

E-mail: irinafilipova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1773-5268>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?Authorid=57327205000>

Web of Science Researcher ID: R-1375-2016

eLIBRARY SPIN-код: 7317-2034

Стешина Ольга Михайловна, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

E-mail: olga.olstga@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7206-4471>

Web of Science Researcher ID: KGM-4776-2024

eLIBRARY SPIN-код: 7721-9910

Аннотация

Цель: формирование целостного представления о безусловном базовом доходе как инструменте социальной защиты, учитывающем изменения сферы труда и позволяющем решить ряд растущих проблем, связанных с последствиями цифровизации экономики, а также оценка перспектив создания правового регулирования по данному вопросу.

Методы: исследование проводилось с использованием как общенаучных, так и частно-научных методов, в том числе методов анализа и синтеза, формально-юридического метода, системного и сравнительного подходов, методов правового прогнозирования и правового моделирования.

Результаты: безусловный базовый доход может стать одним из элементов новой модели социального обеспечения, основанной на неустойчивом характере трудовых отношений, который начинает преобладать над моделью традиционной для индустриального общества устойчивой занятости. В случае становления этот институт будет носить характер межотраслевого в рамках трудового права и права социального обеспечения, предоставляя социальную защиту одновременно всем членам общества, большинство из которых в ближайшем будущем окажутся в зоне повышенного риска поглощения технологической безработицей. Безусловный базовый доход как элемент системы социальной защиты будет должен, с одной стороны, соответствовать принципу всеобщего характера защиты, основанной на социальной солидарности, с другой – учитывать необходимость сбалансированности интересов сторон. В качестве экспериментальных моделей базового дохода, которые могут быть воплощены на практике в ближайшие годы, можно назвать модель базового дохода как меры социальной поддержки лиц, вовлеченных в нетипичные формы занятости, что затронет ряд действующих положений трудового законодательства и позволит со временем, в случае реализовавшейся угрозы технологической безработицы, расширить круг получателей безусловного базового дохода на всех людей.

Научная новизна: состоит в том, что конструкция безусловного базового дохода проанализирована с точки зрения ее соответствия основополагающим принципам в сфере труда, занятости и социального обеспечения.

Практическая значимость: заключается в выявлении значения базового дохода для реализации политики в социальной сфере и формирования рекомендаций по моделированию экспериментов по внедрению безусловного базового дохода на территории Российской Федерации.

© Филипова И. А., Стешина О. М., 2024

Ключевые слова:

занятость, технологическая безработица, работник, искусственный интеллект, универсальный базовый доход, социальная защита, трудовое законодательство

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Филипова, И. А., Стешина, О. М. (2024). Введение безусловного базового дохода как вероятное следствие интеллектуальной автоматизации сферы труда. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 824–841. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.824-841>

Scientific article

I. A. Filipova¹,
O. M. Steshina¹

¹ Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhniy Novgorod, Russia

Introduction of a guaranteed basic income as a probable consequence of intellectual automation of labor

Contact:

Irina A. Filipova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor and Environmental Law, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky
E-mail: irinafilipova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1773-5268>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?Authorid=57327205000>

Web of Science Researcher ID: R-1375-2016

eLIBRARY SPIN-код: 7317-2034

Olga M. Steshina, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky
E-mail: olga.olstga@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7206-4471>

Web of Science Researcher ID: KGM-4776-2024

eLIBRARY SPIN-код: 7721-9910

Abstract

Objective: to form a holistic view of the unconditional basic income as a tool of social protection, taking into account the changes in the labor sphere and allowing to solve a number of growing problems associated with the consequences of the economy digitalization, as well as to assess the prospects of creating legal regulation on this issue.

Methods: the study was conducted using both general and specific scientific methods, including analysis and synthesis, formal-legal method, systemic and comparative approaches, methods of legal forecasting and legal modeling.

Results: unconditional basic income can become one of the elements of a new model of social security based on the unstable nature of labor relations, which begins to prevail over the model of sustainable employment traditional for industrial society. If established, this institution will be cross-sectoral within the labor law and social security law, providing social protection simultaneously to all members of society, most of whom in the near future will face an increased risk of being absorbed by technological unemployment. Unconditional basic income as an element of the social protection system will have to comply with the principle of the universal nature of protection based on social solidarity, on the one hand, and to take into account the need to balance the interests of the parties, on the other hand. As experimental models of basic income, which can be put into practice in the coming years, we can name the model of basic income as a measure of social support for persons involved in atypical forms of employment. This model will affect a number of existing provisions of labor legislation and will allow over time, in case of technological unemployment, to expand the circle of unconditional basic income recipients to all people.

Scientific novelty: it consists in the fact that the unconditional basic income is analyzed from the viewpoint of its compliance with the fundamental principles of labor, employment, and social security.

Practical significance: it consists in revealing the significance of basic income for the implementation of social policy and in forming recommendations for modeling experiments to introduce the unconditional basic income in the Russian Federation.

Keywords:

employment, technological unemployment, employee, artificial intelligence, universal basic income, social protection, labor legislation

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Filipova, I. A., & Steshina, O. M. (2024). Introduction of a guaranteed basic income as a probable consequence of intellectual automation of labor. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 824–841. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.824-841>

Введение

Распространение трудовых отношений в свое время стало драйвером для выделения трудового права как самостоятельной отрасли правовой системы и подтолкнуло к формированию системы социальной защиты на основе конструкции трудовых отношений. Сегодня процессы, происходящие в условиях Четвертой промышленной революции: растущее внедрение искусственного интеллекта на практике и, как следствие, поступательная интеллектуальная автоматизация и роботизация промышленности, транспорта, строительства, торговли, иных отраслей экономики – приводят к все большей трансформации сферы труда, дезорганизуя сложившуюся систему занятости населения. Происходит отход от традиционной модели трудовых отношений, основанных на трудовом договоре, заключаемом, как правило, на неопределенный срок, и на организации работодателем процесса трудовой деятельности в соответствии с трудовым законодательством на основе четко установленной системы социальных гарантий работникам. Все чаще «классические» трудовые отношения заменяются неустойчивыми формами взаимодействия, которые не создают для фактического работника комплекса трудовправовых гарантий. Наиболее демонстративным примером такого рода отношений стала платформенная занятость¹, оптимизировавшая поиск исполнителей работы с помощью цифровых платформ-агрегаторов. Неустойчивый характер и слабая социальная защищенность нетипичных форм занятости обнажают потребность в трансформации системы социальной защиты. В качестве одного из инструментов ее преобразования называется введение безусловного базового дохода, который должен будет выступить средством обеспечения достойной жизни, страховкой каждого члена общества от угрожающей ему технологической безработицы. «Вопрос о гарантированном (безусловном) минимуме, или базовом доходе, который выплачивается всем гражданам независимо от участия в трудовой деятельности» (Лушников, 2022) как варианте решения обостряющейся проблемы необходимо рассматривать уже сегодня, в том числе соотнося конструкцию безусловного базового дохода с существующими основами правового регулирования труда.

Задачами настоящего исследования являются анализ уже существующих протомоделей безусловного базового дохода, выявление масштабов предполагаемого воздействия на занятость и статус участников трудовых отношений, оценка возможностей безусловного базового дохода в качестве составной части новой модели социального обеспечения, потребность в которой возрастает в связи с переходом общества на новый этап развития, связанный с широким распространением на практике цифровых технологий, преобразующих в том числе сферу труда.

---

¹ Перспективы занятости и социальной защиты в мире: роль платформ цифрового труда в трансформации сферы труда. Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. (2021). Москва: МОТ.

Результаты исследования в рамках решения поставленных задач даны в следующей последовательности параграфов: 1. Генезис концепции безусловного базового дохода. 2. Современное понимание безусловного базового дохода. 3. Модели безусловного базового дохода, тестируемые в разных странах. 4. Безусловный базовый доход и проблема занятости. 5. Влияние безусловного базового дохода на правовой статус работника и работодателя. 6. Препятствия в реализации идеи безусловного базового дохода.

Результаты исследования

1. Генезис концепции безусловного базового дохода

Идея безусловного базового дохода (далее – ББД) возникла задолго до формулирования положений, рассматриваемых сегодня в качестве теории ББД. Хронологически первым прообразом всеобщего дохода может быть названо упоминание о минимальном доходе в виде государственной помощи в «Утопии» Т. Мора, впервые опубликованной в 1516 г. (Мор, 2024). Согласно Т. Мору, минимальным доходом могли стать средства к существованию, предоставляемые в натуральной форме, в сочетании с обязательным трудом. Общественное распределение присутствует здесь в следующем виде: все принадлежит всем, никто ничем не владеет, но все богаты. В данной идее, включающей отказ от денежной экономики, можно усмотреть основы общественного перераспределения в целях социальной защиты каждого члена общества, характерные и для современного понимания базового дохода.

Еще одна предпосылка концепции ББД легко считывается в схеме минимального дохода, разработанной И. Л. Вивесом, изложенной им в трактате «О помощи бедным» 1526 г., который посвящен мэру города Брюгге (Solanes, 2018). Согласно схеме, обеспечение дохода, необходимого для жизни жителям города, может быть вменено в обязанность управляющему субъекту. Правда, в качестве цели в трактате заявлено не предоставление о справедливости, а эффективное осуществление морально необходимой благотворительности. Отличительными признаками схемы являлись направленность социальной защиты на малоимущие слои населения и необходимость для этой категории граждан «заслужить» получаемую помощь, доказывая свою готовность работать.

Спустя два века, в 1748 г., Ш. Л. Монтескье поднимает вопрос участия государства в защите граждан от нищеты в трактате «О духе законов» (Монтескье, 2018). В XVIII в. была сформулирована идея, которая в современной терминологии может быть охарактеризована как социальное страхование. Впервые она появилась в работе М. де Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (де Кондорсе, 2024) и имела вид перераспределения средств, сберегаемых одними и получаемых другими лицами при наступлении определенных жизненных обстоятельств (старости, потери главы семьи и т. д.). Проступает еще одна черта, характерная для будущих представлений о базовом доходе, – охват широкого круга людей, независимо от того, пребывают ли они в состоянии нищеты. В то же время право на получение подобного дохода не декларируется как безусловное, оно основывается на участии в сбережении необходимых ресурсов.

Все вышеупомянутое иллюстрирует зарождение и развитие, вылившееся в дальнейшем в концепцию современной системы социального обеспечения, не затрагивая напрямую ББД. Вместе с тем безусловный базовый доход является производным от развития этой системы в развитых странах. К истокам непосредственно концепции ББД можно отнести труд Т. Пейна «Аграрная справедливость» 1789 г. (Anderson, 2016), в котором он рассматривает категории собственности и земельной ренты. На взгляд автора, земля в ее естественном состоянии принадлежит всему человечеству, следовательно, землевладелец, получивший землю в собственность, имеет обязанность перед обществом в виде земельной ренты. Из такой ренты должен быть создан фонд, средства которого расходовались бы на выплату определенной суммы каждому члену общества, достигшему совершеннолетия, в качестве компенсации за утраченное естественное состояние по отношению к земле из-за возникновения системы земельной собственности. При этом право на получение таких выплат не зависит от богатства или бедности их получателей, чтобы предотвратить «оскорбительные различия». В данном случае целью выплат является не только уменьшение бедности, но и предотвращение условий для ее возникновения.

Родоначальником концепции ББД в ее современном виде выступил Т. Спенс, тоже отталкивавшийся в своих работах от равенства прав людей на землю и предлагавший схему перераспределения выгод от пользования землей (Алексашина, 2017). Получателями дохода, по его мнению, могли бы стать все граждане,

независимо от пола, возраста и иных различий. В дальнейшем развитие представлений о всеобщем базовом доходе происходило также на основе утверждений о необходимости перераспределения доходов от владения землей в пользу всех членов общества. Хотя, к примеру, занимавшийся этим вопросом Ш. Фурье отстаивал утверждение, что класс, присвоивший землю, обязан обеспечить классу, отстраненному от владения землей, минимум для существования в натуральной форме (в виде питания и комплекта одежды), т. е. речь идет именно о неимущих слоях населения. Тем не менее предисловие к работе Ш. Фурье «Новый хозяйственный и социетарный мир», написанной в 1829 г. (Фурье, 1971), содержит упоминание об «обильном минимуме», который необходимо выплачивать всем в целях повышения привлекательности и прибыльности работы.

ББД как конкретный инструмент для обеспечения благополучия на уровне целой страны впервые предложен Ж. Шарлье в книге «Решение социальной проблемы, или Гуманитарная Конституция» 1848 г. (Charlier, 2004). Автор, вдохновленный Ш. Фурье, полагал, что каждому гражданину необходимо предоставить право на ежеквартальное или ежемесячное получение денежной суммы, устанавливаемой национальными представительными органами на основе общей стоимости аренды недвижимости. Уровень такого обеспечения должен соответствовать минимальным потребностям, одновременно вознаграждая наименее обеспеченные трудящиеся классы за их общественно необходимый, но низкооплачиваемый труд.

В первой четверти XX в. концепция ББД несколько изменилась, так как этот вопрос вышел на уровень дебатов в политической и научной среде. В результате сформировались различные подходы к содержанию базового дохода и разные модели практического применения этой концепции с разнообразным целеполаганием. Предлагались как модели, обеспечивающие устойчивость социальной системы за счет введения универсального базового дохода, достаточного для получения предметов первой необходимости и выплачиваемого всем независимо от отношения к труду, так и модели, требующие поиска работы гражданами трудоспособного возраста и готовности приступить к любой предлагаемой работе (Torru, 2021).

Дискуссия по вопросам ББД развернулась и в США, где оформились три подхода к нему как к гарантированному минимуму. Первый подход связан с проблемой автоматизации производства и, как следствие, с сокращением традиционных рабочих мест, что делает правительственные пособия необходимыми для поддержания платежеспособности населения и, соответственно, сохранения потребительского спроса на производимые товары. Второй подход связан с введением «отрицательного подоходного налога», когда при недостаточности дохода гражданина, «неотягивании» до уровня дохода, с которого начинается налогообложение, он имеет право на доплату до этого минимума. Третий подход, собственно, и является предложением о ББД, предлагая автоматически начисляемые выплаты всем гражданам. Эти выплаты не должны подменять существующую систему социального обеспечения, но направлены на ее упрощение. Как видим, для дискуссии по ББД в США характерно смешение понятий базового дохода и отрицательного подоходного налога, кроме того, ведение дискуссии на федеральном уровне осложнено тем, что поддержание минимального уровня жизнеобеспечения относится к компетенции штатов, подходы которых сильно отличаются. Кстати, отдельные штаты реализуют концепцию ББД на практике, примером этого является Аляска, программа дивидендов Постоянного фонда которой основана на периодических равных выплатах каждому жителю штата, соответствующему установленным требованиям (Квашнин, 2021).

В 1970-х гг. обсуждение базового дохода оживилось в европейских странах, интересно, что оно отнюдь не основывалось на результатах предыдущих дискуссий. Основное внимание стали уделять возможности разъединения занятости и дохода, необходимого человеку для существования. Впрочем, наличие развитой системы социального обеспечения в европейских странах не способствовало включению государственных органов в эти дискуссии. Тем не менее в 1986 г. в Бельгии состоялась первая международная конференция по базовому доходу, по итогам которой была создана *Basic Income European Network* (позднее преобразованная в *Basic Income Earth Network*), которая будет организовывать подобные конференции каждые два года. Постепенно эта организация объединила исследователей и сторонников данной идеи со всего мира. Очередная конференция прошла 29–31 августа 2024 г. в Университете Бата в Великобритании².

Обсуждение ББД на сегодня присутствует и в российском научном дискурсе, в том числе среди правоведов, ведь идея выстроена на трактовке «феноменов права, свободы и справедливости в человеческих отношениях» (Лапаева, 2021).

² Сайт Basic Income Earth Network. <https://basicincome.org/>

2. Современное понимание безусловного базового дохода

К настоящему моменту определение безусловного базового дохода сложилось в соответствии с формулировкой, предложенной в свое время *Basic Income European Network*: это периодические денежные выплаты, предоставляемые всем на индивидуальной основе без каких-либо условий.

К основным признакам ББД относятся:

1. Регулярность выплаты, которая должна обеспечить равномерные условия выживания на протяжении всей жизни человека.

2. Денежный характер выплаты, позволяющий получателю самостоятельно распоряжаться ею для приобретения необходимых ему благ.

3. Индивидуальная основа (выплата направляется непосредственно лицу, а не семье, иной общности), что позволяет обеспечить личную свободу человека в принятии решений и создании новых форм социальной организации (Pisani, 2022). Индивидуальный характер выплат не должен вступать в противоречие с институтом дееспособности: когда ББД представляет собой разновидность дохода, принадлежащего несовершеннолетнему, недееспособному либо ограниченному в дееспособности лицу, право распоряжаться таким доходом должно определяться по правилам, устанавливаемым гражданским законодательством.

4. Универсальность. Данный признак по-разному интерпретируется исследователями, к примеру, по мнению Е. С. Садовой, универсальность означает предоставление выплат независимо от размера иных доходов (Садовая, 2020), В. Н. Бобков и Е. В. Одинцова рассматривают универсальность как предназначенность для всех членов сообщества (Антипов и др., 2022), а Ю. Д. Квашнин говорит об универсальности дохода как об одинаковом для всех его размере (Квашнин, 2019). Кстати, помимо термина «безусловный базовый доход», в литературе встречается и формулировка «универсальный базовый доход». Отчасти эти термины рассматриваются как синонимы, однако некоторые авторы акцентируют внимание на различиях между ними. Так, с точки зрения В. Н. Бобкова и Е. В. Одинцовой, универсальный базовый доход отличается характером охвата населения, предполагая, исходя из названия, возможность получения соответствующей выплаты каждым членом общества (гражданином государства), тогда как безусловный доход может быть ограничен отдельной социальной группой получателей (что лежит в основе многих проводимых до настоящего времени экспериментов в этой области). Вместе с тем определение не содержит критерия, позволяющего ограничить круг получателей ББД на территории конкретной страны, т. е. не установлены пределы универсальности. Поскольку в настоящее время еще не сформировалась жизнеспособная модель ББД, действующая на всей территории конкретного государства, можно говорить о том, что соответствующий критерий может быть установлен государством самостоятельно.

5. Безусловность. Получение выплат предлагается не связывать с занятостью и уровнем доходов получателя. Этот критерий выступает гарантией критерия универсальности, наиболее широко очерчивая круг субъектов, для которых соответствующие выплаты предназначены. С другой стороны, безусловность можно рассматривать и в административно-правовом контексте: возникновение права на ББД не должно требовать соблюдения каких-либо специальных административных процедур со стороны получателя.

6. Отсутствие налогообложения, позволяющее избежать расходов на администрирование налоговых поступлений.

Рассмотрим взаимосвязь перечисленных признаков ББД и принципов социального обеспечения, зафиксированных, в частности, в Рекомендации Международной организации труда (далее – МОТ) от 14 июня 2012 г. № 202 «О минимальных уровнях социальной защиты». Рекомендация предлагает принципы, на которых должны основываться минимальные уровни социальной защиты. Среди этих принципов, содержащихся в п. 3 раздела I указанного акта, для настоящего исследования наибольший интерес представляют следующие:

– принцип всеобщности характера защиты, основанной на социальной солидарности (подп. «а»). Социальная солидарность основана на перераспределении части ресурсов от экономически более сильных субъектов к более слабым (в первую очередь от работодателей и экономически активного населения к работникам и нетрудоспособным лицам). При реализации концепции ББД в качестве одного из вариантов обеспечения расходов на эти нужды может быть избран вариант социальной солидарности с той лишь модификацией, что ресурсы более сильных субъектов перераспределяются не только в пользу слабой стороны, а в пользу всех членов общества;

– адекватный характер и прогнозируемость пособий и льгот (подп. «с»). В данном случае ключевой является характеристика прогнозируемости пособий. В соответствии с ней источник формирования ББД должен быть устойчивым во времени и относительно устойчивым в размере, что может быть обеспечено постоянными поступлениями в бюджет денежных средств из относительно стабильного источника. К относительно устойчивым поступлениям можно отнести налоговые и поступления от страховых взносов, доходы от продаж полезных ископаемых, которые и лежат в основе большинства концепций ББД;

– солидарность в области финансирования и стремление к обеспечению оптимальной сбалансированности между сферой ответственности и интересами тех, кто финансирует системы социального обеспечения, и тех, кто пользуется ими (подп. «h»). Принцип сбалансированности в отношениях между субъектами, финансирующими систему социального обеспечения, и субъектами, ею пользующимися, – необходимое условие социального компромисса. В данном случае, если избранная модель ББД основана на перераспределении доходов за счет налогообложения, необходимо определить ставку налога, основываясь не только на интересах его потенциальных получателей, но и на интересах потенциальных плательщиков.

3. Модели безусловного базового дохода, тестируемые в разных странах

Оценить жизнеспособность идеи безусловного базового дохода можно, рассмотрев реализованные на практике экспериментальные модели, в целом соответствующие признакам ББД. Сравнить модели можно по следующим критериям: 1) по охвату получателей во времени, в пространстве и по кругу лиц; 2) по источнику формирования; 3) по взаимодействию с другими схемами социальной помощи. Выделим модели, в которых поставлены акценты на различных признаках.

1. Универсальный базовый доход (признак универсальности). Такая модель реализована в США, в штате Аляска, и имеет следующие характеристики:

- получателями выплаты являются лица, прожившие в штате не менее 6 месяцев и имеющие намерение проживать там дальше;
- источником финансирования программы является роялти от государственных нефтяных доходов, а средством распределения – Постоянный фонд Аляски, аккумулирующий не менее 25 % соответствующих доходов;
- выплаты осуществляются ежегодно;
- ББД не отменяет существующих социальных гарантий. Эффект от введения такого дохода – снижение неравенства и сокращение оттока населения с территории. Данная модель основана на ресурсной экономике, которая зависит от невозобновляемого источника. Доход от ресурса распределяется среди жителей территории, на которой происходит его добыча. Таким образом, модель позволяет организовать базовый доход в относительно небольшом и обособленном сообществе.

2. Модель, основанная на принципах социальной справедливости и социальной защиты. Она предполагает ограничение круга адресатов выплат только лицами, которых государство считает наиболее нуждающимися в дополнительной помощи. В строгом смысле слова такие выплаты не являются ББД, но позволяют экспериментально смоделировать последствия его введения для социальных групп, чье положение в случае внедрения базового дохода изменится (предположительно, улучшится) наиболее значительно.

Примером может служить практика Финляндии, на территории которой проводился эксперимент по реализации концепции ББД в 2017–2018 гг. в виде выплаты гарантированного дохода в размере 560 евро (Волков, 2020). Круг получателей был ограничен отобранными с помощью жеребьевки двумя тысячами человек в возрасте от 25 до 58 лет, имеющими статус безработных и малоимущих. Базовый доход заменял им пособие по безработице, финансирование осуществлялось за счет бюджета. Показательны результаты эксперимента: вместо стимулирования занятости имело место повышение требований получателей пособия к предлагаемым рабочим местам за счет повышения защищенности этих лиц.

Оригинальная модель предложена в Ирландии под названием «Базовый доход для искусства»³. Она содержит сразу несколько особенностей:

³ Groundbreaking Basic Income for the Arts pilot scheme grants awarded. (2022, September 8). Imro. <https://imro.ie/featured-article/groundbreaking-basic-income-for-the-arts-pilot-scheme-grants-awarded/>

- получатели определяются по признаку принадлежности к творческим профессиям, предполагающим проектную организацию деятельности и, как следствие, непостоянный заработок;
- заявительный порядок получения выплат;
- получение выплат влияет на доступ к иным мерам социальной поддержки;
- выплаты учитываются для целей подоходного налога, а их назначение предполагает необходимость получения статуса самозанятого.

Подобная модель не отвечает признакам универсальности и безусловности, но, несмотря на специфическую сферу применения, может служить исходной точкой моделирования базового дохода для лиц с неустойчивой занятостью. Очевидно, что развитие данного института если будет осуществляться, то на стыке права социального обеспечения и трудового права.

3. Модель гарантированного минимального дохода. Она отличается способом обеспечения минимального дохода, необходимого для поддержания жизнедеятельности. В отличие от классического ББД она предполагает не выплату этой суммы в полном объеме, а доплаты, позволяющие каждому члену общества иметь доход не ниже определенной черты бедности. То есть получателями могут быть как все члены общества, так и определенные категории, признаваемые нуждающимися. Например, в рамках программы *Dibao* в КНР субъектами-получателями становятся бедные домохозяйства (Антипов и др., 2022). Как правило, эти выплаты являются одним из видов мер социальной защиты, не отменяя иные меры. Источник финансирования – средства бюджета. Например, программа гарантированного дохода в Макао (Китай) финансируется в том числе за счет налогов от игорного бизнеса (Kwong, 2013). Модель минимального гарантированного дохода в существующем виде в большей степени схожа с существующей системой социальных пособий.

4. Еще одна потенциальная разновидность базового дохода появилась в результате пандемии COVID-19, речь идет о доходе, который можно назвать «экстренным» (Квашнин, 2020). Строго говоря, эта модель не является ББД, поскольку имеет временный характер. Выплаты осуществлялись в период тяжелой экономической ситуации, вызванной пандемией, в результате которой имела место объективная невозможность работников осуществлять свои трудовые функции и, как следствие, самостоятельно себя обеспечивать. Такой характер выплат позволяет достичь универсальности как критерия ББД, конкретные же способы реализации на практике могут быть различными: через предоставление всем получателям равных сумм (Япония), выплату разных сумм в зависимости от размера домохозяйств (Республика Корея); в зависимости от материального положения получателя (Сингапур) и т. д. (Волков, 2020).

Некоторые исследователи в качестве модели ББД рассматривают и «отрицательный подоходный налог», когда домохозяйства, размер дохода которых ниже определенного уровня, не только освобождаются от уплаты подоходного налога, но и получают субсидию, которая позволяет достичь среднедушевого прожиточного минимума. Источником финансирования реализованных систем отрицательного подоходного налога в США являются средства федерального бюджета (Квашнин, 2021). Правда, отрицательный подоходный налог не предполагает безусловности и универсальности.

Кроме моделей, уже реализованных на практике, можно отметить разработку еще нескольких моделей, которые пока не получили практической реализации. В частности, речь идет о ББД как о средстве смягчения технологической безработицы и как об обобществленной заработной плате. Обе модели нацелены на решение проблем ближайшего будущего, но акцентируют внимание на разных гранях этого будущего в сфере труда.

Начнем со второй – модели ББД как обобществленной заработной платы. Как указывают Ж.-М. Монье и К. Верчеллоне (Monnier & Vercellone, 2017), в условиях «когнитивного капитализма» концепция труда и концепция занятости перестают быть тождественными, возникают новые формы труда, которые могут быть отнесены к коллективным и фактически не оплачиваемым (в первую очередь в сфере создания интеллектуальной собственности на интернет-площадках), поскольку они не вписываются в существующую модель производства. В этой ситуации ББД может использоваться в качестве «обобществленной заработной платы», распределяемой каждому члену общества как вознаграждение за добровольное и самостоятельное участие в подобном труде. Универсальный характер дохода в данном случае обеспечивал бы стабильность экономики свободного коллективного труда и саму возможность граждан свободно в ней участвовать, ориентируясь на достижение своей индивидуальной цели.

Идея ББД, имеющая социальную направленность, в настоящее время становится все более актуальной в связи с вступлением общества в цифровую эпоху с растущей угрозой технологической безработицы, ли-

шающей многих людей привычных средств к существованию (Gruber-Risak, 2021). «Новое общество рассматривается уже не как трудовое, а как постиндустриальное. Труд вытесняется из всех сфер экономики: из сельского хозяйства, промышленности и сферы обслуживания. Занятость стала проблемой для современных обществ» (Кодис, 2019). И здесь ББД может выступать средством смягчения технологической безработицы, создавая систему социальных гарантий работнику в новых условиях труда. Формирующаяся платформенная экономика не предоставляет исполнителям работы ни постоянных рабочих мест, ни социальных гарантий, свойственных традиционной модели занятости (Садовая, 2020). Владельцы платформ обычно не осуществляют социальное страхование работника. В этом случае базовый доход призван обеспечить страховку работника от социальных рисков и, с другой стороны, позволить ему выбирать из предложенных условий труда наиболее приемлемые. Кроме того, характер ББД позволяет обеспечить нормальное существование человека на период приспособления к изменившемуся характеру трудовых отношений: переподготовки, организации предпринимательской деятельности и т. д. Если принять во внимание указанные характеристики, данная концепция близка к упоминавшемуся ранее ирландскому эксперименту.

4. Безусловный базовый доход и проблема занятости

Хотя идея ББД изначально признавалась продуктом «левого либертарианства», сторонники которого считают, что каждый имеет право на равную долю природных ресурсов, эти ресурсы не могут находиться в чьей-то частной собственности (Gaus & Kukathas, 2004), тем самым нередко в контексте ББД упоминается о его полной реализации на практике как о «левой утопии», тем не менее, когда цифровая трансформация экономики все больше меняет сферу труда, это позволяет по-новому взглянуть на идею. К примеру, в отчете Института исследований государственной политики (*Institute for Public Policy Research*) Великобритании, опубликованном в марте 2024 г., озвучено, что почти 8 млн рабочих мест (т. е. более $\frac{1}{4}$, так как, согласно статистическим данным, количество работников в Великобритании по состоянию на начало 2024 г. составляло 31,7 млн человек)⁴ в стране могут быть потеряны из-за искусственного интеллекта в результате «апокалипсиса рабочих мест» только за время следующей волны внедрения искусственного интеллекта в производство и сферу услуг. Наибольшему риску от автоматизации подвергнутся женщины, молодые работники и люди с низкой заработной платой (Jung & Desikan, 2024). Понятно, что появятся и новые рабочие места, но в целом тенденция такова, что все больше людей будет вытесняться в зону прекарной занятости (Бобков и др., 2023) с риском попадания в хроническое безработное состояние. И здесь уже идея ББД обретает черты патернализма, когда государство должно «отвечать за решение проблем граждан, прежде всего социальных» (Чубарова, 2017). За примером далеко ходить не надо: Конституция Российской Федерации провозглашает Россию социальным государством, «политика которого направлена на перераспределение материальных благ в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся» (Новиков, 2019).

Представляется логичным увязать нормативное регулирование ББД с правовым регулированием занятости и защиты от безработицы. И тогда нормативный правовой акт, предназначенный для регулирования базового дохода, должен соответствовать принципам правового регулирования занятости. Принципиальная основа регулирования занятости содержится в Конвенции МОТ № 122 от 9 июля 1964 г. «О политике в области занятости»⁵. Статья 1 данного акта определяет основную цель политики – обеспечение ситуации, при которой имела бы работа для всех, кто готов приступить к работе и ищет ее, такая работа должна быть как можно более продуктивной. Кроме того, должны присутствовать свобода выбора занятости и самые широкие возможности для каждого трудящегося получить подготовку и использовать свои навыки и способности для выполнения работы, к которой он пригоден, независимо от расы, цвета кожи, пола, религии, политических взглядов, социального или иностранного происхождения.

Одной из целей, преследуемых концепцией ББД, является обеспечение свободы труда за счет того, что получатели ББД имеют гарантированный минимум для жизнеобеспечения и, соответственно, обретают возмож-

⁴ Labor market in the United Kingdom – Statistics & Facts. <https://www.statista.com/topics/7284/employment-in-the-uk/>

⁵ О политике в области занятости: Конвенция МОТ от 09.07.1964 № 122. (1967). Ведомости Верховного Совета СССР, 45, ст. 608.

ность реализовать себя даже в тех сферах деятельности, которые традиционно не являются оплачиваемыми. Это способно привести к сокращению вынужденной занятости, в том числе на так называемых некачественных рабочих местах, условия труда на которых не в полной мере соответствуют принципам и нормам трудового права. Кроме того, ББД может содействовать сокращению количества времени, проводимого работником на рабочем месте, а это будет способствовать оптимизации трудового процесса, снижению нагрузки на человеческий организм, вследствие чего можно ожидать повышения продуктивности труда. Таким образом, задачи правового регулирования занятости и задачи ББД как концепции сближаются, хоть и не совпадают.

Каким образом введение ББД отразится на предложении труда и, соответственно, на состоянии занятости в ее современном понимании? Исследователями отмечается, что, поскольку в большинстве развитых стран уже имеется сложившаяся система социального обеспечения, включающая социальную помощь, социальное страхование и социальные услуги, эффект от введения ББД будет зависеть от размеров предложенного дохода. В случае если базовый доход покроет минимум, необходимый для жизнеобеспечения, однако будет ниже уровня потребления, он сможет оказать положительное влияние на социальное положение безработного, позволяя более рационально осуществлять выбор занятости, при этом не отказываясь от нее, чтобы сохранить свое экономическое положение. Прогнозируется и корректировка структуры занятости за счет уменьшения занятости, которая не соответствует внутренней мотивации человека.

Результаты психологических исследований косвенно подтверждают предположение, что базовый доход будет оказывать незначительное влияние на трудовую деятельность получателей (Huws et al., 2023). Установлено, что, помимо внешней мотивации, в состав которой входит и вознаграждение материального характера, значительную роль в мотивации к занятости играют внутренние мотивы, в числе которых можно отметить стремление к приобретению знаний и навыков, потребность в самореализации и общественную значимость работы (Прохорова, Прохоров, 2016). Эти мотивы не ликвидируются в связи с введением ББД, это позволяет предполагать, что занятость в связи с введением ББД изменится незначительно в ее количественной характеристике, однако может приобрести менее стабильный характер в связи с потенциальной возможностью поиска сферы деятельности, в наибольшей степени соответствующей текущим потребностям человека. Вместе с тем в качестве аргументов против введения ББД высказываются опасения, что безусловная и достаточно большая выплата будет способствовать маргинализации рынка труда и ослаблению стимулов к труду.

Делая выводы, надо учитывать и уже имеющиеся результаты внедрения экспериментальных моделей, рассмотренных ранее. К примеру, проект, реализованный на Аляске, не оказал существенного влияния на занятость⁶. Однако выплаты из Постоянного фонда Аляски не соответствуют минимуму, обеспечивающему полное удовлетворение базовых потребностей. Результаты финского эксперимента, в свою очередь, позволили предположить, что с помощью введения ББД может быть создан такой уровень обеспеченности, при котором граждане, являющиеся безработными, сохраняют намерение трудоустроиться, однако одновременно стремятся не к любой работе, а только к такой, которая соответствует их высоким требованиям (Волков, 2020). В то же время при реализации переходных моделей ББД в ряде развивающихся стран за счет средств различных неправительственных организаций выявилась тенденция к смягчению гендерного неравенства, в том числе из-за повышения доли женщин в оплачиваемой занятости (Квашнин, 2021).

Тем самым практика позволяет утверждать, что, если введение ББД и не окажет существенного влияния на общий уровень занятости, оно будет способствовать изменению ее качества. Исходя уже из данной предпосылки, необходимо оценить совместимость современного регулирования занятости и защиты от безработицы с концепцией ББД. Согласно Федеральному закону от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»⁷ (далее – Закон о занятости), под занятостью понимается трудовая и иная не противоречащая законодательству деятельность граждан, осуществляемая ими в целях производства товаров, выполнения работ или оказания услуг и направленная на получение дохода. Кстати, из понятия занятости в данном законе (по сравнению с предыдущим Законом РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1

⁶ Countries that Have Tried Universal Basic Income. (2022, July 26). Basic Income. <https://basicincome.org/news/2022/07/countries-that-have-tried-universal-basic-income/>

⁷ О занятости населения в Российской Федерации. № 565-ФЗ от 12.12.2023. (2023). Собрание законодательства РФ, 51, ст. 9138.

«О занятости населения в Российской Федерации»⁸) исключены положения о мотивах занятости, а также указание на возможность признания занятостью безвозмездной деятельности. Как отмечалось ранее, среди целей введения ББД – удовлетворение потребности в обеспечении социальной защищенности при реализации новых форм взаимодействия людей, таким образом, ограничение упоминаемых форм занятости не соответствует назначению ББД.

Что касается защиты от безработицы, то к государственным гарантиям этой защиты относится система мероприятий по финансовой поддержке безработных. В частности, гл. 8 Закона о занятости предусматривает три вида социальных выплат: пособие по безработице, пенсию, назначаемую безработному гражданину на период до наступления возраста, дающего право на страховую пенсию по старости, в том числе назначаемую досрочно, и ежемесячную доплату детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей. В данном случае введение ББД может само по себе, независимо от иных мер социальной поддержки, обеспечить поддержание благосостояния граждан на период безработицы. Поэтому, если введение ББД не приведет к отмене денежных выплат социального назначения в целом, оно должно повлечь отказ от поддерживающих социальных выплат, предусмотренных в связи со статусом безработного. Внедрение ББД на практике не исключает сохранения статуса безработного, вместе с тем это ставит дополнительную задачу стимулирования менее самостоятельной для гражданина, но более социально защищенной занятости на условиях трудового договора, регулируемой нормами трудового права.

Как видим, результаты исследований, проводимых разными учеными, отличаются. Мысль же, объединяющая многие современные работы в этой области, связана с необходимостью замены на ББД государственных социальных программ, так как рыночная модель хозяйствования уже не может позволить их реализацию из-за учащающихся глобальных финансовых кризисов. Кроме того, современная система социальной защиты плохо приспособлена к неустойчивой занятости, и поступательный рост доли нетипичных форм занятости в глобальном масштабе усугубит проблему на будущее. «ББД должен стать универсальным инструментом содержания на минимально достаточном уровне значительной части населения, утратившей возможность заработка вследствие повсеместной автоматизации и информатизации производства» (Новиков, 2022).

5. Влияние безусловного базового дохода на правовой статус работника и работодателя

Продолжением вектора предыдущего утверждения о необходимости замены государственных социальных программ на ББД будет следующее: «Цифровизация и прекаризация выгодны как работодателю, позволяя существенно экономить расходы на долгосрочное инвестирование в человеческий капитал, так и тем категориям работников, которые находят возможность компенсировать расходы и сохранять (и даже повышать) ренту на свой человеческий капитал» (Покровская, 2021). Как видим, помимо увязывания ББД с проблемой занятости в целом, его стоит рассматривать и в контексте трудового права, ведь периодические выплаты, даже не обусловленные отношением к трудовой деятельности, способны оказать влияние на правовое положение субъектов трудового права.

Поскольку в основе права вообще и его отдельных отраслей лежат принципы права, начать анализ возможного взаимодействия гипотетической конструкции ББД с реально существующей моделью правового регулирования труда представляется правильным именно с отраслевых принципов трудового права.

В число принципов трудового права, согласно ст. 2 Трудового кодекса РФ, входят примерно два десятка принципов. Внедрение ББД может оказать непосредственное влияние на их содержание. Соответственно, изменения должны коснуться и элементов правового статуса работников и работодателей, базирующихся на этих принципах. К примеру, принцип свободы труда в современном понимании представляет собой право свободно выбирать труд и соглашаться на труд, а также право распоряжаться своими способностями к труду, выбирая профессию и род деятельности. С одной стороны, предоставление гражданам безусловных выплат позволит расширить реальную свободу распоряжения своим трудом, снижая зависимость от работодателя и государства, а также от неблагоприятных внешних факторов. Наличие дохода, позволяющего поддерживать необходимый минимум существования, сможет препятствовать включению работника в сферу теневой за-

⁸ О занятости населения в Российской Федерации. № 1032-1 от 19.04.1991. (1991). Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ, 18, ст. 566.

нятости, не затронутую ни социальными гарантиями, ни налогообложением. С другой стороны, эти выплаты могут привести к реализации принципа свободы труда через массовый отказ от оплачиваемого труда. Хотя обобщенные данные о результатах пилотных проектов ББД не свидетельствуют о наличии такой тенденции (Квашнин, 2021), возникает потребность в создании механизмов сохранения занятости в рамках трудового права на уровне, достаточном для поддержания действующей экономики. Следует отметить, проведенные эксперименты с ББД сигнализируют, что требования граждан к условиям труда повышаются.

Принцип обеспечения права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей достойную жизнь работника и его семьи, не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда. В настоящее время минимальный размер оплаты труда в качестве одного из признаков трудовых правоотношений рассматривает то обстоятельство, что периодически выплачиваемое работнику вознаграждение является единственным или основным источником его доходов⁹, поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед социальным государством, является гарантирование возможности жизнеобеспечения работника за счет заработной платы. В свою очередь, рассматриваемый принцип призван ограничить работодателя в стремлении извлекать выгоду из предпринимательской деятельности за счет поставления работника в невыгодные для него условия. Концепция ББД не предполагает отказ от возмездности труда по трудовому договору, однако целью введения базового дохода является обеспечение дохода, достаточного для поддержания определенного уровня жизнедеятельности.

Базовый уровень жизни должен обеспечиваться в том числе за счет перераспределения прибыли субъектов предпринимательской и иной приносящей доход деятельности. Размер дохода от трудовой деятельности в виде заработной платы устанавливается на основании трудового договора, заключение которого, в соответствии с принципом свободы труда, добровольно для каждой из сторон. Одновременно расходы по выплате заработной платы являются издержками, влияющими на величину прибыли субъекта предпринимательской деятельности, обеспечивающей рентабельность его деятельности и, как следствие, сохранение рабочих мест. Чрезмерное налогообложение способствует переходу бизнеса в сферу теневой экономики. Поэтому при определении исходных положений института заработной платы в условиях действия ББД необходимо соблюсти как интересы работников, так и работодателей, не сбрасывая со счетов интересы государства.

В регулировании правового статуса работника особое значение должны приобрести принципы социального партнерства и сочетания государственного и договорного регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. Базовый доход в любом случае потребует дополнительных источников финансирования, в том числе за счет повышения налогообложения предпринимателей, большинство из которых являются работодателями. Предполагается изменение значения заработной платы в жизни работника, поэтому в вопросах регулирования труда возможно расширение диспозитивности и дифференциации за счет расширения полномочий работников, работодателей и их объединений в договорном регулировании трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. Более того, к дискуссии о введении ББД необходимо подключение субъектов правоотношений в сфере социального партнерства, нужно обеспечить их участие в разработке проектов экспериментальных моделей базового дохода, в первую очередь моделей гарантированного минимального дохода и базового дохода для лиц с нестандартной занятостью. В последнем случае невозможно обойти вопрос о том, могут ли быть включены в состав субъектов трудового права агрегаторы цифровых платформ.

Принцип защиты от безработицы в современном его понимании опирается на такие положения, как ограничение права на расторжение трудового договора по инициативе работодателя, гарантированность пособия по безработице и организация государством службы занятости населения. Вместе с тем, поскольку ББД предполагается как сумма, способная удовлетворить основные потребности, необходимые для поддержания жизнедеятельности с учетом заинтересованности государства и работодателей в работах и трудоустройстве, на перспективу целесообразно было бы исключить из перечня гарантий пособие по безработице. В условиях постоянного обеспечения прожиточного минимума в сочетании с сокращением дохода в результате увольнения пособие по безработице перестанет выполнять изначально заложенную в нем функцию социальной

⁹ О трудовом правоотношении: Рекомендация МОТ от 15.06.2006 № 198. (2006). Кодекс: справочно-правовая система. <https://docs.cntd.ru/document/499076405?section=text>

поддержки граждан в преодолении трудной жизненной ситуации, вызванной отсутствием работы. Однако с учетом того, что ББД в сложившихся экономических условиях может восприниматься как крайняя мера защиты граждан от технологической безработицы, остальные составляющие рассматриваемого принципа потребуются сохранить, так как работники должны иметь правовые гарантии от необоснованного увольнения и возможность поддержки в переквалификации.

Другой принцип регулирования трудовых отношений, направленный на социальную поддержку работников в трудных жизненных ситуациях, – обеспечение права на обязательное социальное страхование. Реализация данного принципа предполагает формирование системы создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию или минимизацию последствий изменения материального и социального положения работающих граждан, а в случаях, предусмотренных законодательством, и иных категорий граждан вследствие достижения ими пенсионного возраста, наступления инвалидности и т. д.¹⁰ ББД в некоторых трактовках предполагает замену собой всех иных механизмов социальной защиты, имеющих денежный характер (Квашнин, 2019). Вместе с тем в литературе отмечается необходимость сохранения института социального страхования работников как значимого достижения трудового права (Huws et al., 2023).

Конструкция ББД не может не затронуть центральный институт трудового права, а именно институт трудового договора. Для современного российского, и не только российского, трудового права характерным является преимущество заключения трудового договора на неопределенный срок, так называемого бессрочного трудового договора (Садовая, 2020). Однако предполагается, что введение ББД позволит работнику самостоятельно определять тот период времени, в течение которого он готов реализовывать свою трудовую функцию. В соответствии с этим, по уровню выгодности для работника срочный трудовой договор, в том числе содержащий условия о неполном рабочем дне, а также нетипичные формы занятости, не основанные на трудовом договоре, с точки зрения соотношения социальных гарантий и трудозатрат приблизятся к полной занятости по трудовому договору. Кроме того, реализация на практике ББД в полном объеме повлечет за собой распространение форм занятости, носящих характер правоотношений, переходных между гражданско-правовыми и собственно трудовыми, т. е. регулируемые и сегодня нормами трудового права. В связи с этим возникнет необходимость создания рамочных моделей правового регулирования таких переходных правоотношений.

В исследованиях, посвященных обработке результатов практического внедрения ББД, также уделяется внимание его воздействию на продолжительность рабочего времени лиц-получателей. Результаты, кстати, не являются однозначными, в частности, в США программы, рассматриваемые в качестве прототипов ББД, привели к сокращению средней продолжительности рабочего времени, в то время как в Иране эти результаты носили противоположный характер (Квашнин, 2021). Вместе с тем, как уже было отмечено выше, ББД делает доступной работу на условиях неполного рабочего времени, в том числе предоставляя большую свободу для работы по совместительству или для совмещения трудовой деятельности с иными формами занятости. Таким образом, если будет принято решение о проведении эксперимента с внедрением ББД, включающего граждан, работающих по трудовому договору, потребуются обратить особое внимание на изменение реальной продолжительности рабочего времени. Полученные результаты позволят оценить эффективность работы в условиях текущего ограничения рабочего времени и на основании такой оценки скорректировать правовое регулирование нормальной продолжительности рабочего времени, предусмотренное действующим трудовым законодательством.

6. Препятствия в реализации идеи безусловного базового дохода

Основным препятствием для конструктивных политических дебатов по более широкому внедрению ББД является следующее: теоретическая концептуализация базового дохода не совсем соответствует тому, как программы, пилотные проекты и эксперименты ББД реализовываются на практике. Разрыв между теоретическими постулатами и фактическими попытками реализации ББД, пусть и в усеченном варианте, но с достаточно большим разбросом (разнородностью), затрудняет согласование принципов разработки полномасштабных

¹⁰ Об основах обязательного социального страхования. № 165-ФЗ от 16.07.1999. (1999). Собрание законодательства РФ, 29, ст. 3686.

программ (Yang et al., 2021). При этом роли различных заинтересованных сторон – исследователей, политиков, сообществ, средств массовой информации – порождают конкурирующие ожидания, которые могут привести к неправильному восприятию результатов исследований (Rizvi et al., 2022).

Тем не менее к безусловным плюсам идеи ББД, благодаря которым к числу ее сторонников подключается все более широкий круг исследователей, среди которых экономисты, социологи и правоведы, относятся:

- снижение остроты проблемы занятости, особенно с учетом усиливающейся угрозы технологической безработицы, способной выбить почву из-под ног у значительной части общества;
- уменьшение уровня неравенства;
- сокращение затрат на администрирование социальных программ;
- наиболее полная реализация принципа свободы труда.

Исследования демонстрируют положительное влияние экспериментов с ББД на здоровье людей и субъективное благополучие¹¹.

В то же время ответ на вопрос об источниках средств, обеспечивающих выплату ББД, вызывает трудности. Если это будут средства от налогообложения, то необходимым станет существенное повышение налогов. Проще говоря: кто заплатит за это? Если речь идет о средствах государственного бюджета, то надо понимать, что сделано это будет за счет изменения действующей системы налогообложения. Согласно исследованиям, подобное изменение приведет к тому, что «домохозяйства, находящиеся в нижней половине распределения доходов, в среднем выиграют – за счет верхней половины» (Englmann et al., 2023). Такая «уравниловка» не будет стимулировать активность получателей ББД, наоборот, в невыгодном положении, например, окажутся высококвалифицированные работники, которым не только пришлось потратить время, силы и здоровье на приобретение своих навыков и на последующую работу с их применением, но и отчислять средства на содержание тех, кто не только не способен, но даже просто не захотел тратить свои жизненные ресурсы. Благодаря ББД выгоднее будет прекратить работу, ведь «если люди не работают, налогооблагаемый доход уменьшается» (Lowrey, 2021).

Решение первой из названных выше проблем (дополнительное налогообложение) в перспективе предлагается переложить на работодателей – снижая налоги на работников и увеличивая налоги на капитал, в том числе через введение налога на использование систем искусственного интеллекта вместо работников (Abbott, 2020).

Не менее важно решение второй проблемы: людям, оставшимся без работы, но при этом имеющим базовый доход, будет угрожать слишком комфортная домашняя среда, не стимулирующая поиск новой работы и ведущая к деградации (Крушанов, 2022). Поэтому, хотя ББД «может решить проблему растущей экономической незащищенности и нестабильности, а также новых проблем, вызванных глобальными цепочками поставок и автоматизацией» (Alston, 2019), проблемы, требующие урегулирования, лежат не только в экономической плоскости. Менее радикальная и потенциально более достижимая частичная выплата по ББД может дать определенный положительный результат, но не позволит достичь некоторых упоминавшихся ранее целей ББД. При этом, что касается отдельных целей, уже сегодня «существуют более целенаправленные способы достижения аналогичных результатов»¹², пусть и с меньшим эффектом. Впрочем, как отмечают некоторые авторы, хотя одним из часто используемых аргументов против ББД является то, что базовый доход может способствовать безделью и создавать препятствия для работы, а это может подорвать здоровье населения в долгосрочной перспективе, обзор североамериканских экспериментов по ББД 1970-х гг. показал, что очень немногие участники схем ББД «фактически ушли с рынка труда после того, как получили право на базовый доход, и что общие трудовые усилия не уменьшились существенно: рабочее время сократилось на 13 % в среднем на семью» (Forget, 2011). Людями, которые решили снизить свою рабочую нагрузку, были в основном женщины с детьми и подростки мужского пола, которые в свое время бросили учебные заведения по финансовым причинам, а теперь смогли вернуться, чтобы со временем расширить свои возможности

¹¹ Somers, M. A., Muffels, R., & Künn-Nelen, A. (2021). Micro- and macro economic effects of unconditional basic income and participation income: A systematic review. Tilburg University. https://pure.uvt.nl/ws/files/61783924/Tranzo_Muffels_micro_and_macro_economic_effects_Technequality_2021.pdf

¹² Is Universal Basic Income a good idea? (2021, May 27). JRF. <https://www.jrf.org.uk/social-security/is-universal-basic-income-a-good-idea>

трудоустройства и внести вклад в накопление человеческого капитала (Ruckert et al., 2018). Это позволяет высказывать уверенность в том, что «необходимость радикальных и новаторских реформ государства всеобщего благосостояния означает, что базовый доход останется актуальным решением некоторых текущих и будущих проблем на рынке труда» (Shanahan et al., 2019).

Заключение

Проверка эффективности ББД на практике весьма затруднена именно в силу отсутствия возможности осуществления «истинной универсальности» (Bidadanure et al., 2018). Однако у идеи ББД появляются все новые сторонники среди исследователей и политиков, как минимум благодаря тому, что воплощение этой идеи в жизнь будет способствовать уменьшению неравенства и снижению проблемы занятости в обществе будущего. ББД может стать одним из элементов новой модели социального обеспечения, основанной на неустойчивом характере трудовых отношений. В случае становления этот институт будет носить характер межотраслевого в рамках трудового права и права социального обеспечения, демонстрируя отход от принципа адресности и индивидуального характера поддержки, предоставляя социальную защиту одновременно всем членам общества, большинство из которых, предположительно, в ближайшем будущем будет находиться в зоне повышенного риска поглощения технологической безработицей. И здесь актуальным становится высказывание, приписываемое У. Черчиллю, о том, что «демократия – это худшая форма правления, если не считать всех остальных». Так же и в отношении ББД можно заключить, что это весьма неоднозначный инструмент, да еще и «ненастроенный», но так как к нему возвращаются регулярно, то, видимо, его не хватает и другие инструменты не решают поставленных задач. Поэтому все будет упираться в качество «настройки» инструмента, чем и ценны экспериментальные модели, позволяющие произвести первичную корректировку. В дальнейшем, судя по всему, экспериментальная база расширится, а внешние факторы – бурная интеллектуальная автоматизация сферы труда и вытеснение человека из привычных условий труда – будут стимулировать продолжение решения этого вопроса. Последнее позволяет сделать вывод о движении в сторону усиления веса дискуссий о ББД как о высоковероятном компоненте общества будущего, а это, в свою очередь, требует пристального внимания со стороны правоведов, которым придется формулировать правила использования ББД для представления их на рассмотрение законодателю.

Список литературы

- Алексашина, М. Г. (2017). Томас Спенс и его памфлет «Права человека». *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 1, 48–58. EDN: ZDDCAB
- Антипов, В. И., Бобков, В. Н., Золотов, А. В., Золотов, С. А., Колмаков, И. Б., Одегов, Ю. Г., Одинцова, Е. В., Павлова, В. В., Теленная, Л. С., Черных, Е. А. (2022). *Универсальный базовый доход: шанс для России?*: монография. Ижевск: Шелест.
- Бобков, В. Н., Одинцова, Е. В., Попов, А. В., Шичкин, И. А. (2023). *Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни поколенных групп экономически активного населения*: научная монография. Ижевск: Шелест.
- Волков, А. М. (2020). Теория и практика базового дохода в ряде северных стран. *Мировая экономика и международные отношения*, 64(9), 48–52. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-48-52>
- де Кондорсе, М. (2024). *Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума* (пер. И. А. Шапиро). Москва: Юрайт.
- Квашнин, Ю. Д. (2019). Базовый доход для европейских стран: от теории к практике. *Современная Европа*, 3, 171–181. <https://doi.org/10.15211/soveurope32019171181>
- Квашнин, Ю. Д. (2020). Базовый доход как ответ на новые экономические вызовы. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 3, 13–23. [10.20542/afij-2020-3-13-23](https://doi.org/10.20542/afij-2020-3-13-23)
- Квашнин, Ю. Д. (2021). Зарубежные эксперименты с безусловным базовым доходом: подходы, результаты, интерпретации, уроки для России. *Уровень жизни населения регионов России*, 17(3), 314–326. <https://doi.org/10.19181/lspr.2021.17.3.2>
- Кодис, О. С. (2019). Конец «трудового общества»: новый вызов современности. *Труд и социальные отношения*, 6, 38–50.
- Крушанов, А. А. (2022). Искусственный интеллект – освобождение человека от трудностей или его вытеснение? *Вопросы философии*, 11, 87–98. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-87-98>
- Лапаева, В. В. (2021). Идея безусловного базового дохода и концепция цивилизма: различия в философско-правовых основаниях. *Государство и право*, 6, 99–113. <https://doi.org/10.31857/S102694520015042-7>

- Лушников, А. М. (2022). Трудовое право как средство минимизации «провалов рынка» в информационном обществе: история и современность. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 4, 123–130. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_4_123
- Монтескье, Ш. Л. (2018). *О духе законов* (пер. Д. Хаустовой). Москва: Рипол-Классик.
- Мор, Т. (2024). *Утопия* (пер. А. И. Малеина). Москва: Юрайт.
- Новиков, А. И. (2019). Архитектоника социального государства как инструмент социальной политики. В сб. *Российская государственность в социальном измерении: теории, идеологии, практики: материалы VII научно-практической конференции по исследованию российской государственности 11 октября 2019 года* (с. 170–179). Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС.
- Новиков, Д. А. (2022). Концепция безусловного базового дохода в исследовательском дискурсе: выводы для трудового и социального права. *Журнал Министерства народного просвещения*, 9(2), 95–106. <https://doi.org/10.13187/zhmnp.2022.9.95>
- Покровская, Н. Н. (2021). Цифровизация и смешение предпринимательских и инвестиционных функций в трудовом поведении. В сб. *Трансформация труда в (де)глобализирующемся обществе* (с. 309–325). Санкт-Петербург: Скифия-принт.
- Прохорова, М. В., Прохоров, В. М. (2016). Особенности внутренней и внешней мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*, 22, 53–57.
- Садовая, Е. С. (2020). Концепция и реализация идеи безусловного базового дохода в контексте трансформации социально-трудовой сферы. *Социально-трудовые исследования*, 38(1), 59–72. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-38-1-59-72>
- Фурье, Ш. (1971). Новый хозяйственный и социетарный мир или открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти. *Антология мировой философии в 4 томах. Т. 3: Буржуазная философия конца XVIII в. – первых двух третей XIX в.* (с. 522–523). Москва: Мысль.
- Чубарова, Т. В. (2017). Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода. *Общественные науки и современность*, 6, 43–54.
- Abbott, R. (2020). *The Reasonable Robot. Artificial Intelligence and the Law*. Cambridge University Press.
- Alston, Ph. (2019). Universal Basic Income as a Social Rights – Based Antidote to Growing Economic Insecurity. In Katharine G. Young (Ed.), *The Future of Economic and Social Rights* (pp. 377–404). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108284653.015>
- Anderson, E. (2016). Thomas Paine’s “Agrarian Justice” and the Origins of Social Insurance. In E. Schliesser (Ed.), *Ten Neglected Classics of Philosophy* (pp. 55–83). Oxford.
- Bidadanure, J., Kline, S., Moore, C., Rainwater, B., & Thomas, C. (2018). *Basic Income in Cities: A Guide to Experiments and Pilot Projects*. Stanford: National League of Cities and Stanford Basic Income Lab.
- Charlier, J. (2004). Solution of the Social Problem or Humanitarian Constitution, Based upon Natural Law, and Preceded by the Exposition of Reasons. In J. Cunliffe, & G. Erreygers (Eds.), *The Origins of Universal Grants: An Anthology of Historical Writing on Basic Capital and Basic Income* (pp. 103–120). London: Palgrave.
- Englmann, F. C., Jessen, R., Bätz, B., Becker, S., Calisse, F., Isaak, N., Jäger, Ph., Meier, A.-S., Moch, T., & Ogbamichael, Y. (2023). *Ersatz von (ausgewählten) Sozialleistungen und -abgaben in Deutschland durch ein bedingungsloses Grundeinkommen und ein reformiertes Einkommensteuersystem*. Stuttgart. <http://dx.doi.org/10.18419/opus-12898>
- Forget, E. L. (2011). The town with no poverty: the health effects of a Canadian guaranteed annual income field experiment. *Canadian Public Policy*, 37(3), 283–305. <https://doi.org/10.3138/cpp.37.3.283>
- Gaus, G. F., & Kukathas, Ch. (2004). *Handbook of Political Theory*. Sage Publications Inc.
- Gruber-Risak, M. (2021). Working in 2030: Heaven or Hell? Why Regulation, Standards, and Workers’ Representation Will Still Matter. In *Managing Work in the Digital Economy. Challenges, Strategies and Practices for the Next Decade* (pp. 99–110). Springer.
- Huws, U., Torry, M., & Yi, G. (2023). Employment Market Effects of Basic Income. In M. Torry (Ed.), *The Palgrave International Handbook of Basic Income* (pp. 63–90). Palgrave Macmillan Cham.
- Jung, C., & Desikan, Bh. S. (2024). *Transformed by AI: How generative artificial intelligence could affect work in the UK – and how to manage it*. London: IPPR.
- Kwong, B. (2013). A Comparative Analysis of the Cash Handout Policy of Hong Kong and Macau. *Journal of Current Chinese Affairs*, 42(3), 87–100.
- Lowrey, A. (2021). *The pros and cons of universal basic income*. Penguin Random House.
- Monnier, J.-M., & Vercellone, C. (2017). Le revenu de base comme revenu primaire. *Guillaume Allègre et Henri Sterdyniak. Faut-il un revenu universel? L’état du débat*. OFCE.
- Pisani, G. (2022). A justification of basic income beyond a theory of justice. *Oñati Socio-Legal Series*, 12(4), 737–761.
- Rizvi, A., Welch, V., Gibson, M., Labelle, P. R., Pollard, C., Wells, G. A., & Kristjansson, E. (2022). Protocol: Effects of guaranteed basic income interventions on poverty-related outcomes in high-income countries: A systematic review. *Campbell Systematic Review*, 18(4), 1281. <https://doi.org/10.1002/cl2.1281>
- Ruckert, A., Huynh, Ch., & Labonté, R. (2018). Reducing health inequities: is universal basic income the way forward? *Journal of Public Health*, 40(1), 3–7. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdx006>
- Shanahan, G., Smith, M., & Srinivasan, P. (2019). Is a Basic Income Feasible in Europe? In Lei Delsen (Ed.), *Empirical Research on an Unconditional Basic Income in Europe* (pp. 61–80). Springer Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-30044-9>

- Solanes, R. F. (2018). La aportación de Juan Luis Vives al estudio de la pobreza. Del socorro de los pobres a la aporofobia. *Vivesiana: revista de l'Associació d'Amics de Lluís Vives de la Universitat de València*, 3, 75–88.
- Torry, M. (2021). *Basic Income: A History*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Yang, J., Mohan, G., Pipil, S., & Fukushi, K. (2021). Review on basic income (BI): Its theories and empirical cases. *Journal of Social and Economic Development*, 23, 203–239.

References

- Abbott, R. (2020). *The Reasonable Robot. Artificial Intelligence and the Law*. Cambridge University Press.
- Aleksashina, M. G. (2017). Thomas Spence and his pamphlet "The Rights of Man". *Bulletin of Moscow University. Episode 12. Political Science*, 1, 48–58. (In Russ.).
- Alston, Ph. (2019). Universal Basic Income as a Social Rights – Based Antidote to Growing Economic Insecurity. In Katharine G. Young (Ed.), *The Future of Economic and Social Rights* (pp. 377–404). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108284653.015>
- Anderson, E. (2016). Thomas Paine's "Agrarian Justice" and the Origins of Social Insurance. In E. Schliesser (Ed.), *Ten Neglected Classics of Philosophy* (pp. 55–83). Oxford.
- Antipov, V. I., Bobkov, V. N., Zolotov, A. V., Zolotov, S. A., Kolmakov, I. B., Odegov, Yu. G., Odintsova, E. V., Pavlova, V. V., Telenna, L. S. S., & Chernykh, E. A. (2022). Universal basic income: a chance for Russia?: monograph. Izhevsk: Shelest. (In Russ.).
- Bidadanure, J., Kline, S., Moore, C., Rainwater, B., & Thomas, C. (2018). *Basic Income in Cities: A Guide to Experiments and Pilot Projects*. Stanford: National League of Cities and Stanford Basic Income Lab.
- Bobkov, V. N., Odintsova, E. V., Popov, A. V., & Shichkin, I. A. (2023). *Influence of precarisation on the quality of employment and living standards of generation groups of economically active population: scientific monograph*. Izhevsk: Shelest. (In Russ.).
- Charlier, J. (2004). Solution of the Social Problem or Humanitarian Constitution, Based upon Natural Law, and Preceded by the Exposition of Reasons. In J. Cunliffe, & G. Erreygers (Eds.), *The Origins of Universal Grants: An Anthology of Historical Writing on Basic Capital and Basic Income* (pp. 103–120). London: Palgrave.
- Chubarova, T. V. (2017). Paternalism in the modern society: from ration coupons to guaranteed income. *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 43–54. (In Russ.).
- Condorcet M. de (2024). *Sketch of a historical picture of the progress of the human mind* (transl. I. A. Shapiro). Moscow: Yurait. (In Russ.).
- Englmann, F. C., Jessen, R., Bätz, B., Becker, S., Calisse, F., Isaak, N., Jäger, Ph., Meier, A.-S., Moch, T., & Ogbamichael, Y. (2023). *Ersatz von (ausgewählten) Sozialleistungen und -abgaben in Deutschland durch ein bedingungsloses Grundeinkommen und ein reformiertes Einkommensteuersystem*. Stuttgart. <http://dx.doi.org/10.18419/opus-12898>
- Forget, E. L. (2011). The town with no poverty: the health effects of a Canadian guaranteed annual income field experiment. *Canadian Public Policy*, 37(3), 283–305. <https://doi.org/10.3138/cpp.37.3.283>
- Fourier, S. (1971). New economic and societal world, or discovering a way for attractive and natural labor, distributed in series according to passion. *Antology of the world philosophy in 4 vol. Vol. 3: Bourgeois philosophy of the end of 18th – the first two thirds of the 19th c.* (pp. 522–523). Moscow: Mysl. (In Russ.).
- Gaus, G. F., & Kukathas, Ch. (2004). *Handbook of Political Theory*. Sage Publications Inc.
- Gruber-Risak, M. (2021). Working in 2030: Heaven or Hell? Why Regulation, Standards, and Workers' Representation Will Still Matter. In *Managing Work in the Digital Economy. Challenges, Strategies and Practices for the Next Decade* (pp. 99–110). Springer.
- Huws, U., Torry, M., & Yi, G. (2023). Employment Market Effects of Basic Income. In M. Torry (Ed.), *The Palgrave International Handbook of Basic Income* (pp. 63–90). Palgrave Macmillan Cham.
- Jung, C., & Desikan, Bh. S. (2024). *Transformed by AI: How generative artificial intelligence could affect work in the UK – and how to manage it*. London: IPPR.
- Kodis, O. S. (2019). The end of the "Labor society": a new challenge of modern times. *Labor and Social Relations*, 6, 38–50. (In Russ.).
- Krushanov, A. A. (2022). Artificial intelligence – freeing a human from problems or ousting a human? *Questions of philosophy*, 11, 87–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-87-98>
- Kvashnin, Yu. D. (2019). Basic income for European countries: from theory to practice. *Modern Europe*, 3, 171–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.15211/soveurope32019171181>
- Kvashnin, Yu. D. (2020). Basic income as a response to new economic challenges. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 3, 13–23. (In Russ.). [10.20542/afij-2020-3-13-23](https://doi.org/10.20542/afij-2020-3-13-23)
- Kvashnin, Yu. D. (2021). Foreign experiments with unconditional basic income: approaches, results, interpretations, lessons for Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 17(3), 314–326. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.3.2>
- Kwong, B. (2013). A Comparative Analysis of the Cash Handout Policy of Hong Kong and Macau. *Journal of Current Chinese Affairs*, 42(3), 87–100.

- Lapaeva, V. V. (2021). The idea of an unconditional basic income and the concept of civilism: differences in philosophical and legal grounds. *State and Law*, 6, 99–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S102694520015042-7>
- Lowrey, A. (2021). *The pros and cons of universal basic income*. Penguin Random House.
- Lushnikov, A. M. (2022). Labor law as a means of minimizing “market failures” in the information society: history and modernity. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod* 4, 123–130. (In Russ.). https://doi.org/10.52452/19931778_2022_4_123
- Monnier, J.-M., & Vercellone, C. (2017). Le revenu de base comme revenu primaire. *Guillaume Allègre et Henri Sterdyniak. Faut-il un revenu universel? L'état du débat*. OFCE.
- Montesquieu, S. L. (2018). *About the spirit of laws* (transl. D. Khaustova). Moscow: Ripol-Classic. (In Russ.).
- More, Th. (2024). *Utopia* (transl. A. I. Malein). Moscow: Jurait. (In Russ.).
- Novikov, A. I. (2019). Architectonics of a social state as a tool of social policy. In *Russian statehood in social dimension: theories, ideologies, practices: works of the 7th scientific-practical conference on researching the Russian statehood, October 11, 2019* (pp. 170–179). Vladimir: Vladimir branch of RANEP. (In Russ.).
- Novikov, D. A. (2022). The concept of an universal basic income in research discourse: implications for labor and social law. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 9(2), 95–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.13187/zhmnp.2022.9.95>
- Pisani, G. (2022). A justification of basic income beyond a theory of justice. *Oñati Socio-Legal Series*, 12(4), 737–761.
- Pokrovskaya, N. N. (2021). Digitalization and amalgamation of entrepreneurial and investment functions in labor behavior. In *Transformation of labor in the (de)globalizing society* (pp. 309–325). Saint Petersburg: Skifia-print (In Russ.).
- Prokhorova, M. V., & Prokhorov, V. M. (2016). Features of internal and external motivation of labor activity in women and men. *Vestnik of Kostroma State University*, 22, 53–57. (In Russ.).
- Rizvi, A., Welch, V., Gibson, M., Labelle, P. R., Pollard, C., Wells, G. A., & Kristjansson, E. (2022). Protocol: Effects of guaranteed basic income interventions on poverty-related outcomes in high-income countries: A systematic review. *Campbell Systematic Review*, 18(4), 1281. <https://doi.org/10.1002/cl2.1281>
- Ruckert, A., Huynh, Ch., & Labonté, R. (2018). Reducing health inequities: is universal basic income the way forward? *Journal of Public Health*, 40(1), 3–7. <https://doi.org/10.1093/pubmed/idx006>
- Sadovaya, E. S. (2020). Concept and implementation of the idea of universal basic income in the context of changing social labor sphere. *Social and Labor Research*, 38(1), 59–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-38-1-59-72>
- Shanahan, G., Smith, M., & Srinivasan, P. (2019). Is a Basic Income Feasible in Europe? In Lei Delsen (Ed.), *Empirical Research on an Unconditional Basic Income in Europe* (pp. 61–80). Springer Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-30044-9>
- Solanes, R. F. (2018). La aportación de Juan Luis Vives al estudio de la pobreza. Del socorro de los pobres a la aporofobia. *Vivesiana: revista de l'Associació d'Amics de Lluís Vives de la Universitat de València*, 3, 75–88.
- Torry, M. (2021). *Basic Income: A History*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Volkov, A. M. (2020). Basic Income in Some Nordic Countries: Theory and Practice. *World Economy and International Relations*, 64(9), 48–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-48-52>
- Yang, J., Mohan, G., Pipil, S., & Fukushi, K. (2021). Review on basic income (BI): Its theories and empirical cases. *Journal of Social and Economic Development*, 23, 203–239.

Вклад авторов

И. А. Филипова формулировала идею статьи, выдвигала основные тезисы, осуществляла общее редактирование текста статьи.

О. М. Стешина вела подбор исходных материалов, формировала план работы, готовила черновой вариант статьи.

The author's contributions

I. A. Filipova formulated the idea of the article, put forward the main theses, and performed general editing of the article text.

O. M. Steshina selected source materials, formed the work plan, and prepared the draft version of the article.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 02.05.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 20.07.2024

Дата принятия в печать / Accepted 20.07.2024

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ / INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

XIV НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СУБЪЕКТЫ И НАРРАТИВЫ» 2024

SCIENTIFIC CONFERENCE OF THE INTERNATIONAL ASSOCIATION FOR INSTITUTIONAL RESEARCH “NATIONAL INSTITUTIONS FOR MODERN RUSSIA: SUBJECTS AND NARRATIVES” 2024

Цель конференции – провести широкое профессиональное обсуждение научных результатов, полученных в рамках институциональных экономических исследований становления и развития экономических субъектов современной России и соответствующих нарративов, стимулировать развитие Международной ассоциации институциональных исследований (МАИИ).

Формат конференции: онлайн.

Места проведения: Россия, гг. Москва, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Новосибирск, Красноярск.

Время проведения: 30–31 октября 2024 г.

Организаторы и представительство

Международная ассоциация институциональных исследований (МАИИ) Сибирский федеральный университет

Южный федеральный университет

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН

Институт экономики РАН

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова Финансовый университет при Правительстве РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Национальный исследовательский Томский государственный университет Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» Новосибирский государственный технический университет

Journal of Institutional Studies («Журнал институциональных исследований») Журнал Terra Economicus

Журнал «ЭКО»

Journal Universe of Russia. Sociology. Ethnology («Мир России. Социология. Этнология»)

Журнал AlterEconomics

Журнал BRICS Journal of Economics

Журнал Russian Journal of Economics and Law

Тематические секции конференции

- «Теория и методология институциональной экономики».
- «Идеология, институты и социальные ценности в экономической науке».
- «Институциональные изменения в российской экономике».
- «Совершенствование социальной политики: возможности нарративного анализа».
- «Институционально-экономические аспекты природопользования и охраны окружающей среды».

Круглые столы конференции

- «Институциональная экономика в зеркале российских научных журналов»
- «Теоретический нарратив институциональной экономики»

Языки конференции: русский, английский.

Материалы конференции будут опубликованы в электронном сборнике тезисов (расширенных аннотаций) докладов конференции с индексированием в РИНЦ. Авторам лучших докладов по решению Программного комитета конференции будет предложено опубликовать статьи в журналах: Journal of Institutional Studies («Журнал институциональных исследований»), Terra Economicus, Universe of Russia. Sociology. Ethnology («Мир России. Социология. Этнология»), индексируемых в Scopus, Web of Science, RSCI и K1 ВАК Минобрнауки РФ.

На конференции будут подведены **итоги ежегодного Конкурса научных публикаций по институциональной экономике МАИИ за 2023 год**.

Заявки на участие подаются в онлайн-формате. **Для подачи заявки каждому участнику предлагается зарегистрироваться** с указанием необходимой информации.

В случае участия в конференции с докладом к заявке следует прикрепить тезисы (расширенную аннотацию) доклада в форматах Word (doc или docx) объемом от 2000 до 4000 знаков с пробелами. В тексте не должно быть встроенных объектов (таблиц, диаграмм, рисунков, формул, сносок, ссылок и т. п.).

Тезисы (расширенная аннотация) доклада должны отражать краткое описание результатов фундаментальных или прикладных научных исследований и быть представлены на русском или английском языке. Заявки, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

Для регистрации необходимо пройти по ссылке и заполнить форму-анкету: <https://forms.yandex.ru/u/66c08daac417f38150b6b946/>

Заявки на участие в конференции принимаются по 7 октября 2024 года включительно.

Регистрация участников и контакты: Пыжев Игорь Сергеевич, igsepy@mail.ru, +7 905-971-86-02.

Официальный канал Международной ассоциации институциональных исследований (МАИИ) в Telegram: <https://t.me/instresearch>

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Gulnara T. Gafurova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрия», Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Natalya S. Seliverstova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department “Economic theory and econometrics”, Kazan (Volga) Federal University, Kazan

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Pavel A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminology of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Шаббар Джеффри, доктор философии в области экономики, профессор, Портсмутская бизнес-школа, Университет г. Портсмут, г. Портсмут, Великобритания

Jaffry Shabbar, PhD in Economics, Professor, Portsmouth Business School at University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom